Учреждение Российской академии наук
Институт востоковедения РАН

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Ежегодник 2011

Экономика и политика стран Востока

Москва
2011

Ответственные редакторы и составители выпуска:
В.Я. Белокреницкий
А.В. Акимов

ISBN 978-5-89282-497-2

СОДЕРЖАНИЕ

ЭНЕРГЕТИКА, ТРАНСПОРТ, МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

РОССИЯ И ВОСТОК

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

БЕЗОПАСНОСТЬ НА СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

А. В. Акимов, В. Я. Белокреницкий

Проект «Сравнительный анализ моделей модернизации в странах Востока». Год работы

В 2010 г. на Съезде востоковедов России между Институтом востоковедения РАН, факультетом политологии МГИМО(У) МИД России, ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова и Восточным университетом (ныне Институт стран Востока) была достигнута договоренность провести совместное исследование моделей модернизации в странах Востока.[1] На ИВ РАН была возложена часть работы, связанная с экономическими аспектами модернизации. По прошествии года имеются определенные результаты исследований в этой области, которые мы предлагаем вниманию читателей.

В течение года в проекте участвовали сотрудники ИВ РАН, а также преподаватели и студенты ИСАА и Института стран Востока. В проект были привлечены как ранее выполненные работы по этой теме, так и исследования, проведенные после объявления о начале проекта. Модернизация рассматривалась в разных аспектах: как общественное явление, затрагивающее развитие общества в целом, как совокупность экономических реформ и как изменение технологической стороны воспроизводства.

Основные результаты экономического раздела проекта публикуются в этом сборнике, а также представлены на сайте ИВ РАН http://www.ivran.ru/project-modernization-models/253. Электронная форма издания большей части материалов позволила сократить время и издержки на публикацию результатов, а также свести воедино уже сделанные ранее работы и новые результаты. Последнее важно по двум причинам. Во-первых, изучение модернизации востоковедами имеет длительную историю, и привлечение опубликованных ранее исследований необходимо для получения сводных результатов, поскольку многие эти исследования по-прежнему актуальны. Кроме того, проект изначально предполагал участие студентов, магистрантов и аспирантов в его разработке, а для них многие книги и статьи, опубликованные ранее, малодоступны.

В группе опубликованных работ книга Л. Ф. Пахомовой «Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия)» и работы А. И. Яковлева «Модернизация как реформа системы» и «Механизм общественных реформ в странах Востока. Учебное пособие». Кроме того, О. В. Маляров представил основные результаты своего большого исследования по экономике Индии в статье «Модернизация и структурные сдвиги в экономике Индии», написанной специально для проекта. Эти публикации были рекомендованы студентам (принимавшим участие в проекте) в качестве базы для их исследований моделей модернизации в странах Востока.

Работа И. В. Дерюгиной «Модели модернизации аграрного сектора», размещенная на сайте ИВ РАН, представляет прикладное направление проекта, нацеленное на применение зарубежного опыта модернизации в России. В предлагаемом сборнике это направление представлено статьей того же автора «Сельское хозяйство России в условиях догоняющей модернизации».

Другой работой прикладного направления в проекте, размещенной на сайте ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, стала статья В. А. Мельянцева «Арабо-исламский мир в 1980–2000-е: тенденции и противоречия экономического и социального развития». На нее имеется ссылка в проекте по модернизации на сайте ИВ РАН. В статье анализируются истоки «арабской весны» с точки зрения специфики процесса модернизации в этом регионе.

Работы студентов в проекте можно разделить на три группы. В первой рассматриваются общие вопросы модернизации и ее модели в разных странах; вторая представляет комплексное экономическое исследование национальных моделей модернизации; в третьей анализируются отдельные отраслевые аспекты этого процесса.

В первой группе необычной и интересной является статья студентов ИСАА О. Ким, В. Кузнецова, А. Ни, Е. Первышевой, В. Тихонова, К. Шукюрова «Модернизация: содержание понятия». В этой работе анализируется лингвистическое содержание слова «модернизация» на арабском, вьетнамском, китайском, корейском, хинди и японском языках; показано, что смысл понятия «модернизация» в разных восточных языках различается. Те страны, которые сами проводят существенную модернизацию, толкуют этот термин расширительно. Те же, для которых модернизация сводится к импорту технических и потребительских новинок, трактуют его более узко.

Сравнительному анализу моделей экономической модернизации в странах Восточной Азии пос-

[1] См. обращение к участникам проекта директора ИВ РАН, д.и.н., проф. В. В. Наумкина и декана ФП МГИМО (У) МИД России, д.п.н., проф. А. Д. Воскресенского на сайте ИВ РАН http://www.ivran.ru

вящена работа студентки ИСАА О. Ким «Сравнительный анализ модернизации в КНР и “азиатских тиграх”». Показано, что при огромных различиях масштабов, экономики и исторических судеб таких стран, как Сингапур, Южная Корея, Тайвань и КНР, отчетливо прослеживаются общие черты процесса экономической модернизации этих стран: «…всем рассматриваемым странам свойственна модель, состоящая из серии циклов, начинающихся с привлечения инвестиций в приоритетные на данный момент отрасли и заканчивающихся направляемой государством релокацией ресурсов в более наукоёмкие и капиталоёмкие отрасли»[2].

Во второй группе проанализирован китайский и вьетнамский опыт модернизации. В работе Т. И. Галянт «История идей модернизации и создания общества “скромного достатка” в Китае» рассмотрен процесс формирования понятия и стратегии модернизации китайскими элитами на протяжении XX и начала XXI века, а также основные этапы воплощения этих идей в социально-экономической политике КНР. В работе А. Ни «Роль внешнеэкономических связей в модернизации промышленности Вьетнама (1986–2010)» рассматривается вьетнамская модель модернизации — с опорой на промышленное развитие и открытую экономику.

Значительное число работ попадает в третью группу, в которой доминирует китайская тематика. Две работы студентки Института стран Востока О. Рахимьяновой посвящены исследованию развития информационных технологий в КНР. В первой рассматривается динамика отрасли, включая производство оборудования и программное обеспечение, развитие мобильной и оптоволоконной связи и Интернета, во второй анализируется государственная политика КНР по стимулированию развития этого комплекса отраслей. В целом получилось комплексное исследование отрасли, которая быстро развивается и имеет большое значение для Китая и мировой экономики.

Статья студентки Института стран Востока Е. О. Коробовой посвящена исследованию развития потребительского рынка КНР в период реформ, то есть с 1980 по 2010 г. Эта тема мало разработана в отечественной литературе. В работе показаны разительные перемены в структуре потребления китайского общества в городе и деревне за время экономических реформ, а также географические различия потребления.

В проекте принимали участие и иностранные исследователи. Это магистрант ИСАА из КНР Хо Сяоцянь, статья которого посвящена исследованию перестройки банковской системы Китая в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Таким образом, широкое привлечение студентов и магистрантов-востоковедов к работе в проекте оказалось продуктивным. Их вклад особенно весом в тех направлениях, которые требуют переработки большого первичного материала и грамотного и наглядного его изложения.

Представленные в данном разделе «Восточной аналитики» статьи — составная часть проекта. Важно отметить, что проект не получал финансовой поддержки, он выполнен на основе добровольного участия исследователей в разработке этой темы. Тем не менее, получены серьезные научные результаты.

Не все задуманное получилось. Не удалось создать базу знаний по модернизации, которая предполагалась как объединение и структуризация всего сделанного востоковедами по этой проблеме. Стало очевидно, что такого рода задачи требуют больших организационных и материальных ресурсов.

С публикацией статей по проблемам модернизации в странах Востока в выпуске «Восточной аналитики» за 2010 г. активная часть проекта по сравнению экономических моделей модернизации в странах Востока заканчивается, но это не означает, что исследований и публикаций по этой теме больше не будет. Уже запланированы исследования в этой области в Центре арабских исследований и Центре японских исследований ИВ РАН. По мере появления материалов этих исследований они будут представлены на сайте ИВ РАН и в других публикациях.

---

[2] Ким О. Сравнительный анализ модернизации в КНР и «азиатских тиграх». http://www.ivran.ru

Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарян

Модернизация: японский феномен

Примером успешной модернизации вот уже не одно десятилетие является Япония[1]. В какой-то мере даже появилась устойчивая ассоциация модернизации именно с Японией. И это не случайно, поскольку ее история на протяжении последних полутора столетий являет собой пример успешно реализованной модернизации, коснувшейся всех сфер жизни страны и определившей ее положение в мире. В исторической ретроспективе модернизация позволила Японии перейти от модели догоняющего развития к нормальному поступательному развитию и уже самой искать и предлагать миру пути дальнейшего усовершенствования.

Временнóй период японского пути догоняющего развития можно определить достаточно точно: 70-е гг. XIX в. — конец 80-х гг. XX в. За это время Япония смогла подняться с уровня страны, которой грозила судьба превращения в колонию или полуколонию западных стран, до уровня одной из самых развитых экономик мира. Основу такой трансформации составил процесс непрерывной модернизации, нацеленный на повторение западных образцов развития, т. е. на догоняющее развитие. Для Японии модель догоняющего развития — это модернизационный проект, который инициировала пришедшая к власти в традиционном обществе новая элита мэйдзийского периода (1868–1912 гг.) и продолжила в послевоенные годы старая элита авторитарного общества в условиях демократизации. Таким образом, к осознанию необходимости проведения модернизации правящие элиты приходили в переломные моменты развития страны. И сразу вставал вопрос о том, какой характер примет модернизация, на чем в этом проекте будет сосредоточено внимание, какие цели будут поставлены и, главное, что станет основной идеей этого процесса.

В условиях, когда существовавшая социально-экономическая система оказывалась в проигрыше и грозила неизбежностью отставания, модернизацию в принципе можно рассматривать как возможный выход из этой ситуации. По определению экономиста В.Л. Иноземцева, «модернизация — это встраивание в мир, а не подстраивание мира под себя. Все успешно модернизировавшиеся страны — Япония в 1980 гг., Китай на протяжении последних десятилетий, та же Бразилия (пусть и в региональном масштабе) — усваивали логику глобальной экономической системы и, используя ее, становились реальными претендентами на статус “державы № 1”[2].

Можно говорить о двух моделях модернизации — вестернизации и догоняющем развитии, поскольку в них ставятся разные цели. В первом случае берутся западные образцы и просто переносятся в ткань общества, во втором — на базе заимствования создаются новые для данного общества структуры при сохранении национальной самоидентификации. Именно по такой схеме происходила модернизация Японии.

Догоняющая модель развития имеет более широкий набор реформируемых параметров — техногенных, социокультурных, демографических, правовых, экологических и других. Основная суть процессов модернизации состоит в индустриализации и создании индустриальной культуры, в чем ключевую роль, несомненно, играет человеческий фактор, его качество и креативность. Причем модернизация не зависит от политического и социального строя при ведущей роли государства. «Государство (в любой его форме — унитарное или федеративное, демократическое или тоталитарное) было “альфой и омегой”, инициатором и вдохновителем догоняющего развития в странах Востока»[3].

Но на форму осуществления этого процесса влияет уровень развития самой страны, готовность масс к осознанию и решению стоящих перед ними экономических и других задач. Не менее важна формулировка элитой целей и задач модернизации, проработка ею средств их достижения, минимизация затрачиваемых усилий. В Японии пришедшая к власти после консервативной революции *Мэйдзи исин* новая элита взяла на себя ответственность за судьбы страны, приступила к модернизации, предельно кратко сформулировав лозунг развития — «богатая страна — сильная армия». Это было адекватным ответом на вызовы того времени.

Путь исторического развития Японии по сути своей представляет практически непрерывный процесс модернизации общества не только в плане постоянной рационализации хозяйственной деятельности, но и развития духовной сферы (например, бесконфликтное принятие демократии, не свойственной политической культуре страны).

На характер модернизационного процесса в Японии значительное влияние оказали несколько факторов. Прежде всего, высокая адаптивная способность населения, т. е. усвоение им различных элементов других цивилизаций (прежде всего китайской), и, более того, превращение их в компоненты своих национальных ценностей и таким образом сохранение для будущих поколений. Затем универсальное

---

[1] Статья написана с использованием материалов коллективной монографии «Япония: опыт модернизации». М., 2011.

[2] Российская газета, федеральный выпуск № 4762, 01.10.2008.

[3] Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. М., 2011, с. 249.

воздействие традиций на все сферы жизнедеятельности общества. Это способствовало тому, что преобразования в нем, даже весьма серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов, путем реформ, без революций, путем эволюции.

При анализе мэйдзийских и послевоенных преобразований, которые осуществлялись в условиях догоняющего развития, при всем их различии можно увидеть определенную типологию. В частности, в обоих случаях элиты выбирали одинаковую стратегию — подняться до уровня развитых стран Запада — и осуществляли ее при мобилизации государством всех сил и ресурсов для проведения кардинальных системных реформ, для реализации которых имелись хозяйственные и духовные предпосылки. Усвоение всего нового не вело к смене национальной самоидентификации на западную.

Условия же осуществления модернизационного проекта были различны. В первом случае Япония была формально независимой страной, но вступила в международные хозяйственные связи опутанная неравноправными договорами. Во втором случае на первых этапах модернизации страна жила в условиях оккупации войсками победивших союзников в соответствии с директивами Штаба оккупационных войск. Но все мероприятия проводились японскими властями, что обеспечивало определенное доверие к ним населения.

Поражение в войне и оккупация страны иностранными войсками прервали прежний путь модернизации страны, продолжавшийся около семидесяти лет в условиях авторитарного правления, и дали мощный толчок к ее ускоренному развитию в условиях демократии, что вывело Японию в ряды развитых стран практически за два десятилетия.

Набор параметров модернизации в обоих периодах был в принципе одинаков, но порядок их реализации был разным. В мэйдзийский период сначала был осуществлен план экономического развития, а затем проведены политические реформы. В послевоенный период экономические и политические преобразования прошли комплексно и одновременно. В каждом периоде была сформулирована своя идеология, которая опиралась в первом случае на государственный синто и во втором — на демократические принципы. Оба раза выбирали путь, адекватный сложившимся условиям.

Ключевым моментом в первом периоде стали консервативная революция *Мэйдзи исин* (досл. реставрация Мэйдзи) и последовавшие за ней реформы. Эти события определи весь ход дальнейшего развития страны. Вполне справедливо бытует мнение, что корни многих успешных достижений Японии в послевоенные годы следует искать именно в этом периоде. Долгое время исследователи при изучении *Мэйдзи исин* уделяли главное внимание ее социальным, политическим, экономическим, реже — идеологическим и культурным аспектам, а духовная, метафизическая сторона вопроса игнорировалась или рассматривалась с материалистической точки зрения. Поэтому неверной является трактовка этого события как «незавершенной буржуазной революции», основанная на некритическом приложении к Японии европейских моделей.

К началу периода *бакумацу* (1854–1867 гг.) режим Токугава переживал тотальный системный кризис, который уже не мог быть преодолен путем реформ сверху, т. е. без радикальной смены элит. К этому времени в стране сформировалась прежде всего дееспособная традиционалистски-ориентированная духовная и политическая контрэлита, имевшая модернизаторскую программу действий. Творцы *Мэйдзи исин* понимали неизбежность столкновения с «цивилизованным миром», от которого Япония в материальном отношении заметно отстала, и проведения революционных, модернизационных преобразований в качестве единственной возможности выстоять под давлением извне.

Сочетание традиционного и революционного начал в *Мэйдзи исин* очевидно при обращении к модернизации и интернационализации, что стало важнейшей задачей новой власти. «Золотая середина» была обретена в формуле «*вакон — ёсай*» («японский дух — европейская наука»). «Европейская наука» включала полный набор компонентов модернизации, однако, благодаря традиционалистской ориентации большей части элиты, одухотворялась «японским духом» и принималась не сама по себе и не полностью, но лишь по мере необходимости или пригодности для новой Японии.

Мэйдзи исин выполнила все основные стоявшие перед ней духовные, политические, социальные, экономические задачи и осуществила все реформы, необходимые для динамичного развития в условиях стремительного вхождения в «цивилизованный мир» в его самобытных национальных формах. «Наследие Мэйдзи» долгое время понималось в историографии только внешне — как совокупность материальных преобразований, позволивших Японии в последней трети XIX в. сохранить национальную независимость и войти в мировое сообщество. Реализованный вариант модернизации не только оказал определяющее влияние на последующее развитие Японии, но и показал пример многим странам Азии и «третьего мира». При этом необходимо учитывать, что консервативная революция *Мэйдзи исин*, произошедшая в традиционном обществе, имела прежде всего национальный, а не классовый характер.

На всех этапах модернизации решающую роль играли преобразования в экономике, поскольку именно они создавали материальную базу для превращения страны в современное государство. Для японского типа модернизации характерна высокая степень участия государства в этом процессе. С начала эпохи Мэйдзи и до окончания Второй мировой войны оно являлось крупным собственником и предпринимателем, занимая ключевые позиции

в ряде важнейших секторов экономики. Одновременно под его всеобъемлющим контролем находились важнейшие области хозяйственной жизни, даже те, в которых государство не имело собственности и не занималось предпринимательством.

Главные его усилия были направлены на создание современных промышленных предприятий, оснащенных западной техникой, и банковской системы, без которой экономическое развитие было бы невозможно. Уже в 1880-е гг. в целом была завершена эпоха первоначального накопления капитала, сформировалась промышленная буржуазия. Правительство приняло решение передать частному капиталу большую часть предприятий базовых отраслей и сосредоточить усилия на укреплении финансовой системы и развитии военного производства. Теперь, проводя курс на модернизацию экономики, государство опиралось не только на свои предприятия в разных отраслях, но во все большей степени — на меры стимулирования частного сектора. В период военной экономики 1930-х гг. проблемы модернизации отошли на второй план, а главным стала мобилизация национальных ресурсов для достижения военных целей.

По окончании Второй мировой войны вновь со всей остротой встала задача экономической модернизации, но уже в других исторических условиях. Япония вступила в новый этап догоняющего развития, который завершился к концу 1980-х гг. За это время она совершила огромный скачок и по количественным показателям и качественным характеристикам экономики вышла на самые передовые позиции в мире.

В этот период сложилась иная модель участия государства в процессе экономической модернизации. Прежде всего, существенно сократились масштабы его участия как собственника и предпринимателя. В результате ряда реформ к концу 1980-х гг. доля государственной собственности в национальном богатстве страны снизилась до 11%. Однако это сокращение было с лихвой компенсировано расширением использования всех других форм регулирования. Благодаря усилиям государства процесс модернизации имел целенаправленный, поступательный характер, и в целом был создан климат, чрезвычайно благоприятный для инвестиций и развития всех форм предпринимательства.

Превратившись в мощное современное государство, обладающее всеми атрибутами зрелой рыночной экономики и институтами развитой демократии, к концу 1980-х гг. Япония столкнулась с необходимостью приведения своей экономической системы, довольно сильно отличающейся от систем, существовавших в других развитых странах, в соответствие с требованиями времени в условиях глобализации.

С середины 1990-х гг. в японской экономике начались реформы, захватившие, по существу, все элементы ее экономической структуры. К настоящему времени значительная часть этой работы уже завершена, и экономика приобрела новые очертания, стала более рыночной и открытой.

Роль государства была решающей и в модернизации аграрного сектора. К моменту начала этого процесса сельское хозяйство с его тяжким наследием феодальной эпохи было наиболее отсталой областью экономики Японии. Новая власть отменила феодальную зависимость крестьян, ликвидировала феодальную собственность на землю, разрешила ее куплю-продажу, свободу выбора возделываемых культур, заменила все существовавшие ранее формы феодальных повинностей поземельным налогом, создав условия для проведения модернизации.

Правительство старалось смоделировать структуру сельского хозяйства по западным меркам на основе замены мелкомасштабного производства моделью крупных экстенсивных хозяйств, использующих технику, для чего приглашались иностранные специалисты, ввозились сельскохозяйственные орудия. Однако все усилия, направленные на создание таких хозяйств, успеха не имели, ибо экономически себя не оправдывали.

Развитие сельского хозяйства внесло серьезный вклад в модернизацию страны в целом: поземельный налог в первые два-три десятилетия составлял подавляющую часть налоговых поступлений, которые шли на индустриализацию. А поступавшие от вывоза сельскохозяйственной продукции (ее стоимость составляла почти ¾ всего экспорта) денежные средства шли на оплату импорта необходимых товаров для преобразования других отраслей.

Серьезные успехи развития сельскохозяйственного производства были достигнуты путем улучшения сортов культур и усовершенствования технологии их выращивания. Это был результат совместных усилий правительства, научных работников и, конечно, самих производителей. Государство занялось также подготовкой квалифицированных кадров для сельского хозяйства. В то же время жизнь крестьянства не претерпела сколько-нибудь значительных изменений. Больше всего от преобразований выиграли помещики, сосредоточившие в своих руках значительную часть земли, которую они в основном сдавали в аренду.

Качественный скачок в решении аграрной проблемы произошел в первые послевоенные годы. Начался новый этап модернизации отрасли, занявший значительно меньше времени. Во многом это объяснялось условиями, в которых проходили основные преобразования. Земельная реформа, ликвидировавшая помещичье землевладение, и последующие законодательные инициативы создали стабильную систему мелкотоварного производителя. Протекционистская политика государства в течение длительного времени способствовала повышению сельскохозяйственных доходов и соответственно осуществлению фермерами модернизации отрасли. За два-три десятилетия технологических преобра-

зований сельское хозяйство превратилось в вполне современную отрасль экономики. Но перед ней все еще стоит множество проблем, которые ждут своего решения на путях институциональных изменений, структурных реформ, которые должны привести к росту эффективности производства и повышению конкурентоспособности японской сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.

Для успеха японского типа модернизации важным фактором явилось создание предпринимательской структуры и типа корпоративного управления, в котором сочетались традиционные и западные элементы. В наши дни они называются японскими. Их специфика определяется особенностями национальной культуры и запоздалым вступлением Японии на путь формирования рыночной экономики.

На формирование предпринимательской структуры Японии в период начальной модернизации оказало влияние тесное партнерство бизнеса и государства, основанное на взаимной заинтересованности и совпадении интересов. Еще одной чертой японской деловой практики, которая также в значительной мере обусловлена характером модернизации, является широкое применение неформальных механизмов и норм, которые опирались на традицию и менталитет японцев.

Возникновение специфической системы финансирования деятельности компаний, ориентированной преимущественно на привлечение средств за счет банковского кредита, а не на фондовый рынок, также во многом связано с характером послемэйдзийской модернизации и двойственной структурой предпринимательства, сложившейся уже в последней трети XIX в.

Предпринимательская и управленческая практика *дзайбацу* внесла свой вклад в теорию и практику международного менеджмента. Так, в японских торговых домах домэйдзийского периода совершенно самостоятельно, без какого-либо влияния извне сложилась модель корпоративной культуры «семья», в основе которой лежат отношения патернализма и которая является одной из основных современных моделей организационной культуры.

Японская система управления развивалась преимущественно на собственной основе и в конкретно-исторических условиях страны. Заимствования касались лишь отдельных методов и приемов управления, адаптации зарубежного технического опыта. Сама же философия бизнеса, организационные принципы построения крупных компаний оставались по сути прежними. Настоящим же вызовом японской предпринимательской организации и системе корпоративного управления стала глобализация. Японские корпорации, а точнее, их руководители, оказались перед необходимостью действительно радикальных перемен.

Значительная группа факторов, способствующих развитию модернизационных процессов в экономике Японии, во многом связана с человеческим фактором, с существующей системой управления персоналом в фирмах. Она представляет собой синтез отечественных форм патернализма и современных западных управленческих технологий. Это отличает ее от других развитых стран, где одна управленческая система заменяется другой Японский опыт управления явился результатом постепенного соединения известных управленческих технологий, которые, будучи приспособлены к внешним конкретным условиям, обеспечивали возникновение в организации внутренней мотивационной среды. Такое соединение было основано во многом на эволюционной основе, когда одна управленческая технология не замещалась одномоментно другой, а совмещалась с ней, соответственно видоизменяясь.

Сильной стороной японской системы управления персоналом является решение задачи обеспечения качества продукции, привлечение к ней абсолютно всех участников производства, начиная с руководителей высшего уровня и кончая рабочими. Кроме того, на японских предприятиях внедрена система, известная как TPM (Total Productive Maintenance). В ее реализации участвовали все подразделения. Особенно важно подчеркнуть, что целевая установка предполагала достижение «нуля потерь», «нуля поломок», «нуля несчастных случаев», «нуля брака». Эта система управления успешно прошла проверку на зрелость и прочность в период высоких темпов роста, ярко показала свои преимущества в дни кризисов и продолжает подтверждать себя на современном этапе глобализации.

Основу достижений модернизации материальной сферы на первом этапе составило технологическое переустройство всей производственной системы Японии на базе новейших западных технологий в период происходившей в ней промышленной революции и милитаризации экономики. На втором — технологическая модернизация страны была особенно глубокой, она охватила все стороны жизни японского общества и продолжается в настоящее время.

Принципиальной особенностью этого периода является то, что в промышленно развитых странах происходил массовый переход множества военно-ориентированных производств на мирные рельсы. Огромный отряд ученых и инженеров высочайшей квалификации, работавший раньше на военные нужды, стал мощным генератором новых творческих решений. В этих условиях главной задачей японских ученых и инженеров стало ускоренное формирование передовой технологической базы для новых, гражданских отраслей экономики.

Поэтому исследования и разработки в основном были подчинены задачам совершенствования производственного аппарата путем освоения импортного оборудования и приспособления его к японским условиям. Использование зарубежных технологий, приобретаемых на основе лицензионных соглашений, вносило крупный вклад как в формирование эффективного производственного аппарата, так

и во внедрение в производство передовых образцов продукции. Одновременно развивались успехи, накопленные и самими японцами.

Весомые результаты были достигнуты благодаря использованию так называемой селективной стратегии экономического развития. Свои основные усилия японские фирмы направили на то, чтобы обеспечить себе доминирование в сфере массового спроса, а их важнейшим технологическим приоритетом стали микроэлектронные технологии, позволившие взять курс на «насыщение» производственного аппарата измерительной техникой и приборами для автоматизированного управления технологическими процессами. На базе этих технологий японцы перестроили производственный аппарат промышленности, транспорт, связь, управление, здравоохранение, образование, быт и др.

Японский опыт показывает, что для осуществления эффективной модернизации необходимо прежде всего научиться творчески использовать крупные мировые достижения в сфере науки, техники и технологий, применяя их к практическим задачам социально-экономического развития. В Японии этому способствовали два очень важных обстоятельства — отсутствие крупного военно-ориентированного сектора экономики и теснейшая привязка к научно-производственному комплексу США, к ведущим американским компаниям, лидирующим в области высоких технологий. Все это позволило Японии сформировать весьма прочные позиции в области высокотехнологичного развития.

Одной из важнейших составляющих на всех этапах модернизационного процесса был высокий уровень образования, и что особенно важно, всех слоев населения. Правительство постоянно держало и держит под контролем систему образования, внося в нее коррективы в соответствии с изменениями потребностей общества и стоящими перед ним задачами.

На мэйдзийском этапе модернизации требовалось осуществление коренной перестройки системы образования для скорейшего вовлечения широких слоев населения в современное просвещение, которое открывало путь для освоения западных знаний — необходимый фактор проведения модернизации и индустриализации. Были созданы равные возможности для получения образования представителями всех сословий (мужчинам и женщинам). В первые годы введения западной системы образования важнейший, традиционный предмет — мораль — отошел на задний план. Но поскольку правящей элите требовалось воспитание молодого поколения в духе лояльности верховной власти и преданности национальным интересам, то очень скоро этот предмет вновь выходит на первый план.

После окончания Второй мировой войны опять была проведена кардинальная реформа образования, которая с необходимыми поправками продолжает действовать и в настоящее время. Высокая образованность, прежде всего рабочей силы, позволила Японии безболезненно преодолеть технико-экономическое отставание от развитых на то время стран. В 1970 гг. Япония вышла на первые позиции по уровню и качеству образования рабочей силы.

Превращение Японии во вторую экономику мира поставило перед страной новые задачи в сфере образования с тем, чтобы оно содействовало постоянно идущей модернизации. Пройдя путь догоняющей модернизации, Япония в 1980 гг. в условиях глобализации и внедрения информационных технологий, особенно цифровых, достаточно остро ощутила, что ее традиционная система образования оказалась устаревшей.

В век высоких технологий эгалитаризм, единообразие, механическое заучивание мешают формированию творческих личностей. Стране нужны не столько «трудолюбивые пчелы», сколько оригинально мыслящие специалисты, задачу подготовки которых и призвана решить нынешняя реформа образования. Уже в конце 1990 гг. было определено основное направление, по которому проводится реорганизация этой важнейшей сферы: «от централизации к децентрализации», «от унификации к разнообразию», «от жесткости к гибкости». В соответствии с этим разработаны три основных принципа реформы образования: 1) опора на воспитание индивидуализма, 2) усиление внимания к непрерывному образованию или образованию на протяжении всей жизни, 3) учет глобальных перемен.

Все вышерассмотренные проблемы модернизации шли в условиях сложного и длительного процесса качественных изменений политической системы. Другими словами, в процессе политической модернизации происходило как становление новых, так и приспособление к изменившимся условиям прежних политических институтов.

Политические преобразования периода Мэйдзи привели к ликвидации сёгунского режима и установлению единоличной власти императора. Апофеозом политических реформ стала принятая в 1889 г. конституция, завершившая процесс политического оформления полуабсолютистского режима. Особенностью этой модели явилась неконкретность в распределении ответственности между различными политическими акторами. Поскольку император редко принимал решения единолично, суверенитет был фактически узурпирован его ближайшим окружением.

В политических реформах послевоенного периода важное место имели внешнеполитические соображения, поскольку они проходили в условиях оккупации. Для США важно было устранить военную угрозу со стороны Японии, минимизировать даже теоретическую возможность появления нового милитаристского режима, для чего были созданы прочные основы для развития демократии в стране. В процессе модернизации были демонтированы те характерные черты довоенной политической системы, которые способствовали установлению авторитарного режима.

Результатом политической модернизации второй половины 1940 гг. стала специфическая для Японии модель партийно-политической системы, закрепившаяся в политологическом сленге под названием «системы 1955 года». Суть ее заключалась в том, что на протяжении четырех десятилетий на политической арене доминировала одна политическая сила — Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая в течение всего этого периода обладала монополией на власть. Но при этом, что очень важно, Япония оставалась полностью демократическим государством, в стране на всех уровнях регулярно проводились выборы, соблюдались политические права и свободы.

С завершением биполярной эпохи и переходом Японии на постиндустриальную модель развития созрели условия для нового этапа политической модернизации. Японской правящей элите пока так и не удалось решить несколько принципиальных вопросов, связанных с повышением эффективности политического управления. Прежде всего, речь идет о необходимости создания конкурентогенной архитектуры политических партий. Другим важным пунктом политической модернизации является поиск более совершенной системы принятия политических решений со стороны «партии власти». После прихода в 2009 г. к власти администрации Демократической партии Японии (ДПЯ) на повестку дня был поставлен вопрос о внедрении в политическую систему Вестминстерской модели, в которой в центре принятия решений стоит кабинет министров, выполняющий функции «политической диспетчерской». В рамках этой системы политическое звено государственного управления не противостоит бюрократии, а осуществляет ее непосредственное руководство изнутри кабинета министров. Поскольку эта система противоречит устоявшимся в Японии традициям консенсуальной демократии, ее внедрение сопряжено со значительными трудностями и потребует значительного времени.

Однако исключительно материальные преобразования, как показывает опыт других стран, не гарантирует успеха. Поэтому модернизация страны не могла не затронуть и духовную сферу. Она вызвала множество новых явлений в жизни японцев. Среди культурных феноменов, появившихся в связи с модернизацией, пожалуй, самое важное место занимает массовая культура. Именно она определила лицо Японии XX в. и, скорее всего, лишь усилит свои позиции в наступившем столетии.

Появление в Японии массовой культуры (в собственном смысле этого слова) связывается с модернизацией страны, когда радикальные перемены в обществе потребовали создания канала трансляции знаний, установок и норм широким массам населения, всей нации. Эту функцию в принципе и взяла на себя массовая культура. Она тесно связана с информационными носителями, и уровень ее развития во многом определяется техническими и экономическими возможностями своего времени.

За основу была взята культурная модель США, но, как уже отмечалось, само по себе иностранное заимствование не способно обеспечить успешное продвижение культурной модернизации, если для этого отсутствуют соответствующие внутренние предпосылки. Речь в первую очередь идет о наличии необходимой экономической базы развития страны, высокого уровня ее индустриализации и научно-технических достижений, а также объективных социокультурных предпосылок. Практически вся послевоенная японская массовая культура связана прежде всего с одной из самых быстро развивающейся в эти годы телекоммуникационной сферой: кино, телевидением, анимацией, видео- и компьютерными играми и т. д.

Япония смогла гармонично соединить передовую техническую мысль с достижениями отечественной массовой культуры, создав тем самым принципиально новый высокотехнологический культурный продукт, необычайно востребованный в наши дни во многих странах мира. Культурный экспорт Японии, в первых строчках которого значатся анимационные фильмы, комиксы, кинофильмы, компьютерные игры и т. д., сегодня, с точки зрения масштабов целевой аудитории и, соответственно, его идеологического и духовного влияния на население других стран, превышает экспорт технологический.

Существующее в социологии понятие диада «литература/общество» дает возможность во многом понять настроения людей, живущих в ту или иную эпоху. При этом оба компонента диады одинаково значимы. Литературные пристрастия читающей публики, творчество писателей, мнение критиков на самом деле являются реакцией на процессы, которые происходят в обществе и могут служить характеристикой его состояния.

После реставрации Мэйдзи японская культура испытала мощное воздействие западной, что вызвало появление новых обычаев, моды, литературных и философских течений, новых слов и понятий. Члены различных просветительских обществ, а также переводная литература доносили до современников идеи Запада о государственном устройстве, гражданских правах, свободе личности. Воспитанным в духе конфуцианской морали японцам нелегко было усвоить всю массу новых понятий, к тому же в японском языке не всегда находились слова для их адекватного перевода.

И если в начальный период эпохи Мэйдзи еще не было собственной художественной прозы, то спустя чуть более полувека после начала модернизации страны литературная палитра Японии становится весьма разнообразной. Многое в ней свидетельствовало об изменении в отношении к миру и к его отражению в литературе. Это, в свою очередь, указывало на то, что к тонкому эмоциональному восприятию, которое всегда отличало японцев, добавилось стремление осмыслить происходящее и умение воспринимать мир рационально.

В послевоенной Японии вновь возрастает внимание к своему культурному наследию, но в то же время наметилась тенденция воспринимать свою страну с её культурой и литературой в мировом контексте.

Для позиционирования страны в мире, для успешного функционирования в нем большое значение имеет формирование ее образа, который тоже модернизируется. Во внешнем мире образ Японии является, пожалуй, одним из самых ярких. Особое внимание привлекает его такое удивительное качество, как способность не стареть в своей сущности, несмотря на изменение внешних форм. Он оперативно изменяется в соответствии с новой политической, социальной, экономической либо другой ситуацией. Получается, что та картинка, которую все мы привыкли видеть перед собой и которую привычно называем «образом Японии», полностью ассоциируя с ней в своем сознании реальную страну, на самом деле представляет собой в известном смысле «полуправду». Она задает определенные направления для «домысливания» в соответствии с имеющимся у нас социальным опытом. История возникновения и развития этой «полуправды», по сути, и есть история модернизации имиджа Японии.

Вообще, модернизацию имиджа без его коренной ломки или перестройки можно признать одной из самых интересных черт, характерных именно для внешнеполитического имиджа Японии. В период Мэйдзи Японию в общей сложности посетило более тысячи христианских проповедников и несколько сотен профессоров из США и европейских стран. Образ «живописной Японии», нарисованный этими «очарованными странниками», навсегда запечатлелся в неподготовленном сознании европейцев. И это был образ прошлого, образ исчезающей, а не возникающей Японии. Это позволяло заинтересованной стороне домысливать образ в приятном для себя направлении, создавая эффект, названный позже «жапонизмом». Был создан идеалистический субъект имиджа, удачно попавший в такт ожиданиям аудитории. Но имидж не возникает из ниоткуда, его моделированием занимаются вполне конкретные люди, большинство из которых навсегда остаются неизвестными, но некоторые оставляют свое имя в истории.

Можно полагать, что японцам одним из первых опытно-теоретическим путем удалось определить, что основой правильного, удачного и эффективного моделирования образа страны является его непрерывная «консервативная модернизация» — регулярное обновление ограниченного числа давно существующих, проверенных стереотипов с целью их внешнего соответствия требованиям времени без попытки нарушения исторических связей в сознании реципиентов.

В последние десятилетия все большее значение приобретает культурная дипломатия, которая является сложным и многопрофильным видом деятельности по созданию имиджа страны.

* * *

С появлением японской модели догоняющей модернизации, которая не представляет собой точное копирование или имитацию западной модели, можно говорить о том, что последняя уже не является единственным путем для всего не западного мира. Япония, самая развитая страна Азиатско-Тихоокеанского региона, успешно конкурирует в экономической и технологической сферах с Западом и является во многом образцом модернизации для других азиатских стран. Точнее сказать, она показывает направление пути. В настоящее время в регионе выделяют четыре «эшелона развития», или четыре волны развития, которые образно называют «строй летящих гусей». Возглавила его Япония с ее успешной модернизацией. При этом развитие азиатских стран не ставит целью радикальную смену социокультурных основ, как это не сделала в свое время Япония.

Таким образом, в настоящее время модернизация претерпевает разительные метаморфозы. Охватив всю планету, она привела в движение социальные механизмы, которые побудили ряд культур и сообществ мировой периферии выйти из состояния летаргии.

В. Г. Кандалинцев

Модернизация: исследование на основе модели цивилизационного развития (на примере Китая)

Стратегические карты широко используются для визуализации стратегий организаций и городов. Они могут быть использованы также в качестве моделей цивилизационного развития отдельных стран или моделей развития локальных цивилизаций. Эти модели позволяют комплексно и в широком контексте исследовать проблемы модернизации на Востоке.

Начало широкому применению стратегических карт и базирующихся на них инструментов управления положила Сбалансированная система показателей (Balanced Scorecard), разработанная американскими исследователями Робертом Капланом и Дейвидом Нортоном [1]. Найденные ими решения оказались настолько удачными, что за короткое время эта система стала широко применяться коммерческими и некоммерческими организациями и даже городами.

1. Сущность метода Balanced Scorecard (BSC)

Основой BSC является стратегическая карта, которая представляет собой дерево целей, объединенных причинно-следственными связями и расположенными в четырех перспективах (финансы, клиенты, процессы, развитие). Карта визуализирует стратегию организации, показывает перспективную модель ее деятельности, которая становится достижимой при условии своего рода модернизации компании. Такая модернизация включает следующие основные моменты:

— подбор для каждой цели ключевого показателя эффективности (key performance indicator), который призван измерять степень достижения данной цели;

— постановку задач, т. е. определения плановых или нормативных значений ключевых показателей к некоторой дате;

— разработку стратегических инициатив, т. е. мероприятий, которые позволяют решить задачи;

— осуществление стратегических инициатив.

Эта логика (разумеется, превращенная в детально разработанную систему) первоначально стала популярной среди коммерческих организаций, компаний Mobil, AT&A Canada Inc. и многих других. Однако довольно быстро BSC стали применять и некоммерческие организации — правительственные учреждения, университеты, госпитали, театры [3, с. 436–464]. Наконец, метод вошел в управленческий арсенал городов. Пионером здесь стал город Шарлотт, однако его примеру последовали и другие города мира. Например, в Австралии Сбалансированную систему показателей создали и внедрили города Брисбен, Кокберн и Мелвилл [2, с. 147–153].

На наш взгляд, метод (особенно в части карт и ключевых показателей) может быть применен с целью исследования еще более сложных объектов — таких как страны и локальные цивилизации. В том числе и для исследования проблем модернизации. Понятно, что для построения карт (моделей цивилизационного развития стран или моделей развития локальных цивилизаций) здесь нужны другие понятия и компоненты. Вместе с тем карты должны сохранять определенную компактность и наглядность, которые нужны для рамочной организации основных направлений исследования и прогнозирования.

2. Модель цивилизационного развития

Карта цивилизационного развития может включать три основные перспективы: прошлое, настоящее, будущее. В каждой перспективе должны находиться объекты, связанные причинно-следственными связями, направленными из прошлого в настоящее и далее в будущее. В перспективе прошлого объектом является генотип (см. схему 1). Как явствует из названия, речь идет о наследственности цивилизации, в которой выделяются семь элементов: (1) духовно-нравственное наследие (2) государственно-политическая традиция (3) сложившаяся социально-экономическая структура (4) научно-технологический опыт прошлого (5) социо-культурные достижения и явления (6) демографические тренды; (7) природно-географические условия.

Генотип, этот корень в прошлом, очень многое определяет и объясняет в жизни цивилизаций. Он создает своего рода историческую инерцию или предрасположенность к определенным формам цивилизационной жизни, обусловливает сильные и слабые стороны цивилизации, указывает на ее проблемы и характер их решения и т. д. Цивилизации опираются на свой генотип как на исторически привычный способ действия или реакции на те или иные обстоятельства.

Генотип питает и до известной степени определяет три группы цивилизационных процессов в перспективе настоящего: модернизационные, текущие и межцивилизационные. Каждая группа — в соответствии с принятой структурой генотипа — содер-

жит семь типов процессов: духовно-нравственные, государственно-политические, социально-экономические, научно-технологические, социокультурные, демографические и природно-географические. Естественно, что процесс одного и того же типа выглядит по-разному в каждой из трех групп процессов.

Охарактеризуем кратко процессы каждой группы.

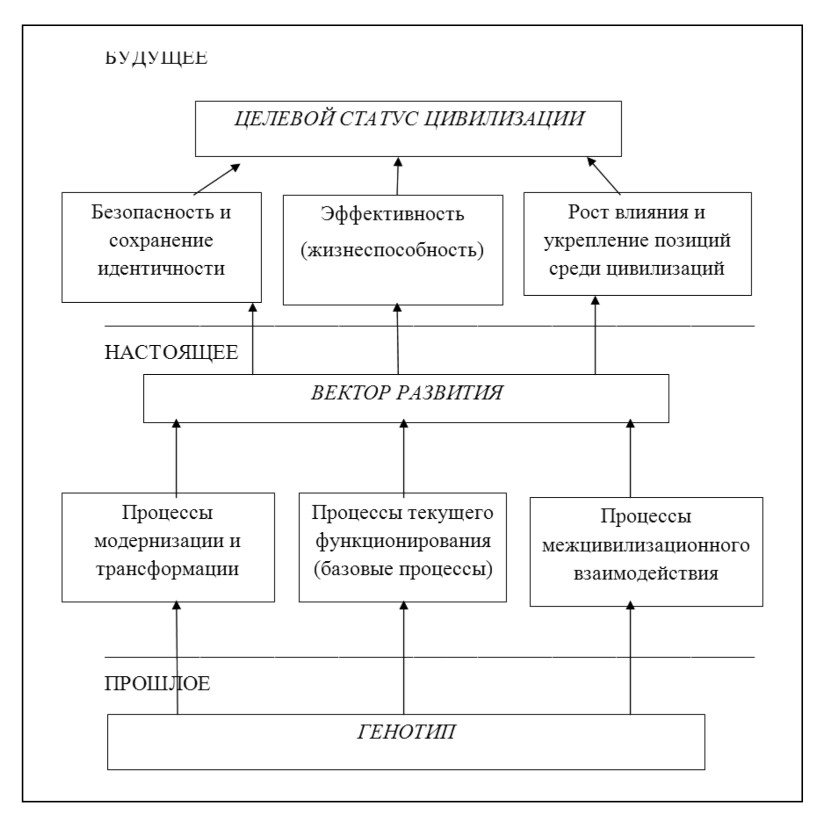

Схема 1

Укрупненная модель карты развития цивилизации

Процессы модернизации и трансформации

- Процесс духовно-нравственной модернизации и трансформации (генерация ведущей религией нравственных, этических и моральных систем, необходимых для общей модернизации цивилизации, перестройка деятельности ведущих религиозных институтов в соответствии с задачами модернизации).
- Процесс государственно-политической модернизации и трансформации (реформирование государственного устройства и системы политической власти).
- Процесс социально-экономической модернизации и трансформации (реформирование отношений собственности, способов производства и госрегулирования экономики).
- Процесс научно-технологической модернизации и трансформации (реформирование систем НИОКР и передачи технологии, системы фундаментальных исследований, механизмов внедрения технологий и инноваций).
- Процесс социокультурной модернизации и трансформации (радикальные изменения в литературе, искусстве и т. д., отражающие реалии модернизации).
- Процесс демографической модернизации и трансформации (изменения в демографической структуре и типах воспроизводства населения, благоприятные для общей модернизации).
- Процесс природно-географической модернизации и трансформации (реформирование систем решения проблем экологии и природопользования).

Процессы текущего функционирования

- Базовый духовно-нравственный процесс (традиционная деятельность институтов и последователей ведущей религии).
- Базовый государственно-политический процесс (текущее функционирование государственных органов и институтов политической власти).
- Базовый социально-экономический процесс (текущее функционирование институтов собственности, способов производства, инструментов госрегулирования экономики и социальных отношений).
- Базовый научно-технологический процесс (текущее функционирование сложившейся системы фундаментальных исследований, НИОКР и передачи технологии, механизмов внедрения технологий и инноваций).
- Базовый социокультурный процесс (текущая деятельность в сферах культуры).
- Базовый демографический процесс (сложившиеся демографические тренды).
- Базовый природно-географический процесс (сложившиеся системы экологии и природопользования).

Процессы межцивилизационного взаимодействия

- Процесс духовно-нравственного межцивилизационного взаимодействия (связи, отношения и обмен опытом ведущей конфессии или религии с конфессиями и религиями других цивилизаций).
- Процесс государственно-политического межцивилизационного взаимодействия (международные отношения с другими цивилизациями).
- Процесс социально-экономического межцивилизационного взаимодействия (межцивилизационное движение товаров, услуг, капиталов).
- Процесс научно-технологического межцивилизационного взаимодействия (совместные НИОКР, передача технологии и т. д.).

- Процесс социокультурного межцивилизационного взаимодействия (творческие контакты и обмен произведениями искусства с другими цивилизациями).
- Процесс демографического межцивилизационного взаимодействия (межцивилизационная миграция населения).
- Процесс природно-географического межцивилизационного взаимодействия (совместное с другими цивилизациями природопользование и решение экологических проблем).

Генотип по-разному влияет на три группы цивилизационных процессов. Наиболее сильно он воздействует на текущие процессы, которые названы базовыми в силу того, что они образуют становой хребет, основу жизнедеятельности цивилизации в настоящем. Однако базовые процессы сильно привязаны к прошлому, что неизбежно накладывает ограничения на развитие цивилизации. Поэтому цивилизации стремятся запустить еще две группы процессов, которые отражают не траекторию, унаследованную из прошлого, а коррекцию этой траектории с целью приспособления к современной ситуации и успешного развития в ней.

Так, группа процессов модернизации и трансформации обеспечивает реформирование внутрицивилизационного пространства с целью придания ему характеристик, не свойственных прошлому опыту цивилизации, но необходимых для дальнейшего развития. А группа процессов межцивилизационного взаимодействия призвана восполнить нехватку внутрицивилизационных ресурсов и выстроить приемлемые отношения с другими цивилизациями.

В результате одновременного действия всех трех групп процессов генотип преобразуется в многомерный вектор развития, который определяется уже не одним прошлым, но и в существенной степени настоящим. Структура вектора развития такая же, как и генотипа, но элементы вектора несут иную смысловую нагрузку. Так, духовно-нравственный элемент в векторе развития — это уже не одно только духовно-нравственное наследие, но синтез этого наследия с новыми направлениями духовно-нравственного процесса как на внутрицивилизационном пространстве, так и в системе межцивилизационных связей.

Аналогично определяются и остальные элементы вектора развития:

— государственно-политический — синтез традиционных и современных форм, задающий определенную траекторию развития государственно-политического устройства из настоящего в будущее;

— социально-экономический — синтез традиционных социально-экономических институтов и способов производства с современными, выявляющий предстоящую динамику социально-экономического развития;

— научно-технологический — «апгрейд» научно-технологической системы цивилизации, открывающий определенную перспективу ее последующего развития.

— социокультурный — синтез традиционных и современных видов искусства, культурный межцивилизационный обмен, создающие движение к будущей системе социокультурных ценностей цивилизации;

— демографический — ожидаемая динамика демографических показателей с учетом действия традиционных и новых типов воспроизводства населения, его миграции и т. д.;

— природно-географический — ожидаемое развитие событий в сфере экологии и природопользования с учетом как нагрузки на данную сферу со стороны хозяйственной деятельности, так и мер по смягчению и упорядочению такой нагрузки.

Вектор развития выступает основным инструментом прогнозирования будущего статуса цивилизации. В качестве конечной и универсальной цели любой цивилизации принимается цель повышения ее статуса, т. е. объективного положения среди других цивилизаций. Статус как интегральный показатель можно свести к степени достижения трех важнейших целей цивилизации: (1) обеспечения безопасности и сохранения собственной идентичности; (2) эффективности или жизнеспособности; (3) роста влияния и укрепления позиций среди цивилизаций.

Вектор развития декомпозирует каждую из названных целей в соответствии со своей структурой. Например, безопасность и сохранение идентичности разделяются на семь компонентов: безопасность и сохранение идентичности в духовно-нравственной, государственно-политической, социально-экономической, научно-технологической, социокультурной, демографической и природно-географической сферах. Точно так же обстоит дело и с эффективностью (жизнеспособностью), под которой понимается способность цивилизации давать приемлемые результаты при приемлемой затрате ресурсов, а также ростом влияния цивилизации.

Целевой статус объединяет три главные цели цивилизации: безопасность и сохранение идентичности, эффективность (жизнеспособность) и рост влияния и укрепление позиций среди цивилизаций. Каждая из этих целей декомпозируется на семь подцелей в соответствии со структурой вектора развития. Например, цель «безопасность и сохранение идентичности» разбивается на подцели «сохранение духовно-нравственной идентичности», «государственно-политическую безопасность», «социально-экономическую безопасность», «научно-технологическую безопасность», «сохранение социокультурной идентичности», «демографическую безопасность», «природно-географическую (ресурсно-экологическую) безопасность». Аналогично декомпозируются и две другие цели.

3. Ключевые показатели

Для понимания метода исследования и прогнозирования, основанного на применении карт, нужно дать определение отдельным компонентам карты. В целом карта развития цивилизации (или отдельной страны) состоит из:

А) трех перспектив, которые визуализируют аспекты времени — Прошлое, Настоящее, Будущее.

В) объектов, расположенных в названных перспективах. В Прошлом таким объектом является генотип, состоящий из результатов прошлого развития. В Настоящем — цивилизационные процессы и интегрирующий их вектор развития. В Будущем — цели развития цивилизации и интегрирующий их статус.

С) причинно-следственных связей, обозначаемых на схеме стрелками.

Карта развития дает качественное понимание системы причинно-следственных связей, разворачивающихся из прошлого цивилизации в ее настоящее и далее в будущее. На основе анализа этой системы и прогнозируется будущий статус цивилизации. Однако для прогноза необходимо, чтобы цели и результаты были количественно измеримы. Это достигается за счет подбора для целей и результатов соответствующих ключевых показателей развития.

Таблица 1

Ключевые показатели развития цивилизации (страны)

Цели, результаты	Примеры показателей
1. Целевой статус	1. Сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 1.1., 1.2. и 1.3.
1.1. Сохранение идентичности и безопасность	1.1. Сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 1.1.1. — 1.1.7. (показатели переводятся в баллы по десятибалльной шкале)
1.1.1. Сохранение духовно-нравственной идентичности	1.1.1. Доля приверженцев основной религии в населении
1.1.2. Государственно-политическая безопасность	1.1.2. Количество стратегических угроз
1.1.3. Социально-экономическая безопасность	1.1.3. Уровень социально-экономической стабильности (безработица, забастовки)
1.1.4. Научно-технологическая безопасность	1.1.4. Количество исследователей и уровень исследований
1.1.5. Сохранение социокультурной идентичности.	1.1.5. Количество произведений литературы и искусства, основанных на ценностях цивилизации
1.1.6. Демографическая безопасность	1.1.6. Численность и структура населения
1.1.7. Природно-географическая (ресурсно-экологическая) безопасность	1.1.7. Обеспеченность ресурсами и защищенность от экологических бедствий
1.2. Эффективность (жизнеспособность)	1.2. Сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 1.2.1. — 1.2.7. (показатели переводятся в баллы по десятибалльной шкале)
1.2.1. Духовно-нравственная эффективность	1.2.1. Место духовно-нравственных ценностей в системе ценностей населения
1.2.2. Государственно-политическая эффективность	1.2.2. Степень развития демократии. Показатель коррупции
1.2.3. Социально-экономическая эффективность	1.2.3. ВВП на душу населения. Производительность труда
1.2.4. Научно-технологическая эффективность	1.2.4. Количество выданных патентов
1.2.5. Социокультурная эффективность	1.2.5. Влияние эндогенных социокультурных ценностей на образ жизни населения
1.2.6. Демографическая жизнеспособность	1.2.6. Темпы прироста населения
1.2.7. Природно-географическая (ресурсно-экологическая) эффективность	1.2.7. Эффективность добычи полезных ископаемых и экозащитных мер
1.3. Рост влияния и укрепление позиций среди цивилизаций	1.3. Сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 1.3.1. — 1.3.7. (показатели переводятся в баллы по десятибалльной шкале)
1.3.1. Рост духовно-нравственного влияния	1.3.1. Количество публикаций по духовно-нравственной тематике данной цивилизации в других цивилизациях
1.3.2. Укрепление государственно-политических позиций	1.3.2. Участие в политических и военных альянсах с другими цивилизациями
1.3.3. Рост социально-экономического влияния	1.3.3. Объемы экспорта товаров, услуг и капиталов в другие цивилизации
1.3.4. Рост социокультурного влияния.	1.3.4. Количество культурных событий, представляющих данную цивилизацию в других цивилизациях
1.3.5. Рост научно-технологического влияния	1.3.5. Экспорт технологий в другие цивилизации
1.3.6. Рост демографического влияния	1.3.6. Количество и доля представителей данной цивилизации в населении других цивилизаций
1.3.7. Укрепление позиций в ресурсно-экологической сфере	1.3.7. Участие в международных ресурсных и экологических альянсах

Цели, результаты	Примеры показателей
2. Вектор развития	2.0. Оптимальность вектора развития, определяется как сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 2.0.1.–2.0.7.(показатели переводятся в баллы по десятибалльной шкале) 2.0.1. Оптимальность духовно-нравственного субвектора развития. Определяется как комплексный показатель из трех элементов: завершенности модернизации, соответствия базовых процессов текущим требованиям, степени восполнения нехватки ресурсов посредством межцивилизационного взаимодействия. 2.0.2. Оптимальность государственно-политического субвектора развития. Определяется аналогично 2.0.1. 2.0.3. Оптимальность социально-экономического субвектора развития. Определяется аналогично 2.0.1. 2.0.4. Оптимальность научно-технологического субвектора развития. Определяется аналогично 2.0.1. 2.0.5. Оптимальность социокультурного субвектора развития. Определяется аналогично 2.0.1 2.0.6. Оптимальность демографического субвектора развития. Определяется аналогично 2.0.1 2.0.7. Оптимальность природно-географического (ресурсно-экологического) субвектора развития. Определяется аналогично 2.0.1
2.1. Процессы модернизации и трансформации	2.1. Завершенность модернизации или полнота трансформации. Определяется как сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 2.1.1.–2.1.7. (показатели переводятся в баллы по десятибалльной шкале)
2.1.1. Процесс духовно-нравственной модернизации и трансформации	2.1.1. Завершенность модернизации или полнота трансформации в духовно-нравственной сфере
2.1.2. Процесс государственно-политической модернизации и трансформации	2.1.2. Завершенность модернизации или полнота трансформации в государственно-политической сфере
2.1.3. Процесс социально-экономической модернизации и трансформации	2.1.3. Завершенность модернизации или полнота трансформации в социально-экономической сфере
2.1.4. Процесс научно-технологической модернизации и трансформации	2.1.4. Завершенность модернизации или полнота трансформации в научно-технологической сфере
2.1.5. Процесс социокультурной модернизации и трансформации	2.1.5. Завершенность модернизации или полнота трансформации в социокультурной сфере
2.1.6. Процесс демографической модернизации и трансформации	2.1.6. Завершенность модернизации или полнота трансформации в демографической сфере
2.1.7. Процесс природно-географической модернизации и трансформации	2.1.7. Завершенность модернизации или полнота трансформации в природно-географической сфере
2.2. Процессы текущего функционирования	2.2. Соответствие процессов современным требованиям. Определяется как сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 2.2.1.–2.2.7. (показатели переводятся в баллы по десятибалльной шкале)
2.2.1. Базовый духовно-нравственный процесс	2.2.1. Соответствие базового духовно-нравственного процесса
2.2.2. Базовый государственно-политический процесс	2.2.2. Соответствие базового государственно-политического процесса
2.2.3. Базовый социально-экономический процесс	2.2.3. Соответствие базового социально-экономического процесса
2.2.4. Базовый научно-технологический процесс	2.2.4. Соответствие базового научно-технологического процесса
2.2.5. Базовый социокультурный процесс	2.2.5. Соответствие базового социокультурного процесса
2.2.6. Базовый демографический процесс	2.2.6. Соответствие базового демографического процесса
2.2.7. Базовый природно-географический процесс	2.2.7. Соответствие базового природно-географического процесса
2.3. Процессы межцивилизационного взаимодействия	2.3. Степень восполнения недостающих ресурсов посредством межцивилизационного взаимодействия
2.3.1. Процесс духовно-нравственного межцивилизационного взаимодействия	2.3.1. Степень восполнения недостающих духовно-нравственных ресурсов
2.3.2. Процесс государственно-политического межцивилизационного взаимодействия	2.3.2. Степень восполнения недостающих государственно-политических ресурсов
2.3.3. Процесс социально-экономического межцивилизационного взаимодействия	2.3.3. Степень восполнения недостающих социально-экономических ресурсов
2.3.4. Процесс научно-технологического межцивилизационного взаимодействия	2.3.4. Степень восполнения недостающих научно-технологических ресурсов

2.3.5. Процесс социокультурного межцивилизационного взаимодействия 2.3.6. Процесс демографического межцивилизационного взаимодействия 2.3.7. Процесс природно-географического межцивилизационного взаимодействия	2.3.5. Степень восполнения недостающих социокультурных ресурсов 2.3.6. Степень восполнения недостающих демографических ресурсов 2.3.7. Степень восполнения недостающих природно-географических ресурсов
3. Генотип	3.0. Качество генотипа, определяется как сумма баллов или средневзвешенный балл по показателям 3.1.–3.7. (показатели переводятся в баллы по десятибалльной шкале)
3.1. Духовно-нравственное наследие 3.2. Государственно-политическая традиция 3.3. Сложившаяся социально-экономическая структура 3.4. Научно-технологический опыт прошлого 3.5. Социокультурные достижения и явления 3.6. Демографические тренды 3.7. Природно-географические условия	3.1. Наличие нравственных и этических приложений религиозных учений, влияющих на процессы цивилизации 3.2. Степень автократичности (или демократичности) государственно-политической традиции 3.3. Степень современности преобладавших в прошлом форм собственности и способов производства 3.4. Уровень научно-технологического опыта (количество мировых достижений, патентная активность и т.д.) 3.5. Социокультурный уровень прошлого развития (количество мировых достижений культуры, количество событий культурной жизни и т.д.) 3.6. Темпы роста населения в прошлом (высокие или низкие) 3.7. Благоприятность природно-географических условий (индекс экологических и ресурсных угроз)

В табл. 1 приведены некоторые примеры ключевых показателей развития цивилизации. Очевидно, что каждый такой показатель имеет сложную, комплексную природу и потому должен специально разрабатываться. Возьмем любой показатель, например 2.3.3. «Степень восполнения недостающих социально-экономических ресурсов». Как рассчитать эту степень? Для этого нам придется перечислить, какие именно социально-экономические ресурсы недостаточны в данной цивилизации, а затем каким-то образом определить степень их восполнения.

Наличие разработанных ключевых показателей и данных для их расчета позволяет перейти к исследованию прошлого и настоящего цивилизации (т. е. генотипа, процессов и вектора развития) на основе анализа количественно определенных индикаторов и причинно-следственных связей между ними. Такой анализ приведет к пониманию вектора развития, на основе которого и будут прогнозироваться компоненты будущего статуса цивилизации и статус в целом. Понятно, что предварительно должен быть выбран и горизонт прогноза.

4. Карта цивилизационного развития Китая

Проиллюстрируем изложенный выше подход на примере упрощенной карты цивилизационного развития Китая (см. схему 2). В генотипе выделяется конфуцианство, в котором есть религиозное ядро и развитая система социальных практик. Поэтому духовно-нравственная традиция оценивается достаточно высоко — 8 баллов. Государственно-политическая традиция автократична, оценивается в 5 баллов. В социально-экономической структуре сильна традиция госсобственности, оценка — 4 балла. В научно-технологическом компоненте отмечается изобретательность китайского национального характера при невысоком историческом опыте создания инновационных систем, оценка — 6 баллов. Социокультурный компонент базируется на древней и устойчивой культуре, поэтому оценка — 7 баллов. Демографические тренды с точки зрения воспроизводства населения — 10 баллов, поскольку в Китае происходил исторически быстрый рост населения до большой его абсолютной величины. Наконец, природно-географические (ресурсно-экологические) условия оцениваются в 4 балла. В основном это связано с формировавшимся в прошлом разрывом между ростом населения и наличными земельными, водными и другими ресурсами. Сумма баллов по генотипу — 44 из 70 максимально возможных. Это выше среднего, поэтому генотип конфуцианской цивилизации положительно влияет на современное развитие Китая.

В перспективе настоящего рассмотрим процессы в духовно-нравственной сфере. Процесс модернизации конфуцианства начался в 1920 гг. и был связан с именами таких мыслителей, как Фэнь Юлань, Хэ Линь, Го Можо, Моу Чжунсань, Хоу Вайлу, и преимущественно сводился к попытке ответить на культурно-цивилизационный вызов Запада. Современные наследники этого течения (Ду Вэймин, Чэн Чжунъин, Лю Шусянь) подчеркивают актуальность конфуцианского плюрализма («принцип один, но проявлений много») и гармонии. Это довольно сильный ответ на то, как приверженность единому принципу может осуществляться в многообразном и свободном мире.

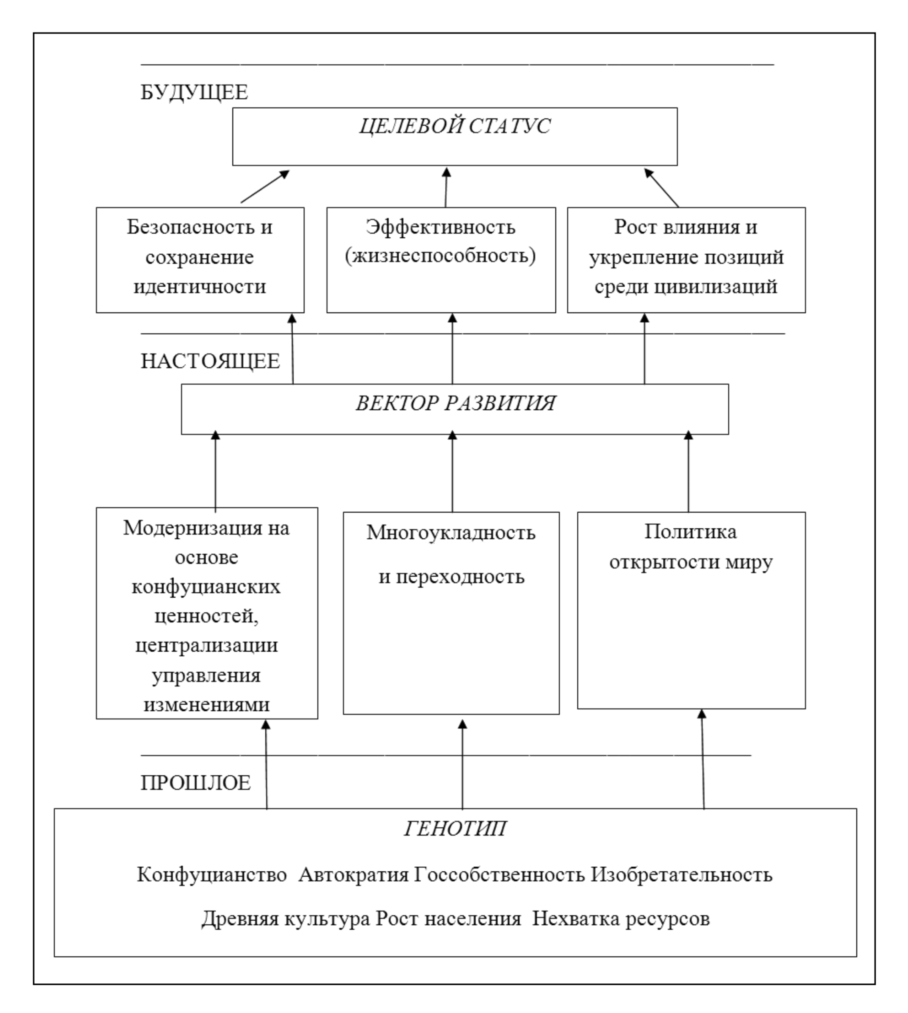

Схема 2

Упрощенная карта цивилизационного развития Китая

Сегодня ключевым принципом в конфуцианской цивилизации является отношение к народу (*минь бэнь*), которое исторически требовало от правителя постоянной заботы о материальной стороне жизни подданных, чтобы завоевать «сердце народа» и обеспечить в государстве стабильность и гармонию. Именно это сильное влияние генотипа (его духовно-нравственной части), с одной стороны, вызвало известный призыв Ху Цзиньтао «использовать власть для народа, соединить чувства с народом и помышлять об интересах народа», а с другой — обеспечило этому призыву неофициальное признание в качестве новых трех народных принципов.

Ближайшим проявлением принципа *минь бэнь* стала концепция гуманного правления (*жэнь чжэн*), которая в широком смысле объединила направление развития к обществу малого достатка (*сяокан*) и легитимизацию рыночных отношений и демократии, но не в качестве абсолютных ценностей, а как часть конфуцианского комплекса, определяемого руководством с точки зрения интересов народа. В 2005 г. на первое место в заявлениях китайских лидеров вышли лозунги движения к гармоничному обществу. В обновленную концепцию гармоничности входят политическая стабильность, уменьшение имущественной поляризации в обществе, поддержание экологического баланса, равномерное развитие регионов [подробнее см.: 4, с. 397–403].

Модернизация конфуцианства и его активное проникновение в текущую реальность привели к изменениям в текущем духовно-нравственном процессе. Он усложнился и стал многоукладным, сочетая конфуцианство как основную форму цивилизационной духовности Китая, официальную коммунистическую идеологию КПК и независимые концепции, генерируемые отдельными представителями и слоями китайского общества. Однако сама эта многоукладность все больше «укладывается» в круг конфуцианских тысячелетних ценностей, которые и призваны в конечном счете задать вектор духовно-нравственного развития Китая.

Это видно и в процессе духовно-нравственного межцивилизационного взаимодействия. Основным в этом процессе было предложено сделать конфуцианское положение об единении без унификации (*хэ эр бу тун*). В современном контексте это, скорее всего, означает желание Китая укреплять мир, гармонию и сотрудничество с Западом (единение) без перехода на позиции союзника Запада и признания его ценностей (унификации). Однако сам процесс явно мыслится как ориентированный на усиление духовно-нравственного влияния Китая, ибо ему предлагают «настойчиво добиваться, чтобы китайское мировоззрение единения без унификации разделялось и понималось всеми народами мира и, далее, чтобы оно получило на практике коллективное признание всеми странами мира, сформировало соответствующий этому международный механизм и институты» [Там же, с. 423–424].

В государственно-политической сфере автократическая традиция (как элемент генотипа) постоянно предопределяет смещение акцента на сильную государственную власть и централизацию управления. Однако это не означает, что генотип препятствует проведению необходимых реформ и модернизации. Он просто поддерживает реформы, которые совершаются под патронажем сильной власти и в условиях высокой централизации управления. Это приводит к весьма постепенной, растянутой во времени демократизации политической жизни КНР, которая осуществляется дозированно и поэтапно.

Опора на сильную власть и централизацию особенно заметна в социально-экономической сфере. Так, ответом на реальные проблемы китайской

экономики стала концепция «пять направлений единого планирования — новый взгляд на развитие экономики КНР». Идея единого планирования нашла отражение в 11-м пятилетнем плане (2006–2010 гг.). Особенность этого плана заключалась в том, что он разработан на макроуровне и предполагает создание системы планирования, охватывающей все общество сверху донизу и всю территорию КНР. Направляющим является государственный план, разрабатываемый Госсоветом и утверждаемый на ежегодных сессиях ВСНП. На основе этого документа разрабатываются планы в провинциях, округах, уездах, волостях, деревнях, отдельных хозяйствах, городах, отраслях, предприятиях, во всех сферах народного хозяйства, науке, образовании и т. п. Принципиальная особенность планирования на макроуровне заключается в том, что директивное планирование не является здесь всеобъемлющим, а ограничивается отраслями, программами, крупными предприятиями, имеющими стратегическое значение, и государственными финансами. Остальные сферы экономики, включая государственную, коллективную, индивидуальную, частную и экономику на иностранном капитале, действуют в условиях индикативного планирования.

Единое планирование мыслится в Китае как инструмент преобразования экстенсивной и затратной модели роста в интенсивную и ресурсосберегающую модель, опирающуюся на знания и инновации. Предполагается, что каждый регион, каждый субъект хозяйствования и экономическая система в целом должны неукоснительно добиваться реализации этой стратегии [5, с. 27–28]. Данная стратегия и ее основной инструмент — единое планирование представляют важнейший процесс модернизации в социально-экономической сфере. Базовый социально-экономический процесс находится под влиянием модернизационного процесса и постоянно совершенствуется, но пока остается недостаточно эффективным, многоукладным и переходным. Через политику открытости Китай стремится восполнять недостающие ресурсы за счет привлечения иностранного капитала, а также за счет массированного проникновения на экспортные рынки с помощью постоянно заниженного курса юаня. Последнее способствует образованию крупных валютных резервов и их использованию для модернизации экономики.

Принципиальное значение имеет развитие в научно-технологической сфере. Текущий процесс в этой сфере характеризуется определенным отставанием от уровня ведущих стран. Проявляется это в том, что формирование целостной национальной инновационной системы еще не завершено, Китай значительно отстает от развитых стран по числу исследователей в расчете на 1 млн. жителей и уровню финансирования фундаментальных исследований, НИОКР преимущественно ориентированы на опытно-конструкторские разработки. Так, за период 1995–2007 гг. финансирование фундаментальных исследований составляло 5% всех расходов на НИОКР (у стран-лидеров — 10–20%), все расходы на НИОКР в 2009 г. составили 1,59% ВВП (в США — 2,6%).

Однако положение все более меняется в лучшую сторону под усиливающимся воздействием модернизационного научно-технологического процесса. В данном процессе руководство КНР решающую роль отводит государственной политике и механизмам ее реализации. Цель государственной политики — обеспечить проведение необходимых изменений в организации и финансировании НИОКР, которые позволили бы стране выйти на уровень развитых стран. Для этого запущены определенные механизмы.

Например, в июне 1997 г. была принята государственная программа фундаментальных исследований. В рамках программы научный сектор не только получает наибольшие инвестиции (всю историю Китая) от центрального правительства для программ, ориентированных на проведение фундаментальных исследований, но также имеет наибольшую величину инвестиций по отдельным проектам. В среднем каждый самостоятельный проект финансируется в размере 20–30 млн. юаней на 5 лет.

Активно действует и процесс научно-технологического межцивилизационного взаимодействия, который позволяет постепенно преодолевать нехватку ресурсов (высококлассных специалистов и новейшего оборудования). Число направленных Академией наук Китая и принятых у себя по линии международных научно-технических обменов и сотрудничества специалистов составляет более 10 тыс. человек ежегодно. В государственных ключевых лабораториях (с 1984 г. их создано 220) применяются научные приборы самого высокого уровня, которые почти все ввезены из-за границы.

Объединенный (модернизационный, текущий и межцивилизационный) научно-технологический процесс обладает довольно высоким потенциалом. В Китае рассчитывают, что за период 2006–2020 гг. вклад научно-технического прогресса в экономическое развитие будет поднят более чем вдвое от сегодняшнего, до уровня выше 60%. Зависимость от импортных технологий снизится до 30% [6, с. 50–92].

Ситуация в социокультурной сфере сложнее. Переход Китая к рыночной экономике при сохранении институциональной преемственности в политической системе породил проблему разделения идеологического и коммерческого укладов культуры. На современном этапе китайских преобразований в официальной политической лексике произошло разделение понятий «дело культуры» (*вэньхуа шие*) и «индустрия культуры» (*вэньхуа чанье*). Модернизационный процесс здесь сводится к попытке привлечь в отрасль иностранные инвестиции и привнести в нее конкуренцию, сохранив государственный

идеологический контроль за производимой культурной продукцией [4, с. 409, 411]. Соответственно, в процессе межцивилизационного взаимодействия акцент ставится прежде всего на сохранение социокультурной идентичности Китая.

Здесь тоже исподволь действует конфуцианское мышление, обнаруживающее себя как основу именно цивилизации, а не политического строя. Это можно увидеть, например, в следующих высказываниях современных китайских авторов: «В строительстве социалистической духовной цивилизации самым сердцевинным направлением является сплочение и воспитание у целой нации, у всего народа общих идеалов и духовной основы горячей любви к социалистическому государству, которое они строят» [Там же, с. 408]. Если убрать прилагательные «социалистическая, социалистическое», которые в современных условиях довольно абстрактны, то мы увидим четкую конфуцианскую цивилизационную установку, которая дополняет концепцию «гуманного правления». А именно концепция «гуманного правления» выражает суть должного отношения государства к народу, а концепция «любви к государству, правящего гуманно», выражает суть должного отношения народа к государству.

Коротко отметим, что в демографической сфере Китаю удалось в последние десятилетия практически втрое снизить темпы естественного прироста населения. Так, в 1987 г. темп прироста населения составил 16,61%, а в 2004 г. — уже 5,87%. Благодаря политике государства в области ограничения рождаемости население Китая уже не растет сверхвысокими темпами.

В природно-географической сфере важны вопросы экологии и ресурсообеспечения. КНР располагает сравнительно полным набором полезных ископаемых, однако их достаточность неодинакова. К настоящему времени в стране обнаружены залежи 171 вида и определены запасы 158 видов полезных ископаемых. Китай является одним из лидеров по запасам редкоземельных элементов, угля, вольфрама, олова, молибдена, сурьмы, титана, гипса, магнезита, барита, флюорита, талька и графита. По таким видам полезных ископаемых, как железная руда, марганец, алюминий, медь, фосфор, преобладают небогатые залежи. Достаточно острую нехватку страна испытывает в алмазах, платине, хромите, калийной соли. КНР является третьей в мире страной по общим запасам полезных ископаемых, которые на середину 2004 г. оценивались в 16,56 трлн. долл. Однако по их подушевому объему — 15,1 тыс. долл. — Китай занимает только 53-е место [Там же, с. 210, 161]. Эти цифры приблизительно характеризуют ситуацию во всей сфере ресурсообеспеченности: страна имеет значительные ресурсы в абсолютном выражении, но на душу населения испытывает их явную нехватку, которую приходится восполнять за счет импорта и привлечения иностранного капитала.

Значительную нагрузку на экологию оказывает нынешняя преимущественно ресурсоемкая модель экономического роста Китая. Экологические потери реализации такой модели велики. Министерство охраны окружающей среды КНР определяет ежегодные экономические потери, вызванные деградацией природы для различных районов страны, в пределах от 5 до 13% ВВП. Удельные выбросы загрязняющих веществ, расход энергетических, материальных и водных ресурсов на выпуск единицы ВВП в Китае в 4–6 раз превышают показатели развитых стран. При этом общее количество выбросов загрязняющих веществ превышает способность самоочищения окружающей среды. В стране существует серьезная проблема эрозии почв. Только в результате водной эрозии ежегодно теряется более 3 млрд. т (по другим оценкам — даже 6 млрд. т) почвы. Интенсивно используются водные ресурсы с сильным превышением рациональных норм. Например, по рекам Хуанхэ, Хуайхэ и Дяохэ он составляет 60%, по реке Хайхэ — 90%, в то время как рациональный мировой уровень составляет 30%. Как следствие, по системе EPI (Environmental Performance Index — Индекс экологических достижений государств мира) Китай в 2008 г. занял 133-е место из 146 стран-участниц.

Положение серьезное, но в последнее десятилетие Китай неуклонно наращивал усилия в области охраны окружающей среды и добился определенных успехов. На XVII съезде КПК (октябрь 2007 г.) была поставлена цель создания экологически чистой и энергосберегающей экономики. В рамках программы сокращения энергопотребления и вредных выбросов введен новый термин — «экологическая цивилизация». В 2008 г. государство приняло Закон о содействии экологически чистому производству, Закон о предупреждении загрязнения окружающей среды твердыми отходами, Закон о содействии развитию экономики замкнутого цикла и ряд других нормативных актов и документов. На их базе в стране развернулась активная природоохранная деятельность.

Например, началось строительство показательных зон низкоуглеродной экономики и многие другие экологические проекты.

Короче говоря, сутью модернизационного процесса в ресурсно-экологической сфере является переход к новой — инновационной, ресурсосберегающей и чистой — модели экономического роста, стимулируемой и поддерживаемой комплексной и интенсивной природоохранной деятельностью государства и хозяйствующих субъектов. С другой стороны, Китай активно участвует и в межцивилизационной (международной) экологической деятельности, используя ее как источник дополнительных ресурсов и возможностей. Так, КНР принимает участие в десятках международных организаций и программах экологической направленности, присоединилась к более чем 50 международным

конвенциям по охране окружающей среды [7, с. 246–292].

Определим на основе вышесказанного оптимальность вектора развития Китая. Разумеется, такая оценка приблизительна и может в дальнейшем уточняться. Оптимальность субвекторов:

духовно-нравственного — 8 баллов;
государственно-политического — 6 баллов;
социально-экономического — 5 баллов;
научно-технологического — 6 баллов;
социокультурного — 4 балла;
демографического — 10 баллов;
природно-географического — 5 баллов.

Общая сумма баллов — 44 из 70 возможных (как и у генотипа). Или среднеарифметический балл составляет 6,3. Можно сделать вывод, что в настоящее время Китай полностью использует все возможности генотипа, и это позволяет ему рассчитывать в будущем на повышение своего статуса. Вероятно, в ближайшие два-три десятилетия статус Китая достигнет примерно 7–8 баллов по 10-балльной шкале.

Литература

1. Каплан Р., Нортон Д. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию. М., 2003.
2. Каплан Р., Нортон Д. Организация, ориентированная на стратегию. Как в новой бизнес-среде преуспевают организации, применяющие сбалансированную систему показателей. М. 2004.
3. Каплан Р., Нортон Д. Стратегические карты. Трансформация нематериальных активов в материальные результаты. М. 2005.
4. Кузык Б. Н., Титаренко М. Л. Китай — Россия 2050: стратегия развития. М. 2006.
5. Наумов И. Н. Экономическая стратегия КНР в XXI веке. Проблемы создания инновационной экономики и перехода от экстенсивной к интенсивной модели развития. — В кн.: Экономическая стратегия КНР в XXI в. и вопросы сотрудничества с Россией. М. 2009.
6. Петухов И. А. Фундаментальная наука — важнейший фактор инновационного развития КНР. — В кн.: Экономическая стратегия КНР в XXI в. и вопросы сотрудничества с Россией. М., 2009.
7. Кранина Е. И. Экологический фактор в социально-экономическом развитии Китая. — В кн.: Экономическая стратегия КНР в XXI в. и вопросы сотрудничества с Россией. М., 2009.

И. В. Дерюгина

Сельское хозяйство России в условиях догоняющей модернизации

С середины 80 гг. XX века в сельском хозяйстве стран-лидеров научно-технического прогресса началось становление нового этапа экономического роста, связанного с внедрением информационных технологий. В первую очередь этот процесс охватил ведущие страны Европы и Северной Америки, но постепенно благодаря усиливающейся глобализации вовлекает в свою орбиту все новые регионы мира.

Определим, что же представляют собой информационные технологии в земледелии и каково место сельского хозяйства России в процессе данной модернизации. Информационные технологии в сельском хозяйстве, получившие название «точное земледелие», предполагают дифференцированное использование ресурсов на различных неоднородных участках поля. В первую очередь «точное земледелие» — это сбалансированное сочетание всех составляющих производства: создание высокоурожайных семян (они создаются в биотехнологических научных лабораториях); оценка агроклиматических условий почв (осуществляется системами глобального спутникового слежения, с помощью электронных карт полей); дифференциальный полив и строго дозированное внесение удобрений (благодаря многофункциональным оросительным системам); полностью компьютеризированное управление всем процессом производства продукции (с использованием современных IT технологий); контроль за севооборотами; электронные версии отчетов о каждом цикле полевых работ.

В долгосрочной динамике направление технологической модернизации определяется типом сложившегося технологического способа производства (ТСП). Выделяются два пути, по которым может происходить процесс модернизации аграрного сектора в различных группах стран. В основе каждого лежит свой — исходный, сформировавшийся в течение длительного времени ТСП (землесберегающий в одной группе стран и трудосберегающий — в другой)[1]. Именно он определяет, какой из факторов производства будет претерпевать максимальные изменения в условиях модернизации: фактор продуктивности земли (при землесберегающем ТСП) или фактор производительности труда (при трудосберегающем ТСП). Исторически для большинства стран Востока был задан вектор модернизации в рамках землесберегающего ТСП, для стран Запада — трудосберегающего ТСП. Однако современный этап модернизации, основанный на информационных технологиях, в корне изменил соотношение двух факторов экономического роста.

Информационный этап развития производительных сил, зародившийся в странах трудосберегающего ТСП, по результатам роста продуктивности земли сблизил эти страны со странами землесберегающего ТСП. Например, в Великобритании, Германии, Нидерландах урожайность пшеницы составила свыше 80 ц/га, во Франции и Швеции — около 70 ц/га (см. табл. 1). Такие высокие для стран трудосберегающего ТСП показатели были обеспечены применением полного пакета технологий «точного земледелия», которые, помимо прочего, давали экономию ресурсов производства. Так, снизилось использование крупной механизированной техники (тракторов и комбайнов)[2], сократилась численность рабочей силы (например, в Нидерландах доля занятых в сельском хозяйстве с начала 1990-х до конца 2000 гг. сократилась с 5 до 2,7%, во Франции — с 6 до 3%. в Великобритании — с 2 до 1,5%, в Германии и Швеции — с 3 до 2,2%)[3].

Для сравнения в таблице 1 приведены показатели урожайности пшеницы в классических странах землесберегающего ТСП — Египте и Китае, их отличают высокие дозы применения минеральных удобрений и увлажнения почвы[4], но затраты труда в сельском хозяйстве этих стран остаются выше 30% от всех затрат труда[5], что как раз характеризует страны землесберегающего ТСП.

В США, стране с классическим типом трудосберегающего ТСП, до 80% фермеров в той или иной степени используют технологии «точного земледелия», но культивирование пшеницы в зонах слабого увлажнения делает экономически невыгодным использование описанных выше технологий на пше-

---

[1] Внутренние различия между двумя типами технологического способа производства описаны в работах: Hayami Yujiro, Ruttan Vernon W. Agricultural Development: An International Perspective. L., 1971, с. 44, 69; Мугрузин А. С, Е. Е. Яшнов об особенностях хозяйственного строя и истории Китая // Народы Азии и Африки. 1984, № 3, с. 154–166; Александров Ю. Г., Славный Б. И. Капитализм и трудовые ресурсы стран Востока // Азия и Африка сегодня. 1985, № 10, с. 20–25; Растянников В. Г., Дерюгина И. В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М., 2004, с. 26–34.

[2] Россия и страны мира 2010. Статический сборник. М., 2010, с. 249, 251.

[3] Мир в цифрах 1992. Статистический сборник. М., 1992, с. 83; Россия и страны мира 2010, с. 62.

[4] Так, при культивировании высокоурожайных сортов пшеницы в России рекомендовано потребление минеральных удобрений не менее 280 кг/га, а влаги — 300–900 мм осадков в год (см.: www.zernorus.ru/news от 23.12.2009).

[5] Рассчитано по: Гельбрас В. Г. Экономика Китайской Народной Республики. М., 2010, с. 466–469; Россия и страны мира 2010, с. 62.

ничных полях (урожайность пшеницы не поднялась выше 30 ц/га; см. табл. 1), поэтому они применяются в других отраслях земледелия (например, кукурузопроизводстве).

Таблица 1

Международные сопоставления продуктивности земли при различных ТСП*

	Урожайность пшеницы, *кг/га*			**Использование тракторов,** *штук/ 1000 га*	**Потребление минеральных удобрений**[1], *кг/га*
	1985	1990	2008	2007	2002
Великобритания	63,3	68,6	82,8	74	303
Германия	60,8	66,2	80,9	64	220
Нидерланды	66,5	76,3	87,3	138	425
Франция	60,1	64,9	71,0	61	217
Швеция	48,3	65,7	61,1	61	109
Россия	15,2	20,5	24,5	5	21
США	25,2	26,6	30,2	27	110
Египет	37,6	54,8	65,0	15	325
Китай	29,4	31,8	47,6	15	303

* *Составлено и подсчитано по*: Мир в цифрах 1992. Статистический сборник. М., 1992, с. 342; Россия и страны мира 2010. Статический сборник. М., 2010, с. 217, 249; Food and Agriculture Organization of the United Nations. FAOSTAT // www.faostat.fao.org.

[1] Показатели включают потребление всех минеральных удобрений в физическом объеме, расчет проведен на основании данных ФАО.

Россия в настоящее время определяет свой путь модернизации сельского хозяйства. В течение XX века в аграрном секторе России сформировался трудосберегающий ТСП, основанный на индустриальных производительных силах (хотя предпосылки его зарождения были заложены много раньше), и это предопределило ведущий путь его трансформации — через внедрение трудосберегающих технологий (механизации обработки почвы, посева, жатвы) и увеличение производительности труда (при одновременном сокращении численности занятых).

Если ретроспективно оценить динамику основных показателей экономического роста сельского хозяйства России (см. табл. 2), можно проследить динамику формирования трудосберегающего ТСП. Его становлению в том виде, в каком мы понимаем его сегодня (крупное по площади хозяйство, насыщенное механизированными средствами труда, с относительно низкой численностью занятых на единицу площади, соответственно, с высоким уровнем производительности труда; и значительно более низкой продуктивностью земли по сравнению с таковой в странах, принадлежащих к землесберегающему ТСП), дала импульс коллективизация на рубеже 20–30 гг. — создание крупных аграрных хозяйств (колхозов, совхозов) и начавшаяся в этот период промышленная индустриализация России (в составе бывшего СССР). Именно с этого времени вектор модернизации российского сельского хозяйства прочно повернулся в сторону трудосберегающего ТСП.

Таблица 2

Факторы экономического роста в аграрном секторе России*

Год	**Потребление минеральных удобрений в питательном веществе,** *кг/га пашни*	**Использование тракторов,** *штук/ 1000 га пашни*	**Продуктивность земли (урожайность зерновых),** *ц/га посевной площади*	**Производительность труда,** *кг зерна/ час затрат труда*
1913	1,3	-	8,0	-
1928	2,5	0,2	8,1	3,9
1932	-	1,2	6,8	7,3
1940	1,9	3,0	7,9	12,5
1950	2,3	3,9	7,2	10,9
1960	6,7	4,3	10,7	22
1965	19,8	6,3	9,0	32
1970	32,9	7,6	14,5	62
1975	59,9	8,9	9,4	72
1980	67,5	9,8	12,9	75
1985	85,0	10,9	15,1	89
1990	88,0	10,6	18,5	95
1995	17,0	9,3	11,6	81
2000	19,0	7,0	14,4	-
2005	25,0	6,0	17,9	-
2008	36,0	5,0	22,9	87

* *Подсчитано по*: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М., 1924; Сельское хозяйство СССР 1925–1928. Сборник статистических сведений. М., 1929; Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935. М., 1936; Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. М., 1990; Народное хозяйство РСФСР в 1964 г. Статистический ежегодник. М., 1965; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002; Сельское хозяйство России 2009. Статистический сборник. М., 2009.

От рубежа 20–30 гг. начинается существенный рост использования тракторов (с 0,2 штук на 1000 гектаров пашни в 1928 г. до 4,3 штук в 1960 г.), что приводит к значительному увеличению производительности труда в первую очередь в растениеводстве (с 3,9 кг зерна на час затрат труда в 1928 г. до 22 кг в 1960 г.) (см. табл. 2). Фактор начавшегося трудосберегающего этапа хорошо прослеживается в сокращении относительного числа занятых в сельском хозяйстве. Так, за десятилетие, 1928–1939 гг., удельный вес занятых в сельском хозяйстве сократился почти на 30 процентных пунктов, а в последующие два десятилетия, 1939–1958 гг. (причем на десятилетие 40 гг. пришлись война и восстановительный период), еще на 20 процентных пунктов (см. табл. 3).

Таблица 3

Удельный вес населения занятого в сельском хозяйстве во всем занятом населении*

Год	СССР[1]	Год	Россия
1913	75%	1985	13%
1928	80%	1990	11%
1937	56%	1995	14%
1939	51%	2000	13%
1958	31%	2005	11%
1961	33%	2008	10%

* *Составлено по*: Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник. М., 1961, с. 565; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992, с. 964 Страны-члены СНГ. Статистический ежегодник. М., 1992, с. 329,339; Сельское хозяйство России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 18; Сельское хозяйство России 2009. Статистический сборник. М., 2009, с. 24.

[1] Показатели касаются территории СССР, так как опубликованные итоговые данные переписи населения 1939 г. не содержат показателей по отдельным республикам. Однако в переписи 1959 г. таковые данные уже приводятся: 25% от всего населения составляли колхозники, 4% — рабочие и служащие совхозов, 0,2% — работники личного подсобного хозяйства (ЛПХ) (См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1959, с. 25; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960, с. 454).

Следующий период модернизации аграрного сектора России начался с середины 60 гг. XX века и был связан с технологическим перевооружением производственной базы сельского хозяйства[6]. Во-первых, продолжалось наращивание высокомощных механизированных средств обработки почвы (количество тракторов в 1990 г. увеличилось в 2,5 раза по сравнению с 1960 г., причем существенно выросла их мощность). Во-вторых, начала набирать силу вторая составляющая модернизационного процесса, ответственная за рост продуктивности земли и проявившаяся в резком росте химических средств (только потребление минеральных удобрений выросло с 6,7 кг/га в 1960 г. до 88 кг/га в 1990 г.; см. табл. 2). Однако, как и следует из условий трудосберегающего ТСП, итог этого этапа модернизации выразился в значительном приросте производительности труда (выход зерна увеличился с 22 кг/час затрат труда в 1960 г. до 95 кг/час в 1990 г.) и относительно более скромном приросте продуктивности земли (урожайность зерновых увеличилась с 10,7 ц/га в 1960 г. до 18,5 ц/га в 1990 г. и 14,7 ц/га в 1991 г.[7]). В то же время модернизация характеризовалась продолжавшимся сокращением удельного веса занятых в сельском хозяйстве (с 31% в 1961 г. до 11% в 1990 г.; см. табл. 3).

Развал социалистической экономики СССР и переход России к рыночным отношениям в 90 гг. XX века ознаменовались разрушением ресурсной базы сельского хозяйства. Потребление удобрений на гектар пашни сократилось с 88 кг/га в 1990 г. до 19 кг/га в 2000 г., показав уровень середины 60 гг., использование тракторов на 1000 гектар пашни за этот период снизилось с 10,6 до 7 штук, фиксируя уровень второй половины 60 гг. (см. табл. 2). Это привело к снижению эффективности сельскохозяйственного производства, однако, несмотря на разрушение производственной базы, к настоящему времени сохранен базис трудосберегающего ТСП.

За последние двадцать лет (1991–2011 гг.) в растениеводстве (именно оно стало ведущей отраслью сельского хозяйства в России) сформировалось хозяйство, уникальное по своим организационно-производственным характеристикам. Свой ресурсный и производственный базис оно унаследовало (с учетом вышеназванных разрушений) от бывшей колхозно-совхозной собственности, но изменился тип включения его в систему народного хозяйства страны: плановые формы, регулирующие обмен сельскохозяйственного продукта, сменились рыночными отношениями, контролируемыми крупным торговым капиталом (агрохолдинги).

Основой растениеводческого хозяйства России в бытность ее в составе СССР — до 1990 г. были коллективные хозяйства (колхозы и совхозы), в которых производилось более 99,9% зерна, подсолнечника, сахарной свеклы. После 90 гг. XX века на растениеводстве специализируются «сельскохозяйственные организации», занимающие в настоящее время более 70% всех сельскохозяйственных угодий, и хотя удельный вес продукции растениеводства в них за последние годы стал несколько сокращаться, в 2008 г. они все еще брали на себя производство 78% зерновых, 71% подсолнечника, 90% сахарной свеклы. Средняя посевная площадь, приходящаяся на хозяйство, остается неизменной

---

[6] Подробнее см.: Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795–2007. М., 2009, с. 107.

[7] Подробнее см.: там же, с. 20–21.

с 1970 гг. и составляет 3,0–3,5 тыс. га (временное сокращение средней посевной площади на одно объединение до 1,7 тыс. га в 2001 г. связано, по-видимому, с особенностями учета и организации форм хозяйств, действовавших в то время) (см. табл. 4 и рис. 1).

Таблица 4

Средняя площадь, приходящаяся на одну сельскохозяйственную организацию*

	Колхозы					**Сельскохозяйственные организации**	
	1959	**1970**	**1975**	**1980**	**1987**	**2001**	**2008**
Средняя посевная площадь на хозяйство, *тыс.га*	2,7	3,0	3,4	3,7	3,5	1,7	3,1
Средняя площадь сельхозугодий на хозяйство, *тыс.га*	6,6	6,1	6,4	6,6	6,3	6,4	6,9

* *Составлено по:* Сельское хозяйство СССР 1988. М., 1988; Сельское хозяйство в России 2002. М., 2002; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России 2009. М., 2009.

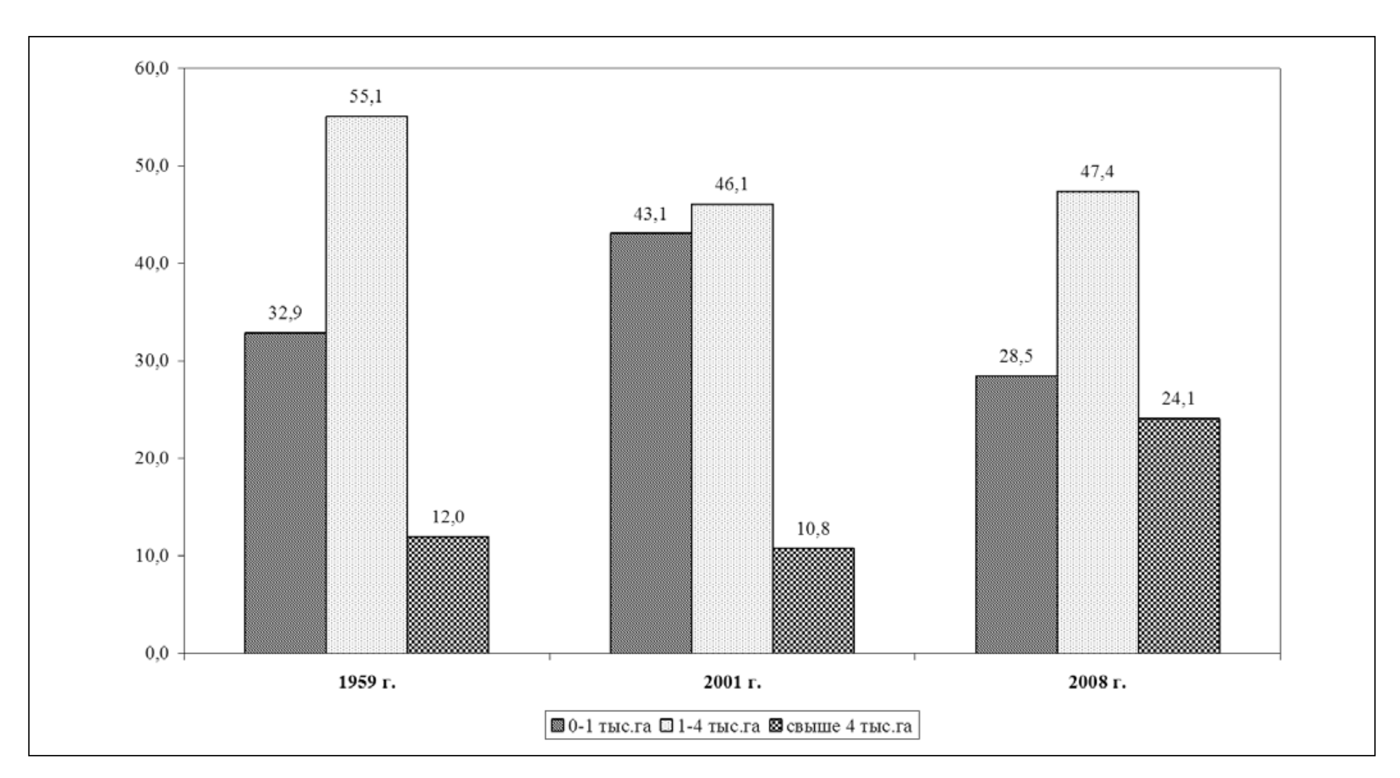
Таким образом, если в растениеводстве рассматривать землю как основной (природный) фактор производства, то можно заключить, что тип и структура его использования в сельскохозяйственных организациях изменились незначительно.

Два других фактора производства (труд и капитал) после 1990 гг. претерпели существенные изменения в сторону сокращения. Относительные показатели занятости в аграрном секторе, как показано выше (см. табл. 3), снижались, начиная с рубежа 20–30 гг. С 1970 г. стали падать и абсолютные показатели занятости, а к 2008 г. численность занятых в сельском хозяйстве России составила 6,6 млн. человек, или 10% от общего числа занятых, причем, что через 30 лет она упадет еще на четверть (см. рис. 2 и табл. 2).

Старение и выбытие основного капитала в сельском хозяйстве России началось в 90 годах XX века и было обусловлено кризисом перехода к рыночному хозяйству. Доля основных фондов в сельском хозяйстве по отношению ко всем основным фондам народного хозяйства сократилась с 14% в 1995 г. до 3% в 2008 г., но в конце 2000 гг. все же произошел перелом в соотношении роста и выбытия капитала. Так, коэффициент обновления основных фондов в 2008 г. (равный 4,8) стал несколько выше коэффициента их выбытия (3,7), хотя еще в 2005 г. все обстояло наоборот — коэффициент обновле-

Рис. 1

Группировка сельскохозяйственных организаций/колхозов по размеру посевной площади*
(в процентах от общего числа сельскохозяйственных организаций/колхозов)

* *Составлено по*: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1960; Сельское хозяйство в России 2002. М., 2002; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России 2009. М., 2009.

Рис. 2

Численность занятых в сельском хозяйстве (1970–2008 гг.) и прогноз (2037 г.)*, тыс.чел.

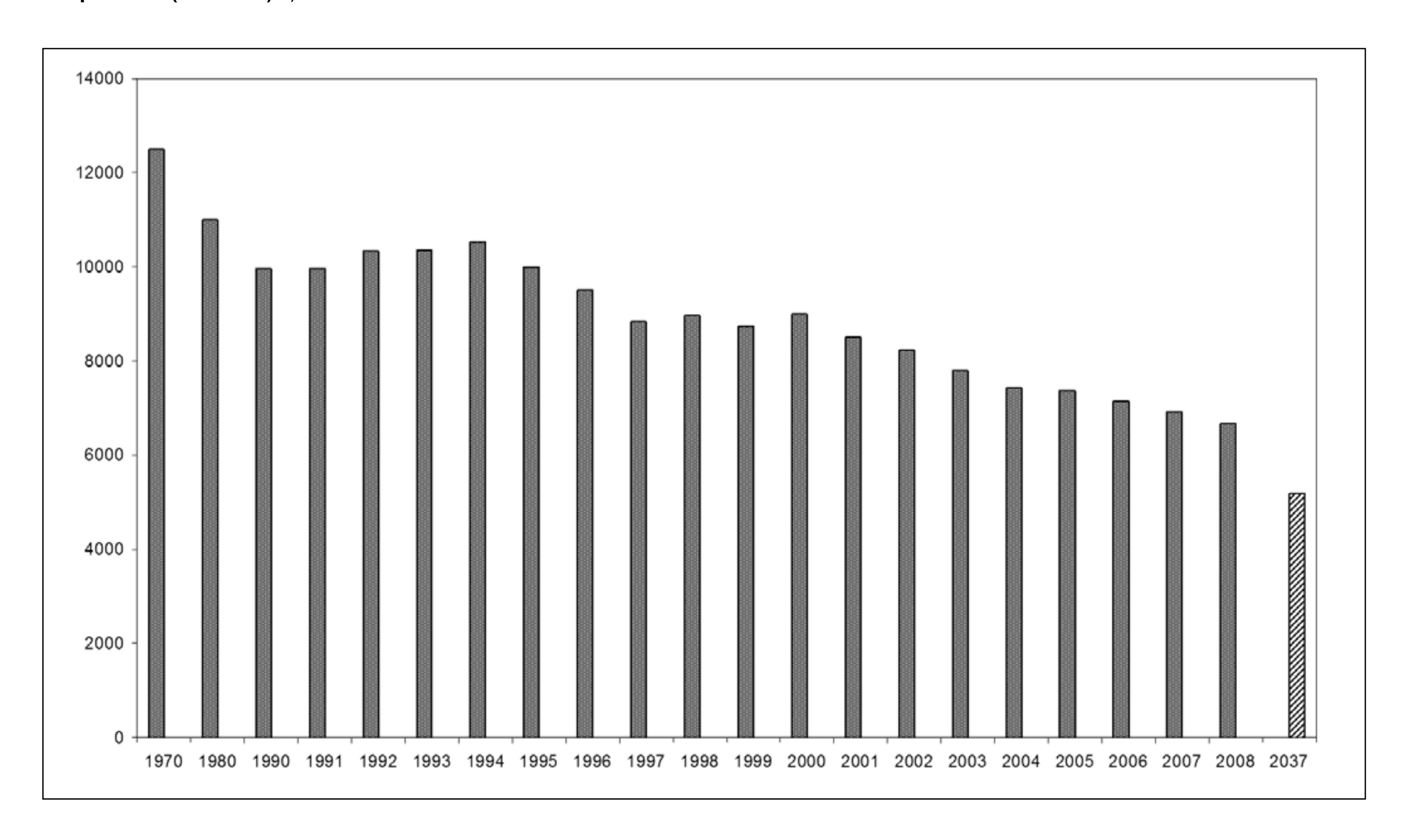

Рис. 3

Структура основных фондов в аграрном секторе России
(в процентах от всех основных фондов в сельском хозяйстве)

80
70
60
50
40
30
20
10
0

46,5 23,8
53,1 20,6
61,5 13,7
64,6 16,6
75,5 16,1
72,3 17,7
58,5 26,7
42,2 40,4
39,8 42,9

1964
1971
1978
1990
1996
2000
2005
2008
2009

здания и сооружения
машины и оборудование

ния (2,4) был ниже коэффициента выбытия (4,2)[8]. Несколько изменилась структура основного капитала. Если в конце 1990 гг. материальное воплощение основные фонды находили в «зданиях и сооружениях», то в современный период из-за ограниченности инвестиционных средств они сосредоточились в «машинах и оборудовании» как объектах, предполагающих наиболее быструю отдачу (см. рис. 3).

К настоящему времени сельское хозяйство России сохраняет производственный базис трудосберегающего ТСП, который в значительной степени основан на индустриальных производительных силах. Между тем существуют определенные предпосылки того, что в ближайшее время в России должен наступить новый этап модернизации, предполагающий переход к информационным технологиям. Из элементов «точного земледелия» в России в первую очередь распространены (в отдельных регионах) электронные карты полей и системы агрохимического обследования почв; для южных районов разработаны высокоурожайные сорта пшеницы, которые могли бы давать урожайность свыше 100 ц/га при использовании пакетной технологии внесения удобрений и орошения; в некоторых хозяйствах внедрены системы мониторинга сельскохозяйственной техники; созданы предпосылки для отдаленного автоматизированного управления техникой через спутниковую связь (GPS).

Но нехватка инвестиционных средств, огромный ценовой диспаритет между закупочными зерновыми ценами и ценами на высокоурожайные семена, минеральные удобрения, специальную технику (например, управляемые многофункциональные оросительные системы фирмы Valley), распространение зернопроизводящего хозяйства в зонах недостаточного увлажнения не позволяет даже крупным аграрным хозяйствам комплексно применять технологии «точного земледелия». В настоящее время государство, хотя и в бесконечно малой степени, пытается компенсировать ценовой диспаритет, например крестьянам начали компенсировать 30% стоимости высокоурожайных сортов зерна (что, по прогнозам, к 2012 г. поднимет долю высокоурожайной пшеницы в посевах до 15% против 10% в 2009 г.). Кроме того, с 2009 по 2012 г. должно быть выделено 407 млрд. руб. (капля в море) на ремонт ирригационных сооружений, обновление лесополос. Но данные мероприятия вряд ли позволят в целом аграрному сектору России перейти на новый этап развития, определяемый информационными технологиями, хотя это и не исключено в отдельных крупных хозяйствах.

В связи с этим интересно проанализировать, как в условиях сложившейся модели экономического роста в сельском хозяйстве России будет формироваться граница производственных возможностей модернизации. Одной из признанных моделей экономического роста при господстве индустриальных производительных сил является модель Р. Солоу, ее инструментарий позволяет оценить воздействие объемов основного капитала как ведущего фактора модернизации аграрного производства на величину валовой продукции сельского хозяйства.

Модель Р. Солоу описывает зависимость производительности труда работника от капиталовооруженности одного работника. Если ввести следующие обозначения: Y — стоимость валовой продукции на одного занятого (производительность труда), K — стоимость основных фондов на одного занятого (капиталовооруженность одного работника), α — технологический коэффициент, β — коэффициент эластичности изменения производительности труда в зависимости от изменения капиталовооруженности, тогда модель Р. Солоу имеет вид:

$$Y=\alpha\times K\beta$$

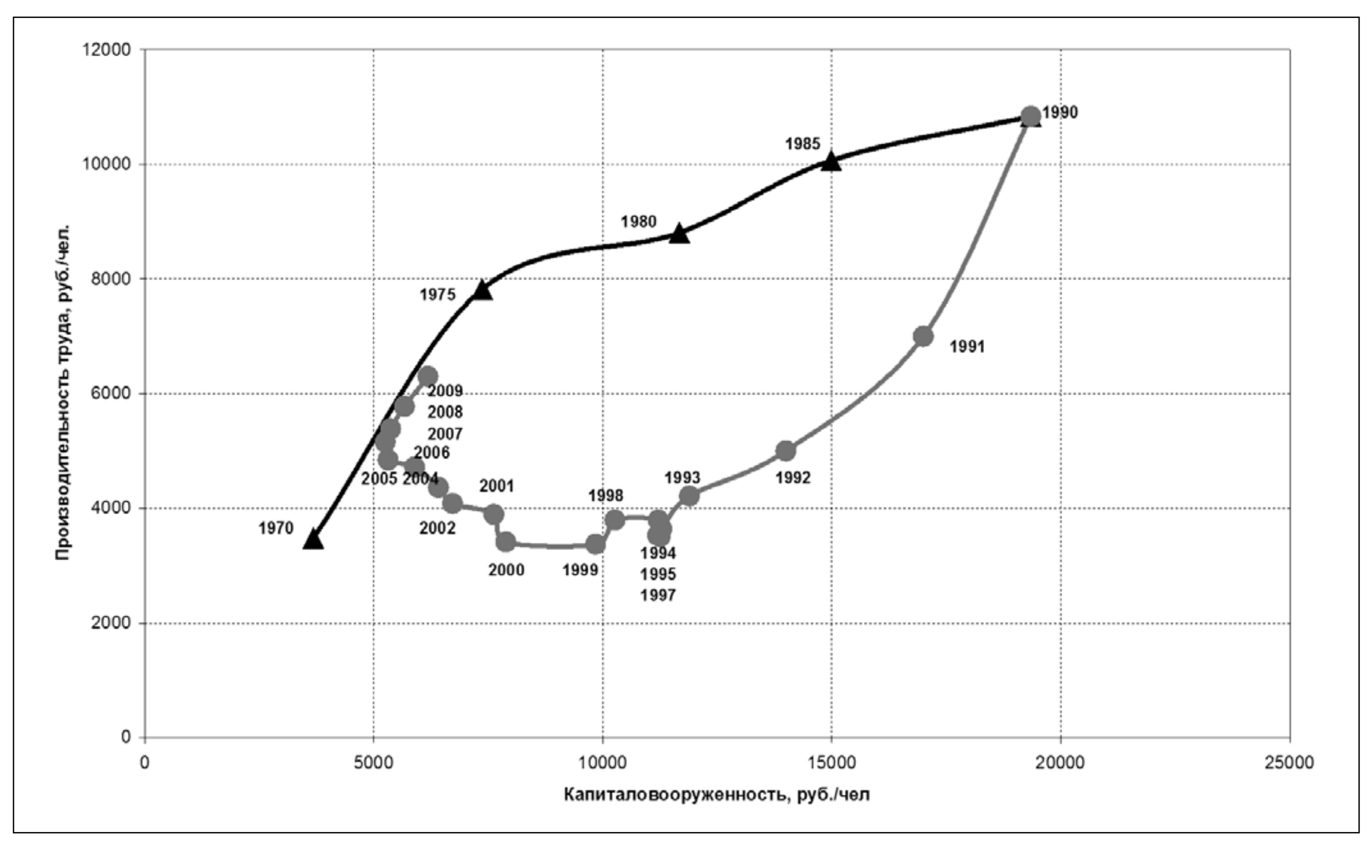
Неоклассическая модель Р. Солоу была разработана для ответа на два вопроса: во-первых — какой темп роста может позволить себе экономика при заданных технологических параметрах экономической системы, и во-вторых — какой уровень капиталовооруженности необходим для сбалансированного (устойчивого) экономического роста в стране. В данной работе предлагается использовать модель Р. Солоу для оценки воздействия изменения капиталовооруженности труда в сельском хозяйстве на производительность труда при сложившемся ТСП и устойчивости технологических параметров аграрного производства, а именно — индустриальных производительных сил, характера использования природных ресурсов, форм производственной и управленческой организации. Для решения этой задачи модель Р. Солоу интересна тем, что она оперирует показателями в расчете на одного занятого. Этот факт позволит на первом этапе анализа проигнорировать проблемы нехватки трудовых ресурсов в сельском хозяйстве и сосредоточиться, во-первых, на выявлении качественной зависимости производительности труда от капиталовооруженности работника; во-вторых, на оценке влияния увеличения капиталовооруженности на производительность труда; в-третьих, на определении пределов технологической модернизации при современном ТСП в аграрном производстве.

Построим для аграрного сектора России график зависимости среднего уровня производительности труда в сельском хозяйстве от изменения капиталовооруженности одного работника (см. рис. 4). Статистические показатели производительности труда в сельском хозяйстве (стоимость валовой продукции на одного занятого) и капиталовооруженности работника (стоимость основных фондов, приходящихся на одного занятого), необходимые для построения графика, рассчитаны для РФ (РСФСР до 1990 г.)

---

8 Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002, с. 23, 25; Сельское хозяйство России 2009. Статистический сборник. М., 2009, с. 37, 39.

Рис. 4
Зависимость производительности труда от капиталовооруженности одного занятого в аграрном секторе России. Модель Р. Солоу

за сорокалетний период, с 1970 по 2009 г. в сопоставимых ценах 1965 г.[9]

Рассмотрим подробнее график модели Р. Солоу, представленный на рисунке 4. По оси ординат отложены данные о производительности труда в сельском хозяйстве, по оси абсцисс — капиталовооруженность одного работника в сельском хозяйстве. Годы, за которые взяты статистические данные, нанесены на полотно графика около соответствующих точек.

На графике (см. рис. 4) видно, что кривые зависимости производительности труда от капиталовооруженности в отдельные исторические периоды имеют различные конфигурации.

Верхний отрезок — отражает зависимость производительности труда от капиталовооруженности работника в период 1970–1990 гг. Этот отрезок имеет нормальный вид кривой Солоу с убывающей по мере роста капиталовооруженности предельной отдачей капитала. (Несмотря на то, что Р. Солоу предложил свою модель для рыночной экономики со свободным движением рыночных цен, будучи неоклассической по своей сути, она отражает технологическую зависимость между результатом производства и факторами производства; поэтому в ограниченно-технологическом виде вполне возможно использовать ее для плановой экономики.) Рост капиталовооруженности на верхнем отрезке графика определялся государственными вложениями ресурсов в аграрный сектор. Спурт инвестиций начался с середины 60 гг. XX века, с началом периода технологической модернизации сельского хозяйства, и именно он определил крутой подъем производительности труда в период 1970–1975 гг. После 1975 г. начинается более медленный подъем производительности труда при сохранении тех же темпов увеличения капиталовооруженности. Это связано с тем, что предельная отдача капиталовложений затухала, т. е. каждая дополнительная единица капитала, вложенная в аграрный сектор, давала все меньший эффект, выражавшийся в более медленном росте производительности труда (ту же динамику мы можем проследить по данным таблицы 1). Зависимость производительности труда от капиталовооруженности одного работника в период 1970–1990 гг. определяется регрессионным уравнением:

$$Y=14{,}3\times K0{,}684;\ R2=0{,}92;\ N=5 \quad (1)$$

Нижний отрезок графика (см. рис. 4) отражает зависимость производительности труда от капиталовооруженности работника в период 1990–2009 гг. Он показывает динамику производительности тру-

[9] Подсчитано по: Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1971; Сельское хозяйство СССР. Статистический сборник. М., 1988; Сельское хозяйство [СССР]. Статистический сборник. М., 1991; Сельское хозяйство России 1995. Статистический сборник. М., 1995; Сельское хозяйство в России 2002. Статистический сборник. М., 2002; Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России 2009. Статистический сборник. М., 2009.

да при сокращении капиталовооруженности работника — процесса, запущенного с начала 1990 годов кризисом экономики России, обусловленным развалом социалистических форм хозяйствования и формированием рыночных отношений. Зависимость производительности труда от капиталовооруженности в период 1990–1999 гг. определяется регрессионным уравнением:

$$Y=0{,}0008\times K^{1{,}654};\ R^2=0{,}94;\ N=10 \quad (2)$$

Сокращение объемов основных фондов в расчете на работника привело к падению производительности труда в сельском хозяйстве, причем это падение в течение десятилетия 90 гг. происходило в два раза быстрее, чем была скорость его роста в период 1970–1990 гг. Однако производительность труда, упав к концу 90 гг. до уровня 1970 г., далее сокращаться не стала и при дальнейшем уменьшении капиталовооруженности остановилась на этих значениях. А с начала 2000 гг. начался некоторый рост производительности труда при еще продолжавшемся снижении капиталовооруженности; это можно объяснить формированием после кризиса 1998 г. новой политики государства по отношению к аграрному сектору, в частности к институциональной и организационной составляющим процесса сельскохозяйственного роста[10].

Во второй половине 2000-х гг. капиталовооруженность начала медленно увеличиваться, в сельское хозяйство пришли небольшие инвестиции, улучшилась организация производства, и, как следствие, производительность труда стала постепенно увеличиваться — график кривой Солоу повернул кверху (период 2006–2009 гг.). Но что интересно, динамика экономического роста стала повторять траекторию периода 1970–1975 гг. Это указывает на то обстоятельство, что экономическая эффективность (отдача) ресурсов в аграрном секторе сохранилась на уровне 70-х гг. XX века. Если бы эффективность ресурсов качественно изменилась, то линия 2006–2009 гг. пересекла бы старую траекторию и зафиксировала движение выше линии 1970–1975 гг. То есть можно констатировать, что постепенно начавшийся во второй половине 2000-х гг. рост эффективности сельскохозяйственного производства в России повторяет исторический спурт 1970–1975 гг.

Вместе два отрезка кривой Солоу в периоды 1970–1990 гг. и 1990–2009 гг. (см. рис. 4) очерчивают границу производственных возможностей экономического роста в сельском хозяйстве России при сложившемся технологическом способе производства (ТСП). Верхний отрезок графика (период 1970–1990 гг.) фиксирует верхнюю границу, выше которой производительность труда при современных индустриальных силах и технологиях, господствующих в сельском хозяйстве России, подняться, согласно законам экономики, не сможет. Нижний отрезок (период 1990–2009 гг.) очерчивает нижнюю границу производственных возможностей аграрного производства в России.

Небольшие расчеты (на основании первого регрессионного уравнения) показывают: для того чтобы достичь уровня производительности труда 1990 г., необходимо увеличить объем основных фондов, приходящихся на одного занятого, в три раза. Превзойти же этот уровень вряд ли удастся из-за сокращающейся предельной отдачи капитала. Количество же трудоспособного сельского населения согласно «Прогнозу демографического развития российского села» Института аграрных проблем РАН (Саратов) сократится за ближайшие 30 лет примерно на 25%, соответственно нагрузка на одного занятого в сельском хозяйстве существенно возрастет.

Таким образом, даже значительное увеличение вложений капитала в аграрное производство при доминировании в этом производстве индустриальных производительных сил (а они доминируют сегодня далеко не во всех категориях хозяйств и видах экономической деятельности аграрного сектора) не сможет вызвать скачок в производстве сельскохозяйственной продукции, а следовательно, обеспечить стабильную продовольственную безопасность России.

Расчеты, сделанные в соответствии с моделью Р. Солоу, еще раз подтверждают изложенное выше заключение, что модернизацию следует понимать исключительно как изменение технологического базиса сельского хозяйства и перехода к информационным технологиям, иначе не избежать «движения по кругу». Только применение пакетных технологий «точного земледелия», по пути которых уже прошли ведущие страны Европы, позволит переломить ситуацию в сельском хозяйстве страны. Практически в настоящее время перспектива реальной модернизации видится в значительном увеличении государственной поддержки сельскохозяйственных производителей и внедрении методов государственного регулирования, особенно — политики закупочных цен, учитывающей издержки производства и затраты на дорогостоящие технологии «точного земледелия», новых методов участия государства в кредитовании (возможно, через лизинговые схемы), страховании, обучении сельскохозяйственных производителей.

В связи с тем, что Россия оказывается в условиях догоняющей модернизации, а инвестиционные ресурсы сильно ограничены, наиболее вероятно создание специальных «зон роста», где будет происходить локальная модернизация, решающая на нынешнем этапе задачи экономического роста в аграрном секторе.

---

[10] В этот период стартует процесс концентрации земли под управлением крупных агрохолдингов, государство постепенно начинает осуществлять институциональную поддержку аграрного сектора и решать проблему доступа производителей сельскохозяйственной продукции к денежным ресурсам (подробнее см.: Дерюгина И. В. Аграрный сектор России: циклы и кризисы 1998–2009 годов // Вопросы статистики. 2010, № 3, с. 65–69).

Ю. А. Макеев

Банковская система КНР в период реформ

До начала экономических реформ Народный банк Китая (НБК) выполнял одновременно функции, характерные для центрального и коммерческого банка, являясь государственным эмиссионным банком, осуществляя при этом кредитование промышленности и торговли, страховые операции и т. д. Банковское кредитование осуществлялось на основе директивных методов в соответствии с планами развития народного хозяйства. Механизма эффективного управления денежной массой не существовало, правительство, как и государственные предприятия, могло получать кредиты практически без каких-либо ограничений.

В 1979 г. институциональная структура банковского сектора КНР была кардинально изменена. Из Народного банка Китая были выделены в отдельные организации: Сельскохозяйственный банк Китая (СХБК), учрежденный на базе Бюро по управлению сельскими отделениями НБК, и Банк Китая, которому были переданы операции по обслуживанию внешнеэкономической деятельности. Позднее от министерства финансов КНР был отделен Строительный банк Китая (СБК), основной сферой деятельности которого, как предполагалось, должно было стать обслуживание строительного комплекса.

Важные преобразования произошли в 1983 г., когда Государственный совет принял решение о создании на базе НБК отдельной организации, выполняющей функции центрального банка. С этой целью из структуры НБК были выделены все подразделения, занимавшиеся привлечением депозитов и размещением кредитов, а также другой банковской деятельностью, на основе которых был создан Китайский промышленно-торговый банк (КПТБ). Одновременно была выделена в самостоятельную организацию Китайская народная страховая компания. В ведении КПТБ оказались подразделения НБК, занимавшиеся банковской деятельностью в городах. Таким образом, НБК были оставлены полномочия по контролю за работой банковской системы, а также осуществление кредитно-денежной политики, а из выделенных из его состава и министерства финансов подразделений была создана система специализированных государственных банков.

Принятие в 1995 г. «Закона о Народном банке Китая» и «Закона о коммерческих банках» ознаменовало собой новый этап преобразований китайского банковского сектора. В 1994 г., с целью отделения некоммерческой деятельности государственных банков, из их структуры были выделены подразделения, в ведение которых была передана деятельность по финансированию строительства важнейших народнохозяйственных объектов, а также другие операции, получившие название политического кредитования. В общем смысле под политическим кредитованием подразумевается деятельность банков, осуществляемая по требованию правительства с целью обеспечения финансирования приоритетных проектов, при этом эти кредиты могут одновременно подпадать и под определение коммерческих. Всего таким образом было учреждено три «политических» банка — Государственный банк развития Китая, Экспортно — импортный банк Китая и Банк развития сельского хозяйства Китая. Одновременно два акционерных коммерческих банка получили лицензию на осуществление деятельности в общенациональном масштабе, шесть — на региональном уровне, также были созданы два сберегательных банка. В дополнение ряд городских и сельских кредитных кооперативов были объединены и начали функционировать в качестве коммерческих банков.

Предоставление банками кредитов до 1998 г. осуществлялось на основе разработанного правительством кредитного плана. Он являлся частью общегосударственного инвестиционного плана, который разрабатывался ежегодно государственным комитетом по планированию при участии различных министерств и ведомств, в том числе НБК и министерства финансов, и затем утверждался Госсоветом КНР. НБК играл важную роль в распределении финансовых средств для осуществления инвестирования, так как поступление большей части ресурсов происходило через банковскую систему. При этом Государственный комитет по планированию играл ключевую роль в распределении инвестиционных средств, направляя значительную долю ресурсов на финансирование ключевых государственных проектов, а также предоставляя средства провинциальным комитетам по планированию для инвестирования в важнейшие проекты провинциального уровня. Определенная часть средств предоставлялась различным министерствам для последующего распределения между подведомственными предприятиями.

Инвестиционный план разрабатывался следующим образом. В течение года Госкомитет по планированию и провинциальные комитеты по планированию рассматривали все значительные инвестиционные проекты — планы предприятий по осуществлению инвестиций в основные фонды, разрабатываемые инфраструктурные проекты. После тщательного исследования и проработки принималось решение финансировать эти проекты или, что случалось чаще, отказать в предоставлении средств. В случае если проект проходил отбор, на его осуществление предоставлялась квота как в форме

взноса в капитал создаваемого предприятия, так и в виде банковского кредита на инвестирование средств в основные фонды. В кредитном плане устанавливались квоты для каждого банка на предоставление кредитов, размер кредитов, которые банк мог получить у НБК, и величина средств, направляемых на прямое финансирование предприятий.

Действие кредитного плана первоначально распространялось на всю банковскую систему. Одобренный правительством в 1993 г. план развития банковской системы предусматривал постепенное упразднение кредитного плана. С 1995 г. действие кредитного плана было ограничено четырьмя государственными коммерческими банками и четырьмя общенациональными коммерческими банками (Банком путей сообщения, Промышленным банком КМТИК, Банком Хуася и Банком Гуанда). Остальные банки при осуществлении своей деятельности должны были придерживаться определенного НБК соотношения между привлеченными депозитами и выданными кредитами. Значение кредитного плана постепенно снижалось, и в январе 1998 г. он был заменен более мягкой системой, предусматривающей установление индикативных параметров деятельности отдельных банков. Индикативные параметры служат основой для выработки коммерческими банками планов своей деятельности. Так, установленный на 1998 г. для «большой четверки» ориентировочный размер новых кредитов был определен на уровне 1 трлн. юаней — на 25% больше предусмотренного кредитным планом предыдущего года[1].

На получение средств, распределяемых посредством кредитного плана для осуществления инвестиций, могли претендовать в основном государственные предприятия. Кредиты (сроком более чем на три года) для приобретения основных средств практически полностью поступали в распоряжение государственных предприятий. Получение краткосрочных кредитов для пополнения оборотного капитала было доступно для более широкого круга заемщиков. Основным условием их получения при этом становилось финансовое положение предприятия. Сложности также могли возникнуть при получении больших, по китайским меркам, кредитов (на сумму более 10 млн. юаней) или в случаях, когда местное отделение банка израсходовало квоту на предоставление кредитов на пополнение оборотных средств.

Основным получателем кредитов государственных банков, к которым, помимо «большой четверки», относятся политические банки, Банк коммуникаций, Промышленный банк КМТИК и Почтово-сберегательный банк, являлся государственный сектор. На конец 2000 г. государственные предприятия привлекли кредитов на 6,173 трлн. юаней, что составило 80,8% всех выданных госбанками кредитов. Частный сектор получил лишь 5,8% всех выданных кредитов на сумму 444,8 млрд. юаней. Предприятия других форм собственности — поселково-волостные предприятия и совместные предприятия — получили 1,02 трлн. юаней, что составило 13,4% обшей суммы кредитов. В структуре получателей кредитов остальных коммерческих банков КНР также преобладали государственные предприятия. Таким образом, структура получателей банковских кредитов не соответствовала вкладу различных секторов в создание ВВП.

После упразднения механизма распределения кредитов на основе кредитного плана основными получателями банковских кредитов по — прежнему остаются государственные предприятия. Государство сохраняет значительный контроль над банковской системой, ориентируя ее на кредитование приоритетных проектов.

После вступления в ВТО в декабре 2001 г. Госсовет КНР активизировал усилия по оздоровлению банковской системы, инициировав тем самым начало следующего этапа реформы банковской отрасли. В феврале 2002 г. была проведена Вторая национальная финансовая рабочая конференция, в ходе которой были выработаны подходы к плану модернизации банковской системы. Основными целями плана стали подготовка крупнейших банков к проведению IPO на китайских и международных биржах, а также повышение качества их корпоративного управления и операционной эффективности. Правительственный план предполагал осуществление четырех шагов: вливание капитала из государственных источников, выпуск субординированных облигаций (с целью достижения определенного уровня достаточности капитала), списание «плохих долгов» посредством их передачи независимым управляющим компаниям и привлечение иностранных стратегических инвесторов.

Осуществление плана успешно завершилось в июле 2010 г., когда СХБК последним из «большой четверки» осуществил IPO на Шанхайской и Гонконгской фондовых биржах. Вливания государственных средств в капитал госбанков в рамках подготовки к публичному размещению составили 626,6 млрд. юаней. Списания «плохих долгов», обеспеченные господдержкой, превысили 2 трлн. юаней. В ходе IPO «большая четверка» привлекла 578,2 млрд. юаней. Кроме того, вторичное размещение акций позволило привлечь в капитал четырех госбанков еще 165,8 млрд. юаней. Выпуск субординированных облигаций увеличил капитал крупнейших банков дополнительно на 296,8 млрд. юаней. Масштабные вливания капитала обеспечили оздоровление финансового положения банков. Если на конец 2002 г. доля «плохих кредитов» госбанков составляла в среднем 25%, то на конец 2010 г. этот показатель снизился до 1,5–2,0%. Значительно возросла и достаточность капитала. В целом по банковской системе достаточность капитала на конец 2010 г.

---

[1] Yk Mo. A Review of Recent Banking Reforms in China. Basel, 1999.

достигла 12,2%. В конце 2002 г. достаточность капитала ПКБК составляла 5,5%, Банка Китая — 8,2%, СБК — 6,9%. Значительно повысилась и операционная эффективность банковской системы. Рентабельность собственного капитала банковской отрасли по итогам 2010 г. достигла 17,5%, рентабельность активов — 1,03%. Чистая прибыль банковской отрасли в 2010 г. составила 899,1 млрд. юаней.

Несмотря на значительные преобразования, произошедшие в банковском секторе за годы реформ, эта часть финансовой системы все еще реформируется. По-прежнему банковский сектор Китая находится под жестким контролем государства, на долю так называемой «большой четверки» приходится около 60% всех привлеченных банками депозитов и выданных кредитов. Учредителями большинства других коммерческих банков являются государственные предприятия и (или) местные власти. В то же время, несомненно, формы и степень влияния государства на банковский сектор претерпели значительные изменения. Деятельность банковской отрасли в настоящее время в значительной мере ориентирована на получение прибыли и строится на рыночных принципах.

Статус и функции НБК, в качестве центрального банка, были закреплены «Законом о Народном банке Китая», принятом в 1995 г. В соответствии с этим законом НБК является центральным банком КНР. В этой роли НБК должен разрабатывать и проводить денежно-кредитную политику, осуществлять надзор и управление банковской системой под руководством Госсовета. Цель денежно-кредитной политики, как указано в законе, — поддержание стабильной покупательной способности курса национальной валюты и обеспечение тем самым условий для экономического развития.

НБК был учрежден в качестве государственного банка в декабре 1949 г., на базе трех крупнейших китайских банков — Банка Северного Китая, Североморского банка и Северо-западного крестьянского банка. Вскоре НБК стал единственным банком КНР, поглотив остальные банковские и финансовые организации, за исключением Народного строительного банка и Банка Китая, за которыми было закреплено выполнение ряда специфических функций — финансирование строительства крупнейших народнохозяйственных объектов и обслуживание внешней торговли соответственно. До начала экономических преобразований НБК являлся основой монобанковской системы, сложившейся в Китае. В 1983 г. после выделения из его состава специализированных коммерческих банков НБК был наделен полномочиями по управлению банковской системой и осуществлению денежно-кредитной политики, начав, таким образом, функционировать в качестве центрального банка Китая.

В соответствии с принятыми 27 декабря 2003 г. Постоянной комиссией ВСНП поправками в «Закон о Народном банке Китая» НБК сфокусировал свою деятельность на монетарной политике. При этом надзорные функции за банковской системой были переданы Комиссии по регулированию банковской деятельности Китая (КРБД). Комиссия ответственна за регулирование и надзор финансовых институтов, принимающих вклады, выдающих кредиты, проводящих расчеты по счетам и осуществляющих другую деятельность в соответствии с законом КНР «О коммерческих банках». При выполнении функций в области надзора за банками и инвестиционными компаниями КРБД тесно сотрудничает с НБК.

Роль банковской системы в финансировании экономического развития КНР в годы реформ была более значительна по сравнению с аналогичной функцией, выполняемой банками большинства других стран мира. Это было связано с тем, что в начальный период реформ альтернативного канала направления накоплений в экономику — фондового рынка — просто не существовало. Зародившийся в начале 1990 гг. рынок ценных бумаг, несмотря на стремительное развитие, еще несопоставим по масштабам с банковской системой. Возрастанию значимости банков способствовало также существенное снижение рентабельности основных хозяйствующих субъектов (государственных предприятий), не имевших возможности осуществлять модернизацию и расширение производства лишь за счет собственных средств. Еще одним фактором, определившим ведущую роль банковской системы в финансировании экономики, стал высокий уровень сбережений, доля которого в ВВП в годы реформ составляла около 35–45%.

Банковская система КНР выступает основным источником внешнего финансирования компаний нефинансового сектора. По данным Народного банка Китая, в 2010 г. доля банковских кредитов в общем объеме внешнего финансирования китайских предприятий составила 75,2%[2].

Аккумулируемые банками сбережения позволяли быстро наращивать объемы кредитования национальной экономики. В период с 1980 по 2000 г. активы банковской системы КНР увеличились более чем в 50 раз, при этом среднегодовые темпы их роста составили около 18%. Таким образом, темпы увеличения активов банковской системы превышали темпы роста ВВП примерно в два раза[3].

В общем объеме внешнего финансирования китайских предприятий в период с 1992 по 1998 г. доля кредитов, предоставленных финансовыми организациями, составила около 70%, использование иностранного капитала — примерно 27%, на долю средств, привлеченных за счет размещения акций и облигаций, пришлось менее 4%[4]. По данным

[2] PBC China Monetary Policy Report 2010.

[3] Li Bing-xiang, Mehta D. Restructuring of Chinese Banking Industry // World Economy & China. 2001, No. 3.

[4] Dai Genyou. China's Monetary Policy: Retrospect and Prospect // World Economy & China. 2001, No. 3.

за 2008 г., доля кредитов, предоставленных кредитными организациями, составила 70%, использование иностранного капитала — 15%, на долю средств, привлеченных за счет размещения акций и облигаций, пришлось около 15% внешнего финансирования китайских предприятий[5].

Банковским организациям в КНР запрещено заниматься операциями на фондовом рынке, а также страхованием. Таким образом, в КНР создана так называемая специализированная банковская система — в противоположность доминирующей в настоящее время в мире модели универсальной банковской системы, т. е. системы, в которой банки оказывают весь спектр финансовых услуг, включая, помимо привлечения депозитов и выдачи кредитов, расчетно-кассового обслуживания, также и страховую деятельность, и операции на фондовом рынке.

Дискуссии о модели развития банковской системы КНР начались еще в середине 80 гг. XX века, однако неразвитость финансовой системы долгое время делала эту проблему неактуальной. По мере развития фондового рынка и банковской системы возрастала и необходимость принятия окончательного решения о модели развития китайской финансовой системы. Проанализировав достоинства и недостатки европейской модели универсальных банков, специализированную модель банковской системы США, Японии и Великобритании, а также исторические предпосылки принятия закона Гласса — Стигалла (Glass — Steagall Act) в США, установившего запрет на одновременное осуществление банковской и инвестиционной деятельности на фондовом рынке (кроме операций с государственными и муниципальными облигациями), китайское правительство пришло к выводу, что наиболее подходящей на данном этапе развития китайской экономики является финансовая система, в которой совмещение банковской, инвестиционной и страховой деятельности запрещено.

На конец 2010 г. банковская система КНР состояла из 5 крупных коммерческих банков, 3 так называемых политических банков, 12 общенациональных коммерческих банков, 143 городских коммерческих банков, 43 сельских коммерческих банков, около 3 тыс. сельских кредитных кооперативов, 11 городских кредитных кооперативов и 35 иностранных банков[6]. Доминирующее положение в финансовой системе КНР продолжают занимать четыре государственных коммерческих банка, так называемая «большая четверка» — КПТБ, Банк Китая, СБК и СХБК. На конец 2001 г. на их долю приходилось 59,4% активов финансовой системы, 63,6% привлеченных депозитов и 59,3% выданных кредитов. К группе крупнейших также примыкает пятый по величине в Китае Банк путей сообщения. Значительная часть акционерного капитала этого банка также контролируется государством. В настоящее время (на начало 2011 г.) на долю «пятерки» крупнейших банков приходится 49,1% активов, 49,0% капитала финансовой системы.

Таблица 1

Структура банковской системы КНР по активам, *млрд. юаней* на конец 2010 г.

	Активы	**%**
Крупные коммерческие банки	46 894,3	49,20
Политические банки и Банк развития Китая	7 652,1	8,03
Общенациональные и региональные коммерческие банки	14 903,7	15,64
Городские коммерческие банки	7 852,6	8,24
Иностранные банки	1 742,3	1,83
Сельские коммерческие и кооперативные банки	4 267,2	4,48
Небанковские финансовые организации	8 482,9	8,90
Сельские финансовые организации нового типа и Почтовый сберегательный банк	3 510,1	3,68
Всего банки и небанковские финансовые организации	95 305,2	100

Источник: China Banking Regulatory Commission Annual Report 2010.

Как уже отмечалось, деятельность коммерческих банков в Китае регламентируется вступившим в силу с 1 июля 1995 г. «Законом о коммерческих банках». Коммерческие банки должны осуществлять свою деятельность, основываясь на принципах эффективности, надежности, полной самостоятельности, ответственности и самоорганизации.

Несмотря на то, что закон предоставляет банкам свободу в осуществлении коммерческой деятельности, ряд содержащихся в нем положений существенно ограничивают независимость банковской системы. Так, закон содержит положение о том, что кредиты должны выдаваться в соответствии с потребностями национальной экономики и социального развития в рамках государственной промышленной политики. Коммерческим банкам хотя и предоставлено право самостоятельно устанавливать процентные ставки по депозитам и кредитам, однако, в соответствии с законом, они при этом должны руководствоваться диапазоном ставок, определенным НБК.

В законе закреплен ряд требований, которые банки должны соблюдать для обеспечения собственной финансовой устойчивости. Так, показатель коэффициента отношения размера собственных средств к общим активам должен составлять не меньше 8%, соотношение между общей суммой кредитов и депозитов не может опускаться ниже 75%, сумма кредитов, предоставленных одному за-

[5] PBC China Monetary Policy Report 2008.

[6] China Banking Regulatory Commission Annual Report 2010.

емщику, не может превышать 10% от собственного капитала банка.

Коммерческим банкам запрещено осуществлять трастово-инвестиционную деятельность, продавать и покупать акции, инвестировать средства в постоянные активы, за исключением тех случаев, когда эти активы предназначены для удовлетворения собственных потребностей. Закон также устанавливает запрет на участие коммерческих банков в капитале любых небанковских организаций и предприятий.

Значительную роль в финансовой системе КНР играют общенациональные и региональные коммерческие банки. С целью повышения эффективности деятельности государственных банков путем усиления конкуренции Госсовет одобрил создание нескольких акционерных коммерческих банков. В середине 1986 г. были учреждены два первых акционерных коммерческих банка — Банк путей сообщения (БПС) и Промышленный банк Китайской международной трастово-инвестиционной корпорации (ПБ КМТИК). БПС был создан в форме акционерного общества, 50% капитала которого принадлежали НБК, оставшиеся 50% были распределены между провинциальными и муниципальными правительствами, а также между рядом государственных учреждений. ПБ КМТИК был образован на базе подразделений Китайской международной трастово-инвестиционной корпорации, занимавшихся банковской деятельностью. В начале 90 гг. XX века еще два общенациональных банка приступили к работе — Банк Хуа Ся и China Everbright Bank; учредителями этих банков выступили промышленные группы Capital Steel и Everbright соответственно. В 1995 г. был создан первый китайский общенациональный частный банк — Миньшэн; учредителями банка стали 59 членов Всекитайской промышленно-торговой федерации. На конец 1995 г. уставный капитал банка составлял 1,38 млрд. юаней, 85% которого было внесено частными компаниями. В 2000 г. банк Миньшэн — первым среди банков получил — листинг на бирже. Пять китайских общенациональных банков не имеют географических ограничений на открытие филиалов, тем не менее для этого им нужно получить одобрение центрального банка.

Быстрое развитие региональных коммерческих банков началось в конце 80 гг. XX века. В отличие от общенациональных, региональные банки могут осуществлять свою деятельность только в пределах ограниченных лицензией территорий. Первые региональные банки — Китайский торговый банк (КТБ) и Банк развития Шэньчжэня (БРШ) — были созданы в 1987 г. в Шэньчжэне. КТБ был основан Китайской торговой группой, впоследствии акционерами банка стали более 100 частных компаний. БРШ был образован путем объединения 6 сельских кредитных кооперативов. В 2002 г. из 9 региональных банков осталось 7 — в 1998 г. был ликвидирован обанкротившийся Банк развития Хайнаня, в 1999 г. China Everbright Bank выкупил подразделения Китайского инвестиционного банка, которые занимались коммерческими операциями, у Государственного банка развития.

В середине 90-х гг. XX века центральное правительство разрешило местным властям учреждать так называемые городские коммерческие банки путем объединения городских кредитных кооперативов. В конце 2001 г. число городских коммерческих банков достигло 108.

В настоящее время в КНР действует 3 политических банка. Образование политических банков (банков развития) преследовало целью отделение некоммерческой деятельности крупнейших банков, подпадавшей под определение политического кредитования. Политическим банкам запрещено привлекать депозиты физических лиц, в то же время, в отличие от остальных банковских организаций, им разрешается владеть акциями. При этом основным источником финансирования политических банков является выпуск так называемых финансовых облигаций, основными покупателями которых являются крупнейшие банки и НБК. Таким образом, по сути, произошло создание финансовых институтов, занимающихся предоставлением политических кредитов, пассивы которых формируются за счет облигаций, размещаемых среди банков, т. е. аккумулирование средств производится коммерческими банками, а политические банки осуществляют лишь их распределение.

Коммерческие банки, в свою очередь, получают надежный и сравнительно доходный инструмент — финансовые облигации, позволяющие им эффективно регулировать собственную ликвидность. Крупным покупателем финансовых облигаций, эмитируемых политическими банками, является НБК. Чистый доход политических банков Китая от выпуска финансовых облигаций составил в 1996 г.79 млрд. юаней, в 1997 г. — 109 млрд. юаней, в 1998 г. — 297 млрд. юаней, что соответствовало 1,2, 1,5 и 3,7% ВВП[7]. На конец 2001 г. на долю политических банков пришлось 8,9% всех активов финансовой системы (8,01% на конец 2010 г.), 13,6% выданных кредитов и лишь 0,4% привлеченных депозитов.

Политические банки предоставляют следующие виды финансирования:

— кредиты на строительство транспортной инфраструктуры и объектов электроэнергетики, предусматривающее большие объемы финансирования и длительный период возврата предоставленных средств;

— кредиты на модернизацию государственных предприятий, предусмотренную пятилетним планом. Кредитование при этом осуществляется независимо от того, в каком финансовом положении находится предприятие;

---

[7] Lardy N.R. When Will China's Financial System Meet China's Needs? Stanford, 2000.

— кредиты на развитие сельскохозяйственных районов, включая программы, направленные на борьбу с бедностью;

— кредиты на пополнение оборотного капитала государственных предприятий приоритетных отраслей. Кредиты могут предоставляться убыточным предприятиям, закрытие которых может повлечь значительные социальные последствия (градообразующие предприятия, предприятия, испытывающие трудности ввиду структурных изменений в экономике и т. д.);

— кредиты, направленные на поддержку экспорта китайских товаров и на импорт зарубежного оборудования и материалов;

— кредиты субсидируемым секторам, таким как здравоохранение и образование.

В задачи политических банков прежде всего входит реализация государственной структурной и региональной политики, осуществление стратегических проектов, требующих больших средств, с длительными сроками строительства, низкой экономической эффективностью, медленной отдачей.

Ведущую роль в финансировании инфраструктурных объектов и ключевых для национальной экономики проектов играет крупнейший политический банк КНР — Китайский банк развития (КБР). Так, в период с 1998 по 2000 г. КБР предоставил кредитов на общую сумму 468 млрд. юаней, что составило 49% всех кредитов, выданных банковской системой на финансирование инфраструктурных объектов в этот период. 84,2% проектов, профинансированных КБР, были включены в государственный строительный план. Кредиты КБР выступают одним из источников финансирования объектов, привлечение инвестиций для которых производится путем выпуска так называемых облигаций для осуществления строительства ключевых народнохозяйственных объектов, а также за счет эмиссии государственных облигаций. В период с 1998 по 2000 г. КБР предоставил кредиты для финансирования проектов, основным источником инвестиций в которые являются средства от выпуска государственных облигаций, на 138,1 млрд. юаней, что составило 37,8% от общей суммы их финансирования. Объем кредитования КБР ключевых государственных проектов в указанный период составил 139,9 млрд. юаней, или 86,7% всех кредитов, привлеченных на их финансирование. КБР играет основную роль в финансировании преодоления разрыва в развитии между восточными провинциями, с одной стороны, и западными и центральными районами Китая — с другой. До 60% всех кредитов, предоставленных на эти цели, были выданы КБР. В обшей структуре кредитного портфеля КБР на долю инфраструктурных отраслей — железнодорожной, автодорожной, нефтехимической, телекоммуникационной, строительной и электроэнергетической — приходится 90%[8]. На конец 2010 г. активы КБР достигли 5,1 трлн. юаней.

Новым направлением деятельности КБР является участие банка в организации выпуска государственных и корпоративных облигаций. С 2000 г., когда банк получил разрешение Госсовета на оказание услуг по размещению государственных облигаций, КБР не раз выступал в роли ведущего андеррайтера и участника консорциума андеррайтеров при размещении государственных облигаций, предназначенных для финансирования ключевых объектов национальной экономики.

Учитывая все еще низкий уровень развития инфраструктуры в КНР и ограниченные возможности привлечения средств государственного бюджета на ее развитие, можно прогнозировать сохранение ведущей роли КБР в финансировании важнейших проектов, необходимых для развития национальной экономики. В настоящее время КБР ориентируется на двухканальную модель финансирования развития инфраструктуры — за счет прямых кредитов и посредством участия в организации выпуска облигаций и акций. В дальнейшем КБР намерен оказывать более широкий спектр услуг, связанный с привлечением средств для финансирования ключевых проектов национальной экономики — выдавать банковские гарантии, организовывать выпуски ценных бумаг, осуществлять прямое инвестирование и т. д., при этом государство продолжит координировать усилия по развитию инфраструктуры.

Несмотря на то, что кредиты, предоставляемые КБР, носят политический характер, качество кредитного портфеля банка остается довольно высоким. Так, доля необслуживаемых кредитов, выданных в период девятой пятилетки (1996–2000 гг.), составила всего 0,76%, на конец 2010 г. данный показатель снизился до 0,68%[9].

Два других политических банка Китая — Экспортно-импортный банк Китая и Банк развития сельского хозяйства Китая — занимают в сравнении с КБР более скромное положение в финансовой системе. Так, на начало 2011 г. величина активов Экспортно-импортного банка составила 887 млрд. юаней, Банка развития сельского хозяйства — 1,75 трлн. юаней. Тем не менее, в будущем они продолжат играть важную роль в финансовой системе КНР. Экспортные кредиты, предоставляемые Эксимбанком, являются важным средством продвижения высокотехнологичных товаров на зарубежные рынки и, соответственно, способствуют развитию передовых отраслей национальной экономики. Банк развития сельского хозяйства продолжит оставаться одним из важнейших инструментов поддержки социально — экономического развития сельскохозяйственных районов КНР.

---

[8] www.cdb.com.cn

[9] www.cbd.com.cn

В целом в настоящее время состояние банковской системы КНР можно оценить как здоровое. Быстрый рост экономики КНР сопровождается столь же стремительным развитием банковской системы. Высокие темпы роста кредитования со стороны банковской системы в 90 гг. XX века и в начале текущего столетия сопровождались снижением достаточности капитала банков и ростом доли «плохих» долгов. Однако благодаря действиям государства балансы банков были расчищены от «плохих долгов», а достаточность капитала банковского сектора была доведена до высоких значений. В результате к началу разразившегося в 2008 г. в мире финансового кризиса банковская система КНР подошла в очень хорошем состоянии. Высокий уровень рентабельности, наблюдаемое повышение операционной эффективности, возможная поддержка со стороны государства в случае необходимости проведения очередной докапитализации (сохраняющиеся быстрые темпы роста кредитования в скором времени вновь могут сделать актуальным вопрос о достаточности капитала китайских банков) позволяют сделать вывод о том, что в ближайшие годы вряд ли следует ожидать возникновения серьезных проблем в банковской системе КНР.

Н. Н. Цветкова

ТНК и развитие информационно-коммуникационных технологий в странах Востока

Успехи ряда стран Востока в модернизации экономики во многом связаны с тем, что эти страны успешно «встроились» в разворачивающуюся информационно-коммуникационную революцию (ИКР).

В связи с развитием ИКР происходят существенные изменения в международном разделении труда. Информационно-коммуникационная революция способствовала тому, что произошла так называемая революция «торгуемости услуг» «tradability of services». Ранее услуги по большей части являлись неторгуемыми, т. е. не могли участвовать в международном обмене, в силу своего характера, необходимости прямого контакта между производителем и потребителем. Благодаря развитию телекоммуникаций, Интернета, компьютерных технологий и снижению стоимости телекоммуникаций многие услуги могут принимать участие в международном обмене. С одной стороны, благодаря новым технологиям обеспечивается качественная передача информации в большом объеме; с другой — стоимость этой передачи информации уменьшается. Послать 1 триллион бит информации стоило бы 150 000 долл. в 1970 г. и только 12 центов — в 1999 г. В 1930 г. стоимость одной минуты телефонного разговора между Нью-Йорком и Лондоном достигала 300 долл. по сегодняшнему валютному курсу, а в начале XXI в. она составляла всего несколько центов[1].

Одной из важных составных частей стратегии, обеспечившей экономический «прорыв» стран Азии, и прежде всего азиатских гигантов — Индии и Китая, — стало развитие производства товаров и услуг сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их экспорт. Китай стал ведущим поставщиком на мировой рынок товаров сферы ИКТ — компьютерного, электронного, телекоммуникационного оборудования. Индия с 2006 г. занимает первое место в мире по экспорту информационных и компьютерных услуг, является мировым лидером в международном аутсорсинге обслуживания коммерческой деятельности (БПО).

ТНК приняли активное участие в становлении производства товаров и услуг сферы ИКТ в странах Востока. Ныне в производстве товаров сферы ИКТ действуют ТНК самих восточных стран, компании, чьи бренды широко известны в мире — «Самсунг», «Эл Джи», «Асер», «Кванта», «Флекстроникс», «Хуавей», «Леново». Значительная доля экспорта электронного, компьютерного, телекоммуникационного оборудования из КНР приходится на предприятия с иностранным капиталом. Правда, это не всегда филиалы западных и японских ТНК, иногда это дочерние компании тайваньских, сингапурских фирм, и их бренды нередко имеют мировую известность. Еще большим было влияние ТНК на развитие отрасли через передачу технологии, как на основе официального обмена лицензиями, так и технологии ТНК, использовавшейся по неофициальным каналам.

При участии ТНК проходило и становление сферы ИКТ-услуг в странах Востока, прежде всего в Индии. Это участие отнюдь не всегда сводилось к прямым инвестициям. Сфера компьютерных и информационных услуг и услуг по обеспечению коммерческой деятельности развивалась и на основе международного аутсорсинга — интеллектуальных субподрядов, долгосрочных контрактов между индийскими субподрядчиками и иностранными заказчиками, ведущую роль среди которых играют крупнейшие ТНК. Крупнейшие индийские компании сферы ИКТ-услуг — «Тата консалтанси сервисиз», «Випро», «Инфосис», «Сатьям» — начинали как субподрядчики североамериканских, британских ТНК. Теперь они сами выступают в качестве инвесторов за рубежом.

Экспорт ИКТ-услуг сегодня осуществляет не только Индия, но и Филиппины, КНР, Малайзия, Пакистан, Шри-Ланка.

Какие услуги становятся предметом международного аутсорсинга и офшоринга? Согласно Классификации услуг (Стандартной классификации продуктов, Standard Product Classification, SPC) Всемирной Торговой Организации (ВТО), компьютерные услуги включают в себя следующие виды услуг: консультационные услуги, связанные с установкой компьютерного оборудования (hardware), разработка программного обеспечения (ПО), приложений к ПО; консалтинговые услуги, связанные с ПО, работа с базами данных, разработка приложений по обработке баз данных; системный анализ, управление проектом, техническая координация и определение системной архитектуры; системный дизайн; тестирование ПО, подготовка технической документации по ПО, разработка приложений по удалению вирусов; услуги по системной поддержке, перезапись кода или изменение существующих программ, обновление с учетом изменений на сегодняшний день документации и руководств по использованию ПО, перекодирование, преобразование данных; услуги по обработке информации — подготовка данных к вводу, оптическое сканирование; обработка данных и составление таблиц, вычисления на компью-

[1] World Investment Report 2004. UNCTAD. N. Y. — Geneva, 2004, с. 178.

тере; тайм-шеринг в сфере ИКТ[2]. Среди компьютерных услуг важное место занимает рутинная работа, которая, однако, требует достаточно высокой квалификации и свободного владения иностранным языком, в первую очередь, разумеется, английским.

В 2006 г. Индия заняла первое место в мире по экспорту компьютерных и информационных услуг, достигшему 29,2 млрд. долл. Она оттеснила на второе место Ирландию, чей экспорт таких услуг составил 21,0 млрд. долл. Обе эти страны намного опережали остальные страны-экспортеры компьютерных и информационных услуг. Третьей среди экспортеров таких услуг была Великобритания (10,6 млрд. долл.), четвертой — Германия, пятыми — США, шестым — Израиль. В первую десятку стран-экспортеров вошел в 2006 г. и Китай (3,0 млрд. долл.), опередивший Францию (1,5 млрд. долл.) и Японию (1,2 млрд. долл.). Среди азиатских стран экспортерами информационных и компьютерных услуг были Малайзия (0,6 млрд. долл.), Сингапур (0,6 млрд. долл.), Индонезия (0,1 млрд. долл.), Филиппины (0,1 млрд. долл.), но отрыв Индии от них был колоссальным.

В 2009 г. экспорт компьютерных и информационных услуг из Индии несколько сократился по сравнению с 2008 г. под воздействием глобального финансового и экономического кризиса. Однако и в 2009 г. Индия продолжала оставаться безусловным мировым лидером с экспортом, равным 46 млрд. долл., отрыв ее и Ирландии, чей экспорт в 2009 г. составил 34 млрд. долл., от страны, занявшей третье место — Германии (15 млрд. долл.), был весьма значительным. В первую десятку стран-экспортеров в 2009 г. вошли также США, Великобритания, Израиль, Швеция, Финляндия, Китай, Испания. Чрезвычайно высокими темпами увеличивался экспорт компьютерных и информационных услуг из КНР: он возрос с 0,4 млрд. долл. в 2000 г. до 3,0 млрд. в 2006 г. и 6,5 млрд. долл. в 2009 г., в целом за 2000–2009 гг. — в 16,3 раза (см. табл. 1).

Таблица 1

Экспорт компьютерных и информационных услуг, 2000–2009 гг., *(млрд. долл.)*

Страна / Год	**2000**	**2003**	**2006**	**2007**	**2008**	**2009**
Ирландия	7,5	14,2	21,0	29,8	35,0	33,8
Индия	4,7	11,4	29,2	37,5	49,4	46,7
Великобритания	4,3	7,9	10,6	14,2	13,6	11,6
Германия	3,8	6,7	10,0	12,8	15,4	14,8
США	5,6	6,4	10,1	12,0	13,4	13,4
Израиль	4,2	3,7	5,3	5,8	6,9	7,7
Франция	0,8	1,3	2,0	1,9	1,9	1,6
КНР	0,4	1,1	3,0	4,3	6,3	6,5
Япония	1,6	1,1	1,2	1,0	0,9	0,9
Сингапур	0,2	0,3	1,2	1,4	1,6	1,4
Гонконг (КНР)	0,06	0,2	0,3	0,4	0,4	0,4
Малайзия	0,08	0,2	0,6	0,9	1,0	1,5
Россия	0,06	0,2	0,6	1,1	1,6	1,3
Египет			0,05	0,1	0,2	0,2
Индонезия			0,12	0,14	0,2	0,13
Филиппины			0,1	0,3	1,2	1,3
Шри-Ланка			0,1	0,2	0,2	0,2
Республика Корея			0,3	0,3	0,3	0,2
Тайвань			0,2	0,1	0,1	0,1
ЮАР			0,1	0,2	0,2	0,2
Аргентина			0,4	0,7	0,9	1,7
Коста-Рика			0,4	0,5	0,7	0,8
Бразилия			0,1	0,2	0,2	0,2
Испания			4,0	5,4	6,1	6,1
Канада	2,4		4,3	4,6	4,9	4,3
Австралия			1,1	1,3	1,4	
Австрия			1,5	1,8	2,2	2,0
Бельгия			2,9	3,0	3,8	4,2
Эстония			0,1	0,1	0,2	0,2
Швеция			3,6	6,4	7,8	6,9
Финляндия			1,5	1,9	8,2	6,7
Румыния			0,5	0,6	0,9	1,0
Польша			0,4	0,7	1,0	0,9

Источники: Information Economy Report 2006. UNCTAD. N. Y. — Geneva, 2006, с. 109–111; http://stats.unctad.org/Handbook/TableViewer/Tableview.aspx?Report.Id=1914; http://stats.unctad.org/Handbook/TableViewer/Tableview.aspx?Report.Id=91

Наряду с компьютерными и информационными услугами получили развитие международный аутсорсинг и офшоринг услуг, базирующихся на ИКТ. По определению индийской ассоциации НАССКОМ (Индийской Национальной ассоциации компаний сферы ИТ), понятие «услуги, обеспеченные ИКТ»

[2] Information Economy Report 2006. UNCTAD. N. Y.; Geneva, 2006, p. 114.

(ITES, information technologies enabled services) или связанные с ИКТ (ICT-related services), — гораздо более узкое, чем по определению МВФ, включающего в такие услуги финансы, страхование, поступление роялти (т. е. передачу технологии). Да и какие услуги сегодня предоставляются без использования компьютерных технологий? НАССКОМ включает в число услуг, обеспеченных ИТ, только услуги по обеспечению коммерческой деятельности (БПО, BPO, business proceedings outsourcing), компьютерные и информационные услуги, инжиниринговые услуги, разработку программного обеспечения и НИОКР.

Аутсорсинг по обеспечению коммерческой деятельности (business proceedings outsourcing) охватывает обширный спектр услуг. Это — ведение бухучета, составление итоговых годовых балансов компаний, финансовых отчетов. На основе присланных по электронной почте или переданных по телефону данных производится оформление различной коммерческой и финансовой документации — счетов-фактур по сделкам, обработка оферт, работа с заказами, оформление страховых полисов, выставление разнообразных счетов, оформление документов по претензиям. Оформление банковской, юридической документации производится дистанционно. Таким же образом могут предоставляться услуги секретаря, в том числе и перепечатка записей со звуковых носителей; услуги редактора — например, подготовка материалов к изданию — эту практику использует сегодня для снижения своих издержек и удешевления книг такое известное на протяжении веков издательство, как «Эльзевир». Дистанционно осуществляется оформление документации по аудиту, документов для налоговых органов, документации по учету движения кадров, дистанционно оформляются авиабилеты. Все эти услуги оказываются для англоязычных стран, прежде всего в Индии. Предоставлением ИКТ-услуг и БПО наряду с Индией и Ирландией (их европейским центром) занимаются также развитые страны, в первую очередь США, Канада, Израиль, из развивающихся стран Азии — КНР, Малайзия, Филиппины, Египет и даже Гана, Сенегал, из стран — новых членов Евросоюза — Чехия, Венгрия.

Благодаря снижению стоимости телекоммуникаций стало возможным размещение в развивающихся странах колл-центров. Важную роль в этом играет и наличие специалистов, владеющих иностранными языками. Колл-центры с английским языком размещаются в Индии, на Филиппинах, в Малайзии, Пакистане, Шри-Ланке, с французским языком — в Марокко, Сенегале, с испанским языком — в латиноамериканских странах, в испаноязычных анклавах Марокко (Западная Сахара), с японским языком — в северо-восточных районах КНР (Далянь). В сферу деятельности колл-центров входят следующие услуги: справочная служба, техническая поддержка, консультирование, послепродажное обслуживание, прием претензий, работа с клиентами, маркетинговые исследования, изучение рынка (общественного мнения), рекламная служба.

Центры по обслуживанию коммерческой деятельности (shared service centres/back office services) выполняют целый ряд операций: обработку претензий, оформление счетов-фактур, подготовку документации по трансакциям, обработку заказов, ответ на запросы, работу с документацией кадровой службы, обработку данных, логистику, документацию по контролю качества продукции, обработку фактур поставщиков.

В число дистанционных услуг, обеспеченных ИКТ, входят и медицинские услуги. Медицинские учреждения из США направляют в Индию по электронной почте рентгеновские снимки, графики электрокардиограмм, результаты компьютерной томографии. Сотрудники индийских компаний — индийские врачи, получающие значительно меньшую зарплату, чем их американские коллеги (в США врачи относятся к наиболее высокооплачиваемым категориям специалистов), расшифровывают их, пишут к ним комментарии, что составляет наиболее трудоемкую часть работы, а затем по электронной почте передают результаты обратно в США. Другой вид медицинских услуг — на основе записанных на магнитофон бесед врача с пациентами дистанционно делаются записи в медицинскую карту (процедура, отнимающая у врачей немало времени, в ущерб осмотру пациента). Такие услуги предоставляются в Индии, на Филиппинах, в Пакистане. Для фармацевтических компаний оформляется документация по результатам клинических испытаний препаратов, ведется статистический учет.

Значительная часть услуг по БПО связана с достаточно рутинной работой — вводом и обработкой информации, что, однако, требует достаточно высокой квалификации в соответствующей области — коммерции, юриспруденции, медицине, свободного владения иностранным языком. Но дистанционно оказываются и услуги высокого уровня сложности, требующие чрезвычайно высокой профессиональной подготовки, и даже производятся работы, которые носят творческий характер — разработка архитектурных проектов, нового программного обеспечения, НИОКР, дизайн технических систем. Или создание рекламных клипов, видеороликов, анимация.

В странах Востока государство стимулирует развитие услуг сферы ИКТ. Например, в Индии создаются специальные экономические зоны. К 2007 г. в стране было создано 47 технопарков для развития ИТ-услуг. Введен льготный режим деятельности иностранного капитала в сфере ИКТ[3].

Район Бангалора (Бенгалуру), где сконцентрированы и дочерние компании ТНК, и индийские фирмы, работающие по заказам пользователей из развитых стран, занимающиеся разработкой програм-

[3] Information Economy Report 2007–2008. UNCTAD. N. Y. — Geneva, 2007, с. 125–127.

много обеспечения для компьютеров, научными разработками, получил название индийской Силиконовой долины. Первоначально Бангалор с его техническим университетом был для ТНК излюбленным местом, где они рекрутировали программистов для относительно низкооплачиваемой (по меркам развитых стран), но чрезвычайно выгодной для выходцев из бедных стран работы в США. Однако уже с 90 гг. ТНК стали создавать подразделения, занятые разработкой компьютерных программ, научными исследованиями, уже «на месте», в самой Индии.

Таблица 2

Экспорт компаний по оказанию ИТ-услуг и услуг по обеспечению коммерческой деятельности в Индии, *млрд. долл.*, 2005 г.

	ИТ-услуги	BPO (БПО — аутсорсинг услуг по обеспечению коммерческой деятельности)
4 ведущие индийские компании сферы ИТ	4,5	0,2
Индийские компании сферы ИТ второго эшелона	2,5	0,2
Индийские компании, осуществляющие только услуги по обеспечению коммерческой деятельности	-	0,9
Недавно возникшие индийские компании	1,5	0,7
Филиалы иностранных ТНК сферы ИТ	1,5	0,7
Филиалы иностранных компаний по оказанию услуг по обеспечению коммерческой деятельности		2,3
Всего	10,0	5,0

Источник: Information Economy Report 2007–2008. UNCTAD. N. Y.; Geneva, 2007, p. 128.

Следует отметить, что высокая квалификация и низкая зарплата индийских ученых привлекали ТНК еще в 60 гг. Тогда, выступая в Гарвардской школе бизнеса, один из управляющих англо-голландской корпорации «Юнилевер» заявил, что его компания создала в своем филиале в Индии подразделение, занятое научными исследованиями, именно в силу этих причин[4].

Слово «Бангалор» стало успешным брендом. Однако это отнюдь не единственный адрес в Индии, по которому размещаются иностранные филиалы и национальные фирмы, занятые оказанием интеллектуальных услуг и дистанционным обслуживанием бизнеса. Наряду с Бангалором в штате Карнатака такими центрами, специализирующимися на ИТ-услугах и услугах по обеспечению коммерческой деятельности, стали Мумбаи и Пуна в штате Махараштра, Нойда — вблизи Дели, Хайдарабад — в штате Андхра-Прадеш, Шеннаи — в штате Тамил-Наду, Колката — в штате Западная Бенгалия.

ТНК создают филиалы по оказанию услуг в сфере ИТ. Наряду с дочерними компаниями ТНК офшорное программирование и офшорные научные разработки осуществляют и компании, принадлежащие национальному капиталу. Но действуют они по заказам иностранных компаний. Международный аутсорсинг в сфере ИТ можно охарактеризовать как «интеллектуальные субподряды»[5].
В 2005 г. в индийском экспорте ИТ-услуг на филиалы иностранных ТНК сферы ИТ приходилось 15%. Остальные 85% экспорта ИТ-услуг осуществляли индийские компании, в том числе 4 ведущие компании сферы ИТ — «Випро», «Тата консалтанси сервисиз», «Инфосис» и «Сатьям» — 45%, индийские компании сферы ИТ второго эшелона — 25%, недавно вышедшие на рынок индийские компании (upstarts) — 15%.

В сфере аутсорсинга операций по обслуживанию коммерческой деятельности ситуация в Индии резко отличалась от сферы информационных и компьютерных услуг. Из экспорта услуг БПО, в 2004/2005 г. составлявшего 5 млрд. долл., 46% приходилось на филиалы иностранных компаний по оказанию услуг по обеспечению коммерческой деятельности, еще 14% — на филиалы иностранных ТНК сферы ИТ. Всего на филиалы иностранных ТНК приходилось 60% экспорта услуг по обеспечению коммерческой деятельности, на индийские компании — 40%, в том числе 4% — на 4 ведущие индийские компании сферы ИТ, 4% — на компании второго эшелона, 18% — на индийские компании, созданные специально для аутсорсинга услуг по обеспечению коммерческой деятельности; 14% — на недавно созданные индийские компании. В целом же филиалы иностранных ТНК осуществляли около 1/3 экспорта ИТ-услуг из Индии и 2/3 экспорта услуг, связанных с ИКТ[6]. Дистанционное обслуживание коммерческой деятельности (например, составление финансовой отчетности) нередко предполагает достаточно высокую долю конфиденциальной информации, поэтому многие иностранные компании предпочитают осуществлять эти операции в своих собственных филиалах, специально создаваемых в странах Востока. Одна и та же ТНК передает заказы на разработку приложений к программному обеспечению третьим сторонам — независимым индийским компаниям,

[4] Economic Analysis and the Multinational Enterprise. L., 1974, c. 346.

[5] Цветкова Н.Н. Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России. Опыт сравнительного анализа. М., 2004.

[6] Information Economy Report 2007–2008, с. 128.

операции по обслуживанию коммерческой деятельности — своим собственным филиалам, созданным ею в Индии. Проведение НИОКР чаще поручается филиалам.

Многие ТНК создали в Индии специальные филиалы для офшорных операций по обслуживанию коммерческой деятельности материнской компании и ее дочерних компаний в других странах. Американская «Дженерал Электрик» — крупнейшая ТНК в мире по размеру зарубежных активов — начала в 1990 гг. с контракта с индийской компанией «Инфосис» и была у той крупнейшим клиентом. После того как контракт был разорван, «Дженерал Электрик Кэпитал интернэшнл сервисиз» (GECIS) в 1997 г. создала в Индии колл-центр и центр по обслуживанию коммерческой деятельности. Они осуществляют телефонную поддержку клиентов, обеспечивают справочную службу по проблемам ИТ, дистанционную сетевую поддержку, контроль над качеством ПО, обслуживание приложений к ПО, производят расчетные операции, ведут составление финансовой отчетности для дочерних компаний фирмы в разных странах. Снижение издержек благодаря переносу операций в Индию у «Дженерал Электрик» составило 40–50%, или 300 млн. долл. в год. К 2002 г. в Индию было перенесено 300 вспомогательных операций, индийский филиал обслуживал 30 дочерних компаний «Дженерал Электрик» в разных странах, готовил 30% всех финансовых отчетов в рамках этой ТНК. GECIS создала подобные дочерние компании в КНР, Венгрии, Мексике, где также оказываются услуги по обеспечению коммерческой деятельности. С 2000 г. в Индии стали осуществляться операции с высокой добавленной стоимостью — техническая поддержка компьютерного оборудования, управление рисками, работа с претензиями. Годовой оборот индийского филиала «Дженерал Электрик» составлял в 2003 г. 1 млрд. долл. В 2003 г. филиал имел отделения в Хайдарабаде и Дели. НИОКР в Индии осуществлял другой филиал «Дженерал Электрик» — Технологический центр имени Джона Уэлша (президент «Дженерал Электрик», который вывел компанию на лидирующие позиции) в Бангалоре, где велись исследования в области электроники, металлургии, химии, полимеров, новых материалов[7].

ТНК создают в Индии и других азиатских странах филиалы, специализирующиеся на оказании услуг по ИТ и БПО и осуществляющие экспорт этих услуг, обслуживая заказчиков в развитых странах — другие ТНК. Среди компаний-субподрядчиков, оказывающих дистанционные услуги по ИТ и БПО, немало специально созданных для экспорта этих услуг филиалов западных ТНК. Среди таких филиалов ТНК в Индии можно назвать «Конверджис», «Сител», «Сайкс». На Филиппинах предоставлением услуг занимаются «Сайкс» и ICT group. Эти компании имеют в Индии и на Филиппинах колл-центры. Услуги в сфере вспомогательных операций коммерческой деятельности и ИТ-услуги оказывают другим компаниям индийский филиал ИБМ — «ИБМ Глобал Сервисиз» (15 000 занятых в Индии), «Хьюлетт Паккард» (3000), «Аксенчер» (3000), EDS (3000 занятых). Компания «Аксенчер» осуществляет оформление документации фармацевтических компаний, документации по страховым операциям, техническую поддержку клиентов в сфере ИТ.

О том, как развивался международный аутсорсинг с участием ТНК и индийских компаний, можно судить на примере канадской ТНК «Нортел». В начале 90 гг. «Нортел» заключила с местными компаниями в индийских городах Бангалоре и Мумбаи контракты на НИОКР и оказание ИТ-услуг. Зарплата индийских программистов составляла в то время 30% от зарплаты аналогичных специалистов в Северной Америке. Сокращение издержек было весьма существенным. Индийским компаниям было поручено осуществление таких работ, как проект по переводу кода ПО с одного компьютерного языка на другой и проект по развитию средств для тестирования ПО. В то время индийские компании сферы ИТ могли успешно решать такие задачи, но не были готовы создавать приложения к программным продуктам или создавать новые программные продукты.

По контрактам с «Нортел» компании «Инфосис» и «Випро», позднее ставшие лидерами индийской сферы ИТ-услуг, создали специальные подразделения, где группы программистов работали исключительно над проектами «Нортел». Канадская компания обеспечила эти центры надлежащим оборудованием и спутниковой связью. Со стороны эти подразделения выглядели так, как будто являлись частью глобальной сети «Нортел», хотя на самом деле они были просто отделениями местных компаний. Впоследствии «Инфосис» и «Випро» создали такие отдельные центры для работ по проектам десятков крупнейших международных компаний. Когда фирмы в Северной Америке переходили к технологиям нового поколения, они передавали работу с технологиями вчерашнего дня в Индию и концентрировали свои усилия на новейших программных продуктах[8].

Формы сотрудничества национальных компаний с ТНК различны. Создаются совместные предприятия с участием иностранных ТНК и индийских компаний, число которых возрастает в последние годы. Среди этих совместных предприятий могут быть названы «Махиндра» — «Бритиш Телеком» (8-я по величине компания сферы ИКТ в Индии), ЕК — HCL–Infosys, «Делойтт Консалтинг» — «Мастек», «Майкрософт» — «Тата консалтанси сервисиз».

Процессы идут разнонаправлено. С одной стороны, ТНК участвуют в слияниях и поглощениях, скупая местные компании. «Дженерал Электрик»

---

[7] World Investment Report 2004, с. 173; Подробнее о «Дженерал Электрик» и Джоне Уэлше см.: Черников Г. П., Черникова Д. А. Мировая экономика. М., 2006.

[8] World Investment Report 2004, с. 171.

купила у «Тата Консалтанси сервисиз» ее подразделение по разработке ПО и оказанию инжиниринговых услуг «Инджиниринг анэлисис сентер оф экселленс». Американская «Хьюз Софтвер текнолоджис» купила индийскую «Тенет текнолоджис», у которой были филиалы в Японии, с тем чтобы проникнуть на японский рынок[9]. С другой стороны, индийские компании выкупают долю участия в совместных предприятиях у своих западных партнеров, тем более в условиях кризиса.

У различных стран Востока существуют своя специфика в развитии сферы ИКТ-услуг, свои конкурентные преимущества. В КНР основная часть ПИИ в сфере ИКТ направляется в производство товаров (электронного, компьютерного, телекоммуникационного оборудования), значительно меньшая часть — в развитие предприятий по оказанию услуг, обеспеченных ИКТ. Структура сферы услуг, связанных с ИКТ, существенно отличается от структуры сферы ИКТ-услуг в Индии. В КНР это в основном лизинг, компьютерные и информационные услуги, НИОКР. Многие предприятия сферы ИТ-услуг находятся в центрах развития высоких технологий — Пекине и Шэньчжене, финансовые услуги сосредоточены в первую очередь в Шанхае и Гонконге. Гораздо меньшее значение имеют в КНР по сравнению с Индией услуги по обеспечению коммерческой деятельности (БПО), для которых весьма важно свободное владение английским или другими иностранными языками, знание западной коммерческой, аудиторской, медицинской практики (в Индии система образования испытала на себе значительное влияние бывшей метрополии — Великобритании). Правда, в Северо-Восточном Китае, в частности в городе Далянь, где достаточно высок процент кадров, свободно владеющих японским языком, размещаются колл-центры, обслуживающие японские компании, работающие на рынке Японии. «Дженерал электрик», «Майкрософт», «Филипс» создали в КНР колл-центры, обслуживающие Японию и Южную Корею. Индийские компании сферы ИТ-услуг открывают филиалы в Северо-Восточном Китае, чтобы проникнуть на японский рынок. Делаются прогнозы о том, что уже в ближайшие годы Шанхай и Пекин могут обогнать Индию по аутсорсингу бизнес-услуг. Однако эксперты ОЭСР в 2007 г. пришли к выводу о том, что пока для успешной конкуренции с Индией в сфере бизнес-услуг кадрам КНР недостает свободного владения английским языком, необходимо также улучшить знание корпоративной культуры, усовершенствовать защиту интеллектуальной собственности[10].

Своя специфика существует в Сингапуре. Для этой страны характерны высокие зарплаты и высокая плата за аренду офисных помещений, но также высокий уровень развития инфраструктуры, финансовой системы, наличие высококвалифицированного персонала. В Сингапуре размещаются услуги с высоким уровнем добавленной стоимости — дистанционная робототехника, услуги менеджмента, медицинские услуги, генетическая диагностика. Кроме того, Сингапур уже с 70 гг. стал местом размещения региональных штаб-квартир ТНК.

Конкурентным преимуществом Малайзии считается наличие квалифицированных кадров со знанием хинди, тамильского языка, различных диалектов китайского языка, английского языка. В Малайзии осуществляют дистанционные услуги по обеспечению коммерческой деятельности БМВ, «Ситигруп», «Эрикссон», «Хьюлетт Паккард», «Ройял Датч Шелл», АИГ, ИБМ, HSBC, компания почтовых услуг DHL, «Моторола» (многие из них используют международный аутсорсинг и в Индии)[11].

В качестве примера развития сферы ИТ-услуг и производства сферы ИКТ в целом можно привести и такую страну, как Филиппины. Уже с 70 гг. в стране стала развиваться электронная промышленность, точнее, ее отдельные стадии. Филиппины стали производителем электронных компонентов и устройств, в частности микросхем, на которые в 2005 г. приходилось 75% производства электронной продукции, и комплектующих для компьютеров — 20% от общего объема производства компьютерного оборудования. В 2005 г. производство продукции сферы ИКТ, в первую очередь микросхем и комплектующих для системных блоков, давало 66% всего экспорта готовой продукции с Филиппин. В 1975 г. в экспорте Филиппин доминировала продукция переработки сельскохозяйственного сырья, на продукцию электронной промышленности приходилось только 3%. Таким образом, развитие электронной промышленности способствовало диверсификации экспорта и диверсификации экономики Филиппин. Важную роль в развитии электронной промышленности на Филиппинах сыграли прямые иностранные инвестиции. 72% общего числа фирм, действовавших в электронной промышленности, были дочерними компаниями иностранных ТНК, в том числе 30% — японских компаний, 10% — южнокорейских компаний, 9% — компаний США.

С 2000 г. на Филиппинах стала развиваться и сфера ИТ-услуг. Этому способствовали сравнительные преимущества страны — наличие большого числа квалифицированных кадров с хорошим знанием английского языка. На протяжении десятилетий Филиппины были колонией США, и система высшего образования, в том числе медицинского, юридического, испытала на себе немалое влияние американской системы. Отсюда — хорошее знание филиппинскими специалистами соответствующей терминологии, применяемой в США, практики оформления юридической, медицинской, коммерческой документации. Среди ИТ-услуг на Филиппи-

[9] http://www.economictimes.indiatimes.com.

[10] Information Economy Report 2007–2008, с. 125.

[11] World Investment Report 2004, с. 174.

нах преобладают услуги по аутсорсингу обеспечения коммерческой деятельности (БПО) — колл-центры, услуги по оформлению юридической, медицинской документации. В Докладе об информационной экономике за 2007–2008 гг. приводятся данные о том, что коэффициент точности оформления юридической и медицинской документации на Филиппинах составляет 98–99%. В 2007 г. на Филиппинах имелось 146 колл-центров, где было занято 150 000 человек; 66 фирм с 10 тыс. работников занимались дистанционным оформлением медицинской и юридической документации; имелось 62 фирмы по обеспечению дистанционного обслуживания коммерческой деятельности (оформление коммерческой документации, ведение бухучета, составление финансовой отчетности) с 22,5 тыс. занятых. Кроме того, действовали 300 фирм по оказанию информационных и компьютерных услуг, чья выручка достигла в 2007 г. 2,7 млрд. долл., 14 фирм по оказанию инжиниринговых услуг[12]. Колл-центры создали на Филиппинах «Интел», «Майкрософт», «Кодак», «Сейфвей», центры по обслуживанию коммерческой деятельности, предоставлению компьютерных услуг, таких услуг, как ведение бухучета, разработка архитектурных проектов, маркетинговые услуги — АИГ, «Проктер энд Гэмбл», английский банк HSBC[13].

Международный аутсорсинг ИТ-услуг стал развиваться и в других странах Азии и Африки — в Египте, Шри-Ланке, в Марокко, даже в Гане и Сенегале. В Шри-Ланке общее число занятых в сфере ИТ-услуг достигло в 2003 г. 16 тыс. человек, в 2007 г. — оно увеличилось более чем вдвое, до 38 тыс. чел. Из этого числа 25% составляли программисты, 16% — специалисты по технической поддержке, 12% — тестировщики программных продуктов, 7% специалисты по финансовому анализу и системной интеграции, 6% — системные администраторы, 5% — специалисты по управлению базами данных. В связи с тем, что часть квалифицированных специалистов сферы ИТ покинула Шри-Ланку, эмигрировав в Индию, имела место нехватка кадров[14].

В Египте была принята государственная программа развития ИКТ. Страна развивает сотрудничество с индийской НАССКОМ с целью приобретения ноу-хау и поставила цель стать центром для индийских компаний сферы ИТ-услуг в арабском мире[15].

Среди крупных индийских компаний, действующих на рынке компьютерных услуг и услуг по БПО, выделяется четверка крупнейших — «Тата Консалтанси сервисиз», «Випро», «Инфосис», «Сатьям». В 2006/07 г. оборот «Тата Консалтанси сервисиз» достиг 3 млрд. долл., «Инфосис» — 2,8 млрд., «Випро» — 2,5 млрд. долл.[16] Индийские компании-лидеры сферы ИТ-услуг сформировались во многом благодаря сотрудничеству с ТНК. Так, «Инфосис», начав с субподрядов для «Дженерал Электрик», впоследствии отказалась от них. В 2006 г. отмечался юбилей «Инфосис» — 25 годовщина ее деятельности[17].

Индийские компании сферы ИТ-услуг действуют по контрактам с зарубежными заказчиками, в основном западными — причем преимущественно с американскими и британскими ТНК. Так, 60% доходов фирмы «Инфосис» дает рынок США[18]. Ведущую роль играют контракты с крупнейшими заказчиками, как правило, ТНК. У «Инфосис» на 5 ведущих клиентов приходилось в 2006/07 г. 19,5% всей выручки, на одного клиента — 5,8%[19]. Между индийскими компаниями сферы ИТ-услуг и западными ТНК заключаются долгосрочные контракты на оказание ИТ-услуг и БПО (business proceedings outsourcing) на суммы в десятки миллионов долларов.

Если в 90 гг. западные ТНК размещали в Индии филиалы для оказания услуг по обеспечению коммерческой деятельности и компьютерных услуг, то к концу первого десятилетия XXI в. ведущие индийские компании сферы ИТ-услуг, прежде всего «Тата Консалтанси сервисиз», «Инфосис», «Випро», стали создавать в соседних азиатских странах, например в Шри-Ланке, филиалы, с тем чтобы снизить издержки, использовать более дешевую рабочую силу (ниашоринг, nearshoring). Впрочем, такой ниашоринг может быть и дальним, если предприятия размещаются в Тропической Африке, в Северной Африке. Ведущие индийские компании сферы ИТ-услуг создают филиалы по оказанию ИТ-услуг и БПО и в странах Центральной и Восточной Европы — Чехии, Польше, Венгрии, с тем чтобы использовать для БПО квалифицированную рабочую силу, более дешевую, чем в западноевропейских странах, владеющую западными языками, помимо английского, в частности немецким. В 2004 г. «Инфосис» открыла филиал в Брно, его специализация — БПО и компьютерные услуги. В задачи филиала входит обработка заказов, ведение бухучета и подготовка финансовых отчетов, маркетинговые исследования и работа со страховыми документами. Филиал обслуживает клиентов в 15 европейских странах[20]. «Тата Консалтанси сервисиз» (группа Тата) имеет филиал в Будапеште. «Проджен» (подразделение «Инфосис» по БПО) открыла филиал в Чехии[21]. В развитых странах, где находятся их заказчики, индийские ТНК создают филиалы по работе с клиентами, по размещению заказов.

Итак, страны Востока в нулевые годы добились кардинальных сдвигов в экономическом развитии, эффективно использовав для своих целей ТНК.

[12] Information Economy Report 2007–2008, с. 105.
[13] World Investment Report 2004, с. 174.
[14] Information Economy Report 2007–2008, с. 108.
[15] Там же, с. 129.
[16] http://www.economictimes.indiatimes.com.
[17] http://www.economictimes.indiatimes.com.
[18] http://www.economictimes.indiatimes.com.
[19] http://www.economictimes.indiatimes.com.
[20] http://www.economictimes.indiatimes.com.
[21] World Investment Report 2004, с. 158.

Их собственные ТНК активизировали свою зарубежную экспансию.

Повышение роли стран Востока в экономике на макроэкономическом уровне (увеличение их доли в мировом ВВП) и повышение роли фирм из стран Востока на уровне микроэкономики привело к тому, что многие эксперты, в частности эксперты международных организаций, говорят о наступлении в 2000-е гг. нового этапа глобализации, для которого характерна возросшая роль стран с развивающимися рынками, и в первую очередь Китая и Индии.

* * *

Обладает ли (уже или пока еще) Россия конкурентными преимуществами, которые позволили бы ей, в том числе и с участием иностранного капитала, развивать те инновационные отрасли, подъема которых добились азиатские страны, привлекая ТНК, или же иные отрасли с высоким уровнем инноваций, которые могли бы стать ключевым звеном в модернизации экономики?

Есть ли у России перспективы в размещении у себя филиалов ТНК, занятых научными исследованиями и разработкой программного обеспечения для компьютеров? Уровень зарплат российских ученых, если судить по институтам Российской академии наук (около 5 долл. в час.), в 2009 г. значительно увеличился по сравнению с 2000 г., но, несомненно, ниже, чем в развитых странах. «Хорошо подготовленные исследователи с низким уровнем зарплаты» (что привлекает ТНК в азиатские страны) в России имеются. «Утечка умов», особенно в таких дисциплинах, как математика, физика, биология достигла, особенно в 90 гг., больших масштабов, значит, наличествуют и востребованные в глобальных масштабах кадры.

Есть ли перспективы развития сферы ИКТ-услуг в России? Российская Федерация находилась в 2000–2001 гг. на втором месте в мире по числу студентов технических вузов (2,4 млн.), опережая Индию (1,9 млн. студентов), США (1,7 млн.), Южную Корею (1 млн.), Японию (0,8 млн. студентов)[22]. Однако по индексу человеческого капитала (0,817) в 2003 г. Россия занимала только 24-е место. Этот показатель учитывает уровень грамотности взрослого населения, охват населения средним образованием, численность студентов всех учебных заведений. На 24-м месте находилась в 2003 г. Россия и по индексу технологической активности (подсчитываемому на основе таких показателей, как число занятых в сфере НИОКР, число патентов, зарегистрированных в США, число статей, опубликованных в ведущих научных журналах мира), причем во многом за счет наследия былых времен. У России этот индекс составлял 0,759, она пока опережала КНР — 0,417 (58-е место), Индию — 0,328 (69-е место). По индексу способности к инновациям, составившему в 2001 г. 0,788, РФ занимала 24-е место после всех развитых стран, Тайваня, Южной Кореи[23].

По данным доклада Мирового банка за 2009 г., уровень расходов на НИОКР в ВВП в 2005–2006 гг. составлял в США 2,6%, в Японии — 3,3, Финляндии — 3,5, Германии — 2,5, Франции — 2,1, Великобритании — 1,8, у Израиля — 4,5%. Из стран Востока этот показатель был равен 3,0% у Южной Кореи, 2,4% — у Сингапура, 1,3% — у КНР. У РФ он составлял 1,1%. Индекс развития экономики знаний, который был подсчитан Мировым банком, на 2008 г. у РФ составил 5,4, что было выше, чем у Китая — 4,4, Индии — 3,7 (очевидно, еще сказываются прошлые достижения). Этот индекс развития экономики знаний учитывает 4 вида показателей: 1) развитие экономических институтов и экономических стимулов; 2) уровень образования и профессионального обучения; 3) инновации и адаптация технологий; 4) развитие инфраструктуры информационно-коммуникационных технологий. Очевидно, что относительно высоким этот индекс был у РФ благодаря второй группе показателей — образование и профессиональное обучение в какой-то степени сохранились, хотя их качество ухудшается. Индекс развития экономики знаний был у РФ значительно ниже, чем показатели Южной Кореи и Сингапура (7,7 и 6,2) и показатели развитых стран (от 8,5 у Франции до 9,1 у США). По уровню наличия новейших технологий индекс РФ — 3,9 был ниже, чем у КНР (4,4), Индии (5,2) и даже Туниса (5,4), не говоря уже о развитых и новых индустриальных странах. По индексу абсорбции технологий предприятиями Россия, где он оценивался в 2007–2009 гг. Мировым банком в 4,1, также уступала КНР (5,1), Индии (5,5), Тунису (5,4), развитым и новым индустриальным странам. Даже численность научных работников в РФ в расчете на миллион человек населения (хотя этот показатель отнюдь не свидетельствует об интенсивности и результативности НИОКР) — 3227 человек стала ниже, чем практически во всех развитых странах (кроме Великобритании) и в новых индустриальных странах[24].

Итак, пока некоторые предпосылки для развития сферы ИТ-услуг и привлечения в эту сферу иностранных инвесторов в России сохраняются. Об этом свидетельствуют, в частности, рейтинги американского профессора Лорен Иден в отношении возможностей стран для развития дистанционного обслуживания коммерческой деятельности, сделанные на основе данных американской исследовательской компании А. Т. Керни. Она составила на 2004 г. рейтинги для стран, которые могут учас-

---

[22] World Investment Report, 2005, UNCTAD. N. Y. — Geneva, 2005, с. 296.

[23] World Investment Report 2005, с. 296, 290–291.

[24] World Development Report 2010. World Bank. Wash., 2009, с. 369.

твовать в оказании дистанционных услуг по обеспечению коммерческой деятельности. Первое место она отдала Индии (7,3 балла), второе — Канаде и Мексике (по 6,2 балла), РФ получила шестое место (5,6 баллов), что выше, чем у КНР (7-е место, 5,2 балла), и ненамного ниже, чем баллы Ирландии (4-е место, 5,8 баллов), Филиппин (5-е место, 5,7 баллов), которые успешно развивают аутсорсинг услуг, обеспеченных ИКТ. По уровню издержек РФ занимала 2-е место (2,7 балла по издержкам оплаты труда, у Индии — 2,9, у Канады — 0,8), но по уровню развития инфраструктуры (охрана интеллектуальной собственности, культурная совместимость, инфраструктура, риски) — только 8-е место, 1,4 балла (но у КНР, например, было 9-е место и только 1,1 балла)[25]. К 2009 г. в рейтинге исследовательской группы А. Т. Керни рейтинг РФ для аутсорсинга ИТ-услуг понизился до 33-го места, очевидно, в том числе и в связи с повышением заработной платы. Лидируют в этом рейтинге-списке страны Азии — Индия, КНР, Малайзия, Таиланд, Индонезия. Вошли в него и страны Африки: 5-е место в списке занял Египет, 15-е — Гана, 17-е — Тунис, 25-е — Маврикий, 26-е — Сенегал, 30-е — Марокко.

Однако Россия обладает некоторыми сравнительными преимуществами скорее для развития информационных и компьютерных услуг, чем для развития дистанционного обслуживания коммерческой деятельности (БПО). Для последнего важно не просто знание иностранного языка, но и хорошее знакомство с юридической, коммерческой практикой стран происхождения заказчиков, хотя на аутсорсинг часто передаются достаточно рутинные операции, и соответствующей терминологией можно овладеть. По объему экспорта ИТ-услуг (175 млн. долл.) Россия была в 2003 г. лишь на 26-м месте, в 2005 г. — на 24-м месте. К 2009 г. по сравнению с 2003 г. экспорт компьютерных и информационных услуг из России вырос в 7,4 раза — до 1,3 млрд. долл., однако он был в 35 раз ниже, чем экспорт ИТ-услуг из Индии, в 5 раз ниже, чем соответствующий показатель у КНР[26] (см. табл. 1).

Удельный вес в ПИИ в России отраслей, связанных с научно-техническим прогрессом, определяющих для инновационной экономики — машиностроения (за исключением автомобилестроения), авиастроения, производства продукции сферы ИКТ — компьютерного, электронного, телекоммуникационного оборудования, в том числе тех отраслей, в развитии которых с участием ТНК так преуспели азиатские страны, оставался в накопленной стоимости ПИИ к концу 2009 г. просто мизерным (авиастроение — 0,05%, «прочие услуги» (куда входят и услуги сферы ИТ) — 0,08%, электронное машиностроение — 0,9%)[27]. Между тем именно такого рода инвестиции могут способствовать модернизации экономики страны, диверсификации ее структуры, отходу от однобокой сырьевой специализации, которая делает экономику весьма зависимой от конъюнктуры на мировых рынках сырья.

Задачи, которые следует решить РФ для достижения цели модернизации экономики, весьма сложны, и опыт стран Востока, в том числе и по использованию ТНК в своих интересах, заслуживает изучения и использования. Сегодня стоит задача — создать в России если не Силиконовую долину, то хотя бы «новый Бангалор».

---

[25] Transnational Corporations. Vol. 14, № 2, 2005, с. 8–9.

[26] Information Economy Report 2006, с. 103–108; Information Economy Report 2007–2008, с. 146–148; 136; Transnational Corporations. Vol. 14, № 2, 2005, с. 8–9.

[27] www.gks.ru/bgd/regl./b10-11/ISS.WWW.exe/d2/24-10.htm

А.И. Яковлев

Модернизация Саудовской Аравии: итоги и перспективы в начале XXI века

Современное развитие Королевства Саудовская Аравия свидетельствует как о немалых достижениях в экономической и социальной сферах, так и о возникновении новых трудностей, порожденных в ходе стремительного процесса модернизации.

Модернизация, процесс целенаправленного и сжатого во времени периода социально-экономических реформ, проводимых государством по образцу более передовых и развитых обществ, стала важным инструментом развития для многих восточных обществ. Она позволила немалому числу стран Востока совершить качественный скачок в своем развитии, преодолеть начальный уровень бедности, отсталости и слаборазвитости, достигнуть во многих сферах общественной жизни высоких показателей, сопоставимых с уровнем развитых стран Запада, служивших моделью для подражания.

Созданное в начале XX века на основе примитивного бедуинского общества, саудовское королевство к концу века кардинально трансформировалось, вобрав в себя традиционные основы арабской и исламской цивилизации, некоторые плоды и достижения современной западной культуры. Новое интегрированное состояние саудовского общества очень сложно, но его скрепами являются Ислам и Традиция в духовной сфере и Государство в сфере общественной жизни.

Уже к концу XX века успехи модернизации Саудовской Аравии по многим формальным показателям были очевидны. Данное обстоятельство позволяет ставить вопрос о ее завершенности. Дополнительными доводами в пользу такого вывода стали обретение королевством нового, более значимого места в системах МО и МКХ, а также, напротив, проблемы и трудности, порожденные модернизацией, отчасти — возникновением кризиса западной модели развития.

В то же время представляется, что в современных условиях для королевства пока рано говорить о переходе к эволюционному развитию. Вызовы, порожденные модернизацией внутри саудовского общества, а также серьезные вызовы всей мировой системы, переживающей период своего переустройства на новых началах, создают обстановку серьезного кризиса и порождают условия для разнообразных конфликтов. Для выхода из этого состояния и обретения устойчивого развития вполне возможно вновь воспользоваться проверенным инструментом модернизации.

1

Опыт проведения «революции сверху» в Саудовской Аравии показал жизненную важность государства как главного субъекта социально-экономического развития, решающего участника процесса модернизации. Очевидно, что в королевстве государство играет важную роль в экономической, социальной, политической, культурной и духовной жизни.

Саудовское государство иноприродно западной светской модели современного государства, притом что у них общая цель: обеспечение условий для развития общества в условиях рыночной экономики.

Само по себе сочетание светского и духовного, религии и политики характерно для политической культуры ислама со времен Халифата. В начале XX века основатель королевства Ибн Сауд не имел времени на постепенное установление в ходе модернизации гармоничного сочетания начал исламской и светской государственности. Первые были в обществе сильнее, но враждебны переменам, вторые — очевидно необходимы, но не имели опоры в обществе.

И тогда в конкретно-исторических условиях король сделал ставку на племенное начало: различные кочевые и полукочевые племена стали социальной опорой модернизаторской политики Ибн Сауда и источником легитимности династии Ааль Сауд. Следует отметить, что в действительности король не намеревался сохранить племенные основы социальной организации или принцип консенсуса в отношениях с племенами — это препятствовало централизации власти в масштабах страны. Племена нужны были ему для решения конкретных задач и лишь в ослабленном виде.

Если бы Ибн Сауд оказался выразителем интересов только кочевых племен, страна вернулась бы к состоянию раннефеодального застоя; если бы он склонился в сторону городской буржуазии Хиджаза и отдал преимущество интересам торговцев и ростовщиков, то потерял бы свою опору в центральной Аравии. Сознавая это, Ибн Сауд сразу стал строить государство как институт высшей политической и социальной ценности. Тем самым оно превращалось не только в арбитра различных социальных сил и регулятора экономической жизни, но и в патриархального патрона. В то же время традиционная патриархальная форма отношений маскировала их изменившуюся суть и смягчала для жителей пустынной Аравии восприятие перемен. Стоит вспомнить замечание основателя западной консервативной политической мысли Э. Бёрка (безусловно, неизвес-

тного Ибн Сауду), который утверждал: «Государственному деятелю, не теряя из виду принципов, следует руководствоваться обстоятельствами; в противном случае в спешке он погубит свою страну… Голые, не связанные друг с другом истины в мире практики то же, что и ложь в теории» [Цит. по: 5а, с. 389].

В отсталой Аравии лишь государство обладало возможностями для проведения модернизации всего общественно-производственного организма (правда, в отличие от западных стран, это была не созидающая, а догоняющая модернизация). Опыт Турции, в которой в основу государственного строительства был положен принцип этатизма, также учитывался королем. В фундамент абсолютистской монархии были положены религиозные, племенные и светские начала. Этот противоречивый симбиоз позволил не только выжить, но и — благодаря нефтяному фактору — сформировать свою модель государственности. Важными системообразующими элементами этой модели стали принципы ислама (включая шариат), патриархального патернализма и светской государственности западного образца. Авторитарный королевский режим обладал всей полнотой законодательной и исполнительной власти, а также контролировал систему административного управления в провинциях.

Если король Ибн Сауд в 1910–1940 — е гг. провел «подготовительную работу», создал предпосылки и условия для проведения коренных реформ, то на долю его сына, короля Фейсала, в 1964–1975 гг. выпало осуществление полномасштабной системой модернизации.

В ходе модернизации усилился абсолютный характер власти короля за счет умаления исламских и племенных начал (но не отказа от них). Главенство государства оставалось бесспорным. Жесткая вертикальная организация власти смягчалась в некоторой степени традициями патернализма и племенной демократии, элементы которой сохранились до настоящего времени (прием населения королем и принцами династии Ааль Сауд).

Важным рубежом в развитии государства стало принятие в 1992 г. основных документов, имеющих конституционное значение. Саудовская Аравия была провозглашена арабским, исламским, полностью суверенным государством, религией которого является ислам, а конституцией — «Книга Аллаха всевышнего и Сунна Его пророка». В стране сохранялась монархическая форма правления, в основе которого лежат принципы «справедливости, совета и равенства». Был создан Консультативный совет из назначаемых королем «благочестивых и достойных людей» для участия общества в делах государственного управления (фактически совещательный орган власти был воссоздан на основе старого Совета (маджлиса), существовавшего в 1926–1936 гг. в Хиджазе). Экономической и социальной основой государства являются «собственность, капитал и труд». Государство обеспечивает неприкосновенность частной собственности, берет на себя защиту ислама и воплощение в жизнь основ шариата, в соответствии с которым обеспечивает права человека. Государство поддерживает систему социального обеспечения и поощряет благотворительность.

Таким обрядом был подтвержден системообразующий принцип саудовской государственности — принцип этатизма, существенно укрепленный в процессе модернизации. С точки зрения нормативной модели современного общества государство должно уступать свою ведущую роль обществу, но к концу XX века даже в странах Запада все более активно проявлялась важная роль государства в разных сферах общественной жизни, что — неожиданно — еще более сблизило королевство с западной моделью государственности.

2

В центре общественного развития стоит человек как субъект и объект различных экономических, социальных, политических и культурных процессов. Благодаря модернизации качество человеческого фактора развития в Саудовской Аравии существенно изменилось.

Численность населения выросла (млн. чел.): 1990 г. — 15,2, 2007 г. — 24,2, по прогнозам к 2020 г. ожидается 31,6. Стоит при этом заметить, что темпы роста населения снизились с 2,9% в 1990–1995 гг. до 2,0% в 2005–2010 гг. Население стало преимущественно городским: доля горожан в 1990 г. составляла 76,6%, в 2010 г. — 82,1%. Снизился уровень детской смертности на 1000 детей: 1970 г. — 118,0, 2005 г. — 21,0. Повысился уровень продолжительности жизни 1970 г. — 53,9 года, 2007 г. — 72,7 года. Характерной особенностью, свойственной мусульманским странам, стала бóльшая доля молодежи в населении. Молодые люди в обязательном порядке получают начальное образование, основная часть — среднее и полное среднее образование, и более половины молодых людей получают высшее образование [13, с. 215]. Другой особенностью, общей для модели «аравийской модернизации», стала большая доля иностранной рабочей силы, действующей в королевстве на постоянной и временной основе. Доля иностранцев в общей численности населения страны составляла в 2009 г. 27% [Там же, с. 216].

В то же время стремительное, на протяжении жизни одного поколения, изменение основ социальной жизни и условий существования не породило серьезных конфликтов национального масштаба. Конечно, вызывает недовольство заметное социальное расслоение и абсолютное господство принцев династии Ааль Сауд в экономической и особенно в политической жизни страны. Однако «крохи нефтяного пирога» позволяют власти гасить эти настроения.

Иностранные работники, благодаря целенаправленной политике государства, существуют в стране

в жестко определенных условиях для выполнения определенных функций в экономической и социальной жизни. Им предоставлены возможности для соблюдения своих норм поведения и общения внутри национальных групп. В то же время их социальный статус ниже, чем коренных жителей королевства, воспринимающих иностранных работников в качестве замены традиционных рабов (рабство было отменено в Саудовской Аравии 7 ноября 1962 г.). До последнего времени заметных конфликтов между коренными жителями и мигрантами не возникало.

3

К концу XX века в основном завершился процесс модернизации в экономической и социальной сферах. Согласно долгосрочным планам и последовательным действиям государства в стране возникла экономика, основанная на современных производительных силах и функционирующая на основе капиталистических начал.

Важным итогом и плодом модернизации стало появление и укрепление частного сектора, формирование саудовской буржуазии, действующей уже самостоятельно, но сохраняющей зависимость от воли власти и полагающейся на «плечо государства» в трудных случаях. В королевстве за несколько десятилетий выработались нормы взаимоотношений государства и частного сектора, не повторяющие буквально западную модель. Государство было и остается главным субъектом социально-экономического развития, выполняя плановые, регулирующие и производственные функции. В то же время в 1990 гг., в связи с падением цен на нефть и намечающимся сокращением значения нефтяного фактора, государство активизировало усилия по привлечению частного капитала во все сферы жизни страны.

За последние два десятилетия власти уделяют большое внимание развитию всех районов страны с тем, чтобы перейти от «прорывного типа» развития ведущих экономических районов: Восточной провинции (нефтяная промышленность), Центральной и Западной провинций (обрабатывающая промышленность). Ныне внимание уделяется всестороннему развитию Северного и Северо-Западного, Южного и Юго-Западного регионов, а также развитию средних и малых городов.

Экономика страны продолжает прямо зависеть от нефтяного фактора, подверженного конъюнктурным изменениям, однако за последние годы продолжаются ее развитие и рост.

В главной отрасли национального хозяйства — нефтегазовой — действует государственная компания САУДИ АРАМКО. Объем добываемой нефти остается на высоком уровне, принимаются меры для увеличения ежедневного уровня добычи ради удовлетворения спроса со стороны растущих потребителей Китая и Индии.

Курс на диверсификацию экономики за несколько десятилетий привел к изменению соотношения в общем объеме нефтяного экспорта долей сырой нефти и нефтепродуктов в пользу вторых. В разных районах королевства были построены новые нефтеперерабатывающие и нефтехимические предприятия, намечается строительство новых.

Использование плановых методов развития экономики позволило государству не просто сконцентрировать усилия и ресурсы на стратегически важных промышленных объектах, но и привлечь туда иностранный и национальный частный капитал. Ставка была сделана на создание специальных промышленных зон, начало чему было положено ранее: естественно, возникший в конце 1930-х — начале 1940-х гг. район нефтепромыслов АРАМКО в Восточной провинции, на побережье Персидского залива, стал именно такой особой промышленной зоной. В 1970 гг. его опыт был использован при создании новых промышленных зон в районах Джубайль (побережье Персидского залива) и Янбо (побережье Красного моря). Спустя 20 лет, по мере социально-экономического развития страны, встала задача развития ранее отсталых районов. И вновь эту политику «экономического районирования» целенаправленно проводит государство.

Новые промышленные зоны создаются в районах Джидды, Медины, Хаиля, эль-Харджа, Джизана, Даммама, еще 9 новых зон (промышленных городов) — в западной, центральной и северо-западной частях страны. Наиболее крупным из них, видимо, станет Экономический город короля Абдаллы, строящийся на месте небольшого городка Рабиг на западном побережье королевства. В частности, предполагается, что новый морской порт войдет в десятку крупнейших портов мира. В промышленной зоне Медины, при содействии специалистов из Малайзии, намечается создать наукоемкие, высокотехнологичные производства, а также Город знаний и учебные центры при участии специалистов из университета Тайбэя. Стоит отметить обоснованность притязаний саудовцев на создание постиндустриального сектора промышленности: уже в 2009 г. размеры капитализации рынка информационных технологий в стране оценивались в 135 млрд. риалов, что ставило эту сферу национальной экономики на третье место после финансовой и нефтяной. Примечателен быстрый рост пользователей Интернета в стране: 2008 г. — 7 831,4 тыс. чел. (34% населения), 2009 г. — 10 033,7 тыс. (34,7%) [12, с. 41–43, 97, 224; 13, с. 201].

В 2009 г. было объявлено о готовности двух государственных инвестиционных фондов (Саудовский фонд промышленного развития и Фонд общественных инвестиций) поддержать строительство двух крупных нефтехимических заводов на побережье Красного моря в районе г.Джизан (зона Джизан экономик-сити). Это будет одна из 9 новых экономических зон (экономических городов), создание ко-

торых планирует Генеральное инвестиционное Управление Саудовской Аравии [10, 2009, № 10, с. 14]. Создание таких промышленных зон решает две стратегические задачи: расширение сотрудничества государства и частного сектора, а также создание новых рабочих мест для быстро растущей численно саудовской молодежи.

Естественной частью социально-экономического развития является создание современной инфраструктуры. За годы первого-восьмого пятилетних планов в стране была с нуля создана система современных автомобильных дорог, модернизированы или заново построены крупные морские торговые и пассажирские порты и аэропорты. Эти объекты обеспечивают условия для успешного функционирования внутреннего рынка и экспортно-импортных операций — и они служат, быть может, самым очевидным показателем успешной модернизации королевства.

При создании инфраструктурных объектов государство изначально сделало ставку на активность частного капитала, и это себя оправдало. Точно таким же образом государство начало действовать в сфере энергетики, но там раз за разом возникали различные проблемы как недостаточной эффективности частных компаний, так и нехватки инвестиций для развития отрасли.

Так, коммерческие банки предоставляли кредиты частным компаниям преимущественно для операций в сфере торговли: в 1997 г. — 28,8% всего объема кредитов, в 2000 г. — 26,2%, 2009 г. — 25,4%. Кредиты на реализацию энергетических проектов составили в те же годы соответственно 3,5; 0,6 и 1,8%, на развитие транспорта и коммуникаций — 2,5; 3,6 и 6,1% [11, с. 63; 12, с. 63]. Государство в состоянии и далее развивать эти отрасли.

Обрабатывающая промышленность играет не столь большую роль в королевстве, как добывающая. В 1975 г. в стране имелось 472 современных промышленных производства (заводы и фабрики), в 2008 г. — 4072. Осмысливая перспективы промышленного развития королевства, президент консультативной компании Riyad Consalting Company шейха Дейя бинт-Ибрагим аль-Халифа в интервью отметила: «Мы не может производить такую же дешевую продукцию, как Китай. Мы не можем конкурировать с Китаем. В то же время мы не можем полагаться исключительно на импорт товаров, в которых нуждаемся. Наша цель — развитие высокотехнологичной обрабатывающей промышленности с не слишком дорогой и более высококвалифицированной рабочей силой» [10, 2009, № 17, с. 22–23]. Эта амбициозная цель может быть достижима при условии проведения нового этапа модернизации, включающего перемены не только в технико-экономической сфере, но также в культурно-психологической и образовательной.

Сфера обращения (торговля и финансы) остается преимущественно в руках частного сектора. В целом частный капитал за последние десятилетия превратился в реальную экономическую силу. Например, при общем объеме ВВП (в текущих ценах) в 2005 г. — 1172,4 млрд. риалов доля частного сектора составляла 29,6%, государственного сектора — 17,7%, нефтяного сектора — 52,7%. В 2009 г. соответственно — 1396,2 млрд. риалов, 32,7, 19,3 и 48,1% [13, с. 126]. Государство продолжает целенаправленную политику помощи частному сектору, созданному в результате модернизации. Например, в июне 2003 г. начала действовать Программа страхования ненефтяного саудовского экспорта [12, с. 145].

4

Целью модернизации является создание современного общества, т. е. индустриального и капиталистического. Важно отметить, что государство не осознается как самодостаточное в процессе социально-экономического развития. Еще в 1962 г. реформатор Фейсал назвал седьмым пунктом в своей программе модернизации (знаменитые «десять пунктов») нерушимость принципа частной собственности. Немного позднее, в 1966 г., в одном из интервью король Фейсал сказал: «Мы намереваемся двигаться вперед благодаря широкому планированию, ведомые нашими исламскими законами и верой. Мы избрали экономическую систему, основанную на свободном предпринимательстве, так как мы убеждены, что она абсолютно подходит к нашим исламским законам и соответствует условиям нашей страны, предоставляя возможность людям, обладающим инициативой, и любым группам работать для общего блага. Это не означает их безудержного роста, мы будем вмешиваться, когда правительство сочтет это необходимым, но без нанесения ущерба основному принципу…» [Цит. по: 9, с. 61]. И в течение десятилетий правительство проводило покровительственную политику в отношении частного капитала, были созданы шесть специальных государственных фондов для помощи частному капиталу в его деятельности. В то же время правительство вмешивалось в случае возникновения кризисных явлений, например когда в 1980 гг. происходили перебои с поставками частными компаниями электроэнергии в некоторых районах Западной и Центральной провинций.

В 1980 гг., по мере спада нефтяного бума и по мере создания основ современной экономики и современного общества (здравоохранение, образование, социальное обеспечение), власть приступила к проведению приватизации, главная цель которой — увеличение степени участия частного капитала в национальной экономике. Это стало важной частью политики экономической либерализации, т. е., сокращения контроля и участия государства в экономической деятельности. Намечалось, в частности, повышение эффективности действующих

предприятий, облегчение условий внешнеторговых операций при гарантиях Саудовского фонда развития, перемещение капиталов, в частности финансирование производственных проектов в развивающихся странах также при поддержке Саудовского фонда развития, обращение иностранной валюты внутри страны. Предусматривалось также создание наряду с государственными учреждениями образования и здравоохранения частных учебных заведений и медицинских учреждений.

Нефтяная сфера, точнее — нефтегазовая, была и остается под контролем государства, а доходы от нее — в распоряжении государства. В 2000 г. королевским декретом был создан Высший Совет по нефти и минеральным ресурсам. Но все иные отрасли национальной экономики, созданные за последние десятилетия, составляют потенциальные объекты для приватизации.

Теперь государство позволяет частному сектору действовать в сферах, бывших ранее исключительно в его ведении. Гибкость правительственной политики видна в том, что частному капиталу предлагаются две формы приватизации: полный переход предприятия в частные руки и частичный, с сохранением государственного участия (не менее 40%).

Прежде всего, правительство намеревается облегчить свое финансовое бремя, сбросив тяжелый груз неэффективных предприятий. В начале 1980 гг. частный капитал получил 30% акций крупнейшей промышленной компании САБИК. В 1997 г. начался процесс частичной приватизации государственных телефонных сетей страны (для повышения эффективности деятельности и снижения стоимости операций). Несколько частных компаний в сотрудничестве с государственной Почтовой службой начали осуществлять быструю доставку почты и посылок. По степени важности и сложности на первое место в процессе приватизации следует поставить национальную авиакомпанию «Саудия». Из крупных проектов приватизации можно назвать также морские порты, службы коммунального хозяйства. В июле 2007 г. решением короля Абдаллы, как председателя Высшего экономического совета, список объектов для приватизации пополнился. В него вошли Корпорация по опреснению морской воды (предлагается не менее чем 60%-ное участие частного капитала в отдельных операциях корпорации), Саудовская электроэнергетическая компания (дополнительный капитал необходим для реализации масштабных проектов энергогенерирующих мощностей), Саудовская железнодорожная организация (средства необходимы для строительства новых участков пути и 35 переходов для автомобилей и верблюдов на существующей дороге Эр-Рияд-Даммам), такой важный социальный объект, как биржи труда, а в сельскохозяйственном секторе — ветеринарные пункты и сети водоснабжения [12, с. 33–38].

В августе 1999 г. правительством был одобрен проект, разработанный Высшим Экономическим Советом королевства, предложившим в рамках экономических реформ программу приватизации. Главные ее цели таковы: «Безопасность и благосостояние общества. Неуклонный рост национальной экономики, обеспечивающий реальное увеличение доходов населения. Стабилизация цен. Обеспечение рационального использования рабочей силы и оптимизация трудовых ресурсов, включая “саудизацию”. Контролирование национального долга в разумных пределах. Справедливое распределение доходов, инвестиций и возможностей деятельности. Диверсификация экономики и увеличение доходов государства. Создание прочных правовых основ для инвестиций. Обеспечение правительством возможностей роста национальной экономики в соответствии с целями национального развития. Усиление способности национальной экономики к эффективному вхождению в мировое хозяйство. Расширение вклада частного сектора в национальную экономику путем реализации правительством программы приватизации» [11, с. 111–112]. Учитывая накопленные частным капиталом опыт, знания и возможности, эти ожидания вполне разумны.

В своей текущей деятельности правительство последовательно и целенаправленно принимает меры по привлечению частного капитала к реализации различных экономических проектов, следуя основным направлениям Седьмого (2000–2005) и Восьмого (2006–2010) пятилетних планов. В частности, предлагается принять участие в проектах создания новых энергетических мощностей для небольших поселений, в строительстве школ и иных учебных заведений в сотрудничестве с государством на выгодных условиях, а также в управлении инфраструктурными объектами (морские порты, автомобильные дороги) и государственными учреждениями (госпитали, почтовые отделения). Министерство просвещения ожидает активизации деятельности благотворительных фондов в деле развития дошкольного образования и программ для инвалидов [11, с. 114; 12, с. 48].

Эволюция саудовского национального хозяйства от моноотраслевого к многоотраслевому, намечаемая еще в 1980 гг., но обретающая реальные черты спустя двадцать лет, очевидно, повлечет за собой изменения в отношениях государства и частного сектора. По мере неуклонного сокращения доли нефтяных доходов в бюджете способность государства к абсолютному господству слабеет вследствие монопольного контроля за ресурсами. По мере возрастания доли ресурсов в виде собираемых налогов власти необходимо договариваться с правящими и господствующими силами в элите об условиях изъятия ресурсов. Таким образом, диверсификация саудовской экономики со временем должна сказаться и на социально-политической жизни королевства.

В то же время сильное государство будет необходимо саудовскому частному капиталу в условиях глобализации, в условиях включенности саудовской

экономики в рамки ВТО, так как он силен в масштабах региона, а за его пределами по-прежнему будет нуждаться в защите в условиях глобальной конкуренции.

Стоит отметить, что, несмотря на очевидную «нефтяную» и «аравийскую» специфику, названная «двуслойность» саудовской экономики вполне обычна для Запада. Ф. Бродель четко различал «капитализм в разных его формах» и «рыночную экономику» или «два этажа» западной экономики: «сектор монополистический и сектор конкурентный», видя в том «живую диалектику капитализма» [1, с. 649–651]. Специфическая черта экономической жизни в королевстве состоит в том, что власть не отделена от собственности и правящая семья Саудидов в то же время является конгломератом различных промышленных и финансовых корпораций. Это позволяет ей через формальные и неформальные механизмы регулировать экономическое развитие как на уровне государственно-монополистического уклада, так и на более низком уровне.

Интересы национальной экономики в ее целостности и интересы государства совпадают в главном, и это соображение однозначно требует от государства благоприятствовать развитию капиталистической (и — возможно в будущем — посткапиталистической) экономики.

5

Важной целью модернизации является повышение уровня и качества жизни населения в процессе его социальной трансформации. Если большинство правителей стран Востока в начале модернизации отдавали приоритет экономическому росту, уповая на то, что плоды этого роста рано или поздно достанутся и беднейшим слоям населения, Саудиды действовали иначе. В начале 1970 гг. в Аравии был удручающе низкий «стартовый уровень» модернизации, но в то же время уже имелись нефтедоллары и еще был жив принцип патернализма власти. Короли-реформаторы, говоря словами В. Попова, сознавали, что социальная политика является первостепенной функцией государства, что социальная сфера — «это не дополнение к успешному экономическому росту… а условие успешного роста» [5, с. 271]. Благодаря активной и целенаправленной социальной политике государства революционным образом изменились условия жизни всего саудовского населения; сформировались новые, ранее отсутствовавшие, социальные слои: национальная буржуазия, рабочий класс, интеллигенция, бюрократия.

Развитие системы образования было и остается одним из важнейших приоритетов саудовского государства. Осталась в прошлом эпоха «нефтяного опьянения», когда казалось, что за нефтедоллары все можно купить. Ныне все больше внимание обращается на развитие человеческого фактора. В 1998 г. усилия власти по ликвидации неграмотности в королевстве были отмечены специальной премией ЮНЕСКО. В последнее десятилетие, несмотря на финансовые трудности, расходы государства по статье «развитие человеческих ресурсов» остаются в бюджете одними из самых больших (будучи неизменно на втором месте после расходов на оборону и безопасность): 2008 г. — 104,6 млрд.риалов (25,5%), 2010 г. — 137,4 млрд. (25,5%).

В частности, расходы государства на содержание университетов также повышаются. Например, ассигнования на развитие университета им. короля Сауда в 2010 г. выросли по сравнению с 2009 г. на 35,3%, университета им. короля Абдель Азиза — на 20,2%, университета им. короля Халеда — на 29,8%. Число школ также выросло за короткий период с 2007 по 2009 г.: начальные — 13 454 и 13 626, неполные средние — 7 503 и 7 826, полные средние — 4 516 и 4 816 [12, с. 129, 225; 13, с. 116, 118, 202].

Стоит отметить, что власть отлично сознает важность не только материального, но и интеллектуального развития общества. Так, по инициативе наследного принца, ныне короля, Абдаллы ибн Абдель Азиза в саудовских средних школах в рамках «национального проекта принца Абдаллы» в 1990 гг. начата полная компьютеризация национальной системы образования, а также изменена программа обучения. В ней предусмотрено увеличение часов на изучение точных наук и возможность выбора учащимися курсов по собственным интересам. Это прямо противоречит традиционной методике обучения, в основе которой лежат принципы господства религиозных дисциплин, зубрежки и послушания учителю.

В отличие от западной модели развития, в королевстве в ходе модернизации общества контроль и активность государства не ослабевали, а реально распространялись и на неэкономические сферы жизни. Не самостоятельно, а во многом благодаря инициирующим реформам власти в стране развивается общественная жизнь, действуют многочисленные профессиональные и общественные организации, созданы основы демократических институтов власти (Консультативный совет, муниципальные органы власти).

В условиях ускоренного социально-экономического развития власть в королевстве принимает на себя, казалось бы, несвойственные ей функции, чуждые в современном индустриальном государстве, — формирования нового мировосприятия, новой трудовой этики. Между тем это отчасти приближает современную власть в королевстве к модели халифата, когда функции религиозного государства были обширны.

Модернизация социально-экономической жизни страны в 1970–1990 гг. создала качественно новые условия труда и жизни. Ввиду стремительности повышения уровня и качества жизни не только верхов, но и широких народных масс, в саудовском обществе возникла тенденция потребительского отноше-

ния к жизни, ее смысл виделся не в том, чтобы производить, а в том, чтобы потреблять без приложения для этого особых усилий. Эта тенденция накладывалась на давнее традиционное мировоззрение кочевника в условиях натурально-патриархального хозяйствования. Перемещению саудовцев в материальном отношении из условий доиндустриального уклада в индустриальный не соответствовали их поведенческие стереотипы со склонностью минимизации трудовых усилий в скудных условиях пустыни. Присутствие на постоянной основе миллионов иностранных работников воспринимается значительной частью населения в качестве естественного процесса, усиливая иждивенческие настроения и упования на безусловную помощь государства. Немалая часть коренных жителей до сих пор пренебрегает «непрестижными профессиями», предпочитая канцелярскую работу государственного чиновника, службу в армии и полиции, где полученное современное образование остается необходимой формальностью. Впрочем, это едва ли не общая черта большинства стран Востока. «Для подавляющего большинства индийцев работать на государство означает не только гарантию занятости, — отмечал корреспондент “Файнэншел Таймс” Э. Льюис, — но также повышение социального статуса и мгновенное вознесение на гораздо более высокий жизненный уровень» без опасения увольнения, но с возможностью нажиться за счет коррупции [4, с. 74, 100].

Показательно, что безработица в стране растет в последние годы за счет молодых людей, имеющих среднее и высшее образование. В 2009 г. общее число безработных составляло 463,0 тыс. чел., из них 168,1 тыс. имели среднее образование, 258,7 тыс. — высшее [13, с. 221]. Министр внутренних дел принц Наиф ибн Абдель Азиз сказал в связи с этой проблемой: «Мы не можем укорять лишь бизнесменов в медленных темпах саудизации. Часть вины должна взять на себя и наша молодежь. Молодые люди должны готовить себя для любой работы. Их желание работать даже за небольшое вознаграждение побудит работодателей дорожить ими и повышать им зарплату» [Цит. по: 7, с. 118].

В современных условиях нарастающего господства над сознанием миллионов людей разных континентов средств массовой информации и массовых коммуникаций, которыми к тому же можно манипулировать, как показали события «арабской весны» 2011 г., меняется отношение людей к ценностям традиционной культуры. В королевстве власти решают непростую задачу воспитания новых поколений саудовских работников с новыми системой ценностей и поведенческими нормами, готовностью к интенсивному и сложному труду, с признанием целью жизни развития личности, а не потребительстве. Это дело может быть выполнено только государством в союзе с мечетью — что опять-таки напоминает о возрождении на новой основе элементов модели халифата.

Следует особо отметить усилия, которые государство в последние десятилетия прилагает для повышения статуса женщины в саудовском обществе. Это специфическая черта саудовской модернизации. Государство развивает женское образование и позволяет молодым женщинам (в сопровождении родных) выезжать для обучения за границу. Доля женщин в общей численности рабочей силы еще невелика, в 2009 г. — 16,5%, однако в некоторых сферах и отраслях экономики она заметно растет (здравоохранение, начальное образование, предпринимательская деятельность). Женщины занимают должности низшего и среднего уровня в государственном аппарате (министерствах иностранных дел, здравоохранения, университетах). По оценкам, в стране насчитывается около 3 тысяч женщин, занятых предпринимательской деятельностью крупного и среднего масштабов. Несколько женщин входят в Советы торгово-промышленных палат Эр-Рияда и Джидды, некоторые входят в число богатейших людей страны. В сентябре 2011 г. саудовские власти предоставили женщинам право избирать и быть избранными в местные органы власти. Следуя курсом «саудизации» рабочей силы, правительство намерено создавать новые рабочие места специально для женщин, в том числе в сфере промышленности.

Женское образование, возникшее полвека назад в начале процесса модернизации, ныне стало неотъемлемой частью процесса развития саудовского общества. В 2009 г., например, в общей численности учащихся на всех уровнях образования отмечено почти полное равенство мужчин и женщин: 51,6 и 48,4% (начальное — 52,8 и 53,3%, полное среднее — 22,6 и 21,8%) [13, с. 220, 202]. Консультативный совет за последние годы вынес несколько рекомендаций о правах женщин: расширить прием женщин в высшие учебные заведения, облегчить прием на государственную службу и т. п. [15, с. 65, 82–84]. В последние годы отмечены приглашения женщин на заседания Консультативного совета при обсуждении вопросов пенсионного возраста, дороговизны выкупа за невест и т. п.

6

На первый взгляд опыт модернизации саудовского королевства за последние десятилетия свидетельствует о закономерности, казавшейся либералам всех мастей абсолютной: развитие капиталистических начал в социально-экономической жизни с неизбежностью влечет за собой демократизацию общества и возникновение демократического государства. Но это не совсем так. Демократизм в Саудовской Аравии имеется, но он иной природы, чем западный: он основывается на традициях племенной демократии и воле государства к построению более справедливого общества с учетом реалий современного мира.

Сложившаяся за полвека модернизации политическая система государства была оформлена в 1992 г. принятием базовых законов конституционного значения (Основной закон) [14]. В соответствии с ними Королевство Саудовская Аравия это арабское исламское государство, религией которого является ислам, конституцией — Священный Коран и Сунна Пророка (традиции), языком — арабский, столицей — Эр-Рияд (ст. 1). Система правления в Саудовской Аравии монархическая, с правящей династией, основанной королем Абдель Азизом ибн Абдель Рахманом Ааль Сауд во главе с сыновьями его сыновей (ст. 5). Источником власти режима является Священный Коран и Сунна Пророка, которым должны соответствовать другие законы (ст. 7).

Раздел о государстве (ст. 44–71) Основного закона содержит положения о почти абсолютной власти короля, который является и главой правительства, верховным главнокомандующим, назначает министров и высших чиновников, созывает и распускает консультативный совет (маджлис аш-шура). В то же время отмечено, что маджлис (совет) короля и маджлис наследного принца будут открыты для всех граждан, дабы каждый мог использовать свое право обсуждения с органами власти любых вопросов (ст. 43).

Важным и уникальным элементом саудовской государственности является нахождение на территории страны святых мест ислама — Большой мечети в Мекке и мечети пророка Мухаммеда в Медине. И в основном законе заявлено: государство сохраняет и обеспечивает Две Святые Мечети, гарантируя безопасность для паломников (ст. 24).

В разделе «Права и обязанности» отмечено, что государство защищает права человека в соответствии с законами Исламского Шариата (ст. 26). Там же подробно обозначены принимаемые на себя государством обязательства в социальной сфере: социальная защита подданных и их семей, предоставление возможностей для труда, защита прав трудящихся и предпринимателей, обеспечение образования и борьба с неграмотностью, обеспечение медицинских услуг каждому подданному (ст. 27–31).

Министр по исламским делам и вакуфам Абдаллах ибн Абдель Мухсен ат-Турки в официальной публикации отмечал, что «королевство — идеальный образец политики и правления в современной политической истории», так как «главенство и высшая власть в Королевстве Саудовская Аравия принадлежат писанию Аллаха и Сунне Его посланника — да благословит его Аллах и приветствует! Они являются источником власти». Основной закон королевства, опирающийся на шариат, «содержит все права, разрешенные шариатом, которые содержат принципы человеческого достоинства, свободы равенства, социального обеспечения и “аш-шура”… Что касается экономических принципов, то основной закон правления подчеркнул неприкосновенность частной собственности, запретив конфискацию частной собственности… Саудовский гражданин благодаря постановлениям шариата защищен от финансового притеснения, от которого страдают многие народы мира… Государство обеспечивает право гражданина и его семьи в несчастных случаях, при болезни, нетрудоспособности и старости, укрепляет социальное обеспечение, выделяя на это необходимые средства… В законе о труде и рабочей силе в королевстве подробно указаны меры защиты рабочего, его зарплаты и здоровья, а также защиты рабочего от беспричинного увольнения с работы» [6, с. 89–93]. Таким образом, в ходе модернизации по западной модели саудовцы построили скорее не социальное государство, а патерналистское.

Определены и обязательства государства в сфере культуры: государство уделяет большое внимание науке, искусству и культуре. Оно поощряет научные исследования, сохраняет Арабское и Исламское наследие и принимает участие в развитии Арабской, Исламской и общечеловеческой цивилизаций (ст.29). Заявлено, что средства массовой информации должны действовать для просвещения масс и укрепления национального единства в соответствии с традициями и законами государства (ст. 39).

Примечательно, что в современных условиях «культурного вызова» и экспансии западной массовой культуры саудовское государство готово противостоять им. По словам доктора Абдаллаха ибн Абдель Мухсена ат-Турки, для защиты «своей социальной и культурной самобытности от произвола западной культуры» необходимо «придерживаться Божественного руководства, Корана и Сунны Пророка, основ и принципов шариата, гордиться своей религиозной и культурной самобытностью и придерживаться ее на практике. Эта самобытность гарантирует… почетное место в том, что касается прав человека в международном сообществе» [6, с. 101]. По мнению отечественных арабистов, культурная политика государства имеет четко выраженные ориентиры, осуществляется целенаправленно и неуклонно, «отсеивая» в процессе модернизации те элементы современной западной культуры, которые не соответствуют мусульманской и арабской идентичности [7, с. 125]. Таким образом, модернизация никак не равнозначна вестернизации, следованию опыту западной модели как непререкаемому абсолюту.

В отличие от революции модернизация вовсе не означает отказа от традиционных устоев жизни, системы ценностей, норм поведения и морали — пока они прямо не препятствуют осуществлению кардинальных перемен в жизни общества. В понимании саудовских властей верность Традиции не противоречит продолжению перемен. В мае 2003 г. король Фахд в речи, обращенной к членам Консультативного совета, заявил: «Мы стремимся к тому, чтобы наши внутренние дела стали объектом нашего собственного реформирования… Мы будем пересматривать законы и указы с тем, чтобы

расширить участие народа в принятии правительственного решения. В рамках благородных шариатских установок мы откроем более широкие горизонты для женщин» [Цит. по: 3, с. 37].

По инициативе нынешнего короля Абдаллы был создан Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза, значение которого состоит в установлении регулярного диалога и взаимодействия саудовского общества и саудовской власти — при отсутствии «нормативных» по западной модели институтов демократического общества. По сути дела, создание Центра национального диалога можно в равной степени назвать и *инициирующей реформой*, поскольку общество в целом пока еще не готово жить по западным принципам демократизма, и *санкционирующей реформой*. Дело в том, что в январе 2003 г. 115 представителей саудовского «нового класса» из энергичных и инициативных предпринимателей и интеллектуалов, получивших высшее образование на Западе, подали членам семьи Саудидов петицию «Видение настоящего и будущего родины», в которой предлагалось продолжение реформ в сфере политической жизни как альтернатива назреванию новых проблем. Ответом на него стало проведение в июле 2003 г. Первого национального форума в рамках диалога. Седьмой национальный форум прошел в апреле 2008 г. Форум приветствовал в своем послании король Абдалла, на заседаниях обсуждались проблемы безработицы и роли частного сектора в процессе создания новых рабочих мест [16, с. 218–220].

Показательно в этом отношении создание в октябре 2006 г. нового государственного органа — Комитета по принесению клятвы, фактически — совета влиятельных представителей различных кланов внутри семьи Саудидов, функция которого состоит в определении кандидата на трон. Конечно, это никак не «выборы короля», но это явный отказ от принципа абсолютизма, от самовластного решения правящего монарха. Это подтверждение всеохватывающего, тотального характера модернизации, которая затронула своими переменами все сферы жизни общества.

Семья Саудидов показала, что не намерена уступать свое господствующее положение и делегировать даже часть своих прерогатив единственного «политического класса» возникшему в результате модернизации «новому классу». Очевидно, что Саудиды используют всю мощь государства для сохранения и возможного упрочения своей власти. Но в то же время государство служит не только им, но и — хотя в меньшей степени — всему народу. И даже впечатляющие данные о 20 тысячах долларов в качестве ежемесячной «пенсии» всем принцам и принцессам династии Аль Сауд не могут заслонить очевидный факт ускоренного и успешного *общенационального развития* Саудовской Аравии.

Объективно главной задачей нынешнего режима является сохранение стабильности в обществе и устойчивого экономического развития страны. Непременное условие этого — сохранение существующего государства, которое — при поддержке модернизированного саудовского общества — в состоянии провести новую модернизацию. Изменится ли при этом характер саудовской государственности?

Опыт большинства стран Востока, успешно проведших модернизацию в XX веке, свидетельствует, что ее завершающим этапом становились кардинальные перемены в политической жизни, которые приводили политическую систему в соответствие с изменившимися социально-экономическими условиями, сохраняя при этом на вершине власти правящие и господствующие группы [8, с. 409–430].

В Саудовской Аравии это правило действенно при учете важного обстоятельства: кардинальной дифференциации всего общества в результате модернизации. И ныне показатели социального положения человека в саудовском обществе включают в себя традиционный элемент (племя), современный (уровень дохода) и постсовременный (уровень образования, доступ к информации). Таким образом, противники ускорения демократизации саудовской государственности защищают интересы не только традиционной правящей верхушки общества, но и широких слоев, находящихся вне уклада жизни «современного общества». Например, в 2005 г. несколько улемов и студентов богословия выступили в печати против обсуждения вопроса о возможности саудовским женщинам водить автомобиль, что положило начало довольно бурной полемике о значении традиционных устоев в современной жизни страны. Показательно, что согласно результатам социологических опросов 88,6% самих саудовских женщин были против предоставления им права водить автомобиль [3, с. 264].

Глава Консультативного совета С. ибн Хамид не случайно отмечал, что процесс реформ и развития в королевстве определяется тщательно продуманным и взвешенным планом короля, который исходит из «потребностей нынешнего этапа и степени эволюции саудовского общества. Мы не стремимся перепрыгивать через этапы реформ, чтобы не споткнуться о первое же препятствие» [Цит. по: 3, с. 296]. Очевидно, что уже не одна мечеть, но государство при опоре на мечеть способно предотвратить раскол саудовского общества по вопросу о продолжении процесса модернизации.

Стоит уточнить, что к названным широким слоям традиционалистов вполне можно отнести немалый слой государственной бюрократии, унаследованный саудовским государством через египетских чиновников (формировавших государственный аппарат в 1930–1940 гг.) от Османской империи.

7

Таким образом, ныне можно отметить не только очевидные и наглядные успехи модернизации в Са-

удовской Аравии в сферах хозяйственной и социальной жизни, но также и возрождение элементов старой досовременной общественной системы, становящихся органичными дополнениями к заимствованиям из западной модели. Это сохранение принципов патернализма и института маджлиса в политической жизни, сочетание новаций и традиционных норм поведения саудовских и иностранных рабочих (неопрезираемые низы) в социальной жизни, возрастание традиционной роли государства в разных сферах общественной жизни (неохалифат), наконец, сохранение и возможное возрастание роли ислама и арабского национализма в сфере общественной и политической мысли при существовании принципов рационалистического, прагматического мышления. В Аравии модернизация парадоксальным образом содействовала не только появлению Современности, но и сохранению, даже возрождению Традиции в процессе симбиоза или синтеза этих двух начал.

В то же время модернизация оказывается не абсолютной панацеей, а необходимым инструментом власти для выхода из кризиса национального масштаба. В современных условиях нарастающих глобальных политического, экономического, экологического, демографического, продовольственного и водного кризисов страны Запада предпринимают попытки создать новую модель развития, обрести новые цели развития, вернуть западному обществу смысл существования и устойчивость. Для стран Востока к настоящему времени Запад потерял образ модели для подражания, его состояние уже не может служить для них целью развития. Для Востока Запад уже не абсолютный лидер развития, но еще на долгое время останется необходимым партнером развития и возможной модернизации. Пока нет ясного ответа на вопрос, сформулированный А.П. Колонтаевым: «Является ли идущая трансформация свидетельством наступления качественно нового этапа в эволюции общества, как это было, например, при становлении капитализма, либо это новые факторы функционирования прежней системы, не меняющей ее сути?» [2, с. 8].

Стоит ли повторять известные выводы о качественном возрастании роли и значения стран Востока в процессе идущей глобализации — об этом свидетельствует факт формирования мировой «двадцатки», как одного из инструментов для анализа проблем мирового развития. И Саудовская Аравия стала членом этой «двадцатки» что является признанием ее нового качества как государства и общества.

В процессе модернизации саудовского общества государство было не только главным и решающим субъектом перемен, инициируя, направляя и регулируя процесс ускоренного развития. Государство формировало современное состояние всех сфер жизни общества — экономической, социальной, политической и культурной. Оно же, естественно, сохраняет и пытается сохранить в дальнейшем контроль над этими сферами, соизмеряя возможности королевства и ситуацию в быстро меняющемся и глобализирующемся мире.

А что же само саудовское общество? Оно не просто делегировало свои полномочия государству, приняв принцип патриархальности в отношениях «государство — общество». Арабо-мусульманская цивилизация сформировала иную, чем западная, европейская христианская цивилизация, модель «государство — общество», в которой сохраняется религиозная основа общественной жизни, за источником власти и права признается божественная природа. И в условиях стремительной, по историческим меркам, модернизации, не пережив ни своего Ренессанса, ни Просвещения, ни великих революций, которые на Западе отвергли Традицию, создали иную систему ценностей, сформировали рациональную и прагматическую основу общественной жизни, саудовцы смогли сохранить основы своей Традиции. И оказалось, что эти традиционные основы до поры до времени вполне могут сочетаться с новейшими материальными достижениями западной капиталистической индустриальной формации. В самом деле, принцип рационалистской справедливости, лежащий в основе современного консерватизма на Западе («Все люди имеют равные права, но не одни и те же блага»), вполне вписывается в реалии Аравии.

Вместе с тем сохранение в общественной жизни королевства немалого набора традиционных ценностей, норм и институтов, видящееся для некоторых признаком «слабости и отсталости» саудовского общества, не станет ли в предстоящей модернизации основанием его силы на новой, самобытной основе?

Конечно, в начале XXI века в условиях глобализации в саудовском обществе назревает противоречие между объективной необходимостью его вхождения в мировое сообщество и стремлением части общества отгородиться от нарастающих перемен и замкнуться в пределах традиционной культуры и привычного уклада жизни. Едва ли это противоречие может исчезнуть или разрешиться само собой. Но показательно, что основная масса населения страны, богатые и бедные, консерваторы и реформаторы равно заинтересованы в сохранении, а значит и развитии модернизированного саудовского общества. Возможно, что один из параметров возникающего глобального мира — наличие не одной модерности, а нескольких равноправных модерностей.

Поэтому государство в Саудовской Аравии, сыграв исторически необходимую и важнейшую роль движителя модернизации, в начале XXI века сохраняет свое значение в качестве инициатора, регулятора и движителя модернизации, имея в виду не просто аппарат власти, а государство как «сумму иерархий» (Ф. Бродель) — политической, экономической, социальной, культурной и религиозной. Основой для такого рода деятельности служит сохранение

цивилизационных основ, преемственность духовно-культурной традиции, изменившейся, но сохраненной в процессе модернизации.

Литература

1. Бродель Ф. Время мира. М., 1992.
2. Колонтаев А. П. Страны Востока в начале XXI века: поиски новых теоретических обобщений. Восток, № 2, 2011.
3. Косач Г. Г. Саудовская Аравия: внутриполитические процессы «этапа реформ». М., 2007.
4. Льюис Э. Без оглядки на богов: взлет современной Индии. М., 2010.
5. Попов В. Стратегии экономического развития. М., 2011.
5а. Социология второй половины XX — начала XXI века. М., 2010.
6. Ат-Турки, Абдаллах ибн Абдель Мухсен. Ислам и права человека на примере Королевства Саудовская Аравия. Эр-Рияд, 1997.
7. Филоник А. О, Вавилов А. И. Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004.
8. Яковлев А. И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. М., 2006.
9. King Faisal and the modernization of Saudi Arabia. L., 1980.
10. The Middle East Economic Digest. L., 2009.
11. Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2000.
12. Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2009.
13. Saudi Arabian Monetary Agency. Annual Report. Riyadh, 2010.
14. Saudi basic Acts. Riyadh, 2005.
15. The Shura Council (Consultative Council) of Saudi Arabia: Past and Present. Riyadh, 2007.
16. Twal Gazi O. Discover the Kingdom of Saudi Arabia. Riyadh, 2009.

А. П. Муранова

Налоговая политика и модернизация экономики в странах Юго-Восточной Азии (на примере Брунея и Сингапура)

Цель данной статьи — показать, как проходит модернизация экономики в Брунее и Сингапуре и какие налоговые меры принимаются для ускорения этого процесса. Для сопоставления эти страны выбраны потому, что есть ряд факторов, которые их объединяют. Во-первых, обе страны были владениями британской короны и в них сохранились навыки работы административного аппарата и некоторые основы законодательства, в том числе и налогового. Во-вторых, обе страны стартовали с низкого уровня социально-экономического развития. В-третьих, и Бруней, и Сингапур при определении стратегии экономического развития с самого начала избрали путь структурного преобразования и развития национального хозяйства с помощью иностранного капитала; при этом Бруней располагал достаточными финансовыми ресурсами и нуждался в современных технологиях и высококвалифицированном менеджменте, тогда как Сингапуру были нужны и финансовые ресурсы тоже. В-четвертых, в обеих странах государство занимает сильные позиции и государственному регулированию придается большое значение. При этом немаловажная роль отводится налоговой политике как инструменту регулирования деятельности национального и иностранного частного капитала. В-пятых, Бруней и Сингапур — небольшие по размерам территории и населения государства, которые, однако, занимают важное стратегическое положение в регионе и обладают высокими мировыми рейтингами[1]. В-шестых, в обеих странах в силу ограниченности территории слабо развита аграрная сфера[2], и это определило специфику их социально-экономического развития, которая выразилась в том, что они вынуждены импортировать подавляющую часть продовольствия и пополнять недостающую рабочую силу за счет иммигрантов. И наконец, обе страны — государства с открытой экономикой, ориентированной на мировой рынок.

Вместе с тем было и очень существенное отличие двух стран на старте независимого экономического развития. Бруней располагал значительными ценными полезными ископаемыми в виде запасов нефти и газа, тогда как Сингапур не имел никаких природных ресурсов, и первоначально только выгодное географическое положение и порт с отсталой и изношенной инфраструктурой составляли его ресурс. Однако, как выяснилось, богатые природные ресурсы в Брунее не стали до начала XXI в. фундаментом для ускоренного технического перевооружения и структурной перестройки национального хозяйства, хотя и обеспечили его населению очень высокий жизненный уровень. Огромное различие между странами сохраняется, но только оно другого рода — будучи богатым государством, Бруней остается все еще в группе развивающихся стран, а Сингапур, один из четырех азиатских «тигров», уже стал членом «клуба» высокоразвитых государств.

В данной статье автор исходит из определения модернизации, которое сформулировал В.Л. Иноземцев, считающий, что модернизация — это «скоординированные усилия общества *по преодолению нетерпимого отставания* (курсив наш. — *А. М.)* в экономической и социальной сферах…»[3] и что «модернизация требует перестройки экономики, индустриализации, роста социальной активности»[4]. Исходя из этих характеристик, мы полагаем, что можно говорить о процессе модернизации не только в Сингапуре, но и в Брунее. Следует только учитывать, что в настоящее время рассматриваемые страны находятся на разных стадиях этого процесса: Бруней делает первоначальные шаги по пути диверсификации и индустриализации экономики, а Сингапур

---

[1] Площадь Брунея — 5465 кв. км, Сингапура — 712,4 кв. км, население (2010 г.) — соответственно 417 тыс. чел. и 5077 тыс. чел., включая работающих иммигрантов. По данным Всемирного экономического форума, ВВП в текущих ценах на душу населения составлял в 2009 г. в Брунее — 26 325 долл. (30-е место в мире из 139 стран и 2-е в ЮВА), в Сингапуре — 37 293 долл. (20-е место в мире и 1-е в ЮВА). По индексу конкурентоспособности в 2010 г. Бруней занял 28-е место из 142 стран, Сингапур — 2-е. По состоянию инфраструктуры соответственно — 36-е и 3-е места из 139 стран, по доле сбережений в ВВП в 2009 г. Брунею принадлежало 2-е место в мире, Сингапуру — 6-е из 139 стран. По индексу макроэкономической стабильности в 2010–2011 гг. Бруней занял 1-е место, Сингапур — 33-е. По индексу развития человека, отражающего качество жизни, в 2009 г. Брунею принадлежало 30-е место из 182 государств и 1-е место в исламском мире, а Сингапуру — 23-е место. Бруней на 4-м месте в мире по производству и на 9-м месте в мире по экспорту сжиженного природного газа. Он находится на 4-м месте по добыче нефти в ЮВА. (ООН представил качество жизни в странах мира на 2009 г. — http//gtmarket.ru/news/state/2009/10/06/2192; The Global Competitiveness Index 2011–2012 rankings.2011 World Economic Forum — http://www.weforum.org/issues/global competitiveness; http://www:bedb.com.bn/why-facts-figures.html).

[2] Доля земледелия, лесного хозяйства и рыболовства равнялась в 2009 г. в Брунее 0,9% ВВП, в Сингапуре — 0,5%.

[3] Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Вып. 1. Стратегические проблемы модернизации. М., 2009, с. 11.

[4] Там же, с. 10.

уже прошел эту стадию и вышел на уровень стран с высокотехнологичными промышленностью и сферой услуг. Безусловно, затянувшееся политическое (Бруней получил полную свободу лишь в 1984 г., т. е. почти на 20 лет позже, чем Сингапур) и экономическое подчинение Брунея Великобритании и ее капиталу негативно сказалось на экономике. И если Сингапур начал формировать многоотраслевое хозяйство еще в 60 гг. XX в., то Бруней фактически приступил к структурной перестройке национального хозяйства лишь в нулевые годы XXI в. Следует отметить, что проведение ускоренной структурной и технической перестройки экономики диктовалось в Сингапуре в 60 гг. жесткой необходимостью выжить в условиях полного отсутствия ресурсов. В Брунее же благодаря богатым природным ресурсам проблемы выживания после получения независимости не было, но в настоящее время правительство сильно озабочено тем, что она может возникнуть в будущем в связи с истощением запасов нефти природного газа[5]. Именно императив обеспечения будущего подталкивает теперь правительство Брунея к более энергичной политике преодоления чрезмерной зависимости от невозобновляемых ресурсов и к созданию стабильно развивающейся экономики, не подверженной колебаниям мировой конъюнктуры на углеводороды. А это возможно только в том случае, если будет успешно решаться проблема диверсификации экономики и одновременно ее модернизации.

К моменту получения политической независимости экономический потенциал Брунея был сконцентрирован в нефтяной и газовой промышленности, где активно действовали главным образом международная монополия «Ройял Датч-Шелл» и японская монополия «Мицубиси». Помимо нефте- и газопромыслов, крупными предприятиями были нефтеперерабатывающий завод в Сериа, построенный в 1955 г. и реконструированный в 1980 г. (продукция идет преимущественно на внутренний рынок), завод по производству сжиженного природного газа в Лумуте, запущенный в 1973 г. (продукция практически полностью вывозится за рубеж, прежде всего в Японию), и глубоководный порт Муара, открытый в 1973 г. Легкая и пищевая отрасли были представлены небольшими частными предприятиями. Государство вело в довольно больших масштабах строительство инфраструктурных объектов (автодороги, морские порты, аэропорт), которые обеспечивали эффективное функционирование нефтегазового комплекса.

В последней четверти XX в. правительство пыталось активизировать деятельность частного бизнеса в ненефтяном секторе, используя среди прочих инструментов и налоговые. В мае 1975 г. был принят Закон о стимулировании инвестиций, который ввел статусы пионерного и расширяющегося предприятия с предоставлением им фискальных привилегий[6]. Однако эта первая попытка задействовать налоговые рычаги в целях развития частного предпринимательства оказалась малорезультативной. Иностранный капитал по-прежнему направлялся практически целиком в добычу и переработку нефти и газа (в 1990–2000-х гг. в страну поступало прямых иностранных инвестиций в среднем 349 млн. долл. в год). В 1999 г., например, лишь 1% зарубежных капиталов был вложен в ненефтяные отрасли, в том числе в создание новых предприятий по производству одежды, продукция которых предназначалась преимущественно для экспорта. Национальный, главным образом китайский, капитал был слабо развит. Большую роль в провале проекта сыграла и чрезвычайная узость внутреннего рынка из-за малочисленности населения, что не позволяло создавать конкурентоспособные предприятия (кстати, этот недостаток экономики Брунея сохраняется до сих пор, и по рейтингу Всемирного экономического форума за 2010 г. страна занимает 126-е место из 139 стран)[7]. По этой же причине и в настоящее время строящиеся предприятия ориентированы прежде всего на внешний рынок.

Заметный поворот в стратегии социально-экономического развития страны наметился в первые годы XXI в. Это нашло отражение в восьмом пятилетнем плане национального развития на 2001–2005 гг., в котором приоритет был отдан диверсификации экономики путем поощрения деятельности малых и средних компаний (на их долю приходится более 90% всех деловых операций в стране)[8], а в отраслевом отношении акцент сделан на развитие с помощью зарубежных инвестиций высокотехнологичных производств, информационно-коммуникационных технологий, инфраструктуры, а также сферы услуг, в первую очередь финансовых.

Первым и весьма важным актом, выводящим страну на более высокий уровень экономической деятельности, стало учреждение в июле 2000 г. Международного финансового центра Брунея (МФЦБ), главной функцией которого было объявлено оказание при помощи зарубежных инвесторов разнообразных финансовых услуг, поощрение развития их современных форм, расширение деятель-

---

[5] Запасы нефти оцениваются в 1,3 млрд. барр., а природного газа — в 335 млрд. куб. м. При существующем объёме добычи запасов нефти хватит на 25 лет, а газа — на 40 лет. — http://www.oxfordbusinessgroup.com/economic_updates/fuelling-economy

[6] Подробнее о содержании Закона о стимулировании инвестиций 1975 г. см.: Муранова А. П. Налоговое стимулирование частного бизнеса в Брунее Даруссаламе. В кн.: Юго-Восточная Азия. Актуальные проблемы развития. Выпуск XV. Юго-Восточная Азия. 2009–2010. М., 2010, с. 231–234.

[7] The Global Competitiveness Index 2011–2012 rankings/2011 World Economic Forum. — http:/www/weforum/org/issues/global competitiveness.

[8] Guide to the Investment Regimes of APEC member economies. Singapore, 2003, с. 59.

ности исламских банков и привлечение в Бруней капиталов с других денежных рынков. Одновременно были приняты закон, предусматривающий меры противодействия отмыванию денег, и закон о приведении брунейских финансовых норм в соответствие с международными стандартами. Благодаря этим законам повысилась прозрачность брунейского рынка финансовых услуг, что создало благоприятные условия для иностранных компаний и превращения МФЦБ в банковский и торговый центр в регионе ЮВА и в центр исламских финансов. Создание МФЦБ можно расценить как важный шаг на пути диверсификации и модернизации экономики страны. Он положил начало внедрению современных форм ведения бизнеса и способствовал повышению международного статуса Брунея. С августа 2000 г. МФЦБ стал функционировать как офшорный центр[9].

Чтобы содействовать развитию МФЦБ, правительство ввело для его участников чрезвычайно льготный режим налогообложения. Так, компании, ведущие международные деловые операции, а также международные партнерства, получившие право вести любые операции с нерезидентами в любой стране, полностью освобождены от уплаты налога на прибыль. Такое же правило распространяется на международные доверительные компании, учреждаемые нерезидентами. Международные страховые компании также не платят никаких налогов и пошлин. Международные банки, действующие в МФЦБ, находятся в еще более привилегированном положении — налоги не взимаются ни с самих банков, ни с их клиентов, ни с их финансовых продуктов. Такие льготы все больше привлекают исламские финансы, которые активизировали свою деятельность за счет расширения рынка исламских облигаций «сукок» («sukok»). В начале 2011 г. на долю исламских банков приходилось 40% рынка, тогда как в Малайзии, считающейся мировым лидером в исламских финансах, их доля — 20% рынка, а в Индонезии — всего лишь 2%[10].

Налоговые инициативы правительства коснулись и других отраслей. В январе 2001 г. были изданы два указа — Указ о стимулировании инвестиций 2001 г., отменивший Закон 1975 г., и Указ о подоходном налоге (с поправками), который дополнил Закон о подоходном налоге 1949 г. Эти указы создали законодательную основу для принципиально нового, гораздо более льготного режима налогообложения ненефтяного предпринимательства. Была значительно расширена сфера применения фискальных послаблений и резко увеличены сроки их действия для некоторых категорий предпринимателей. Уже сам набор отраслей, на которые распространяются налоговые льготы, свидетельствует о твердом намерении правительства отойти от однобокого развития национального хозяйства. Льготами могут пользоваться промышленные и сервисные предприятия, компании, выпускающие продукцию на экспорт или оказывающие услуги за рубежом, компании, инвестирующие в новые технологии, компании, ведущие международные торговые операции, компании, производящие инвестиции за рубежом, венчурные предприятия, компании, владеющие складскими помещениями. Пионерными предприятиями, получающими самые большие привилегии, были объявлены 24 отрасли промышленности (в том числе производство электронной и электротехнической продукции, средств связи и звукозаписи) и 14 отраслей сферы услуг (в том числе банковское дело, страхование, туризм)[11].

Отличительной чертой экономической ситуации в Брунее в первые десятилетия XXI в. стала активизация предпринимательской деятельности государства в промышленности. В ноябре 2001 г. было реформировано Управление экономического развития Брунея (УЭРБ), и его первейшей обязанностью стала разработка новой стратегии, которая даст старт притоку в технологически передовые отрасли промышленности и услуг ненефтяных иностранных инвестиций. Было определено несколько крупных проектов с участием государственных капиталовложений. В промышленности — это предприятия нефтехимии и возобновляемых источников энергии, фармацевтической и пищевкусовой, в сфере услуг — информационно-коммуникационные технологии, логистика, в инфраструктуре — строительство нового порта и модернизация аэропорта. Внимание было сконцентрировано на проектах, которые основываются на использовании естественных преимуществ Брунея — запасов углеводородов и стратегического положения. Принималась во внимание возможность этих предприятий дать импульс развитию других отраслей и расширить экспорт ненефтяной продукции.

В 2007 г. был разработан и принят важнейший документ, который определяет стратегию социально-экономического развития страны почти на три десятилетия вперед, — план «Вавасан Бруней 2035» («Перспектива Брунея в 2035»). Лейтмотив этого плана — обеспечить будущее. Подчеркивается необходимость поиска путей стабильного и динамичного развития современных предприятий ненефтяного сектора. Приоритет отдается развитию образования и ИКТ, чтобы расширить круг хорошо образованных и высокопрофессиональных специалистов и строить экономику, базирующуюся на знаниях. В плане поставлена также задача повысить качество жизни и увеличить поду-

[9] Ещё до официального открытия МФЦБ Бруней был крупным деловым центром, где активные банковские операции вели крупные банки — HSBS, Standard Chartered, Citibank, Overseas Union Bank, Maybank, Islamic bank of Brunei Berhad, Islamic Development Bank of Brunei и другие.

[10] http://www.oxfordbusinessgroup.com/economic_updates/brunei-darussalam-strengthening-base

[11] Подробнее о содержании указов 2001 г. см.: Муранова А. П. Указ. соч., с. 236–242.

шевой ВВП до такого уровня, чтобы Бруней к 2035 г. вошел в высшую группу из 10 стран с самым высоким размером дохода (в 2009 г. — 30-е место)[12].

План «Вавасан Бруней 2035» лег в основу девятого пятилетнего плана национального развития на 2007–2012 гг., в котором наибольшее внимание было уделено развитию видов бизнеса, и в первую очередь ИКТ. Эта отрасль рассматривается как один из катализаторов экономического роста. В плане на ее развитие предусмотрено израсходовать 12,1% всех ассигнований, что значительно больше, чем в восьмом плане (7,2%). На образование предполагалось потратить в течение пяти лет 13,6% всего бюджета плана[13].

В целях формирования благоприятной инвестиционной среды правительство, учитывая усилившуюся международную налоговую конкуренцию, пошло на еще большую либерализацию налогообложения. Начиная с 2007 г. номинальная ставка налога на прибыль последовательно снижалась: с 30% в 2006 г. до 27,5% в 2007 г., до 25,5 в 2008 г., до 23,5 в 2009 г. и до 22% в 2010 г. (номинальная ставка налога на прибыль нефтяных компаний осталась прежней — 55%). С 2008 г. вновь созданные предприятия освобождались от уплаты в течение трех лет корпоративного налога с первых 100 тыс. бр. долл. налогооблагаемого дохода. В том же году была установлена налоговая льгота для малых и средних предприятий в виде сокращения налогооблагаемой базы, в результате предприниматель уплачивал налог с дохода, уменьшенного на одну четверть или на одну треть.

В последнее пятилетие наметилось заметное оживление экономической конъюнктуры в Брунее. В ненефтяные отрасли увеличился приток иностранных инвестиций, участвующих вместе с государством в строительстве крупных предприятий. В январе 2008 г. подписано соглашение с американской компанией Alcoa о строительстве завода по выплавке алюминия. В августе того же года подписано соглашение с японской монополией «Мицубиси» о сооружении экспериментальной электростанции на базе солнечной энергии. В апреле 2010 г. было завершено строительство очень крупного завода по производству метанола мощностью 850 тыс. т продукции в год. Завод находится в промышленном парке Сианг Луанг, расположенном вблизи нефте- и газопромыслов и, по мнению правительства, имеющим перспективы стать центром нефтехимии мирового уровня. Проект стоимостью в 450 млн. долл. финансировался совместно государством и двумя японскими компаниями. Вся продукция предназначается для экспорта, преимущественно в Японию. В декабре 2010 г. начато строительство первого завода по производству халяльной фармацевтической продукции. В финансировании участвуют местные частные инвесторы и канадская фармацевтическая компания. В июле 2011 г. принято решение о строительстве с участием китайской компании нефтеперерабатывающего завода мощностью 135 тыс. бар. в день[14].

В 2010 г. началась реализация крупнейшего в стране инвестиционного проекта, который расценивается как ключевой, — строительство с участием государства, а также сингапурской и филиппинской компаний глубоководного гигантского контейнерного порта мирового класса Муара Безар на о-ве Пулау. Затраты на строительство определены в 1,5 млрд. долл., в том числе 450 млн. долл. составляют иностранные капиталовложения. По замыслу правительства после завершения строительства порт станет главным региональным грузовым и транзитным хабом[15].

Итак, в XXI в. в Брунее ускорился процесс диверсификации и технического перевооружения экономики и происходит первоначальное создание отдельных очагов индустриального развития. В макроэкономических показателях это движение еще не нашло отражение. Отраслевая структура ВВП мало изменилась: доля промышленности выросла с 62% в 1990 г. до 65% в 2009 г. в основном вследствие повышения цен на нефть (доля нефти и газа выросла за те же годы с 57 до 60%). Вместе с тем имеющиеся статистические материалы свидетельствуют об определенном ускорении развития ненефтяного сектора. Темп прироста ВВП оставался относительно стабильным в нынешнем столетии и был в среднем в 2000–2008 гг. 2,0% в год. Но при этом в 2000–2005 гг. нефтегазовый сектор возрастал на 0,8% в год, а ненефтегазовый сектор — на 3,6%, что говорит о позитивных сдвигах в экономике. Значительно вырос подушевой ВВП в текущих ценах — с 18,5 тыс. долл. в 2000 г. до 35,6 тыс. долл. в 2008 г. (для сравнения, хотя и не очень корректного из-за разных методов подсчета, в 1980 г. подушевой ВНП равнялся 12 тыс. долл.). Приведем некоторые показатели, которые свидетельствуют о модернизаторских трендах в Брунее. Например, в 2000 г. из 100 жителей пользовались Интернетом, появив-

[12] Wawasan Brunei 2035. Department of Economic Planning and Development. Government of Brunei Darussalam.Bandar Seri Begavan. 2010. — http://www.gov.bn/…/; http://www.bedb.cjm/bn/why-wawasan 2035.html

[13] Sultanate news.Negara Brunei Darussalam. 9th National Plan — http://www.Sultanate.com/news…server/2007/18_Feb_2.html; http://www.bedb.com/bn/wHy_ndp.htm

[14] http://www.economist.com/node/10881541;
http://www.oxfordbusinessgroup.com/economic_updates/brunei-high-hopes-for-halal;
http://www.bedb.com.bn/disop_fdi.html;
http://www.oxfordbusinessgroup.com/economic_updates/goingdownstream;
http://www.oxfordbusinessgroup.com/economic_updates/sunny-electricity-forecast

[15] http://www/bruneiresources.com/pdf/bedb_ASEANjapan.pdf;
http://www/oxfordbusinessgroup.com/economic_updadate/brunei-darussalam-port-ltvelopments;
http://www.oxfordbusinessgroup.com/tconomic_updates/port-ability

шемся в стране в 1995 г., 9 человек, а в 2009 г. — 80 (13-е место в мире). В 1997 г. на 1000 жителей приходилось 143 мобильных телефона, в 2007 г. — 1018. По общей оценке качества инфраструктуры Бруней занимает высокое 36-е место из 139 стран, причем по качеству шоссейных дорог — еще более высокое — 33-е место[16].

Таким образом, можно сказать, что в Брунее накапливается промышленный потенциал ненефтяного сектора экономики. В связи с этим стоит отметить, что Всемирный экономический форум уже вывел Бруней из группы стран с экстенсивным типом развития и относит его к категории государств, которые переходят к интенсивному типу развития. Можно предположить, что акции правительства по снижению налоговой нагрузки на частный сектор способствуют появлению позитивных явлений в его развитии.

Процесс модернизации в Сингапуре прошел несколько этапов. Первый — с 1959 г., когда Великобритания предоставила стране право на внутреннее самоуправление, до 1965 г., когда Сингапур вышел из Малайзийской Федерации и стал полностью независимым государством. Это *был период ранней индустриализации, экстенсивного трудоемкого производства*[17]. Он начался в очень неблагоприятных условиях. В экономике страны был опасный структурный перекос в сторону посреднической торговли: в конце 1950-х гг. на нее приходилось 70% ВВП, 82% — внешнеторгового оборота, 93% — экспорта. Она определяла и отраслевую структуру, и экономическую конъюнктуру. Промышленность была слабо развита и представлена преимущественно отраслями, связанными с обработкой сырья, ввозимого большей частью из Индонезии и Малайзии и вывозимого в развитые страны. Главными отраслями были первичная обработка каучука и производство резиновых изделий: в 1959 г. на их долю приходилось почти 79% всей стоимости промышленной продукции[18]. Национальный капитал был маломощен и владел немногочисленными мелкими и средними предприятиями, а крупные заводы, например автосборочный Форда, оловоплавильный, принадлежали иностранцам. Производство стагнировало и испытывало в 1950 гг. большие трудности из-за сокращения объема посреднических операций в связи с тем, что страны ЮВА, пользовавшиеся посредничеством Сингапура, стремились установить прямые контакты с торговыми партнерами. Положение осложнялось быстрым ростом населения (4,4% в 1947–1957 гг.), нехваткой жилья, учреждений здравоохранения, а также плохим состоянием образования. В стране росла армия безработных: в 1959 г. уровень безработицы достиг 13,5%[19].

Таков был социально-экономический фон, когда в 1959 г. страна приступила к решению двух самых острых проблем — зависимости от посреднической торговли и безработицы. Чтобы *обеспечить выживание*, был разработан стратегический план, который предусматривал диверсификацию национального хозяйства и экономический рост путем ускоренной индустриализации. На первом этапе усилия были направлены на то, чтобы, во-первых, создать такие отрасли промышленности, которые требовали меньших капиталовложений, могли абсорбировать избыточную рабочую силу и ослабить зависимость от посреднической торговли; во-вторых, обеспечить благоприятные условия для функционирования частного капитала. Был взят курс на индустриализацию путем создания импортозамещающих отраслей промышленности, основанных на трудоемких производствах.

Государство выступило как катализатор промышленного развития. Его роль проявлялась в трех формах. Во-первых, оно стало крупным инвестором. В первом пятилетнем плане экономического развития на 1961–1965 гг. государственные расходы на развитие промышленности равнялись 507 млн. синг. долл., или 54% всех ассигнований[20]. Во-вторых, государство использовало фискальные рычаги для регулирования и стимулирования частного бизнеса в трудоемких отраслях промышленности. В 1959 г. впервые были предоставлены налоговые льготы по Положению о пионерных отраслях (освобождение от подоходного налога). Был введен статус пионерных для тех предприятий, которые выпускали продукцию, еще не производившуюся в стране или производившуюся в объемах, недостаточных для удовлетворения внутреннего спроса. Пионерные предприятия получали право на налоговые каникулы в течение периода от 2 до 5 лет в зависимости от величины капиталовложений в производство. Они также имели право не уплачивать в течение налоговых каникул импортные пошлины при ввозе сырья и производственного оборудования[21].

---

[16] Бруней. История. Экономика. Политика.М., 1984, с. 60; Statistical Yearbook for Asia and the Pacific. 2009. c. 133, 140; ASEAN Statistical Yearbook. 2008. Gakarta, 2009. c. 34, 38; Wawasan Brunei 2035. Department of Economic Planning and Development. Government of Brunei Darussalam. Bandar Seri Bagavan. 2010. c. 8, 13; The Global Competitiveness Index 2011–2012 rankings. 2011 World Economic Forum, c. 109, 467. — http://www.weforum.org/issues/global competitiveness

[17] О развитии экономики в период до 1987 г. см.: Долженкова Л.Д. Сингапур в мировом капиталистическом хозяйстве. М., 1984; Курзанов В.Н. Промышленное развитие Сингапура. М., 1978; он же: Сингапур в экономике Юго-Восточной Азии. М., 1985; Сингапур. Справочник. М., 1988; Чуфрин Г.И. Сингапур. М., 1970. Об экономике страны в 1959–2006 гг. см.: Пахомова Л.Ф. Модели процветания (Сингапур, Малайзия, Тайланд, Индонезия). М., 2007; Сингапур — перекресток малайского мира. М., 1996.

[18] Долженкова Л.Д. Указ. соч., с. 145; Чуфрин Г.И. Указ. соч., с. 50.

[19] http://en.wikipedia.org/wiki/singapore

[20] Сингапур. Справочник, с. 101.

[21] Там же, с. 101.

Следует подчеркнуть, что уже в этот период проявилась сильная сторона деятельности государства как прагматичного и целенаправленного регулятора экономических процессов, которая сохраняется и поныне, а именно — использование налоговой политики для воздействия на частное предпринимательство и направление его развития в соответствии со своими стратегическими целями. Постановление о пионерных отраслях 1959 г. стало первым шагом в формировании эффективной системы чрезвычайно льготного налогообложения в стране. Именно эта система и в настоящее время способствует интенсивному притоку иностранного капитала, ставшего основой бурного экономического взлета и выведшего страну на уровень развитых государств. Налоговая политика значительно улучшила инвестиционный климат в первой половине 1960 гг. В стране начался первый промышленный бум. О том, что этому способствовала налоговая акция правительства, свидетельствуют следующие данные: в течение 1960–1964 гг. пионерный статус получили 119 промышленных предприятий (в том числе 10 предприятий пищевой промышленности, 7 предприятий текстильной, 11 заводов металлоизделий и др.) и еще 197 предприятий подали заявки о предоставлении им данного статуса. К 1966 г. на долю пионерных компаний приходилось: 21% занятых в обрабатывающей промышленности, 37% валовой стоимости продукции этой отрасли и 36% промышленного экспорта[22].

Третья форма активного участия государства в экономической деятельности — создание четкой организационной инфраструктуры. В 1961 г. было учреждено Управление экономического развития (УЭР) с капиталом в 100 млн. синг. долл. как главный государственный орган, ответственный за исполнение промышленной политики правительства, финансирование инвестиций в инфраструктуру и промышленные проекты, привлечение иностранного капитала и предоставление налоговых льгот частным предпринимателям. Управление по сей день остается самым влиятельным и компетентным государственным органом, определяющим экономическую политику правительства и широко участвующим в реализации различных проектов как активный инвестор[23].

Отличительной чертой деятельности государства на первом этапе индустриализации, как, впрочем, и в остальные годы, было большое внимание качеству рабочей силы, повышению ее образовательного и профессионального уровня как важному фактору экономического роста и развития, который, как показал ход дальнейших событий, в немалой степени способствовал успешной реализации стратегии перехода от слаборазвитого хозяйства к высокотехнологичному индустриальному обществу. Еще в 1958 г. было создано Управление образования для взрослых и курсы ликвидации неграмотности взрослого населения. В школьном образовании приоритет был отдан расширению начального и среднего образования, включая техническое, для получения базовой профессионально-технической квалификации. Расходы на образование увеличились с 60 млн. синг. долл. в 1959 г. до 113 млн. в 1965 г. В результате число учащихся начальных школ выросло с 272 тыс. чел. в 1959 г. до 362 тыс. в 1965 г., а средних школ — соответственно с 49 тыс. до 114 тыс. человек[24].

На этапе ранней индустриализации ВВП в текущих ценах показал рост на 42% (с 1985 млн. синг. долл. в 1960 г. до 2707 млн. долл. в 1965 г.), а в расчете на душу населения — на 18% (соответственно с 1215 синг. долл. до 1935 долл.). Реальный ВВП возрастал в среднем на 5,24% в год. Доля обрабатывающей промышленности в ВВП увеличилась с 11,9% в 1960 г. до 15,3% в 1965 г. В течение 1960–1965 гг. суммарный объем валовых вложений в основной капитал составил 1837 млн. синг. долл., в том числе 876 млн., или 48%, — государственные. Были построены нефтеперерабатывающий, цементный, сталеплавильный, дизельный, автосборочный и другие предприятия тяжелой промышленности. Количество предприятий с числом рабочих более 10 человек (кроме предприятий по обработке каучука и камнедробилок) выросло с 548 до 1000, а число работающих — с 27 тыс. до 46 тыс. человек. В 1961 г. началась реализация мощного индустриального проекта в районе Джуронга, ставшего центром промышленного строительства. Были открыты первые две зоны свободной торговли — в самом городе Сингапуре и в Джуронге. В стране было создано более 21 тыс. рабочих мест, и уровень безработицы снизился до 10%. Начавшийся процесс диверсификации отраслевой структуры хозяйства вел к ослаблению зависимости страны от посреднической торговли. Во внешнеторговом обороте ее удельный вес уменьшился с 81% в 1960 г. до 66% в 1965 г., при этом в экспорте доля реэкспорта упала соответственно с 94 до 86%, а в импорте доля товаров для реэкспорта снизилась с 71 до 51%[25].

Таким образом, правительству удалось уменьшить остроту двух проблем — безработицы и чрезмерной зависимости от посреднической торговли.

---

[22] Курзанов В. Н. Промышленное развитие Сингапура, с. 12; Singapore: A Case Study in Rapid Development. Edited by Kenneth Bercuson. IMF. Occasional Paper 119/Wash., febr. 1995, c. 12.

[23] В преамбуле Отчета УЭР за 2010/2011 г. подчеркивается, что УЭР несет ответственность не только за решение внутренних проблем страны, но и за ее статус в мире и что УЭР — это «ведущее государственное агентство планирования и исполнения стратегии повышения статуса Сингапура как глобального делового центра». — См.: Economic Development Board Annual Report 2010/2011. Управление имеет представительства в 12 странах.

[24] S. Gopinathan. The Developing of Education in Singapore since 1965. Singapore, Nanyang Technological University, June 2006 — Siteresources.Worldbank.org/Education/…/

[25] Долженкова Л. Д. Указ. соч., с. 145, 149, 152; Сингапур. Справочник, с. 97, 102; http://app.mti.gov.sg/default.asp?id=545

Следует подчеркнуть одно очень важное обстоятельство, а именно — *на первом этапе индустриализации, в отличие от последующих, экономические преобразования в стране осуществлялись преимущественно за счет собственных финансовых ресурсов*, не прибегая к крупным заимствованиям за рубежом. Прямые иностранные инвестиции были еще невелики и направлялись преимущественно в производства тяжелой промышленности: в 1965 г. из общей суммы иностранных инвестиций в 157 млн. синг. долл. 99 млн., или 63%, были использованы для строительства нефтеперерабатывающего завода, 19 млн., или 12%, — предприятий машиностроения и транспортного оборудования, 5 млн. долл., или 3,2%, — для химических предприятий.

К середине 1960 гг. успешно проводившаяся в жизнь стратегия импортозамещения столкнулась с большими трудностями в результате выхода Сингапура в августе 1965 г. из Малайзийской Федерации, вызванного сужением рынка сбыта его продукции и нарастанием конкуренции со стороны других стран, экспортирующих аналогичные товары. Мощности имеющихся предприятий не могли использоваться в полном объеме, и появилась острая необходимость смены экономического курса. Положение осложнялось тем, что Великобритания заявила о выводе войск и закрытии своей базы, которая обеспечивала работой 20 тыс. человек, а ее расходы в Сингапуре давали 18% ВВП[26]. Была принята другая модель развития, и начался новый этап индустриализации.

Второй этап — ускоренная индустриализация с ориентацией на внешний рынок и опорой на иностранный капитал. Он длился с середины 1960 гг. до середины 1970 гг. и обозначил переход от экстенсивного трудоемкого производства к технологически иному его типу — к *интенсивному капиталоемкому производству* с использованием новейшей техники и технологий, привнесенных зарубежными инвесторами, и применением квалифицированной рабочей силы. Был принят второй пятилетний план экономического развития на 1966–1970 гг., в котором были намечены общие капиталовложения в объеме 1736 млн. синг. долл., из которых 700 млн. долл., или 40%, — государственные. Кроме того, была разработана специальная программа ускоренного развития на 1968–1973 гг., которая окончательно утвердила курс на экспортно ориентированное производство[27].

Намереваясь реализовать новую стратегию с помощью зарубежных инвестиций, правительство, чтобы создать привлекательную инвестиционную среду, снова использовало фискальные инструменты. В декабре 1967 г. вступил в силу Акт о стимулах для расширения экономической деятельности (освобождение от подоходного налога)[28]. Вместе с Законом о подоходном налоге он создал широкую основу для льготного налогообложения частного бизнеса и сделал страну чрезвычайно привлекательной и открытой для иностранных инвесторов. (Кстати, схему налоговых льгот позаимствовал позже Бруней — см. выше.). Такого набора привилегий для частного капитала не предлагала никакая другая страна. По новому закону налоговые послабления получали не только промышленные компании, но и фирмы других отраслей экономики. Фискальные льготы предоставлялись 10 категориям предпринимателей. В том числе пионерным промышленным и сервисным компаниям; промышленным и сервисным компаниям, расширяющим производство; фирмам, производящим продукцию для экспорта; компаниям, занимающимся международной торговлей; международным консультативным фирмам; компаниям, имеющим бизнес за рубежом; компаниям с венчурным капиталом, инвестиционным компаниям. Пионерные предприятия получали право на налоговые каникулы до 15 лет. Дивиденды, выплачиваемые такой фирмой, также не подлежали налогообложению. Если пионерная компания несла убытки во время налоговых каникул, она имела право на вычет убытков из ее будущих доходов. Пионерные сервисные компании (к таковым относятся фирмы, оказывающие инженерные и технические услуги, включая лабораторные работы, консультации, научные исследования, разработки и изготовление любого промышленного дизайна и др.) получали льготу в форме освобождения от уплаты корпоративного налога в течение периода, не превышающего 15 лет. Экспортно ориентированные предприятия, производящие товары, вывозимые на новые рынки и постоянно увеличивающие экспортную выручку, освобождались от уплаты налога с 90% приращенной выручки в течение периода, не превышающего 15 лет. Фирма, имеющая бизнес в любой отрасли и желающая взять кредит в размере не менее 200 тыс. синг. долл. у кредитора-нерезидента для приобретения производственного оборудования, получала право либо на полное освобождение от уплаты налога на проценты, либо уплачивала его по льготной ставке. Компании, имеющие бизнес за рубежом, освобождались от уплаты налога на прибыль в течение периода до 10 лет.

Правительство периодически пересматривает набор налоговых льгот, прекращая действие одних из них и вводя новые, но базовые положения сохраняются[29].

---

[26] Human Resources Development for Continued Economic Growth.The Singapore Experience. 1997. ILO publications, с. 2 — www.ilo.org/public/english/…/tanhrd 1.pdf

[27] Пахомова Л. Ф. Указ. соч., с. 27.

[28] Economic Expansion Incentives (Relief from Income Tax) Act — AGCvldb 4.agc.gov.sg/…/cgi_retrieve.pl?&act

[29] О новых налоговых льготах в 70–90 гг. см.: Муранова А. П. Налоговые реформы в странах АСЕАН. Российские реформы и зарубежный опыт системных преобразований. М., 2000.

Стимулированные фискальными привилегиями и другими акциями правительства по созданию благоприятных условий, зарубежные инвесторы активизировали деятельность в Сингапуре. Только за пять лет — с 1965 по 1969 г. — ежегодные инвестиции в обрабатывающую промышленность выросли в 3,8 раза — со 157 млн. синг. долл. до 606 млн. долл. Подавляющая их часть направлялась в капиталоемкие высокотехнологичные предприятия — нефтепереработку, машиностроение, производство транспортных средств (в 1965 г. на эти три отрасли приходилось 90% иностранных инвестиций, в том числе на нефтепереработку 65%)[30]. Представление об участии зарубежных инвесторов в развитии обрабатывающей промышленности дают следующие показатели (%)[31]:

	1968 г.			1975 г.		
	I	II	III	I	II	III
Число предприятий	80,5	7,8	11,7	66,9	11,1	22,0
Количество рабочих	56,7	15,11	26,2	32,8	15,2	52,0
Выпуск продукции	41,1	12,8	46,1	18,0	10,7	71,3
Добавленная стоимость	40,8	15,2	44,0	24,3	13,0	62,7
Капиталовложения	33,2	24,3	42,5	20,7	14,7	64,6
Экспорт	….	….	…	8,9	7,0	84,1

Примечание. I — полностью национальные компании
II — преимущественно национальные компании
III — полностью или преимущественно иностранные компании

Очевидно, что за неполные десять лет произошли серьезные изменения в структуре капитала — иностранный потеснил национальный по всем главным позициям. Он занял господствующее положение в экспорте промышленной продукции, поскольку с самого начала иностранные предприятия были ориентированы на внешний рынок: в электронике вывозилось за рубеж 87% продукции, оптической — 73%, общего машиностроения — 72%, нефтеперерабатывающей — 67%. Естественно, что местные фирмы не могли с ним соперничать.

Экономическая стратегия уже на этом этапе включала, помимо развития промышленности, расширение и такой современной отрасли, как сфера финансовых услуг. В 1970 гг. правительство объявило о том, что Сингапур будет развиваться как «финансовый супермаркет» с широким набором финансовых услуг на региональном и международном уровнях. Были определены три основных направления финансовой деятельности: 1) рынок азиатских долларов и золота; 2) синдицирование международных займов и других кредитных операций; 3) управление офшорными инвестиционными фондами. Одним из первых шагов в этом направлении было создание в 1968 г. рынка азиатских долларов, который очень быстро превратился из рынка краткосрочных заимствований в рынок среднесрочных кредитов и стал крупным центром международного денежного рынка. Чтобы стимулировать развитие сферы финансовых услуг, правительство ввело ряд льгот по налогу на доходы, получаемые от финансовых операций. В 1972 г. были освобождены от уплаты налога доходы нерезидентов в форме процентов по вкладам в банках или по азиадолларовым операциям. Введена льготная ставка налога на доходы инвалютных отделов банков и финансовых институтов, совершающих операции на рынке азиатских долларов, — ставка снижена с 40 до 5 или 10%. Первоначально срок льготы был определен в 5, 7 или 10 лет (в зависимости от масштаба операций), но предполагалось, что он может быть продлен, если будут вестись дополнительные операции. Введенные льготы сделали Сингапур весьма выгодным местом для проведения финансовых сделок, и средства, которые утекали из Азии на европейские рынки, стали направляться в Сингапур. К началу 1980 гг. сингапурский рынок азиатских долларов занял второе место после японского. Объем его операций оценивался в 1968 г. в 31 млн. долл., в 1978 г. — 38 млрд. долл., в 2000 г. — 482 млрд. долл., в 2010 г. — 971 млрд. долл. Одной из причин его быстрого развития стал возросший поток туристов в Сингапур — в 1970 г. их было 500 тыс., в 1979 г. — 2,2 млн. человек[32].

Второй этап индустриализации имел значительные достижения. ВВП в текущих ценах вырос в 6,6 раза — с 2707 млн. синг. долл. в 1965 г. до 17830 млн. долл. в 1978 г., а его подушевой размер увеличился в 4,9 раза — с 1435 долл. до 6961 долл. соответственно. Среднегодовой темп прироста ВВП в эти же годы был почти вдвое больше, чем на первой стадии индустриализации, — 10%[33], что объяснялось прежде всего быстрым наращиванием инвестиций. Суммарный объем валовых вложений в основные фонды вырос в 1973 г. в 5,6 раза по сравнению с 1965 г., при этом доля государственных вложений оставалась высокой — почти одна треть. Такой объем был достигнут, во-первых, благодаря аскетизму населе-

[30] Подсчитано на основе данных в монографии В. Н. Курзанова «Промышленное развитие Сингапура», с. 109.

[31] Kwong Kai-Sun, Chau Leung-Chuen, Francis T. Lui, Larry D. Qiu Industrial Development in Singapore, Taiwan and South Korea. Singapore, 2001, c. 11.

[32] Human Resources Development for Continued Economic Growth, The Singapore experience. 1997. ILO publications, c. 8; Yearbook of Statistics. Singapore, 2011; KPMG Asia Pacific Taxation. Singapore, 2009, c. 19; http://www.kpmg.com/global/en/Issues and Insights/Articles/Publications

[33] Сингапур. Справочник, с. 95; http://app.mti.gov.sg/default.asp?id=545

ния (фонд национальных сбережений достигал 50–52% ВВП), и во-вторых, в результате массированного притока зарубежных прямых инвестиций. За 1965–1978 гг. доля обрабатывающей промышленности увеличилась с 15,3% ВВП до 24%[34]. Число предприятий увеличилось почти в три раза — с 1000 в 1965 г. до 2962 в 1978 г., а количество рабочих — в 5 раз: с 46 тыс. до 246 тысяч[35]. В середине 1970 гг. в стране было более 100 предприятий нефтехимии, в том числе 9 нефтеперерабатывающих заводов, и Сингапур стал крупнейшим в Азии и 3-м в мире центром нефтепереработки (после Роттердама и Хьюстона).

С безработицей было практически покончено, так как только за 1970–1973 гг. было создано 430 тыс. новых рабочих мест. Однако сохранялась структурная безработица, связанная с низкой квалификацией ищущих работу. В то же время стала ощущаться нехватка квалифицированной рабочей силы. Правительство решало эту проблему двумя путями. Во-первых, оно активизировало создание инфраструктуры, необходимой для подготовки рабочей силы нужной квалификации и профиля. Была реорганизована система школьного образования, создан ряд профессионально-технических учебных заведений, введены программы продолженного образования и повышения профессионального уровня лиц старших возрастов, открыты учебные заведения, готовящие технологов по автоматике, электротехнике, электронно-вычислительным машинам. Результатом принятых мер было прежде всего повышение образовательного уровня населения: доля лиц с образованием ниже среднего уменьшилась с 83,6% в 1970 г. до 72,6% в 1980 г., со средним образованием — повысилась с 14 до 23,8%, с университетским — с 2,4 до 3,5%[36]. Во-вторых, было либерализовано иммиграционное законодательство и начался активный приток рабочей силы из-за рубежа, в первую очередь из Малайзии. Например, только в 1973 г. в Сингапур прибыло более 100 тыс. человек.

Одновременно с индустриализацией и диверсификацией отраслевой структуры ослаблялась зависимость от посреднических торговых операций: во внешнеторговом обороте их удельный вес понизился с 66,4% в 1965 г. до 34,1% в 1973 г., в экспорте доля реэкспорта упала соответственно с 85,9 до 46,1%, а в импорте доля ввозимых для реэкспорта товаров — с 50,9 до 24,5% Существенно изменились состав товарных потоков и их географическая направленность: в реэкспорте ведущее место заняли машины и оборудование, ввозимые из развитых стран и направляемые в страны ЮВА. Потенциал этой сферы деятельности высокий, и Сингапур не отказывается от нее.

Таким образом, экономика Сингапура, традиционно опиравшаяся на одну отрасль, к началу 1980 гг. благодаря активной предпринимательской и регулирующей деятельности государства и массированному притоку иностранного капитала преобразовалась в многоотраслевую с высокотехнологичными капиталоемкими ведущими производствами.

Второй этап индустриализации подготовил переход страны к новому витку экономического развития — *к производству с высокой добавленной стоимостью и к экономике, основанной на знаниях. Это был* ***третий этап*** *индустриализации*, который длился в течение 1980–1990 гг. Характерные черты этого этапа развития — быстрый рост промышленности и особенно ее ведущих отраслей — электроники и нефтехимии, стремительный взлет новых отраслей — биотехнологии и информационно-коммуникационных технологий; массивный приток прямых иностранных инвестиций; развитие научных исследований как начало активной инновационной политики; укрепление национального промышленного капитала на новой технологической основе.

В 1980 г. была принята программа под названием «Вторая промышленная революция», в которой изложена новая стратегия промышленного развития страны и поставлена задача превратить Сингапур в течение десяти лет в промышленно развитое государство путем использования достижений НТП и повышения производительности труда. В промышленности приоритет был отдан отраслям, внедряющим новейшую технологию, — электронике, производству роботов и автоматических средств управления производственными процессами, выпуску авиационных приборов, медицинского оборудования и средств связи, морских буровых платформ и судов. В 1981 г. было создано Национальное управление электронно-вычислительной техники, в обязанности которого входила реализация программы оснащения государственных учреждений электронно-вычислительной техникой. Правительство поощряло внедрение на частных предприятиях средств механизации, автоматизации и компьютеризации, используя налоговые привилегии (например, повышенные нормативы списывания основных фондов) как средство стимулирования этих процессов. Была принята программа, которая предусматривала финансирование правительством на льготных условиях тех предпринимателей, которые намеревались автоматизировать операции с помощью роботов и брали их в аренду. Таким предпринимателям предоставлялись также консультативные услуги[37].

В 1991 г. был опубликован Стратегический экономический план, в котором изложены общие на-

---

[34] Долженкова Л. Д. Указ. соч., с. 97; http://app.mti.gov.sg/default.asp?id=545

[35] Долженкова Л. Д. Указ. соч., с. 152.

[36] Human Resources…. с. 9, 23.

[37] http://www.sedb.com/edb/sg/en_uk/index/about_edb/our_histore/t…

правления развития страны на перспективу. Планом определены восемь заданий, выполнение которых должно превратить Сингапур в развитую страну, входящую в первую группу государств в последующие 30–40 лет. К 2020 г. Сингапур должен иметь подушевой ВВП на уровне Нидерландов, а к 2030 г. — на уровне США. План предусматривал: 1) развитие человеческих ресурсов; 2) сохранения национального единства; 3) ориентацию на международный статус; 4) создание благоприятной среды для инноваций; 5) развитие промышленности и сферы услуг; 6) упор на экономическую реконструкцию; 7) поддержание международной конкурентоспособности: 8) уменьшение уязвимости страны.

Экономическая стратегия, согласно плану, должна включать, во-первых, нацеленность на развитие промышленности и сферы услуг, во-вторых, стимулирование диверсификации национальных предприятий и повышения их технологического уровня и их перерастание в экспортно ориентированные компании, в-третьих, поддержание региональных инвестиций. План включал также стимулирование инновационной политики и достижение Сингапуром статуса регионального делового центра.

В 80–90 гг. страна добилась больших успехов. Промышленность развивалась быстрыми темпами. В 1980 г. насчитывалось 3355 предприятий с числом занятых более 10 человек (кроме предприятий по обработке каучука и камнедробилок), в 1999 г. — 3928. Число рабочих выросло с 285 тыс. до 339 тыс. человек. Чистые инвестиции в основной капитал обрабатывающей промышленности и сервисных отраслей увеличились с 2,5 млрд. синг. долл. в 1990 г. до 8,7 млрд. в 1999 г. Валовой объем промышленной продукции вырос за 1985–1999 гг. почти в 3,5 раза и оценивался в 38 млрд. синг. долл. в 1985 г. и 137 млрд. в 1999 г. Этот период ознаменовался взлетом и расцветом электроники. В 1999 г. на нее приходилось 6,8% всех предприятий, 31% занятых в промышленности, 52% общей стоимости промышленной продукции, 41% всей суммы инвестиций в основные фонды. На втором месте находилась нефтехимия, на которую приходилось 5,8% предприятий, 5% занятых, 17% валовой суммы продукции и 32% капиталовложений в основные фонды. С большим отрывом от лидеров развивалось производство машин и оборудования (15% всех предприятий, 10% занятых, 4,3% валовой продукции и 6% капиталовложений)[38].

В подъеме промышленности национальный капитал не был ведущим: в чистых вложениях в основные фонды его доля составляла 11% в 1990 г. и 15% в 1999 г. Главными инвесторами были США, Япония и Великобритания. Из общей суммы чистых инвестиций в 1990 г. доля США — 42%, Японии — 28%, Великобритании — 4%. В 1999 г. удельный вес США остался почти на том же уровне — 43%, Японии — снизился до 14%[39]. Великобританию потеснили как инвесторы других государств, так и местный капитал, который в эти годы набирал силы, и происходили некоторые передвижки в соотношении национальных и иностранных предприятий. В частности, появилась тенденция роста числа и доли полностью национальных предприятий при сокращении иностранных: в 1980 гг. на долю первых приходилось 64%, в 1994 г. — 71%, тогда как доля иностранных упала с 25 до 22% соответственно. Численность рабочих также возросла. На полностью национальных предприятиях было занято 28% в 1980 г. и 33% — в 1994 г., тогда как на полностью иностранных предприятиях соответственно 58 и 55%. Можно сказать, что этот процесс был инициирован и правительством, и МНК. Еще в начале 1980 гг. правительство ввело программу «Обучение через дело», предназначенную облегчить передачу технологии местным фирмам, работающим с МНК как поставщики или по контрактам. Программа предусматривала, что МНК, имеющие бизнес в Сингапуре, выделяют одного из своих технических менеджеров для работы в местной фирме и он помогает ей повысить технологический уровень производства. В 1990 гг. передача технологий и ноу-хау стала приобретать форму сотрудничества местных фирм с МНК через государственные научно-исследовательские учреждения. Сотрудник Национального университета Сингапура П. К. Вонг отмечал, например, что, в отличие от Кореи, сингапурское правительство вначале не оказывало существенной поддержки местным предпринимателям, однако деятельность МНК в промышленности вызвала значительный спрос на субподрядные и вспомогательные работы по изготовлению специальных компонентов для МНК или по оказанию им специальных услуг. И это привело к тому, что местные компании стали все больше приобщаться к передовым технологиям и использовать их в производстве. По мнению П. К. Вонга, Сингапур стал ведущим в мире центром производства электронной продукции с использованием контрактов с местными фирмами, так что из топ-десятки производителей, работающих по контракту, 4 были сингапурские фирмы[40].

Иностранный капитал оставался главным двигателем экономического роста и структурного преобразования национального хозяйства. В 80–90 гг. наряду с промышленностью сферой его приложения все больше становился сектор финансовых услуг. В 1999 г. накопленные иностранные инвестиции в экономику Сингапура оценивались в 171 млрд. синг. долл., в том числе 65 млрд. синг. долл. (38%) вложено в сферу финансовых и страховых ус-

---

[38] Yearbook of statistics Singapore 2010; Yearbook of statistics Singapore 2011.

[39] Kwong Kai-Sun, Chau Leung-Chuen, Francis T. Lui, Larry D. Qiu. Op. cit., c. 11; Yearbook of statistics Singapore 2010.

[40] www.druid.dk/conference/…/wong.pdf

луг, 58 млрд. (34%) — в промышленность, 26 млрд. (15%) — в оптовую и розничную торговлю[41].

Политика формирования экономики, основанной на знаниях, подвела к необходимости расширения научных исследований, которые до начала 80 гг. были невелики. Валовые капиталовложения в НИР оценивались в 81 млн. синг. долл. (0,26% ВВП) в 1981 г. и 572 млн. синг. долл. (0,86% ВВП) — в 1990 г. Финансировали расходы на НИР большей частью частные, преимущественно иностранные фирмы. В 1978 г. на их долю приходилось 67,5% расходов, университетов — 21,7%, на долю государства — 10,8%. НИР и в частном, и в государственном секторах концентрировались на прикладных исследованиях: в 1993 г. доля фундаментальных исследований составляла 16%, прикладных — 39%, экспериментальных — 45%. В 1992 г. было утверждено 20 патентов и имелись в собственности 98 патентов, в 1995 г. соответственно — 51 и 256[42].

Для 80 гг. было характерно быстрое развитие прикладных исследований, проводимых крупными иностранными фирмами и новыми государственными НИИ, которые включились в инновационный процесс, начатый МНК. В 1980 г. по инициативе правительства и при участии частного сектора был учрежден и в 1982 г. начал функционировать первый в стране научный парк, который стал центром научных исследований и технологий. Его предназначение — привлечь МНК, обеспечить инфраструктуру для успешного проведения научно-исследовательских работ и обслуживать высокотехнологичные отрасли промышленности. Кроме того, предусматривалось использовать его как инкубатор для высокотехнологичных отраслей и как место для проведения прикладных научных исследований. К концу 1990 г. 40% расходов на НИР приходилось на научный парк, где сконцентрировались исследования в области биотехнологии, химии и пластиков, электроники, оптических приборов, автоматического, медицинского и научного оборудования. В парке работают государственные научные организации, а также научно-исследовательские местные и иностранные фирмы. В конце 1986 г. их общее число достигло 20. В 1993 г. началось строительство второй очереди парка, а в 2003 г. завершено строительство третьей очереди. Парк по популярности занимает второе место в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 1980 г. был основан Институт промышленных технологий, в 1987 г. — Институт молекулярной и клеточной биологии (ныне это НИИ мирового уровня), в 1993 г. начал функционировать Институт микроэлектроники. Кроме образования государственных НИИ правительство также расширяло программу различных форм финансовой поддержки бизнеса, чтобы поощрять мелкие и средние предприятия к повышению своего технологического уровня. Так как местные фирмы становились более продвинутыми и пытались вносить инновационные изменения на своих предприятиях, правительство ввело новые налоговые послабления в соответствии с Программой льгот для научно-исследовательских компаний.

До начала 1990 гг. единой государственной политики в области науки и технологии фактически не было. Правительство направляло развитие науки и технологии через Управление экономического развития путем реализации различных инвестиционных программ. Новые шаги были сделаны в 1991 г., когда было учреждено Национальное управление науки и технологии при Министерстве торговли и промышленности, в функции которого входили управление и координация НИР различных научных учреждений. Оно разработало первый пятилетний Национальный технологический план на 1991–1996 гг. Главными заданиями плана были: 1) учредить фонд НИР в размере 2 млрд. синг. долл., чтобы стимулировать промышленные предприятия, вести исследования и внедрять их в производство; 2) к 1995 г. довести расходы на НИР до 2% ВВП; 3) вести подготовку научных кадров и к 1995 г. увеличить число научных работников в расчете на 10 тыс. занятых в экономике до 40; 4) создать институциональную инфраструктуру, способствующую ведению НИР; 5) предоставлять гранты и налоговые льготы для поощрения НИР частного сектора; 6) помогать ведущим НИР организациям в коммерциализации научных открытий через соответствующие инфраструктуры. Предполагалось использовать фонд в следующих направлениях: для выполнения технологических программ израсходовать 40% суммы, для выполнения стратегических проектов — 20%, для парка — 17%, для повышения квалификации научных сотрудников технологической инфраструктуры и программы поддержки НИР — 17%[43].

Для 13 НИИ и научных центров была подготовлена инфраструктура, и все они сотрудничали с Национальным университетом Сингапура и Наньянским технологическим университетом. В 1996 г. был принят второй пятилетний план под названием «Национальный план науки и техники — 2000» на 1996–2000 гг. Ставились такие цели: 1) создать в следующие 10–15 лет учреждения науки и технологии мирового уровня, чтобы ускорить развитие новых отраслей с высокой добавленной стоимостью; 2) довести к 2000 г. число научных сотрудников на 10 тыс. занятых до 65; 3) довести расходы на НИР до 1,6% ВВП; 4) создать фонд науки и технологии в размере 4 млрд. синг. долл. В 1991 г. валовые расходы на НИР составили 757 млн. синг. долл. (1,02% ВВП), в 1995 г. — 1367 млн. (1,16%), в 1999 г. — 2656 млн. (1,84% ВВП).

[41] Yearbook of statistics Singapore 2011.

[42] National R&D Survey 2009, с. 39; OECD Review of Innovation in Southeast Asia, Country Profile of Innovation: Singapore 2011/www.iranscap.com/…/innovation -Singapore…

[43] Alexander Ebner. Innovation Policies and Locational Competitiveness: Lessons from Singapore. Journal of Technology Innovation 12, 2, 2004 с. 58–59; Kwong Kai-Sun, Chau Leung-Chuen, Francis T. Lui, Larry D. Qiu. Op. cit., с. 27.

Численность научных сотрудников и инженеров в расчете на 10 тыс. занятых увеличилась с 10,6 в 1981 г. — 33,6 — в 1991 г., 69,9 человек — в 1999 г. Примерно две трети расходов на НИР финансировали местные и иностранные фирмы при ведущей роли МНК. Самые крупные ассигнования были направлены в промышленность (82% всех расходов частного сектора на НИР), а в самой промышленности больше половины средств использовалось для исследований в области электроники и электротехники. Значительные средства были вложены в химические исследования. В США были выданы 12 патентов в 1990 г., 120 — в 1998 г., 144 — в 2000 г. В самом Сингапуре выдано соответственно — 46, 130, 285 патентов[44].

В 1999 г. Управление экономического развития основало Инвестиционный фонд технопредпринимательства с бюджетом в 1 млрд. долл. с целью развивать в стране венчурный капитал путем стимулирования деятельности ведущих зарубежных венчурных фирм, планирующих открывать бизнес в Сингапуре и использовать страну как плацдарм для региональных операций. Управлению удалось успешно привлечь несколько американских венчурных компаний[45].

Развитие сферы научных исследований стимулировалось налоговыми льготами. Компаниям, внедряющим новейшие технологии, предоставлялся пионерный статус а также налоговые каникулы сроком от 5 до 15 лет. По истечении этого срока предприятие получало право на постпионерный статус и уплату подоходного налога по сниженной 10%-ной ставке в течение 10 лет. Непионерные компании пользовались налоговой льготой в форме 50%-ной инвестиционной скидки, т. е. при определении налогооблагаемого дохода они имели право вычесть из него половину расходов на НИР. Компании получали право переводить в резервный капитал до 20% дохода и не уплачивать с этой суммы корпоративный налог, но при условии, что этот капитал будет использован в течение 3 лет. Венчурным компаниям предоставлялось право вычитать потери при продаже акций из других налогооблагаемых доходов[46].

В стране сохранялась нехватка квалифицированных кадров, и правительство приняло ряд мер, чтобы привести систему образования и подготовки квалифицированных специалистов в соответствие с требованиями, предъявляемыми высокотехнологичными производствами. Государственные расходы на образование увеличились с 2,8% ВВП в 1980 г. до 4,1% в 1995 г. Были модифицированы системы начального и среднего образования, а школьные программы сориентированы на подготовку учащихся к продолжению учебы в учебных заведениях, готовивших технических специалистов среднего звена. В 1980 г. был создан Национальный университет Сингапура путем слияния Сингапурского и Наньянского университетов. В 1981 г. был открыт Национальный технологический институт. В 1979 г. был учрежден Фонд повышения квалификации рабочих, который формировался за счет выплачиваемого работодателями налога на фонд заработной платы низкооплачиваемых рабочих и использовался для покрытия от 50 до 80% расходов по программам повышения квалификации рабочих. Фонд поддержал обучение 33 тыс. рабочих в 1981 г. и 493 тыс. в 1995 г. Управление экономического развития тесно сотрудничало с иностранными правительствами и с МНК в области подготовки квалифицированных кадров. В 1982 г. Германо-сингапурский институт начал курс практического обучения специалистов в области автоматики. В 1983 г. Французско-сингапурский институт стал готовить технологов электротехнического профиля. В 1982 г. Японо-сингапурский институт компьютерных программ стал готовить специалистов в области обслуживания компьютеров (в 1987 г. этот институт был преобразован в сингапурский политехникум). В реализации программ подготовки специалистов принимали участие такие известные компании, как американская «Хьюлет-Паккард», голландская «Филипс», немецкая «Сименс-Никсдорф», японская «Сейко», шведская АСЕА, индийская «Тата». В результате образовательный уровень рабочей силы значительно повысился: в 1980 г. удельный вес лиц с образованием ниже среднего составлял 73%, в 1996 г. — 39%; лиц со средним общим образованием — 16% и 31%; лиц с послесредним специальным образованием — 8% и 19%, соответственно; лиц с университетским образованием — 3,5% и 11,6%. Грамотность населения в возрасте 15 лет и более в 1990 г. составляла 90,3%, а в 2000 г. — 92,3%. Всемирный экономический форум отдал Сингапуру первое место в мире из 133 стран за высокое качество системы высшего образования[47].

В 80–90-х гг. правительство продолжало стимулировать развитие Сингапура как финансового и делового центра в регионе и ввело дополнительные льготы в виде полного освобождения от уплаты подоходного налога или в виде пониженной 10%-ной ставки для компаний, ведущих бизнес в сфере услуг. Получили привилегии и МНК, учредившие в Сингапуре свои штаб-квартиры. Если штаб-квартира была регионального уровня, компания получала право платить подоходный налог по сниженной 15%-ной ставке в течение 3 лет с продлением льготного срока еще на 2 года. Если штаб-квартира была международного уровня, то ставки налога устанавливались

[44] www.uescap.org/pdd/…/…11…4_lui_yap.pdf

[45] OECD Review of Innovation in Southeast Asia, Country Profile of Innovation: Singapore 2011 / www.iranscap.com/…/innovation — Singapore…

[46] Kwong Kai-Sun, Chau Leung-Chuen, Francis T. Lui, Larry D. Qiu op.cit., c.27.

[47] Human Resources Development for Continued Economic Growth, The Singapore experience. 1997. ILO publications, c. 9–10, 19, 23; The Global Competitiveness Report 2010–2011 The World Economic Forum. Geneva, 2010, c. 297.

в размере 0%, 5% или 10% на срок 5 лет с возможностью его продления[48].

Весьма бурное развитие сферы финансовых услуг существенно изменило отраслевую структуру ВВП. Если в 1960 г. на их долю приходилось 14%, в 1980 г. — 18%, то в 1990 г. — 26%. С начала 90 гг. и по сей день эта сфера является не только такой же важной, как и промышленность, но и лидирующей.

В тот же период правительство активизировало налоговую политику в отношении общего налогообложения доходов, чтобы, во-первых, уменьшить налоговую нагрузку на частный бизнес и, во-вторых, сохранить международную конкурентоспособность страны при привлечении иностранного капитала. Либеральный характер корпоративного налогообложения еще более усилился после серии снижений ставки налога на прибыль юридических лиц. В 1988 г. ставка была резко изменена — с 40 до 33%. В последующие годы она неоднократно понижалась: в 1990 г. — до 32%, в 1991 г. — до 31%, в 1992 г. — до 30%, в 1993–1995 гг. — до 27%. В 1995 г. она стала одной из самых низких в АСЕАН. Изменились и номинальные ставки налога на доходы физических лиц: в 1981 г. нижняя ставка составляла 4%, верхняя — 55%. После нескольких понижений ставки существенно изменились и в 1994 г. были установлены на уровне 2,5 и 30%[49].

Правительство пошло на столь радикальные налоговые реформы под воздействием внешних обстоятельств, в частности значительных изменений налоговых ставок корпоративного налогообложения в развитых странах, в первую очередь в США и Японии.

Четвертый этап индустриализации — период инновационного развития, начавшийся в самом конце XX в. Для него характерно быстрое развитие, помимо электроники, таких новейших отраслей промышленности, как биотехнология, логистика, ИКТ, а также химической и фармацевтической отраслей, расширение притока иностранного капитала, развертывание научных исследований, рассматриваемых как основа экономического роста и развития страны. Темпы прироста ВВП в рыночных ценах 2005 г. после понижения в первое пятилетие XXI в. до 4,8% снова повысились в 2005–2010 гг. до 6,4% вследствие увеличения вложений в основные фонды, которые за десятилетия выросли в 1,5 раза. В структуре ВВП ведущее место заняла сфера финансовых и бизнес-услуг (24,4% в 2010 г.), за нею вслед — обрабатывающая промышленность (21%). Поступательное движение обрабатывающей промышленности в 2000 гг. видно из следующих данных[50]:

		2000 г.	**2005 г.**	**2010 г.**
1	Количество предприятий	4004	8037	9296 (2009 г.)
2	Число занятых, *тыс. человек*	345	370	420
3	Валовая продукция, *млрд. синг. долл.*	164	217	271
4	Добавленная стоимость, *млрд. синг. долл.*	39	49	57
5	Экспорт, *млрд. синг. долл.*	94	135	179
6	Экспорт, *%*	59,1	65,0	68,2

Лидирующее положение в отрасли сохраняют электроника и нефтехимия, хотя позиции электроники сузились. Она переживала не лучшие времена в кризисные 2008–2009 гг., которые сказались на темпах ее роста. Несмотря на то что количество ее предприятий увеличилось, число работающих сократилось со 105 тыс. в 1999 г. до 88 тыс. в 2009 г. В результате ее доля в общей стоимости промышленной продукции снизилась с 51% в 1999 г. до 36% в 2010 г. Тем не менее эта отрасль по-прежнему подпитывается очень большими инвестициями в основные фонды: они равнялись 4,4 млрд. синг. долл. (48%) в 2000 г. и 5,8 млрд. синг. долл. (58%) в 2010 г. В предприятия нефтехимии было вложено 2,1 млрд. синг. долл. (23%) в 2000 г. и 1,6 млрд. синг. долл. (16%) в 2010 г. Однако поскольку в эту отрасль в 2007–2008 гг. были вложены крупные инвестиции, то за период с 2005 по 2010 г. их общая сумма достигла почти 29 млрд. синг. долл., тогда как в электронику вложено 27 млрд. синг. долл. Сингапур является одним из трех крупнейших нефтеперерабатывающих и нефтеэкспортирующих центров мира и самым крупным нефтехимическим центром компании «Шелл» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Предприятия нефтехимии сосредоточены на острове Джуронг, входящем в десятку нефтехимических хабов мира. В 2009 г. в стране было 14 нефтеперерабатывающих заводов, на которых работали 3,5 тыс. человек. В химической промышленности в 2009 г. насчитывалось 283 завода и работали 16,8 тыс. человек. На острове Джуронг расположены предприятия 95 крупнейших МНК, включая таких тяжеловесов, как «Шелл», «Экссон Мобил», «Шеврон», «Дюпон», «Сумитомо Кемикал» и «Мицуи Кемикал». В мае 2011 г. «Шелл» запустил свой самый крупный интегрированный нефтехимический крекинговый завод.

Общая сумма инвестиций в основной капитал предприятий обрабатывающей промышленности в 2005–2010 гг. достигла 80 млрд. синг. долл. Из них вложения национальных компаний — 15 млрд. синг. долл. (около 19%), иностранных компаний — 65 млрд. синг. долл. (81%). Крупнейшие инвесто-

---

[48] KPMG Asia Pacific Taxation. Singapore, 2009, Edition, c.16. http://www.kpmg.com/global/en/Issues and Insights/Articles /Publications

[49] Bulletin of International Fiscal Documentation Amsterdam 1981, Vol. 35, № 6, c. 252; 1984. Vol. 38. № 5, c. 205; 1988. Vol. 42, № 12, c. 544; 1993. Vol. 47, № 5, c. 281–282.

[50] Yearbook of statistics Singapore 2011.

ры — США (27 млрд. синг. долл., или 34%), Япония (7 млрд. синг. долл., или 9%). Накопленные иностранные инвестиции в экономику Сингапура увеличились с 171 млрд. синг. долл. в 1999 г. до 324 млрд. синг. долл. в 2005 г. и 552 млрд. синг. долл. в 2009 г. Основной поток шел в сферу финансовых и страховых услуг и оценивался в 2009 г. в 231 млрд. синг. долл. (42%). В обрабатывающую промышленность вложен 121 млрд. синг. долл. (22%)[51].

В первые десятилетия XXI в. по темпам роста вперед вырвалась современная отрасль — биомедицинская, включающая фармацевтику и медицинские технологии. Прирост ее продукции составил в 2002 г. 42%, в 2003 г. — 11%, в 2009 г. — 26%, в 2010 г. — 50%. Капиталовложения в эту отрасль выросли с 859 млрд. синг. долл. в 2005 г. до 1042 млрд. синг. долл. в 2009 г. и заняли 3-е место после электроники и нефтехимии. В 2010 г. в биомедицинской отрасли работало около 14 тыс. человек (3,3% всех занятых в обрабатывающей промышленности) и выпущено продукции на 23 млрд. синг. долл. (8,6%)[52]. Развитие этой отрасли стимулируется обширными научными исследованиями, развернувшимися в нулевые годы и привлекшими внимание многих крупнейших фармацевтических и биомедицинских МНК. И по эффективности (по объему добавленной стоимости на одного работающего) она лидирует (так, в 2010 г. на одного работающего в этой отрасли приходилось 810 тыс. синг. долл. по сравнению с 416 тыс. синг. долл. в нефтехимии), 222 тыс. синг. долл. — в электронике и 72 тыс. синг. долл. — в транспортном машиностроении).

Одной из современных быстроразвивающихся отраслей является логистика. В отчете Мирового банка за 2010 г. Сингапуру отдано 2-е место как одному из лучших логистических центров мира. Успешному развитию отрасли способствует выгодное стратегическое расположение страны в центре региона, что обеспечивает быстрый доступ ко многим странам и к ведущим рынкам мира. Сингапур располагает одним из самых крупных и деловых портов мира, который соединяет страну с более чем 700 портами в 130 странах. Он обслуживает 250 линий и входит в четверку крупнейших портов мира наряду с Гонконгом, Роттердамом и Шанхаем. По величине тоннажа судов он занимает первое место в мире. В 2009 г. объем контейнерных перевозок порта составил 25 млн. TEU, и в этой сфере Сингапур уступает только Шанхаю. Аэропорт Чанги — также один из самых деловых грузовых аэропортов мира и главный авиахаб в ЮВА. Центром авиаперевозок в Чанги является свободная торговая зона, открытая круглые сутки. В аэропорту создана специализированная инфраструктура мирового класса, включая парк логистики в свободной зоне и международный парк логистики Чанги, который занимается распределением грузовых потоков в регионе. В Чанги построено 8 терминалов для авиагрузов и 10 парковок для самолетов. Аэропорт связан с 200 городами в 60 странах. Еще один крупный центр логистики — логистический парк Баньян на острове Джуронг. Это интегрированный, специализированный химический логистический парк, функционирующий как единый центр по погрузке и жидкой, и твердой продукции химических предприятий. Парк обеспечивает отрасли единую цепь логистических услуг. Инфраструктура мирового уровня, широкие глобальные связи, высокая квалификация специалистов, глубокие знания в управлении цепочкой поставок создают благоприятные условия для деятельности в Сингапуре международных логистических компаний. Поэтому 17 из 25 самых крупных фирм имеют бизнес в Сингапуре, и большинство из них учредили здесь свои региональные штаб-квартиры и пользуются широкой сетью логистических соединений, управляемых специалистами Сингапура. Здесь находится ведущий азиатский мозговой центр логистики — Институт логистики Азии и Тихого Океана, который поддерживает тесные связи и партнерство с предпринимателями и правительствами. Институт сотрудничает с Национальным университетом Сингапура, что позволяет ему обучать более 100 профессионалов мирового уровня. В стране функционирует ассоциация логистики Сингапура[53].

С 1990 г. в Сингапуре стала развиваться новая отрасль — служба эксплуатации и капитального ремонта авиатехники, которая проводится в первоклассном международном аэропорту Чанги, обслуживающем около 100 авиалиний. В 2009 г. в отрасли работало более 18 тыс. человек и объем операций оценивался в 7 млрд. синг. долл. Страна стала наиболее крупным в Азии центром службы эксплуатации и капитального ремонта авиатехники, захватив четверть азиатского рынка. В 2006 г. правительство совместно с Управлением экономического развития и Корпорацией г. Джуронга запланировало в течение 10 лет построить новый промышленный авиапарк в аэропорту Селетар, чтобы создать инфраструктуру, необходимую для развития новой отрасли. В 2007 г. международная компания «Роллс-Ройс» объявила о строительстве в авиапарке своего первого в Азии предприятия по производству авиадвигателей[54].

Активная ориентированная на инновации политика правительства в 2000 гг. привела к заметному подъему науки и технологии. В 2009 г. научные исследования проводили 912 организаций, из них 854 — частные, 11 — при университетах и 47 — государственные. В них работали 41 388 человек, в том числе 26 608 научных работников, 3563 техников и 3438

---

[51] Yearbook of statistics Singapore 2011.

[52] Economic Survey of Singapore 2005, 2007, 2010.

[53] www.edb.gov.sg/edb/sg/en_uk/index/industry_sector/logistics/supply/background.html; guidemesingapore.com major industries in Singapore/singapore

[54] www.edb.gov.sg/exb/sg/en_uk/index/industry_sectors/aerospace_engineering/industry_background; http://www.a-star.edu.sg/

вспомогательного персонала. В частных НИИ было 7377 человек. Во всех НИИ было занято 9759 иностранцев, в том числе 2800 человек в частном секторе и 6125 человек в университетах. На 10 тыс. занятых приходилось в 2000 г. 66 научных сотрудников, в 2009 г. — 89. Общие расходы на НИИ оценивались в 3 млрд. синг. долл. (1,85% ВВП) в 2000 г. и 8 млрд. синг.долл. (2,28% ВВП) в 2009 г. По коэффициенту расходов Сингапур приближается к таким ведущим интенсивные НИР странам, как Австрия (2,7%), Германия (2,6%) и Франция (2%). Бóльшая часть расходов на НИР производится в частном секторе, что видно из следующих данных (% к итогу)[55].

	Частный сектор	**НИИ университетов**	**Государственный сектор**
2000 г.	62	13	25
2005 г.	66	14	20
2009 г.	62	13	25

Основное направление НИР — прикладные и экспериментальные исследования. На фундаментальные исследования израсходовано в 2005 г. 21%, в 2009 г. — 20% всех ассигнований[56]. Особенно большое внимание уделяется современному направлению НИР — биомедицине. На эту сферу в 2009 г. было израсходовано 3,7 млрд. синг. долл. (46% всех расходов на НИР), на инженерно-технические исследования — 1,2 млрд. синг. долл. (15%), на естественные науки — 600 млрд. синг. долл. (около 8%). Основная часть ассигнований на биомедицинские исследования производится частным сектором.

В 2001 г. Национальное управление науки и технологии было реорганизовано и переименовано в Агентство науки, технологий и научных исследований (АНТНИ), при этом часть функций, в частности подготовка научных кадров, перешла к Управлению экономического развития. Агентство состоит из пяти подразделений, из которых два — Совет биомедицинских исследований и Совет научно-технических исследований — руководят соответствующими научными учреждениями. Под началом первого находятся 7 биологических и биомедицинских НИИ и 5 научных учреждений, которые ведут исследования в интегрированном научно-исследовательском комплексе Биополис, открытом в 2003 г. и оснащенном новейшей научной аппаратурой. Здесь имеют свои лаборатории крупнейшие в мире фармацевтические компании, например «Новартис», «ГлэксоСмитКлайн», «Айсис Фармацевтиклс» и другие. Совет научно-технических исследований руководит 7 НИИ и несколькими центрами, преимущественно государственными, и территориально находятся в открытом в 2008 г. технопарке Фузионополис, являющемся центром исследований в области ИКТ, массмедиа, естественных и технических наук.

В Сингапуре нет специального министерства по науке. Ответственность за координацию научной политики разных ведомств несет Министерство торговли и промышленности. Под его руководством проводят научную политику три организации — Управление экономического развития (несет ответственность за привлечение МНК в современные отрасли, основанные на знаниях, и за повышение уровня научных исследований частного сектора), Агентство науки, технологий и научных исследований (несет ответственность за развитие исследований частных фирм и государственных НИИ) и Управление стандартов, производительности и инноваций (проводит инновационную политику в отношении малых и средних предприятий). В 2006 г. был создан Совет по вопросам научных исследований и инноваций, который возглавляет премьер-министр. Был учрежден Национальный фонд научных исследований, который реализует одобренные Советом мероприятия. Фонд имел вначале бюджет в 5 млрд. синг. долл. Помимо финансирования научных исследований, задачей Фонда является ускорение коммерциализации научных исследований и поощрение высокотехнологичных инициатив. Фонду выделено дополнительно 1,55 млрд. долл. для реализации трех стратегических проектов, которые важны для будущего экономического развития и реализация которых даст возможность сохранять международную конкурентоспособность. Это — биомедицинские науки, окружающая среда и интерактивные и цифровые массмедиа.

Правительство и в нулевые годы продолжало либерализировать налогообложение. Ставки корпоративного налога снизились с 26% в 1999–2000 гг. до 22% в 2003–2004 гг., 20% — в 2005–2007 гг.; до 18% в 2008–2009 гг. и до 17% в 2010–2011 гг. Для ряда компаний были введены налоговые льготы. В частности, вновь созданные фирмы, начиная с 2005 г., получают право на полное освобождение от уплаты корпоративного налога в течение трех лет. В 2010 г. эта льгота была продлена[57]. Эти налоговые акции еще раз показали, как быстро и прагматично реагирует правительство на изменения во внешней среде, в частности на глобальное снижение ставок корпоративного налога. Это необходимо было сделать в целях привлечения прямых иностранных инвестиций в условиях углубляющейся глобализации.

Итак, Сингапур прошел длинный путь модернизации экономики. Превращение в развитую страну с высокими международными рейтингами было достигнуто благодаря взаимодействию ряда важных взаимосвязанных факторов. К ним относятся: 1) глубоко продуманная, прагматичная, целенаправ-

---

[55] Yearbook of statistics Singapore 2011; National R&D Survey 2009, с. 38.

[56] ЛОЕСД. Review of Innovation in Southeast Asia, Country Profile of Innovation: Singapore, 2011, с. 5.

[57] KPMY's Corporate and Indirect Tax Rates Survery 2009, с. 14, 15.

ленная и гибкая экономическая стратегия правительства, ориентированная на решение внутренних проблем и на повышение международного статуса страны; 2) сильная и эффективная предпринимательская и регулирующая роль государства; 3) массивный приток иностранного капитала, ставшего мотором экономического роста и развития страны и поднявшего технологический уровень производства национального капитала; 4) активная политика государства в области образования и подготовки квалифицированных специалистов; 5) адресная стимулирующая налоговая политика, нацеленная на быстрое развитие частного бизнеса; 6) образованная, высококвалифицированная и дисциплинированная рабочая сила; 7) хотя и последнее, но не менее (если не более) важное условие успеха — политическая и макроэкономическая стабильность.

А. В. Кольцов

Модернизация военно-промышленного комплекса Турции

Военное производство в Турции имеет давнюю историю, так как в средневековье оно создавалось для удовлетворения потребностей османской армии — одной из крупнейших военных организаций мира — в вооружении[1]. Но начиная с XVIII в. растет отставание Турции от европейских государств и России в технике и технологии производства вооружений и развитии военного дела в целом. К началу Первой мировой войны Османская империя была вынуждена импортировать большую часть вооружений в основном из Германии. Почти все предприятия военной промышленности были сосредоточены в западных регионах Турции, а самые важные — в Стамбуле и его окрестностях[2].

После окончания Первой мировой войны западные области Турции, где традиционно концентрировались основные предприятия национального ОПК, были оккупированы странами Антанты. Правительству Мустафы Кемаля Ататюрка, пришедшему к власти в 1925 г. по итогам национально-освободительной борьбы, пришлось воссоздавать военное производство на новом месте. В результате в окрестностях городов Центральной и Восточной Анатолии — Анкары, Эрзерума, Коньи и Эскишехира — были образованы небольшие мастерские по ремонту и производству амуниции и легкого вооружения, в которых работали ранее эвакуированные из Стамбула рабочие[3].

Мустафа Кемаль считал наличие развитого и независимого от поставок извне оборонно-промышленного комплекса одним из главных условий достижения Турцией политической независимости. Поэтому он взял под свое личное руководство создание нового ОПК страны. В оборот были пущены лозунги «Свое оружие сделай сам!», «Свой самолет построй сам!» и т. п.[4]

Динамика развития турецкого ОПК в 1920–1940 гг.[5]

Год	Место	Что создано
1921	Анкара	Генеральное управление предприятий оборонной промышленности
1924	Район Анкары	Предприятия по ремонту артиллерии и стрелкового вооружения, производству снаряжения и боеприпасов
1924	Гёльджук	Судоремонтное предприятие
1926	Анкара	Авиастроительная компания Tayyare ve Motor Türk AŞ
1928	Кайсери	Завод по производству самолетов и запчастей к ним. В 1939 г. производство самолетов было приостановлено
1930	Каяш (пригород Анкары)	Предприятие по производству патронов
1931	Кырыккале	Сталелитейный завод
1936	Кырыккале	Заводы по производству пороха, артиллерии и стрелкового оружия
1936	Стамбул	Частное предприятие по постройке планеров. Закрыто в 1943 г.
1941	Ташкызак	Судостроительная верфь
1941	Анкара	Завод по производству самолетов и планеров
1943	Малатья	Ремонтные мастерские для обслуживания самолетов
1943	Мамак (сегодня район Анкары)	Предприятие по производству противогазов
1945	Анкара	Завод по производству авиационных моторов

Перед Второй мировой войной строительством и переоборудованием многих заводов турецкого ОПК руководили немецкие специалисты. Из Германии поставлялась значительная часть заводского оборудования, а также проекты и образцы военной техники. Во время войны Турция — в зависимости от ситуации на театре военных действий — склонялась к союзу с победителями. Важную роль при этом играла военная помощь противоборствующих сто-

[1] Мейер М. С. Особенности становления и развития Османской империи // Basileus. Сборник статей в честь 60-летия Д. Д. Васильева. М., 2007, с. 224–225.

[2] Расизаде А. Ш. Создание военно-промышленного комплекса в Турции // Актуальные проблемы современной Турции. Баку, 1988, с. 116.

[3] Кроме того, вплоть до начала 40-х гг. несколько частных фирм в окрестностях Стамбула продолжали производить легкое стрелковое оружие.

[4] Расизаде А. Ш. Создание военно-промышленного комплекса в Турции, с. 117–118.

[5] Таблица составлена автором.

рон. Так, в 1943 г. по результатам встречи премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с президентом Турции Исметом Инёню было решено обеспечить поставки в Турцию современных вооружений и военной техники (ВВТ), чтобы поддержать ее просоюзническую ориентацию[6].

Однако создать полноценную оборонную промышленность Турции не удалось, во многом из-за нехватки финансирования и отсутствия квалифицированных кадров. Многие турецкие офицеры в конце 1940 гг. отмечали значительную техническую отсталость ОПК Турции[7].

В начале 1950 гг. Турция перед лицом советской угрозы активизировала военно-техническое сотрудничество с Западом. Значительная роль отводилась сотрудничеству с США, в том числе в рамках программ Североатлантического альянса, в который Турция была принята в 1952 г.

В этот период были созданы новые предприятия ОПК и расширены возможности ранее построенных заводов. В городе Кырыккале под Анкарой были увеличены мощности предприятий, выпускавших боеприпасы, стрелковое оружие, артиллерийские орудия и минометы, организовано производство взрывчатых веществ, В Эльмадаге и Адапазары (городах-спутниках Анкары) появились заводы по ремонту бронетехники и тяжелого вооружения. В Кайсери, Измире, Эскишехире были созданы новые авиастроительные предприятия, где методом «отверточной сборки» могло производиться около 100 самолетов в год. В окрестностях Стамбула и в Гельджуке были расширены военные верфи. Гельджук затем стал главной базой ВМС Турции.

До середины 1980 гг. почти все предприятия турецкого ОПК контролировались созданным в 1950 г. государственным объединением Makina ve Kimya Endüstrileri Kurumu (MKEK).

С 1968 г. Турция стала членом Еврогруппы НАТО, однако ее участие в оборонных проектах было формальностью. Турция снабжала своих партнеров простейшим военным снаряжением и боеприпасами.

К началу 1970 гг. в Турции был создан ОПК, способный удовлетворить потребности вооруженных сил страны по части снабжения, ремонта, тыловой поддержки, производства стрелкового и артиллерийского вооружения. Турецкие заводы все еще не могли производить тяжелую и транспортную военную технику, средства связи, современные боевые самолеты, крупные военные корабли. С развитием ракетного вооружения и военной радиоэлектроники зависимость турецкого ОПК от иностранных поставщиков усилилась.

В 1975 г. Конгресс США в ответ на оккупацию турецкими войсками Северного Кипра наложил эмбарго на поставки американского оружия в Турцию. С этого момента Турция решила перейти к политике импортозамещения и производства наиболее важных видов ВВТ на собственной территории.

В 1975 г. совет национальной безопасности Турции принял 1-й пятилетний план развития вооруженных сил, предусматривавший модернизацию и реорганизацию турецкого ОПК. Была сформирована концепция военного снабжения, которая предусматривала включение в любые оружейные контракты пункта о наладке производства ВВТ в Турции. Теперь партнеры Турции по поставкам ВВТ обязаны были создавать предприятия ОПК на территории страны, причем контрольный пакет акций (51%) этих предприятий должен был быть в руках турецкой стороны.

В 1970–1980 гг. турки получили большое количество лицензий на производство ВВТ. Примером может служить соглашение, подписанное в 1979 г. с ФРГ. В результате его исполнения были расширены заводы по производству стрелкового оружия в Кырыккале, построен завод по ремонту и модернизации танков в Адапазары, расширена военная верфь в Гельджуке для строительства подводных лодок и современных фрегатов, в Эскишехире построен завод по производству авиадвигателей. Был заключен ряд контрактов на производство ПТУР, подводных лодок пр. 209 и катеров. Постройка кораблей во многом проводилась с помощью зарубежных специалистов, при этом оснащались корабли также преимущественно иностранными образцами ВВТ, не производимыми в Турции. Одновременно Турция получала от ФРГ излишки боевой техники, включая американские танки М48 и немецкие Leopard 1[8].

В 1978 г. эмбарго на поставки ВВТ в Турцию со стороны США было отменено, а в 1980 г. стороны подписали договор о развитии военно-технического сотрудничества, в результате чего была создана специальная двусторонняя рабочая группа. В рамках этой группы были также реализованы наиболее крупные проекты:

- строительство в Мюртеде под Анкарой завода по выпуску истребителей F-16C/D. Компания TUSAS (Türkiye Uçak Sanayı Anonim Şirketi) получила 51% акций нового предприятия, General Dynamics (затем Lockheed Martin) — 49% акций. В 2005 г. американская сторона продала свою долю Турции;
- строительство завода авиационного оборудования в городе Эскишехир. Этим предприятием совместно с General Dynamics на тех же условиях владела «дочка» TUSAS — Hava Sanayı Endüstrileri;
- модернизация танков М48 на заводах в Кайсери и Арифие. Большая часть из них сейчас находится

[6] Более подробно см.:Гасанлы Дж. СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне. 1939–1953. М., 2008.

[7] Данилов В. И. Политическая борьба в Турции. 50-е — начало 80 гг. XX в. (политические партии и армия). М., 1985, с. 28–29.

[8] В настоящее время танки «Леопард-1», стоящие на вооружении ВС Турции, проходят модернизацию, в ходе которой планируется заменить всю бортовую электронику, системы навигации, связи, управления огнем. Эти работы осуществляет компания AsElSan. http://www.ssm.gov.tr/TR/Projeler/karaaraclari/prjgrptank/Pages/LEOPARD1A1A1A4__K.aspx

на хранении, а модернизированные варианты стоят на вооружении воинского контингента, расквартированного в Северном Кипре;

• организация сборочного производства боевых вертолетов Bell AH-1 в районе Анкары (проект не был осуществлен).

Была также расширена военная инфраструктура Турции и совместных военных баз. Такая активность США была продиктована стремлением оттеснить европейских производителей с перспективного турецкого рынка вооружений. Следует отметить, что работа по этим соглашениям еще не завершена и по некоторым направлениям (в частности, в вертолетостроении) продолжается до сих пор. Летом 2009 г. турецкая сторона выступила с инициативой активизации военно-политических контактов в рамках данной группы[9].

После военного переворота 12 сентября 1980 г. военные привели к власти правительство «технократов» во главе с Тургутом Озалом, который начал в Турции программу широких экономических преобразований. В связи с реформами, предусматривавшими также модернизацию промышленности, было решено изменить и структуру управления оборонной промышленностью. В 1985 г. при Совете министров страны был образован секретариат оборонной промышленности (СОП, Savunma Sanayı Müsteşarlığı). Функция координации действий различных предприятий ОПК была передана от МКЕК к СОП.

СОП управляет оборонными предприятиями с помощью определения перспективных направлений военных разработок, налоговых льгот или финансовой помощи, обеспечивает снабжение их всем необходимым, координирует работу частных фирм, выполняющих гособоронзаказ. Стратегической целью СОП является создание ОПК, способного максимально обеспечить потребности вооруженных сил страны. С этой целью СОП также ведет переговоры о закупке за рубежом новейшего оружия с обязательным условием налаживания производства в Турции. Функции заказчика при этом выполняет генеральный штаб или командование отдельных родов войск.

СОП подчиняется решениям исполнительного комитета оборонной промышленности (Savunma Sanayii İcra Komitesi, далее — исполком), в состав которого входят директор СОП, премьер-министр, министр обороны и начальник генштаба. СОП разрабатывает и осуществляет одобренные исполкомом комплексные программы по развитию военной промышленности и модернизации ВС. СОП и члены исполкома принимают решения о выделении госфинансирования на военные программы, закупки ВВТ и т. п. Нынешний директор СОП — Мурад Баяр (имеет высшее техническое образование), по некоторым данным, компромиссная фигура, устраивающая и военных, и правящую Партию справедливости и развития.

Своеобразными явлениями в Турции являются частные организации, поддерживающие ОПК и армию. Это общество армейской взаимопомощи OYAK (Ordu Yardımlaşma Kurumu) и фонд усиления турецких вооруженных сил TSKGV (Türk Silahlı Kuvvetleri Güçlendirme Vakfı).

OYAK был создан для поддержки бывших офицеров после их увольнения в запас. Офицеры — члены общества — переводят на его счета не менее 10% своего месячного жалованья в течение всего срока службы. Правление общества, которое также подотчетно исполкому, вкладывает средства офицеров в промышленность (в том числе ОПК), энергетику, банковское дело. После выхода на пенсию правление общества помогает бывшим офицерам с трудоустройством, назначая их на должности (зачастую формальные) руководителей предприятий, общественных фондов или организаций, обеспечивает им достойную старость.

TSKGV — благотворительный фонд, который существует за счет частных пожертвований. До 80% своего годового дохода фонд вкладывает в развитие ОПК страны. Объектами инвестиций преимущественно становятся производство военной электроники, авиастроение, ракетостроение и связанные с ними отрасли. Согласно уставу фонда, основными его задачами являются поддержка существующих в области ОПК фирм, увеличение своего участия в них, создание новых предприятий ОПК. Также фонд принимает участие в организации международных оружейных выставок в Турции[10]. Фонд имеет свои отделения практически в каждом иле страны. Представители фонда поддерживают тесные связи с губернаторами и представителями местного бизнеса.

В 2009 г. СОП разработал очередной пятилетний план развития турецкого ОПК на 2011–2016 гг. Его основными положениями являются достижение максимальной самостоятельности в сфере производства вооружений, а также ставка на частные компании, предприятия малого и среднего бизнеса, производящие продукцию двойного назначения[11]. Проблему нехватки квалифицированных кадров планируется решать за счет господдержки технической науки и усиления взаимодействия вузов и промышленности.

В полном масштабе программа развития турецкого ОПК может быть осуществлена только при помощи внешних партнеров. Потому Турция плани-

[9] В ходе своего недавнего визита в США 30 мая — 3 июня 2009 г. начальник генштаба Турции генерал армии Илькер Башбуг предложил расширить сферу деятельности данной группы, включив в нее и вопросы стратегического взаимодействия ВС Турции и США на Ближнем и Среднем Востоке. http://www.ostinform.ru/?q=content/nachalnik-turetskogo-genshtaba-general-armii-ibashbug-posetil-ssha-s-ofitsialnym-vizitom

[10] http://www.tskgv.org.tr/index.php?option=com_content&task=view&id=44&Itemid=86

[11] См.: Программный документ по развитию оборонной промышленности Турции до 2016 г. // Экспорт вооружений, № 5 (79), сентябрь-октябрь 2009 г., с. 48–53.

рует создавать международные альянсы (особенно в авиастроении) и активно продвигать совместную продукцию за рубеж. Крупнейшим военно-техническим партнером Турции сегодня остаются США. Стратегически важным для обеих сторон является сотрудничество по унификации вооружений в рамках НАТО, организации противоракетной обороны НАТО и обмену разведданными о ситуации в Афганистане и на севере Ирака[12].

Также к весомым партнерам Турции относятся Южная Корея и Израиль. С Южной Кореей реализован проект создания самоходной артиллерийской гаубицы Firtina. По корейским технологиям ведется строительство основного боевого танка «Алтай» на базе корейского танка XK-2, учебного самолета KT-1, а также производство автоматических систем управления, тренажеров и средств связи. Израиль поставляет в Турцию в первую очередь беспилотные летательные аппараты, однако взаимоотношения стран серьезно осложняются из-за разногласий по палестинскому вопросу.

Основные производители ВиВТ

Авиастроение

TAI (Turkish Aerospace Industries) — крупнейшая авиастроительная компания Турции. Основана в 1984 г., до апреля 2007 г. называлась TUCAS. Компания вела лицензионное производство истребителей F-16, легких транспортных самолетов CN-295, учебно-тренировочных самолетов SF-260 и вертолетов Cougar. Сегодня основной бизнес TAI –модернизация военных и гражданских самолетов и вертолетов, конвертация транспортных самолетов в патрульные и разведывательные варианты, а также выполнение субподрядов западных компаний. С 2008 г. компания ведет модернизацию 55 учебно-тренировочных самолетов T-38 ВВС Турции и переделку 10 транспортных самолетов ATR-72 в морские патрульные для турецких ВМС.

TAI участвует в разработке и будущем производстве европейского военно-транспортного самолета A400M и американского легкого истребителя пятого поколения F-35. Помимо этого, компания ведет разработку для ВВС Турции нового ударного вертолета ATAK, учебно-тренировочного самолета начальной подготовки Hurkus и средневысотного беспилотного летательного аппарата Anka (был представлен публике в июле 2010 г.).

Среди крупнейших акционеров компании — СОП, TSKGV и отраслевая ассоциация Turkish Aeronautical Association. Количество занятых — порядка 3000 человек.

[12] Турция планирует присоединиться к ПРО НАТО к 2020 г. http://rusorient.ru/page.php?vrub=rm&vparid=1941&vid=1985&lang=rus

Наземные системы

MKEK (Makina ve Kimya Endustrileri Kurumu) — крупнейший в Турции производитель легкого стрелкового оружия, боеприпасов, артиллерийских орудий, минометов. Основана в 1950 г., контролируется государством. MKEK принадлежат 11 заводов, пять из которых находятся в Кырыккале (сталелитейный, по производству порохов, гильз и боеприпасов, стрелкового, тяжелого артиллерийского вооружения), еще пять находятся в пригороде Анкары (по производству ракет, взрывателей, противогазов, боеприпасов и переработке металлолома) и один — в Чанкыры (артиллерийское вооружение и боеприпасы).

С 2002 г. MKEK производит для турецкой армии 155-мм/52 буксируемую гаубицу Panter, разработанную на основе сингапурской гаубицы FH-2000 (изготовлено до 100 единиц Panter). На армейском танкоремонтном заводе MMSS совместно с MKEK с 2004 г. ведется выпуск по южнокорейской лицензии 155-мм/52 самоходной гаубицы K9 под обозначением T-155 Firtina, к 2010 г. было построено до 120 единиц из примерно 300 планируемых к выпуску. При участии германского концерна Rheinmetall MKEK ведёт модернизацию старых американских самоходных артиллерийских гаубиц M44 (155 мм) и M52 (105 мм) с установкой на них новой 155-мм/39 гаубицы.

FNSS — компания по производству колесных и гусеничных бронетранспортеров различного назначения. Группа была создана как СП компании Nurol Makina[13] и американской United Defense (ныне последняя — в составе BAE Systems), с 1990 г. осуществляя лицензионный выпуск американских БМП AIFV с использованием комплектов узлов, поставляемых из США. Модернизированным вариантом этой машины разработки FNSS сейчас является ACV, экспортировавшаяся в Бахрейн, Малайзию, ОАЭ, Пакистан.

Otokar — дочернее предприятие холдинга **Koç**. Выпускает целую гамму колесных бронемашин и бронетранспортеров. Принимает участие в программе создания национального танка.

Производители военно-морской техники

Государственные компании отрасли представлены военно-морскими верфями в Стамбуле (крупнейшие мощности в пригороде Стамбула — Пендик) и Гёльджюке, представляющими основную судостроительную и судоремонтную базу ВМС Турции. Частные компании представлены следующими фирмами:

[13] Nurol Makina ve Sanayi — машиностроительная и металлообрабатывающая компания (Анкара), являющаяся частью холдинга Nurol. Ведет также самостоятельную разработку колесной бронетехники.

RMK Marine — дочерняя фирма холдинга **Koç**. Компания обладает судоверфями площадью 90 тыс. $м^2$;

Dearsan — компания участвует в производстве перспективного сторожевого корабля. Также разрабатывает корабельное артиллерийское вооружение и системы управления огнем;

Yonca-Onuk — компания специализируется на производстве скоростных катеров собственной оригинальной конструкции и яхт. В военных программах компания участвует как производитель скоростных специализированных катеров для силовых и прочих ведомств Турции;

Istanbul Denizcilik — частная компания, участвует в проектах строительства вспомогательных судов.

Производители ракетно-артиллерийского вооружения

TÜBİTAK — турецкое общество научных и технических исследований, созданное по предложению Ататюрка, TÜBİTAK курирует фундаментальную техническую науку, а также самостоятельно проводит многие прикладные разработки военного или двойного назначения, например, разработку устройств шифрования данных, приборы «свой-чужой» и т. п. TÜBİTAK также координирует научно-исследовательские разработки различных турецких фирм, представляющих ОПК страны.

Центр **SAGE** при **TÜBİTAK** занимается разработкой современных и перспективных видов боеприпасов. В частности, ведется разработка комплектов управляемого вооружения — корректируемых авиабомб, управляемых артиллерийских снарядов и минометных мин. Кроме того, разрабатываются комплексы управляемого ракетного вооружения.

Roketsan — компания специализируется на производстве ракетного вооружения. В портфеле компании производство тактических ракетных комплексов Kasırga и Yıldırım, систем залпового огня, боеприпасов к ним. Компания производит заряжающие машины для систем залпового огня, участвует в проектах модернизации ЗРК Sea Sparrow, Rapier, Stinger. Компания продолжает вести перспективные проекты производства ПТРК.

Производители военной электроники и ПО Сектор военной электроники ОПК стал развиваться в Турции относительно недавно. Прежде всего, это подразделения **TÜBİTAK — TÜBİTAK UEKAE** (Национальный институт исследований электроники и криптологии) и **TÜBİTAK MAM** (Мраморноморский исследовательский центр — основные исследовательские приоритеты в области материаловедения, генетики, биологии, исследований окружающей среды).

Aselsan — компания-производитель военной электроники, специализирующаяся на производстве систем связи, систем наведения, средств массового оповещения, авионики, средств РЭБ, оптических приборов двойного назначения, информационно-управляющих систем, ракетного вооружения, микроэлектроники двойного назначения.

Havelsan — компания-производитель электронных систем наблюдения и разведки, АСУ, сигнализаций, систем управления и контроля информации, симуляторов и электронных тренажеров, также выполняющая госзаказы турецких органов власти на создание системы «электронного государства/правительства».

Meteksan — группа компаний, специализирующаяся на внедрении передовых информационных технологий и разработке программного обеспечения различной степени сложности. Основными сферами интереса являются информационные технологии в сфере PR, телекоммуникаций, здравоохранения, обороны, электронные финансовые системы, промышленные информационные системы.

Важным игроком в отрасли является также холдинг **Koç,** которому принадлежит значительная часть предприятий турецкой оборонной промышленности. Начиная с 60-х гг. XX в. Koç целенаправленно поддерживает военную промышленность, офицерство, а также обеспечивает финансовые интересы армии и связанных с ней социальных групп.

Активным действующим лицом выступает компания **MilSOFT.** Созданная полностью за счет турецкого капитала, фирма занимается исключительно военными проектами. Это проекты в области разработки собственной и адаптации зарубежной авионики к условиям Турции, разработка военного ПО, участие в разработке электроники для нужд ВМС.

Компания **Ayesaş** является важным игроком на турецком рынке и специализируется на производстве мобильных и стационарных радаров и систем наведения вооружения.

В отрасли действуют и представители мелкого бизнеса — компании **STM**, **Mikes**, **Vestel Savunma**, выполняющие субподрядные работы (в основном — подготовка специализированного ПО) в рамках крупных оборонных проектов.

Основные проекты

Сухопутная техника

Основной боевой танк Altay. Генеральным подрядчиком выступает компания Otokar[14]. Партнером выступает южнокорейская фирма Hyundai — Rotem, которая подписала с турецкими производителями серию договоров о передаче технологий. С компанией Otokar подписано соглашение о технической помощи в производстве шасси танка, с фирмой MKEK — о передаче технологий производства

[14] Далее вся информация дана по открытым материалам Секретариата оборонной промышленности Турции (сайт — www.ssm.gov.tr), а также по материалам с сайтов компаний турецкого ОПК.

120-мм пушки и боеприпасов, с Roketsan — о сотрудничестве в производстве брони. Сборка будет производиться на заводах Otokar, расположенных в районе Арифие — Адапазары в окрестностях Анкары. В рамках того же проекта компания Aselsan ведет НИОКР по созданию информационно-управляющей системы танка.

Колесный многоцелевой БТР с колесной формулой 6х6 или 8х8. Программа тянется длительное время, но до сих пор выбор конкретного образца не осуществлен. Планируется получить в общей сложности 1541 БТР разных типов. Претендентами на получение заказа выступают турецкие компании, предлагающие «локализованные» варианты западных БТР: FNSS Savunma Sistemleri (БТР Pars разработки американской компании GPV), Otokar (БТР Yavuz — сингапурский Terrex разработки ирландской Timoney Technology по заказу Singapore Technologies Kinetics) и HEMA (БТР Anafarta — финский Patria AMV).

Модернизация танков М60 и Leopard 1. Турецкая Aselsan совместно с израильской IMI проводит модернизацию электроники и системы управления огнем. МКЕК предложила проект установки на Leopard 1 более мощной пушки и разрабатывает для орудия этого танка боеприпасы повышенного могущества. Вокруг этого контракта разгорелся скандал, связанный с нецелевым расходованием средств, в центре которого оказались израильские партнеры и высокопоставленные турецкие военные[15].

Морская техника

Проект разработки перспективного **корвета Milgem** (Milli Gemi — национальный корабль) во многом является знаковым для национального ОПК, так как послужит основой для отработки новых технологических решений. Головной корвет Heybeliada был заложен на верфи в Стамбуле в 2006 г., спущен на воду в 2008 г. и планируется к передаче на испытания в 2011 г. Начата постройка второго корабля, а всего в серии ожидается восемь единиц. Проект также продвигается на экспорт. Для кораблей создается боевая информационно-управляющая система **Genesis**, составные элементы которой разрабатывают турецкие компании Aselsan, Havelsan и Milsoft.

Технические данные будущего **фрегата TF 2000** еще не опубликованы, однако по заявлениям представителей СОП, часть конструктивных решений будет отработана на базе корабля проекта MİLGEM. Планируется постройка четырех таких кораблей. Головной корабль проекта предполагается построить на государственных судоверфях в Стамбуле, затем по результатам проверки возможностей частных предприятий будут определены подрядчики. На данный момент известно, что компания Dearsan будет разрабатывать артсистемы и СУО для фрегата. К концу 2011 г. СОП должен будет определиться с требованиями к перспективному фрегату, а первый корабль планируется получить после 2015 г.

Десантно-вертолетный корабль док LPD должен обеспечивать высадку на берег и снабжение как минимум одного батальона пехоты вместе с приданной техникой. В рамках проекта также предусматривается создание специальной амфибийной техники для доставки грузов и личного состава с корабля на берег. Заявку на участие в проекте подали более 30 турецких и иностранных компаний. Турцию представляют компании Aselsan, Havelsan, FNSS, MilSOFT, STM, Vestel. Не исключено, что данные турецкие фирмы выступят в роли субподрядчиков в выполнении отдельных работ по проекту. Наиболее крупными иностранными компаниями, участвующими в тендере, стали французские CNIM и DCNS, немецкая ThyssenKrupp, итальянские Fincantieri Cantieri Navali Italiani S.p.A., Oto Melara, испанская NAVANTIA S. A., южнокорейский концерн Daewoo. После 2011 г. СОП планирует определить основных исполнителей проекта и подрядчиков. Первый корабль серии планируется получить после 2015 г.

Постройка двух **больших (LST)** и восьми **средних (LCT) десантных кораблей.** В нгастоящее время СОП оценивает проекты БДК, предложенные компаниями RMK, Dearsan, İstanbul Denizcilik и Meteksan. Заказ на постройку средних десантных кораблей в 2009 г. был выдан частной судоверфи ADIK. По плану СОП, бортовую электронику кораблей будут производить Aselsan и Havelsan.

По лицензии и при содействии германской компании HDW планируется постройка на верфи в Гёльджюке шести **неатомных подводных лодок пр. 214** с воздухонезависимой энергетической установкой. Контракт был подписан в 2009 г., при этом субподрядчиками выступают турецкие компании Aselsan, Havelsan, Milsoft, STM A. Ş., Koç Bilgi ve Savunma, TÜBİTAK, Meteksan, AYESAŞ. Первую подводную лодку планируется построить в 2015 г.

Самолеты

Одним из наиболее амбициозных проектов здесь является участие в производстве многоцелевого **истребителя Lockheed Martin F-35**. Турция является участником «3-го уровня» данной программы и в рамках разделения труда турецкая компания TAI будет участвовать в производстве элементов фюзеляжа, стоек шасси, лопаток турбины двигателя (в кооперации с GE и Rolls-Royce). Планируется закупить 100 единиц F-35A для турецких ВВС(с опционом еще на 16 машин), доведя при этом долю национальных комплектующих в их производстве до 50%. Помимо этого, было закуплено 30 машинокомплектов **истребителей Lockheed Martin F-16C/D Block 50** с их сборкой на предприятии TUSAŞ в Анкаре. Передача первого самолета должна

---

[15] http://www.haberaktuel.com/tam-7-yil-oldu-170-tanktan-bir-haber-yok-haberi-238490.html

произойти в 2011 г., завершение программы намечено на 2012 г.

Турция участвует в консорциуме по производству военно-транспортных самолетов **Airbus A400M**. Планировалось закупить 10 единиц, однако из-за задержек в реализации программы Турция начала поиски альтернативы европейскому транспортнику[16].

Проект **Barış Kartalı** («Мирный орел») предусматривает поставку турецким ВВС четырех самолетов ДРЛО и управления на базе Boeing 737 с радиолокационным комплексом Northrop Grumman MESA. Часть компонентов бортового оборудования собирается «отверточным методом» в Турции на заводах TAI. Вклад турецкой промышленности оценивается в размере 12% от всего проекта. В настоящее время по причине задержки поставок компанией Boeing проект приостановлен[17].

Проект **MELTEM** предполагает переоборудование для ВМС Турции девяти транспортных самолетов CN-235MP в базовые патрульные и поставку 10 новых базовых патрульных самолетов ATR 72ASW. Главные подрядчики — это французская Thales, итальянская Alenia Aeronautica и испанская CASA-EADS. Часть оборудования и программного обеспечения будет производится в Турции.

Вертолеты

Боевой вертолет ATAK. Предполагается произвести 51 вертолет (с опционом еще на 41 машину) в интересах сухопутных сил. Скандально известный турецкий тендер по этой программе в итоге выиграла итальянская компания AgustaWestland, предложившая вариант машины AW129 под обозначением T129. В рамках проекта было заключено соглашение с фирмами TAI, TUSAŞ, AgustaWestland и Aselsan о совместном производстве и передаче технологий. Контракт был подписан в сентябре 2007 г. Первый прототип вертолета T129 совершил полет в сентябре 2009 г.[18], но в марте 2010 г. был разбит в аварии. Турецкие военные высказывают определенное сомнение в том, что вертолет T129 удовлетворяет их требованиям. Турецкая сторона также требует интеграции авионики и бортовых компьютеров производства Aselsan. В прошлом именно требования Турции об установке электроники собственного производства «отпугнули» многих производителей[19].

Проект разработки **многоцелевого вертолета** проводится в интересах сухопутных сил, ВВС и ВМС, а также Генерального управления лесных хозяйств, предполагается закупить 84 машины. Договор о долгосрочном сотрудничестве и возможности совместного производства подписан с компаниями AgustaWestland (предлагающей вариант своего нового вертолета AW149) и Sikorsky (продвигающей «международный» вариант известного S-70i Blackhawk).

Беспилотные летательные аппараты

В 2005 г. был подписан контракт с израильским концерном IAI на закупку 10 средневысотных БЛА Heron TP с установкой на них бортовой аппаратуры производства турецких компаний[20]. Ввиду того, что турецкая промышленность оказалась неспособной изготовить оборудование с требуемыми характеристиками (особенно весовыми), программа сильно затянулась[21]. Проблемы по данному проекту усугубились политическим охлаждением между Турцией и Израилем в последнее время. Однако в итоге СОП решил не отказываться от проекта[22], и в 2010 г. началась передача первых израильских аппаратов в войска.

Одновременно ведется разработка трех проектов собственных БЛА. Это беспилотник TIHA среднего радиуса действия, конструктивно являющийся фактически клоном израильского Elbit Hermes 450 (главный подрядчик — TAI), мини-БЛА Bayraktar с радиусом действия 15 км (фирмы Kalekalıp и Baykar Makina), а также «малозаметный» БЛА с радиусом действия 150 км (фирмы Vestel Savunma Sanayii, Kalekalıp и Baykar Makina). Также в портфеле компании Baykar Makina имеется миниатюрный беспилотный вертолет Malazgirt, способный нести 12 кг полезной нагрузки.

Ракетостроение

Одним из наиболее амбициозных стал проект разработки противотанкового ракетного комплекса компанией Roketsan, осуществляемый с 2005 г. Комплекс создается в вариантах средней дальности OMTAS (до 4 км) и большой дальности UMTAS (до 8 км). Ракеты оснащены инфракрасной системой самонаведения типа IIR. Комплексами UMTAS планируется вооружить боевые вертолеты ATAK.

Также Roketsan ведет разработку 70-мм авиационной ракеты Cirit с лазерной полуактивной системой наведения, поступление ракет Cirit на вооружение вертолетов AH-1 ожидалось уже в 2010 г.

С начала 1990 гг. Турция ведет разработку и производство собственных оперативно-тактических ракет при техническом содействии Китая. С 2006 г. компания Roketsan наладила лицензионное производство китайской неуправляемой ракеты WS-1 (дальность стрельбы до 100 км) под обозначением T-300 Kasırga. Также при ведущей роли Roketsan был организован выпуск более совершенного опе-

---

[16] http://www.flightglobal.com/articles/2009/09/13/332132/turkey-seeks-interim-buy-of-c-27js-or-c-295s.html

[17] http://www.ssm.gov.tr/anasayfa/projeler/havaAraclari/modernizasyon/Sayfalar/BarisKartali__H.aspx

[18] Zaman, 27.02.09

[19] Turkish Daily News, 23.11.2005

[20] http://ru.wikipedia.org/wiki/IAI_Heron

[21] http://lenta.ru/news/2009/11/21/drones/

[22] http://www.reuters.com/article/idUSLDE5BL0N420091222?type=marketsNews

ративно-тактического ракетного комплекса J-600T Yıldırım с дальностью стрельбы до 150 км на основе современной китайской ракеты B-611. Впервые комплексы Yıldırım были продемонстрированы на параде в Анкаре в 2007 г.

Космическая программа

Основополагающим звеном космической программы является создание спутниковой **системы оптической разведки Göktürk** с запуском одного разведывательного спутника в 2012 г. Подрядчиком по программе выбрана итальянская компания Telespazio, наземная инфраструктура будет создана TAI.

Ведется модернизация военной **системы спутниковой связи**. Проект предполагает замену устаревшего спутника связи Türksat-2A более совершенным аппаратом Türksat-4A. После модернизации коммуникационных спутников СОП планирует создать систему микроволновой спутниковой связи. Основные подрядчики — компании Aselsan и EADS Astrium. Соглашение по проекту было подписано в 1999 г. Сейчас идет приемка систем управления, которые будут размещены на морских платформах.

Некоторое сотрудничество в освоении космоса Турция ведет с Индией: 23 сентября 2009 г. индийская ракета PSLV C-14 вывела на орбиту турецкий исследовательский спутник Стамбульского технического университета[23].

Летом 2009 г. делегация TÜBİTAK провела переговоры с Роскосмосом о возможности сотрудничества в сфере освоения космического пространства. В частности, был затронут вопрос о возможной отправке на орбиту первого турецкого космонавта.

Автоматизированные системы управления

Турция развивает проект создания интеллектуальных информационных систем для генштаба и центра оперативного командования. Предполагается написание специального программного обеспечения, которое создаст информационную основу функционирования данных органов. Подрядчик — Koç Savunma.

В рамках проекта предполагается объединить информационно-управляющие системы и системы управления вооружением ВВС, ВМС, сухопутных войск. Основным подрядчиком выступает TÜBİTAK. Эта система уже готова и была продемонстрирована Турцией на выставке Defence Services Asia 2010 в Куала-Лумпуре[24].

Создается единое информационное пространство обучения и подготовки личного состава. Проект предполагает создание обучающих систем для подготовки пилотов, операторов комплексов ПВО, и отработки группового взаимодействия различных родов войск. Созданы тренажеры для отработки боевого управления и действий командного состава. Основной подрядчик — MilSOFT, в настоящее время такая система принята СОП и установлена в турецком ГШ. Havelsan выступает подрядчиком создания единой системы подготовки летного состава ВВС Турции на основе тренажеров зарубежного производства.

Средства радиоэлектронной борьбы

Развитие средств РЭБ является для СОП перспективным направлением деятельности. В рамках данного направления СОП инициировало несколько пилотных исследовательских проектов. Компания Aselsan проводит НИОКР по разработке наземных систем радиоэлектронных помех и радиоэлектронного подавления радаров противника. По заказу Командования сухопутных сил разрабатывается система радиоперехвата и подавления радиосвязи в диапазонах ВЧ и УВЧ. Также Aselsan разработала электронную систему обнаружения и борьбы с неприятельскими радарами. В настоящее время образцы вооружения сданы в эксплуатацию в ВС. В рамках новых военно-морских приоритетов Aselsan ведет производство системы постановки ложных акустических целей для установки на надводные и подводные платформы. Разработка будет производиться в интересах Командования ВМС.

Исследовательский центр TÜBİTAK-UEKAE проводит НИОКР по разработке помехозащищенных радаров, устойчивых к средствам РЭБ.

Компания MilSOFT ведет разработку учебной системы РЭБ для тренировки персонала в условиях, максимально приближенных к боевым.

Стрелковое оружие

В рамках модернизации вооруженных сил СОП разрабатывает новую экипировку для военнослужащих турецкой армии. В частности, компания МКЕК ведет проектные работы по созданию перспективного автомата и пулемета. Важными направлениями работ являются и создание новых боеприпасов повышенного могущества, новых типов взрывчатки и порохов.

---

[23] http://yenisafak.com.tr/Gundem/Default.aspx?t=23.09.2009&c=1&area=4&i=212483

[24] http://www.izvestia.ru/armia2/article3141177/

Структура турецкого оборонного экспорта:

Производитель	Вооружение	Страна-покупатель
Otokar (Koç Holding)	Легкий бронеавтомобиль Cobra	ОАЭ, Алжир, Бахрейн, Нигерия, Грузия и др. — всего до 20 стран
Nurol Makina	Колесный бронетранспортер Ejder (6x6)	Грузия
FNSS	Бронированный колесный бронетранспортер PARS с колесной формулой 8x8	Малайзия (переговоры)
BMC	Грузовые автомашины	Малайзия, Пакистан
FNSS	Гусеничная БМП AIFV и ACV	ОАЭ, Малайзия, Филиппины, Саудовская Аравия.
Yonca-Onuk	Ракетные и сторожевые катера серии MRTP (Kaan)	Пакистан, Албания, Грузия, ОАЭ, Малайзия, Алжир
Koç Sistem (Koç Holding)	Системы АСУ в рамках оборонного заказа НАТО	
Havelsan (совместно с Korea Aerospace Industries)	Электронная система боевого обучения, тестирования и симуляции боевых действий	Пакистан, возможна поставка в Южную Корею
Aselsan	Радиопередатчики и системы связи	Страны СНГ
Havelsan	Электронные тренажеры управления самолетами	Южная Корея
MilSOFT	Электронная обучающая система симуляции театра военных действий	
Roketsan	Системы залпового огня и ракеты к ним	ОАЭ; ведутся переговоры о поставках в Саудовскую Аравию и Малайзию, Азербайджан
Roketsan	Самоходные ПУ ЗУР Stinger «Стингер»	Нидерланды

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

Ф.А. Попов

Сецессионизм как угроза безопасности[1]

Формируют ли сецессия и сецессионизм вызовы безопасности? Ответ на этот вопрос, казалось бы, очевиден: сегодня в мире наблюдается множество внутриполитических конфликтов, обладающих выраженной сецессионистской подосновой и при этом уносящих человеческие жизни, разрушающих экономическую и социальную ткань обществ. С сецессионизмом так или иначе связаны международный терроризм, наркобизнес, возрождение пиратства. Его воздействие ощущается во всех макрорегионах планеты: феномен вооружённого сецессионизма известен Европе (Ольстер, Страна Басков, Косово) и Латинской Америке (Колумбия, Чьяпас в Мексике); до недавнего времени он имел место и в Океании (Новая Каледония, Бугенвиль), однако наибольшее развитие он получил в странах Африки и Азии. «Чёрный континент» пестрит десятками «горячих точек», имеющих, помимо прочего, сецессионистский генезис: среди них — Южный Судан, Северный Кот-д'Ивуар, вся территория Сомали, Казаманс в Сенегале, Кабинда в Анголе; ранее здесь же можно было бы упомянуть нигерийскую Биафру, конголезские Катангу и Южное Касаи, Северный Чад, юго-восток Сьерра-Леоне, Эритрею. В Азии сформировались три больших «котла» сецессионизма — восточноиндийский, мьянманский и афганский, а за их пределами есть ещё Кашмир и Тамил Илам, Минданао и Курдистан, Восточный Туркестан и Закавказье. Словом, сложно найти какое-либо другое политическое явление, столь же отчётливо угрожающее в настоящее время мировой безопасности.

Тем страннее выглядит отсутствие сколько-нибудь заметного внимания к дестабилизирующему потенциалу сецессионизма со стороны политологов-теоретиков. Его разрушительное влияние на политическую, социальную, экономическую, физическую безопасность либо игнорируется как незначительное, либо принимается как неизбежная плата за обладание теми или иными безусловно значимыми благами. Некоторые исследователи даже воспринимают сецессию не как вызов безопасности, а, напротив, как способ её обеспечения. С таких позиций уже борьба с сецессионизмом может быть расценена как угроза, к примеру, этно-культурной безопасности, предполагающей возможность свободно реализовывать право на самоопределение вплоть до создания нового этнонационального государства. Из-за подобной взаимонаправленности векторов двусторонней связи «сецессия — безопасность» исследователю проще не заострять внимание ни на одном из них, что ведёт в итоге к слабой изученности структуры взаимодействия данных явлений.

Сецессия и безопасность в современной политологической литературе

Рассмотрим сложившуюся ситуацию подробнее. Сецессия и безопасность, как абстрактные обобщённые категории занимают в современных политологических работах практически автономные концептуальные ниши и редко сопоставляются. Большинство исследователей феномена сецессии видят в ней осмысленное действие, совершаемое тем или иным политическим актором и оцениваемое в первую очередь с точки зрения его легитимности и моральной оправданности, и лишь затем — с позиции возможного воздействия на политическую действительность. Основное внимание уделяется тому, *кто*, *как* и *почему* отделяется, а не тому, *к чему приведёт* отделение. Появляются концептуализации *права на сецессию*, либо вообще отрицающие негативный эффект феномена, либо ограничивающие область его проявления «неправовыми» формами отделения[2]. В редких случаях деструктивный потенциал неконтролируемого сецессионизма приводится в качестве одного из объяснений потребности в такого рода теориях[3].

Попытка подойти к вопросу с другой стороны приводит к схожим результатам: среди выделяемых актуальных угроз безопасности — личной ли, национальной, международной или общей — сецессии

[1] Статья выполнена при поддержке РФФИ, грант № 10–06–00198.

[2] См.: Beran H. A Democratic Theory of Political Self-Determination for a New World Order // Theories of secession / Ed. by P. B. Lehning. London —New York, 1998, с. 33–60; Wellman C. H. A Defense of Secession and Political Self-Determination // Philosophy and Public Affairs, Spring, 1995. Vol. 24, NO. 2. с. 142–171; Rothbard M. N. Nations By Consent: Decomposing the Nation-State // Secession, State & Liberty / Ed. by D. Gordon. New Brunswick, (NJ), 1998, с. 79–88.

[3] См. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М., 2001. Доступно на: http://www.sakharov-center.ru/sec/, последнее посещение 07.09.2011.

и сецессионизму места обычно не находится. Заключение российского антрополога В.А. Тишкова о том, что «сепаратизм[4] несёт разрушения и культурную деградацию больших и малых народов Земли, во имя которых, казалось бы, и осуществляется новое миронавязывание»[5], или утверждение российского географа Д.В. Зайца, гласящее, что «сепаратизм стал в современном мире поистине планетарной, глобальной проблемой, непосредственно затрагивающей десятки стран и оказывающей влияние на ещё более широкий круг элементов современной "Великой шахматной доски…"»[6] выглядят редкими исключениями.

В то же время понятия «сецессионизм» и «безопасность» прекрасно сосуществуют в публицистической и научно-публицистической литературе, где используются применительно к конкретным движениям и ситуациям, и в высказываниях практических политиков. Вызовы национальной и личной безопасности со стороны чеченских или тамильских боевиков, баскских или сикхских террористов, даже мирных квебекских или шотландских сепаратистов ощущаются гораздо явственнее умозрительной угрозы, исходящей от обобщённого «сецессионистского движения» как феномена в целом. Особенно богатый материал составляет написанное и сказанное в 1990 гг. и несколько позже. Приведём только три суждения. В 1992 г. политико-географ Л.В. Смирнягин прямо утверждал, что «возможный распад России угрожает бедствиями любому из ее регионов и каждому россиянину»[7]. Спустя десятилетие политолог Э.А. Паин констатировал: «…Уровень этнического сепаратизма как единственной реальной угрозы для целостности России в первые годы ее существования был выше, чем сейчас»[8]. А министр иностранных дел РФ И.И. Иванов подчёркивал в 2001 г., что главная угроза безопасности и стабильности на Балканах «исходит от сепаратизма, от сил, заинтересованных в переделе границ и зон влияния»[9]. Всё это резко контрастирует с равнодушием, сквозящим в работах Гарри Берана, Мюррея Ротбарда или Роберта Макги, в отношении возможных негативных последствий реализации предлагаемых ими концепций права на одностороннюю сецессию[10].

Такое несоответствие частично объясняется тем, что сецессионизм, вследствие своей полицентричности, неудобен для позиционирования в качестве глобальной угрозы мировой безопасности, на которой в основном сфокусированы теоретические исследования в данной области. Он представляет собой собирательное понятие, лишённое концептуального единства. Сколь агрессивно и влиятельно ни было бы то или иное сецессионистское движение, создаваемая им угроза всегда локализуется в пределах более или менее ограниченной территории, и хотя суммарная площадь таких «зон» покрывает солидную часть планеты, отсутствие общего функционального или идеологического базиса не позволяет рассматривать сецессионизм как целостный источник угрозы. Он плохо подходит как для роли «врага-актора» (как СССР, Гитлер или «Аль-Каида»), так и для роли «врага-идеологии» (как коммунизм, фашизм или исламизм).

Подобным образом воспринимается не только сецессионизм, но и другие концепты, строящиеся по принципу сходства внешних признаков концептуализируемых явлений. Так, терроризм не позиционировался как угроза мировой безопасности, пока был представлен тысячами автономных организаций, разбросанных по всей планете и преследовавших локальные цели, в том числе и сецессионистские (вспомним тех же басков, курдов или сикхов), но стал восприниматься таковым с развитием идеологически и частью организационно единого, не ограниченного какими-либо пространственными рамками исламистского «направления»[11]. Аналогичным образом угрозой номер один представляются именно «мировые войны», но не мировое же распространение региональных войн.

Влияние природы понятия на восприятие обозначаемого им феномена хорошо просматривается при сравнении сецессионизма и *национализма*. Под последним здесь понимается политический принцип, «суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»[12], при этом нация воспринимается как нечто естественное, первичное по отношению к государс-

[4] Использование термина «сепаратизм» в качестве синонима сецессионизма характерно для русскоязычной литературы.

[5] Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003, с. 361.

[6] Заяц Д.В. Географические типы сепаратизма // Проблемы геоконфликтологии. В 2 т. М., 2004. Т. 1, с. 36.

[7] Смирнягин Л.В. Федерализм плюс земство // Московские новости, 1992. № 7.

[8] Паин Э.А. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность // Космополис, 2003, № 1 (3). Доступно на: http://cosmopolis.mgimo.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=139, последнее посещение 07.09.2011.

[9] Россия считает сепаратизм главной угрозой безопасности и стабильности на Балканах и выступает за проведение международной конференции по балканской проблематике // РИА «Новости», 12.04.2001. Доступно на: http://ria.ru/politics/20011204/28536.html, последнее посещение 07.09.2011.

[10] См.: Beran H. Op. cit.; Rothbard M.N. Op. cit.; McGee R.W. Secession Reconsidered // Journal of Libertarian Studies, Fall 1994. Vol. 11, No. 1. c. 11–33.

[11] См.: к примеру, Buzan B. The «War on Terrorism» as the new «macro-securitisation»? Paper for Oslo Workshop, 2–4 February 2006. Доступно на: http://rrii.150m.com/t08/Barry%20Buzan%20-%20The%20War%20on%20Terrorism%20as%20the%20new%20macro-securitisation.pdf, последнее посещение 07.09.2011.

[12] Формулировка принадлежит британскому философу Эрнсту Геллнеру. Отметим, что она очевидно коррелирует с определением принципа национального государства, ранее предложенным Карлом Поппером («политическое требование, согласно которому территория каждого государства должна совпадать с территорией, населённой одной нацией»). Ср.: Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991, с. 23; Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2, с. 63.

тву. В настоящее время на данный принцип в той или иной форме опирается абсолютное большинство сецессионистских движений. Хотя сфера его приложения заметно шире предоставления сецессионизму необходимой идеологической базы, между двумя концептами сложилось своего рода тесное «сотрудничество»: сецессионизм можно рассматривать как форму выражения национализма, а национализм — как инструмент моральной легитимизации сецессионизма.

При этом чётко выраженный концептуальный характер понятия «национализм» помогает увидеть в нём деструктивное начало. В отличие от сецессионизма, национализм гораздо чаще позиционируется как угроза мировой стабильности. Приведём в качестве примера три высказывания. Британский историк Джон Актон: «Нет принципа преобразования общества, нет мыслимой схемы политического умопостижения более всепоглощающих, более разрушительных и произвольных, чем исходящие из начала национального…»[13]. Его соотечественник Бертран Рассел: «…Национализм, не говоря уже о напряженности и угрозе войны между Востоком и Западом, — это величайшая опасность, с которой человек столкнулся в наше время»[14]. Известный индийский антрополог Партха Чаттерджи: «Наряду с наркотиками, терроризмом и нелегальной иммиграцией, национализм — это ещё один продукт "третьего мира", который Запад не одобряет, но не может поставить ему заслон»[15]. Нет проблем и с образными сравнениями: Карл Поппер характеризует национализм как бунт против разума, историк Эли Кедури — как опасную нелепость, а его коллега Хью Сетон-Уотсон вспоминает известное сравнение национализма с раковой опухолью[16].

Через категории национального нередко осуществляется и противоположная связь между сецессией и безопасностью. В роли «моста» выступает групповая национальная идентичность; она воспринимается как безусловная ценность, обеспечить которую можно только в условиях государственного суверенитета, что и требует сецессии. Препятствование же сецессии интерпретируется как угроза социокультурному существованию индивидуумов[17]. В этой системе координат и «самое естественное государство» Иоганна Гердера, «в котором живёт один народ, с одним присущим ему национальным характером»[18], и нация как «повседневный плебисцит» у Эрнеста Ренана[19], и она же как «воображаемое сообщество» у Бенедикта Андерсона[20], и геллнеровская концепция национализма[21] — всё это может быть с успехом редуцировано, сведено к элементарной безопасности идентичности.

Схожим образом просматривается «след» национализма-сецессионизма и в различных концепциях безопасности. Британский политолог Барри Бузан упоминает в ряду фундаментальных ценностей «независимость, самоопределение и культурную идентичность»[22] и пишет про «социетальную безопасность», противостоящую угрозам групповой идентичности и культуре[23]. Еще четче эту связь обозначает его датский коллега Оле Вёвер, рассматривающий «социетальную безопасность» в первую очередь как безопасность нации, а затем уже как безопасность прочих идентичностных групп (расовых, религиозных, гендерных)[24]. Говорить о лексическом единстве здесь не приходится, однако общий посыл часто легко выводится из контекста работ.

Основные подходы к исследованию сецессионизма и безопасности

Для дальнейшего анализа связей между сецессионизмом и безопасностью необходимо более подробно рассмотреть содержание каждого из понятий.

Сецессию можно охарактеризовать как юридически оформленный выход части территории государс-

---

[13] Актон Дж. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм/Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., Праксис, 2002, с. 51.

[14] Рассел Б. Национализм. Интервью, 1959 // Библиотека Якова Кротова. Доступно на: http://www.krotov.info/lib_sec/17_r/ras/rass_16.htm#3, последнее посещение 07.09.2011.

[15] Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает? // Нации и национализм, с. 284.

[16] См.: Поппер К. Р. Указ. соч., с. 61; Урбан Дж., Кедури Э. Национализм и равновесие сил. // Проблемы Восточной Европы, 1994. № 41–42, с. 205; Сетон-Уотсон Х., Урбан Дж. Национализм и его аспекты // Там же, с. 8. Отметим, что Сетон-Уотсон критикует это сравнение, указывая, что национальное сознание становится опасным лишь тогда, когда де-факто подменяет религию.

[17] В. А. Тишков, в частности, называет в числе аргументов, обычно приводимых в оправдание программы «национального самоопределения», «стремление сохранить и развивать целостность и отличительность малых культур, которые разрушаются доминирующей культурой». См.: Тишков В. А. Указ. соч., с . 344.

[18] Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977, с. 250.

[19] Ренан Э. Что такое нация? // Э. Ренан. Собрание сочинений в 12 т. Киев, 1902. Т. 6, с. 102.

[20] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001, с. 29–32.

[21] Геллнер Э. Указ. соч.

[22] Buzan B. Peace, Power, and Security: Contending Concepts in the Study of International Relations // Journal of Peace Research, 1984. Vol. 21, NO. 2, c. 116.

[23] См.: Buzan B. New Patterns of Global Security in the Twenty-First Century // International Affairs, 1991. Vol. 67, No. 3. c. 467.

[24] Вёвер пишет о парадоксе существующего терминологического аппарата: субъектом «национальной безопасности» выступают государства, а не внегосударственные «нации»; при этом дать сколько-нибудь внятное определение нации он не считает необходимым. См.: Wæver O. The Changing Agenda of Societal Security // Globalization and Environmental Challenges. Reconceptualizing Security in the 21st Century. Ed. by H. G. Brauch e. a./Hexagon Series on Human and Environmental Security and Peace. Vol. 3. Berlin e. a., 2008, c. 581–582.

тва из его состава под действием внутренних сил. Соответственно, сецессионизм есть политическое движение, направленное на осуществление сецессии. Жёсткая увязка с дроблением политического пространства отличает сецессионизм от *сепаратизма*, тоже направленного на обособление части территории государства, которое может, однако, осуществляться как посредством сецессии, так и через повышение степени самостоятельности этой территории при неизменности государственных границ.

Кроме того, существует понятие *фактической сецессии*, обозначающее вычленение территории из политического пространства суверенного государства и её переход под контроль неправительственных групп, т. е. характеризующее процессы фактического дробления политического пространства изнутри его самого. Хотя природа понятий юридической[25] и фактической сецессии принципиально различна и смешивать их не следует, анализ существующих движений, направленных на осуществление юридической сецессии, и движений, приводящих к сецессии фактической, демонстрирует чрезвычайную близость инспирируемых ими процессов. Наиболее показателен здесь пример Китайской Республики (Тайвань): она образовалась в ходе фактической сецессии, осуществлённой Гоминьданом, который принципиально не преследовал цели юридического отделения, дабы не подорвать легитимность своих притязаний на верховенство над всем Китаем.

Таким образом, сецессионизм — это: а) политическое движение, целью которого является юридически оформленный выход части территории государства из его состава с последующим образованием нового независимого государства или присоединением к государству уже существующему; б) любое политическое движение, одним из результатов которого становится фактическая сецессия. Подчеркнём, что юридическая и фактическая сецессии выступают здесь не как два основания для формирования двух независимых типов сецессионистского движения, а как два самостоятельных признака, позволяющих выделить такие движения. «Целевой» характер сецессионизма не исключает «фактического» и наоборот.

Что касается понятия безопасности, то в первую очередь необходимо подчеркнуть, что она представляет собой относительную категорию, использование которой требует указания, как минимум, на две составляющие концепта: на субъекта безопасности и на область её проявления. Рассуждение о воздействии того или иного явления или процесса на безопасность как таковую корректно лишь в том случае, если под безопасностью понимается условная сумма всех категорий и видов безопасностей. Центральный элемент концепта безопасности — её субъект. В этой роли может выступать отдельный человек — и тогда целесообразно говорить об индивидуальной или личной безопасности. Под субъектом может подразумеваться группа индивидуумов — и это будет безопасность групповая. С выходом на первый план в качестве субъекта государства заходит речь о национальной безопасности, системы государств — о безопасности международной, мира в целом — о глобальной или мировой. Если же безопасность рассматривается как полисубъектная категория, объединяющая все описанные выше субъектные типы, — такую безопасность именуют «расширенной» (extended) или «общей»[26].

Не менее важна и область проявления безопасности, характеризующая определённую сторону субъекта, которая подвергается угрозе. Области проявления безопасности бесчисленны — корректно говорить не только о физической, экономической или культурной, но и о продовольственной, энергетической, санитарно-гигиенической, образовательной и т. д. безопасности[27]. Тем не менее, можно выделить некоторое количество наиболее распространенных форм. Среди них — физическое существование как таковое (физическая безопасность), существование в качестве субъекта экономических, социальных, политических, культурных отношений (экономическая, социальная, политическая и культурная безопасность соответственно), наконец, удовлетворённость характером собственного существования в самом широком смысле (безопасность достоинства).

Разумеется, между субъектом безопасности и областью её проявления существует тесная связь. Очевидно, что, к примеру, для государства и системы государств, иначе говоря, на национальном и международном уровне, не имеет смысла разделять физическую и политическую безопасность, а безопасность достоинства как общая проекция всех прочих видов безопасности на восприятие индивидуума существует только на личном уровне. Среди множества подходов, по-разному расставляющих субъектные типы и формы проявления безопасности в зависимости от степени важности, выделяются три концепции.

Прежде всего, это концепция *национальной безопасности*, субъектами которой выступают отдельные государства и их системы, а область проявления охватывает все возможные стороны при доминировании политической составляющей. Национальная безопасность — это в первую очередь безопасность существующей системы политических взаимоотношений между отдельными государствами и между государством и его гражданами. Подчёркнутая государствоцентричность национальной безопасности вкупе с чрезвычайной распространённостью данного подхода на практическом уровне,

---

[25] Под «сецессией» в тексте понимается именно юридическая сецессия; специально указывать на её характер целесообразно только при противопоставлении фактической сецессии.

[26] См.: Rothschild E. What is Security? // Daedalus, Summer 1995. Vol. 124, NO. 3, c. 55–56.

[27] Здесь и далее ср.: Миграция и безопасность в России/Московский Центр Карнеги. М., 2000, с. 19–27.

а также — что особенно важно — конъюнктурный характер многих таких концепций, де-факто легитимирующих определённого рода вооружённые конфликты и нарушение прав человека, стала причиной формирования альтернативных подходов, построенных на смещении акцентов с государства на иных субъектов.

Одной из таких концепций является концепция *общей безопасности*. Явным образом она не замкнута на каком-либо конкретном субъектном типе, предполагает равенство интересов человека, государства, общества и планеты. Однако ярко выраженная в ней критика концепций национальной безопасности вольно или невольно обуславливает, несмотря на специальное декларирование полисубъектности, определенный акцент на безопасности отдельного человека и группы. Но именно на уровне человека и группы сильнее и ярче всего проявляется ключевая роль такой формы её проявления безопасности, как безопасность достоинства. Фактически речь здесь идёт о совокупности присущих индивидууму и разделяемых им с «ближней» группой ценностей, обладание которыми воспринимается как безусловное благо и неотчуждаемое право. В итоге получается, что, независимо от личных устремлений создателей и сторонников концепции общей безопасности, акцент на личности и группе позволяет легитимировать в категориях безопасности любую теорию права на сецессию. В частности, среди целей, оправдывающих, по Бьюкенену, одностороннюю сецессию, можно обнаружить защиту от геноцида (физическая безопасность), сохранение культуры (культурная безопасность), ликвидацию экономической и политической дискриминации (экономическая и политическая безопасность)[28].

Альтернативу господствующим взглядам составляет и уже упоминавшаяся концепция *социетальной безопасности*. В отличие от национальной и общей безопасности, социетальная безопасность целиком сфокусирована на одной стороне одного субъекта: в центре концепции находится образ неких идентичностных общностей разного масштаба, существование которых может подвергаться угрозе и должно быть защищено от любых посягательств. Группообразующая идентичность часто имеет лингвистическую, кровнородственную, конфессиональную, абстрактно-культурную, гендерную основу, что сближает социетальную безопасность с этнической, конфессиональной или культурной. Грань здесь очень узка, однако можно выделить два более или менее явных различия. Во — первых, идентичностные группы нередко обладают комплексным генезисом, что не позволяет однозначно охарактеризовать их как «конфессиональные», «языковые» или, к примеру, «территориальные» общности (вспомним буров, квебекцев, южан США, приднестровцев, кабиндийцев, южносуданцев и т. п.). Во-вторых, акцент в любой концепции социетальной безопасности делается на угрозе идентичности, т. е. опасность для группы исходит изнутри, со стороны размываемого/разрушаемого идентичностного базиса. Так, упоминавшийся Вёвер охарактеризовал социетальную безопасность именно как «защиту группы от угрозы потери идентичности»[29]. Оправдывающие сецессию теории в большинстве своём лежат как раз в этом русле[30].

Возможное влияние сецессионизма на различные виды безопасности

Теперь можно обратиться к анализу связей между сецессионизмом и безопасностью. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что существенная часть разрушительного потенциала сецессионизма заключается в форме, которую сецессионистское движение зачастую принимает. Как целевой, так и фактический сецессионизм представлен широким спектром акторов — от политических партий и общественных организаций, не прибегающих к использованию вооружённых методов борьбы, до террористических группировок и повстанческих отрядов. Противостояние властям материнского государства может не выходить за пределы политических баталий, а может иметь форму крупного военного конфликта, сопровождаться массовыми жертвами и разрушениями, вызывать тяжёлые экономические, социальные, экологические последствия[31]. Отказывать вооружённому сецессионизму в деструктивном воздействии на безопасность любого масштаба и формы проявления абсурдно — это равносильно отказу в том же терроризму, гражданским войнам или массовым волнениям.

Из этого можно сделать вывод, что угрозу безопасности создаёт не столько сама юридическая или фактическая сецессия, сколько сопутствующая её достижению/осуществлению террористическая, партизанская или военная деятельность. Этот тезис

[28] Бьюкенен А. Указ. соч.

[29] Wæver O. Op. cit., c. 581

[30] Существенно отличающаяся интерпретация концепции социетальной безопасности как безопасности одноуровневых по развитию больших культурных сообществ предложена в работе: Миграция и безопасность в России…, с. 31–34.

[31] В отношении целевого сецессионизма это не вызывает сомнений — известны примеры как военизированных, так и вполне цивилизованных движений такого рода: от Страны Басков и Сомалиленда до Курдистана и Южной Осетии; от Фландрии и Шотландии до Республики Рюкю и сегодняшнего Тибета. Применительно к фактической сецессии это уже не столь очевидно. Примеров силового вывода территории из-под управления центра новейшая политическая история знает предостаточно — только в одной Азии это и Северный Кипр, и Тамил Илам, и Тайвань, и Кашмир, и все три закавказских квазигосударства, и многочисленные мьянманские и афганские наркоанклавы и т. п., тогда как мирное вычленение региона — редкость. В этом контексте можно вспомнить лишь Аджарию времён Аслана Абашидзе да малоизученные труднодоступные территории в Амазонии и Тропической Африке, выпадающие из ткани материнских государств, так сказать, без специальных усилий.

делит сецессионизм на «военный», угрожающий безопасности в различных её формах, и «мирный», такой угрозы не несущий. Вместе с тем существование «безопасного» сецессионизма вызывает сомнение. Формируют ли юридическая и фактическая сецессии угрозу для каких-либо категорий безопасности сами по себе, вне контекста принимаемой ими формы противостояния? Ответ на этот вопрос следует искать отдельно для фактической и юридической сецессии. Начнём с первой.

Фактическая сецессия и безопасность. Фактическая сецессия означает разрыв поля власти государства, его неспособность в полной мере функционировать на всей своей территории, т. е. подрывает основу существования государства как самостоятельного политико-географического субъекта, чем представляет более чем серьёзную угрозу национальной и международной безопасности. В то же время, хотя угрозе фактической сецессии так или иначе подвержено большинство государств мира, степень оказываемого ею деструктивного воздействия существенно разнится от государства к государству: вряд ли целесообразно одинаково оценивать разрушительное влияние, которое оказывают на внутриполитическую ситуацию неконтролируемые центром трущобные пригороды Рио — де — Жанейро, Сан-Паулу и Карачи, «цветные гетто» в городах США и ЮАР, с одной стороны, и многочисленные «ленды» на территории «рухнувшего» Сомали — с другой. Более того, фактическая сецессия, как это ни парадоксально, может оказывать и благотворное влияние на экономическую и социальную ситуацию в государстве — как это происходит в Дании с привлекающим туристов Свободным городом Христиания[32], или в Мьянме с «договорными» наркоанклавами по периферии страны.

Влияние фактической сецессии на индивидуальную безопасность менее выражено. Оно может быть позитивным, если инспирирующие её негосударственные акторы способны обеспечивать более высокий уровень безопасности, чем официальные власти государства, как происходит в Сомалиленде или в отдельных управляемых местными лидерами кварталах Кингстона на Ямайке. Оно может быть и негативным, если фактическая сецессия сопутствует реализации конкретных интересов узкой группы, как это имело место в восточных районах Сьерра-Леоне в 1990 гг., происходит в Колумбии и Мьянме. Необходимость оценивать воздействие внешних факторов через призму безопасности достоинства ещё более затрудняет задачу. Более подробно такого рода аспекты будут рассмотрены дальше при разборе деструктивного потенциала юридической сецессии.

В любом случае необходимо отметить, что помимо прямого воздействия на личную безопасность местных жителей и национальную безопасность материнского государства, выводимые из-под управления центра территории несут в себе значительную угрозу безопасности других государств и индивидуумов и всего миропорядка в целом. В результате фактической сецессии образуются новые поля власти, области правового вакуума, представляющие ценный ресурс для разного рода маргинальных элементов. На карте мира появляются многообразные «неконтролируемые территории», «серые зоны», «пиратские республики», «квазигосударства», «государства де-факто», используемые антиправительственными группами не только в качестве плацдарма для подготовки локальных вооружённых операций, но и для организации незаконной торговли оружием, создания тренировочных лагерей и укреплённых баз террористов, укрытия международных преступников. В таких регионах часто процветает наркобизнес — причём как в форме производства наркосырья (бирманский сектор «Золотого Треугольника», периферийные районы Афганистана, глубинные территории Колумбии), так и в виде наркотрафика. Новый всплеск пиратства в XXI в. — прямое следствие коллапса Сомали и появления повстанческого государства Пунтленд, служащего пиратам «тихой гаванью».

О подобных угрозах безопасности всех уровней — от личного до глобального — написано едва ли не больше, чем о дестабилизирующем влиянии юридической сецессии. Выпадающие территории и материнские по отношению к ним «слабые» и «неудавшиеся» государства выступают в качестве общепризнанного источника (вместилища источников) угрозы глобальной безопасности[33]. Так, президент Фонда за мир Паулин Бейкер начинает свою статью со слов: «Слабые и неудавшиеся государства представляют собой сегодня одну из наиболее серьёзных угроз для международной безопасности»[34]. А американский политолог Стюарт Патрик свою — фразой: «Общеизвестно, что основная угроза безопасности

---

[32] Один из классических примеров «игровой сецессии» — создание в пределах квартала Христиансхавн в Копенгагене крошечного «самоуправляемого» квазигосударства, де-факто лежащего вне правового поля Дании. Внутри квартала запрещено применение насилия, ношение огнестрельного оружия и употребление/распространение тяжёлых наркотиков, зато легализованы лёгкие наркотики.

[33] Даже выборочного перечня названий таких работ достаточно для понимания масштабов явления. См.: Lamb R.D. Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens. Final Report of the Ungoverned Areas Project, prepared for the Office of the Under Secretary of Defense for Policy, 2008 // Center for International and Security Studies at Maryland. Доступно на: http://www.cissm.umd.edu/papers/files/ugash_report_final.pdf, последнее посещение 07.09.2011; Rabasa A. et al. Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2007; Patrick S. Weak States and Global Threats: Fact or Fiction? // The Washington Quarterly, Spring 2006. Vol. 29, No. 2. P. 27–53; Baker P.H. Fixing Failing States: The New Security Agenda // The Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations, Winter/Spring 2007. Vol. VIII, No. 1, с. 85–96; Пискунова Н.И. Распад государства: локальный феномен или глобальная угроза? (К вопросу о кризисе в Сомали 1990–2008) // Космополис, 2008. № 3 (22), с. 79–86.

[34] Baker P.H. Op. cit., с. 85.

США и мира исходит не со стороны враждебных держав, а изнутри наиболее слабых в политическом отношении государств мира»[35]. Привлекали бы к себе столь высокое внимание горные районы Пакистана или сомалийский Пунтленд, не будь они возможным укрытием Усамы бен Ладена и центром возрождённого пиратства соответственно?

Юридическая сецессия и безопасность. Юридическая сецессия, в отличие от фактической, по определению лежит в правовом поле, что, разумеется, вовсе не означает правового характера любой деятельности, направленной на её достижение. Юридическая сецессия есть производная от официального международного признания, от действующих в мире конвенциональных норм международного права, в соответствии с которыми определяется государственная принадлежность и правосубъектность спорной территории. Таким образом, юридическая сецессия — и направленный на неё «целевой» сецессионизм в чистом виде — с формальной точки зрения не должны представлять угрозы для международной политической безопасности. Тем не менее, это не совсем так. Дестабилизирующий потенциал юридической сецессии связан в первую очередь с её прецедентностью. Даже если отделение абсолютно конституционально, т. е. осуществлено в строгом соответствии с конституционными нормами и не имеет признанных аналогов, психологический эффект от успешного размежевания всё равно способствует интенсификации сецессионистских процессов в соседних государствах, во всём регионе, а если учесть сегодняшний уровень развития средств связи и массовой коммуникации, то и во всём мире.

Существует и другой важный аргумент. Нормы международного права сейчас таковы, что односторонняя юридическая сецессия стала практически невозможной. В XXI в. в её результате появилось лишь три государства — Черногория, Южный Судан и (с оговорками) Восточный Тимор. Отсутствие в современной политической практике работающих механизмов разграничения «легитимной» и «нелегитимной» — неконституциональной — сецессии не случайно: таких механизмов, способных выдержать критику, не разработано и в теории. Внедрение любого из их вариантов, относись он к теории естественных границ, концепции исторической справедливости или к либертарианской теории неограниченного права на сецессию, приведёт к бесконечному и неконтролируемому потоку отделений. Иными словами, юридическая сецессия может рассматриваться как источник угрозы безопасности и на глобальном миророполитическом уровне.

Тем более бесспорно негативное влияние сецессии на национальную безопасность. Завершённая юридическая сецессия наносит прямой ущерб одной из главных «ценностей» государства — его территориальной целостности. В системе координат национальной безопасности движение, нацеленное на юридическое отделение части территории государства, представляет собой явную и безусловную угрозу, гораздо более значимую, чем фактическое дробление политического пространства. Фактическая сецессия является априори неправовой, менее объективной и обратима, её осуществление может быть оправдано временной слабостью государства. Юридическая сецессия, напротив, однозначна и в краткосрочной перспективе необратима. Если влияние фактической сецессии испытывают на себе практически все государства, то юридическая сецессия сейчас — явление «штучное». Угроза национальной безопасности, исходящая от фактической сецессии, зависит от степени нелегитимного контроля, продолжительности периода неподконтрольности и размеров территории, тогда как применительно к юридической сецессии все это не имеет определяющего значения: важен сам факт юридически оформленного отделения.

Из данных рассуждений следует единственный вывод: сецессионизм как явление, объединяющее в себе движения, нацеленные на юридическую сецессию, и движения, деятельность которых приводит к сецессии фактической, представляет собой одну из ключевых угроз современной национальной безопасности и занимает важное место в ряду угроз мировой безопасности.

Соотношение юридической сецессии и личной/общей/социетальной безопасности установить значительно сложнее, как сложно определить вклад того или иного фактора в любую систему ценностей. Сколь бы точны ни были оценки изменения, скажем, экономического или социального положения жителя какой-либо отделившейся территории, они не будут иметь смысла, пока не будет ясно, какое место занимает экономическое и социальное положение в иерархии ценностей этого жителя. Отсутствие ограничений на условно допустимые ценности создаёт немало трудностей. Например, можно ли рассматривать предполагаемый замысел отмены рабства в США в середине XIX в. как создававший угрозу безопасности жителей южных штатов и потому оправдывающий попытку сецессии Юга?[36] В такого рода ситуациях велик соблазн найти опору в категориях морали, кажущаяся объективность которых создаёт иллюзию надёжной «отправной

---

[35] Patrick S. Op. cit., c. 27.

[36] Подтверждение роли института рабовладения в становлении и развитии «цивилизации южан» легко найти в местной прессе того периода, а также в соответствующих декларациях о сецессии. Вот, к примеру, выдержка из «Чарлстон меркьюри»: «Погубить Юг, освободив его рабов, не то же самое, что погубить какой-либо другой народ… Это будет потерей свободы, собственности, дома, родины — всего, что придаёт ценность жизни». Цит. по: Алентьева Т. В. Роль общественного мнения в канун Гражданской войны в США // Новая и новейшая история, 2005, № 4. Доступно на: http://america-xix.org.ru/library/alentieva-antebellum/, последнее посещение 07.09.2011.

точки» для рассуждений. Но разве сами эти категории не менее субъективны (хотя, возможно, и более инерционны), чем любые ценности?

Целесообразнее в данном случае подойти к вопросу с другой стороны — со стороны права. Ведь за каждым целевым сецессионистским движением стоит некая правовая конструкция, подтверждающая наличие у сецессионистов права на одностороннее отделение, любое противодействие которому расценивается как угроза их личной или групповой безопасности. Рассмотрим вкратце основные из них.

Прежде всего, это концепция *неограниченного права*. В основе её лежит либертарианский тезис о свободе выбора государственной принадлежности любыми индивидуумами, объединяющимися в группы на основе общего согласия по данному вопросу[37]. Их желание воспользоваться такой свободой является необходимым и достаточным условием правомерности отделения. Безопасность здесь — это личная безопасность выбора. При всей внешней привлекательности данный подход едва ли осуществим на практике из-за отсутствия ограничений по минимальному размеру группы-правообладателя[38]. Выход предлагается на пути определения исходной сетки территориальных единиц, могущих служить объектами сецессии. Но таким образом изменяется сама суть права на сецессию: правообладателями становятся уже не группы свободно объединившихся единомышленников, а группы населения, проживающие в границах какой-то выделенной территории. При таком подходе субъект права является производным от объекта. Такое право может реализоваться посредством референдума, и соответствующую теорию называют *плебисцитарной*[39]. Легко видеть, что плебисцитарная теория, ставящая право группы над правом индивидуума, не согласуется с основополагающими либертарианскими принципами. Если даже в группе из 100 человек 70 высказались за сецессию, как быть со свободой (и безопасностью!) оставшихся тридцати, которым придётся подчиниться диктату большинства? Кроме того, неясна процедура определения территориальных рамок референдума.

Интересная попытка обойти угрозу атомизации сецессионизма в рамках плебисцитарной теории представлена в работах Гарри Берана и Кристофера Уэллмана. Они обосновывают право на сецессию для выделяемых групп эмпирически доказываемой способностью этих групп формировать полноценные государства[40]. Данное ограничение призвано свести к минимуму негативные последствия отделения. Но работает оно лишь отчасти, потому что с ним власти материнских государств получают мотивацию сдерживать экономическое развитие «проблемных» регионов и препятствовать становлению в них автономных политических институтов, что не может не сказаться на росте политической напряжённости в стране. Логически эти идеи продолжают концепции так называемого права победы, в рамках которых претензии группы на суверенитет над территорией признаются легитимными, если группа *на деле* демонстрирует свою состоятельность как суверена, т. е. способна удерживать фактический контроль над территорией и формировать внутри неё новое пространство власти[41]. Создаваемая таким образом угроза личной, национальной и международной безопасности значительно более внушительна, чем столь значимая для либерального сознания изначальная угроза безопасности выбора.

В рамках другой теории правом на сецессию наделяются только так называемые *аскриптивные группы*, сформированные по принципу предполагаемой общности качественных признаков (язык, раса, вероисповедание и т. п.). Это право базируется на необходимости защиты соответствующей групповой идентичности от любых угроз. Таким образом, речь в данном случае идёт о социетальной безопасности, поскольку создание национального государства мыслится как необходимое условие для сохранения идентичности и группы в целом. В отличие от плебисцитарной теории, субъект права здесь первичен по отношению к объекту, но механизм соподчинения остаётся неясным. Взятый в качестве такого механизма принцип проживания далеко не идеален: независимо от выбранного государствообразующего признака его носители делят территорию с представителями другой общности, и последовательная реализация принципа приведёт к образованию нежизнеспособных «рассеянных» государств. В стремлении избежать этого сецессионисты идут на подмену принципов и распространяют претензии на бóльшие территории, захватывая области проживания других групп. Субъект права де-факто становится производным от объекта, внутригрупповое голосование как механизм реализации права замещается территориально детерминированным плебисцитом со всеми вытекающими проблемами. Кроме того, невозможность аргументировать выбор того или иного набора качеств обуславливает равнозначность концепций в глазах населения, а отсутствие ограничений на минимальный размер группы-правообладателя при выраженной иерархичности признаков грозит бесконечной атомизацией сецессии. Словом, в этой системе ценностей стремление устранить угрозу социетальной бе-

[37] См.: Rothbard M. N. Op. cit.; Мизес Л. Либерализм в классической традиции. М., 1994; McGee R. W. Op. cit.; Hoppe H.-H. Nationalism and Secession // Chronicles, Nov. 1993, с. 23–25.

[38] Некоторые авторы не видят в этом непреодолимого препятствия к функционированию мировой политической системы; см.: Rothbard M. N. Op. cit.

[39] См.: Бьюкенен А. Указ. соч.

[40] См.: Beran H. Op. cit., с. 36–42; Wellman C. H. Op. cit., с. 160–164.

[41] См.: Ремизов М., Межуев Б., Карев Р. и др. Признание Приднестровья как гарантия будущего России // Агентство Политических Новостей. Доступно на: http://www.apn.ru/publications/article10560.htm, последнее посещение 07.09.2011.

зопасности одной группы создаёт угрозу социетальной безопасности другой, а также международной безопасности в целом.

Наиболее близко к сращению концепции безопасности и теории права на сецессию подошёл Аллен Бьюкенен. Он отрицает существование первичного права на одностороннюю сецессию, но признаёт моральную оправданность сецессионистских требований в тех случаях, когда отделение является единственным средством восстановления справедливости[42]. Рассматривая разные варианты таких ситуаций, он выстраивает «теорию исправляющего права на сецессию». Его позицию разделяют и другие авторы, например Энтони Бёрч[43].

Бьюкенен отвергает как ультралиберальную безопасность индивидуального выбора, так и эфемерную социетальную безопасность в её националистической интерпретации. В качестве угроз, наличие любой из которых можно считать достаточным условием правомерности сецессионистских притязаний, он называет следующие:

1. Незаконное включение территории группы в состав государства = утрата военной безопасности. Сецессия подаётся здесь как возвращение отнятой собственности и узурпированного права, обеспечение безопасности владения ими. Уязвимость подхода заключена в невозможности выявить «законного владельца» любой территории: история большинства регионов пестрит аннексиями и захватами, а преемственность между его нынешним и прошлым населением часто сомнительна. Не ясен и временной порог, за которым «право владельца» территории утрачивает силу: такое право бесспорно лишь в случае её оккупации в ходе продолжающейся войны.

2. Экономическая дискриминация региональной группы = утрата экономической безопасности или реальная угроза ей. Например, из-за «дискриминационного распределения» — обложения населения региона повышенными, в сравнении с другими регионами, налогами или выделения региону из государственного бюджета относительно меньших средств на его развитие. Весомость этого аргумента обесценивается из-за отсутствия критериев «распределительной справедливости» (если, разумеется, не считать таковым полный отказ от территориально дифференцированного подхода к государственному регулированию экономики).

3. Политическая дискриминация группы = утрата политической безопасности или реальная угроза ей. Например, вследствие ликвидации имевшегося у группы особого (автономного) статуса. Слабость аргумента заключается в том, что под него можно подвести любые государственные реформы, так или иначе ведущие к снижению самостоятельности отдельных регионов или всей их совокупности в целом.

4. Угроза или утрата группой физической безопасности вследствие действий властей государства или других групп, действия которых власти не могут или не желают пресечь. Данный аргумент неотразим в теории, но бесполезен на практике: история знает немного примеров действительного геноцида, причём практически все они касались экстерриториальных групп, дисперсно расселённых по стране (евреи и цыгане в нацистской Германии, тутси в Руанде, с оговорками — армяне в позднеосманской Турции), в отношении которых сецессия не может быть применена.

Из всего вышеизложенного можно сделать два ключевых вывода, характеризующих специфику связей между сецессионизмом и безопасностью. Во-первых, действительно «безопасного» сецессионизма не существует: в какой бы форме ни было представлено сецессионистское движение, оно всё равно создаёт более или менее выраженную угрозу безопасности на любом уровне — от личного до мирового. В меньшей степени это присуще конституциональной сецессии, в большей — неконституциональной (односторонней). Во — вторых, абсолютное большинство концептуальных обоснований права на одностороннюю сецессию оказываются несостоятельными с точки зрения обеспечения безопасности: «легитимированные» ими сецессии создают новые, подчас значительно более существенные угрозы личной и групповой безопасности других индивидуумов и групп, национальной безопасности материнского государства, международной безопасности в целом. Ситуации, когда сецессия является действительно единственным способом устранения реальной угрозы личной и групповой безопасности, крайне редки и существуют скорее в теории, чем на практике. К ним можно отнести реальную угрозу геноцида компактно проживающего меньшинства, оккупацию территории в ходе продолжающейся войны, прямой террор со стороны этноцентристского репрессивного режима и т. п. Полностью игнорировать их нельзя; однако стоит понимать, что любая спекуляция на них, ярким примером которой является, скажем, псевдоконцепция «культурного геноцида»[44], создаёт в конечном счёте куда большую угрозу безопасности, чем их реальные проявления.

* * *

В заключение обратимся к работе упоминавшегося Барри Бузана «Мир, власть и безопасность как конкурирующие концепции при изучении международных отношений»[45]. Как можно догадаться уже из названия, в ней последовательно разбирают-

[42] См.: Бьюкенен А. Указ. соч.; он же. The International Institutional Dimension of Secession // Theories of Secession / Ed. by P. B. Lehning. London — New York, 1998, с. 225–253.

[43] Birch A. H. Nationalism and National Integration. L., 1989.

[44] О сомнительном характере такого рода концепций пишет, в частности, тот же Бьюкенен. См.: Бьюкенен А. Указ. соч.

[45] Buzan B. Peace, Power, and Security: Contending Concepts in the Study of International Relations // Journal of Peace Research, 1984. Vol. 21, NO. 2, с. 109–125.

ся три точки зрения на современную систему международных отношений: с позиции власти, с позиции мира и с позиции безопасности. Интересным представляется рассмотреть положение категории сецессии и категории сецессионизма в рамках каждой из данных концепций.

Концепция власти отражает точку зрения реалистов. Центральным элементом мировой политической системы здесь выступает государство как самостоятельный объект, обладающий собственными интересами, которые в большинстве своём противоречат интересам других государств. Конфликт интересов воспринимается как естественная основа международных отношений. В такой государствоцентричной системе ценностей сецессионизм на первый взгляд выглядит безусловной угрозой миропорядку и подлежит обязательному устранению. Однако заложенный в концепцию примат политических интересов государства над нормами международного права приводит к интересному парадоксу: в рамках данного подхода государство как понятие конвенциональное замещается государством как понятием качественным. Иными словами, принадлежность того или иного политического актора к категории государств определяется не внешним признанием, а характером его деятельности. Любые политико-территориальные государствоподобные образования, способные вести себя на международной арене как суверенные государства, с позиции концепции власти считаются государствами, и сецессия из угрозы национальной безопасности превращается в способ реализации (квази)государственных интересов.

Концепция мира, напротив, близка идеалистам. Она имеет дело в первую очередь с мировой политической системой как целостн ым объектом и естественным состоянием этой системы предполагает гармонию между её элементами-государствами, достигаемую благодаря эффективной организации сложной совокупности навязанных правовых норм и взаимовыгодных договорённостей. С этой точки зрения сецессионизм мыслится как угроза международной безопасности, но как угроза скорее воображаемая, чем действительная, поскольку идеальная система международных отношений устроена таким образом, что у политических акторов просто нет побудительных мотивов к ведению любой дестабилизирующей, в том числе сецессионистской, деятельности. Увы, прочная укоренённость принципа национализма в умах основной массы населения планеты делает эту конструкцию утопической. Националистические и сецессионистские настроения сейчас практически неискоренимы — вопрос в том, как с ними бороться. Однако задача найти соответствующие средства в рамках концепции мира не ставится.

Концепция безопасности предложена Бузаном в качестве альтернативы описанным выше подходам. Она лишена политического цинизма концепции власти и идеализма концепции мира, в её рамках не отрицается ни неустранимость угрозы миропорядку, исходящей от собственных интересов государств, ни возможность строительства гармоничной системы международных отношений. В центре её лежит поиск методов удовлетворения государственных интересов, приносящих наименьший ущерб другим государствам, индивидуумам и планете в целом. Такая точка зрения предполагает дифференцированный подход к оценке воздействия сецессии на безопасность, в сочетании с разнообразными теориями права на отделение. Расширяя круг элементов мировой системы, автор затрагивает вопросы личной и социетальной безопасности, в отношении которых так часто создаётся иллюзия возможности их обеспечения посредством сецессии.

Какая точка зрения на современную систему международных отношений могла бы отвести сецессионизму положенное ему место угрозы безопасности и при этом предложить адекватный механизм противодействия? Вероятно, это должна быть концепция, базирующаяся на непреложности существующих норм международного права, запрещающих сецессию в её неконституциональной форме. Эти нормы должны ставиться выше как партикулярных интересов государств и прочих политических акторов, так и абстрактных требований справедливости — исторической ли, экономической или национальной. Реализм политической практики и идеализм политической теории неустранимы; но они могут быть заключены в жёсткие рамки права. В отношении сецессионизма это достижимо в том случае, если соответствующие правовые нормы будут содержать в себе несецессионистские механизмы борьбы с разнообразными угрозами личной или групповой безопасности, которые могут служить действительными причинами сецессионистской деятельности и/или использоваться для её моральной легитимации. Но даже при неидеальной современной мирополитической системе любые попытки отойти от соблюдения конвенциональных, пусть даже порой искусственных, норм международного права непременно создают новые угрозы личной, групповой, национальной и мировой безопасности.

Г.И. Старченков

Гастарбайтеры как фактор исламизации в США и странах ЕС

Массовое перемещение рабочей силы из мусульманских стран Африки и Азии в США и западноевропейские государства началось сразу же после окончания Второй мировой войны. Если в США мусульмане-гастарбайтеры еще занимают скромную нишу, то в странах ЕС, особенно в Западной Европе, они играют все возрастающую роль в социально-экономической, политической и культурно-религиозной жизни коренного населения. В одних странах Запада уже произошли существенные перемены, в других они только грядут, вызывая неоднозначную реакцию автохтонного населения. Сегодня можно констатировать: ислам успешно теснит христианские вероисповедания.

Возникновение и укрепление исламских анклавов в США

Этнорелигиозная ситуация стала претерпевать заметные изменения, когда в годы Второй мировой войны США испытали мощный экономический бум, вызванный поставками вооружения и продовольствия союзникам по антигитлеровской коалиции (Англии, Франции, СССР), а после окончания войны они приступили к поставкам машин, оборудования, продовольствия по «плану Маршалла» и «плану Макартура». Так США обрели чрезвычайно емкий рынок сбыта своей продукции. Тогда они широко открыли двери и для иммиграции рабочей силы, в том числе из стран Африки и Азии. Мусульманское население стало численно пополняться за счет временных и постоянных гастарбайтеров.

Спецификой США можно считать то, что, во-первых, официальная политика была (и остается) не только ориентированной на поощрение иммиграции, но и на постоянное поселение вновь прибывших. Во-вторых, приехавшие из мусульманских стран гастарбайтеры первоначально проявляли намерение ассимилироваться (искупаться в «плавильном котле») и не допускали каких-либо возражений в отношении внутренней или внешней политики страны. Тем более что США тогда воевали лишь в немусульманских странах (в Корее и Вьетнаме).

Во второй половине XX в. в США было построено немало мечетей и молельных домов, которые объединяли как местных мусульман-негров, так и пришлых гастарбайтеров. Как правило, имамы в своих проповедях выражали признательность правительству США за возможность жить и работать в этой стране.

Определенное значение для мусульманской уммы США приобрело такое новое многоплановое явление, как глобализация. Она была призвана восполнить потери стран Запада, вызванные распадом колониальной системы. Политика глобализации заменяла открытый грабеж колоний «равными условиями сотрудничества» транснациональных корпораций (ТНК) недавних метрополий с появившимися компаниями новосуверенных республик. «Глобализация по-американски» позволяла США установить свое всестороннее доминирование в большинстве стран мира.

Неожиданный отпор со стороны массового исламского движения эта политика получила в Иране, где в 1979 г. был свергнут проамериканский шахский режим. В одном исследовании сообщалось: «Победа Исламской революции в Иране — это провал ближневосточного проекта США, направленного на подавление исламских движений. Соединенные Штаты лишились не только доходов от продажи оружия, в огромном количестве приобретаемого шахом, и станций слежения за воздушным пространством СССР, расположенных на севере Ирана, но претерпели поражение в пропагандистской деятельности»[1].

И далее автор пишет: «Иранская революция также повлекла за собой всплеск активности среди мусульманских организаций по всему миру… Следуя идее экспорта исламской революции, Иран оказывал всяческую поддержку таким организациям»[2]. Выявить такую связь с американской уммой не представляется возможным. Но именно после иранских событий 1979 г. в США впервые широко стало использоваться новое словосочетание «исламский фактор» (и реже — «исламский джихад»).

Так, неожиданным событием стала «демонстрация одного миллиона чернокожих мусульман-мужчин», организованная в середине 90 годов негритянским лидером Ферохоном. Ему удалось собрать почти два миллиона мужчин, включая гастарбайтеров. Выступавшие впервые озвучили крамольные мысли: «Потребовать от правительства США компенсации за многовековую эксплуатацию мусульман» и даже «создание на территории США независимого государства чернокожих мусульман». Высказанные идеи не нашли существенной поддержки, а Ферохан в дальнейшем не созывал новых митингов и демонстраций[3]. Но исламский фактор в США уже обозначился.

---

[1] Мизина Е.С. Влияние исламской революции в Иране на общественное сознание мусульман в мире. — Тридцать лет исламской революции в Иране. М., 2009, с. 258.

[2] Там же.

[3] В 1999 г. Ферохан прилетел в Москву, откуда перелетел в Казань. Совершенно неожиданно он оказался в Дагестане в небольшом местечке, где вскоре чеченский бандит Басаев провозгласил независимое исламское государство, что вынудило руководство РФ начать новую войну «за восстановление конституционного порядка».

В начале 90 гг. в США С. Хантингтон опубликовал книгу «Столкновение цивилизаций» (вскоре переведенную на русский язык), в которой предрекал столкновение христианской и исламской цивилизаций. В частности, он писал: «Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным — с исламом и Китаем; на локальном уровне войны на линиях разлома, большей частью — между мусульманами, вызывают "сплочение родственных стран", угрозу дальнейшей эскалации конфликта и, следовательно, усилия основных стран прекратить эти войны»[4]. Таким образом, Хантингтон видел угрозу межцивилизационного столкновения не внутри США, а за их границами.

Работу исследователя резко критиковали многие политики и ученые. Под их давлением Хантингтон вскоре опубликовал статью, в которой он писал лишь о «возможности» межцивилизационной конфронтации.

11 сентября 2001 г., когда о книге Хантингтона уже стали забывать, в Нью-Йорке исламские фанатики разрушили два здания Международного торгового центра, являвшихся символами американского могущества. Администрация президента Джорджа Буша-младшего нашла виновника — террористическую организацию «Аль-Каида», возглавляемую саудовским миллионером Усамой бен Ладеном, укрывавшуюся талибами в Афганистане.

Уже через два месяца США, возглавляя боевую группировку стран НАТО, напали на Афганистан. Тогда президент Буш заявил, что «мы предпринимаем новый крестовый поход». Как известно, крестовые походы в XIII — XIV вв. предпринимались римскими папами в целях «освобождения Гроба Господня» от неверных-мусульман. Заявление американского президента вызывало негативные отклики ряда лидеров исламских государств и американских мусульман. Поэтому вскоре Дж. Буш посетил в нью-йоркскую мечеть, где уточнил, что он выступает только против исламских террористов. Конфликт был улажен.

Весной 2003 г. США без уведомления Совета Безопасности ООН напали уже на вторую исламскую страну — Ирак. Буш это объяснял тем, что президент Ирака С. Хусейн оказывает помощь «Аль-Каиде» и тайно занимается созданием атомного оружия, которым угрожает Израилю и всему миру. Позже эти надуманные предлоги были полностью опровергнуты. Но С. Хусейн был пленен, осужден и повешен. На эту акцию не было протестов со стороны арабских государств или американских мусульман. Однако в самом Ираке начался разгул терроризма (которого не было при С. Хусейне), направленного против проамериканского иракского правительства и против оккупационных войск.

Следует иметь в виду, что в настоящее время в США насчитывается 8–10 млн. мусульман (около 3% всего населения). Из них приблизительно 40% составляют гастарбайтеры или их потомки. Отнести их всех к числу «лояльных» граждан нет достаточных оснований, хотя они не предъявляют каких-либо религиозных притязаний. Представляется возможным утверждать, что знаменитый американский «плавильный котел» ушел в историю и больше не будет работать. Межконфессиональная отчужденность, межцивилизационная напряженность постепенно усиливаются, получая дополнительные импульсы от приезжающих гастарбайтеров из мусульманских государств.

Беспрецедентная ситуация стала складываться в США после того, как в конце 2008 г. президентом страны был избран Барак Хусейн Обама. Видимо, американский истеблишмент решил, что предыдущий президент Джордж Буш-младший слишком далеко зашел, начав войну в двух исламских странах — Афганистане и Ираке. Впервые в истории США президентом стал темнокожий сенатор, христианин, но с мусульманскими корнями.

Вскоре Барак Обама передислоцировал почти все американские войска из Ирака, где официально закончилась военная операция, в Афганистан для усиления борьбы с движением Талибан и «Аль-Каидой». Выступая в Каирском университете, президент провозгласил «перезагрузку» отношений со странами исламского мира. Однако эти акции не принесли облегчения США, а сам Обама стал подвергаться нападкам со стороны как христиан, так и мусульман.

Американских христиан возмутили два обстоятельства. Во-первых, Обама дал «добро» на строительство мечети вблизи разрушенного Всемирного торгового центра в Нью-Йорке[5]. И во-вторых, третья жена его деда, проживающая в Кении, совершила на деньги Саудовской Аравии хадж в Мекку, где она молилась Аллаху, «чтобы мой Барак принял ислам». Христиане усилили критику Обамы за его «происламскую позицию»[6].

Мусульмане же посчитали, что Барак Хусейн Обама в детстве был мусульманином, а затем перешел в христианство. А Коран предусматривает высшую меру наказания за отказ от ислама и принятие другого вероисповедания. Вскоре ситуация вокруг президента еще более осложнилась.

Среди афроамериканцев, а также части мусульман-гастарбайтеров распространено убеждение, что ислам возник в Америке еще до ее открытия Колумбом (якобы обнаружены руины мечетей и фрагменты аятов Корана доколумбова периода). А тут еще Обама заявил, что «ислам всегда был частью Америки и американские мусульмане много сдела-

---

[4] Хангтингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005, с. 15–16.

[5] Американский христианин Т. Джонс пригрозил сжечь 200 экземпляров Корана в годовщину разрушения Торгового центра. Но после обращения к нему Обамы он сжег только два экземпляра (Независимая газета. Религии, 15.10.2010).

[6] НГР, 15.12.2010.

ли для нашей страны»[7]. Это утверждение президента вызвало негативные отзывы в СМИ, и его рейтинг еще больше снизился.

На базе этих открытий еще дальше пошли лидеры «Аль-Каиды», заявившие, что США расположились на исламских землях. Поэтому США включаются в список стран и территорий, которые надо освободить в ходе джихада. И строительство мечети в Манхэттене они рассматривают как мирный вариант исламской «реконкисты».

Теперь радикальные исламисты, видимо, будут решать, каких «гастарбайтеров» следует заслать в США, чтобы убрать «вероотступника» — президента США и «вернуть исламскому миру» американские земли.

Призывы исламистов пока не находят понимание у американских мусульман. США вывели коалиционные войска из Ирака в Афганистан, усилив борьбу с «Аль-Каидой». Но межконфессиональная напряженность в США продолжает нарастать.

Гастарбайтеры исламизируют ЕС

Резкие перемены в Западной Европе произошли после Второй мировой войны. Страны-победительницы понесли большие потери — было убито и искалечено огромное число граждан, преимущественно мужчин. Поэтому правительства Англии, Франции и других государств обратились с предложением к своим демобилизованным воинам, набранным в значительном количестве в колониях, с предложением остаться в странах-метрополиях. За счет выходцев из африканских и азиатских регионов намечено было решить две проблемы: нехватку рабочей силы и дефицит мужчин. Политика западноевропейских государств приглашать из колоний мужчин трудоспособного и фертильного возраста получила широкое распространение и в последующие десятилетия.

Специфическая ситуация сложилась в Западной Германии. Правительство ФРГ организовало вербовочные центры в Турции, Марокко, Ливии, которые рекрутировали мужчин, предъявлявших справки об удовлетворительном состоянии здоровья. Первыми переехали турки, сохранявшие исторические симпатии к Германии. Именно к ним было приложено ныне чрезвычайно распространенное немецкое слово — гастарбайтеры (gast — гость, arbaiter — рабочий).

Первоначально пребывание гастарбайтеров регулировалось двусторонними соглашениями, а затем, по мере формирования и расширения союза Общего рынка (ЕЭС, а ныне ЕС) европейских государств, принимались коллективные решения.

Демократическое законодательство стран ЕС, предусматривающее свободу личности, свободу перемещений, свободу вероисповеданий, не препятствовало строительству мечетей, вокруг которых постепенно собирались крупные мусульманские общины (уммы). На территории практически всех стран ЕС возникли многочисленные уммы, в которых воспроизводился мусульманский уклад жизни, предписанный Кораном и Шариатом. А руководители стран ЕС наивно полагали, что мусульмане, получившие право сначала на временное, а затем и на постоянное проживание, идут по пути адаптации, ассимиляции и, наконец, полной интеграции. Более осторожные политики утверждали, что процесс интеграции завершится лишь на втором или уже третьем поколении мусульманских гастарбайтеров.

Между тем «плавильный котел» Западной Европы давал все бо́льшие сбои. Даже в условиях относительно стабильной экономики происходили бурные политические манифестации, на которых гастарбайтеры требовали равных прав с местными гражданами. Причем во Франции и Германии эти демонстрации нередко сопровождались беспорядками.

Ранее автору уже приходилось писать об уникальном случае в городке Шамар (Франция), куда в 50 гг. переехали первые выходцы из стран Магриба. В 70 гг. половину этого городка составляли арабские переселенцы. А в 90 гг. на каждую французскую семью приходилось 187 мусульманских семей. Многие французы уезжали, не выдерживая непривычного уклада жизни мусульман[8].

В ряде европейских стран стала развиваться ксенофобия. В Англии, Германии, Бельгии возникли группировки скинхедов (бритоголовых), которые избивали и убивали не только мусульман, но и всех темнокожих. Можно говорить, что в конце XX столетия в странах ЕС возникло движение за сохранение национальных ценностей, за отторжение людей иных цивилизационных установок. Такую позицию нельзя оправдать, но можно понять.

В сегодняшней Западной Европе практически не осталось ни одного мононационального государства, все они за счет иммигрантов из Африки и Азии стали полиэтническими. Более того, уже наступил следующий этап: происходит исламизация Западной Европы. Благодаря либеральным конституциям мусульмане уже построили сотни мечетей (самая большая мечеть в Европе была построена в Бельгии, а теперь, еще бо́льшая, — в Италии).

Относительно новым явлением стало обращение в ислам местных европейцев. Так, во Франции 300 тыс. коренных французов приняли ислам, в Германии 500 тыс. этнических немцев перешли в ислам. Европейское христианство (в основном католичество и протестантизм) фактически сдает свои позиции. По последним данным, в Европе проживает 40 млн. мусульман (иммигрантов и местных). Страны ЕС приобретают (или уже приобрели) новый конфессиональный облик. Такая ситуация побудила бывшего лидера Ливийской Джамахирии М. Кадда-

---

[7] Там же.

[8] Старченков Г. И. Трудовые миграции между Востоком и Западом. М., 1997, с. 110.

фи предложить итальянцам (в прошлом Ливия была колонией Италии) массово переходить в ислам, указывая на демографические изменения в Европе[9].

На факт исламизации Европы сначала резко отреагировали скинхеды (которых правительства предавали суду), а затем и деятели искусства. Появились фильмы антиисламской направленности и карикатуры художников на пророка Мухаммеда. Но теперь на эти акции тотчас же поднималась буря протестов как гастарбайтеров, так и мусульман в странах-донорах. При этом мусульманские организации Пакистана, Индонезии грозили отказаться от импорта товаров из стран, «где оскорбляют исламскую веру».

В Бельгии Европейская арабская лига потребовала равноправия арабов, придания арабскому языку статуса государственного, законодательно объявить ислам официальной религией, ежегодно выделять квоты для мусульман в учебных заведениях и государственных учреждениях[10]. Под давлением мирного джихада бельгийское правительство шло на частичные уступки. Но события 2004 г. и особенно 2005 г., похоже, остановили «политкорректность» большинства западноевропейских государств.

Действительно, в 2004–2005 гг. во Франции, Бельгии и частично Германии прошли бурные демонстрации, во время которых гастарбайтеры переворачивали и поджигали автомашины, разбивали витрины, грабили магазины. Мусульмане впервые проявили себя мощной силой, противостоящей местной власти.

Теперь уже достаточно малейшего предлога, на который раньше никто не обращал внимания, чтобы поднять волны «праведного гнева». Так произошло через полгода после того, как датский журнал опубликовал карикатуры на пророка Мухаммеда, перепечатанные рядом других европейских СМИ. Демонстрации протеста прошли во всех странах, где проживают мусульмане. Протесты были организованы впервые, хотя за 14 веков существования ислама подобных карикатур было опубликовано многие миллионы[11]. Еще дальше пошло крайне радикальное движение Афганистана Талибан, которое предложило за убийство автора датских карикатур выдать 100 кг золота; и по 5 кг благородного металла будет выдано тому, кто убьет военнослужащих Дании, Германии или Норвегии, находящихся в Афганистане[12].

Рост мусульманских притязаний происходит и по другим направлениям. Например, в 2006 г. ряд мусульманских стран направил в адрес оргкомитета летней Олимпиады 2012 г. в Лондоне предложение о переносе сроков игр, поскольку они совпадают со священным для мусульман месяцем Рамадан, во время которого верующие соблюдают строгий пост. Отметим, что в 1980 г. летние Олимпийские игры в Москве также совпадали с Рамаданом, что не помешало спортсменам Алжира, Афганистана, Сирии, Ирака, Ливана, Кувейта и Ливии принять в них участие. А в 1982 г. алжирские футболисты на чемпионате мира в Испании победили не обремененных постом чилийцев. И ныне нет оснований фаворизировать мусульманские общины по сравнению с представителями остальных религий[13].

Среди христиан распространено выражение: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят». Но мусульманские гастарбайтеры, позабыв о правилах вежливости гостей, стали наводить исламский порядок в христианско-атеистическом доме. Это стало возмущать многих государственных, политических деятелей и некоторых ученых. В 2010 г. в Германии вышла книга Тилло Сарацина[14] под симптоматичным названием «Германия — самоликвидация». Бурные обсуждения этого бестселлера привели к расколу в немецком социуме на сторонников и противников принятия антиисламских мер.

О содержании книги Сарацина[15] следует сказать подробнее, поскольку оно не только получило поддержку большинства немцев, но и дает перспективу облика как Германии, так и ЕС в целом.

В монографии говорится, что в Германии проживает 3 млн. турок (эту цифру в 2008 г. назвал находившийся здесь премьер-министр Турции Раджеп Тайип Эрдоган). К ним Сарацин добавляет курдов, боснийцев, албанцев, выходцев из Азии и Северной Африки. По его подсчету, в Германии проживает 4,3 млн. мусульман[16]. Кроме того, рождаемость у турок и других мусульман заметно выше, чем у немцев, что обеспечивает хотя и низкий (0,2%), но ежегодный прирост населения Германии.

Сарацин констатирует, что каждый четвертый живущий в Германии турок не знает немецкого языка, каждый второй не общается с немцами, многие не посещают школы, а процент турок с высшим образованием крайне низок. По этой причине канцлер ФРГ Ангела Меркель приняла предложение Эрдогана об открытии в Германии… турецких школ. На основе этих и других фактов автор приходит к выводу: «Турция покоряет Германию так же, как албанцы покорили Косово — с помощью высокой рождаемости». И дает прогноз на ситуацию через 20 лет: «Федеральный президент Мухаммед Мустафа призвал мусульман уважать права немецкого меньшинства».

---

[9] НГР, 15.09.2010.

[10] Известия, 01.02.2003.

[11] НГ, 20.12.2006.

[12] Правда, 10.02.2006.

[13] НГ, 01.11.2006.

[14] Сарацинами называли исламских завоевателей, вторгшихся в VIII в. на Пиренейский полуостров.

[15] См.: НГР, 20.10.2010.

[16] По нашей оценке, численность гастарбайтеров в Германии составляет 7–8 млн. чел., из которых около 6 млн. мусульман, включая 5 млн. турок (вместе с семьями и нелегальными рабочими). К 2010 г. в стране построено 250 мечетей и 2500 молельных домов.

Одна из немецких газет, поддержавшая эти суждения, с юмором написала: «В Германии есть только один настоящий немец, и тот — сарацин».

Во Франции еще в 80 гг. истекшего века имели место робкие попытки запрета девочкам-мусульманкам приходить во французскую школу и сидеть в классах в платках. Запрет принимали и отменяли. И вот в 2010 г. президент Н. Саркози провел через парламент закон о запрете ношения не только платков, но и хиджаба женщинами-мусульманками в общественных местах.

Еще дальше пошла Италия, где проблема платков и хиджабов уже давно законодательно решена. Итальянские законодатели приняли компромиссное решение: они запретили выставлять в государственных учреждениях и школах религиозные символы: кресты, распятия, зеленый флаг, полумесяц со звездой и т. д. Не разрешается это носить и школьникам.

В Швейцарии и Швеции ограничивают строительство высоких минаретов при новых мечетях. Правительства этих стран ужесточили контроль за иммигрантами и поведением гастарбайтеров, проживающих в этих странах (особенно отслеживаются сроки въездных виз)[17].

Пожалуй, только Англия обходится без существенных ограничений исламской деятельности, включая прозелитизм. Газеты неоднократно писали о связи английской уммы с террористическими организациями в Афганистане, Пакистане и на Северном Кавказе. Но депортировали лишь одного имама, проводившего «экстремистские проповеди».

Похоже, что накануне радикального пересмотра своей политики толерантности находится Германия. Осенью 2010 г. канцлер А. Меркель заявила, что у мусульман-гастарбайтеров так и не возникло «общих цивилизационных ценностей», поэтому они не смогли интегрироваться в немецкое общество. Немецкая политика «мультикультуры» не принесла ожидаемого результата. Но за этим признанием пока не последовало каких-либо политических решений или хотя бы ограничений исламского прозелитизма. Видимо, многое будет зависеть от результатов выборов в германский парламент.

Еще раньше автор писал: «Рост отчужденности между пришлым и коренным населением резко обозначился в 80 годы, что привело к расовым и религиозным столкновениям… Большая часть иммигрантов не хотела или не смогла усвоить западные ценности»[18].

Принятые меры в некоторых странах ЕС — всего лишь паллиатив, дающий временный эффект. Рост исламских притязаний заметно сократился, но через год-два снова возобновился.

Чрезвычайно острую реакцию вызывает депортация рабочих-мусульман. В этом случае с протестами выходят не только правительства, но и мусульманские общины, в том числе те, которые укоренились в странах-реципиентах. Новым явлением стало то, что исламские уммы организовывают подобные протесты даже в связи с тем, что какой-то западный художник позволил написать карикатуру на пророка Мухаммеда или кто-то непочтительно обошелся с Кораном[19]. В перспективе могут появиться и другие предлоги, которые ранее не вызывали никаких эмоций.

Порой шумная реакция мусульман призвана лишь укрепить веру. Она не мешает исламским странам направлять все новые контингенты своих рабочих в западные государства. У них своя заинтересованность: получать максимальные суммы валютных переводов. Да и проблема занятости среди быстрорастущего населения остается острой. Отсюда — иной подход к проблеме эмиграции.

Представляют интерес высказывания двух премьер-министров Турции, в разное время встречавшихся с турецкими рабочими в Германии. В 50 гг. истекшего века А. Мендерес наставлял земляков: «Вы приехали в страну, в которой используется самая современная техника. Вы должны овладеть ею и вернуться на родину высококвалифицированными рабочими». Иное напутствие в 2010 г. дал премьер-министр Р. Эрдоган: «Вы должны полностью овладеть немецким языком, хорошо работать и пунктуально исполнять законы Германии». Речь уже не идет о возвращении на родину, и турки должны внедряться в социально-экономическую и политическую жизнь страны-реципиента[20]. При этом религиозная специфика турецких гастарбайтеров уходила куда-то в тень.

Но именно эта «теневая специфика» гастарбайтеров вышла в странах ЕС на передний план. Бескомпромиссные высказывания высоких лиц Германии, Франции, Италии и других государств продемонстрировали полное поражение политики адаптации — ассимиляции — интеграции мусульманских гастарбайтеров в западноевропейское сообщество. Для стран ЕС исламская умма — это конфликтогенная община, и чем она больше, тем сильнее будет воздействовать и подрывать традиционный уклад жизни европейцев. Можно также предвидеть, что европейский социум будет этому всемерно сопротивляться.

Невольно приходишь к мысли: а вдруг Хантингтон прав, и столкновение христианской и мусульманской цивилизаций становится все более вероятным. Такой тренд, увы (!), действительно есть.

Неисповедимые пути исламизации

Мусульманские гастарбайтеры — это лишь часть трудовых мигрантов, поэтому некоторые их свойс-

[17] НГР, 06.10.2010.

[18] Старченков Г. И. Трудовые миграции…, с. 68.

[19] НГР. 20.10.2010.

[20] НГ, 18.10.2010.

тва — часть общемировых миграционных проблем. Отсюда возникает необходимость выявления частного на базе общего. Рассмотрим некоторые общие положения, максимально приближенные к частному случаю — к мусульманам-гастарбайтерам.

Отметим, что в начале XXI столетия, когда в ЕС вошел ряд стран Восточной Европы, общая численность населения 27 участников Союза в 2010 г., по оценке, достигла 501,3 млн. человек[21]. Доля иммигрантов-мусульман уменьшилась приблизительно до 8%. (Численность нелегальных выходцев из исламских государств остается неизвестной.) А вместе с местными мусульманами они представляют крупную преобразующую силу.

Отметим также, что приток гастарбайтеров в Западную, а теперь и в Восточную Европу продолжается. Все больше руководителей стран ЕС понимают, что «джинн» ислама выпущен из европейской бутылки и назад его не загонишь. Они смиренно наблюдают (осуществляют мониторинг), какими темпами продвигается мусульманский прозелитизм. А на следующем этапе они (или новые лидеры ЕС) будут гадать: сохранит ли ислам традиционные вероисповедания вымирающих коренных европейцев — католицизм, протестантизм (включая англиканство) и православие (а также иудаизм) или же все европейцы «возлюбят Аллаха». Этот вопрос, видимо, приобретет актуальную альтернативность во второй половине XXI столетия, когда христиане поведут уже арьергардные бои. Но даже сегодня можно предопределить гипотетическую межконфессиональную ситуацию в странах ЕС (в США этот процесс актуализируется несколько позже).

В первую очередь, следует подчеркнуть, что ЕС не может существовать без иностранной рабочей силы. Поэтому найм гастарбайтеров будет продолжаться как в ближайшем, так и в отдаленном будущем. Об этом свидетельствует тот факт, что приезд рабочих не прекратился даже во время финансово-экономического кризиса. Так, если в 2000 г. в США въехало 20,5 тыс. гастарбайтеров, а в Европу — 33,0 тыс., то в 2010 г., по оценке экспертов, соответственно 25,1 тыс. и 35,1 тыс. человек[22]. Спрос на низкооплачиваемую рабочую силу даже продолжает систематически расти. Вполне вероятно, что после завершения цикла финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2007 г., приток иностранных рабочих еще больше возрастет.

Во вторую очередь, отметим, что небольшая часть гастарбайтеров под различными предлогами будет приобретать гражданство одной из 27 стран ЕС, что постепенно будет изменять внешний облик коренных европейцев. Автору еще раньше удалось опубликовать предостерегающую фразу: «Белого человека — в Красную книгу!»[23]. Стагнация или даже депопуляция коренных европейцев проявилась вскоре после Второй мировой войны. Почти полвека рост европейского населения колеблется от 0,1 до 0,5% в год за счет приезда иммигрантов, главным образом мусульманских гастарбайтеров. На улицах и предприятиях все реже можно встретить бледнолицего европейца. И это — факт. А если уж в США президентом неожиданно стал афроамериканец, то в ЕС такой поворот событий может начаться вполне закономерно.

Но поскольку президент США — христианин, то конфессиональный облик страны остался прежним. А если лидерами стран ЕС станут мусульмане, то можно ли христианам рассчитывать на их толерантность? Пока однозначного ответа нет. Но конфронтация нарастает. В ответ на исламофобию европейцев усиливается европофобия.

---

[21] Население России 2008. М., 2010, с. 296.

[22] International Migration. A Rights-based Approach… Geneva, 2010, с. 17.

[23] См.: Старченков Г. И. Бумеранг миграции. — Современная Европа. М., 2004, июль-сентябрь, с. 61.

И. Р. Томберг

Южный вектор российской газовой геополитики

XXI век поставил человечество перед новыми вызовами, связанными в том числе с истощением природных ресурсов, прежде всего энергетических, и с обостряющейся год от года борьбой за углеводородные ресурсы планеты и природные ископаемые. Еще больше эти тенденции обострились в связи с событиями 2011 г. Нестабильность в Северной Африке и на Ближнем Востоке самым существенным образом угрожает энергобезопасности многих стран, прежде всего, европейских. Государства, затронутые беспорядками, обеспечивают 30% европейского импорта газа. Нетто-экспорт нефти и нефтепродуктов из стран, в которых проходили волнения, равносилен 60% нетто-импорта Европы[1]. Последовавшее почти одновременно землетрясение, вызвавшее аварии на АЭС в Японии, внесло не менее значительные коррективы в энергетическую картину мира. Начался пересмотр энергетических политик многих стран мира, направленный на более осторожное развитие атомной энергетики, расширение использования ВИЭ, увеличение доли газа в энергобалансе. Для российской энергетической политики особое значение имеет переоценка приоритетов энергетической политики ЕС в отношении импорта из разных регионов.

Новые углеводородные перспективы Каспийского региона

Названные события, безусловно, повышают энергетическую ценность России и государств Центральной Азии и Каспийского региона, таких стран, как Азербайджан, Казахстан, Туркменистан, Узбекистан. Западные компании оценивают геологические нефтегазовые ресурсы Каспия в размере от 26 до 40 млрд. тонн условного топлива[2]. Аналитики считают эти цифры достаточно вероятными, хотя и не исключают, что они завышены.

Таблица 1
Запасы углеводородов государств Каспийского бассейна

Страна	**Нефть,** *млн. т*		**Газ,** *млрд. куб. м*	
	Доказанные запасы	**Перспективные ресурсы**	**Доказанные запасы**	**Перспективные ресурсы**
Казахстан	1300–2500	12500	1840	2500–3000
Азербайджан (шельф)	500–1700	4500	1100	2000–2500
Туркменистан	75–100	4000–12000	2800	4000–4400
Узбекистан	82,5	3500	1870	3000

Источник: Энергетическая политика стран Центральной Азии и Кавказа, № 4 (28), 2003.

Особое значение постсоветские государства региона играют в газовой сфере. Несмотря на распад СССР и дезинтеграцию общего хозяйственного пространства, эти страны пока образуют единый региональный рынок природного газа. Унаследованная от Советского Союза газотранспортная система по-прежнему предоставляет принципиальную возможность обеспечить переброску физического газа из страны в страну и формирует основу этого рынка.

Группа постсоветских экспортеров природного газа представлена Россией, Туркменистаном, Узбекистаном, Казахстаном и — с 2007 г. — Азербайджаном. Исторически развитие советской газовой промышленности было стимулировано не только внутренними потребностями, но растущим спросом на газ со стороны Европы. В 1990 г. на страны бывшего СССР приходилось 63% мирового газового экспорта[3]. За последние два десятилетия постсоветские продуценты газа утратили столь явное доминирование в мировом газовом экспорте, хотя и укрепили свои позиции среди газодобывающих регионов мира. В 2010 г. на все постсоветские республики пришлось 24,5% мировой торговли газом[4]. Россия

[1] Митрова Т. А. Прогнозирование развития мировой энергетики до 2030 г. — методология и практическое применение. Доклад на конференции ТЭК России в XXI веке. Москва, апрель 2011 г.

[2] НиК, 04.05.2011.

[3] Глобализация рынка природного газа: возможности и вызовы для России. М., 2010, с. 93.

[4] 2010 Natural Gas Year in Review. CEDIGAZ. P., 2011, с. 3.

сохранила за собой глобальное лидерство, обеспечив 21% мирового газового экспорта. В 2009 г. центральноазиатская тройка в составе Казахстана, Туркменистана и Узбекистана произвела 133 млрд. куб. м. природного газа, что составляет 4,5% от совокупной мировой добычи. В перспективе можно ожидать разрешения в той или иной форме американо-иранского конфликта с последующим подключением Ирана, обладающего вторыми в мире после России запасами газа, к мировым энергетическим проектам.

Географически центральноазиатские производители газа расположены в центре евразийского материка. Удаленность от основных мировых центров газопотребления и сложное геополитическое окружение порождают особые трудности на пути экспорта газа. Действовавшая совсем недавно экспортная парадигма Центральной Азии, сводившаяся к поставкам газа через Россию в западном направлении, отходит в прошлое. Сегодня именно азиатские гиганты — Индия, Китай — предъявляют основной спрос на углеводороды.

Газовый рынок теряет привычные конфигурации

По итогам 2010 г. аналитики констатируют серьезное изменение качества газового рынка. Уже сейчас заметны серьезные сдвиги в ориентации экспортных потоков углеводородов. Результатом становится выход газовых производителей из Центральной Азии, в первую очередь Туркменистана, на новые рынки.

Начал работу газопровод «Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай» (ТУКК). Ожидается, что Китай в 2010 г. получит из Центральной Азии 13 млрд. куб. м газа; к концу 2011 г. эта цифра вырастет до 30 млрд., а к 2013 г. превысит 40 млрд. куб. м. В конце августа 2011 г. корпоративное издание китайской нефтегазовой компании CNPC «Чжунго шию бао» сообщило о том, что КНР намеревается к 2015 г. увеличить импорт натурального газа по направлению Туркменистан — Узбекистан — Казахстан — Китай почти в 5 раз. Мощность газопровода «Центральная Азия — Китай» будет доведена до 55–60 млрд. куб. м газа в год к 2015 году[5]. Здесь можно заподозрить элемент давления на Газпром в преддверии новых переговоров по цене поставок российского газа в Китай, однако, учитывая стремление центральноазиатских газопроизводителей (включая ведущий добычу в Узбекистане российский ЛУКОЙЛ) расширить экспорт в КНР, а также 30 млрд. куб. м, которые будет добывать в Туркменистане китайская CNPC, ресурс под этими планами присутствует.

Источник: http://sosnova.investcafe.ru/post/3422/

Для России основной итог запуска ТУКК состоит в том, что туркменский газ теперь гарантированно не попадет в Европу. Отсюда и вполне лояльное отношение российской стороны к данному проекту. Ситуация напоминает раздел рынков: Ашхабад получает свободу действий по выходу на азиатские рынки (будь то китайский, иранский или южноазиатский) в обмен на отказ от появления со своим газом в Европе. Очень похоже, что центральноазиатские поставщики становятся подменой (возможно, временной) Газпрому в поставках топлива в КНР на период, когда китайский газовый рынок еще только начал формироваться.

Расширен газопровод из Туркменистана в Иран, хотя сторонам пока не удается выйти на проектную мощность до 20 млрд. куб. м в год.

Запуск газопровода в Китай, как и вторая ветка трубы «Туркменистан — Иран», стали первыми примерами успешной реализации стремления газоэкспортирующих стран региона к диверсификации своих углеводородных поставок. В то же время присущая ряду аналитиков излишняя драматизация этих процессов не слишком оправданна. Транзитная монополия Газпрома не могла быть вечной, а в последнее время стала скорее обузой, чем конкурентным преимуществом.

Газопровод ТУКК объективно снижает вероятность подключения центральноазиатских газовых ресурсов к Nabucco. И, судя по всему, без многосторонних политических договоренностей здесь не обошлось. Новый расклад повлечет за собой устойчивые последствия для региона. По мнению западных аналитиков, Россия и Китай будут поддерживать почти абсолютный баланс рычагов в Центральной Азии что, по сути, представляет собой управляемый совместный контроль[6].

Идет активное обсуждение и подготовка проекта газопровода «Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия» (ТАПИ). Пока сложно говорить о реа-

[5] РБК daily, 29.08.11.

[6] См.: http://www.opec.ru/1147353.html

листичности прокладки магистрального трубопровода через нестабильный Афганистан и не многим более спокойные территории Пакистана, однако под усиленным политическим нажимом США проект продвигается как минимум, в информационном пространстве.

Конкуренция за влияние обостряется

Коммуникационные возможности региона, связывающие Север и Юг, Запад и Восток уникальны. Тот, кто будет контролировать этот регион, получит возможность не только извлекать немалую прибыль и обеспечить себе одно из лидирующих мест в глобальных транспортных перевозках, но и решать в собственных интересах многие политические задачи. В отношении Каспийского субрегиона общая стратегия США и ЕС сводится к обеспечению бесперебойных поставок энергоресурсов в обход России. Один из ведущих проектов в этом плане — объединение всех гипотетических южных трубопроводов в единый проект под условным названием «Южный коридор».

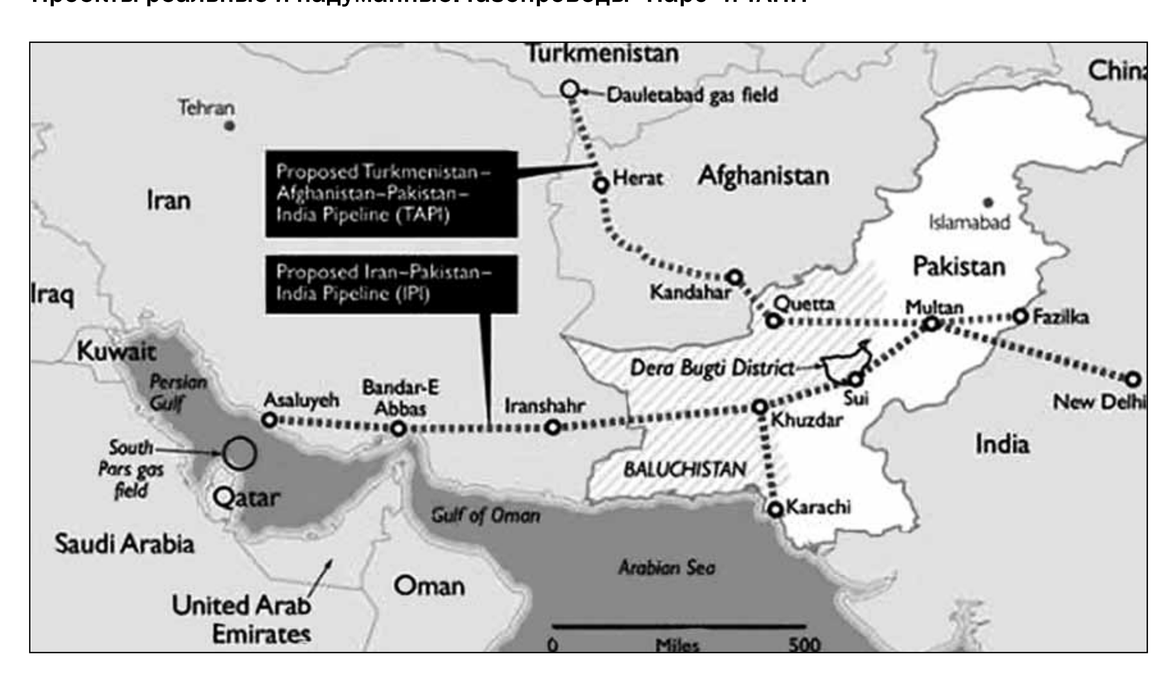
«Южный коридор» является одним из приоритетных для Евросоюза энергетических проектов, призванный диверсифицировать маршруты и источники энергопоставок и тем самым увеличить энергетическую безопасность ЕС. К проектам «Южного коридора» относятся: газопровод Nabucco, Трансадриатический газопровод (TAP), «Белый поток», ITGI (газопровод Турция — Греция — Италия).

Наибольшую тревогу и неприятие в Москве вызывает проект Nabucco. Несмотря на отсутствие сырьевой базы для наполнения достаточно мощного (31 млрд. куб. м в год) газопровода, проект упорно продвигается Брюсселем как противовес куда более подготовленному и реалистичному российскому «Южному потоку».

Решимость России строить «Северный» и «Южный» потоки, рискуя лишить Украину транзита и сильно подорвать отношения, а также удваивать мощности полупустого «Голубого потока» вызывает непонимание. Возможно, более целесообразно было бы все-таки рассмотреть иные, менее затратные и более адекватные варианты газоснабжения Южной Европы. Ведь реальность мирового энергетического рынка может внести коррективы в самые, казалось бы, жёсткие и продуманные политические построения. Не исключение — и идея подключения РФ к тому же Nabucco. Тем более что приглашения Газпрому принять участие в этом проекте в качестве поставщика звучали не раз. Премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, выступая на церемонии подписания соглашения в Анкаре, выразил надежду на участие России, а также Ирана в реализации Nabucco: «Мы выступаем за присоединение к проекту Ирана, когда это позволят условия, а также надеемся на участие в нем России». Даже спецпредставитель президента США по энергетике Ричард Морнингстар сделал красноречивое признание: «Мы хотим, чтобы Россия участвовала в проекте как партнёр, и можем передать ей предложение о поставках газа в рамках Nabucco»[7].

Теоретическая перспектива наполнения Nabucco российским газом всегда содержала возможности тонкой политической игры, интересных ходов и разменов и, возможно, коммерческих выгод. Анализируя перспективы расширения газопровода «Голубой по-

Проекты реальные и надуманные. Газопроводы «Парс» и ТАПИ

Источник: http://www.trubagaz.ru/im/turkmenistan_afganistan_pakistan_india.jpg?578:324

[7] Point.ru, 13.07.2009

ток», невольно обращаешь внимание на его пересечение с трассой Nabucco в районе Анкары. Возможность манёвра объёмами увеличивается и за счёт продолжения «Голубого потока» на юг, в сторону Сирии и Израиля, например. Пересечения с европейским газопроводом могло бы оказаться весомым аргументом в конкуренции Газпрома за экспортные объемы азербайджанского газа. Можно было бы рассчитывать на поддержку европейцев и в непростых переговорах с Турцией по условиям транзита (а не перепродажи) российского газа.

В этом варианте есть и потенциал «отсечения» Ирана от европейского рынка за счет замены иранского газа российским (или среднеазиатским). Направить топливо потенциального конкурента на Восток всегда являлось важной геополитической задачей Газпрома. Не случайно Москва всегда оказывала поддержку не только проекту «Мир» — газопроводу «Иран — Пакистан — Индия», но готова даже поучаствовать в столь экзотическом начинании, как газопровод ТАПИ, который в перспективе уведет и туркменский газ в восточном направлении.

Препятствием в осуществлении проекта является непоследовательная позиция Индии, которая участвовала в нем с самого начала (1989 г.). Однако она постоянно то выходила из проекта, то вновь заявляла о своей заинтересованности. В качестве объективных причин такой политики назывались разногласия сторон по вопросам о стоимости трубопровода, периодичности корректировок цен на иранский газ и тарифам на транзит по территории Пакистана. Хотя, вероятнее всего, основными причинами стали регулярно обостряющиеся отношения Дели с Исламабадом, а также политическое давление на Индию со стороны Вашингтона, стремящегося сорвать любой проект с участием Ирана.

В то же время возвращение Индии в проект практически неизбежно. По данным индийской газеты Financial Express, анализировавшей данные исследования компании McKinsey, потребление газа в Индии к 2015 г. может увеличиться почти вдвое: с нынешних 166 млн. куб. м в день (60,5 млрд. в год) до 320 млн. (117 млрд. куб. м в год)[8]. Спрос будет увеличиваться столь стремительно ввиду наращивания производственных мощностей в энергетике, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности страны, а также роста бытового потребления газа. Найти за столь короткий период недостающие 57 млрд. куб. м газа не просто, и потому Индия будет хвататься за любую возможность, в том числе и за реализацию проекта «Мир». Нельзя, правда, совсем исключать и другую возможность транспортировки иранского газа в Индию — по морскому дну, минуя пакистанскую территорию.

К проекту ИПИ пристраивается и Китай, заявивший в середине прошлого года, что хорошо бы перепроектировать маршрут газопровода с тем, чтобы он вел вместо Индии в Китай. Пакистан не возражает.

Китай заявил, что хотел бы импортировать порядка 11 млрд. куб м газа в год в случае, если Индия из проекта окончательно и бесповоротно выйдет. Ходят слухи, что Китай готов инвестировать в проект 2,5 млрд. долл. К слову, с пропускной способностью газопровода ясности нет. Есть сведения, что в случае участия в строительстве Китая и смене маршрута, общий объем транспортируемого газа составит 33 млрд. куб. м в год: 22 — Пакистана и 11 — для Китая.

И здесь налицо осознание перспектив развития евроазиатского газового рынка. Реализация проектов «Мир» и ТАПИ превратит Прикаспийский регион в мощный энергетический хаб, перераспределяющий поставки энергоносителей на Восток. Создаваемая в регионе система газопроводов будет замкнута и абсолютно автономна. Газпром может присоединиться к двум проектам не только в качестве соинвестора или генподрядчика, хотя строительство таких мощных инфраструктурных объектов по российским техническим правилам и условиям будет означать долговременную их привязку к экономике страны. Существует возможность транспортировать в Индию собственный газ, полученный от участия в проектах по добыче на территории Туркменистана. В любом случае, участие в этих проектах имеет для России стратегическое значение.

Иранская конкуренция

Иран представляет собой недооцененную потенциальную угрозу российским газовым интересам как на европейском, так и, в перспективе, на китайском направлении. Имея вторые в мире после России запасы газа — 29,6 трлн. куб. м (у России — 44,8 трлн. куб.м)[9], страна в силу ряда структурных, технических, политических причин пока не является серьезным игроком на международных рынках. Однако по мере развития собственной газовой от-

[8] http://www.utro.ru/articles/2010/03/25/882736.shtml

[9] BP Statistical Review of World Energy. June 2011, с. 20.

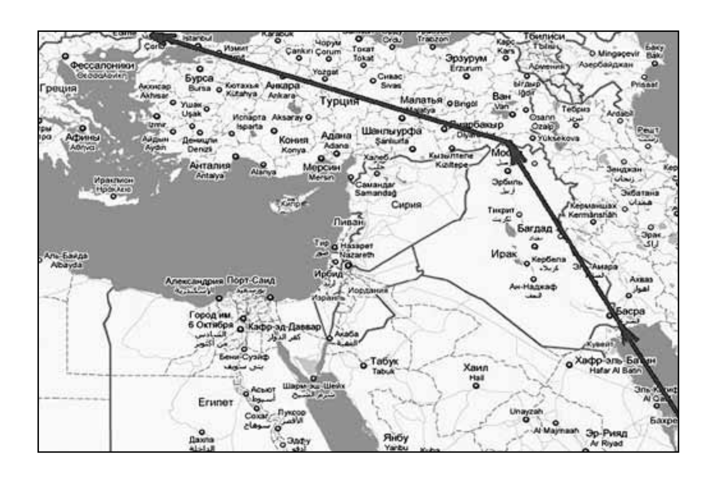
расли такой мощный ресурс международного позиционирования просто не может быть не использованным.

Иранские руководители уже не раз предлагали свою страну в качестве основы ресурсного обеспечения Nabucco, который в Европе и США рассматривают как основной маршрут диверсификации газовых поставок в ЕС. Для Ирана в этой ситуации, по меткому определению индийского аналитика К. М. Бадракумара[10], Nabucco становится пропуском к интеграции с ЕС. Приход на европейский газовый рынок Ирана с перспективой освоения его газовых запасов может серьезно нарушить сложившийся баланс интересов, и без того постоянно подвергающийся сомнению со стороны европейских потребителей.

Газ Южной Европе необходим, особенно в свете активного желания ЕС создать альтернативу российскому газу в целом и Газпрому в частности. Проекты временами появляются — то Катарбукко (Катар — Южная Европа), то «Исламская магистраль».

Катар, которому принадлежат 15% всех мировых запасов природного газа (порядка 22,25 трлн. куб м), обнародовал планы построить в Европе газопровод по маршруту Катар — Ирак — Турция — Европа.

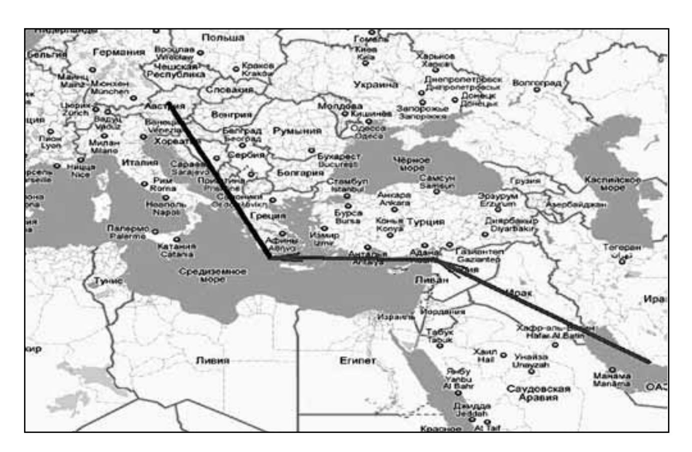
Газопровод Катар — Ирак — Турция — Европа

Стремление Катара построить газопровод в Европу, заняв место Nabucco, связано еще и с уменьшающимся рынком СПГ: США перестали закупать у Катара сжиженный газ после начала добычи своего собственного сланцевого. Но Катар вполне может направить освободившийся газ в Европу. Впрочем, инсайдеры утверждают, что мнения в Катаре по поводу потенциального газопровода разделились, не все поддерживают эту идею, некоторые считают, что Катару и далее надо продавать газ исключительно в форме СПГ.

В конце июля 2011 г. Иран, Ирак и Сирия подписали меморандум о намерении соорудить газопровод протяженностью более 5 тыс. км, который свяжет крупнейшее в мире иранское месторождение Южный Парс с Европой. Стоимость строительства этой трубы составит около 10 млрд. долл., а ее пропускная способность — 110 млн. куб. м газа в сутки, или 40 млрд. куб. м в год. Часть этих объемов достанется странам-транзитерам. В частности, Ирак претендует на 10–15 млн. куб. м газа в сутки, Ливан — на 5–7 млн. куб. м, Сирия — на 15–20 млн. Итого порядка 10–15 млрд. куб. м год. Значит, 25–30 млрд. куб. м дойдут до Европы. Ресурсная база — месторождение Южный Парс с запасами в 16 трлн. куб. м. Кроме того, нельзя исключать и присоединения к магистрали газовых месторождений Катара.

Газопровод «Исламская магистраль» (Иран — Ирак — Сирия — Европа)

Просыпающийся Ирак

Как заявил 20 июня 2011 г. министр нефти страны Абдул Карим Лаиби, Ирак намерен получить весомую долю на газовом рынке Европы. Через несколько лет это может оказаться фактом. Быстро восстанавливая добычу нефти, Багдад не желает игнорировать и свои газовые запасы, которые еще предстоит оценить. По данным BP, газовые резервы Ирака составляют 3,2 трлн. куб. м (1,7% мировых). Однако геологоразведка на газ здесь серьезно отстает, и далеко не вся территория страны изучена. Во-вторых, непонятно, учитывается ли в международной статистике попутный (нефтяной) газ, запасы которого очень велики, соответственно запасам нефти? И даже озвученные объемы в 3,2 трлн. куб. м вполне позволяют развивать экспорт «голубого топлива». Причем за газовыми планами иракского правительства стоят мощные международные силы.

В апреле 2011 г. министерство нефти Ирака сообщило, что эта страна предложит разработку трех газовых месторождений с общими запасами около 210 млрд. куб. м. Министерство предложит компаниям 20-летние контракты, по условиям похожие на те, которые предоставлены победителям первого и второго аукционов на разработку нефтяных месторождений в прошлом году. На аукцион будут

[10] Bhadrakumar M. K. US moves towards engaging Iran. Asiatimes. 2008, 27 March.

приглашены только 15 иностранных компаний, это будут «крупные интегрированные компании, которые могут разрабатывать как нефтяные, так и газовые месторождения, но которые специализируются на газовых месторождениях». Хотя в 2010 г. подобный аукцион провалился, в формировании газовой отрасли Ирана все-таки наметились подвижки.

В конце августа 2011 г., наконец фактически завершилась история создания совместного предприятия по переработке и сжижению попутного газа Shell и иракской государственной компанией South Gas Co (SGC). После двух лет переговоров стороны наконец-то сумели создать финальный проект договора, в рамках которого иракская сторона гарантирует Shell поставки попутного газа с месторождений Зубаир (Zubair), Румэйла (Rumaila) и Западная Курна (West Qurna). Это означает, что другие крупные западные компании, ведущие добычу в регионе (BP, Exxon Mobil, Eni, China National Petroleum Corp.), будут вынуждены бесплатно отдавать SGC свой попутный газ — согласно контрактам от 2009–2010 гг. право собственности на этот ресурс закрепляется за местными властями. Судя по всему, эти компании уже не будут допущены к переработке и сжижению газа, поскольку все свободные объемы будут направляться Shell.

Согласно достигнутым договоренностям Shell должна будет обеспечить большую часть предложения газа на внутреннем рынке страны, что поможет Багдаду увеличить объемы вырабатываемой электроэнергии и покончить с перебоями в электроснабжении. После этого Shell будет позволено построить завод по сжижению газа с целью его дальнейшего экспорта. Проект договора позволяет Shell построить завод производительностью 4 млн. т в год.

Таким образом, на южном газовом направлении российского экспорта формируется не только спрос со стороны Европы и быстроразвивающихся азиатских гигантов, но и достаточно активное предложение со стороны новых игроков. Пока рынок находится в равновесии? Нет избытка предложения, как нет и дефицита газа. Однако страны-потребители прилагают значительные усилия для возврата ситуации к положению 2008 г. — явного «рынка потребителя», который мог бы диктовать свои условия закупок.

Очень перспективной для нашей страны в этих условиях является работа по объединению усилий и интересов газопроизводящих стран для обеспечения интересов стран-поставщиков газа. Для этого был создан Форум стран — экспортеров газа, которому поспешили присвоить статус «газовой ОПЕК». Но, в самом деле, координация ценовой, маркетинговой, логистической политики всего 5–6 стран, а именно: России, Ирана, Туркменистана, Казахстана, Катара, Алжира и, возможно, Азербайджана, совокупные запасы природного газа в которых приближаются к 60% от общемировых, сделали бы ситуацию на газовом рынке намного более определенной и сбалансированной. Реальная координация в рамках ФСЭГ обеспечила бы согласованность принятия решений, но самое главное — не позволила бы мировым потребителям играть на противоречиях между производителями газового топлива и проводить так называемую «альтернативную энергетическую политику».

Упоминавшиеся в начале статьи новые качественные характеристики газового рынка, к сожалению, демонстрируют неготовность Газпрома как монопольного выразителя и проводника российской газовой политики к меняющимся реалиям этого рынка. Никогда еще разрыв в уровнях спроса на трубопроводный и сжиженный газ не был так велик. В 2010 г. объем продаж трубопроводного газа вырос на 7,07%, а СПГ — на 21,33%. За счет новых технологий регазификации Великобритания начала поставки регазифицированного СПГ в страны ЕС. К ней планирует присоединиться Италия. В свою очередь, Газпрому удалось увеличить поставки своего газа только в те страны ЕС, куда невозможны поставки СПГ. Как показано выше, существует угроза потери экспортных позиций и в сфере трубопроводного газа, на которые нацелились многочисленные конкуренты. Недооценка этих угроз может иметь крайне негативные последствия для развития всей газовой отрасли России.

Д. В. Стрельцов

«Чистая энергетика» в Японии

Согласно докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата, опубликованному в мае 2011 г., к середине XXI века около 80% спроса на электроэнергию, при условии проведения адекватной государственной политики, будет удовлетворяться за счет возобновляемых источников[1]. Из приведенных в докладе данных можно сделать вывод о том, что возобновляемая энергетика является наиболее динамично развивающимся сектором мирового энергетического рынка. Например, из 300 гВт новых электрогенерирующих мощностей, введенных в строй в мире в 2008–2009 гг., почти половину занимают мощности, работающие на возобновляемых источниках[2]. При этом потенциал развития возобновляемой энергетики способен с лихвой обеспечить все потребности в энергии как на глобальном уровне, так и на уровне отдельных регионов. Однако около 97% этого потенциала так и остается нереализованным, в силу неотработанности соответствующих технологий, фактора экономической неконкурентоспособности по сравнению с конвенциональными источниками энергии, а также отсутствия необходимой политической воли.

Япония является страной, уделяющей возобновляемым источникам энергии первоочередное внимание в своей энергетической политике. Однако в первичном энергобалансе возобновляемые источники продолжают занимать сравнительно скромную долю — около 3%. Например, в 2006 г. Япония занимала по этому показателю седьмое место с конца (или 22-е с начала) среди 26 стран-членов ОЭСР. У Японии относительно высокая доля геотермальной энергетики и гелиоэнергетики в первичном энергобалансе, однако страна занимает крайне низкое место по роли энергии биомассы (третье с конца в 2006 г.) и роли энергии ветра (восьмое с конца)[3]. В структуре баланса возобновляемых источников около 40% занимает гидроэнергия, 36% — энергия биомассы, 17% — геотермальная энергия, 3% — солнечная и 1% — ветровая[4].

Как и в первичном энергобалансе, невелика роль возобновляемых источников энергии и в производстве электроэнергии — около 9%, а если исключить гидроэнергию — около 1%[5]. Основное место (79% в 2006 г.) занимала гидроэнергетика, далее шла энергия биомассы (17%), геотермальная (3%) и ветровая (2%)[6].

Для Японии курс на развитие возобновляемых источников энергии обозначен в качестве одного из приоритетных во всех основных документах правительства, касающихся развития энергетической сферы. Во-первых, этот вид энергии крайне важен с точки зрения энергонезависимости Японии, практически полностью лишенной собственных ископаемых энергоносителей. Укрепление позиций возобновляемых источников в энергобалансе страны способствует решению задачи обеспечения национальной энергетической безопасности. После аварии на АЭС «Фукусима-1» такая политика становится для Японии категорическим императивом, представляя для нее единственный способ выживания в условиях сворачивания программ развития атомной энергетики.

Во-вторых, наблюдающийся на протяжении нескольких десятилетий рост цен на ископаемые виды энергоресурсов, и прежде всего нефти, диктует потребность в источнике энергии, который был бы независим от глобальной конъюнктуры цен.

В-третьих, имеется еще и аспект борьбы с глобальным потеплением. Перестройка энергобаланса в пользу возобновляемых источников энергии диктуется требованием постепенного отказа от угля и углеводородов и перехода на источники энергии, минимизирующие эмиссию парниковых газов.

В-четвертых, возобновляемые источники энергии предоставляют Японии прекрасную нишу для дальнейшего экономического роста в условиях некоего «кризиса идентичности», связанного с переходом страны на постиндустриальную стадию развития и поиском новых факторов экономического роста. Развитие «зеленых технологий» в энергетике дает Японии уникальный шанс закрепить и упрочить свои позиции в мире в качестве научно-технологического донора, обладателя тех видов интеллектуальной собственности, от которых будут зависеть основные векторы развития мировой экономики. При этом некоторые «зеленые технологии» в энергетике, а точнее говоря — технологии применения возобновляемых источников энергии, дают новые возможности и для регионального развития, предоставляя дополнительные источники роста тем районам страны, где эти источники имеются в избытке. Особенно это актуально для депрессивных регионов, где традиционные отрасли экономики находятся в состоянии, близком к кризису. Например, на Хок-

1 Japan Times, 11.06.2011.

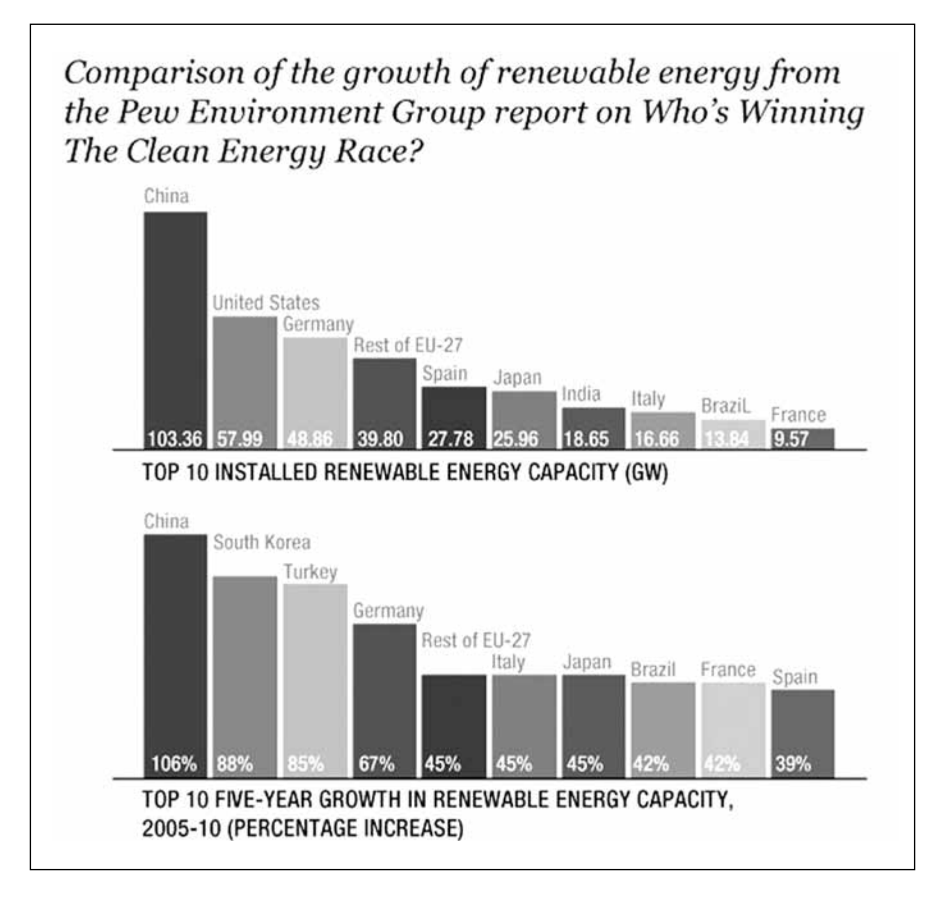
2 Там же.

3 Energy Policies of IEA Countries Japan. 2008 Review. P., 2008, c. 149; Режим доступа: http://www.iea.org/textbase/nppdf/free/2008/japan2008.pdf

4 Там же, с. 147

5 Japan Times, 11.06.2011.

6 Energy Policies of IEA Countries Japan. 2008 Review, с. 150.

Источник: сайт университета ООН
http://ourworld.unu.edu/en/can-japan-go-100-renewable-by-2050/

кайдо перспективно развитие ветряной энергетики, в горных районах Синсю и Тюбу — гидроэнергетики, в богатых горячими источниками районах Северного Кюсю — геотермальной энергетики, а в перспективных для выращивания сахарного тростника островах преф. Окинава — энергетики биомассы.

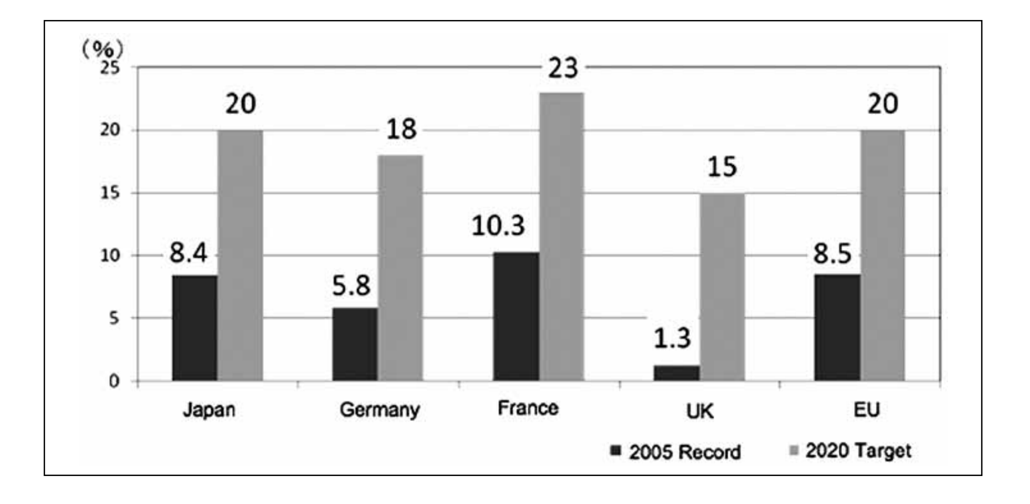
В японском правительстве существует достаточное понимание того, что ситуация, при которой возобновляемые источники энергии пока занимают незначительное место в энергетическом балансе страны, является неудовлетворительной. Достигнутый в Японии уровень внедрения возобновляемых источников существенно ниже, чем в большинстве развитых стран. Уступает Япония многим странам как по абсолютным показателям совокупных мощностей вырабатываемой в стране «зеленой электроэнергии», так и по среднегодовым темпам роста ее производства.

В 2009 г. премьер-министр Японии Т. Асо провозгласил цель доведения доли возобновляемых источников энергии в энергобалансе страны до 20% к 2020 г. Следует отметить, что провозглашенная Японией цель, носящая достаточно амбициозный характер, не является проявлением некоего новаторского подхода, а отражает мировую тенденцию в сфере энергетики, в соответствии с которой развитые страны стремятся повысить значение возобновляемых источников. Например, предложенная японским правительством стратегия коррелирует со «Стратегией 2020», проводимой странами Евросоюза (см. табл. 1). При этом стратегия Японии не изменилась даже после катастрофы на АЭС «Фукусима-1» 11 марта 2011 года, хотя можно было предположить, что она будет пересмотрена в связи с необходимостью проведения дорогостоящих и масштабных восстановительных работ, требующих концентрации всех финансовых резервов государства.

Выдвинутая японским правительством цель приоритетного развития возобновляемых источников энергии основана на тщательно проработанных расчетах и понимании того, что ее достижение будет обеспечиваться поэтапно путем реализации среднесрочных программ развития энергетической сферы. Например, установленные правительством количественные ориентиры предусматривали увеличение про-

Таблица 1

Ситуация в отдельных странах в 2005 г. и цели на 2020 г. применительно к доле возобновляемых источников энергии в 2020 г.

Источник: сайт Министерства экономики, торговли и промышленности Японии http://www.meti.go.jp/english/policy/energy_environment/renewable/ref1001.html

изводства электроэнергии за счет возобновляемых источников на 65% в период с 2005 по 2010 г.[7]

Спектр политики правительства по стимулированию возобновляемых источников охватывает чрезвычайно широкий диапазон мер — от налогово-финансовых до административных. Правительство проводит обширную программу дерегулирования рынков, предполагающую ослабление ограничений на доступ для «новичков», в том числе из числа мелких и средних компаний, создание конкурентной среды на энергетических рынках, подготовку условий для свободного выбора поставщиков энергетических услуг потребителями. Решение этой задачи осложняется тем обстоятельством, что энергетические рынки монополизированы крупными региональными генерирующими компаниями, не заинтересованными в изменении рыночных правил.

Налогово-финансовые меры имеют особое значение с той точки зрения, что возобновляемые источники в экономическом отношении пока еще недостаточно состоятельны, т. е. экономический фактор еще долгое время будет превалировать при решении вопроса об их практическом внедрении. Для устойчиво работающей экономики возобновляемых источников необходимо несколько условий: достаточный уровень технологий, наличие соответствующей производственной базы, возможность массового производства, позволяющего снизить издержки на «эффекте масштаба», а также содействие со стороны государства. Если конечный продукт — электроэнергия, произведенная на возобновляемых источниках, при существующих издержках она все же остается неконкурентоспособной по себестоимости, и фактор государственной поддержки приобретает ключевую роль.

Среди применяемых в мире мер финансовой поддержки — система дотаций на первичные инвестиции, включая дотации на закупку и установку оборудования, а также дотации на коммерциализацию «зеленой электроэнергии», позволяющие новичку снизить риски вхождения на электроэнергетический рынок. В Японии существует целевой налог на стимулирование разработки новых источников электроэнергии, составляющий 2% от тарифа на электроэнергию. Частично за счет целевых средств, получаемых от этого налога, и частично за счет бюджетных средств общего назначения наполняются фонды, из которых государство финансирует субсидии на закупку оборудования в сфере использования возобновляемых источников энергии. В числе мер налогового стимулирования — так называемый «экологический налог», который правительство в декабре 2010 г. предложило взимать в форме 50%-ной надбавки к действующему налогу на импорт ископаемых видов топлива. Этот налог, призванный стимулировать дальнейшую структурную перестройку первичного энергобаланса в пользу возобновляемых источников, планируется ввести в рамках пакета мер по реализации налогово-финансовой реформы. Всего же эта мера, как предполагается, принесет бюджету около 240 млрд. иен дополнительных доходов[8].

Однако помимо системы мер общего характера, касающихся всех возобновляемых источников в целом, имеются и специфические регуляторы, настроенные на отдельные виды энергии. С января 2009 г. стала работать система государственных дотаций на установку бытовых гелиоэлектрических систем, сумма которых определяется из расчета 70 тыс. иен на каждый киловатт энергогенерирующих мощностей[9]. Существует также практика закупки электрораспределительными компаниями (энергосетями) излишков электроэнергии индивидуальных хозяйств, установивших автономные гелиоэлектрические системы. Первоначально закупка излишков гелиоэлектроэнергии происходила на добровольных началах, однако с ноября 2009 г., когда в стране был введен т. н. «зеленый тариф» на электроэнергию, она стала обязательной для энергосетей.

«Зеленый тариф» (FIT, Feed-in tariff) является одним из широко применяемых в мире методов стимулирования перехода электроэнергетики на возобновляемые источники. Его внедрение предполагает, что поставщики «зеленой электроэнергии» (электроэнергии, произведенной на возобновляемых источниках) пользуются тремя базовыми преимуществами: гарантированным доступом к энергосетям (т. е. беспрепятственным подключением к электросетям в качестве поставщиков электроэнергии), гарантированным правом заключения долгосрочных контрактов на поставки и возможностью установления приемлемых цен, покрывающих все издержки на производство. При этом предполагается полная открытость рынка «зеленой электроэнергии», т. е. свобода вхождения на него не только для корпоративных структур различного масштаба, но и для индивидуальных предпринимателей и частных лиц. Как правило, «зеленый тариф» распространяется на все виды возобновляемой энергетики, а его исчисление производится дифференцированно в зависимости от конкретного вида источника энергии.

Япония взяла на вооружение систему «зеленых тарифов» гораздо позднее других зарубежных стран. В качестве причины задержки с его введением многие называют сопротивление крупнейших электрогенерирующих компаний Японии, а также курирующего сферу электроэнергетики министерства экономики, торговли и промышленности. Если корпорации были недовольны перспективой утраты монопольного положения на рынке электроэнергии и появлением финансово обременительной для себя системы обязательных закупок «зеленой электроэнергии», то министерство — ослаблением центра-

[7] Energy Policies of IEA Countries Japan. 2008 Review, с. 158.

[8] Асахи симбун, 18.12.2010.

[9] Никкэй бидзинэсу, 07.12.2009, с. 34.

лизованного начала в управлении отраслью. Во многом именно по этой причине Япония не смогла к настоящему времени добиться крупных успехов в деле внедрения возобновляемых источников энергии, доля которых, за исключением гидроэнергии, не превышала к концу 2000 гг. в общем балансе электроэнергетики и 1%. «Зеленый тариф» был введен лишь в ноябре 2009 г., после прихода к власти Демократической партии, активно использовавшей тематику «зеленой электроэнергетики» в своих предвыборных программах. Однако, в отличие от большинства других стран, в Японии он первоначально был внедрен лишь в сферу гелиоэнергетики. Лишь после аварии на АЭС «Фукусима-1» на политическую повестку дня был поставлен вопрос о введении полноценного «зеленого тарифа». После принятия 26 августа 2011 г. верхней палатой парламента закона о возобновляемых источниках энергии (закон вступит в силу 1 июля 2012 г.) схема применения «зеленого тарифа» стала носить всеобъемлющий характер.

Согласно новому закону, все 10 крупнейших региональных электроэнергетических компаний-операторов (энергосетей) будут обязаны покупать у внешних поставщиков всю электроэнергию, произведенную в своем регионе на таких источниках, как гелио-, ветряная, гидро-, геотермальная энергия, а также энергия биомассы. Что касается электроэнергии, произведенной на бытовых гелиоустановках, то энергосети будут закупать ее излишки, не нашедшие применения в индивидуальных хозяйствах. Схема «зеленого тарифа» не будет распространяться на уже существующие ветроэнергетические установки[10]. Кроме того, закон предусматривает возможность для энергетической компании отказаться от закупки «зеленой электроэнергии» в случае, если это затрудняет нормальную работу энергосети[11]. Данное правило, как опасаются многие, существенно ограничит сферу применения закона, поскольку даст энергосетям законный повод отказаться от закупок. В японской печати сообщалось, что на Хоккайдо, районе Тохоку, Кюсю и других районах Японии многие планы строительства ветрогенерирующих установок так и остались нереализованными, поскольку энергосети отказывались подписывать контракты под предлогом «нестабильности» поставок[12].

Согласно данным министерства экономики, торговли и промышленности, применение закона позволит всем поставщикам «зеленой электроэнергии» (помимо гелиоэлектроэнергии) иметь гарантированный тариф в размере 15–20 иен за 1 кВт/ч в течение 15–20 лет. Что касается гелиоэнергии, то тарифы будут в целом соответствовать старым нормам[13]. Закупочная цена гелиоэлектроэнергии должна быть примерно в два раза выше, чем стоимость электроэнергии на генерирующих предприятиях (в качестве базовой высчитывается средняя стоимость в течение последних 10 лет)[14]. По состоянию на конец 2009 г. она составляла 48 иен за 1 кВт.[15]

Законом предусматривается, что дополнительные издержки, связанные с закупкой «зеленой электроэнергии», компании-операторы энергосетей смогут перекладывать на плечи потребителей. Дополнительные средства для этого получаются в результате специальной наценки на электротарифы для всех потребителей энергосетей, величина которой высчитывается в зависимости от объема потребляемой электроэнергии[16]. Подсчитано, что средняя семья должна будет дополнительно платить за это от 100 до 150 иен в месяц в течение следующих 10 лет. Большие опасения вызывает и высокий уровень ожидаемой финансовой нагрузки на отрасли промышленности с высоким уровнем энергопотребления, в цене продукции которых велика доля электроэнергии. Например, после вступления закона в силу только предприятия черной металлургии, согласно одному из прогнозов, должны будут нести 126 млрд. иен дополнительных расходов в год[17]. Следует учесть, однако, что закупочные цены для крупных промышленных потребителей электроэнергии могут быть снижены.

Закупочные цены на «зеленую электроэнергию» не могут устанавливаться произвольно, а будут определяться специальной комиссией из пяти человек в составе Агентства по энергетике и природным ресурсам министерства экономики, торговли и промышленности, члены которой будут назначаться с одобрения парламента[18].

Одна из базовых проблем заключается в уже отмеченном выше высоком уровне монополизации рынка электроэнергии региональными компаниями. В каждом из 10 регионов страны сложилась своя замкнутая энергосеть, управляемая оператором-монополистом и практически не контактирующая с соседями. Сегментарность рынка электроэнергии в Японии усугубляется разделением страны на две зоны с разной частотой тока (на западе страны — 60 Гц, на востоке — 50 Гц). С учетом крайне ограниченных трансформаторных мощностей (не более 1 гВт), соединяющих обе зоны, такое положение оказывается практически неразрешимой проблемой с точки зрения унификации управления энергосетями на общенациональном уровне. В этой связи успех применения закона о возобновляемых источниках будет в конечном счете зависеть от того, сможет ли правительство «продавить» концепцию

[10] Асахи симбун, 5.09.2011.

[11] The Japan Times, 16.09.2011.

[12] Асахи симбун, 5.09.2011.

[13] http://www.ey.com/Publication/vwLUAssets/Renewable_energy_country_attractiveness_indices_-_Issue_30/$FILE/EY_RECAI_issue_30.pdf

[14] с. 32. Асахи симбун, 6.07.2009.

[15] Никкэй бидзинэсу, 07.12.2009, с. 34.

[16] Подр. см.: www.enecho.meti.go.jp/kaitori/

[17] Йомиури симбун, 24.07.2011.

[18] Асахи симбун, 5.09.2011.

создания интегрированных энергосетей хотя бы межрегионального значения, которые бы обеспечили передачу в урбанизированные районы тихоокеанского побережья «зеленой электроэнергии», произведенной в сельских районах. В таких сетях будет удобнее реализовать концепцию «умной сети», позволяющей регулировать потребление, не допуская сильных перепадов напряжения из-за неравномерности нагрузки в разные периоды суток. Большие надежды возлагаются на реформу системы корпоративного управления в отрасли. Как ожидается, закон будет способствовать созданию мощных электрогенерирующих предприятий, например сверхкрупных гелиоэлектростанций, что позволит добиваться экономической состоятельности «зеленой электроэнергетики» за счет использования «эффекта масштаба».

Помимо «зеленого тарифа», действующим в Японии законодательством стимулируется более активное использование возобновляемых источников самими электрогенерирующими компаниями. В Японии действует Закон о специальных мерах по стимулированию использования новых видов энергии, принятый в июне 1997 г., а также Закон о специальных мерах по использованию новых видов энергии электрическими компаниями (Закон о стандарте портфеля возобновляемых источников, renewable portfolio standard RPS, в редакциях 2003 и 2011 г.). Эти законы предусматривают различные виды содействия со стороны государства в отношении компаний, занимающихся разработкой и внедрением возобновляемых источников энергии.

Закон о стандарте портфеля возобновляемых источников предусматривает для предприятий электроэнергетического сектора экономики минимальную долю «новых источников» энергии в их топливном балансе. Все электроэнергетические компании, за исключением крупных ГЭС и части геотермальных электростанций, довели совокупный объем электроэнергии, произведенной на возобновляемых источниках, с уровня 4,05 млрд. кВт/ч (или 0,39% от общего объема произведенной в стране электроэнергии) в 2003 фин.г. до 12,2 млрд. кВт/ч (1,35% от объема) в 2010 фин. г., т. е. практически в три раза[19]. К 2014 фин. г. этот уровень должен составить 16 млрд. кВт/ч, что, по оценке специалистов, будет соответствовать примерно 1,3% от общего производства электроэнергии в стране[20].

Электроэнергия, произведенная на возобновляемых источниках («зеленая электроэнергия»), отделяется в Законе как специфический вид продукции, обладающий самостоятельной (по отношению к обычной электроэнергии) ценностью. Каждая компания сферы электроэнергетики должна ежегодно отчитываться по достижению определенного норматива выработки «зеленой электроэнергии». Количественные показатели этого норматива определяются ежегодным постановлением министерства экономики, торговли и промышленности Японии как выраженная в процентах доля прошлогоднего объема продаж электроэнергии.

Ее излишки, или «кредиты RPS», т. е. объемы производства «зеленой электроэнергии», превышающие определенный для данной компании норматив, могут учитываться в следующем финансовом году как достижение этой же компании, а могут и продаваться другим электроэнергетическим компаниям, не выполнившим нормативы текущего года. В результате создается специфический рынок «зеленой электроэнергии», объем которого оценивается к 2014 г. на сумму 110–130 млрд. иен[21].

Поскольку закон не определяет, какие конкретно виды возобновляемой энергии и какие технологии должны быть использованы для выполнения норматива, генерирующие компании сами могут выбирать технологическую и экономическую политику по реализации поставленных целей. Это обеспечивает гибкость и подвижность рынка «зеленой электроэнергетики», гарантирует свободу рыночных взаимоотношений, стимулирует конкурентную борьбу.

Благодаря введению Закона о стандарте портфеля возобновляемых источников, электроэнергетические компании приступили к планомерному наращиванию своих мощностей, работающих на возобновляемых источниках. Однако, безусловно, необходимость достижения обозначенных Законом цифровых ориентиров ложится большой дополнительной финансовой нагрузкой на их бюджет. Например, для выполнения нормативных требований на 2010 фин. г., по оценке специалистов, от электропроизводителей требуется около 93 млрд. иен дополнительных расходов[22]. В результате многие опасаются, что все издержки будут заложены в тарифы и лягут на плечи рядовых потребителей.

В сфере возобновляемых источников энергии существуют также моральные стимуляторы. Речь, в частности, идет о «зеленых сертификатах» в электроэнергетическом секторе — действующей на основе заявительного порядка системе общественного признания достижений той или иной электроэнергетической компании в сфере возобновляемых источников энергии. Производители электроэнергии на основании своих экономических показателей подают заявку на получение «зеленого сертификата». Он вступает в силу после верификации представленных данных «Центром сертификации зеленой энергетики», аффилированном при Институте энергетической экономики Японии.

---

[19] Сигэн сёкоку ниппон-но тёсэн (Вызовы Японии, лишенной собственных природных ресурсов). Токио., 2007, с. 138.

[20] Energy Policies of IEA Countries Japan. 2008 Review, с. 153.

[21] Energy Policies of IEA Countries Japan. 2008 Review, с. 159.

[22] Сигэн сёкоку ниппон-но тёсэн (Вызовы Японии, лишенной собственных природных ресурсов), с. 139.

Солнечная энергетика

Гелиоэнергетика является одним из основных видов возобновляемых источников энергии. Особую актуальность этот вид энергетики приобретает в свете обязательств, взятых Японией по Киотскому протоколу. Развитие этого источника энергии приобрело большую актуальность для Японии в связи с тем, что он не предполагает дополнительную эмиссию парниковых газов, а, следовательно, представляет собой один из наиболее чистых в экологическом отношении видов энергоносителей.

В качестве преимуществ использования солнечной энергии как энергоресурса обычно называют следующие моменты[23]. Прежде всего, поскольку источником энергии является солнечный свет и тепло, работающие на нем энергетические установки могут быть установлены повсюду, где для этого имеются климатические условия, в частности достаточное количество солнечных дней в году. Оборудование при этом относительно неприхотливо, требует минимального технического обслуживания, работает фактически в автоматическом режиме после одноразовой установки и т. д. Для солнечной установки не требуется специально создавать отдельное пространство, поскольку его можно смонтировать на любом свободном пространстве, например на крыше или стене. Солнечную энергию можно использовать в отдаленных местах (в горной местности, в полевых условиях), где отсутствуют стационарные линии электропередачи. Наконец, важно и то, что в случае стихийных бедствий солнечная энергия может быть использована в качестве аварийного источника.

Солнечная энергетика (или гелиоэнергетика) разделяется на фотогальваническую энергетику и термальную гелиоэнергетику.

Фотогальваническая гелиоэнергетика

Фотогальваника в числе прочих уже отмеченных преимуществ обладает рядом специфических достоинств. Во-первых, это экономическая составляющая: период окупаемости всегда меньше срока амортизации одной гелиоустановки (20–30 лет), хотя и колеблется в зависимости от типа установки, технологии, климата и других факторов. Эксплуатационные расходы невелики, а срок службы достаточно большой. Гелиоустановки могут быть встроены в здания в качестве отдельных единиц или использованы в качестве составной части базовой электрогенерирующей станции. Они не являются причиной эмиссии парниковых газов, не дают загрязнений и шума при работе, не требуют специального технического обслуживания.

Вместе с тем в отношении гелиоэнергетики имеются и сдерживающие факторы. Прежде всего, это высокая зависимость от погоды, не позволяющая использовать гелиоустановки в непрерывном режиме. Для погодно-климатических условий Японии коэффициент эффективности гелиоустановок (доля продолжительности их работы к общему периоду эксплуатации) составляет лишь 12%, что в сочетании с 20%-ным КПД энергопреобразования не позволяет говорить об их выдающейся энергоэффективности[24].

Сюда же можно отнести и относительно высокую себестоимость производства и установки гелиосистем, их хрупкость, необходимость периодически очищать от пыли и других загрязнений, а при сильном нагреве производительность фотоэлементов заметно падает, в связи с чем необходимо устанавливать дополнительные системы охлаждения. Сами фотоэлементы при нынешнем технологическом уровне пока еще не имеют достаточно высокого КПД, в связи с чем приходится восполнять недостаток эффективности дополнительными площадями солнечных батарей, что, в свою очередь, удорожит стоимость гелиоустановок и ограничит возможность их эксплуатации. Немаловажно и то, что в производстве большинства фотоэлементов на базе аморфного кремния используются токсичные газы (силан) и металлы (кадмий), что заставляет говорить о факторе экологического риска.

В целом эксперты сходятся во мнении, что солнечная электроэнергетика пока еще не может конкурировать по себестоимости с традиционной электроэнергией, производимой для широкого круга потребителей. Стоимость гелиоэлектрической установки составляет несколько миллионов иен (в пересчете на 1 кВт в 2006 г. — около 660 тыс. иен)[25], а себестоимость производимой на ней гелиоэнергии по-прежнему сильно уступает электроэнергии, производимой на тепловых электростанциях. 1 кВт гелиоэлектроэнергии стоит около 50 иен, тогда как в атомной энергетике он равен 5 иен, в тепловой энергетике — около 13 иен (по положению на 2010 г.)[26].

В этой связи с повестки дня не уходит вопрос о повышении эффективности гелиоэнергетики, оправданность развития которой на данном этапе ограничена регионами с заведомо высокой себестоимостью традиционной электроэнергии, а также районами, где солнечная энергия дополняет обычные источники либо является незаменимой в условиях отсутствия энергосетей.

В первичном энергобалансе доля гелиоэнергетики никогда не превышала и доли процента, занимая, скорее, роль вспомогательного источника. Тем не менее, все эксперты сходятся во мнении,

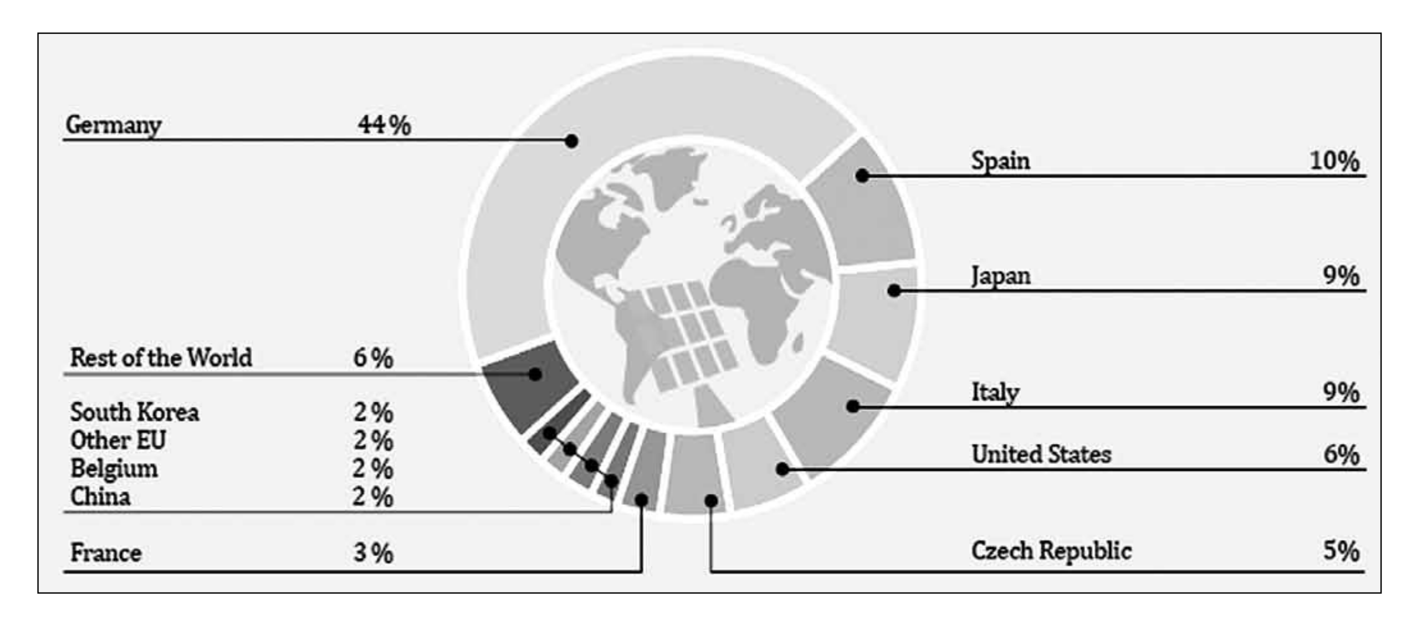
[23] Подр. см. http://www.enecho.meti.go.jp/energy/newenergy/new/p3.html

[24] Энэруги кэйдзай дэта-но ёмиката нюмон (Введение в курс интерпретации данных энергетической статистики). Токио, 2008, с. 300.

[25] Сигэн сёкоку ниппон-но тёсэн (Вызовы Японии, лишенной собственных природных ресурсов), с. 119.

[26] Japan Times, 11.06.2011.

Первая десятка стран в области гелиоэнергетики в 2010 г

что это перспективный возобновляемый источник энергии. С учетом этого обстоятельства японское правительство взяло на вооружение политику всемерного поощрения исследований в данной области, направленную на внедрение фотоэлектрических систем в бытовую и промышленную сферы.

В течение более чем 30-летнего периода развития гелиоэнергетики Японии удалось добиться существенного снижения себестоимости производимой электроэнергии (около 49 иен за кВт в 2008 г.), что, однако, примерно в два раза превышало среднюю стоимость электроэнергии в стране. Тем не менее, экономическая целесообразность гелиосистем в бытовой сфере, на которую приходится около 70% от общего объема производства гелиоэлектрической энергии, не вызывает сомнения.

В результате целенаправленной политики правительства и усилий корпоративного сектора Япония уверенно заняла передовые позиции в мире в сфере гелиоэнергетики, демонстрировавшей ежегодный прирост на уровне 40%. Страна стала главным производителем солнечных батарей, обеспечивая в середине 2000 гг. 55% мирового производства фотогальванических ячеек и около 50% модульных блоков. Только за период с 2000 по 2006 г. производство гелиоэлектроэнергии в стране учетверилось — с 330 мВт в 2000 г. до 1422 мВт в 2005 г.[27] Именно японские компании «Шарп», «Кёсера», «Санъё дэнки», «Мицубиси дэнки» заняли четыре из пяти главных мест производителей солнечных батарей.

Однако в 2005 г. система государственных дотаций была ликвидирована, в связи с чем рост гелиоэнергетики существенно замедлился: потребители сочли решение правительства как сигнал, свидетельствующий о сознательном отказе государства от ее поддержки. В результате Япония утратила лидирующие позиции в мире в сфере гелиоэнергетики, которые она занимала вплоть до 2004 г. К концу 2008 г. она перешла на третье место после Германии и Испании, которые в результате проведения целенаправленной государственной политики существенно нарастили свои генерирующие мощности.

Правда, ряд дотаций сохранился на местном (префектуральном, городском и поселковом) уровне. Во второй половине 2000 гг. центральным правительством было запущено несколько новых дотационных программ. Так, часть расходов на установку гелиосистем может быть восполнена в рамках специальной программы, которая финансируется совместно министерством экономики и промышленности и NEDO. Кроме того, из государственного бюджета оплачивается определенная часть расходов по установке гелиоэлектрических систем частными компаниями и региональными организациями с общественными интересами[28]. Один из путей дальнейшего повышения экономической эффективности гелиосистем видится в Японии в том, чтобы дать возможность домашним хозяйствам продавать избытки гелиоэнергии электроэнергетическим компаниям.

В перспективе снижение себестоимости гелиоэлектроэнергии связывается в первую очередь с технологическими инновациями, повышением эффективности и снижением себестоимости базовых элементов солнечных батарей. После катастрофы 11 марта 2011 г. премьер-министр Японии Н. Кан за-

[27] The Brookings Foreign Policy Studies. Energy Security Series. Japan — Executive Summary. December 2006, c. 23. Режим доступа: http://www.brookings.edu/~/media/Files/rc/reports/2006/12japan/12japan.pdf

[28] Энэруги кэйдзай дэта-но ёмиката нюмон (Введение в курс интерпретации данных энергетической статистики), с. 301.

явил о необходимости добиться снижения себестоимости солнечных батарей минимум до одной трети от уровня 2011 к 2020 г. и одной шестой от уровня 2011 г.[29]

Среди наиболее насущных задач, стоящих перед отраслью, — разработка аккумуляторных батарей повышенной ёмкости, необходимых для оперативного реагирования на изменение мощности гелиосистем в зависимости от времени суток и погодных условий, а также внедрение инновационных технологий при проектировании гелиосистем, в частности переход на использование сверхтонких кремниевых панелей. Кроме того, в связи с неизбежным дефицитом кремния, а также тем фактом, что кремний имеет естественные пределы КПД энергопреобразования, составляющие 28%, ставится задача перехода на альтернативные виды сырья для производства гелиосистем. В качестве одного из них, в частности, специалисты называют арсенид галлия, который используется в солнечных батареях искусственных спутников Земли[30].

Большие усилия прилагаются японскими корпорациями в сторону удешевления элементов фотогальванических батарей. Например, компания Sanyo заявила в сентябре 2009 г. о создании высокоэффективной солнечной ячейки площадью от 100 см^2 и выше, из которых очень удобно составлять более крупные панели. Благодаря нанесению тонкого слоя аморфного кремния на основу из кремния монокристаллического HIT (Heterojunction with Intrinsic Thin-layer — гетеропереход с внутренним тонким слоем) удается добиться сочетания хорошей эффективности и умеренной цены. Всё это позволило получить прекрасный КПД при очень малой толщине ячейки и высокой её гибкости[31].

Не вызывает сомнений тот факт, что важную роль в развитии гелиоэнергетики по-прежнему будет играть государство. Многое будет зависеть от того, удастся ли ему разработать оптимальную и сбалансированную политику в этой сфере, сочетающую целенаправленные меры по налогово-финансовому стимулированию производителей гелиоэлектрических систем и отдельных ее компонентов, с одной стороны, и совершенствование нормативно-правовой базы — с другой.

Согласно «Дорожной карте развития гелиоэнергетики до 2030 года», разработанной NEDO, совокупная мощность электрогенерирующих гелиоустановок составит к 2030 г. 100 гВт, или около 10% всех потребностей страны в электроэнергии[32].

Термальная гелиоэнергетика

Общий объем энергии, получаемой 1 кв. м поверхности в результате попадания на него солнечных лучей, составляет в год 1,3 млн. ккал[33]. Эту энергию можно использовать для нагрева воды, которая может подаваться в системы горячего водоснабжения и водяного отопления жилых помещений.

Использование термальной энергии солнца для производства тепла имеет ряд преимуществ по сравнению с традиционными видами теплоснабжения. Прежде всего (и это главный плюс), речь идет о возобновляемом источнике энергии, не дающем дополнительной эмиссии парниковых газов. Кроме того, гелиотермальные установки характеризует высокий коэффициент теплоотдачи: в преобразованную тепловую энергию уходит 50–55% полученной солнечной энергии[34]. Свою роль также играет прогресс в миниатюризации гелиотермальных установок, активный процесс их адаптации к бытовым условиям, а также снижение себестоимости. Так, если обычная система горячего водоснабжения (на газу или электричестве) обходится рядовому потребителю в 300–500 тыс. иен, то гелиосистема — примерно в 1 млн. иен, что хотя и дороже, но вполне приемлемо, особенно для японских потребителей, имеющих «продвинутое» экологическое сознание[35].

Динамика развития гелиотеплоэнергетики находилась в достаточно жесткой корреляции с мировыми ценами на энергоносители. В этой связи после некоторого снижения темпов роста в 1990 гг. она начала переживать ренессанс с 2000 гг. В 2005 фин. г. производство тепловой гелиоэнергии составило 613 тыс. кг условного топлива[36]. Однако существенным сдерживающим фактором стало появление на рынке энергоэффективных водонагревательных приборов, работающих на газу и электричестве.

Наибольшую перспективу гелиотеплоэнергетика имеет в тех случаях, когда возможно использовать так называемый «эффект масштаба», т. е. обеспечивать теплом от относительно мощных гелиоустановок крупные промышленные, коммерческие и бытовые объекты. Речь идет, например, о жилищных кондоминиумах, заводах и иных крупных промышленных предприятиях, гостиницах, больницах, учреждениях культуры и т. д. При этом с учетом необходимости размещения теплоконцентрирующих солнечных элементов на стационарные строительные конструкции ставится задача инкорпорирования таких элементов непосредственно в строительные материалы. Именно в этом направлении ориентирует разработчиков «жилья будущего» предложенная правительством «дорожная карта» создания

---

[29] http://www.tinygreenbubble.com/green-energy/item/1893-japan-aims-for-twenty-percent-renewable-energy-by-2020

[30] Сигэн сёкоку ниппон-но тёсэн (Вызовы Японии, лишенной собственных природных ресурсов), с. 119.

[31] http://www.energospace.ru/2009/09/24/v-japonii-izgotovlena-solnechnaja-batareja-s.html

[32] Надзэ нихон-га тайёко хацудэн-дэ сэкайити-ни нарэта но ка (Почему Япония смогла стать первой в мире в области гелиоэнергетики). Токио, 2007, с. 116.

[33] Энэруги кэйдзай дэта-но ёмиката нюмон (Введение в курс интерпретации данных энергетической статистики), с. 304.

[34] Там же.

[35] Там же, с. 305.

[36] Там же.

технологий бытового пространства энергосберегающего типа.

Ветряная энергетика

К концу 2008 г. в Японии имелось 1850 мВт электрогенерирующих мощностей на энергии ветра. Основными достоинствами ветровой электроэнергетики считаются относительно низкие расходы на производство и достаточно короткий период строительства и установки электрогенерирующих мощностей, позволяющие добиваться экономической целесообразности работы ветряных установок даже на некоммерческой основе. При этом ветряные установки, в отличие от солнечной энергетики, при соответствующих метеорологических условиях могут работать круглосуточно.

Вместе с тем в международных рейтингах Япония занимает по этому виду энергетики лишь 13-е место, а ее доля в мировом производстве электроэнергии ветра составляла лишь 1,6%.

Производство ветряной электроэнергии в мире (по положению на декабрь 2008 года)

№	Страна	Совокупная мощность энергоустановок *мВт*
1	США	25 170
2	Германия	23 903
3	Испания	15 754
4	Китай	12 210
5	Индия	9645
6	Италия	3736
7	Франция	3404
8	Великобритания	3241
9	Дания	3180
10	Португалия	2862
11	Канада	2372
12	Голландия	2225
13	Япония	1180

Источник: Energy in Japan 2010. Tokyo, Agency for Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade and Industry, 2010. P. 28. Режим доступа: http://www.enecho.meti.go.jp/topics/energy-in-japan/english2010.pdf

В целом в долгосрочных планах по развитию ветряной электроэнергетики установленные Японией цели существенно ниже, чем в других странах. Например, целевые ориентиры МЭТП предусматривают, что к 2014 г. доля новых источников энергии в энергобалансе страны составит 1,63%. В то же время только в Германии, сопоставимой Японии по экономическому потенциалу, этот показатель к 2010 г. должен составить 12,5%, причем только за счет ветряной энергетики должно вырабатываться 6,3% всего объема электроэнергии в стране. В Дании же доля ветряной электроэнергии составляет около 20% в общей структуре энергобаланса[37].

Относительное отставание Японии от большинства стран Запада объясняется особенностью топографических условий, в частности преобладанием сложных рельефов местности, отсутствием открытых пространств и малой долей равнинной местности. Основная часть установок сконцентрирована на севере страны, на Хоккайдо и в районе Тохоку. Играет свою роль также то обстоятельство, что в Японии относительно меньший, чем в других странах, объем дополнительного спроса на электроэнергию, позволяющего с большей эффективностью использовать новые источники.

Препятствием на пути развития ветряной электроэнергетики является нестабильность работы ветряных установок, которая зависит от конкретных метеорологических условий, в первую очередь силы ветра, которая должна составлять как минимум 4 м/сек. Такие метеоусловия носят сезонный характер: в зависимости от конкретного месяца производительность ветроустановок может различаться в 10 раз. Чтобы застраховаться от перепадов в подаче электроэнергии от ветряных установок, электроэнергетические компании требуют, чтобы производители ветроэлектроэнергии не направляли ее непосредственно в сеть, а аккумулировали в батареях, что сопряжено с дополнительными расходами и создает дополнительные трудности.

Кроме того, существуют субъективные моменты, в частности, недостаточно активная, по сравнению с другими странами, мотивационная составляющая в политике правительства по стимулированию этого сектора *электроэнергетики*. Многие эксперты указывают на то обстоятельство, что проблема заключается именно в системных просчетах правительства. Как указывал президент компании Green Power Investment Corp. Т. Хори, «для роста компаний (в области ветряной энергетики — *Д. С.*) отсутствуют стимуляторы»[38].

Большую проблему на пути развития ветряной электроэнергетики представляет также специфика корпоративной структуры энергетического сектора, для которого характерно наличие в стране крупных региональных электроэнергетических компаний, монополизировавших производство электроэнергии в своем регионе. Отсутствие конкуренции, неповоротливость и негибкость корпоративного управления, затянутый характер процесса принятия решений — все это препятствует развитию проектов в области ветряной энергетики, которая, скорее,

---

[37] Dave Engler. Is Japan a Leader in Combating Global Warming? The Wind-Power Problem// Japan Focus, 3.05.2008. Режим доступа: http://www.japanfocus.org/-Dave-Engler/2736

[38] Там же.

относится к категории венчурного бизнеса. Именно эти монополии, по мнению многих экспертов, делают все возможное, чтобы не допустить «ветряную энергию» в энергосеть, используя для этого не только организационные, но и политические ресурсы. Доля «ветряной электроэнергии» искусственно лимитируется минимальными требованиями, определяемыми действующим законодательством, — от 2 до 3%[39].

Еще одной из острых проблем этого вида энергетики является то обстоятельство, что большинство мощных ветряных электрогенераторов, эксплуатирующихся в Японии, является изделиями зарубежного производства. До середины 2000 гг. практически единственным в Японии производителем крупных ветроэнергетических установок являлась компания «Мицубиси дэнки», а установки мощностью более 1 мВт поставлялись только зарубежными производителями — «Дженерал Электрик» (США), «Сименс» (Германия), а также «Вестас Винд Системс» (Дания).

Вместе с тем в долгосрочных планах по развитию электроэнергетики ветряной электрогенерации уделяется большое место как достаточно перспективному. Помимо решения вопросов энергоснабжения, учитывается возможный вклад от развития ветряной энергетики в сокращение эмиссии двуокиси углерода на 0,3%, что будет способствовать выполнению обязательств, принятых Японией по Киотскому протоколу.

Еще с начала 1990 гг. в Японии проводится разработка ветряных энергоустановок, которые бы соответствовали по своей конструкции особенностям климатических условий в стране. Речь идет о возможности эффективной работы в сложных погодно-климатических условиях Японии с частыми ураганными ветрами в период тайфунов. Например, японская компания «Фудзи дэнки» — один из ведущих производителей электросилового оборудования — проводит НИОКР по созданию мощных ветряных электрогенераторов, используя свой опыт в разработке авиационной техники. Совместно с корпорацией «Хитати» «Фудзи дэнки» разработала и запустила в производство ветряной электрогенератор мощностью 2 мВт, полностью удовлетворяющий условиям эксплуатации в Японии. При создании генератора использована технология «down wind», позволяющая динамически изменять сопротивление лопастей воздушного винта генератора при увеличении скорости ветра во время тайфунов[40].

Спрос на внутреннем рынке Японии на мощные ветровые электрогенераторы связан с вступлением в силу в стране дополнений к закону об энергетических компаниях, обязывающему производителей электроэнергии вырабатывать определенную долю электроэнергии на основе возобновляемых источников. Такой закон способствовал активному росту ветряной энергетики.

Ввод новых электрогенерирующих мощностей в ветряной энергетике

Фин. год	Количество вступивших в эксплуатацию ветряных установок	Совокупная мощность *мВт*
2003	941	681
2004	920	925
2005	1058	1085
2006	1314	1490
2007	1409	1675
2008	1517	1854

Источник: Energy in Japan 2010. Tokyo, Agency for Natural Resources and Energy, Ministry of Economy, Trade and Industry, с. 28.

Водородная энергетика

Водород в Японии привлекает к себе большое внимание как исключительно чистый источник энергии — результатом его применения является водный пар. При этом он обладает исключительной энергоемкостью, а возможности его практического применения фактически не ограничены.

В настоящее время водород находит применение на автомобильном транспорте в качестве топлива (см. далее), а также в форме так называемых «топливных батарей», которые получают распространение в виде компактных генераторов тепла и электричества (так называемых «энеферм»). В качестве источника водорода в топливных батареях используется «городской газ» (в основном метан).

В контексте стратегии отхода Японии от углеводородных источников энергии и их диверсификации перспективным источником водорода является доменный (коксовый) газ, содержащий около 55% водорода. На японских сталеплавильных комбинатах коксовый газ практически полностью используется для нужд производства электроэнергии, однако экспертами обсуждается перспектива использования его в качестве сырья для производства водородной энергетики. Экономическая эффективность такого производства оказывается на 20–30% выше по сравнению с обычным способом производства на основе метана[41]. Общий потенциал поставок водорода из сферы черной металлургии составляет около 4,5 млрд. кубометров в год. Подсчитано, что этого объема топлива было бы достаточно для того, чтобы обеспечить топливом пять миллионов водород-

[39] Там же.

[40] Нихон кэйдзай, 21.02.2006.

[41] Сигэн сёкоку ниппон-но тёсэн (Вызовы Японии, лишенной собственных природных ресурсов), с. 132.

ных автомобилей для совершения ими пробега в 10 тыс. км[42].

Одним из уязвимых мест водородной энергетики является то, что водород крайне взрывоопасен, что резко увеличивает затраты на его транспортировку. С этой точки зрения переориентация сталелитейных комбинатов на производство водорода в качестве побочного вида деятельности имеет большую перспективу, так как сконцентрированы они в основном в промышленной зоне тихоокеанского побережья и в непосредственной близости от крупнейших городов Японии, т. е. в зоне его основного потребления.

В Японии имеется понимание того, что переход на водородное топливо в мире является вопросом времени, а те страны, которые первыми разработают технологии и соответствующие стандарты, будут фактически держать в руках ключи от мировой энергетики. Ясно и то, что топливом для автотранспорта в дальнейшем будут заниматься не нефтяные, а газовые компании, а также предприятия черной металлургии. В еще более амбициозных планах производство водорода предполагается осуществлять только за счет «новых источников» энергии, например энергии солнца или ветра, сделав его полностью независимым от ископаемых видов топлива.

Геотермальная энергетика

Интерес к геотермальной энергии повысился в связи с тем, что для Японии, расположенной в зоне вулканической активности, она является относительно дешевым, стабильным и возобновляемым источником энергии.

В геотермальной станции, как правило, используется паровая турбина, использующая пар от подземных горячих источников, в которых вода нагревается за счет энергии магмы. Кроме того, существуют также системы бинарного типа, в которых даже при отсутствии пара энергия горячей воды используется в парогенерирующих установках низкотемпературного кипения, подающих пар для работы электрогенерирующих турбин.

Существенным плюсом геотермальной энергетики является то, что, в отличие от гелиоустановок, геотермальные станции могут работать в непрерывном режиме круглый год, производя энергию вне зависимости от погодных условий. Важно и то, что это чистый и неистощимый источник энергии, существующий в Японии в большом избытке.

Первая геотермальная станция была построена в 1965 г., а в 1992 г. правительство выдвинуло долгосрочную программу, предусматривающую производство 1 тыс. МВт геотермальной энергии в 2000 г. и 3,5 тыс. МВт –к 2010 г. При этом потенциальный ресурс геотермальной электроэнергетики оценивается на уровне 69,3 млн. кВт[43].

В 2005 г. в Японии насчитывалось 20 электрогенерирующих установок на геотермальной энергии, расположенных на 18 геотермальных электростанциях, совокупная мощность которых составляла около 500 МВт[44]. Это во многом связано с высокими экономическими рисками строительства (стоимость строительства исчисляется из расчета 800 тыс. иен на 1 кВт электроэнергии) и большой себестоимостью вырабатываемой электроэнергии (16 иен за 1 кВт/ч). Свою роль здесь играет невозможность использования «эффекта масштаба» (геотермальные станции являются маломощными), высокие расходы на строительство, предполагающее проведение глубокого бурения и подземных монтажных работ, а также тот факт, что большинство геотермальных станций расположены в районах природных национальных парков с большими ограничениями на ведение промышленного строительства. Развитие геотермальной энергетики в этой связи лимитировано некоторыми зонами вулканической активности, расположенными на Кюсю, Сикоку, в районах Тохоку и Хоккайдо[45].

Энергия отходов

Производство электроэнергии путем сжигания бытовых и промышленных отходов считается одним из наиболее перспективных, с точки зрения неиспользуемых пока возможностей, видов электроэнергетики. Подобная энергетика в полной мере отвечает интересам экологической безопасности, поскольку, помимо своего основного предназначения — производства электроэнергии, помогает решить проблему переработки и утилизации мусора.

Подавляющая часть отходов в Японии утилизируется путем детоксикации (устранения вредных и отравляющих веществ), прессовки (уменьшения объема) и сжигания, однако получаемое в результате тепло редко используется с должной эффективностью. Принцип работы электростанции на отходах почти не отличается от любой другой теплоэлектростанции: в результате сжигания отходов нагревается котел, от пара которого обеспечивается работа турбины.

Активизации этого направления электроэнергетики способствовало повышение теплотворных качеств отходов, включая бумагу и различные виды пластмасс. Отходы стали восприниматься в качестве топлива, использование которого не сопряжено с дополнительной эмиссией двуокиси углерода. Это дало начало созданию электрогенерирующих мощ-

---

[42] Там же.

[43] Энэруги кэйдзай дэта-но ёмиката нюмон (Введение в курс интерпретации данных энергетической статистики), с. 329.

[44] Там же, с. 328.

[45] Подр. см.: http://www.enecho.meti.go.jp/energy/ground/data/080829.pdf

ностей, работающих на твердых брикетах из отходов (RDF) и топливных элементов RPF, производимых на основе отходов из бумаги и пластмасс.

На первом этапе развития энергетики отходов получаемая электроэнергия использовалась в основном для нужд самих заводов по утилизации мусора. Однако после введения системы обязательной закупки электрогенерирующими компаниями излишков электроэнергии, производимой за счет новых источников, этот вид энергетики стал развиваться более активно.

* * *

Существенные коррективы в Базовый план государственной политики в области энергетики заставляет внести произошедшее в Японии крупнейшее землетрясение 11 марта. Особенность событий заключается в том, что на стихийную катастрофу наложилась техногенная, а именно — авария на атомной станции «Фукусима-1». Одним из принципиальных вопросов, со всей остротой вставших перед страной, стал вопрос о будущем атомной энергетики. Десятки лет японцам внушали мысль о надежности и безальтернативности атомной энергии для Японии, лишенной собственных источников энергии. Трагедия заставляет задуматься о том, сможет ли человечество позволить себе развивать атомную энергетику без учета возможных катастрофических последствий от подобных аварий, от которых не застрахована, как выясняется, даже такая передовая в техническом отношении страна, как Япония. Под серьезные сомнения было поставлено наличие у атомной энергетики черт, которые однозначно представлялись ее сторонниками в качестве ее преимуществ, а именно — высокая безопасность и низкая себестоимость.

Все три серьезных энергетических кризиса, которые Япония испытала в 2000 гг., были связаны с АЭС. Так было в 2002 г., когда наружу просочились данные о намеренном сокрытии TEPCO неполадок на управляемых ею атомных станциях, что привело к временной остановке всех реакторов. Новый энергетический кризис произошел в 2007 г., когда TEPCO из-за землетрясения в преф. Нагасаки была вынуждена остановить работу станции в Касивадзаки-Карима. Катастрофа 2011 г. стала наиболее серьезной в этом ряду, приведя к серии блэкаутов всего столичного региона. Таким образом, ядерная энергия является, по выражению газеты «Асахи симбун», «слабым звеном» в системе производства электроэнергии[46].

Уже сейчас можно сделать вывод о том, что определенные выводы относительно перспектив мирного атома как безопасного источника энергии будут сделаны. Безусловно, никто не требует немедленного закрытия всех атомных станций, которые обеспечивают около трети всего объема электрогенерации. Это однозначно будет иметь последствия и для глобального развития атомной энергетики. Речь идет о смещении приоритетов в государственной политике.

10 мая 2011 г. премьер-министр Японии Н. Кан заявил о намерении кардинально пересмотреть Базовый план по энергетике с целью существенного ослабления зависимости от атомной энергии в первичном энергобалансе страны. Согласно данному плану, в дополнение к существующим 54 атомным реакторам до 2030 г. должны были быть построены еще 14, а доля атомной энергии в первичном энергобалансе страны будет увеличена с нынешних 30 с лишним процентов до более чем 50. Теперь же данный план будет пересмотрен. По словам главы кабинета министров, наибольшее внимание со стороны правительства получат возобновляемые источники энергии, например, ветряная или солнечная, которые будут включены в число «основных источников энергии»[47]. Не случайно усилиями администрации Н. Кана через парламент был проведен рассмотренный выше закон о возобновляемых источниках энергии. Планы постепенно отказываться от атомной энергетики были подтверждены и после ухода его в отставку и формирования в сентябре 2011 г. нового кабинета во главе с Й. Нода.

Отказ Японии от приоритетного развития атомной энергетики является показательным. Наряду с Германией Япония выразила мнение о принципиальной возможности не строить новые реакторы и не увеличивать при этом эмиссию, делая упор на развитие возобновляемых источников энергии. Многие эксперты указывают на то, что развитие альтернативных источников энергии, помимо аспектов безопасности, обладает гораздо большим, нежели атомная энергетика, потенциалом распространения смежных технологий и развития человеческого потенциала, в конечном счете сопряжено с большим мультипликативным эффектом. Кроме того, инвестиции в атомную энергетику дают меньше рабочих мест, нежели прочие виды энергетики[48]. Другим важным уроком данной аварии явилось то, что она со всей убедительностью подтвердила правильность проводившейся ранее политики в сфере энергосбережения. Катастрофа, по-видимому, ускорит процессы разработок в этой области и позволит Японии еще больше нарастить свой технологический потенциал.

[46] Асахи симбун, 12.05.2011.

[47] Там же.

[48] Если «атомные» инвестиции создают 4,2 рабочих места, то ветровая энергетика — 13,3 рабочих места, а солнечная — 17,7 рабочих места на миллион долларов инвестиций. — см.: http://www.peri.umass.edu/236/hash/efc9f7456a/publication/333/

И. Ю. Авдаков

Особенности приватизации государственных железных дорог Японии

К середине 70 гг., т. е. до топливно-энергетического кризиса, строительство железных дорог в мире практически прекратилось: оно продолжалось лишь в очень небольшом числе стран — Индии, Китае, Монголии, Турции. Видимо, этому способствовали самые разнородные факторы — модернизация, позволявшая резко повысить провозную способность; бурное развитие авиационного, автомобильного и трубопроводного транспорта, снимавшее часть нагрузки с железных дорог; структурная перестройка экономики, снижавшая в перевозках долю массовых габаритных грузов, и, наконец, дешевизна нефти и нефтепродуктов.

Топливно-энергетический кризис существенно изменил ситуацию. Почти 10-кратное повышение цен на нефть и, соответственно, нефтепродукты привело к значительному повышению издержек в авиационном и автомобильном транспорте. «В данных условиях наблюдалось оживление интереса к железным дорогам, так как транспортные издержки здесь оставались гораздо ниже. В развитых странах это оживление интереса выразилось в ускорении модернизации и изменении *организационной структуры* (курсив наш. — *И. А.*)[1].

В начале 1980 гг. резко увеличилось свободное перемещение через национальные границы капиталов, товаров, информации. Роль транспорта и связи в ускорении этих процессов, имманентных глобализации, несомненна. Другими словами, процесс глобализации, охвативший большинство стран мира, был самым тесным образом связан с развитием международной транспортной инфраструктуры. Как отмечает профессор Токийского университета И. Ёкота, «благодаря научно-техническому прогрессу в таких областях, как транспорт и связь, растущим масштабам и транснациональному характеру экономической деятельности, а также свободному передвижению людей, товаров, денег и информации через государственные границы, проблемы, связанные с развитием экономики, здравоохранением и социальным обеспечением, образованием, борьбой с наркобизнесом, обеспечением законности и порядка, то есть проблемы, которые отдельно взятые страны привыкли считать *внутренними*, глобализовались»[2]. Поэтому преобразование государственного железнодорожного транспорта Японии стало возможным только в условиях общеэкономического курса правительства на либерализацию экономики, ориентацию на рыночный механизм, в том числе и в области естественных монополий. Находившаяся у власти Либерально-демократическая партия решительно повела курс на приватизацию государственных предприятий. Несмотря на оппозицию со стороны других партий и профсоюзов, лидер правящей партии премьер-министр Я. Накасонэ смог убедить общественное мнение в необходимости разгосударствления предприятий инфраструктуры. Кроме того, на решение реформировать государственный железнодорожный транспорт имел влияние и «демонстрационный эффект» местных частных железнодорожных компаний, которые гибко приспосабливались к новым условиям рынка. Основываясь на собственном опыте быстрого реагирования на изменения потребностей пассажиров, частные компании смогли добиться хороших финансовых результатов.

Японские реформаторы не пошли по схеме приватизации железных дорог Великобритании, в основу которой легло отделение непосредственно естественной монополии, то есть инфраструктуры транспорта (пути, станции, системы сигнализации и т. п.), от сферы конкуренции (непосредственно перевозки). Во главу угла был поставлен вопрос об оптимальном числе железнодорожных компаний. Некоторые сторонники приватизации предлагали оставить одну пассажирскую и одну грузовую компанию. Другие настаивали на создании нескольких пассажирских компаний. Правительство поддержало точку зрения, согласно которой государственная корпорация должна быть не только приватизирована, но и разделена на шесть пассажирских и одну грузовую железнодорожную компанию. Критерием деления стал не только территориальный признак, но и оптимальное сочетание рентабельных и убыточных линий. Деление на несколько пассажирских компаний вместо одной инициаторы реформы считали необходимым для усиления конкуренции или, по крайней мере, соревновательности между приватизированными компаниями, ранее входившими в единую корпорацию «Кокутэцу».

В основу решения правительства легли также и выводы, сделанные Наблюдательным комитетом по преобразованию «Кокутэцу»[3], который и рекомендовал создать шесть пассажирских и одну грузовую компанию. В апреле 1987 г. вместе с Железнодорожной коммуникационной компанией, Железнодорожной компанией информационных систем и Железнодорожным институтом технических исследований они образовали группу компаний «JR»[4].

---

[1] Железные дороги стран Азии. М., 2004., с. 4.

[2] Japan Review of International Affairs. Tokyo, Summer 1999, c. 89.

[3] Кокутэцу Кайкаку ни Кансуру Икэн. Нихон Кокую Тэцудо Сайкэн Канри. Токио, 1985.

[4] Английские названия приватизированных компаний не должны смущать читателей. Они общепризнанны и употребляются персоналом железных дорог и пассажирами, отражая процесс глобализации.

Законодательной базой проведения реформы организации и управления государственных железных дорог и их приватизации стал ряд новых законов, принятых парламентом в конце 1986 г. Основополагающие принципы реформы «Кокутэцу» нашли своё отражение в Законе о реформе «Кокутэцу» 1986 г., а принципы образования приватизированных компаний и раздела материальных и денежных ресурсов (включая долги) — в Законе о пассажирских железнодорожных компаниях и Японской грузовой железнодорожной компании «Нихон Камоцу Тэцудо». Был принят специальный Закон об образовании ликвидационной «Кокутэцу» корпорации («Нихон Кокую Тэцудо Сейсан Дзигёдан») и об образовании компании, владеющей синкансэнами, «Синкансэн Хою Кико». Одновременно были отменены ранее принятые законы, регулирующие железнодорожную деятельность: Закон о национализации железных дорог от 1906 г., Закон о железнодорожном строительстве от 1922 г., Закон о «Кокутэцу» от 1948 г., а также многочисленные указы и инструкции к ним.

С апреля 1987 г. стали функционировать три крупные приватизированные пассажирские железнодорожные компании на о. Хонсю — «Восточная японская пассажирская железная дорога» («Хигаси Нихон Рёкаку Тэцудо», или «JR East»), «Центральная пассажирская железная дорога («Токай Рёкаку Тэцудо», или «JR Central»), «Западная японская пассажирская железная дорога («Ниси Нихон Рёкаку Тэцудо», или «JR West»). Также по одной были созданы пассажирские железнодорожные компании на островах: Хоккайдо — «Пассажирская железная дорога Хоккайдо» («Хоккайдо Рёкаку Тэцудо», или «JR Хоккайдо»); Сикоку — «Пассажирская железная дорога Сикоку» («Сикоку Рёкаку Тэцудо», или «JR Shikoku»); Кюсю — «Пассажирская железная дорога Кюсю» («Кюсю Рёкаку Тэцудо», или «JR Kyushu»). Кроме шести пассажирских была образована грузовая железнодорожная компания «Японская грузовая железная дорога» («Нихон Камоцу Тэцудо», или «JR Freight»). К «Восточной японской пассажирской железной дороге» отошла железнодорожная сеть района Канто и Тохоку (с 1991 г. — линии синкансэн Тохоку), к «Центральной пассажирской железной дороге» — железнодорожное пространство большей части района Тюбу и меньшая часть района Кинки, включая с 1991 г. и линию синкансэн от Токио до Осака, к «Западной японской железной дороге» — большая часть железных дорог района Кинки, часть района Тюбу и железнодорожная сеть района Тюгаку, включая скоростную дорогу «Санъё синкансэн» (с 1991 г.).

Материальные, денежные, людские и другие ресурсы были распределены между шестью пассажирскими и грузовой железнодорожными компаниями следующим образом (см. табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели приватизированных компаний, созданных на базе преобразованной корпорации «Кокутэцу» (данные на конец 1986 г.)

Название компании	**Длина путей** *км*	**Пассажирооборот** *(млрд. человек/км) Грузооборот (млрд.т/км)*	**Число служащих**	**Стоимость основных фондов** *млрд. иен*	**Долги** *млрд. иен*	**Уставной капитал** *млрд. иен*
Хигаси Нихон Рёкаку Тэцудо	7657	104,5	82 469	3884,5	3298,7	200,0
Токай Рёкаку Тэцудо	2003	41,1	21 410	553,0	319,1	112,0
Ниси Рёкаку Тэцудо	5323	45,8	51 538	1316,3	1015,8	100,0
Хоккайдо Рёкаку Тэцудо	3176	3,9	12 719	976,2	—	9,0
Сикоку Рёкаку Тэцудо	880	1,7	4455	323,9	—	3,5
Кюсю Рёкаку Тэцудо	2406	7,7	14 589	738,1	—	16,0
Всего по пассажирским компаниям	21 445	204,7	187 189	7792,0	4633,8	440,5
Нихон Камоцу Тэцудо (грузовая компания)	—	20,0	12 005	163,8	94,3	19,0
ВСЕГО	21 445	—	199 185	7955,8	4728,2	495,5

Составлено по: Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство транспорта. Токио, 1988.

Большая часть основных фондов была закреплена за Восточной, Западной и Центральной железными дорогами. Но на них легла часть долгов, оставшихся от «Кокутэцу», — 4,6 трлн. иен. Три другие пассажирские компании на Хоккайдо, Кюсю и Сикоку были освобождены от уплаты долгов, так как из-за относительно малой населенности этих островов и незначительного пассажирооборота они изначально предполагались как убыточные. Более того, этим компаниям выделялись средства для компенсации убытков[5]. На грузовую компанию «Нихон Камоцу Тэцудо» пришлось 1,3 трлн. иен долговых обязательств перед государством.

Основная же часть долга — 70%, или 25,6 трлн. иен — переводилась на созданную одновременно с железнодорожными компаниями специальную регулирующую ликвидацию «Кокутэцу» корпорацию — «Нихон Кокую Тэцудо Сэйсан Дзигъёдан», находящуюся в государственной собственности. Погашать долги эта корпорация должна была за счет продажи недвижимости (7,7 трлн. иен), акций железных дорог и пр. По состоянию на 1994 г., долги составляли 26,9 трлн. иен, по ним она выплачивала государству ежегодно только проценты на 1 трлн. иен[6].

Кроме этого, ликвидационной корпорации было вменено в обязанность трудоустройство избыточной рабочей силы, и она преуспела в этом. В 1987 г. 23 660 служащих железных дорог были переведены в эту корпорацию, а затем трудоустроены либо в правительственные учреждения, либо на непрофилирующие предприятия железнодорожных компаний, либо на другие предприятия, не связанные с транспортом. Были уволены только 1047 служащих. Следует отметить, что правительство сыграло большую роль в судьбе уволенных: оно не только издало Закон о первоочередном трудоустройстве бывших служащих «Кокутэцу», но и контролировало его исполнение. Часть долгов «Кокутэцу» перешло к государственной корпорации, в ведение которой передавались также и скоростные линии «Синкансэн Хою Кико». На ее долю пришлось 14% всех долговых обязательств, или 5,7 трлн. иен. Но основной целью создания этой корпорации было перераспределение поступлений от сдачи линий синкансэн в аренду Восточной, Центральной и Западной железнодорожным компаниям. Это перераспределение проводилось для выравнивания разницы в доходах, получаемых от эксплуатации линий синкансэн указанными компаниями. В 1991 г. государственная корпорация «Синкансэн Хою Кико» была преобразована в государственный фонд развития железных дорог «Тэцудо Сэйби Кикин», а принадлежащие ей линии синкансэн были проданы трем основным железнодорожным компаниям по восстановительной цене — 9,2 трлн. иен. Фонд стал правопреемником компании, и соответственно на него перешли ее долги.

При приватизации железных дорог был также создан Фонд стабилизации управления «Кэйэй Антэй Кикин». Его заемный капитал составлял 1,3 трлн. иен. Целью создания фонда явилась компенсация убытков трех плановоубыточных компаний на Хоккайдо, Кюсю и Сикоку. Фонд получил средства от корпорации «Нихон Кокую Тэцудо Сэйсан Дзигъёдан» в форме долговых обязательств со срочным погашением через 10 лет, то есть в 1997 г. При этом предполагалось, что три нерентабельные компании будут получать от него 7% от всего заемного капитала ежегодно.

Реформа государственного железнодорожного транспорта оказалась весьма удачной и, что было неожиданно, уже с первого года ее осуществления дала положительные финансовые результаты. В итоге приватизации резко увеличилась производительность труда на железнодорожном транспорте. Прирост производительности труда на бывших государственных железных дорогах ежегодно в несколько раз стал превышать аналогичный показатель на частных железных дорогах. Однако и в 1995 г. производи-тельность труда на приватизированных железных дорогах была все же на 20% ниже, чем на частных. Причина заключалась в структурных различиях этих предприятий: приватизированные компании имеют значительно большую протяженность путей, а также сеть линий синкансэн и др.

Помимо улучшения основных показателей итогом приватизации стало и сокращение субсидирования железных дорог со стороны государства. Если с 1976 по 1982 г. государственные субсидии возросли с 360 млрд. до 700 млрд. иен, то уже с 1987 г. семь железнодорожных компаний стали полностью самоокупаемыми (см. табл. 2). Они не только перестали брать крупные субсидии у государства[7], но и сами стали исправно платить налоги. При этом железные дороги в течение нескольких лет не повышали тарифы. В 1991 г. государственные инвестиции в железнодорожный транспорт составили 3,5% всех государственных капиталовложений в транспорт (сравните — 86,1% — в строительство и улучшение дорог)[8].

Реорганизация государственной корпорации железных дорог привела к усилению конкуренции между приватизированными и частными компаниями и между самими приватизированными железными дорогами. В этом сказались опыт и дар предвидения творцов японской приватизации. Желание быть зарегистрированными на бирже с целью продажи своих акций неумолимо вело к необходимости улучшения финансовых показателей. В условиях острой конкуренции добиться хороших показателей можно

[5] Tanahashi Yasushi. Reform of Railways in Japan. Japan Transport Economics Center. Tokyo, 1991, с. 8–9.

[6] Там же.

[7] Государственные субсидии в относительно незначительных объемах стал получать Фонд развития железных дорог.

[8] Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран (Министерство транспорта). Токио, 1995, с. 118.

было, только увеличив пассажирооборот, а значит, улучшив качество обслуживания пассажиров, частоту и скорость движения поездов, их комфортабельность. И в этом приватизированные компании преуспели.

В первые годы реформ обычно не бывает быстрых положительных результатов, но вопреки ожиданиям приватизация привела к улучшению целого ряда технико-экономических показателей бывших государственных железных дорог уже в первые пять лет (1987–1991). Хотя после приватизации общая протяженность железных дорог уменьшилась с 21 271 км в 1987 г. до 20 203 км в 1991 г. (длина частных железных дорог увеличилась за этот временно́й период с 6352 до 7208 км), но приостановилось стремительное снятие рельсов, которое имело место при «Кокутэцу»[9]. При этом наблюдался рост протяженности двухколейных дорог с 5850 км в 1987 г. до 5964 км в 1991 г.[10]

Выросла длина электрифицированных линий с 9449 до 9679 км[11]. То есть структурно и качественно путевое хозяйство улучшилось при уменьшении числа станций и переходов. В целом следует отметить тот бесспорный факт, что уже в первые годы реформы была прервана тенденция к панически быстрому и зачастую необоснованному снятию нерентабельных линий, которые впоследствии были сохранены и переданы «третьему сектору».

Отмечалось увеличение парка подвижного состава. Хотя число локомотивов сократилось с 1956 в 1988 г. до 1910 в 1991 г., но структура парка локомотивов улучшилась (произошло увеличение электровозов с 1014 до 1035). Число пассажирских вагонов увеличилось с 25 103 до 26 040, электромоторных вагонов — с 19 082 до 20 387, а грузовых — с 19 714 до 20 277 [12], при улучшении структуры парка грузовых вагонов за счет увеличения числа специализированных вагонов и контейнеровозов. Возросло число перевезенных пассажиров при незначительном сокращении объема перевозок грузов, увеличился грузо- и пассажирооборот (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные показатели перевозок пассажиров и грузов приватизированными железнодорожными компаниями, образованными на основе «Кокутэцу», *млн. т*

Год	**Число пассажиров,** *млрд.*	**Пассажирооборот,** *млрд. пасс./км*	**Объем грузов,** *млн. т*	**Грузооборот,** *млрд. т/км*
1987	7,4	204,6	55,3	20,4
1991	8,7	247,0	57,4	27,2

Составлено по: Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство транспорта. Токио, 1995.

Однако приватизация не решила всех проблем, доставшихся от «Кокутэцу». Появились новые финансовые проблемы. Первая — это расчеты по долгам. Железнодорожные компании, ликвидационная корпорация «Нихон Кокую Тэцудо Сэйсан Дзигьодан» и фонд «Тэцудо Сэйби Кикан» не только не смогли уменьшить бремя долгов, но и были вынуждены несколько увеличить общую сумму задолженности.

По прогнозам экспертов, в 1987 г. ликвидационная корпорация «Нихон Кокую Тэцудо Сэйсан Дзигъёдан» должна была получить около 300 млн. иен за счет продажи земли. В то время благоприятная для продавца конъюнктура на рынке земли могла способствовать значительному увеличению доходов корпорации. Однако правительство предложило ей воздержаться от продажи земель по рыночным ценам. В конечном итоге часть земель была продана местным властям на нужды муниципалитетов по заниженным ценам, а выручка корпорации составила лишь 133 млн. иен. В том же году выплата процента по долговым обязательствам превысила эту сумму, и корпорация была вынуждена взять еще один долгосрочный кредит. В последующие годы правительство также оказывало давление на корпорацию, пытаясь ограничить рост цен на землю. Однако продажа земли по искусственно заниженным ценам привела скорее не к снижению цен на другие земли, а к потере доходов корпорацией. С изменением же конъюнктуры рынка и резким снижением цен на землю с начала 90 гг. продавать ее стало не выгодно.

Далее ухудшение конъюнктуры на рынке ценных бумаг привело к тому, что и продажа акций железных дорог не дала ожидаемых результатов. Хотя все три основные пассажирские железнодорожные компании по финансовым результатам своей деятельности смогли зарегистрироваться на Токийской бирже, была продана все же меньшая часть акций. Несмотря на хорошие финансовые показатели деятельности железных дорог, долговые обязательства железнодорожных компаний возросли, так как они были вынуждены взять в долг около 9,2 трлн. иен для закупки линий синкансэн.

[9] Резкое уменьшение длины путей приватизированных компаний и столь же быстрое увеличение протяженности частных железных дорог объясняется не их демонтажем в первом случае и новым строительством — во втором. Причина заключается в том, что при приватизации государственной железнодорожной корпорации «Кокутэцу» часть нерентабельных дорог, ранее принадлежавших ей, была не передана в группу компаний «JR», а акционирована. При этом контрольный пакет акций часто приобретали не частные компании, а муниципальные и региональные власти. Таким образом, используемое в японской транспортной статистике понятие «частные железные дороги» включает в себя и дороги, принадлежащие так называемому «третьему сектору». Примеры возникновения железных дорог «третьего сектора» будут приведены в данной монографии дальше.

[10] Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство транспорта. Токио, 1995.

[11] Там же.

[12] Там же.

Второй проблемой стало финансово-экономическое положение железнодорожных компаний Хоккайдо, Сикоку и Кюсю. Убытки этих пассажирских компаний должен был компенсировать Фонд стабилизации управления — «Кэйэй Антэй Кикин». Однако поскольку с 1992 г. процентные ставки на рынке капиталов резко снизились, фонд мог лишь частично компенсировать убытки. В этой связи остро возник вопрос о необходимости диверсификации деятельности этих компаний, в том числе за счет расширения экономической деятельности, напрямую не связанной с обеспечением перевозок.

Наконец, третьей проблемой стало финансирование строительства новых железных дорог, в том числе линий синкансэн. Приватизированные компании не желали их строить, так как большие первоначальные затраты при медленной окупаемости капиталовложений вовлекали их во все большие долги, а доходы от уже существующих нескоростных железных дорог стремительно падали с введением в действие новых линий синкансэн. Хотя местные и центральные власти, учитывая пожелания населения районов, не имеющих таких линий, пытались оказывать давление на руководство компаний, с каждым последующим годом компании реально становились все более независимыми в принятии решений. В итоге строительство новых линий синкансэн по сравнению с доприватизированным периодом сократилось.

Но, несмотря на трудности, возникшие после приватизации железных дорог, в целом реформа дала положительный результат. Япония по праву стала мировым лидером в деле реформирования их организации и управления. Опыт приватизации железнодорожного транспорта начал учитываться позднее во многих европейских странах.

В. В. Грайворонский

Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества

По оценкам многих зарубежных, российских и монгольских экспертов, в настоящее время Монголия стоит на пороге нового, невиданного ранее в ее многовековой истории подъема социально-экономического развития, связанного с освоением новых крупных месторождений полезных ископаемых. Монгольские названия таких месторождений, как Оюу-толгой (медь, золото), Таван-толгой (уголь), Дорнод (уран), Тумуртэй (железная руда), Нарийн-Сухайт (уголь), Цагаан-Суврага (медь, молибден), Асгат (серебро) и другие, уже достаточно широко известны в сфере мирового горнорудного бизнеса.

Освоение крупных месторождений полезных ископаемых — мощный стимул для развития железнодорожного транспорта

Монголия богата различными полезными ископаемыми, в том числе такими, как уголь, медь, молибден, золото, уран, плавиковый шпат, серебро, редкоземельные металлы и др. По состоянию на конец 2010 г., в стране были зарегистрированы свыше 1100 месторождений полезных ископаемых более 80 видов. В 2007 г. Великий государственный хурал (парламент) Монголии утвердил перечень 15 наиболее крупных и ценных месторождений, которые были признаны стратегическими и взяты под особый контроль государства. Нынешнее руководство страны придает освоению этих месторождений особо важное экономическое, социальное и политическое значение. Согласно ныне действующему монгольскому законодательству, контрольный пакет акций в компаниях, которые осваивают стратегические месторождения, должен принадлежать монгольскому государству[1]. Планируется, что введение этих месторождений в хозяйственный оборот позволит резко увеличить масштабы экономики, ускорить темпы социально-экономического развития страны, вывести Монголию из слаборазвитых стран в ряды среднеразвитых, существенно повысить уровень жизни населения.

В последние годы наибольший интерес зарубежных и монгольских инвесторов привлекают медно-золотое месторождение Оюу-толгой и группа угольных месторождений Таван-толгой и др. Оба эти месторождения расположены в южной, гобийской, части страны (аймак Умнеговь, б. Южно-Гобийский).

6 октября 2009 г. — исторический день для современной Монголии. Именно в этот день, после длительных и трудных переговоров, длившихся в течение нескольких лет, после жарких дебатов в парламенте и обществе Монголии, в Улан-Баторе было подписано первое крупное Инвестиционное соглашение между правительством Монголии, канадской компанией «Айвенхоу майнз» («Ivanhoe mines») и британо-австралийской корпорацией «Рио Тинто» («Rio Tinto») об освоении крупного медно-золотого месторождения Оюу-толгой. Создана и уже начала работать совместная компания «Оюу Толгой Монгол», которая развертывает строительство инфраструктурных и промышленных объектов. По оценкам министерства минеральных ресурсов и энергетики Монголии, разведанные запасы этого месторождения составляют 16 млн. т меди и более 600 т золота[2].

По расчетам экспертов канадской компании «Айвенхоу майнз», в течение 65 лет эксплуатации карьера и шахты в Оюу-толгой планируется добыть 22,6 млн. т меди, 798 т золота, 5,3 тыс. т серебра, 2,8 млрд. т руды, содержащей 58 тыс. т молибдена, и произвести 78 млн. т концентрата. Предполагается, что в течение срока действия инвестиционного соглашения объем ВВП Монголии увеличится на 34,3%, трудовая занятость — на 3 тыс. человек, число рабочих мест — на 10 тыс. мест[3].

Другим месторождением, которое в настоящее время считается одним из крупнейших в мире и привлекает особое внимание многих ведущих угледобывающих и других компаний мира, является группа угольных месторождений Таван-толгой, также расположенная в аймаке Умнеговь. Запасы каменного угля в Таван-толгой, по оценкам специалистов, превышают 6 млрд. т., в том числе 1,8 млрд. т коксующегося угля. В настоящее время несколько монгольских и совместных компаний, в том числе «МАК», Energy Resources, SouthGobi sands, Shenhua МАК, добывают и экспортируют уголь в Китай. Акционерная компания «Энержи ресорсиз» («Energy Resources LLC») была первой монгольской компанией, которая успешно выступила с IPO и зарегистрирована на Гонконгской фондовой бирже под названием Mongolian Mining Corporation в 2010 г. Эта компания уже в течение нескольких лет добывает уголь на участке Ухаа-

[1] Доля акций государства на тех месторождениях, где геологоразведочные работы были проведены за счет средств госбюджета, должна составлять не менее 51%, в тех же случаях, когда геологоразведочные работы были проведены за счет средств частной компании, доля государства должна быть не менее 34%.

[2] Одрийн сонин, 30.11.2010.

[3] Монголия сегодня, 05.08.09.

худаг, входящем в состав группы месторождений Таван-толгой, и вывозит его самосвалами в Китай. Для освоения основного месторождения Таван-толгой создана государственная компания «Эрдэнэс Таван Толгой», являющаяся дочерней компанией государственной компании «Эрдэнэс Монгол» («Эрдэнэс МГЛ»), ведающей всеми месторождениями полезных ископаемых Монголии.

По данным монгольских СМИ, в 2009 г. экспорт угля из Монголии в Китай составил 6 млн. т., в 2010 г. — около 16 млн. т[4]. Приведенные данные показывают, что поток монгольского угля в Китай стремительно нарастает и тем самым Монголия постепенно превращается в конкурента Австралии — основного поставщика угля в Китай.

Одно из решающих экономических преимуществ месторождений Оюу-толгой, Таван-толгой, Цагаан-Суврага и некоторых других состоит в том, что они расположены в южной части Монголии, близко (250–270 км) от границы с Китаем, т. е. фактически рядом с огромным и быстрорастущим китайским рынком. Это обстоятельство создает исключительно благоприятные условия для Китая как одного из основных инвесторов, потребителей, а также потенциального транзитера монгольского сырья и продуктов его переработки на рынки Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Естественно, правительство Китая и китайские компании проявляют особый, повышенный интерес ко всем крупным месторождениям всех видов полезных ископаемых, открытых в последние годы в соседней Монголии. Тем самым создаются уникальные возможности для дальнейшего быстрого наращивания объемов монголо-китайского торгово-экономического сотрудничества и дальнейшего укрепления позиций Китая в Монголии. В то же время неизбежно возрастает и опасность попадания Монголии в одностороннюю экономическую зависимость от Китая, дальнейшего усиления дисбаланса между объемами российско-монгольской и китайско-монгольской торговли в пользу Китая[5].

Большинство стратегических месторождений в Монголии, как правило, расположены в пустынных, мало освоенных районах с неразвитой инфраструктурой и не имеют выхода на главную железнодорожную магистраль страны — УБЖД. Естественно, для эффективного освоения крупных месторождений необходимо создать развитую инфраструктуру, прежде всего железнодорожную. Для Монголии, не имеющей выхода к морю, железнодорожный транспорт играет исключительно важную роль не только для внутренних и транзитных перевозок, но также и для выхода продукции страны на рынки третьих стран через морские порты России и Китая.

В последние годы Великий государственный хурал Монголии принял несколько важных законодательных актов, регулирующих развитие железнодорожной отрасли, в том числе закон «О железнодорожном транспорте» (5 июля 2007 г.), постановление «О государственной политике в области железнодорожного транспорта» (24 июня 2010 г.) и др.

В программе деятельности коалиционного правительства Монголии на 2008–2012 гг., в частности, указано, что в области железнодорожного транспорта поэтапно будут решаться следующие задачи: повысить пропускную способность и грузоподъемность железных дорог Монголии, повысить качество и расширить сферу их обслуживания, провести технико-технологическую модернизацию; построить новые железнодорожные ветки, проложить второй путь и электрифицировать УБЖД [6].

Модернизация УБЖД

Главной и единственной железнодорожной магистралью Монголии на протяжении более 60 лет служит Улан-Баторская железная дорога (УБЖД). Она известна также как Трансмонгольская железнодорожная магистраль, которая связывает Улан-Батор с Москвой и Пекином и тем самым Восточную Азию с Европой. УБЖД была построена вскоре после окончания Второй мировой войны, в 1949–1955 гг. за счет средств и силами Советского Союза. 6 июня 1949 г. между правительствами СССР и Монгольской Народной Республики было заключено Соглашение об учреждении совместного акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога» (АО «УБЖД») с уставным капиталом 800 млн. тугр., в котором доля СССР составляла 408 млн. тугр. (51%), а доля МНР — 342 млн. тугр. (49%)[7]. Для покрытия монгольской доли правительство СССР предоставило правительству Монголии льготный кредит в сумме 368 млн. тугр. сроком на 50 лет под 1% годовых. В настоящее время соотношение долей России и Монголии в уставном капитале АО «УБЖД» является паритетным — 50% : 50%.

На протяжении свыше 60 лет УБЖД играла и продолжает играть ключевую роль в обеспечении внутренних и транзитных перевозок грузов Монголии. На ее долю приходится свыше 60% всех грузоперевозок страны. В АО «УБЖД» работает около 16 тыс. человек, в подавляющем большинстве монголы[8].

УБЖД имеет важное стратегическое значение как для Монголии, так и для России.

---

[4] Монголия сегодня, 08.12.10.

[5] См.: Грайворонский В.В. Торгово-экономическое сотрудничество между Россией, Монголией и Китаем: основные тенденции и перспективы // Монгол, Орос, Хятад: XXI зуунд хегжлийн телее хамтдаа (Монголия, Россия и Китай: вместе к развитию в XXI веке). Улаанбаатар, 2009, с. 92–108.

[6] http: // www.pmis.gov.mn Монгол улсын засгийн газрын 2008–2012 оны уйл ажиллагааны хөтөлбөр (Программа деятельности правительства Монголии в 2008–20012 гг.).

[7] Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М., с. 168–175; Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. — 1957 г.). Документы и материалы. Улан-Удэ, 2010, с. 183–191.

[8] http://vzrd.rzd.ru 29.10.2010.

В последние годы монгольская сторона, ссылаясь на большие изменения, которые произошли в мире и в обеих странах за истекшие десятилетия, настойчиво добивается обновления межправительственного Соглашения от 1949 г. в соответствии с современными реалиями, в том числе в отношении увеличения монгольской доли в уставном фонде, переоценки земельных участков, выделенных АО «УБЖД» для использования и др.[9] Выше уже было отмечено, что в соответствии с современным монгольским законодательством доля монгольского государства в совместных компаниях должна составлять не менее 51%. Иначе говоря, доля России в АО «УБЖД» должна быть снижена с нынешних 50 до 49%, что, естественно, невыгодно для России. Переговоры по этому и некоторым другим вопросам ведутся на протяжении ряда лет.

Между тем в последние годы в монгольских и зарубежных, в том числе американских, китайских, СМИ нередко появляются критические статьи и материалы о нынешнем состоянии УБЖД, о том, что она технически и морально устарела, не соответствует современным технико-технологическим требованиям, располагает устаревшим парком локомотивов и вагонов российского производства и т. д. Россия якобы не заинтересована в модернизации УБЖД, не вкладывает инвестиции. Так, весной 2010 г. одна из китайских газет, в частности, писала: «Единственная ныне используемая железная дорога (имеется в виду УБЖД. — *В. Г.*) построена в 50 годы прошлого столетия, она не соответствует требованиям современных технологий, грузоподъемность ее ухудшилась, она имеет многочисленные непрямые, искривленные участки, отсутствует всякая возможность для увеличения скорости движения, более того, 80% всех локомотивов и вагонов эксплуатируются более 25 лет и нуждаются в срочной замене» [10]. Китайский автор статьи призвал соответствующие министерства и организации Китая использовать эту «золотую возможность» для участия в строительстве новых железных дорог в Монголии [11].

По признанию российских и монгольских руководителей и специалистов, УБЖД действительно нуждается в модернизации. В настоящее время уровень износа и старения ее техники и путей достиг 65%[12]. Пропускная способность дороги (40 млн. т в год) используется лишь на 30–35% (15–16 млн. т, 2009–2010 гг.)[13].

Длительная задержка с российскими капиталовложениями в модернизацию УБЖД привела к тому, что монгольская сторона договорилась с американским «Фондом вызовов тысячелетия» («Millennium Challenges Fund», ФВТ), который по результатам жесткого отбора среди других развивающихся стран-претендентов выделил для Монголии крупную безвозмездную помощь в объеме 285 млн. долл., использовать две трети этой помощи (188,3 млн. долл., или 66%) для модернизации УБЖД. Так, в ноябре 2008 г. правительство Монголии и корпорация «Фонд вызовов тысячелетия» подписали соглашение о реализации проекта повышения пропускной способности и грузоподъемности Монгольской железной дороги. 22 декабря 2008 г. состоялось подписание первого соглашения о реализации генерального соглашения о финансировании проекта фондом. Этим соглашением предусматривалось проведение американцами детальной финансовой аудиторской ревизии на АО «Улан-Баторская железная дорога»[14]. Для российской стороны, по существу, это означало раскрытие перед потенциальными американскими конкурентами всех финансовых и других сторон деятельности совместного стратегического объекта, каким является УБЖД.

Возникла неординарная ситуация, при которой американцы, руководствуясь своими геополитическими и экономическими интересами в Монголии и регионе, используя недостаточную активность России, опираясь на естественную заинтересованность монголов в получении внешне щедрой, безвозмездной помощи от США, предприняли попытку перехватить у России инициативу в отношении модернизации УБЖД, потеснить ее и тем самым без лишних хлопот выйти на новые экономические и политические позиции в Монголии. В случае если бы эта попытка оказалась успешной, позиции США в экономике и политике Монголии еще более укрепились, а позиции России заметно ослабли. Произошли бы существенные изменения в сложившемся балансе стратегических, геополитических и экономических интересов России, Китая и США в этой стране и регионе. Российский участник АО «УБЖД», после тщательного изучения этого варианта модернизации железной дороги, отказался дать согласие на проведение американской финансовой аудиторской проверки АО «УБЖД». На этом основании предложение монгольской стороны об использовании части безвозмездной помощи от ФВТ для модернизации УБЖД было отклонено[15].

Выступая на одной из пресс-конференций в Улан-Баторе, президент ОАО «РЖД» В. Якунин на вопрос монгольского корреспондента о том, почему российская сторона не дала своего согласия на использование американской помощи для модернизации УБЖД, в частности, ответил, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке»[16]. Далее он объяснил, что если бы АО «УБЖД» согласилось принять эту американскую помощь, то оно

[9] Монголия сегодня, 05.12.2010.

[10] http://www.montsame.mn 26.02.2010.

[11] Там же.

[12] Монголия сегодня, 28.08.09.
http://www.mongoliasegodnya.mn

[13] http: // www.montsame.mn 26.02.2010.

[14] Монголия сегодня, 23.12.2008.

[15] Монголия сегодня, 05.05.2009.

[16] Монголия сегодня, 08.06.2009.

было бы обязано получить из США локомотивы, которые не соответствуют нынешним стандартам УБЖД. Кроме этого, пришлось бы менять все оборудование и систему управления УБЖД по американским стандартам.

Естественно, для монгольской стороны, которая затратила немало времени, сил и средств на то, чтобы успешно пройти строгий отбор среди других развивающихся стран, согласовать с американской стороной условия и направления использования будущей американской помощи, было далеко непросто заново договариваться с американцами об изменении целевого назначения помощи по одному из основных направлений. В связи с этим в СМИ Монголии появились публикации, выражавшие недовольство и критику в адрес России. Так, член парламента, заслуженный железнодорожник Монголии Р. Раш, который в течение многих лет работал начальником УБЖД, в частности, считает, что отказ российского участника АО «УБЖД» от проведения американской аудиторской проверки на УБЖД был ошибкой, проявлением со стороны российского участника акционерного общества недостаточного учета интересов своего монгольского партнера. По мнению Р. Раша, получилось так, что «монголы сами выплюнули конфету, которая попала им в рот»[17].

В условиях, когда открылись широкие перспективы освоения новых крупных месторождений полезных ископаемых и строительства новых железных дорог в Монголии, когда появились реальные, сильные конкуренты в лице США и Китая, правительство России, Министерство транспорта РФ и ОАО «РЖД» заметно активизировали свое сотрудничество с правительством Монголии и АО «УБЖД», с вновь созданными монгольскими государственными компаниями — «Эрдэнэс Монгол» («Эрдэнэс МГЛ») и «Монголын темер зам» («Монгольские железные дороги»).

13 мая 2009 г. заинтересованные стороны подписали Соглашение об учреждении совместной компании «Развитие инфраструктуры» (монг. «Дэд бутцийн хогжил»), в которой 50% акций будет принадлежать ОАО «РЖД», а монгольская доля — 50% — будет разделена поровну между госкомпаниями «Эрдэнэс Монгол» (25%) и «Монголын темер зам» (25%)[18]. На тот момент стороны, в частности, договорились, что ОАО «РЖД» внесет в уставный капитал СП «Развитие инфраструктуры» финансовые ресурсы, а монгольская сторона — права на разработку месторождений полезных ископаемых, что в совокупности позволит окупить проект и сформировать источники для направления инвестиций в развитие железнодорожной инфраструктуры[19].

6 июня 2009 г., в дни празднования 60-летия учреждения АО «УБЖД» между Федеральным агентством железнодорожного транспорта РФ и АО «УБЖД» был подписан контракт на выполнение силами российских железнодорожников капитального ремонта верхнего строения участка пути протяженностью 108 км в направлении Зуунхараа — Улан-Батор. Ремонт этого участка пути был успешно выполнен в том же году. Еще одним важным мероприятием, которое прошло в рамках празднования 60-летия АО «УБЖД», было открытие в Монголии филиала Иркутского государственного университета путей сообщения (ИРГУПС) для подготовки кадров железнодорожников. При филиале функционирует Центр преподавания русского языка.

6 июля 2009 г. между ОАО «РЖД» и АО «УБЖД» был подписан Договор аренды локомотивов ОАО «РЖД», по которому монгольская сторона получила право на аренду до 20 тепловозов серии 2ТЭ116[20].

В том же 2009 г. в рамках вновь созданной совместной компании «Развитие инфраструктуры» (монг. «Дэд бутэцийн хегжил») специалисты ОАО «РЖД» совместно с монгольскими партнерами разработали Концепцию реализации совместного российско-монгольского проекта развития АО «УБЖД» и строительства новой железнодорожной инфраструктуры в Монголии, базирующуюся на принципах единства национальной железнодорожной сети стандарта колеи 1520 мм и формирования эффективной инвестиционной схемы за счет паритетного участия сторон. В проекте были выделены три основных направления: 1) модернизация существующей сети УБЖД, включая капитальный ремонт инфраструктуры, развитие разъездов, частичное строительство вторых путей, обновление парка подвижного состава; 2) строительство новой железнодорожной линии Зуунбаян — Таван-толгой для обеспечения возможности экспорта угля с месторождения Таван-толгой как в южном направлении — в Китай, так и по северному маршруту — через УБЖД и Транссиб в дальневосточные порты России; 3) строительство в перспективе дополнительной железнодорожной ветки Баянтумэн — Бор-Ундер для сокращения протяженности северного маршрута (с использованием инфраструктуры российских железных дорог) и обеспечения возможности разработки месторождений восточных районов Монголии[21].

Эта концепция модернизации УБЖД и строительства новых железных дорог была передана правительству Монголии во время государственного визита президента России Д. А. Медведева в Монголию 25–26 августа 2009 г.

Указом президента РФ Д. А. Медведева от 22 августа 2009 г. российская доля акций в АО «УБЖД» (50%) была передана из ведения Федерального агентства железнодорожного транспорта РФ в до-

[17] Раш Р. Мы должны с благодарностью помнить заслуги нашего северного соседа. Интервью газете «Зууны мэдээ». Монголия сегодня, 31.10.2010.

[18] Монголия сегодня, 03.09.10.

[19] http: // inter.rzd.ru/isvp/public/inter

[20] http://vszd.rzd.ru/isvp/public

[21] Монголия сегодня, 25.08.09.

верительное управление ОАО «РЖД»[22]. 25 августа того же года в присутствии президента РФ Д. А. Медведева и президента Монголии Ц. Элбэгдоржа между ОАО «РЖД», ЗАО «Трансмашхолдинг» и АО «УБЖД» был подписан меморандум о сотрудничестве в сфере обеспечения парка УБЖД современным высокоэффективным подвижным составом, который предусматривает комплексное развитие УБЖД. В соответствии с этим документом было принято решение об изготовлении специально для работы в условиях высокогорья и повышенной запыленности нового грузового магистрального тепловоза 2ТЭ116УМ. В сентябре 2010 г. первый тепловоз этой серии был поставлен в АО «УБЖД» и выдержал испытания[23].

В октябре 2009 г. в Улан-Баторе между министерством дорог, транспорта, строительства и градостроительства Монголии и ОАО «РЖД» был подписан меморандум о начале реализации проекта строительства железнодорожной линии Зуунбаян — Даланзадгад (Таван-толгой).

В ходе реализации ранее достигнутых договоренностей 28 октября 2010 г. в рамках рабочего визита президента ОАО «РЖД» В. Якунина в Монголию был также подписан ряд важных документов, направленных на развитие УБЖД. В частности, на заседании правления АО «УБЖД» было объявлено о выделении российским Внешнеторговым банком (ОАО ВТБ) кредита АО «УБЖД» на приобретение локомотивов, путевых машин и оборудования российского производства. В тот же день между АО «УБЖД» и ЗАО «Трансмашхолдинг» было подписано соглашение о закупке монгольской стороной 35 локомотивов 2ТЭ116УМ и 13 маневровых тепловозов ТЭМ18ДМ[24]. По данным монгольской печати, объем кредита составил 150 млн. долл.[25]

В тот же день, 28 октября 2010 г., в Улан-Баторе состоялось другое важное событие — торжественные проводы в экспериментальный рейс первого грузового состава из 30 вагонов с 2 тыс. т таван-толгойского угля по новому маршруту Улан-Батор — российский порт Восточный (Приморский край РФ). В ходе этого рейса произошла поломка одной детали двигателя первого магистрального тепловоза 2ТЭ-116УМ-001, которая послужила для некоторых СМИ Монголии поводом для того, чтобы вообще поставить под сомнение целесообразность подписания всего контракта на поставку 48 тепловозов российского производства. Так, в частности, в монгольской газете «Ононодор» от 16 ноября 2010 г., под характерным заголовком «Намерения русского медведя, или АО “УБЖД”», была опубликована статья, в которой, в частности, говорилось: «К сожалению, эти локомотивы не подошли к монгольским условиям… В середине сентября этого года (2010 г. — *В. Г.*) поступила первая партия локомотивов, и монгольские железнодорожники сразу же обнаружили многочисленные дефекты»[26]. Между тем, по сообщениям российской печати, руководство ОАО «РЖД» оперативно приняло меры по устранению поломки двигателя и выявленных недостатков, вплоть до отстранения некоторых руководителей предприятия-производителя от занимаемых должностей[27]. Несмотря на задержку, связанную с устранением поломки одной детали двигателя локомотива, первый грузовой поезд с монгольским углем из Таван-толгоя прибыл на станцию Находка-Восточная (Приморский край, Россия) точно по графику 2 ноября 2010 г.[28] Тем самым впервые в истории российско-монгольского железнодорожного сотрудничества был проложен новый маршрут, который открывает новые возможности для экспорта монгольского угля из Таван-толгоя (Южная Гоби) и других месторождений через УБЖД и Транссиб в Корею, Японию, Индию и Тайвань[29].

В начале января 2011 г. на Брянском машиностроительном заводе, входящем в состав ЗАО «Трансмашхолдинг», состоялась церемония передачи представителям АО «УБЖД» первой партии маневровых тепловозов ТЭМ18ДМ, построенных в соответствии с контрактом, заключенным между ЗАО «Трансмашхолдинг» и АО «УБЖД» 28 октября 2010 г.[30]

При этом следует также учитывать, что стратегия правительства Монголии состоит не в том, чтобы экспортировать уголь в сыром, необработанном виде, а частично его перерабатывать и экспортировать в виде продукта с добавленной стоимостью. С этой целью в г. Сайншанд (аймак Дорноговь) планируется создать новый крупный промышленный комплекс, который будет перерабатывать уголь и другое минеральное сырье и производить конкурентоспособную продукцию на международном рынке. Планируется, что этот комплекс будет состоять из более 10 промышленных предприятий, в том числе по обогащению и переработке угля, получению из него полукокса, кокса и жидкого топлива, кроме этого, в него будут входить медеплавильный, сталелитейный, нефтеперерабатывающий заводы, электростанция, железнодорожный терминал и др. Ожидается, что на этих предприятиях будут созданы около 400 тыс. новых рабочих мест[31]. Планируется, что г. Сайншанд станет новым крупным индустриальным и транспортным центром Монголии после Улан — Батора, Эрдэнэта и Дархана.

13–16 декабря 2010 г. в рамках официального визита премьер-министра Монголии С. Батболда

[22] http://www.gudok.ru/27.10.2010.

[23] http://www.inter.rzd.ru

[24] http:// press. rzd.ru 28.10.2010.

[25] Монголия сегодня 05.12.2010.

[26] Ононодор, 16.11.2010; Монголия сегодня, 21.11.2010.

[27] www. Gazeta.ru 12.11.2010; Монголия сегодня, 21.11.2010.

[28] Российская Бизнес-газета, 23.11.2010; Монголия сегодня, 28.11.2010.

[29] Монголия сегодня, 05.12.2010.

[30] Монголия сегодня, 30.01.2011.

[31] Монголия сегодня, 07.12.2009.

в Россию по приглашению Председателя правительства РФ В.В. Путина был подписан ряд важных межправительственных и межведомственных соглашений и документов, в том числе меморандум о взаимопонимании между Министерством транспорта РФ и министерством дорог, транспорта, строительства и градостроительства Монголии. Стороны договорились в ближайшее время подписать межправительственное соглашение о перевозках грузов из Монголии транзитом по территории РФ. Кроме этого, стороны договорились согласовать условия увеличения уставного капитала АО «УБЖД» на 250 млн. долл. в равных долях для модернизации данного предприятия и содействия реализации программы развития железнодорожной инфраструктуры Монголии[32].

В соответствии с достигнутыми договоренностями правительство Монголии на своем заседании от 22 декабря 2010 г. приняло решение об увеличении уставного фонда АО «УБЖД» на 250 млн. долл. на паритетных началах и поручило министру дорог, транспорта, строительства и градостроительства Монголии Х. Баттулге — до 1 июля 2011 г. — изыскать финансовые источники для увеличения монгольской доли в уставном фонде АО «УБЖД» на 125 млн. долл.[33] Ему было также поручено подписать Дополнительный протокол к межправительственному соглашению об учреждении АО «УБЖД» (1949 г.) об увеличении уставного капитала на 250 млн. долл.

На основании вышеприведенных данных можно сделать вывод о том, что, несмотря на глобальный финансово-экономический кризис и дефицит госбюджета, Россия действительно заинтересована в сохранении и модернизации старейшего совместного предприятия — УБЖД и активизировала свою деятельность в этом направлении. Нынешний раунд конкурентной борьбы между российским и американским вариантами модернизации УБЖД завершился в пользу российско-монгольской концепции. В настоящее время завершается работа по заключению необходимых российско-монгольских документов по реализации вышеупомянутой концепции.

За девять месяцев 2010 г. объем перевозок внешнеторговых грузов между Россией и Монголией по сравнению с аналогичным периодом 2009 г. увеличился на 10% и составил более 1148,2 тыс. т, объем перевозок внешнеторговых грузов между Россией и Китаем транзитом по УБЖД практически не изменился и составил 1849,7 тыс.[34]

За январь — сентябрь 2010 г. через пограничный переход Наушки (Россия) — Сухэ-Батор (Монголия) в Монголию и КНР было перевезено 2967,1 тыс. груза, или на 3% больше по сравнению с аналогичным периодом 2009 г.

Объем перевозок крупнотоннажных контейнеров в сообщении Россия — Монголия в январе — сентябре 2010 г. составил 3998 ДФЭ, что на 67% больше, чем за аналогичный период 2009 г.[35]

Модернизация УБЖД позволит существенно повысить ее пропускную способность и грузоподъемность, увеличить объем грузоперевозок из Восточной Азии в Европу. В настоящее время Россия, Монголия и Китай сотрудничают с известной немецкой железнодорожной группой Deutsche Bahn в транспортировке грузов по маршруту Гамбург — Москва — Улан-Батор — Пекин. В январе 2008 г. успешно прошел экспериментальный рейс первого грузового поезда по этому маршруту. Испытания показали, что если для транспортировки грузов из Китая в Германию по морскому пути требуется приблизительно один месяц, то по указанному железнодорожному маршруту — всего 14 дней[36], или в 2 раза меньше. Поэтому Deutsche Bahn заинтересована в увеличении объемов транспортировки грузов по этому маршруту.

3 августа 2010 г. министр дорог, транспорта, строительства и градостроения Монголии Х. Баттулга и исполнительный директор группы Deutsche Bahn М. Бай подписали Меморандум о сотрудничестве в области железнодорожного транспорта[37].

Амбициозные планы строительства новых железных дорог

Помимо модернизации ныне существующей УБЖД, Россия заинтересована также в том, чтобы принять участие в разработке и реализации масштабной программы строительства новых железных дорог в Монголии.

В соответствии с постановлением ВГХ о государственной политике в области железнодорожного транспорта в ближайшие годы было запланировано в 3 этапа построить в общей сложности около 5,7 тыс. км базовой железнодорожной инфраструктуры[38]. Иными словами, в течение нескольких лет совершить настоящий прорыв в развитии железнодорожного транспорта — увеличить общую протяженность ныне существующих железных дорог в стране (1815 км) более чем в 3 раза. Для Монголии это невиданные, рекордные масштабы и темпы железнодорожного строительства. Главная цель этого строительства — обеспечить транспортировку добываемого в Монголии угля и других минеральных ресурсов и продуктов их переработки на рынки Китая, Японии, Южной Кореи и других стран АТР.

На **первом этапе** запланировано проложить 1100 км новых железных дорог от города Даланд-

[32] http://premier.gov.ru 14.12.2010.

[33] http://www.montsame.mn 23.12.2010.

[34] http://inter.rzd.ru

[35] Там же.

[36] http://www.mongolia-web.com/11.01.2008.

[37] Монголия сегодня, 04.08.10.

[38] http://www.pmis.gov.mn 25.06.2010; Монголия сегодня 19.11.2010; www.mongoliasegodnya.mn

задгад (центр аймака Умнеговь, б. Южно-Гобийский аймак) до г. Чойбалсан (центр аймака Дорнод, б. Восточный аймак), в том числе по маршрутам: 1) Даландзадгад — Таван-толгой — Цагаан-Суврага — Зуунбаян — 400 км; 2) Сайншанд — Баруун-Урт — 350 км; 3) Баруун-Урт — Хоот — 140 км; 4) Хоот — Чойбалсан — 150 км.

На **втором этапе** планируется построить 900 км железных дорог, в том числе по маршрутам: 1) Нарийн-Сухайт — Шивээхурэн — 45,5 км; 2) Ухаа-Худаг — Гашуун-Сухайт — 267 км; 3) Хоот — Тамсагбулаг — Номрог — 380 км и 4) Хоот — Бичигт — 200 км. Таким образом, из Южной Гоби в восточном и северо-восточном направлении предполагается построить около 2 тыс. км новых железных дорог.

На **третьем этапе** намечается строительство 3600 км железных дорог преимущественно в западном направлении, в том числе по маршруту Улан-Батор — Хархорин (Каракорум, бывшая столица Монгольской империи).

По предварительным расчетам, общий объем инвестиций, необходимых для развития железнодорожной инфраструктуры Монголии, составит 6,5 млрд. долл., в том числе для обновления ныне существующей железнодорожной сети — 2,2 млрд. долл., для совершенствования парка подвижного состава — 0,4 млрд. долл., для строительства новой железнодорожной линии Даланзадгад — Зуунбаян — Сайншанд — Баянтумэн — 3,9 млрд. долл.[39]

Принятию постановления ВГХ о госполитике в области железнодорожного транспорта (24 июня 2010 г.) в парламенте, правительстве и обществе Монголии предшествовали жаркие дискуссии и споры по вопросам о том, в каком направлении и какой ширины колеи целесообразно строить новые железные дороги (ширококолейные или узкоколейные). Дело в том, что главная магистраль страны — УБЖД и ее ответвления были построены по российским/советским стандартам с шириной колеи 1520 мм (так называемая широкая колея). В соседнем же Китае существует другой стандарт ширины колеи — 1435 мм (узкая колея). Поэтому на пограничной с Монголией китайской станции Эрлянь (монг. Эрээн) обычно производится замена широких колесных пар на более узкие пары китайского стандарта. Китай, руководствуясь своими интересами и стандартами, заинтересован импортировать монгольский уголь и другие полезные ископаемые по железным дорогам, построенным по китайским стандартам непосредственно от месторождения прямо в Китай. В настоящее время в Китае ведется строительство узкоколейных железных дорог в направлении нескольких пограничных пунктов пропуска на границе с Монголией. Монгольские компании, непосредственно занятые экспортом угля в Китай, рассчитывают на существенное уменьшение затрат при транспортировке угля и поэтому также заинтересованы в строительстве узкоколейных дорог по китайским стандартам. Так, монгольская компания «Энерджи ресорсиз» уже получила лицензию на строительство узкоколейной железной дороги Ухаа-худаг — Гашуун-Сухайт (пункт пропуска на границе Монголии с Китаем) для экспорта угля из Таван-толгоя.

В постановлении «О государственной политике в области железнодорожного транспорта» в качестве основного стандарта был закреплен ныне действующий базовый стандарт ширины колеи (1520 мм) для нового железнодорожного строительства. Одновременно правительству страны было предоставлено право принимать решение о ширине колеи тех железных дорог, которые будут построены для транспортировки добываемого сырья от месторождений, расположенных вблизи границы с Китаем, непосредственно до пограничных пунктов пропуска[40]. Иными словами, возможность и целесообразность строительства узкоколейных железных дорог от месторождений, находящихся в приграничной (приблизительно в 40–50 км) зоне, не исключается и будет решаться правительством Монголии в каждом отдельном случае под контролем парламента.

В постановлении ВГХ также говорилось, что развитие железнодорожного транспорта будет поднято на новый уровень благодаря экономической поддержке и содействию со стороны АО «Улан-Баторская железная дорога», а также помощи других стран.

Большая заинтересованность России в активном участии в строительстве новых железных дорог в Монголии нашла свое выражение в оперативной разработке вышеупомянутой Концепции модернизации УБЖД и строительства новых железных дорог, прежде всего в направлении Даланзадгад — Зуунбаян — Сайншанд — Баянтумэн.

Одно из главных достоинств этой Концепции состоит в том, что в нем, на наш взгляд, достаточно органично увязаны и сочетаются национальные интересы как России, так и Монголии.

Во-первых, с реализацией этого проекта в Монголии появится новая, вторая после УБЖД, магистраль для крупномасштабного экспорта монгольского угля и другого минерального сырья и продуктов их переработки в Россию, а также через Транссиб и российские порты на Дальнем Востоке в третьи страны (Южная Корея, Япония, Индия и др.). Тем самым будут существенно расширены экспортные возможности Монголии в третьи страны, снижена степень зависимости Монголии от Китая в области транспортировки экспортных грузов через китайский морской порт Тяньцзин.

Во-вторых, строительство новой железной доро-

---

[39] Монголия сегодня, 28.08.09; www.mongoliasegodnya.mn.

[40] Терееc темер замын тээврийн талаар баримтлах бодлого батлах тухай Улсын Их Хурлын тогтоол (Постановление Великого государственного хурала Монголии об утверждении государственной политики в области железнодорожного транспорта); http://www.pmis.gov.mn 25.06.2010.

ги протяженностью свыше 1100 км, т. е. фактически равной по протяженности нынешней УБЖД, существенно увеличит и расширит ныне существующую железнодорожную сеть в Монголии, создаст условия для транспортировки минерального сырья и продуктов его переработки не только с месторождений Оюу-толгой и Таван-толгой, но и других месторождений, расположенных вдоль или вблизи будущей железной дороги.

В-третьих, железная дорога будет проложена по малонаселенным и слаборазвитым районам четырех южных и восточных аймаков Монголии, она будет способствовать их экономическому и социальному развитию, созданию большого числа новых рабочих мест, сокращению безработицы и бедности, повышению уровня и качества жизни местного населения.

В-четвертых, реализация этого масштабного проекта даст импульс всему российско-монгольскому стратегическому партнерству, особенно росту торгово-экономического сотрудничества, сокращению сложившегося большого дисбаланса в российско-монгольской торговле.

В-пятых, реализация Концепции модернизации УБЖД и строительства новых железных дорог в Монголии станет новым, существенным вкладом в выполнение Национальной стратегии социально-экономического развития Монголии до 2021 г. и на более отдаленную перспективу, в решении задач, поставленных в Целях ООН по развитию в третьем тысячелетии.

В целях оказания поддержки Монголии в транспортировке природных ресурсов на мировые рынки ОАО «РЖД» заявило о готовности установить на новом маршруте льготные тарифы на уровне, не превышающем размеры тарифов, которые будут установлены Китаем при транспортировке монгольских грузов через порт Тяньцзин[41].

4 января 2011 г. министерство дорог, транспорта, строительства и градостроительства, госкомпания «Монголын темер зам», АО «УБЖД» и Управление по делам земельных отношений, строительства, геодезии и картографии утвердили новую железнодорожную трассу Даландзадгад — Зуунбаян — Сайншанд — Чойбалсан. Трасса протяженностью свыше 1100 км пройдет по территории 10 сомонов и 4 аймаков. При разработке трассы учитывались разнообразные геологические, климатические, биологические, экономические, экологические и другие факторы, включая направления сезонных кочевок монгольских животноводов-кочевников, ареалы обитания и сезонные миграции диких животных и др.[42]

Обобщая вышесказанное, можно сделать несколько выводов. Во-первых, стратегическое решение руководства Монголии добиться в среднесрочной и более отдаленной перспективе существенного ускорения темпов экономического и социального развития страны путем интенсивного и эффективного освоения ряда крупных, стратегических месторождений полезных ископаемых послужило мощным толчком для разработки крупных проектов развития железнодорожного транспорта, включая модернизацию главной магистрали — УБЖД и строительство новых железных дорог. По существу, речь идет о новом качественном этапе развития железнодорожного транспорта Монголии, о модернизации и расширении железнодорожной сети страны в 2–3 раза.

Во-вторых, за возможность принять участие в реализации этих планов и будущих инвестиций, оцениваемых в 6–7 млрд. долл., развернулась конкуренция между заинтересованными крупными компаниями России, США, Китая, Южной Кореи и др. Несмотря на задержку с принятием руководством России решения о выделении крупного кредита для модернизации УБЖД, на усиление реальной конкуренции со стороны США, Китая и других стран, на определенные колебания монгольской стороны при выборе партнера, ОАО «РЖД» все-таки удалось не упустить инициативу и активно включиться в процесс модернизации УБЖД и строительства новых железных дорог в Монголии. Специалисты ОАО «РЖД» совместно с монгольскими партнерами оперативно разработали и предложили руководству Монголии новую, оригинальную, целостную Концепцию модернизации УБЖД и строительства новых железных дорог, которая, по нашему мнению, наиболее адекватно учитывает современные и стратегические национальные интересы России и Монголии. Тем самым, по существу, положено начало нового этапа российско-монгольского сотрудничества в области железнодорожного транспорта.

В-третьих, несмотря на разногласия по отдельным вопросам, российские и монгольские партнеры сумели договориться и подписать ряд важных документов, направленных на реализацию межправительственных соглашений.

Началась совместная работа по реализации намеченных масштабных проектов модернизации УБЖД и строительства новых железных дорог, которые свяжут крупные месторождения полезных ископаемых Монголии с рынками России, Китая, Японии, Южной Кореи и других стран АТР.

[41] Монголия сегодня, 29.10.2010.

[42] http://www.news.mn 05.01.2011; Монголия сегодня, 05.01.11.

Н. К. Семенова

Развитие евроазиатского энергетического рынка в условиях региональных и внерегиональных политических рисков

Участие России в интеграционных процессах и объединениях в сфере энергетики в Азии отвечает национальным интересам Российской Федерации. Рост значения энергоресурсов в мировой политике объясняется прежде всего прогнозируемой в скором будущем нехваткой этих ресурсов. Поэтому контроль над нефтегазовыми регионами фактически дает возможность маневрировать ресурсами и становится ключевым фактором политического и экономического влияния во всем мире. Находясь на стыке трех геостратегических частей мира — Европы, Азии и Ближнего Востока — Центрально-Азиатский регион (ЦАР) и вплотную примыкающие к нему нефтяные и газовые месторождения Каспия превратились в объект международной конкуренции, геостратегического противостояния, военных вызовов и угроз, обусловленных устремлениями ведущих стран мира и межгосударственных союзов к нефтегазовым ресурсам региона[1]. Можно выделить четыре уровня интересов к этому региону:

1) страновой — страны ЦАР и Каспия (Туркменистан, Азербайджан, Россия, Иран, Казахстан, Узбекистан) (см. рис. 1), пытающиеся решить внутренние проблемы за счет поставок энергосырья на мировой рынок;

2) субрегиональный — на котором субрегиональные лидеры (Россия, Иран, Китай, Турция) стремятся максимально укрепить стратегические позиции в регионе;

3) регионально-евразийский — страны-зоны транзита (Россия, Киргизия, Таджикистан, Иран, Китай, Турция, Грузия, Армения, Украина, Румыния, Болгария и другие), которые пытаются извлечь дивиденды из транспортировки энергосырья по их территории;

4) глобальный — где крупные мировые игроки (США, ЕС, Россия, Китай) рассматривают Центрально-Азиатский и Каспийский регион как элемент геополитической борьбы за контроль над нефтегазовыми ресурсами, обустройство стратегических коммуникаций и маршрутов вывоза нефти и газа на внешние рынки и выстраивание многоуровневой системы гарантий своих интересов в регионе.

В связи с этим Каспийско-Центрально-Азиатский регион — сложный этноконфессиональный клубок противоречий, переживает один из наиболее противоречивых и сложных этапов в своей истории.

[1] Гушер А.И. Каспийский регион как арена стратегической конкуренции и противоборства. Вызовы, риски и угрозы/http://journal-neo.com/?q=ru/node/1875

Углеводороды ЦА и Каспия — потенциальный стратегический запас

Зона Каспийского моря (морское дно и прикаспийские территории) с прогнозными, разведанными и уже разрабатываемыми ресурсами нефти и газа рассматривается иностранными специалистами как резервный источник углеводородных энергоносителей для мировой экономики. Их доля в мировом нефтегазовом балансе многими экспертами сегодня оценивается в 3%, а в перспективе может быть доведена до 6–10%.

Экспертная оценка запасов нефти в российском секторе Каспия в 2,95 млрд. т, природного и нефтяного газа — в 3,1 трлн. куб. м. На данный момент в Каспийском регионе открыто 10 месторождений, которые вместе могут обеспечить добычу нефти на уровне 40 млн. т. в год. По оценкам западных компаний, запасы Каспия составляют от 26 до 40 млрд. т. условного топлива. Доказанные ресурсы нефтяных месторождений в Каспийском море составляют примерно 10 млрд. т. Помимо России, добычу углеводородов в регионе ведут Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Иран[2].

Наибольшими запасами нефти в Центральной Азии обладает Казахстан (Табл.1). По данным статистического обзора информационно аналитического центра «Минерал» при Федеральном агентстве по недропользованию ФГУНПП «Аэрология», доказанные запасы нефти Казахстана составляют 3,9% от мировых запасов. При достигнутых темпах добычи нефти обеспеченность данным видом ресурса для Казахстана составляет, по расчетам ИАЦ «Минерал», 123 года. Казахстан является одним из десяти крупнейших государств мира, обладающих избыточными энергетическими и минеральными ресурсами. В настоящее время в республике открыто 197 нефтяных и газовых месторождений. Самые большие перспективы по увеличению объемов добычи углеводородов связаны с Государственной программой освоения Казахстанского сектора Каспийского моря.

Узбекистан обладает уникальными запасами топливно-энергетических ресурсов и более 60% его территории ориентированы на нефть и газ, где разведано более 160 перспективных месторождений углеводородов. По оценкам экспертов[3], добыча нефти

[2] Россия оценила запасы нефти и газа на Каспии/http://lenta.ru/news/2011/05/04/value/

[3] Касымова В.М. Проблемы Межгосударственного взаимодействия в области ТЭК стран Центральной Азии/Евразийская экономическая интеграция, № 1(6), февраль 2010. С. 36.

имеет тенденцию к снижению. В связи с этим экспортные возможности Узбекистана минимальны.

Разведанные запасы нефти Туркменистана составляют 82,2 млн. т, крупнейшие месторождения сосредоточены на шельфе Туркменского сектора Каспийского моря (около 80%). Добыча нефти и экспорт имеют тенденцию к росту. Некоторые из центральноазиатских стран в официальных статистических отчетах[4] показывают завышенные цифры по запасам энергоресурсов. Очевидно, это связано с заинтересованностью в поиске выгод от диверсификации, внесении остроты конкуренции в привлечение дополнительных инвестиций со стороны иностранных компаний.

Таблица 1

Подтверждённые запасы нефти и газоконденсата на 01.01.2008 г. и уточнённые — на 01.01.2007 г. (млн. т) и обеспеченность добычи запасами (лет)

Регион	Запасы 2008 г.	Доля в мире, %	Запасы 2007 г.	08 / 07, %	Обеспеченность
Россия*	16738г	8,2	16679г	100,4	35
Европа	2139,6	1,1	2417,5	88,5	6
Азербайджан	1750г	0,9	1750г	100	54
Афганистан	14г	0*	14г	100	…
Казахстан	8000г	3,9	8000	100	123
Киргизия	11,4г	0*	11,4г	100	228
Китай	3900г	1,9	3900г	100	21
Монголия	3,5г	0*	4г	87,5	18
Пакистан	39,6	0*	39,6	99,9	12
Таджикистан	1,6	0*	1,6	100	164
Туркменистан	82,2	0*	82,2	100	9
Узбекистан	81,4	0*	82	99,3	15
Иран	18958,9	9,3	19000,5	99,8	90

Источники: Составлено по данным на 2011 г. Информационно аналитического центра «Минерал» при Федеральном агентстве по недропользованию ФГУНПП «Аэрология» http://www.mineral.ru/Facts/stat/124/214/index.html
Примечания: * — в оценку запасов России включены запасы конденсата;незначительное количество; оценка.

По уровню доказанных запасов природного газа в Центрально-Азиатском регионе лидерами являются Казахстан и Туркменистан, совместный потенциал которых составляет 3,2% мировых запасов. Заметное место в регионе по запасам природного газа занимает Узбекистан — 1,1% от доли мировых запасов (табл. 2).

Таблица 2

Доказанные запасы природного газа (млрд куб.м) на 1.01.2007 г., их прирост в 2006 г. и обеспеченность добычи запасами (лет)

Регион	Запасы	Доля в мире, %	Прирост запасов, %	Обеспеченность
Россия	47544	27,2	0	…
Европа	6103,9	3,5	–3,4	…
Азербайджан	849	0,5	0	…
Афганистан	49,5	0*	0	…
Казахстан	2830	1,6	53,8	96
Киргизия	5,7	0*	0	…
Китай	2264	1,3	50	…
Пакистан	792	0,5	–0,6	…
Таджикистан	5,7	0*	0	…
Туркменистан	2830	1,6	–2,4	…
Иран	27564	15,8	0,9	…
Узбекистан	1839,5	1,1	–1,8	…

Источники: Составлено по данным на 2011 г. Информационно аналитического центра «Минерал» при ФГУНПП «Аэрология» http://www.mineral.ru/Facts/stat/124/205/index.html
* незначительное количество.

Единая Евразийская транспортно-энергетическая инфраструктура: реальности и перспективы

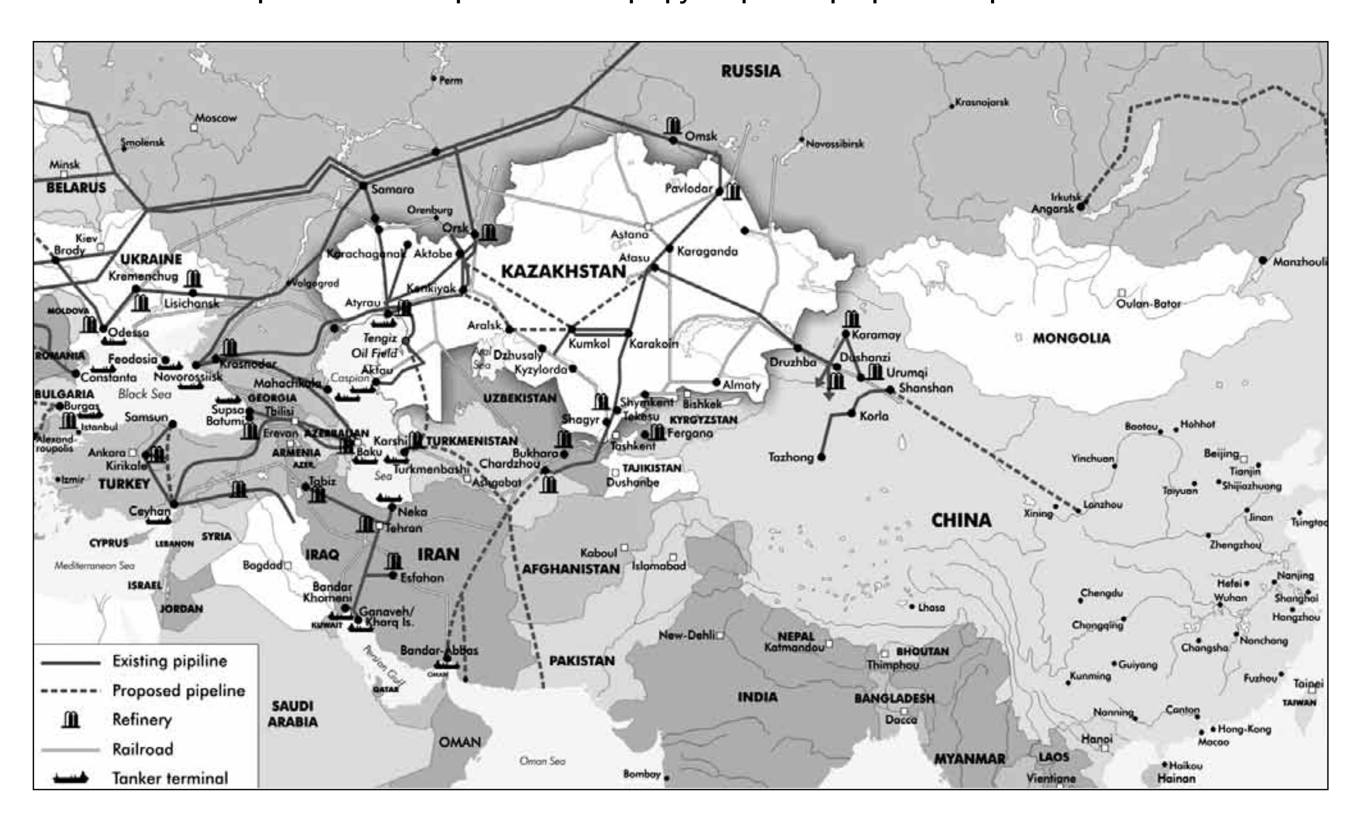
Существующая и перспективная система трубопроводов намечает контуры единой транспортно-энергетической инфраструктуры, стратегическими связующими «нитями» объединяющая Евразийское энергетическое пространство между ЕС, нефте– и газо-добывающими государствами Центральной Азии, Каспия, Ближнего и Среднего Востока, Россией и странами Восточной и Южной Азии (рис. 2). Здесь уже реализованы некоторые стратегические транзитные проекты:

1) Каспийский трубопроводный консорциум — КТК (соединяет месторождения Западного Казахстана Тенгиз и Карачаганак с российским побережьем Чёрного моря — терминал Южная Озереевка около Новороссийска)[5];

[4] http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf

[5] Официальный сайт КТК/http://www.cpc.ru/portal/alias!press/lang!ru/tabID!3357/DesktopDefault.aspx

Рис. 2. Основные регионально-евразийские маршруты транспортировки нефти

Источник: Energy Information Administration, http://www.eia.doe.gov/

Рис. 3. Основные газотранспортные регионально-евразийские маршруты

Источник: Международное энергетическое агентство (IEA).

2) нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан — БТД;

3) региональные нефтепроводы Баку — Супса (Грузия), Баку — Новороссийск (Россия)[6];

4) прорабатываются планы возобновления использования нефтепровода Омск — Павлодар — Чимкент — Чарджоу, киргизского участка газопровода Бухарский газоносный район — Ташкент — Бишкек — Алматы[7].

Стремление к диверсификации маршрутов поставок на мировом нефтегазовом рынке возникло в последнее десятилетие как со стороны поставщиков, так и со стороны потребителей. Но это не только европейский феномен. Такие же тенденции присутствуют и на самом быстрорастущем энергетическом рынке — китайском, который намеренно создает диверсифицированный энергетический портфель и стабильный фундамент для будущих поставок энергоресурсов. Наиболее показательным примером является газопровод Туркмения — Узбекистан — Казахстан — Китай (ТУКК)[8].

Имеются возможности альтернативных направлений поставок, исходящим центром которых является крупнейший в регионе по ресурсам и добыче газа Туркменистан (рис.3). Это маршруты:

1) действующие трубопроводы: Средняя Азия — Центр (САЦ — 1–4) через Россию в Европу; Прикаспийский газопровод в Россию (САЦ-3), который в перспективе будет расширен[9]; Туркменистан — Иран (действует и расширяется), позволяющий использовать сделки замещения и поставлять на международные рынки туркменский трубопроводный газ и СПГ из района Персидского залива;

2) строящиеся трубопроводы: внутренний туркменский трубопровод Восток — Запад[10]; Туркменистан — Китай через Узбекистан и Казахстан (первая очередь запущена 14 декабря 2009 г.);

3) трубопроводы в стадии разработки и обсуждения: обходящие стороной Россию трубопроводные магистрали в Европу — Nabucco[11] и другие, соединение которых с правобережьем Каспия предполагается через Транскаспийский[12] газопровод или через Иран; Трансафганский трубопровод: Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ)[13].

Создание подобной инфраструктуры ведет к закреплению стратегического присутствия в зоне Каспийского моря и ЦАР ведущих западных стран и к усилению их влияния на политику государств региона. Однако эксперты предупреждают, что, по самым оптимистичным подсчетам, большинство планируемых трубопроводов может быть введено в строй не ранее 2013–2015 гг., а их выход на проектную мощность может состояться не ранее 2020–2025 гг. если для их заполнения будет найден необходимый объем углеводородного сырья[14].

Региональные политические риски и внерегиональные факторы энергетической безопасности

Степень реализуемости перспективных и долгосрочность действующих энергетических проектов находится в прямой зависимости от обеспечения их безопасности и нивелирования существующих вызовов и угроз. В условиях глобализации топливно-энергетическая тематика становится частью международных отношений как фундаментальная проблема национальной безопасности. «Энергетическая безопасность» определяется как «обеспеченность доступа к энергетическим ресурсам, необходимым для поступательного развития национальной мощи»[15]. С одной стороны, международное сообщество и отдельные государства в условиях постепенного разрушения международно-правовой системы, обострения старых и возникновении новых региональных кризисов исчерпывают свои институциональные

---

[6] Зульхарнеев А. Энергетические интересы Ирана в каспийском регионе/http://www.imperiya.by/economics2-8873.html

[7] Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества: модель образца 2008 года/http://www.perspektivy.info/rus/konturi/shankhajskaja_organizacija_sotrudnichestva_model_obrazca_2008_goda_2008-03-28.htm

[8] Результаты экспертного опроса «Центральная Азия и Европейский Союз — диверсификация энергетических маршрутов»/http://www.j-een.com/news_view/722/

[9] Прикаспийский газопровод, как ожидается, будет построен параллельно уже давно эксплуатируемому газопроводу «Средняя Азия-Центр» (САЦ), обойдя Узбекистан, и позволяя транспортировать газ шельфа Туркменистана и Казахстана.

[10] Внутритуркменский газопровод Восток — Запад соединит восточную часть Туркменистана и месторождение Южный Иолотань с запасами 3,7–18 млрд. куб. м природного газа через Каракумы с КС «Белек»; Соединит ряд магистральных действующих газопроводов Туркменистана и позволит перебрасывать необходимые объемы газа из одного конца страны в другой, создав единую газотранспортную систему.

[11] Nabucco — проектируемый магистральный газопровод протяженностью 3300 км из Туркмении и Азербайджана в страны ЕС, прежде всего Австрию и Германию. Проектная мощность — 26–32 млрд. куб. м газа в год.

[12] Транскаспийский газопровод должен быть проложен по дну Каспийского моря по маршруту Тенгиз (Казахстан) — Туркменбаши (Туркменистан) — Баку (Азербайджан) и, забирая по пути азербайджанский газ, вывести его в Турцию для соединения с практически построенным газопроводом Баку — Тбилиси — Эрзурум.

[13] Газопровод Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия протяженностью 1735 километров возьмет старт с восточного региона Туркмении, где расположены крупнейшие газовые очаги, и, пройдя по территории Афганистана и Пакистана, достигнет населенного пункта Фазилка (Индия) на пакистано-индийской границе. Мощность трубопровода планируется в объеме 33 млрд. куб. м газа в год/Макаров А.А. Изменения в газовой сфере требуют от производителей и потребителей «голубого топлива» усовершенствования условий сотрудничества/http://www.oilru.com/discuss/read/1/

[14] Жильцов С.С. Ресурсный ландшафт Каспия/http://www.ng.ru/energy/2009-09-08/14_kaspiy.html

[15] Energy and Security: Toward a New Foreign Policy Strategy/Jan H. Kalicki and David L. Goldwyn (eds.). Washington — Baltimore, 2005, с. 9.

и политические ресурсы. С другой стороны, формирующийся дефицит углеводородного сырья требует осуществления масштабных проектов в энергетике и транспортной сфере, прокладывания новых, в том числе трансконтинентальных, маршрутов, связывающих Запад и Восток для стабильного удовлетворения мировых потребностей в углеводородах.

С точки зрения энергетической безопасности можно выделить, по крайней мере, три уровня региональных политических рисков и внерегиональных факторов.

Первый уровень — страновой (Иран, Азербайджан, Туркменистан, Россия, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Первая проблема на этом уровне — раздел акватории Каспийского моря с разделом ресурсов шельфа — нефти и газа, а также его биологических ресурсов и акватории между пятью прикаспийскими государствами[16].

Стремление Баку, Ашхабада и Астаны приобрести возможности для политических спекуляций и создать максимально широкий фронт международной поддержки своей политики на Каспии порождает другую проблему: присутствие в регионе большого числа зарубежных нефтяных компаний, в том числе транснациональных[17], а это создает сложные конкурентные условия.

Эти противоречия создают почву для возникновения конфликтных ситуаций между прикаспийскими странами и для вмешательства в дела Каспийского региона как соседних стран (Турция, Иран), так и нерегиональных государств, в первую очередь США и Евросоюза. Но обе обозначенные выше проблемы вряд ли следует рассматривать как слишком серьезные, тем более — как непреодолимые препятствия для российских компаний, осуществляющих свои проекты на Каспии.

Предпосылки возможных конфликтов (в том числе вооруженных) обусловлены и гораздо более существенными дестабилизирующими факторами:

- прогрессирующая разобщенность стран региона, обусловленная превалированием политических амбиций правящих элит, преследующих узкие националистические интересы в межгосударственных отношениях[18];
- зависимость стран региона от внешних субсидий, несогласованность в вопросах внешней политики, борьба за региональное лидерство;
- столкновение национальных, экономических интересов: газ и нефть Каспия, вода и гидроэнергетические ресурсы[19], земля Ферганской долины — спорные вопросы пограничного размежевания (Таджикистан — Кыргызстан — Узбекистан[20], Казахстан — Узбекистан[21], Таджикистан — Узбекистан[22]);
- трудноразрешимые историко-территориальные конфликты (Таджикистан — Узбекистан[23]);
- демографические проблемы: высокий уровень рождаемости в ЦАР, большая плотность населения (численность населения более 57 млн. чел.[24]); как следствие — нехватка жизнеобеспечивающих ресурсов, земли и воды.

Второй уровень — региональный: Каспий и ЦАР непосредственно граничат с «горячими» регионами, такими как Кавказский, Южно-Азиатский и Ближневосточный, проблемы которых могут, при неблагоприятном стечении обстоятельств, «выплеснуться» и на их территорию. Наиболее серьезными из них являются:

- бурный рост религиозного экстремизма, фундаментализма (при содействии Саудовской Аравии,

---

[16] Азербайджан, Казахстан и Туркменистан настаивали на разделе Каспия по срединной линии, Иран — на разделе по одной пятой части моря между всеми прикаспийскими государствами. В 2003 г. Россия, Азербайджан и Казахстан подписали соглашение о частичном разделе Каспийского моря по срединной линии. В то же время между Ираном, Туркменистаном и Азербайджаном остались неурегулированными спорные вопросы, в том числе о национальной принадлежности некоторых месторождений нефти на морском дне (Азербайджаном и Ираном: месторождения Араз-Алов-Шарг; Азербайджаном и Туркменистаном: месторождения Осман (Чираг), Хазар (Азери) и Алтын Асыр (Шарг)).

[17] «Бритиш Петролеум», «Амоко», «Юнокал», «Экссон», «Шеврон», «Тексако», ЭНИ, «Мобил» и другие (примечание наше. — *Н. С.*)

[18] Рудов Г. А. Проблемы и сложности развития государств Центральной Азии/Обозреватель , № 4 (255), апрель 2011, с. 103.

[19] В силу географического расположения Узбекистан, Казахстан и Туркменистан попадают в гидрозависимость от Таджикистана и Кыргызстана, обладающими мощными водными запасами. Узбекистан препятствует строительству новых ГЭС в Таджикистане и Кыргызстане, используя как инструмент давления прекращение поставок газа в эти страны. Получается замкнутый круг: увеличение выработки электроэнергии на ГЭС Таджикистана и Кыргызстана зимой, сброс воды, Узбекистан лишается поливной воды летом и применяет санкции к «обидчикам» — задерживает транзитные грузы/Рудов Г. А. Указ. соч.

[20] Нерешенность пограничного урегулирования в Ферганской долине означает не только вопросы демаркации, определения и введения режима границ, это еще и крупная этническая проблема — национальный характер границ или, точнее, национальное содержание их территорий. Сложность заключается еще и в том, что по разные стороны границ Кыргызстана с Таджикистаном, Узбекистана с Кыргызстаном, и наоборот, проживают крупные диаспоры этих народов в виде анклавных вкраплений в каждом из государств (Цит. по: Вопросы пограничного урегулирования в Центральной Азии/http://www.easttime.ru/reganalitic/1/29p.html)

[21] Рахимов М. Межгосударственные границы и проблемы безопасности в Центральной Азии/http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1235459700

[22] Комплекс гидроэнергетических противоречий в отношениях Таджикистан — Узбекистан связан со строительством Рогунской ГЭС. Для Таджикистана при отсутствии других энергоресурсов — это вопрос выживания: в зимний период возникает дефицит электроэнергии, так как ГЭС не работают на полную мощность, иначе массовый сброс воды зимой приведет летом к дефициту поливной воды в Узбекистане и, как следствие, к социально-экономическому кризису — три четверти населения заняты в сельском хозяйстве.

[23] Противостояние Таджикистан — Узбекистан, возникшее после распада СССР: по мнению определенной части элиты Таджикистана, города Бухара и Самарканд, населенные таджиками, несправедливо достались Узбекистану по национально-территориальному размежеванию 1920 г. (*прим. авт.*).

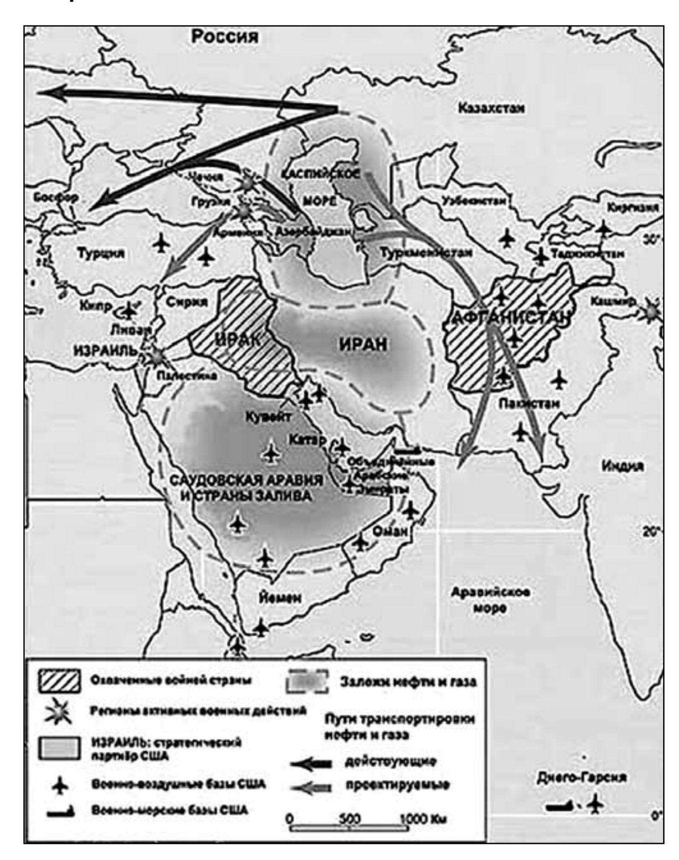
[24] Рассчитано по: Классификатор стран мира/http://www.mir-geo.ru/

Пакистана, Афганистана, Турции[25]) и международного терроризма (Афганистан, Чечня, диверсионно-террористическая активность в Дагестане и в других северокавказских субъектах России, подрывная деятельность в странах Кавказа и Центральной Азии зарубежных исламских экстремистских организаций и движений[26], активизация борьбы уйгурских сепаратистов);

- наличие в регионе неурегулированных конфликтов (азербайджано-армянский конфликт из-за Нагорного Карабаха[27], проблема курдов в Турции, агрессивные действия Грузии против Южной Осетии и Абхазии);
- большая и трудноразрешимая проблема — наркотрафик из Афганистана, осложняемая отсутствием строго контролируемых границ, как внешних границ СНГ, так и между странами-соседями;
- экономические диверсии на транспорте, нефте- и газопроводах, объектах электроэнергетики (электростанции и линии электропередач) и связи, хищения нефти и газа из магистральных трубопроводов;
- разногласия, противоречия и противостояние между странами региона (Азербайджан — Иран[28], Турция — Армения[29]) по территориальным, политическим, этническим и другим вопросам, имеющим давние исторические корни.

Третий уровень — геополитический: интерес США, НАТО и Евросоюза к ЦАР и Каспию не ограничивается только нефтью и газом. Этот регион рассматривается США центром геометрических и геополитических построений, одним из которых является «Стратегический энергетический эллипс» (рис. 4), охватывающий Каспийское море и Персидский залив, т. е. углеводороды стран Аравийского полуострова, Ирака, Ирана, Каспийского региона, Центральной Азии и даже России. Некоторые эксперты рассматривают эти территории как зону потенциальных военных действий за энергетические ресурсы[30].

Рис. 4. Зона «стратегического энергетического эллипса»

[25] Рудов Г. А Указ. соч.

[26] Звягельская И. Д. К вопросу об угрозах безопасности в Центральной Азии/http://viperson.ru/wind.php?ID=277297; Ханбабаев К. М. Исламский радикализм на Северном Кавказе/http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12914.html; Доклад Центра антитеррористических программ «Специфика проявлений терроризма и экстремизма в Центральной Азии»/http://www.terrorunet.ru/analitic/64.html;
Вихрев М. — Исламские организации и их влияние на существование и распространение исламистского экстремизма/http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1122192600; Шохзода С. Проблемы региональной безопасности Центральной Азии: внутренние аспекты в теории и на практике/http://centralasia.narod.ru/articles/1.htm; Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами : мировая политика и Центральная Азия/
http://www.fundeh.org/files/publications/132/kazancev_a_a_bolshaya_igra_s_neizvestnymi_pravilam.pdf

[27] Азербайджан — Армения: Нагорно-карабахский конфликт возник и развивается на почве острой межнациональной вражды и межконфессионального противостояния, а также взаимных исторических претензий на эту территорию. Война между Арменией и Азербайджаном, с 1994 г. и по настоящее время — состояние вооруженного противостояния на линии прекращения огня. По экспертным оценкам, мирное, политическое урегулирование в ближайшей перспективе невозможно.

[28] Азербайджан — Иран: исторические противоречия вокруг т. н. «южного Азербайджана» — граничащих с Азербайджаном северо-западных иранских провинций Ардебиль, Западный Азербайджан, Восточный Азербайджан и Зенджан, населенных азербайджанцами, курдами и персами. Эти территории были закреплены за Ираном Гюлистанским (1813 г.) и Туркманчайским (1828 г.) мирными договорами между Россией и Ираном. Сепаратистские выступления в 1946 г. привели к массовым жертвам этнических азербайджанцев. Эти события и идеи Великого Азербайджана (объединения всех населенных азербайджанцами территорий) являются мощным и провокационным фактором напряженности в отношениях между Баку и Тегераном (Прим. наше — *Н. С.*).

[29] Турция — Армения: противоречия имеют давние исторические корни и порождены борьбой за территории, межнациональной и межконфессиональной неприязнью и агрессивным пантюркизмом турецкой политической элиты, который привел в 1915–1916 гг. к геноциду армянского населения Турции. Из более чем 2 млн. проживавших на территории Турции армян турками было уничтожено, по разным оценкам, от 1,5 до 2 млн. чел. Анкара на официальном уровне отказывается признать факты геноцида армян. Кроме вопроса о признании факта геноцида, у Турции и Армении сохраняются разногласия о принадлежности Нахичеванской области, которая Карским договором от 1921 г. была отсечена от Армении. Карский договор продолжает оставаться политической реальностью и активно используется Турцией для вмешательства в политические процессы, происходящие на Южном Кавказе. Резкое обострение этих отношений может сыграть роль детонатора нового регионального конфликта и прямого вмешательства Запада в дела Каспийского региона. (Прим. авт.).

[30] Трайкович З. Как осуществляется развал России/http://www.polit.nnov.ru/2005/09/05/russia/

Геополитическая ситуация здесь сложилась и продолжает развиваться под влиянием ряда внерегиональных факторов, которые должны учитываться при оценках условий безопасной реализации нефтегазовых проектов в зоне Каспия и ЦА:

- активные мероприятия ведущих западных стран и исламских государств по расширению своего политического, экономического и военного влияния в регионе и на подступах к нему;
- продолжающееся противостояние между Ираном и США, в которое постепенно втягивается все большее число государств, в том числе и Россия[31];
- войны США и НАТО в Ираке и Афганистане;
- навязывание некоторым государствам Южного Кавказа (в первую очередь Грузии и Азербайджану) разного рода программ военного сотрудничества.

Политика и действия США, Евросоюза и НАТО в регионе ЦА и Каспийского моря являются наиболее серьезным стратегическим вызовом национальным интересам и безопасности России на этом направлении. Вашингтон осуществляет стратегический проект установления первенства США в регионе — обойти существующие пути транспортировки через Россию и Иран и направить энергоносители Каспийского региона прямиком на перевалочный пункт — в страны НАТО (Турция), обеспечив тем самым независимое будущее странам-производителям и странам, предоставляющим транзит.

В Центральной Азии в совместных энергетических проектах доминирует КНР. Китайские корпорации[32] участвуют почти в 30 проектах среднеазиатских стран: по разведке, добыче, переработке и транспортировке углеводородов. Энергетическая (нефтяная) дипломатия Поднебесной опирается прежде всего на государственную поддержку и финансирование, позволяющие госкорпорациям КНР проявлять гибкость в переговорах, в том числе по ценовой политике. Высокие темпы роста развития Китайской экономики поставили перед государством проблему обеспечения энергоресурсами для сохранения темпов роста. Потребности КНР в энергии растут втрое быстрее среднемировых[33]. Доля основного компонента первичной энергии КНР — угля — постепенно уменьшается, нефть была и остается в энергобалансе КНР второй. С 1993 г. потребности превысили объем добычи нефти. Китайские источники[34] прогнозируют, что зависимость КНР от нефтяного импорта к 2015 г. составит 60–70%, и это становится проблемой национальной безопасности КНР. Существующие пути импорта энергоносителей из Африки и Ближнего Востока морским путем на 80% уязвимы. Стратегия энергетической безопасности КНР указывает на необходимость диверсификации, где приоритет отдается трубопроводным энергопоставкам с месторождений Каспия и ЦАР.

Главные задачи России в сложившейся сложной геополитической обстановке:

1) предупреждение новых и блокирование существующих вооруженных конфликтов, настойчивый поиск путей и механизмов урегулирования имеющихся в регионе разногласий и противоречий;

2) недопущение в Каспийский бассейн ВМС внешних для него стран (в конце 2003 года США приступили к реализации новой инициативы «Каспийский страж» (Caspian Guard), с 2004 года США осуществляют программу радиолокационного наблюдения за казахстанским сектором моря и т. п.) либо всемерная локализация ущерба от их появления;

3) содействие определению правового статуса Каспия прикаспийскими государствами и обеспечение экологического контроля в регионе;

4) осуществление собственной независимой нефтегазовой политики в ЦА и Каспийском регионе и планомерное освоение российскими компаниями региональных месторождений углеводородов при постоянном совершенствовании и наращивании производственной и транспортной инфраструктуры;

5) поддержание конкурентоспособности российских маршрутов вывода энергоносителей на мировой рынок; модернизация трубопроводов и диверсификация их направлений.

Политические аспекты энергетической интеграции в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС)

На сегодняшний день нигде в мире не существует столько предпосылок для конфликта, связанных с использованием природных ресурсов, как в ЦАР. Поэтому безопасность региона может обеспечить только совместное использование транснациональных ресурсов, имеющих международное значение.

В этом контексте особую роль играет Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС) как пример стратегического партнерства и интеграции в Евразии, которая способна в перспективе стать интернациональным механизмом по согласованию взаимовыгодного использования ресурсов стран Каспия и ЦАР[35]. На сегодняшний день ШОС — субрегиональная международная организация, в которую входят шесть государств — Казахстан, Китай, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Общая площадь государств — членов ШОС равняется около

---

[31] Гушер А.И. Каспийский регион как арена стратегической конкуренции и противоборства. Вызовы, риски и угрозы/http://journal-neo.com/?q=ru/node/1875

[32] В сферах нефти и газа основная роль принадлежит трем госкорпорациям: Китайской Национальной нефтяной корпорации — КННК (CNPS), Китайской нефтехимической корпорации — КНХК (Sinopec) и Китайской офшорной нефтяной корпорации — КНОНК (CNOOC).

[33] Ли Син, Мартиросян А., Чао Чжэнь. Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая/Проблемы Дальнего Востока, № 2, 2010, с. 46.

[34] Там же, с. 41.

[35] Суюнбаев М. Интеграция Центральной Азии: геополитические и геоэкономические факторы // Центральная Азия, 2008, № 4(16), с. 52.

30 млн.189 тыс.кв.км., что составляет 3/5 площади Евразии, а население — 1.4 млрд.455 млн. человек, что составляет 1/4 всего населения земного шара. Государствами — наблюдателями при ШОС являются Индия, Монголия, Пакистан и Иран[36]. 16 июня 2009 г., по завершении саммита стран-участниц ШОС — в Екатеринбурге, было принято решение предоставить не применявшийся ранее в практике организации статус «партнёра по диалогу» двум странам: Шри-Ланке и Белоруссии.

Топливно-энергетическая проблематика требует нового взгляда на формат взаимодействия в рамках ШОС, нуждающийся в совершенствовании и развитии. Уникальной характеристикой энергетического пространства ШОС является отсутствие третьих стран на пути транспортировки энергоресурсов; органичное геоэкономическое сочетание групп производителей-экспортеров (Россия, Казахстан, Узбекистан) и потребителей-импортеров энергоносителей (Китай, Киргизия, Таджикистан). С учетом стран-наблюдателей можно говорить о взаимодействии «оси» производителей (Россия — Казахстан — Узбекистан — Иран) и «оси» потребителей энергоресурсов (Китай — Таджикистан — Киргизия — Индия — Пакистан — Монголия). Реализация и первой, и тем более второй (вместе с наблюдателями) моделей делает ШОС самодостаточной энергетической системой как в региональном, так и в глобальном плане. К этим двум «осям» следует добавить «ось» стран-транспортировщиков. Во взаимодействии этих трех «осей» (по газовой, нефтяной, атомной, электрической опциям) центральным вопросом на первом этапе, видимо, будет выработка единой политики в отношении цен (с учетом мирового рынка цен на энергоносители и долговременных соглашений), маршрутов, объемов продаж и закупок. В отличие от ОПЕК, ШОС объединяет и производителей, и транспортеров, и потребителей энергетических ресурсов, что позволяет уже на начальном этапе осуществлять стратегию сравнительных преимуществ[37].

Стратегически важной является идея создания «энергетического клуба» (ЭК) в рамках ШОС, который позволит не только выстроить самодостаточную энергетическую структуру «производитель — поставщик — потребитель» на евразийском пространстве, но и существенно обогатить общую стратегию развития ШОС, внести новые ресурсы влияния в традиционные сферы безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества.

Существуют объективные трудности на пути реализации проекта ЭК: невозможность полного совпадения интересов производителей и потребителей энергоресурсов; определенная конкуренция за рынки сбыта нефти и газа, за источники, маршруты и объемы поступления энергоносителей; разномасштабность экономик стран ШОС. Но в рамках ЭК данная тенденция может быть нивелирована.

Экономический кризис деструктурировал многие проекты. Экстремальные условия сжатия экономики, пересмотр инвестиционных программ и стратегий компаний, дефицит финансовых ресурсов вносят коррективы в правила игры и функции участников рынка. Но любые кризисные явления, помимо дисгармонии, привносят в любые процессы новую динамику, новые оценки и перспективы развития, обновляют отношения и стимулируют интеграционное сближение. Шанхайская Организация Сотрудничества, как крупная интеграционная структура, именно сейчас экономически и политически должна рационально закладывать долгосрочные решения, связанные с разработкой документов стратегического планирования стран-членов ШОС на основе согласования национальных долгосрочных концепций социально-экономического развития.

Необходимо учитывать большой опыт ШОС по эффективной координации деятельности государств региона в противостоянии терроризму, религиозному экстремизму и сепаратизму, а также таким нетрадиционным угрозам современности, как наркотрафик, нелегальная миграция, контрабанда оружия, киберпреступность и др.[38] Национальные стратегии безопасности и развития имеют свои особенности и требуют определенного согласования. В этих обстоятельствах ШОС, являясь комплексной структурой, адаптирует и гармонизирует нестыковки и выступает «уникальным механизмом мягкой конкуренции». Динамика сотрудничества между странами-членами ШОС по вопросам безопасности свидетельствует о достижении определенного прогресса. На этом весьма сложном пути важно установить и укрепить отношения членов ШОС с другими региональными организациями, цели и задачи которых тесным образом переплетаются: СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Таможенный союз. Укрепление сотрудничества между этими организациями, учитывая идентичность стоящих перед нами вызовов и угроз, а также существенное совпадение их составов, является естественным и своевременным процессом.

Возрастание значения в мировой экономике азиатских энергетических рынков, появление новых крупных потребителей энергии (КНР, Индия) требует анализа энергетического сотрудничества в политическом измерении и построения моделей энергетического взаимодействия с учетом новых политических реалий, в частности центральноазиатского вектора энергетического сотрудничества в рамках Шанхайской Организации Сотрудничества, что позволит стабильно обеспечивать имеющиеся мировые потребности в углеводородах.

---

[36] Официальный сайт РИА Новости/http://www.rian.ru/sprav ka/20080725/114918020.html

[37] Лузянин С. Г. Энергетическая составляющая ШОС. Шанхайская Организация Сотрудничества: модель образца 2008 года http://www.perspektivy.info/oykumena/krug/shanchayskaya _organisaciya_2008-3–28.htm

[38] Волков А. Мировой финансовый кризис проверяет ШОС на прочность/«Факты», № 1 (37), январь-февраль 2009 г.

С. В. Чеснокова

Китай: новая и возобновляемая энергетика

Интерес к китайскому топливно-энергетическому комплексу в России связан главным образом с возможным расширением поставок углеводородов, а также других энергоресурсов на этот ёмкий и перспективный рынок. Состоянию энергетики Китая, её проблемам и перспективам посвящено немало исследований, основанных на материалах китайской статистики и международных агентств. Главным образом они посвящены оценкам производства и потребления каменного угля, нефти и природного газа в КНР, положению этой страны в международной торговле энергоресурсами, её экспансии в энергетический сектор зарубежных государств. Меньше внимания уделяется развитию возобновляемой и новой энергетики в КНР, которую в самом Китае называют «неуглеродной» или «низкоуглеродной», относя к ней гидро- и атомную энергетику, а также использование энергии ветра, солнца, приливов, биомассы и т. д.

Между тем в 2010 г. в мировой энергетике произошло два важных события. Первое получило широкий резонанс: по итогам года Китай стал крупнейшим потребителем первичных энергоресурсов в мире (около 3 млрд. т условного топлива), обойдя по этому показателю США. В результате интерес к роли КНР на рынках ископаемого топлива ещё более усилился.

О втором событии писали значительно меньше, хотя оно также тесно связано с КНР. Речь идёт о том, что в 2010 г. — впервые в истории — развивающиеся страны опередили развитые государства по стоимости так называемых «зелёных проектов» в энергетике. К ним относят использование энергии ветра, солнца и биоресурсов. Суммарные инвестиции развивающихся стран в данную отрасль составили 72 млрд. долл., причём на долю Китая пришлось почти 49 млрд. долл., на 28% больше, чем в 2009 г. Для сравнения можно отметить, что европейские страны вложили в такие проекты 35 млрд. долл. — на 22% меньше, чем в 2009 г.[1] Другими словами, КНР вошла в число мировых лидеров в данной области, а энергетическая политика страны стала мощным фактором мирового развития как на «старых», так и на «новых» направлениях.

Попробуем сначала коротко охарактеризовать общее положение с производством и потреблением ископаемых, традиционных и возобновляемых ресурсов в Китае. Хорошо известно, что основу ТЭК этой страны составляет каменный уголь. Его роль в потреблении энергии в КНР в относительном выражении даже выросла по сравнению с началом века при снижении удельного веса традиционного топлива и сравнительно стабильной доле углеводородов. Об этом можно судить по оценочным данным, представленным в таблице 1.

Таблица 1
Структура потребления энергии в КНР, %

Год	Уголь	Нефть	Природный газ	Традиционное топливо	Гидро-, атомная и ветряная энергия
2000	57.1	20.2	1.9	18.6	2.2
2010	70.5	17.6	4.0	4.2	3.7

Источник: BP Statistical Review of World Energy. June 2011, с. 41.

Одновременно в энергопотреблении страны возросла доля новых и возобновляемых источников. На них в сумме (включая ГЭС и АЭС) приходится около 4%, что пока ещё меньше, чем на традиционные биоресурсы.

Более точные сведения о роли ряда новых и возобновляемых источников энергии в экономике КНР можно почерпнуть из данных по производству электроэнергии, представленных в таблице 2. Достаточно отчетливо видно, что масштабы нового производства электроэнергии на ветряных электростанциях (ВЭС) в Китае (наиболее динамичном секторе новой энергетики и в Китае, и в мире в 2010 г.[2]) остаются сравнительно скромными. В то же время объем инвестиций в ветряную энергетику достиг значительного уровня. Это позволяет предположить, что данная отрасль китайского энергохозяйства находится в привилегированном положении. Поддержка отрасли включает гарантированный сбыт всей производимой в ней продукции. Сетевые компании обязываются приобретать такую продукцию в объёмах не ниже установленного минимума. В результате в отрасль активно пошёл частный и иностранный капитал.

Заметим, что некоторые международные агентства (в частности, IEA) дают более высокие оценки ввода новых мощностей ВЭС в Китае. Во всяком случае, по их данным, КНР в 2010 г. опередила по суммарным установленным мощностям в ветряной

[1] Global Trends in Renewable Energy Investment 2011. UNEP, Frankfurt School of Finance and Management, Bloomberg New Energy Finance. P., September 2011.

[2] Из общей суммы мировых инвестиций в новую энергетику в 211 млрд. долл. на ветряную энергетику пришлось около 95 млрд. долл.

энергетике (34 млн. кВт) Германию (26 млн. кВт) и вплотную приблизилась по этому показателю к мировому лидеру — США (36 млн. кВт). Всего же на Китай в конце 2010 г. пришлось около 20% мировых мощностей ВЭС[3].

Таблица 2

Ввод мощностей и инвестиции в отдельные звенья электроэнергетики КНР в 2010 г.

Вид генерации	Инвестиции, *млрд. юаней*	Ввод мощностей, *млн. кВт*
ТЭС	131	70.6
ГЭС	79	21.3
АЭС	63	1.1
ВЭС	89	7.0
Энергосети	341	…

Подсчитано по: ГСУ КНР (stats.gov.cn), данные округлены.

В планах отдельных китайских корпораций возобновляемой энергетике отводится очень заметное место. Так, государственная компания China Power Investment Corp (CPIC) в начале 2011 г. сообщила о намерении выделять 40% инвестиционного пакета, реализуемого в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, на цели развития чистой энергетики, преимущественно ветряной. В планах компании — строительство ВЭС суммарной мощностью около 2 млн. кВт.

Разумеется, это не значит, что другие отрасли возобновляемой энергетики остаются без внимания. По-прежнему КНР прилагает значительные усилия к использованию гидроэнергетического потенциала страны — крупнейшего в мире. К 2020 г. предполагается, в частности, возведение и ввод в эксплуатацию в верхнем течении Янцзы (где она носит название Цзиншацзян) четырёх гигантских ГЭС суммарной мощностью около 43 млн. кВт. Эта задача возложена на корпорацию «Санься», построившую крупнейшую в мире ГЭС «Три ущелья» (20 млн. кВт). Корпорации уже предоставлены кредиты китайских и зарубежных банков на сумму 330 млрд. юаней (более 50 млрд. долл.) на реализацию задач в рамках двенадцатой пятилетки (2011–2015 гг.).

Китай успешно приобщается к международному сотрудничеству в области чистой энергетики. Так, Китайская национальная нефтегазовая морская корпорация (КННМК) успешно завершила верификацию и регистрацию в ООН своего третьего проекта чистого развития. Новым проектом стала газовая электростанция, построенная в провинции Гуандун (как и два предыдущих проекта) компанией Zhongshan Jiaming Electric Power — дочерним подразделением КННМК. Проект приведет к снижению выбросов двуокиси углерода на 1 млн. т в год. Покупателем квот будет британское подразделение французской компании Total's Gas and Power.

Производимое в Китае оборудование для производства ветряной и солнечной энергии экспортируется в другие страны. Особенно велика доля экспорта в производстве фотоэлектрических панелей, что отчасти объясняет снижение цен на них на 60% по сравнению с 2008 г.[4] В 2010 г. около половины мирового выпуска фотоэлектрических панелей приходилось на КНР.

В 2011–2015 гг. в новую энергетику намечено инвестировать 2 трлн. юаней (около 315 млрд. долл.). Важная роль в этих программах отводится разного рода пилотным программам, организации демонстрационных центров чистых технологий, финансовому стимулированию инвестиций в отрасль. В числе демонстрационных площадок — «низкоуглеродистый квартал» в Гуйяне, новый район Биньхай в Тяньцзине. Всего же до 2020 г. в новую энергетику предполагается вложить 5 трлн. юаней. Развитие ветряной и гелиоэнергетики включено в число новых стратегических отраслей, наравне с энергосбережением, развитием производства электромобилей и т. п.

В Китае полагают, что наращивание производства экологически чистых видов энергии может обеспечить высокие темпы экономического роста без существенного увеличения потребления углеводородов. Ставится задача довести к 2020 г. удельный вес возобновляемой и ядерной энергии в первичном потреблении энергии до 15%, а к 2050 г. — до 30%.

Однако далеко не все аналитики разделяют столь оптимистичный прогноз. Стоит напомнить и о том, что новые виды энергии должны выдерживать ценовую конкуренцию со старыми. В США, например, снижение цен на природный газ в 2010 г. существенно затормозило развитие новой энергетики. Достаточно взглянуть на данные о доле новой энергетики в 2000 г. и 2010 г. (табл. 1, прирост доли за десятилетие — всего 1.5%), вспомнить о темпах автомобилизации в КНР и самих масштабах китайского ТЭКа, чтобы понять чересчур амбициозный характер поставленных целей. Правда, приведённые выше цифры включают атомную энергетику. Благодаря чему программные цели КНР выглядят более реалистичными. Действительно, несмотря на эффект Фукусимы, программа строительства атомных электростанций в КНР продолжает развиваться. К 2020 г. выработку электроэнергии на АЭС планируется довести до 8% от общего показателя выработки электроэнергии (в настоящее время — около 2%). Согласно этим же планам, к 2030 г. в стране будет действовать порядка 30 АЭС.

[3] База данных International Energy Agency (IEA).

[4] Global Trends in Renewable Energy Investment 2011. UNEP, Frankfurt School of Finance and Management, Bloomberg New Energy Finance. P., September 2011.

М. И. Крупянко, Л. Арешидзе

Японский национализм и его влияние на безопасность России на Дальнем Востоке

Подъем националистических настроений в японском обществе в начале XXI в. существенно облегчал властям страны решение, как минимум, трех задач: во-первых, он способствовал формированию более благоприятных условий для радикализации внешнеполитического поведения Японии на международной арене; во-вторых, он упрощал решение задач по воспитанию патриотического самосознания у новых поколений японской молодежи и, наконец, в-третьих, он развязывал японским властям руки в процессе реализации ими политики эскалации территориальных притязаний к России на Дальнем Востоке с неизбежным втягиванием нашей страны в гонку вооружений в регионе.

Радикализация внешнеполитического поведения Японии в начале XXI в. на фоне активного раскручивания спирали национализма в обществе выражалась в постепенном отходе ее правящих кругов от философии пацифизма всех послевоенных десятилетий и переходе к активной, наступательной дипломатии на международной арене после «холодной войны». При этом очевидно, что такой разворот был бы невозможен без заранее подготовленного к этому и основательно обработанного идеологией государственного национализма массового сознания японцев, которые на протяжении более полувека во второй половине XX столетия воспринимали внешнюю политику страны исключительно через призму мирных статей Конституции 1947 г., обязательств властей соблюдать 3 неядерных принципа, неучастия японской армии в вооруженных конфликтах за рубежом. Однако сегодня Токио официально решает вопрос о пересмотре «трех принципов отказа от экспорта вооружений», «трех неядерных принципов» (не иметь, не производить и не ввозить ядерное оружие), а также официально признает право на коллективную самооборону, что может пригодиться Японии при проведении японо-американских совместных операций, например при возвращении российских Южно-Курильских островов под японскую юрисдикцию.

Подъем национализма в японском обществе кардинально изменил восприятие японцами новых международных реалий и уже не является для властей препятствием в проведении ими более радикального внешнеполитического курса. В обществе практически прошло незамеченным, т. е. без массовых общественных протестов и критики, принятие в декабре 2010 г. властями страны новой программы национальной обороны. Она предусматривает переход Японии от «базисной оборонной концепции», принятой правительством еще в 1976 г. и предусматривавшей размещение в стране минимально необходимого контингента Сил самообороны и вооружений, к «динамичной оборонной концепции», позволяющей оперативно реагировать на угрозы со стороны Китая, КНДР и России путем наращивания потенциала сдерживания, последовательного и активного проведения разведки в условиях видоизменяющихся вызовов и угроз, а главное — путем укрепления сотрудничества с вооруженными силами США и подключения американского воздушноморского потенциала в интересах укрепления национальной обороноспособности на вышеназванных направлениях[1].

О реальных последствиях национализма на изменение философии внешнеполитического поведения Японии в направлении от пацифизма к повышению уровня его наступательности свидетельствует ряд конкретных фактов. Так, 18 декабря 2001 г. в Южно-Китайском море произошел весьма показательный инцидент, свидетельствовавший о радикализации ее внешней политики и отходе от послевоенного пацифизма в массовом сознании японцев. Впервые после капитуляции во Второй мировой войне японским ВМС был отдан приказ открыть огонь на поражение (потопление) иностранного судна, вторгшегося в территориальные воды Японии. Приказ был успешно выполнен — иностранное судно затонуло, а его экипаж погиб[2]. Такое поведение японских военных было немыслимо себе представить даже в 1990 гг., так как это вызвало бы протесты широкой японской общественности. На этот раз японская общественность не только не выступила с резким осуждением действий военных моряков, не протестовала против применения ими силы, но, по сути,

[1] По сообщениям газеты «Майнити», в январе 2011 г. впервые после окончания Второй мировой войны в Японии был сформирован новый разведывательный орган по аналогии с ЦРУ США и английской МИ-6 для проведения специальных операций по сбору секретной военной информации на российском, китайском и северокорейском направлениях. Майнити симбун, 21.02.2011.

[2] Асахи симбун, 20.12.2001

поддержала радикальные меры по защите национальных интересов от «внешней угрозы», источник которой даже не был идентифицирован. Такая реакция японцев стала возможной только в условиях подъема националистической волны в японском обществе.

Распространяя идеологию государственного национализма в обществе, японские власти эффективно обыгрывают виртуальные угрозы национальной безопасности, якобы исходящие от Северной Кореи. В октябре 2002 г. власти КНДР официально объявили о программе производства ядерного оружия и о наличии в распоряжении ее армии нескольких ядерных зарядов[3]. Уже в середине февраля 2003 г. бывший министр национальной обороны Японии Сигэру Исиба поспешил сделать официальное предупреждение руководству КНДР о том, что «Япония готова нанести серию превентивных ударов по территории Северной Кореи в случае необходимости». Такое заявление японской стороны было повторено 15 сентября 2003 г. в Лондоне. Тогда министр обороны Японии особо подчеркивал, что конституция страны позволяет наносить превентивные удары по территории потенциального противника в целях обороны, ибо «Токио не может допустить, чтобы северокорейские ракеты первыми достигли японской территории»[4]. 4) Японские СМИ и ряд видных членов кабинета министров также подтвердили тогда тезис о том, что Япония будет защищать себя всеми доступными ей средствами, не исключая применение ядерного оружия, и работать на «опережение» потенциального противника[5].

В период «холодной войны» подобного рода высказывания могли позволить себе лишь представители ультраправых националистических организаций, однако после ее окончания наступательная риторика властей хорошо вписывается в контекст подъема националистических настроений в японском обществе. И если внимание лидеров США после их победы в «холодной войне» оказалось сосредоточенным на «борьбе с международным терроризмом», позволившей им легализовать в глазах мирового сообщества свои действия по силовому отстранению от власти неугодных режимов в Ираке, Афганистане, Югославии, Ливии, Сирии, Йемене и т. д., то лидеры Японии в это время, как бы незаметно от мировой общественности, концентрировали усилия на возрождении идеологии японского национализма, на раскручивании в стране новой националистической волны, преследуя при этом цель — оправдать в глазах японцев ускоренную милитаризацию и превращение страны в сильное государство, обладающее в том числе и ядерным потенциалом. Очевидно, однако, что столь радикальные изменения внешнеполитической идеологии японского руководства не могут не оказывать дестабилизирующее влияние на ситуацию в Восточной Азии, не могут не нарушать сложившийся в регионе стратегический баланс сил.

Националистический фон в обществе благоприятствует правящим кругам Японии ускоренными темпами реализовывать программы модернизации вооружений. Только в 2004 г. расходы на строительство новых систем ПРО страны составили 1,2 млрд. долл., что в 9 раз превышало расходы на те же цели за весь период 1999–2003 гг. Ограничения, наложенные на процесс милитаризации Статьей 9-й конституции 1947 г., активно размываются. Этот процесс начался еще в 1987 г., когда впервые после 1970 г. военный бюджет страны превысил уровень 1% ВВП, долгое время формально ограничивавший уровень военных расходов (в 1955 г. удельный вес военных расходов в ВВП составлял 1,78%, в 1960 г. — 1,23%, в 1965 г. — 1,07%). С тех пор японские законодатели предпринимали различные попытки для того, чтобы обходить добровольно принятые ограничения на военные приготовления в стране. Сразу после своего избрания в апреле 2001 г. на пост премьер-министра Японии Койдзуми сформировал специальную законодательную комиссию по вопросам пересмотра Конституции, будучи заинтересованным в переоценке положений, касающихся использования военной силы. Одновременно особое внимание он лично уделял обработке общественного мнения в сторону разворота от пацифизма к необходимости укрепления национальной обороноспособности. В результате большинство японцев сегодня разделяют политику властей по созданию в Японии полноценной современной армии: если еще в 2000 г. 41% японцев выступали в поддержку изменения статьи 9-й Конституции, то только за один 2001 г. в условиях активной пропаганды, развернутой новым премьер-министром, эта доля увеличилась до 47%[6]. Спустя 10 лет она составляет уже более половины всего населения страны.

На фоне искусственного нагнетания страха перед внешней опасностью и охвата националистической идеологией самых разных слоев японского общества ускоренные военные приготовления властей уже не рассматривались японцами как вопиющее нарушение статьи 9-й Конституции 1947 г. В конце 2002 г. Синго Нисимура, видный представитель правого крыла правящей ЛДП, официально заявлял, что «лидер КНДР Ким Чен Ир ведет себя как Гитлер, а японское правительство пытается его умиротворить, действуя как английское правительство Невилла Чемберлена в конце 1930 годов, когда оно проводило политику умиротворения фашистских держав и подписало в итоге Мюнхенское соглашение 1938 года»[7]. Английская газета «Таймс» от 22 февраля 2003 г. писала, что Нисимура рассматривался

[3] Йомиури симбун, 23.10.2002.

[4] Асахи симбун. 16.09.2003.

[5] Foreign Affairs, November/December 2003, с. 75.

[6] Foreign Affairs, vol. 82, No.6, November/December 2003, с. 76

[7] Асахи симбун, 20.12.2002.

на Западе как одиозная личность среди японских политиков, а все его рассуждения на тему о ядерном вооружении Японии ранее объявлялись вне закона. Однако сегодня этот вопрос официально поднимается многими политиками, представителями академических кругов и высшими чиновниками[8].

И что самое показательное — японский избиратель сегодня в основном поддерживает националистические высказывания японских политиков. Характерным в этом отношении является возросшая популярность мэра Токио Исихара Синтаро, известного своими патриотическими взглядами. Она росла настолько быстро (особенно после выхода в свет в начале 1990 гг. книги «Япония, которая может сказать нет»), что руководство ЛДП посчитало возможным поддержать его на апрельских выборах 2003 г. на пост мэра Токио, хотя баллотировался он как независимый кандидат. Исихара набрал тогда более 70% голосов избирателей, что было рекордным показателем для кандидатов, поддержанных ЛДП. А уже в сентябре 2003 г. премьер-министр Койдзуми призвал общественность открыть дебаты по внесению поправок в статью 9-ю Конституции Японии об «отказе от войны».

Радикализация внешней политики Японии на фоне растущего национализма в обществе не остается незамеченной в странах Европы и в США. Летом 2002 г. руководство международной организации «Гринпис» (Greenpeace International), а также ее европейского отделения (Greenpeace European Unit) призвало страны Евросоюза разорвать все двусторонние торговые соглашения с Японией в ответ на проведение ее курса на превращение в ядерную державу. Обоснованность своей тревоги «Гринпис» основывал на данных о быстроувеличивающихся запасах оружейного плутония в стране. По данным «Гринпис», Япония уже накопила 38 тонн радиоактивных материалов и была намерена к 2020 г. нарастить их в объеме 145 тонн. Принимая во внимание, что для создания одного ядерного заряда необходимо всего 5 кг, к 2020 г. Япония будет способна произвести 30 тыс. ядерных боеголовок. Одновременно руководство «Гринпис» выражало тревогу за то, что Япония сделала большие успехи в освоении космического пространства в военных целях, работая ускоренными темпами над военными космическими программами. Все это, по мнению организации, означает, что Япония в скором времени сможет претендовать на статус державы, обладающей современным ядерным оружием и средствами его доставки в космос[9].

Разумеется, необходимость активного раскручивания националистической пропаганды в японском обществе не обусловлена исключительно необходимостью облегчить властям условия для кардинального изменения вектора внешнеполитического поведения Японии в мире в целом и в регионе в частности. Глубоко пропитавший все поры массового общественного сознания национализм необходим властям Японии и по внутриполитическим соображениям. Консолидировать общественное сознание для поддержки политики правящих кругов нужно и для решения сложнейших задач внутреннего развития начала XXI в. Послевоенные поколения японцев формировались в период, когда экономические и технологические успехи Японии составляли законную гордость нации. Эти поколения выросли с твердым убеждением, что Япония станет лидером в Восточной Азии, во всяком случае — будет первой экономической державой в регионе. Однако на протяжении последних 15–20 лет японцы стали свидетелями прямо противоположных тенденций — экономика Японии длительное время пребывает в состоянии стагнации, а экономическое влияние страны не только на глобальном, но и на региональном уровне заметно снижается. Мировой финансовый кризис 2008 г., небывалый рост цен на энергоносители, которые Япония вынуждена импортировать, а также разрушительное землетрясение, цунами и события вокруг АЭС в Фукусима в марте — апреле 2011 г. — все это только усугубило и без того нерадужное экономическое положение Японии в мире и в регионе, спровоцировало рост пессимистических настроений среди многих японцев.

Действительно, авторитет и влияние Японии в мире ослабевали по мере сокращения ее экономического потенциала. В начале 2011 г. правительство Японии официально признало, что страна больше не является второй экономикой мира, а по итогам 2010 г. окончательно стало ясно, что Китай обошел Японию по производству ВВП и теперь он, а не Япония, занимает второе место в мире после США по экономическому развитию[10].

Стабильное отставание Японии по экономическим показателям в начале XXI в. оказало глубокий психологический эффект на подавляющее большинство японского среднего класса, сильно травмировало национальное самосознание. Многие поколения японцев, которые восстанавливали японскую экономику после поражения страны во Второй мировой войне, были уверены, что их дети и внуки будут жить в одной из самых процветающих экономик мира. Однако в начале XXI в. они столкнулись с ситуацией, при которой их дети будут иметь существенно более низкие жизненные стандарты, чем имели они сами в послевоенные десятилетия. Индекс деловой активности Японии — Никкэй — в начале XXI в. имел самые низкие показатели, упав ниже опасной пороговой отметки в 8000 пунктов. Уровень безработицы поддерживается на недопустимо высоком для Японии уровне в 5–6%, практически сравнявшись с первыми послевоенными годами. И этот

[8] Times, 22.02.2003.

[9] www.boell.ru/downloads/nuclear_myth2.pdf.

[10] http://www.mignews.com/news/economics/world/140211_102909_31705.html

показатель продолжает расти из года в год. Японцы уже потеряли надежду на то, что власти страны смогут исправить экономическое положение и стабилизировать его. Правительство опасается любых реформ в экономике, так как считает, что они могут еще больше обострить ситуацию. Власти справедливо полагают, что без сплочения нации на основе реанимации националистической идеологии им будет крайне сложно обеспечить Японии выживание к середине XXI в.

Негативный психологический эффект от смещения Японии вниз по экономическому рейтингу усиливается на фоне динамичного развития соседнего Китая, помешать которому Япония не в состоянии. В 2010 г. Китай не только потеснил Японию в мировой экономике, но и стал лидером на региональном уровне. Темпы роста экономики КНР составляют в 2010–2011 гг. 8–10% в год и являются самыми высокими в мире. Страны Восточной и Юго-Восточной Азии, которые построили свои экономики с опорой на помощь Японии, сегодня все больше обращают свои взоры на Китай, в лице которого они видят своего самого важного и надежного торгового и экономического партнера. Даже Япония осознает важность инвестирования в экономику КНР. Среди наиболее крупных японских инвесторов в экономику Китая можно выделить такие мощные корпорации, как NEC и «Хонда». В Китай вкладывают и многие крупные американские и европейские промышленные и электротехнические корпорации.

Весьма распространенное среди японцев сегодня чувство обиды за свою страну, усиленное напряженностью в двусторонних отношениях с Китаем в стратегической области, подталкивает японских националистов к твердому убеждению в том, что только сильная в военном отношении и консолидированная идеологически Япония может заставить считаться со своими интересами соседей по региону. Унижение, которое испытывают японцы в связи с нерешенностью в свою пользу спорных территориальных проблем, будь то с Китаем из-за островов Сэнкаку или с РФ — из-за Южно-Курильских островов, только добавляют решимость националистическим кругам добиваться в итоге выгодного решения.

При этом японские националисты искренне недоумевают, что заставляет японский бизнес, который сам находится в состоянии экономического кризиса, продолжать вывозить в Китай не только прямые и портфельные инвестиции, но также технологию, предоставлять кредиты и т. п. И это притом, что Китай ежегодно наращивает расходы на военные нужды: только в 2011 г. военный бюджет Китая был запланирован на уровне 601,1 млрд. юаней (91,35 млрд. долл.) , то есть прирост составил по сравнению с 2010 г. 12,9%[11]. Японские националисты не одобряют такую инвестиционную политику, которая наносит ущерб национальным интересам страны. Нельзя же закрывать глаза на то, например, что на протяжении последних лет со стороны НОАК наблюдается повышенная активность в акватории спорных с Японией островов Сэнкаку, которую японские военные специалисты воспринимают исключительно как проведение подготовительных работ по минированию акватории омывающих эти острова вод Тихого океана. Как не раз заявлял Исихара Синтаро, Япония вкладывает средства в развитие военной промышленности КНР, которая продолжает наращивать силовой потенциал на японском направлении и совершенствует ядерное оружие[12].

Японские националисты требуют от правительства скорректировать внешнюю политику и на американском направлении. На протяжении всего периода «холодной войны» США выступали как гарант безопасности Японии в Восточной Азии. Однако после ее окончания японцы впервые почувствовали, что интересы Америки и Японии в вопросах безопасности расходятся, что новая внешняя политика США в мире далеко не всегда отвечает интересам безопасности самой Японии, не поддерживает стабильность на глобальном и региональном уровне в зоне стратегических интересов самой Японии. Например, согласно проведенным летом 2003 г. опросам общественного мнения в Японии, более 60% респондентов считали, что война США в Ираке была несправедливой[13]. После событий 11 сентября 2001 г. многие японцы стали сомневаться в том, что Америка столь уж неуязвима с точки зрения своей безопасности. Атаки террористов по территории США только укрепили решимость японских националистов настойчиво требовать от властей ускорения решения вопроса о пересмотре статьи 9-й Конституции и укрепления собственной безопасности, вне зависимости от союза с США.

Кроме того, многие японские националисты выступают за ликвидацию американских военных баз на Окинаве. Митинги протеста по этому поводу собирают более 100 тыс. человек. В них принимают участие главы всех административных единиц префектуры во главе с губернатором острова. На очередном митинге 25 апреля 2010 г. губернатор Окинавы Хирокадзу Накаима прямо заявил, что «тяжелейший груз от военных баз США в масштабах всей Японии выглядит не иначе, как неравенство, если не сказать дискриминация по отношению к Японии». Участники митинга выразили тогда свое неудовольствие правительству Японии за нерешительную политику в вопросе ликвидации военных баз США и затягивание выполнения предвыборных обещаний на этот счет[14]. Еще в 2007 г. между США и Японией было достигнуто соглашение о переносе американской базы Футэмма на Окинаве в район города Наго в той же префектуре. В своем предвыбор-

[11] www.finmarket.ru/z/nws/news.asp?id=1959208.

[12] Foreign Affairs, vol.82, No.6, November/December 2003, p. 81.

[13] Асахи симбун, 15.07.2003.

[14] http://www.vesti.ru/doc.html?id=355422.

ном манифесте Демократическая партия, победившая на выборах в августе 2009 г. и сформировавшая правительство Юкио Хатоямы, обещала пересмотреть соглашение, учитывая протесты местного населения. Жители требовали перенести базы с Окинавы, где их сконцентрировано более 70% от всего числа американских военных баз на территории Японии. Речь тогда шла о переносе базы за пределы страны или, как минимум, за пределы префектуры. Однако решение пересмотреть японо-американское соглашение по размещению баз вызвало тогда резкую реакцию со стороны США. Хатояма обещал обнародовать окончательный план перевода базы к концу мая 2010 г., но ни один из районов страны, которые назывались в качестве возможных мест размещения базы, был не готов даже обсуждать этот вопрос из-за протестов населения. В середине апреля 2010 г., после митинга на острове Токуносима против планов размещения там американской базы, все три представителя местных административных районов отказались от переговоров об этом с представителем правительства. Нерешительность властей в этом вопросе только подогревает националистические настроения в японском обществе и работает на укрепление национального самосознания.

Японские националисты убеждены, что без сильной современной армии Япония обречена на пребывание в стратегической зависимости от США. Сохраняющаяся напряженность ситуации в Восточной Азии, в зоне стратегических интересов Японии, укрепляет позиции японских националистов в том, что статья 9-я Конституции страны должна быть в короткие сроки пересмотрена. Сомнения в надежности США как стратегического партнера Японии прибавляют уверенности тем националистическим политическим силам в Японии, которые выступают в поддержку скорого превращения страны в ядерную державу. Официальные представители США в начале 2003 г. осторожно намекали китайскому руководству о том, что если Пекин не окажет давления на северокорейское руководство и не побудит его отказаться от продолжения работы в рамках ракетных и ядерных программ, то Япония будет вынуждена приступить к производству ядерного оружия. Такая увязка событий сыграла на руку японским националистам, и, по всей вероятности, в будущем будет крайне сложно, если не невозможно, загнать их назад в бутылку японского «ядерного джинна».

Поворот в настроениях националистически настроенной части правящего истеблишмента Японии в пользу радикализации внешней политики и ремилитаризации страны имеет еще один психологический аспект. На протяжении 1980-х и начала 1990 гг. Япония имела самый высокий уровень зарубежных инвестиций в мире. Она инвестировала в экономики азиатских стран, делала большие вложения в бюджет ООН, во Всемирный банк, в Азиатский банк развития. Однако парадоксальным образом Японии никогда не удавалось трансформировать эти огромные вложения финансовых ресурсов в усиление своего политического влияния в мире с тем, чтобы требовать от стран, заемщиков японского капитала, подчинения ее интересам, выполнения ее требований т. п. Япония работала как бы вхолостую на международной арене, и то, что в японском обществе по праву воспринималось как гордость за экономические и технические достижения нации, другие страны воспринимали Японию с определенным чувством безразличия, по сути, игнорировали ее место и политическую роль в системе международных отношений. Так, например, Японию до сих пор не приняли в постоянные члены СБ ООН, гражданин Японии ни разу не назначался на должность председателя Всемирного банка, равно как и Международного валютного фонда. Единственным представителем Японии во влиятельной международной организации — ООН — была Садако Огата, которая была назначена на должность Верховного комиссара ООН по беженцам в 1991 г., спустя годы лоббирования Японией этой должности в руководстве ООН. Кроме этого, 1 декабря 2009 г. Генеральным директором МАГАТЭ был назначен японец Юкия Амано.

Отсутствие международного признания Японии в качестве полноценного и полноправного члена клуба великих мировых держав воспринимается японцами как в высшей мере несправедливый факт, оскорбляющий национальное достоинство. Японские националисты видят главную причину сложившегося положения дел только в одном — Япония все еще не имеет мощного силового потенциала и современной армии, с которой считались бы в мире. Наличие такой армии в сочетании с активной и независимой от США внешней политикой, по мнению японских националистов, было бы способно вернуть стране уважение и международный авторитет, который она по праву заслужила.

Японские националисты убеждены, что без сильной экономики и сильной современной армии Япония не восстановит свои лидирующие позиции в системе международных отношений, которые она хотела бы иметь. Правда, праворадикальное крыло националистов идет еще дальше и считает, что для этого в первую очередь необходимо развивать не только гражданскую экономику, но и восстановить в полном объеме отрасли ВПК, как это было в 1930 гг., когда с мнением Японии считались многие великие мировые державы. Поэтому сегодня японские националисты выступают решающей политической силой, которая поддерживает столь непопулярные в обществе и болезненные структурные реформы, имеющие своим следствием рост безработицы, отказ от системы пожизненного найма, экономическую стагнацию. Поэтому многие националистически настроенные представители крупного капитала особенно рьяно поддерживают американский стиль управления экономикой, радикально отличающийся от традиционного патерналистского стиля японских корпораций. Они убеждены,

что старая патерналистская экономическая система более не работает и что ее сохранение угрожает выживанию нации как великой державы. С их точки зрения, структурные реформы в экономике обеспечат Японии прочный фундамент на долгие годы вперед в XXI в. и что без радикальных преобразований в экономике она обречена на упадок и на скатывание в третьеразрядные страны.

Сегодня многие японские националисты выступают против государственного регулирования и вмешательства государства в бизнес, против сильного контроля за деятельностью крупных национальных корпораций. Они считают, что в таких современных высокотехнологических областях, как телекоммуникации, например, государственный контроль сдерживает технический прогресс в производстве новых видов продукции, ставит японских производителей в менее выгодные позиции на мировом рынке, хотя в прошлом японские фирмы в этом секторе промышленности были лидерами. Националисты убеждены, что экономический успех может быть гарантирован только на путях усиления международной и внутренней конкурентной борьбы.

Парадоксально, но националисты способствуют тому, чтобы японское правительство как можно больше привлекало бы иностранных рабочих на японские предприятия для того, чтобы те вытесняли стареющую японскую рабочую силу. По оценкам министерства здравоохранения, труда и благосостояния, к 2020 г. лица старше 65 лет в Японии составят 26% всей численности населения, а в 2050 г. эта доля повысится до 36%. И если на уровне 2010 г. на 1 японского пенсионера приходилось 4 активно работающих японца, то в 2050 г. будет приходиться 1,5 работника, что, по сути, приведет нацию к экономическому краху. Японские неонационалисты настаивают на увеличении притока мигрантов для компенсации стареющего населения страны. Исихара открыто призывает все больше приглашать иностранных рабочих в Японию, независимо от того, как японцы относятся к мигрантам, так как это необходимо Японии для ее экономического выживания[15].

Процесс радикализации японской внешней и внутренней политики под влиянием требований националистических сил в Японии развивается быстрыми темпами. В ближайшие годы статья 9-я Конституции 1947 г. неминуемо будет пересмотрена, и ограничения на милитаризацию Японии будут сняты. Япония наконец создаст полноценную современную армию (а не силы самообороны), обладающую не только потенциалом обороны, но главное — потенциалом наступления. При этом важно подчеркнуть, что, как это уже не раз бывало в японской истории, процесс милитаризации будет развиваться параллельно с ростом националистических настроений[16]. Правда, если верить профессору юриспруденции Токийского университета Сиъити Китаока, в Японии хотя и начался процесс ремилитаризации, однако мало кто из действующих политиков хотел бы при этом выходить за существующие конституционные рамки[17]. Однако даже конституционные ограничения могут быть легко демонтированы, если угроза национальной безопасности станет реальной, например, в случае официального заявления руководства КНДР о наличии в стране ядерного оружия и средств его доставки.

Реакция США на превращение Японии в ближайшем будущем в сильную военную державу в Восточной Азии пока официально не озвучивается, и поэтому не известно, заинтересована ли Америка видеть в лице Японии «младшего брата» или США готовы иметь дело с полноценной военной державой в Восточноазиатском регионе, стратегические интересы которой не обязательно будут совпадать с американскими. Сегодня непросто представить себе последствия, которые могут иметь радикализация внешней политики Японии и ее ускоренная ремилитаризация на японо-американские отношения. Ведь американцы имеют свои интересы в регионе, далеко не всегда связанные с сильной, милитаризированной Японией. Да, сегодня между США и Японией существуют прочные стратегические связи, но если завтра Пекин заподозрит Америку в поощрении ремилитаризации Японии, то напряженность в американо-китайских отношениях сильно возрастет. Правда, нельзя исключать при этом того, что сильная в военном отношении Япония пойдет на заключение «Пакта безопасности» с Китаем с целью предотвратить эскалацию гонки вооружений в Восточной Азии. Нетрудно предположить, что реакция США на такой японо-китайский договор о безопасности будет резко негативной. Власти КНР со своей стороны прилагают усилия к тому, чтобы смягчить исторические противоречия с Японией, и последняя отвечает на это взаимностью. Так, например, в сентябре 2003 г. министр обороны КНР Као Гунчуань встречался с бывшим государственным министром, начальником Управления национальной обороны Японии Исиба. Это была первая такая встреча за многие годы. Тогда же было объявлено, что Япония впервые после 1949 г. примет в своих доках для ремонта китайский военный корабль[18]. В свою очередь, китайская сторона приняла с визитом дружбы эскадру японских военных кораблей.

Укрепление японо-китайского военного сотрудничества может быть воспринято в США как попытка обеих сторон ослабить американские стратегические позиции в Восточной Азии и на Тихом океа-

[15] Санкэй симбун, 03.05.2003. Газета «Санкэй симбун» является трибуной японских националистических кругов, и ее ежедневный тираж составляет более 2 млн. экземпляров.

[16] См.: Hughes Ch. Radicalism or retrenchment in Japan's security policy in Japan's Remilitarisation. The International Institute for Strategic Studies. L., 2009, с. 14–19.

[17] Асахи симбун, 04.02.2003.

[18] Йомиури симбун, 04.09.2003.

не, к чему Америка сегодня, похоже, еще не готова. Руководство КНДР, в свою очередь, может использовать процесс ремилитаризации Японии в качестве оправдания ускорения реализации своих ядерных и ракетных программ или их возобновления после короткого перерыва.

Очевидно, что США могут поддержать позицию тех националистически настроенных японских политиков, которые выступают за дальнейшее сближение с США. Однако США никогда не будут поддерживать те националистические силы в японском правящем истеблишменте, которые ориентированы на усиление военного потенциала страны в ущерб ослабления стратегической зависимости Японии от США. США не заинтересованы в усилении антиамериканских настроений в японском обществе, которые и без того подогреваются агрессивной политикой США в мире, а также сохранением американских военных баз на территории Японии.

Одним из негативных последствий проникновения националистических настроений в руководящие эшелоны Японии, на наш взгляд, является непрозрачность его истинных внешнеполитических интересов. Без понимания внешнеполитических интересов Токио невозможно уяснить, чего же в итоге хочет японская сторона в отношениях с США, Китаем, обоими корейскими государствами или Россией. Так, например, хотя внешне японское руководство и продолжает поддерживать гегемонистскую политику США в мире, многие в японских эшелонах власти начинают осознавать, что поведение Америки в системе международных отношений далеко не всегда корреспондирует национальным интересам самой Японии. Японские националисты, например, нередко критикуют власти США за бездействие в отношении КНДР, представляющей для Японии наиболее реальную опасность, за нанесение экономического ущерба Японии через поддержание высоких мировых цен на нефть и другие энергоносители.

Сегодня японский национализм развивается на фоне активных действий международных антиамериканских террористических сил, а также в обстановке распространения ядерного оружия в Восточной Азии. С точки зрения российских интересов, можно было бы использовать рост националистических настроений в правящих кругах Японии и в обществе в целом в конструктивном направлении, т.е поддержать стремление националистически настроенных японских политиков возродить страну как независимую от США мировую экономическую и технологическую сверхдержаву, как гаранта стабильности в Восточной Азии и на Тихом океане. Однако, очевидно, что российским интересам не отвечает превращение Японии в ядерную и сильную в военном отношении державу. В противном случае избежать серьезной дестабилизации в Восточной Азии в ближайшей перспективе будет крайне сложно.

Ярким свидетельством важности поддержания националистических настроений в японском обществе на современном этапе, на наш взгляд, является активная политика властей по усилению военно-патриотического воспитания японской молодежи, по широкой пропаганде военных знаний среди молодых поколений японцев. Министерство обороны Японии, наряду с известным своим изданием под названием «Белая книга по обороне Японии» («Боэй хакусё»), стало выпускать компактную версию справочника, предназначенную для менее подготовленного читателя и в основном ориентированного на молодежь. По замыслу составителей сборника, японские молодые люди должны иметь более глубокие представления о внешних «угрозах» безопасности Японии и о методах их предотвращения. По заказу министерства обороны с 2005 г. в Японии регулярно издается другой вариант «Белой книги по обороне Японии», на этот раз в виде комиксов — «манга», предназначенный в самой доступной форме знакомить японских школьников с проблемами национальной безопасности и военной политики страны. Специальные издания комиксов освещают также вопросы строительства современной японской системы ПРО[19].

Удивляет изобретательность японских властей в области военно-патриотического воспитания молодежи. Дело даже не только в том, что власти ненавязчиво, «в деталях» знакомят ее с внешними «угрозами» безопасности, но и в том, что для этого они используют такие нестандартные формы, как комиксы-«манга», круг читателей которых в Японии в основном составляют лица дошкольного и школьного возраста. Так, в издании «Белой книги по обороне 2005 г.», вышедшей в формате «манга», главный герой представлен в виде маленького наивного и очень миролюбивого медвежонка, который с удивлением пытается осмыслить и понять угрозы, с которыми вынуждена сталкиваться Япония в начале XXI в., но, «осмыслив» их, сильно расстраивается. Он удивлен, что таких «угроз» для его страны слишком много. Но при этом он высказывает по тексту твердую уверенность в том, что безопасность Японии надежно защищена мощными силами самообороны, которые никогда не дадут его любимую родину в обиду[20].

В аналогичном издании министерства обороны Японии, вышедшем в 2007 г. и посвященном проблемам «развертывания национальной системы ПРО», два героя — мальчик и девочка «болеют» на стадионе за одну футбольную команду. Они наблюдают за игрой футболистов, но неожиданно переключают свое внимание на обсуждение темы возможной ракетной атаки на Японию со стороны ее ближайших соседей. Дети успокаивают друг друга тем, что Япония имеет современную ПРО и ей абсолютно нечего бояться. Тема ПРО и ракетных атак в издании

[19] Hughes Ch Op. cit., с.129–130.

[20] Боэйтё. Манга — дэ ёму! Боэй хакусё 2005. Токё: Дзайдан ходзин боэй кёсайкай, 2005.

как бы незаметно переключается на игру футболистов на поле, на удары нападающих и защитников команд[21]. До 2005 г. министерство обороны Японии сотрудничало с издательствами по выпуску журнала «Сэкуритариан» («Безопасность»), предназначенного для популяризации деятельности Сил самообороны. Начиная с 2005 г. министерство обороны стало финансировать издание другого популярного журнала «Мамору» («Оборона»), стремясь расширить круг читателей, познакомить их с потенциальными угрозами безопасности и с методами, которые применяет государство в целях защиты безопасности своих граждан.

Заглавную роль в пропаганде знаний по военно-патриотическому воспитанию играет руководство министерства обороны, которое проявляет в этой области немало инициатив. Так, министр обороны Японии Сигэру Исиба (2008 г.) сам подготовил текст введения для Специального выпуска журнала «манга», посвященного вопросам национальной обороны. В нем он подробно описал апокалипсические сценарии ракетных и ядерных атак Северной Кореи на Японию, а также захват террористами самолета внутренних японских линий и его атаку на одну из японских АЭС[22].

Как никогда в прошлом сегодня полки книжных магазинов крупных городов Японии заполнены литературой, посвященной подробному описанию «угроз» безопасности страны со стороны соседних государств. Авторы подобного рода литературы отнюдь не случайные. Многие из них — профессора университетов, отставные чиновники Управления национальной обороны Японии, известные политики. Все они авторитетно предупреждают широкого читателя о необходимости осознания опасности для безопасности Японии потенциальных внешних угроз и знакомят их с политикой властей по повышению национальной обороноспособности. Авторы сполна удовлетворяют запросы и специфической части читательской аудитории, так называемых «гундзи о-таку» (домохозяек, которые живо интересуются военными вопросами), которые «на кухне» активно обсуждают друг с другом возможные сценарии силовых столкновений Японии с Китаем или с КНДР. Всякий раз, успокаивая себя, они выражают надежду на сильную японскую армию, японский военный флот и авиацию, способных отразить любые атаки на страну с воздуха или с моря[23].

Сегодня японские власти не скрывают своей заинтересованности в развертывании самых широких патриотических кампаний по распространению доступных массам знаний в области военного строительства и безопасности, подключая к этому академических специалистов, писателей, журналистов. При этом новым моментом в официальной политике властей в этой области является то, что многие ранее закрытые и секретные вопросы военного строительства и обороны сегодня открыты для широкой публики. Более того, власти рекомендуют использовать ранее секретные сведения для получения дополнительной информации о японской армии, о политике в области национальной безопасности, о важности нанесения упреждающих ударов по потенциальному противнику в целях безопасности.

Результативность работы в области военно-патриотического воспитания, по пропаганде военных знаний и военной политики находится в Японии на высоком уровне. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты социологических опросов, которые однозначно показывают растущий интерес японцев к этим вопросам. Такой результат достигается не только путем знакомства общества с официально рекомендованной литературой и открытыми публикациями, но и организацией продуманной системы образования в военной области. Так, согласно суммарным результатам опроса за период с 1978 по 2006 г., общественный интерес к получению знаний в области военной политики, организации обороны и систем безопасности вырос в Японии более чем на 70%. Это значит, что властям в целом удалось к началу XXI в. сформировать в японском обществе консенсус по вопросам идеологического обеспечения своей внешней политики, получить поддержку подавляющего большинства населения на проведение более активной внешнеполитической стратегии, добиться одобрения на включение в школьные программы уроков военно-патриотической подготовки и уроков морали, которые были в довоенной Японии, но были исключены из школьной программы оккупационными властями США после войны[24].

Центральным местом военно-патриотического воспитания японской молодежи на современном этапе являются даже не столько военно-прикладные аспекты образования, сколько преподавание основ патриотической и националистической идеологии, разъяснение молодежи важности выполнения ими своего гражданского долга по защите Родины. В проекте поправок к Конституции, разработанных ЛДП в 2005 г., предлагалось внести дополнение относительно обязательств японских граждан «защищать Родину». Однако впоследствии эта поправка была смягчена формулировками «о вере японского народа в стремление всех народов мира жить в мире и дружбе друг с другом, развивать мирные отношения», правда, при этом оговаривалось, что «японс-

[21] См.: Боэйтё, Манга-дэ вакару! Нихон — но боэй: дандо миссайру-кара Нихон-о мамору. Итокё: Дзидзи гаппо, 2007.

[22] Сигэру Исиба. Кокубо. Токё, Синсёся, 2005, он же. Манга-дэ ёму кокубо нюмон. Токё, Аоба сюппан, 2007.

[23] См.: Бэссацу Такарадзима. Дзиэйтай визави Тюгокугун. Токё, Бэссацу Такарадзима, 2005; Бэссацу Такарадзима. Дзиэйтай синсэдай хэйэки perfect book 2008. Токё, Бэссацу Такарадзима; Гото Нориюки, Соно токи Дзиэйтай ва Нихон-о мамоэру но ка? Токё, Футабася, 2008.

[24] Hughes Ch. Op. cit., c. 131.

кий народ должен сам обеспечивать свою безопасность и условия своего выживания»[25].

Усилия японских националистов во власти активизировать патриотическое воспитание молодежи продемонстрированы также в попытке пересмотреть в декабре 2006 г. «Основной закон об образовании». Закон был принят в 1947 г., т. е. в период американской оккупации Японии. Его составители преследовали цель проведения «демократических» преобразований в стране, ослабления Японии как центра силы и соперничества, а также ставили задачу демилитаризировать общественное сознание. Противники принятия закона 1947 г. из числа японских националистов критиковали тогда его содержание за откровенное навязывание японскому обществу американских ценностей, а также за отсутствие в законе норм обязательного патриотического воспитания японской молодежи, предполагающих в том числе участие японцев в церемонии поднятия национального флага и в исполнении национального гимна. После «холодной войны» японские консерваторы из ЛДП стали подробно обсуждать с оппозиционными партиями содержание понятия «патриотизм». Они предполагали включить в новый закон об образовании положение, в котором было бы прописано, что «японцы должны уважать японскую культуру и традиции, любить свою родину, которая их воспитала, и при этом уважать также традиции других стран и народов и содействовать укреплению мира во всем мире, активно участвуя в развитии международных связей»[26].

Активность японских националистов из ЛДП на ниве усиления патриотического воспитания молодежи внешне была в известной мере сбалансирована их же призывами развивать международное сотрудничество. Однако приоритетным направлением деятельности японских консерваторов на сегодня все-таки остается воспитание современного поколения японцев в духе патриотизма и национализма как идеологии, формирующей личность, готовящей молодое поколение японцев к выполнению ими своего долга перед государством, если последнее их об этом попросит. Такой подход к воспитанию японской молодежи кардинально отличается от политики всех послевоенных десятилетий в этой области, когда такие понятия, как «патриотизм», выполнение «долга перед государством» и т. п. категории идеологии государственного национализма, были просто запрещены для употребления под давлением американцев, требовавших вырвать с корнем любые попытки милитаризации массового сознания японцев. Сегодня, однако, складывается впечатление, что современные японские националисты не жалеют усилий для того, чтобы пересмотреть старый Закон об образовании 1947 г. и сформировать новую законодательную базу для национал-патриотического воспитания японской молодежи[27].

И надо признать, что их старания в этом направлении превосходят даже действия националистов в довоенной Японии. Последние в своей деятельности по патриотическому воспитанию молодежи опирались на Императорский «Рескрипт о воспитании 1890 года», который содержал указание на то, что «подданные императора обязаны мужественно выполнять свой долг перед Родиной», но при этом ничего, правда, не говорилось «об обязанности каждого японца любить Родину». Императорский «Рескрипт о воспитании 1890 года» был отменен американцами в период оккупации Японии из-за опасений, что его сохранение способно реанимировать милитаристское сознание японцев, особенно японской молодежи. О такой категории, как «обязанность любить Родину», на время все забыли. Однако современные националисты в Японии стремятся реанимировать уже изрядно подзабытые патриотические понятия, ибо реалии развития Японии в начале XXI в. таковы, что страна, по меткому выражению Г. Маккормака, стала слишком «нервной, несчастной и находится в постоянно напряженных отношениях со всеми своими соседями по Восточной Азии», что объективно диктует властям задачу консолидации общества на националистической, патриотической основе[28].

Помимо планов по изменению ряда статей Конституции 1947 г. и внесения поправок в Закон об образовании 1947 г., в 1999 г. правительство внесло в парламент законопроект об утверждении национального флага «Хиномару» и национального гимна «Кимигаё» — как двух наиболее показательных символов довоенной японской идеологии государственного национализма. Усилия японских властей сегодня преследуют одну единственную цель — реанимировать на новой легальной основе японский патриотизм, а также попытаться реабилитировать политику государственного национализма, запрещенного американскими оккупационными силами в послевоенный период. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в современной Японии все более размытыми становятся грани между понятиями «здорового патриотизма», национализма и превращения страны в «нормальное государство».

Национализм в Японии может стать опасным тогда, когда националистические политики и общество придут к консенсусу в отношении легального и эффективного использования силы для обеспечения интересов национальной безопасности. Именно тогда окончательно произойдет замена послевоенной пацифистской парадигмы национального развития как совокупности фундаментальных представлений о мирной внешней политике и национальных

[25] Дзию минсюто, Синкэмпо соан, 28 октября 2005 http://www.kenpoukaigi.gr.jp/seitoutou/051028jimin-sinkenpousouan.pdf.

[26] Кёику кихон хоан, Синкё тайсё хёмокудзи/http://www.mext.go.jp/b_menu/houan/an/06042712/005.pdf.

[27] McCormack G. Client State: Japan in the American Embrace. Verso, 2007, c.140–142.

[28] Там же, с. 1.

интересах, консолидирующих на этой основе всю нацию, на новую, силовую. Факты развития Японии в первом десятилетии XXI в. свидетельствуют, впрочем, о том, что страна все еще не готова к переходу на силовую парадигму в своем развитии. Влиятельная часть правящего истеблишмента и часть общества с большой подозрительностью относятся к идее о конечной результативности силовой стратегии. Именно поэтому Япония продолжает с большим нежеланием, да и то под сильным давлением со стороны США, соглашаться на использование своих вооруженных сил в составе международных коалиций для решения стратегических задач глобального характера в интересах Америки.

Вместе с тем правящая элита Японии продолжает целеустремленно работать над укреплением национального оборонного потенциала, необходимого ей не столько даже для «отражения» внешней агрессии, сколько для укрепления позиций страны в военно-политическом союзе с США, а также ее международных позиций в новом мировом порядке. Токио готов вносить вклад в укрепление стратегического партнерства с США в рамках Договора безопасности. Сегодня японское общество поддерживает легитимность японской армии как структуры, отвечающей за обороноспособность страны. С момента окончания «холодной войны» заметно возросла роль Японии как союзника США в совместных операциях за рубежом, которые, впрочем, далеко не всегда отвечают национальным интересам безопасности самой Японии. Японская общественность сегодня убеждена в том, что объединение силового потенциала японской армии и потенциала японо — американского Договора безопасности являются наилучшим средством защиты национальных интересов страны. Уверенность в этом повысилась среди японцев с 40% в 1970 гг. до 80% — в 2006 г. Вместе с тем доверие общественности к возможностям японской армии самостоятельно защищать Японию в случае внешней агрессии, равно как и политика отказа от использования силы при разрешении международных споров (статья 9-я Конституции 1947 г.), не пользуется поддержкой большинства японцев[29].

Японское общественное мнение, добротно «обработанное» идеологией государственного национализма и патриотизма, заметно изменилось после «холодной войны» в пользу понимания важности в вопросах безопасности опоры на две составляющие: на национальный оборонный потенциал и на японо-американский военно-политический союз. Совершенствуя военно-технические возможности своего вооружения, а также расширяя географические зоны стратегической ответственности в регионе Восточной Азии и западной части Тихого океана, Япония, несмотря на возрастание рисков от проведения такой политики, целеустремленно наращивает усилия именно по этим двум основным направлениям своей военной политики. В новых нестабильных условиях развития ситуации в Восточной Азии Япония проявляет заинтересованность в расширении границ зоны ответственности за сдерживание агрессии со стороны потенциального противника, что, в свою очередь, побуждает ее власти стремиться к размещению вооружений за пределами территории Японских островов.

Японии уже приходилось сталкиваться в начале XXI в. со случаями проникновения северокорейских разведывательных судов в национальные территориальные воды и использовать силу для их выдворения. Так, в марте 1999 г. по северокорейскому судну, проникшему в территориальные воды Японии, было произведено 35 предупредительных выстрелов со стороны японских ВМС, а самолеты береговой авиации Р-3 сбросили по кораблю четыре морские бомбы (по 150 кг) в качестве предупредительной меры. При этом важно отметить, что использование силы в качестве предупредительной меры по объекту противника в зоне ответственности японских сил самообороны было поддержано как широкой японской общественностью, так и министерством обороны, ибо гражданское руководство Морского Агентства безопасности, впоследствии переименованного в Береговую охрану Японии (Кайдзё хоан тё), в свою очередь, безуспешно пыталось остановить тогда нарушителя. В декабре 2001 г. вновь созданные военизированные подразделения береговой охраны пытались уже своими силами потопить северокорейское судно-нарушитель с 10 членами команды. Использование силы на поражение было применено Японией впервые после окончания Второй мировой войны. Но что самое примечательное — оно было широко поддержано миролюбивой японской общественностью, консолидировано выступившей в «защиту территориальной целостности родины».

Разумеется, использование японской стороной военной силы на поражение не следует переоценивать и тем более рассматривать этот факт как результат обработки общественного сознания идеологией национализма и патриотизма. Реакция японских военных была вполне адекватной угрозе вторжения в территориальные воды страны иностранного судна. Более того, приказ о применении огня на поражение был отдан Управлением береговой охраны, а не министерством обороны. Но, тем не менее, столь решительные действия японских властей в новых исторических условиях следует воспринимать как сигнал к возможному прорыву ее нормативных ограничений на использование военной силы в мирное время. Аналогичные примеры создают опасные прецеденты на возможное применение Японией военной силы в будущем, например при «освобождении незаконно оккупированных Россией Южно-Курильских островов».

Складывается впечатление, что активная националистическая и патриотическая пропаганда

[29] Op. cit., с. 134.

в Японии уже «приучила» японскую общественность поддерживать военные операции, конкретно предназначенные для «национальной обороны» с вынужденным использованием «наступательных действий» японской армии[30]. Однако очевидно, что военная машина Японии, пригодная для ведения «обороны» и немедленного реагирования на угрозы национальной безопасности, все еще не приспособлена для ведения активных наступательных действий за национальными границами, для чего ей, как минимум, необходимы военные базы в других странах, включая и страны АТР. Поэтому японская общественность в целом благосклонно относится к участию сил самообороны в боевых операциях коалиционных сил, например в Афганистане в борьбе с международным терроризмом, но испытывает двойственные чувства в отношении участия японской армии в войне против Ирака, который не представлял прямой угрозы безопасности Японии, а США были просто заинтересованы в силовой замене нелояльного Америке режима Саддама Хусейна[31].

Националистическая индоктринация массового сознания японского общества сегодня вышла на такой уровень развития, когда она может задавать тональность внешней и военной политике властей, либо поддерживая применение военной силы для защиты национальных интересов в случае наличия реальных угроз национальной безопасности или ущемления этих интересов, либо препятствуя властям в проведении таких действий. Японские политики вынуждены сегодня просчитывать наперед возможную реакцию общественности на участие японской армии в военных операциях, которые после «холодной войны» все чаще инициируются США в разных частях мира и в той или иной форме втягивают японскую армию в военные авантюры.

Но можно ли при этом утверждать, что японское общественное мнение может сегодня играть роль «тормоза» на пути обозначенного перехода японской внешней политики от послевоенного пацифизма к проведению активной, наступательной дипломатии по всем направлениям, прямо влиять на решения об использовании военной силы за рубежом, оказание военной поддержки армии США в ее агрессивных внешних операциях в мире. Представляется, что такой вывод был бы преждевременным. Общественность Японии может не поддержать участие сил самообороны в операциях за пределами страны, если они имеют агрессивную природу. Но даже если японская общественность не поддержит размещение частей японской армии за рубежом для участия в агрессивных войнах, она не будет возражать против организации таких войн силами США. В этом смысле поведение японской общественности заметно отличается от поведения части американского или европейского общества, которое, как хорошо известно, не самоустраняется от критики военных операций США, активно протестуя против войны в Ираке, Афганистане, Ливии, Югославии и т. п., где Вашингтон использует силу для свержения законной власти.

Носители идеологии государственного национализма и патриотизма во власти и в обществе в Японии сегодня открыто поддерживают участие японской армии в военных операциях США в мире. Свою позицию они объясняют возросшей нестабильностью в системе международных отношений, а также серьезным снижением уровня эффективности ООН, и в частности, игнорированием ведущими странами — постоянными членами СБ ООН статей 11-й и 12-й Устава ООН, определяющих ее функции и полномочия[32]. Они видят в укреплении японо-американского военно-политического союза единственный залог национальной безопасности Японии. Японские националисты выступают в поддержку расширения военного союза с США и видят лишь минимальные риски вовлечения Японии в военные операции Америки за рубежом. Япония будет придерживаться такой позиции в отношении своего участия в японо-американском союзе до тех пор, пока будет существовать прямая угроза нападения на Японию извне.

Таким образом, японские националисты сознательно открывают дорогу для расширения границ японо-американского военно-политического союза, разрешая США не только применять военную силу в АТР, т. е. в зоне стратегических интересов самой Японии, но и втягивать ее в свои глобальные планы по формированию полностью подконтрольной им новой системы международных отношений. Японские националисты способствуют эрозии антивоенных нормативных принципов, основы которых были заложены в Конституции 1947 г. Националистическая пропаганда и военно-патриотическое воспитание добились того, что сегодня японская общественность открыто поддерживает ценности построения сильного, военизированного японского государства. Причем это происходит впервые за все послевоенные десятилетия. Требования к соблюдению 3-х неядерных принципов в Японии уже не являются столь непреодолимыми. Сегодня эти принципы размыты. В центре политической общенациональной повестки дня сегодня стоит вопрос о пересмотре мирной Конституции 1947 г. И такой вопрос будет решен положительно, как только власти Японии сочтут момент для этого наиболее подходящим. Однако сегодня японские политики озабочены решением более неотложных задач экономического и социального развития страны, особенно после стихийного бедствия марта 2011 г., но они не снимаются вовсе с повестки дня. Власти Японии будут продолжать наращивать усилия по совершенствова-

[30] См.: Midford P. Japanese Mass Opinion Toward the War on Terrrism. — Eldridge R.D., Midford P. (eds). Japanese Public Opinion and the War on Terrorism. N. Y., 2008, с. 15–18.

[31] Там же, с. 32–35.

[32] См. подробнее: http://search.un.org/

нию и углублению военно-патриотического воспитания общества, особенно молодежи, формировать ее активную жизненную позицию в вопросах «защиты национальных интересов» как применительно к территории собственно Японских островов, так и в контексте военного союза с США. И с этого пути Япония вряд ли сойдет в XXI в.

На российском направлении японский национализм в первую очередь опасен непрекращающейся эскалацией территориальных притязаний Японии к нашей стране в районе Южно-Курильских островов, и как следствие — втягиванием России в затратную гонку вооружений на Дальнем Востоке.

Подъем националистических и патриотических настроений в японском обществе в начале XXI в. обеспечил властям благоприятные условия для эскалации территориальных притязаний к России по возвращению Японии четырех островов Южно-Курильской гряды как «исконно японских территорий». Эти требования приняли особенно вызывающий характер в 2010–2011 гг., когда первые лица государства уже перестали «стесняться в выражениях» по поводу принадлежности этих островов Японии и их незаконной оккупации Россией. 7 февраля 2011 г. премьер-министр Японии Наото Кан, выступая на Общенациональном съезде за возвращение «северных территорий», назвал поездку президента России Дмитрия Медведева на Кунашир в ноябре 2010 г. как «непозволительную грубость в отношении Японии». Он поспешил заявить тогда, что «выразил свой жесткий протест президенту России по этому поводу»[33]. Во время визита в Москву министра иностранных дел Японии С. Маэхары 11 февраля 2011 г. японская сторона вновь заявила, что «позиция России по островам для Японии неприемлема в принципе. Но если она изменится (читай: Россия отдаст Курилы Японии — М. К.), то Япония готова рассмотреть возможные темы для сотрудничества»[34].

Подъем националистического самосознания позволяет сегодня японской политической элите в лице первых лиц государства считать возможным и допустимым пересечь черту нормального политического диалога в отношениях с Россией. На националистической волне видные японские политики позволяют себе комментировать правомерность поездок руководства России по российской территории, они официально осуждают такие поездки и демонстрируют свою «несгибаемую» волю в притязаниях на чужие территории. Министр иностранных дел Японии Сэйдзи Маэхара, например, посчитал возможным приехать в феврале 2011 г. на переговоры в Москву, предварительно публично озвучив ультимативные требования в адрес России о принципиальной неуступчивости Японии по главному вопросу переговоров — территориальном споре. В Москве он вел переговоры с позиции силы.

Японские националисты позволяют себе официально организовывать разнузданные кампании с требованиями к России незамедлительно вернуть Южные Курилы Японии. При этом власти страны не только щедро финансируют эти кампании, но и постоянно наращивают средства на эти цели. Об этом откровенно говорил министр иностранных дел РФ С. Лавров, отвечая на вопросы журналистов в феврале 2011 г.[35] В общенациональный «День северных территорий», проводимый в Японии каждый год 7 февраля, власти легко собирают под националистическими знаменами многотысячные митинги общественности с выдвижением требований к России вернуть «исконные и незаконно оккупированные» японские территории Южных Курил. В таких митингах традиционно принимают участие депутаты парламента и члены кабинета министров.

7 февраля 2011 г. националистические круги Японии организовали «День северных территорий» в особо вызывающем антироссийском ключе. Националисты из различных организаций и движений «за возвращение северных территорий», пользуясь щедрой финансовой и политической поддержкой правительства Японии, провели в одном из крупнейших токийских конференц-центров «Общенациональный митинг», на котором в недопустимой форме громко были озвучены притязания Японии на российские территории, законно и неоспоримо принадлежащие России. На этом митинге (всего за три дня до своей официальной поездки в Москву на переговоры 11 февраля 2011 г.) выступил министр иностранных дел Японии С. Маэхара. Он подчеркивал, что намерен посвятить свою политическую карьеру тому, чтобы «как можно скорее добиться возвращения исконных территорий Японии от России»[36]. В тот же день радикально настроенные участники митинга явились к посольству РФ в Токио и осквернили российский флаг. Националисты порвали его и исписали антироссийскими лозунгами. Очевидно, что японские националисты намеревались как можно больнее ударить по национальной гордости россиян, и это им удалось, если судить по резкому тону заявления МИД РФ на эти события.

МИД России раскритиковал решение министерства образования Японии, которое в конце марта 2011 г. утвердило школьные учебники по истории с включением в текст формулировки о «незаконной оккупации Россией» Южно-Курильских островов. В заявлении МИД РФ по этому поводу подчеркивалось, что российское правительство «хотело бы

[33] Киодо цусин, 07.02.2011.

[34] См.: визит министра иностранных дел Японии С. Маэхары в Россию. Итоги встреч с министром иностранных дел РФ С.В. Лавровым и руководителем Администрации Президента РФ С.Е. Нарышкиным. http://www.ru.emb-japan.go.jp/NEWS/NEWSRELEASE/2011/20110212Maehara-Lavrov.html.

[35] http://top.rbc.ru/politics/07/02/2011/539388.shtml.

[36] Асахи симбун, 08.02.2011.

в очередной раз напомнить, что суверенитет России над указанными землями не подлежит сомнению и основан на итогах Второй мировой войны, закрепленных в международно-правовом плане в Крымском соглашении трех великих держав по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г., Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г., Сан-францисском мирном договоре от 8 сентября 1951 г. и легитимизированной статьи 107-й Устава ООН. Остается лишь сожалеть по поводу того, в каком недружественном духе в Токио продолжают формировать у подрастающего поколения отношение к соседнему государству»[37].

У российской стороны вызывает также сожаление, что к националистическому хору японских реваншистов сегодня присоединились и представители академических кругов. Так, уважаемый и хорошо известный в России Президент Японского Форума по международным отношениям, профессор университета Цукуба Ито Кэнъити в марте 2011 г. опубликовал в журнале Японского исследовательского института Евразия статью, в которой четко дает понять, что «японцы должны последовательно отстаивать принципы закона и справедливости, занимая в этом вопросе бескомпромиссную позицию и не подчиняясь никакому давлению». «Я приветствую позицию главы МИД Японии Маэхары, который говорил: “Кто бы и сколько бы должностных лиц не побывало там (на Южных Курилах), сколько бы они ни увеличивали там свое военное присутствие, правовая оценка состоит в том, что “Северные территории” являются территорией, исконно принадлежащей Японии, и она, эта оценка — остается без всякого изменения”». При этом Ито Кэнъити осуждает тех в японском обществе, кто демонстрирует «сознание безнадежности перед лицом властного, повелительного обращения с японцами», демонстрирует чувство признания установившихся фактов, проявляет покорность к запугиванию и шантажу. «Вот почему, — подчеркивает профессор Ито, — японцы должны поднимать шум… Мы не должны отказываться от собственных принципов и приспосабливаться к предъявляемым нам требованиям… Все должно сводиться к вопросу о том, удастся ли Японии отстоять суверенитет и принципы закона и справедливости… Если мы откажемся от островов, то результатом нашего отказа станет абсолютное отсутствие возвращения четырех островов. В противном случае, если мы будем твердо отстаивать свою позицию, то шанс на возвращение останется навсегда»[38].

На фоне подъема националистической волны в Японии новой и весьма опасной тенденцией в развитии территориального спора Японии и России о принадлежности Южных Курил можно считать активное подключение властей США к японским требованиям о возвращении российских территорий их «исконным владельцам». 1 ноября 2010 г. пресс-секретарь Госдепа США Филипп Краули официально заявил: «…да, мы поддерживаем требования Японии к России»[39]. Очевидно, что, подыгрывая японским националистам, американские власти решают свои геополитические задачи. Дело в том, что США остаются гарантом безопасности, а следовательно, и внешней политики Японии. Таким образом, за взрывом нынешней территориальной истерии в Японии к России в значительной степени стоят все те же геополитические интересы США в тихоокеанской зоне, а территориальные претензии служат лишь удобным инструментом. Другими словами, Япония играет роль типичного «мальчика-провокатора», рассчитывая на поддержку «Большого брата» за своей спиной. В рассматриваемой ситуации Россия имеет дело с тандемом, в котором «ведущий» партнер в лице США пытается достичь своих геополитических целей, а «ведомый» (Япония) — своих локальных целей.

Подталкивая японских националистов к усилению территориальных требований к России, США прежде всего рассчитывают ослабить рост экономического и военного присутствия и влияния России в АТР. Интересам Вашингтона не отвечает развитие топливно-энергетического комплекса на Сахалине, развитие Дальнего Востока, строительство трубопроводов в Китай, поездки президента и министров правительства России по региону, в частности, на Курильские острова, прямо указывающие на стремление России расширить свое присутствие в этом стратегически важном районе мира. В военном плане российскому Тихоокеанскому флоту (ТОФ) придан статус главной силы, которая получит большую часть новых кораблей и подводных лодок. Именно на ТОФ будут направлены перспективные французские вертолетоносцы типа «Мистраль». Кроме того, владение Курилами делает Охотское море внутренним морем России, что позволяет иметь здесь закрытые ракетные полигоны для баллистических ракет и базы подводных лодок. Россия, восстанавливая военное присутствие в регионе Дальнего Востока и Восточной Азии, а также в восточной части Тихого океана, естественным образом ограничивает стратегическое присутствие США и Японии в регионе. Поэтому США и их военный союзник Япония просто обязаны остановить продвижение РФ и исключить возможности дальнейшего ее военного усиления и нарушения здесь стратегического статус-кво. С другой стороны, потеря Россией даже одного острова Курильской гряды открывает доступ в Охотское море не только «мирным» японским рыбакам, но и многочисленным боевым и разведыва-

[37] http://top.rbc.ru/politics/04/04/2011/570337.shtml.

[38] Ито Кэнъити. Северные территории. Не время пока предпринимать конкретные действия. Взгляд из Японии. Русскоговорящий опиньон-сайт Исследовательского института Евразия-21. 20.03.2011. — http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/opinion/index.shtm.

[39] http://www.imperiya.by/politics1–9165.html.

тельным средствам США, и «закупоривает» главную базу ТОФ во Владивостоке. Потеря же всех островов перекрывает все транспортные пути для российского экспорта и создает условия для экономической и морской блокады в случае ее необходимости.

В политическом плане уступка Россией даже одного острова Японии тут же выстраивает в длинную очередь других претендентов на якобы «исконно свои исторические земли», незаконно оккупированные нашей страной. Именно на это рассчитывает и Япония. Помимо прямого доступа к богатейшим природным ресурсам Охотского моря она получает взрыв «патриотических» претензий на другие российские территории, и можно не сомневаться, что следующим объектом притязаний может стать Сахалин и его шельф с запасами нефти и газа. Доступ к ресурсам, особенно к топливным, как воздух необходимы как США, так и Японии.

На что могут рассчитывать США и Япония в начатой ими националистической кампании за захват Курил? Ведь позиция России в этом вопросе озвучена президентом, а намерение Кремля укреплять границы в районе Южных Курил регулярно подтверждается визитами министров, включая и министра обороны. Что же все-таки дает Вашингтону и Токио надежду на то, что в итоге они сумеют «дожать» Россию в территориальном споре вокруг Южных Курил? Намек на ответ на этот вопрос содержится в статье газеты «Асахи симбун», которая была опубликована накануне визита главы японского МИД в Москву в феврале 2011 г. Обозреватель газеты подчеркивал, что «в 2011 г. в России стартует сезон большой политики — выборы в Госдуму в декабре, а весной 2012 г. — выборы президента. В этих условиях “малая” политика японского МИД может принести успех. Двусмысленные заявления некоторых российских политиков допускают возможность политической торговли в виде дележа четырех островов в разных пропорциях или в рамках совместного управления и развития, что является фактически размыванием и ослаблением российского суверенитета на спорные территории»[40].

К большому нашему сожалению, неоднозначность и непоследовательность позиции российского руководства в территориальном вопросе действительно может вселять некоторую надежду властям Японии и США на реализацию в конечном счете своих притязаний и целей. Накануне сезона выборов Россия демонстрирует твердость, но все может измениться после выборов, и Япония готова и дальше «размачивать твердую позицию Кремля», обещая инвестиции, взаимовыгодное сотрудничество… Ведь Кремль в конце концов тихо уступил российскую территорию Китаю ради «стратегического партнерства». Почему, рассуждают в Токио, и Японии не попробовать сделать то же самое? К тому же территориальные претензии Японии к нашей стране «интернационализировались», и сегодня Токио получает политическую поддержку от США и даже от руководства Грузии, когда председатель временной комиссии парламента страны по вопросам восстановления территориальной целостности Грузии Шота Малашхия 11 февраля 2011 г. подтвердил, что грузинские депутаты проголосуют за признание Курильских островов территорией Японии.

Японские националисты с большой охотой принимают поддержку Грузии по оказанию политического давления на руководство России в решении территориального спора вокруг Южных Курил в пользу Японии. Парламент Грузии, завляя о своем решении принять резолюцию об оккупации Россией Курильских островов, делает это в расчете, что депутаты японского парламента отплатят им той же монетой, т. е. примут ответную резолюцию по оккупации Россией грузинских территорий в Южной Осетии и Абхазии[41]. О сделке между «обиженными» Россией государствами (Японией и Грузией) 18 февраля 2011 г. официально заявлял упоминавшийся выше Шота Малашхия. Он детально обсуждал этот вопрос с послом Японии в Тбилиси Масаёси Комохарой и сообщил ему, что резолюция грузинского парламента о «русских оккупантах» будет аналогична той, которую ранее приняли парламенты ряда европейских стран в отношении Абхазии и Южной Осетии и намерен принять Конгресс США. «С точки зрения оккупации территорий соседних государств сегодняшние власти России не менее виноваты, чем коммунистический режим, — заявил Малашхия. — Мы не раз делали заявление о правовой оценке преступлений, совершенных Советским Союзом. Поэтому оправдана постановка аналогичного вопроса об оккупированных территориях в отношении японских островов, что парламент Грузии сделает в самое ближайшее время»[42]. Глава парламентской комиссии ознакомил японского посла с подходом грузинской стороны к проблеме оккупированных территорий, а также рассказал об инициативе комиссии по созданию документальных фильмов на эту тему. И, как утверждал Малашхия, глава японской дипмиссии заинтересовался проектом и заявил о желании японской стороны участвовать в нем.

Очевидно, что и Япония, и Грузия согласовали свои позиции в отношении уместности и своевременности оказания давления на Россию в территориальном вопросе с администрацией США, поскольку именно в феврале 2011 г. в американском посольстве в Москве сделали весьма неприятное для России политическое заявление: если ранее американское руководство открыто демонстрировало свою солидарность с Грузией по поводу «оккупации РФ» Абхазии и Южной Осетии, то на этот раз они официально признали суверенитет Японии

[40] Асахи симбун. 10.02.2011.

[41] http://analitika.at.ua/news/japonija_i_gruzija_obedinilis_protiv_rossii/2011–02-18-40811

[42] Там же.

над четырьмя южными островами Курильской гряды.

Япония оказывает Грузии содействие не только в предъявлении Кремлю требований о «незаконной оккупации Россией территории Абхазии и Южной Осетии». Как стало известно, например, в апреле 2011 г. Токио заявил о готовности предоставить «помощь» жителям Панкисского ущелья, где долгие годы скрываются боевики из Чечни. Как заявил глава администрации Ахметского района Коба Маисурадзе, японцы, несмотря на проблемы в собственной стране, продолжают оказывать нам материальную помощь. «Атташе посольства поговорил с местным населением и обещал помочь с ремонтом дороги, системой водоснабжения и берегоукреплением», — подчеркнул Маисурадзе[43]. Характерно, что Токио заявлял о готовности помочь Грузии сразу после землетрясения и разрушительного цунами в Японии 11 марта 2011 г. Обещание экономической помощи жителям Панкисского ущелья — не первый случай, когда Токио оказывает прямую материальную поддержку Тбилиси. В конце 2010 г. сообщалось, что правительство Японии выделило 98 тыс. долл. «Союзу молодых педагогов» Грузии[44].

Попытки японских националистов «дожать» российское руководство в территориальном споре за Южные Курилы реально опасны для России и в том отношении, что Япония провокационно втягивает нас в гонку вооружений на Дальнем Востоке, чреватую как излишними финансовыми затратами, так и усилением напряженности в отношениях с соседними государствами региона. Нас упорно и последовательно подталкивают к нарушению сложившегося здесь на протяжении многих послевоенных десятилетий стратегического статус-кво, к дестабилизации ситуации, создавая о России представление как о стране, быстрыми темпами наращивающей силой потенциал в регионе. В самом деле, уже в начале марта 2011 г. российские власти приняли решение о размещении крылатых ракет на спорных Южных Курильских островах, что стало ответом на антироссийские претензии Токио на эти территории. Москва тем самым подала сигнал японскому руководству о том, что будет пресекать любые попытки силой решить территориальный вопрос в свою пользу, хотя надо признать, что такое развитие событий не очень согласуется со стремлением медведевской внешней политики к формированию «модернизационных альянсов» с Западом в целом и с Японией в частности, с его курсом на привлечение иностранных инвестиций и технологий для российской модернизации и инноваций. При этом Дмитрий Медведев не только принял решение самому посетить спорные территории на Южных Курилах, но также делегировал в этот район еще несколько высокопоставленных знаковых российских чиновников, включая министра обороны Анатолия Сердюкова и министра иностранных дел Сергея Лаврова. Все они, включая президента РФ Д. Медведева, в своих выступлениях в регионе говорили о необходимости массированного укрепления российского военного присутствия на островах.

Нельзя исключать, что в один прекрасный день Япония может избрать Курилы, слабо защищаемые Россией, в качестве легкой мишени для совершения акта агрессии, используя свой спор с Россией как «инструмент для переключения общественного внимания с внутренних проблем на борьбу против внешнего врага». Можно даже предположить, что Токио вольно или невольно как бы провоцирует Москву на демонстрацию последней своей настойчивости и упорства по «защите национальных интересов и достоинства России», побуждая ее решительно демонстрировать намерение до конца отстаивать территориальную целостность государства, наращивая при этом силовой потенциал.

Политика втягивания России в гонку вооружений на Дальнем Востоке предполагает искусственное создание японской стороной напряженной политической и стратегической атмосферы вокруг территориального спора по Южным Курилам. Из мировой истории хорошо известно о склонности Японии начинать вооруженные конфликты с неожиданного и хорошо продуманного нападения. Эту тактику страна использовала во всех войнах, которые она вела. Близость Японии к островам позволяет ей быстро доставить туда военные грузы и подкрепления для высадившегося морского десанта, одновременно обеспечивая ему массированную поддержку с воздуха посредством ударных вертолетов. Японские военные хорошо обучены, высоко мотивированы и националистически индоктринированы. Они обладают большим количеством самого современного оружия и оборудования. У них есть уникальные «многоцелевые ракеты типа 96» и системы НАТМ-6 на «хаммероподобных» шасси, которые могут быть доставлены на острова даже легкими средствами доставки. Они могут быть в равной степени эффективны как против танков, так и против артиллерии. Все это в сочетании с японским превосходством в воздухе и широким использованием точечного оружия может позволить Токио разгромить силы российской обороны на островах гораздо быстрее и проще,

---

[43] Между тем хорошо известно, что в течение последних нескольких лет Россия обвиняет Грузию в том, что Панкисское ущелье стало пристанищем боевиков из Чечни. Первые большие группы чеченских беженцев появились в Грузии в конце 1999 — в начале 2000 г. и поселились в селах Панкисского ущелья, где с конца XIX века проживали тысячи этнических чеченцев-кистинцев. Вместе с беженцами границу переходили и боевики, которые в течение ряда лет скрывались в Панкисском ущелье. Власти Грузии традиционно утверждали, что проблема боевиков в этом регионе якобы решена, однако Москва всякий раз давала понять, что не разделяет этой позиции Тбилиси. В частности, Рамзан Кадыров отмечал еще в 2004 г., что намерен провести в Панкисском ущелье операцию по ликвидации боевиков. Грузия высказывала тогда недовольство подобными заявлениями Кадырова. http://www.rbcdaily.ru/2011/04/16/world/562949980079466.

[44] Там же.

чем это могут представить себе в Генеральном штабе российской армии.

Правда, при всем при этом нелегко предположить самое главное — а именно то, что Япония сможет напасть на Россию. Однако российское военное планирование должно исходить из худшего из возможных сценариев. Действительно, близость островов к японским берегам делает задачу их обороны весьма и весьма сложной. Российскую защиту можно легко преодолеть в случае массированного нападения с проникновением в ночное время при помощи быстрых моторных катеров[45]. Предлагаемые Кремлем меры по укреплению обороны Курил современными ракетами выводит дипломатическую риторику в практическую стадию военных приготовлений.

Хочется надеяться, что российское руководство готовится к таким шагам заранее и внимательнейшим образом планирует свои действия. Ракеты «Яхонт» имеют дальность полета в 200–300 км на сверхзвуковой скорости и могут достичь некоторых частей острова Хоккайдо. Система «Тор-М2» может выпускать одновременно четыре ракеты по четырем разным целям. Россия планирует также разместить на островах вертолеты Ми-28, которые способны нести противотанковые ракеты. Высокопоставленные российские военные намекают даже на то, что готовы разместить на Южных Курилах современные высокоэффективные системы противовоздушной обороны С-400 «Триумф»[46].

Ужесточение силовой политики со стороны российского руководства на японском направлении нашло свое отражение в заявлении министерства иностранных дел в Москве от 6 февраля 2011 г. В нем, в частности, подчеркивалось, что Япония должна придерживаться «трезвого и сбалансированного подхода к реальности». «Мы надеемся, что объективная территориальная действительность, выработанная после Второй мировой войны и закрепленная в Уставе ООН, будет преобладать в Токио. Прекращение искусственного акцентирования внимания на “островном” вопросе поможет создать спокойную и конструктивную атмосферу для японско-российского диалога», — было отмечено в заявлении российского МИД[47].

Однако японские националисты мало прислушиваются к подобного рода заявлениям российской стороны. Они провоцируют на создание напряженности в треугольнике отношений Китай — Россия — Япония. Россия, как известно, предложила сотрудничество Китаю в деле развития Курил. Однако в Пекине отдают себе отчет в том, что кто бы ни согласился инвестировать в развитие Курил, он будет вынужден принять на себя большую степень долгосрочного риска — потерять дружбу Японии, а также быть готовым столкнуться с краткосрочным риском санкций со стороны Токио. Китай может принять решения вступить в этот альянс, используя инвестиции как геополитическую разменную монету, как средство, чтобы еще глубже вбить клин между Россией и Японией, обеспечив тем самым сближение с Москвой в ущерб отношений с Токио. В китайских комментариях решительные действия российских политиков в отношении Курил в конце 2010 г. оценивались как «решающий момент российской стратегии для всего Дальнего Востока и для Азиатско-Тихоокеанского региона в целом». Редактор People's Daily в статье для Global Ties практически сигнализировал о том, что Пекин будет с крайней осторожностью относиться к вопросу, который может вовлечь его в политическую ловушку. Геополитическую составляющую действий России суммировало Информационное Агентство Синьхуа: «Курильские острова расположены в ключевом месте в географическом плане, там они обеспечивают безопасность выхода в Тихий океан для российского Тихоокеанского флота. Если четыре острова получит назад Япония и вместе с США будет использовать их как естественный барьер, российский Тихоокеанский флот окажется отрезанным от Тихого океана и может столкнуться с прямой военной угрозой со стороны вышеназванных двух стран… это также может означать, что соседняя Камчатка и регион Сахалина, оба стратегически важные для России в плане возможностей отвечать на атаки, также окажутся незащищенными. Очевидно, что все это, вместе взятое, только осложнит ситуацию в регионе»[48].

Новая «реальная политика» в системе международных отношений XXI в. в Восточной Азии и на Тихом океане требует от России научиться заранее обеспечивать себе преимущества в регионе, дабы не быть застигнутой врасплох или, по крайней мере, не увеличивать свои потери. В конце февраля 2011 г. Кремль представил план перевооружения российской армии на 650 млрд. долл. до 2020 г., который включает получение флотом и ВВС 20 новых субмарин, в том числе восьми атомных, и более чем шестисот самолетов, ста новых кораблей и тысячи вертолетов[49]. «Основная задача — модернизация наших вооруженных сил — заявил замминистра обороны Владимир Поповкин, — отказаться

---

[45] У России на островах размещен небольшой воинский контингент численностью в 3,5 тысячи военнослужащих, уровень вооружений которых слабый. Ближайшие аэродромы с боевыми самолетами расположены на Сахалине и на Камчатке, и в случае конфликта любой интенсивности у Японии будет превосходство в воздухе. Российская военно-оперативная мысль направлена на то, что, несколько укрепив оборону островов крылатыми ракетами, можно будет выиграть время на подготовку контратаки, предусмотрев крупномасштабную высадку подкреплений, а также разработку жизнеспособной оборонительной системы, позволяющей осуществить воздушный и ракетный удар по всей территории Японии.

[46] http://inosmi.ru/russia/20110308/167172196.html.

[47] http://www.rosbalt.ru/main/2011/02/08/817172.html.

[48] http://www.raspp.ru/asia-news/vstrecha_lavrov-mae_hara_usugubila_problemu_yuzhnyh_kuril

[49] Каковы основные плюсы и минусы будущей реформы армии РФ? — http://www.liveinternet.ru/users/maslov-fx/post154458587/

от покупки иностранного вооружения или военного оборудования. Наша новая стратегия отдельно предназначена для возрождения морских возможностей советских времен и для создания системы противоракетной обороны нового поколения, которая придет на замену комплексам С-300[50]».

Благодаря политике «перезагрузки» с президентом США Бараком Обамой и, в частности, сближения позиций по вопросу противоракетной обороны, Москва рассчитывает получить передышку и возможность переключить свое внимание на неспокойный Дальний Восток. Действия России, начиная с визита Дмитрия Медведева на Курилы и заканчивая нынешними планами перевооружения, показывают, что одна из важнейших стратегических целей страны — восстановить наши стратегические позиции в Азиатско — Тихоокеанском регионе, разрушенные и утерянные в 1990 гг. И если Россия усилит свои военно-воздушные и военно-морские возможности на Южных Курилах и расширит Тихоокеанский флот, укрепив его возможности в области проведения морских атак, вооруженные силы на островах будут способны действовать заодно с военной базой во Владивостоке и на Камчатском полуострове. А это, в свою очередь, определенно повлияет на уровень безопасности соседних стран, и в итоге — интенсифицирует гонку вооружений с их стороны в Северо-Восточной Азии[51].

Японские националисты побуждают Россию демонстрировать свою боеготовность, которую некоторые страны воспринимают как «бряцание оружием». В июле 2010 г. Министерство обороны РФ провело беспрецедентные по своим масштабам оперативно-стратегические учения «Восток-2010». В учениях были задействованы войска трех военных округов: Дальневосточного, Сибирского и Приволжско-Уральского, а также силы Тихоокеанского и Черноморского флотов. Всего в маневрах участвовало 25 тысяч военнослужащих, более двух тысяч единиц военной техники, 70 боевых самолетов и вертолетов, 30 кораблей[52]. Показательно, что по одной из легенд учений войскам ставилась задача отразить нападение «регулярных вооруженных сил противника, которые имеют в своем распоряжении ракеты, самолеты, подводные лодки и надводные корабли». На многих аналогичных предыдущих учениях российская армия, правда по легенде, вела «борьбу с террористами или на худой конец — с крупными формированиями сепаратистов».

Однако на учениях «Восток-2010» ставились несколько иные боевые задачи. Во-первых, надо было продемонстрировать иностранным наблюдателям боеспособность российской армии и возможности «проецировать силу» на большие расстояния. Иными словами, показать, что российская армия может быстро перебрасывать войска к самым дальним границам нашей необъятной Родины. Для доказательства были проведены две важные операции: три десятка фронтовых бомбардировщиков Су-24, истребителей-бомбардировщиков Су-34 пролетели из центральных районов страны на Дальний Восток без посадки, с несколькими дозаправками в воздухе. Кроме того, из Екатеринбурга в Приморье была перебазирована целая мотострелковая бригада СибВО. Бригада летела налегке, без тяжелого вооружения. Танки, БМП, артиллерию она получила уже на месте на базе хранения. Это была первая попытка такого рода переброски. Сегодня в Генштабе всерьез рассматривают возможность обеспечения безопасности страны за счет быстрой переброски войск в район вероятного конфликта, не пытаясь, как прежде, дислоцировать войска по всей территории страны. Если так, то теряют всякий смысл разговоры о том, что России из-за ее гигантской территории нужна миллионная армия.

Японские националисты своими провокационными действиями в отношении территориальных притязаний к России стремятся втянуть нас в «большую игру» в Восточной Азии, предлагая нам, по совету своего стратегического союзника, обновленный вариант «звездных войн» 1980 гг., который серьезным образом надорвал советскую экономику и фактически привел к капитуляции СССР в «холодной войне». Россию пытаются вписать в «большую политику», которая при ближайшем рассмотрении оказывается продолжением борьбы за новый передел мира. Россия, кажется, этому не противится. Ее сотрудничество с США в Афганистане, поддержка США при голосовании в СБ ООН и даже невнятная реакция МИД РФ на заход противоракетного американского крейсера «Монтеррей», одной из ударных единиц европейского сегмента глобальной американской системы ПРО, оборудованного противоракетной системой Aegis, в российские территориальные воды в Черном море 12 июня 2011 г., а также другие совместные выступления вовлекают нас в большую американскую игру.

Сегодня очевидно одно — США и их союзники запустили серию новых проектов, которые, как говорил в 2008 г. президент Б. Обама и как сказано в новой военной стратегии США, должны обеспечить Америке благоприятные условия для «более совершенного лидерства в мире». В настоящий момент можно с уверенностью констатировать, что определенную роль в этой стратегии американцы отводят Японии, подталкивая Токио решить территориальный вопрос о принадлежности Южных Курил в свою пользу и ослабить тем самым стратегические позиции России на Дальнем Востоке и на Тихом океане.

---

[50] Первый замминистра обороны РФ Владимир Поповкин: Подробности программы перевооружения армии — http://sbelovskiy.livejournal.com/81065.html.

[51] http://inosmi.ru/russia/20110308/167172196.html.

[52] http://www.ej.ru/?a=note&id=10234.

В. А. Исаев, А. О. Филоник

Российско-арабские торгово-экономические отношения

Российско-арабские экономические, а также и политические отношения, находившиеся в состоянии застоя в течение длительного времени, получили импульс к развитию в ходе целого ряда встреч на высшем уровне, состоявшихся на протяжении немногих истекших лет между российскими руководителями и лидерами некоторых стран арабского мира. Это серьезные стимулы, но чтобы восстановить утраченные позиции, требуются время, условия и осознанный интерес, необходимые для преодоления длительного периода недоверия и сомнений.

Учитывая, что процесс взаимодействия обрел стимулирующий импульс на государственном уровне относительно недавно, зафиксированные в рамках его результаты можно трактовать по-разному — и как оптимистичные, и как вызывающие озабоченность невысокими темпами сокращения разрыва традиционных связей.

В целом торгово-экономические отношения с арабским миром пока относительно невелики, имеют неустойчивый характер и сопряжены с серьезными трудностями. В начале XXI в. ежегодный объем торговли составлял в среднем 6,5–7,0 млрд. долл. При этом свыше 90% стоимостного объема взаимного товарообмена приходилось на экспортные поставки из РФ, т. е. торговый баланс складывался исключительно в пользу России, что вызывало и продолжает вызывать весьма негативную реакцию со стороны арабских партнеров, постоянно указывающих на дисбаланс в российско-арабских торговых связях. Следует заметить, что эти цифры по-прежнему уступают аналогичным показателям советско-арабской торговли (11–12 млрд. долл. ежегодно), но учитывая обесценение доллара за истекшие двадцать лет.

Основными торговыми партнерами среди арабских стран в 2000–2011 гг. являлись Египет (13–15% стоимости российской торговли с арабскими странами), ОАЭ (13–14%), Марокко (11–12%), Сирия (14–20%), Алжир (9–10%), на которых ежегодно приходилось 65–75% всей стоимости российско-арабской торговли. Необходимо отметить, что торговля России даже с этими странами характеризовалась резкими перепадами. Например, если доля Египта в российско-арабской торговле в 2010 г. составляла 25,8%, то за январь — июнь 2011 г. этот показатель уменьшился до 13,8%, а удельный вес Сирии, напротив, возрос с 14,7 до 22,4%.

Структура российско-арабского товарооборота была следующей: в экспорте РФ основное место занимали топливно-энергетические ресурсы (18–20%), металлы (17–19%), древесина и бумажные изделия (14–15%), продовольствие (12–14%), машины и оборудование (8–10%), а в российском импорте — продовольствие (55–60%), химические товары (13–15%), текстиль и текстильные изделия (8–10%).

На другие формы сотрудничества приходилось ежегодно 1,5–2,5 млрд. долл., в том числе на возведение и модернизацию хозяйственных и инфраструктурных объектов в арабских странах — 350–500 млн. долл., на инвестиционные проекты — 250–350 млн. долл., на контракты на запуск спутников — 150–250 млн. долл. Следует также упомянуть туризм, образование и научный обмен.

Существенная доля в российско-арабском технико-экономическом сотрудничестве была отведена инвестиционным проектам в нефтегазовой сфере и участию российских компаний в качестве генеральных подрядчиков при выполнении заказов на возведение и обслуживание объектов капитального строительства. По некоторым оценкам, примерный объем интересов российского бизнеса в арабском регионе, в который также входят финансовые обязательства по инвестированию и стоимость выполняемых контрактов на ближайшие годы, можно оценить в 3–4,5 млрд. долл. При этом важнейшими рынками РФ в этой сфере стали Египет и Саудовская Аравия, на которые приходится около 80% подобных обязательств. Особенно активными в этой области предстают ЛУКОЙЛ, «Роснефтегазстрой», «Силовые машины», «Автоваз», «Тяжпромэкспорт». Следующими по значимости для России рынками была Ливия, где «Технопромэкспорт» в качестве генерального подрядчика работал над проектом стоимостью 600 млн. долл., АО «РЖД» — стоимостью 4,5 млрд. евро, а также Алжир и Сирия (объемы — по 350–400 млн. долл. в каждой стране), где главными российскими подрядчиками выступают «Роснефть», «Союзнефтегаз», «Уралмаш», «Татнефть».

Таким образом, весь реальный объем российско-арабского экономического сотрудничества можно оценить в 10–12 млрд. долл. в год, что примерно составляет 3% от всего внешнеторгового оборота России, т. е. он в целом сопоставим с уровнем хозяйственных связей РФ с Индией. Правда, в российско — арабском деловом сотрудничестве весомо присутствует сектор, подверженный серьезным колебаниям, т. е. топливно-энергетический, в котором многое зависит от динамики цен на нефть. Поэтому, например, итоговые цифры за 2008–2009 гг. оказались почти вдвое ниже данных за 2006–2007 гг.

Объемы российско-арабского торгово-экономического сотрудничества, возможно, могли быть выше, если бы не ощутимые объективные факторы,

мешающие достижению оптимальных объемов партнерских отношений. Эти факторы можно отнести к нескольким категориям.

Первая включает те, что имеют отношение к самой России и обусловлены ее внутренней динамикой. Среди них особое значение имеют последствия тяжелого спада промышленного производства и сокращение номенклатуры производственных и инвестиционных товаров, серьезные изменения в ВЭД и множество других проблем, приведших к угасанию экспортного потенциала в ненефтяном секторе.

Вторая сопряжена с тем, что России при возобновлении контактов с арабским миром приходится преодолевать активное противодействие и, во многих случаях, недобросовестную конкуренцию со стороны ее оппонентов, занявших оставленные Россией в 1990 гг. ниши на арабском экономическом пространстве и не намеренных уступать захваченные позиции.

Третья определяется ситуацией в арабских странах, которые компенсировали уход России с их рынков за счет иных источников и успешно адаптировались к новым поставщикам. За этот период старое поколение арабских коммерсантов и предпринимателей, симпатизировавших «советским», было заметно разбавлено новыми участниками рынка, которые лояльны к своим контрагентам и едва ли будут готовы выстраивать отношения с их предшественниками.

Четвертая может быть обусловлена трудностями, связанными с процессами глобализации и вступлением группы арабских стран в ВТО и примыканием большой части других через Средиземноморское партнерство к ЕС. «Растаскивание» арабских контрагентов по разным «квартирам» ограничивает их маневренность в сфере торгово-экономических отношений с другими партнерами и может служить в той или иной степени препятствием для вхождения России в круг поставщиков продукции на арабские рынки.

Список можно пополнить и другими моментами. Это недостаточный уровень обмена деловой информацией между российскими и арабскими предпринимателями (несмотря на активную работу в последнее время Российско-арабского делового совета), невнимание к проблеме поддержки отечественных предпринимателей, работающих на рынках арабских стран, отсутствие таких схем сотрудничества, широко применяемых западными государствами, как «нефть в обмен на технологии», «нефть в обмен на безопасность», «продовольствие в обмен на деловые контракты», неиспользование механизмов госгарантий экспортных кредитов и выделения отечественным предпринимателям «связанных» кредитов, которые могли бы применяться при закупке машин и оборудования, произведенных в России, с целью их поставок в арабские страны и др. К тому же после утраты главных портовых терминалов СССР — Одессы и Ильичевска — остро стоит вопрос нехватки удобных перевалочных мощностей для обработки товаропотоков между РФ и арабским регионом.

Однако эти обстоятельства не должны абсолютизироваться, поскольку многие из них так или иначе разрешимы, а кроме того, имеются достаточно серьезные моменты, способные в определенной степени облегчать задачи России в налаживании сотрудничества в зоне БВСА. Главный состоит в том, что арабский мир стал полем активного соперничества разных корпоративных групп западного капитала, Китая и других мощных игроков и поэтому ныне остро нуждается в балансире, который мог бы уравновесить их влияние и тем самым усилить собственно арабские позиции, дав им дополнительные возможности для маневра. Эту роль, при определенных дипломатических и деловых усилиях, могла бы взять на себя Россия.

К тому же Россия, как кажется, пока недооценивает некоторые реалии сотрудничества, которые способны так или иначе сказаться на возможностях и динамике ее проникновения на арабское экономическое пространство.

Настрой российских и арабских участников двусторонних встреч и иных официальных мероприятий создает впечатление, что основные тенденции в российско-арабском торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве отчетливо группируются вокруг почти исключительно крупных сделок. Среди них энергетика, железнодорожный транспорт, черная и цветная металлургия, передача технологий, освоение природных ресурсов, финансирование модернизационных проектов, создание совместных производственных предприятий на своих территориях и т. п. По существу, речь идет преимущественно о сотрудничестве в базовых отраслях экономики. Такой подход явно опирается на масштабный российский деловой менталитет и на выраженную склонность к грандиозным сделкам. С арабской стороны он подпирается огромными капиталами нефтеэкспортеров, делающих деньги на колоссальном инфраструктурном строительстве. То есть, практически получается, что сотрудничество ориентируется преимущественно на богатые страны Персидского залива, и без того избалованные вниманием мирового капитала и создающие вокруг своих заказов мощную конкуренцию среди соискателей. К тому же именно арабский капитал в Персидском заливе формирует новые условия для функционирования деловой среды на базе широкого внедрения принципов исламской экономики, в том числе и в сфере международных экономических отношений. Западные страны быстро откликнулись на арабский вызов и создали на своих территориях целую сеть исламских банков, действующих при известных обычных банках. А российская сторона сильно уступает по части осведомленности в специфике исламских финансовых механизмов и едва ли находится на уровне требований, следование которым необходимо с точки зрения шариатского права. Между тем работа с исламскими инструментами создает дополнительные преимущества в обстановке

ожесточенной конкуренции, которая сопровождает любые тендеры в зоне Залива.

Другие же арабские государства, представленные в том числе и традиционными партнерами России еще со времен СССР и не столь исламски ангажированные, оказываются отчасти выдавленными на периферию. Между тем, как кажется, они в первую очередь могут стать пионерами российского продвижения на Ближний Восток, учитывая наши наработки в виде сохраняющихся там крупных элементов материально-технической базы, модернизация которых составляет важный аспект отношений. Тем более что успех на этом поприще может послужить важным инициирующим примером для тех государств и компаний Арабского Востока, на которые нацелен текущий интерес России. Но для этого нужны доказательные примеры, которые сформируют устойчивую тенденцию в практике продвижения совместных проектов в экономической и торговой сферах и заложат под деловые контакты России с ближневосточными партнерами прочную базу.

Фундаментальное сотрудничество — не единственная сфера взаимодействия капиталов и ресурсов государств и их ведущих бизнес — сообществ. Тем более что в условиях мирового финансового кризиса и в восстановительный период после его окончания крупные проекты могут быть отодвинуты на неопределенное время. Между тем Россия, похоже, не ищет более гибкие формы взаимодействия применительно к новой обстановке, чтобы получать неменьшие прибыли, но за счет массовости сотрудничества, разнообразия его форм, масштаба совместной хозяйственной деятельности, что дает некрупное частное предпринимательство, действующее параллельно с большим бизнесом. В силу большей маневренности оно способно наглядно демонстрировать реальность тесных контактов, их продуктивность и прибыльность, причем в ускоренном виде. Причем наибольший эффект на этом направлении может быть скорее всего достигнут в российской глубинке, где наиболее остро стоит вопрос с созданием возможностей для международного сотрудничества в отраслях, где арабский капитал проявил себя более подготовленным, разворотливым, креативным.

Российский бизнес бывает довольно медлительным в принятии решений, его пониженная оперативность и бюрократические препоны способны иссушить инициативу и ограничивают поступательность движения. Такая низкопродуктивная деятельность создает ощущение роста без развития, что негативно отражается на состоянии дел, реализация которых составляет суть рабочих документов, одобренных на самом высоком уровне.

Как представляется, в любом случае ситуация для России на Ближнем Востоке в области торгово-экономического сотрудничества не будет легкой. От России потребуются политическая воля и прицельные, точечные действия на региональных рынках, чтобы избежать минусов валового подхода к решению проблем, характерного для нашей страны во все времена. Возможно, только таким способом удастся обеспечить российские экономические интересы в регионе.

* * *

Политический интерес РФ к Арабскому Востоку обусловлен серьезным геостратегическим положением региона, его значением и ролью на мировом экономическом пространстве, его местом в международном разделении труда, а также тем, что Россия не может оставаться в стороне от ситуации, при которой ближневосточный театр превращается в зону активного соперничества растущего числа крупных игроков, к которым прибавились активно проявляющие себя Китай и Индия.

Тем не менее, арабский регион, как следует из Концепции внешней политики РФ, принятой в 2008 г., не относится к числу российских региональных приоритетов и располагается после СНГ, Европы, США, Китая, Индии и Японии. Но в рамках курса на построение многополярного мира и повышение роли ООН для России очень важно поддерживать отношения с арабскими странами. Среди них наиболее для нее значимые — Египет, Алжир, Саудовская Аравия, Сирия, Ливия. Развитию отношений благоприятствует то, что позиции России и большинства арабских государств по ключевым вопросам политической ситуации в регионе и в мире в целом совпадают, включая неприемлемость обеими сторонами однополярной модели мироустройства. Это предопределяет востребованность России арабским миром как державы, которая участвует в решении глобальных и региональных (ближневосточных) проблем и защищает (как член многих влиятельных международных организаций) интересы арабского мира.

Россия стремится играть одну их ключевых ролей в ближневосточных делах. На это указывают серьезные факты. В частности, главная текущая цель России на Арабском Востоке — обеспечение стабильности и предсказуемости развития военно-политической ситуации, прочного мира и безопасности. Между тем положение в различных частях арабского мира сохраняет неустойчивость и содержит большой конфликтный потенциал. Поэтому наша страна, пользуясь статусом постоянного члена Совета Безопасности ООН и участника «квартета» международных посредников, ставит цель путем коллективных усилий достичь на международно-признанной основе всеобъемлющего и долгосрочного урегулирования арабо-израильского конфликта во всех его аспектах, включая создание независимого палестинского государства, сосуществующего в мире и безопасности с Израилем. Но российская сторона предпочитает оставаться в стороне от обсуждения модальностей решения проблемы Иерусалима, поскольку условия для этого не созрели.

При этом Россия поддерживает контакты как с ФАТХ, так и с ХАМАС, и это дает ей уникальную возможность по сравнению с международными посредниками. Такая линия представляется целесообразной в нынешней ситуации, хотя и может быть пересмотрена в случае изменения обстановки в ближневосточном урегулировании.

Однако при такой заметной включенности в ближневосточные процессы следует помнить, что ее эффективность существенно вырастет, если будет обеспечена, в том числе и мощным экономическим присутствием в зоне, где для нашей страны по определению есть место.

В силу сказанного выглядит логичным сделанное еще в 2005 г. предложение России об организации в Москве международной конференции с целью дать новый импульс движению на всех направлениях мирного процесса, а также обсудить вопросы экономического развития, гуманитарных связей, экологии, водных ресурсов, региональной безопасности. Но представляется, что главное — не её созыв ради созыва, а достижение в ходе конференции практических результатов, в том числе и экономических.

Продолжение активного участия России в ближневосточном урегулировании диктуется необходимостью сохранения и укрепления ею своей роли в этом процессе. Её участие обусловлено пониманием того, что следствием установления мира станет возникновение на Ближнем Востоке новых геополитических реалий, формирование которых, с учётом российских политических и экономических интересов, будет возможно, если Россия будет оставаться полноценным участником мирного процесса.

Вообще следует считать, что экономические и политические реалии очень тесно переплетены, тем более в такой турбулентной зоне, как Арабский Восток, и в текущей ситуации необходимо исходить из того, что политическая активность реализуется в том числе и ради экономических целей, равно как и попытки позиционироваться экономически более рельефно в рассматриваемом регионе совершаются в намерении укрепить политическое влияние нашей страны.

Тем не менее, и в том и в другом случае РФ хотя и проводит на арабском направлении самостоятельную линию, не может не считаться с политикой США. Это естественно, поскольку дипломатия строится на учёте позиций и интересов партнёра и поиске на этой основе взаимоприемлемых развязок и компромиссов. В настоящее время Россия не может ослабить позиции Соединённых Штатов на Ближнем Востоке, рассматривая отношения с американцами в этом регионе в контексте классических правил «игры наций». Они подразумевают взаимодействие на тех направлениях, где наши интересы совпадают, противодействие там, где шаги США вступают в противоречие с российскими интересами, и нейтралитет в тех случаях, когда их акции осуществляются по не имеющим значения для Москвы направлениям.

В свою очередь, арабские страны рассматривают Россию как державу, способную в какой-то мере играть роль противовеса США в регионе и тем самым придать более сбалансированный характер существующей там системе международных отношений. Но они сознают и относительную ограниченность наших возможностей, хотя им импонирует то, что РФ является, по их собственной оценке, одним из немногих государств, политику которых отличает понимание ближневосточных реалий.

В двусторонних отношениях с государствами региона Россия следует политике «всех азимутов», что позволило ей наладить политическое взаимодействие почти со всеми ближневосточными столицами. Это позволяет вести обмен мнениями и координировать позиции, т. е. иметь важный инструмент для предотвращения и разрешения конфликтов. С точки зрения влияния такой политики на развитие торгово-экономических отношений она, как видится, не столь эффективна, поскольку «заточена» именно на политический контекст. Но в принципе она несет в себе потенциал, пригодный для того, чтобы способствовать усилению экономического присутствия России на Ближнем Востоке.

При такой ситуации Россия может быть достаточно чувствительна к тому, какие обстоятельства способствуют, а какие противодействуют исполнению избранной ею роли на Ближнем Востоке.

В свете этого урегулирование конфликтов в арабских странах и в регионе имеет для России особую важность. Ближний Восток расположен у ее южных границ, и обострение обстановки в той или иной его части в условиях глобализирующегося мира может с неизбежностью негативно отразится на России, как минимум усугубив проблему международного терроризма, волна которого может накатиться на страны СНГ и затронуть мусульманское население России.

Усиливающийся интерес в России к арабо-мусульманскому миру и последнего к ней подтверждается ее вступлением в 2005 г. в ОИК в качестве наблюдателя. Присутствие России в этой организации свидетельствует о ее намерении взаимодействовать со странами арабского мира в политике и экономике и развивать отношения в гуманитарной области, вести эффективный межцивилизационный и межконфессиональный диалог.

Хотя обстоятельства ныне таковы, что Россия не может наравне с Западом полномасштабно участвовать в делах Арабского Востока, возможности развития российско-арабских двусторонних торгово-экономических и политических отношений, как и взаимная заинтересованность в текущих контактах и консультациях на государственном уровне, явно не утеряны. Но тот факт, что ее внешняя политика не подкрепляется весомым экономическим и военным присутствием, может сделать отношения РФ с арабскими странами недостаточно устойчивыми к воздействию конъюнктурных факторов.

Л. Б. Аристова

Россия и прикаспийские государства: водно-транспортные проекты

Переход к социально ориентированной высокоэффективной рыночной экономике предполагает достижения современного уровня и качества жизни населения. Состояние и развитие транспортной инфраструктуры определяет устройство экономики в целом. В настоящее время для России и большинства государств Центральной Азии международные транспортные коридоры, нередко повторяющие древние торговые пути, являются необходимым условием, обеспечивающим экономическое и культурное единство территории, сохранение ее целостности и развития. Современные изменения в мировой экономике характеризуются расширением географии межгосударственных связей и ростом конкуренции, повышением роли государства в определении и соблюдении баланса между опорой на собственные силы и открытостью своей экономики. Для России и большинства республик Центральной Азии и соседних стран совместное вхождение в мировой рынок обеспечивает более значимые для каждой из стран результаты, чем при индивидуальных действиях, подчас стимулируемых третьими странами из-за рубежа.

Развитие экономики районов, федеральных округов, областей в любой стране зависит от состояния транспортной системы, уровня организации управления на транспорте. Важнейшей задачей транспорта является осуществление технологического процесса доставки грузов от места их производства к потребителю; обслуживание населения путем перевозок пассажиров с наименьшими затратами грузовых и материальных ресурсов.

Транспорт, являющийся важнейшим элементом производственной инфраструктуры, всегда будет предметом пристального изучения. При рассмотрении роли транспорта в становлении и развитии национального хозяйства азиатских стран середины XX в. в ряде исследований подчеркивалось его значение в подъеме отдельных регионов страны, занятости населения, создании рабочих мест и новых производств. В то время международные связи не были настолько развиты, и потому «выявление причинно-следственных связей» представляло «трудные задачи, а ответы на аналогичные вопросы не могут быть однозначными». С конца XX — начала XXI в. произошли большие изменения в экономике многих азиатских стран. Распад СССР, создание новых независимых государств Центральной Азии, высокие темпы роста экономики в странах Юго-Восточной Азии, экономические изменения в независимой России и т. д. — все это послужило основой к образованию новых тенденций во взаимодействии стран.

В настоящее время расширение внутрирегиональной торговли зависит целиком от способности государств наиболее эффективно обеспечить транспортные связи. Понимая это, уже в 90 гг. многие международные организации начали заниматься изучением проблем формирования МТК (Международных транспортных коридоров), обеспечивающих связи между странами. Наиболее активно вопросами организации перевозок по сухопутным и смешанным маршрутам между странами Азии занимаются ЭСКАТО, ООН, ОСЖД и ШОС.

МТК имеют важное значение для каждой страны-участницы. Это оценивается с точки зрения коммерческой выгоды, а также национальной безопасности, если учитывать военную, экономическую, промышленную, технологическую, продовольственную и демографическую роль дорог.

Реализация транспортных проектов и программ зависит от многих условий (социальных, экономических, технических и т. д.). В России годы «перестройки» показали теснейшую взаимосвязь сферы транспорта с политическим, экономическим и социальным состоянием страны. «По учениям древних, универсальный космический закон определяет преобразование неупорядоченного состояния в упорядоченное и обеспечивает сохранение Вселенной, Человека, Нравственности».

Настоящее время для России, согласно закону — время пока неупорядоченное. По словам российского историка Н. М. Карагандина, нам следовало бы переданное нам веками соединить в систему, «ясную, стройным сближением частей. В 90 годы этого не было сделано».

С начала XXI в. транспорт и политика в сфере развития транспортных систем во многих странах Европы и Азии адекватно стали реагировать на изменения, произошедшие во внешней политике и в сфере международной торговли.

Основные изменения характеризуются устойчивыми темпами роста объема континентальной мировой торговли. За последние 25 лет объем торговли между странами Азии и Европы вырос почти в 6 раз, что составляет 7% от общей мировой торговли.

Международная торговля меняет техническую оснащенность, в частности между странами Европы и Азии. Это проявляется в росте доли контейнерных грузовых перевозок. К 2001 г. (данные ЮНКТАД) более 40% общей стоимости грузов и 20% их объема перевозится контейнерами. Контейнерные перевозки на пути Европа — Азия превышают 6 млн. единиц; к 2011 г., по оценкам экспертов, перевозки составят более 10 млн. единиц.

Устойчиво растут грузовые потоки между отдельными странами и регионами (страны Европы, Центральная Азия и Китай, Южная Корея, страны АТР).

Транспортные системы России, Казахстана, являющиеся сухопутным мостом между Европой и Азией, а также имеющие выход на смешанные МТК «Север — Юг», «ТРАСЕКА», должны развивать сферу международной торговли, получая выгоду путем перемещения своих товаров, а также транзитных грузов.

На фоне происходящих позитивных изменений в мире велика роль транспорта в развитии торговли и экономики всех стран. Транспортные системы остаются главными артериями любого государства. По данным ВТО, объем экспорта товаров в мировом масштабе к 2005 г. достиг рекордного уровня и составил 9,124 трлн. долл., что на 21% больше по сравнению с 2004 г. Несмотря на финансовый кризис 2008 г., в настоящее время положение стабилизируется. Соответственно, увеличились и транспортные перевозки, которые ежегодно составляют около 1 трлн. долл., а объем грузовых перевозок (наземным, морским и воздушным путем) на евроазиатском направлении очень высок и удерживается на отметке 350–4000 млрд. долл.

Международные транспортные коридоры способствуют не только экономическому росту и развитию региональной интеграции, но и помогают развивающимся странам, удаленным от моря, получать доступ на международные рынки и осваивать старые торговые пути (Великий шелковый путь, Великий чайный путь). В настоящее время Азия и Европа являются двумя самыми влиятельными регионами мира, и в перспективе представляется возможным создание общего евро-азиатского свободного режима передвижения товаров и услуг. Растет взаимодействие между указанными регионами, появляется необходимость более полноценного вовлечения территории транзитных государств в обеспечении транспортного коридора. Большинство стран евроазиатского континента придают особую важность формированию в регионе трансконтинентальных и субрегиональных международных транспортных коридоров. Эффективная работа транспортных магистралей стран, через которые осуществляются транзитные перевозки между Европой и Азией (Китаем), является предметом особого изучения.

Многие международные региональные организации и сами страны рассматривают альтернативные транспортные маршруты между Европой и Азией с целью получения определенной пользы от ожидаемого роста торговли между континентами и поддержания процесса интеграции в мировую экономику стран, включая тех, кто не имеет выхода к морю.

Транспортный коридор «Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА). Входя в Казахстан через порт Актау, данный коридор позволяет грузоотправителю использовать транзитную территорию одного государства с единой правовой базой и транспортной системой. При этом применяются единый перевозочный документ и выгодная сквозная ставка. В то же время следует отметить относительно высокую стоимость транспортировки ряда грузов, что обусловлено необходимостью пересечения территорий нескольких государств Кавказского региона с разным правовым полем и транспортной составляющей. В этой связи представляется актуальным мероприятия по согласованию деятельности транспортных ведомств стран-участниц ТРАСЕКА в преодолении имеющихся таможенных и правовых барьеров.

Международный транспортный коридор «Север — Юг» соединяет страны Персидского залива и Индийского бассейна с портами Западной Европы через Каспий и внутренние водные пути Российской Федерации. По оценкам экспертов, в течение ближайших десяти лет на этом маршруте ожидается ежегодное увеличение грузопотока на 10–15 млн. т. Включение Казахстана, государств Центральной Азии через порт Актау в данный коридор позволит ему более эффективно использовать транзитный потенциал для транспортного обслуживания уральских и сибирских регионов России.

МТК «Север — Юг» со временем может стать для России и государств Центральной Азии и соседей такой же важной транспортной артерией, какой в свое время стала Транссибирская магистраль. Освоение сибирских регионов позволяет в настоящее время получить более 40% ВВП России, учитывая, что в этих районах проживает около 12% всего населения. Различия в условиях появления двух евроазиатских коридоров состоят в том, что Транссиб проводился прежде всего для освоения природных ресурсов Сибири. МТК «Север — Юг» сможет усилить связь регионов России и соседних стран Центральной Азии, вовлечь их в процесс экономической интеграции и увеличить объемы торговли, направив значительную часть грузопотока из европейских стран в Южную Азию и обратно.

Когда значительная часть китайских, индийских, пакистанских, иранских и других южноазиатских грузов и грузов из АТР пойдет по меридиональному транспортному коридору, можно будет утверждать, что проект «Север — Юг» доказал свою жизнеспособность и эффективность.

Но успешность освоения МТК «Север — Юг» для экономики РФ и других стран Центральной Азии будет определяться не столько долей грузовых перевозок от их общего объема из Европы в Азию и обратно, сколько степенью интеграции этих стран в экономическое пространство южноазиатского и юго-восточного азиатского рынков.

В настоящее время экспертами ряда стран по евро-азиатским транспортным соединениям проанализированы международные транспортные сети и основные маршруты, а также дан анализ затрат/сроков/расстояний для оценки физических и нефизических препятствий на данных маршрутах. Проведенные исследования помогут уточнению предложений по инвестиционным проектам и определению важнейших международных соглашений и конвенций по транспорту, которые могут ускорить перевозки по евро-азиатским транспортным

маршрутам. Особый интерес представляет тот факт, что уже устранены некоторые транспортные барьеры между вновь вступившими странами и нынешними членами ЕС, что способствует налаживанию бесперебойных перевозок между Европой и Азией. По мнению экспертов, действенным механизмом в осуществлении развития транспортных коридоров на сегодня является реализация двух значимых региональных проектов — ТРАСЕКА, финансируемого ЕС, и СПЕКА, осуществляемого ЕЭК и ЭСКАТО ООН. Цель обеих программ — гармонизация транспортной и торговой политики государств-участниц, включая правовые взаимоотношения. Главные транспортные магистрали, которые пролегают через территории стран, участвующих в ТРАСЕКА и СПЕКА, можно рассматривать в качестве основного и дополнительного торгового коридора древнего Шелкового пути, справедливо называемого «Прошлое, Настоящее и Будущее евразийского региона». Эффективность трансконтинентальных связей может быть обеспечена только при условии выполнения всеми странами-участницами реализуемых программ и выработанных ими маршрутов, которые должны активно действовать как в своих национальных границах, так и на международном уровне.

Учитывая высокую степень влияния на увеличение транзита факторов сбалансированности и унификации функционирования национальных транспортных сетей, их общей конкурентоспособности на мировом рынке, в качестве основных задач транзита по территориям государств-членов ТРАСЕКА и СПЕКА в МТК «Север — Юг» следует рассматривать:

— разработку и реализацию комплекса мер по согласованному и сбалансированному развитию участков сложившейся системы международных транспортных коридоров;

— разработку и реализацию комплекса мер по созданию общей системы технологического, таможенного, информационного, страхового, сервисного обеспечения транзита грузов на участках международных транспортных коридоров;

— разработку общей стратегии (или рациональной схемы) развития сети международных транспортных коридоров в рамках формирования новых транзитных транспортных магистралей континентального значения;

— выработку и проведение согласованных действий по привлечению финансовых институтов для модернизации имеющихся и строительства новых объектов инфраструктуры на участках международных транспортных коридоров с целью повышения их общей конкурентоспособности на мировом рынке транзитных перевозок;

— последовательное и согласованное создание унифицированных механизмов экономического регулирования рыночных отношений, обеспечивающих равные и благоприятные взаимодействия и конкуренцию различных видов транспорта в сфере транзитных перевозок.

Учитывая задачи национальной безопасности РФ, необходимость реализации преимуществ России и соседних стран как транзитного моста между Европой и Азией определяется согласованностью заинтересованных в этом процессе государственных и частных учреждений, всех потребителей услуг транспорта и т. д. Государство должно активно участвовать в формировании транспортной инфраструктуры на всех направлениях международных связей, и в первую очередь там, где обеспечивается возможность независимого выхода на мировые рынки.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ НА БЛИЖНЕМ И СРЕДНЕМ ВОСТОКЕ

В. А. Мельянцев

Причины кризиса в арабском мире

Глобальный экономический кризис вызвал дестабилизацию во многих странах мира[1]. При этом характерно, что именно в арабских странах (АС) протестные движения привели к революциям и гражданским войнам. Предваряя анализ, заметим, что масштаб противоречий в ряде из них достиг высокого уровня на фоне весьма ограниченной по масштабам экономической и социально-политической модернизации.

Расцвет и упадок

Напомним, что страны Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) *не всегда отставали*. К IX–X вв. н.э. арабо-исламская цивилизация достигла немалых успехов в развитии экономики, торговли и культуры. Были построены богатые города, обширные библиотеки (в Багдаде, Дамаске, Каире, Кордове)[2]. Университеты Аз-Зитуна (Тунис, 737 г. н.э.), Аль-Карауин (Марокко, г. Фес, 859 г. н.э.), Аль-Азхар (Каир, 972 г. н.э.) *основаны на столетия раньше*, чем старейший европейский университет в Болонье (1088 г.)[3].

В XI в. н.э. Египет, отставая *по уровню подушевого ВВП* от Китая примерно на четверть, *более чем в полтора раза превосходил тогдашнюю Западную Европу (ЗЕ)*. *По индексу человеческого развития* (ИЧР)[4] Египет, отставая на треть от Китая, *практически вдвое опережал ЗЕ*. *Урожайность зерновых* на БВСА хотя и была примерно на треть ниже, чем в сунском Китае, в 4–5 раз превышала аналогичный индикатор в среднем по ЗЕ. *Уровень урбанизации* на БВСА был в полтора раза выше, чем в ЗЕ (без Испании). В 900 г. н.э. пять из десяти крупнейших городов мира были мусульманскими (к 1100 г. н.э. уже только три). Отставая *по уровню грамотности* от Китая примерно вдвое, страны БВСА в целом в 4–5 раз опережали ЗЕ (1–3%). К 1000 г. н.э. доля мусульман в мире (14–15%) была уже на две пятых больше, чем христиан (10–11%)[5].

Возникшее в дальнейшем относительное отставание региона БВСА (граф. 1) было обусловлено, с одной стороны, экономическим подъемом стран Запада, в которых во втором тысячелетии сформировались институты, способствовавшие сравнительно быстрому росту физического, человеческого капитала и производительности труда, а с другой — существенным торможением развития в ближневосточных странах, вызванным ростом экономической и социально-политической нестабильности, связанной с интенсификацией разрушительных внешних вторжений, низким уровнем защищенности жизни и собственности[6]. В странах ЗЕ с середины XI в. до конца XVIII в. подушевой доход вырос примерно в 2,5 раза, а ИЧР, ввиду ускоренного развития ряда компонентов человеческого капитала, прежде всего грамотности населения, увеличился в 4 раза. В то же время в регионе БВСА, ввиду повышенной социоестественной нестабильности, численность населения в рассматриваемый период практически не изменилась (в ЗЕ — увеличилась по меньшей мере вчетверо), подушевой доход сократился примерно на треть, а ИЧР — на одну шестую[7].

В период, в который основные страны Запада и Япония осуществляли индустриализацию (1800–1913 гг.), их подушевой доход вырос в среднем в 3,5 раза, а ИЧР — в 2,8 раза, в то время как, например, в Египте, попавшем, как и ряд других АС, в колониальную зависимость от европейских государств, оба показателя хотя и увеличились, но в два раза меньше. Если на рубеже XVIII–XIX вв.,

---

[1] См.: Акимов А. В. Мировой кризис: устойчивость экономик и перспективы развития // Триединство: Россия перед близким Востоком и недалеким Западом. М., 2011, с. 304–305.

[2] В X в. библиотека Аль-Хакима II в Кордове, насчитывавшая сотни тысяч книг, была на несколько порядков больше крупнейших книгохранилищ Западной Европы (см.: Piet cerse J. Many Renaissances, Many Modernities // Theory, Culture and Society, 2011. Vol. 28, N 3, с. 153).

[3] См.: Ланда Р. Г. История арабских стран. М., 2005, с. 67–102; Issawi Ch. The Middle East Economy: Decline and Recovery. Princeton, 1995; Islam M. Decline of Muslim States and Societies. New York, 2008, с. 51–53.

[4] Здесь — среднее геометрическое относительных показателей подушевого дохода, средней продолжительности предстоящей жизни от рождения и грамотности населения.

[5] Составлено и рассчитано по: Bairoch P. Victoire et déboires. Histoire économique et sociale du monde. Paris, 1997. Vol. 2, с. 927; Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Oxford, 2007, с. 59, 192, 376; Мельянцев В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996, с. 56–57, 59, 61.

[6] См.: Непомнин О. Е., Иванов Н. А. Типология азиатских обществ. М., 2010, ч. I; II, гл. 1; Issawi Ch. The Middle East in the World Context: a Historical View // Sabah G., ed. The Modern Economic and Social History of the Middle East in Its World Context. Cambridge (Mass.), 1989, с. 4–9; Islam M. Op. cit., с. 53–73, 99, 108–109, 139.

[7] См.: Мельянцев В. А. Восток и Запад, с. 56, 61.

т. е. примерно в то время, когда Наполеон со своей экспедицией побывал в Египте, подушевой доход в последнем был в 2,0–2,5 раза, а ИЧР — в 2,5–3,7 раза меньше[8], чем в ныне развитых странах, то к 1913 г. подушевой доход и ИЧР в Египте, как и в среднем по АС, оказался уже примерно в четыре раза меньше[9].

Динамика, важнейшие внутренние и внешние составляющие роста

Если в 1950–1980 гг., которые в АС были отмечены проведением аграрных реформ, активной политикой индустриализации и значительным подъемом (в 70 гг.) цен на углеводородное сырье, произошло трехкратное увеличение среднегодового темпа прироста их подушевого ВВП (в целом до 3,6%; в развивающихся странах (РС) — 2,7%, в развитых государствах (РГ) — 3,3%), то в последующее тридцатилетие он сократился в шесть раз — до 0,5–0,7%[10]. Этот показатель, оказавшийся ниже только по Африке южнее Сахары (АЮС, 0,2–0,3%), составил в среднем по Латинской Америке (ЛА) 0.8–0.9%, в РГ — 1,6–1,7%, в Пакистане — 2,4–2,6%, в Турции и Бангладеш — 3,0–3,2%, в Малайзии и Индонезии — 3,4–3,6%, в Индии — 4.4%, в РС Восточной Азии (ВАЗ) — 5,7–5,9%[11].

Весьма важным фактором, тормозящим рост подушевого ВВП АС, *остаются высокие темпы роста их населения* (в 1980–2010 гг. 2,5% в год), которые хотя и несколько ниже, чем в целом по АЮС (2,7%), но почти в полтора раза выше, чем в среднем по РС (1,7%)[12]. Судя по модели, рассчитанной по 23 странам арабо-мусульманского мира (АММ) за последние два десятилетия, *более динамичный рост подушевого ВВП* определялся почти *на две пятых* сравнительно более низкими темпами прироста численности населения; *на одну треть* — более высокой долей несырьевого экспорта (в его структуре) и *на одну пятую* — более высоким уровнем качества институтов (аппроксимированного в модели по индексу верховенства закона).

Y=3,66–0,83*P+0,02*M+1,37*L
(p=0,02) (p=0,04) (p=0,09) (p=0,01),
R^2 adjusted = 0,59, N = 23, T = 1990–2010.
Y и **P** — среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП и численности населения; **M** — средняя за период доля готовых изделий и услуг в экспорте товаров и услуг; **L** — среднее за период значение показателя верховенства закона[13]. Все основные параметры статистически значимы (на уровне менее 10%). Скорректированный показатель детерминации достаточно высок.

Для АС *в целом* за последние три десятилетия характерны не только сравнительно низкие, но и *весьма нестабильные темпы прироста ВВП*: коэффициент их погодовой флуктуации[14] вырос в среднем более чем в два раза — с 90–100% в (1950) 1960–1980 гг. до 220–230%[15] в 1980–2000 гг., значительно превысив за последний период его значение по РС ВАЗ и ЮАЗ (30–40%), а также по ЛА и АЮС (130–150%)[16].

Коэффициент корреляции, рассчитанный за последние три десятилетия между *индексом бартерных условий внешней торговли* (ИБУВТ) в целом для АС, а также АЮС и ЛА, в структуре экспорта которых по-прежнему значительное место занимают сырьевые товары, и динамикой их ВВП, оказался весьма высоким (0,84). Если в 80–90 гг. в целом по АС среднегодовой темп прироста подушевого ВВП, скорректированный на изменение ИБУВТ ((-)1,6–1,8%), был в четыре раза меньше «традиционного» показателя роста подушевого ВВП ((-)0,3–0,5%), то в целом за 2000 гг., когда сложилась более благоприятная ценовая конъюнктура для не-

---

[8] Первое значение с учетом, а второе — без учета Японии.

[9] Масштаб этого разрыва к 1950 г. не увеличился, поскольку в ныне развитых странах, вовлеченных в две мировые войны и экономическую депрессию, среднегодовой темп прироста подушевого ВВП не вырос, а в странах БВСА, в ряде из которых стали разрабатываться углеводородные и другие полезные ресурсы, а также начался процесс импортзамещения в обрабатывающей промышленности, рассматриваемый показатель вырос вдвое — до 1,2% в 1913–1950 гг. (См.: Maddison A. Op. cit., c. 175, 177, 229, 376, 378; Pamuk Ş. Estimating Economic Growth in the Middle East since 1820 // The Journal of Economic History, 2006. Vol.66, N 3, c. 815; Мельянцев В. А. Восток и Запад, с. 145).

[10] Дифференциация АС весьма велика не только по достигнутым уровням развития, о чем будет сказано ниже, но и по темпам роста подушевого ВВП. По нашим расчетам, в 1980–2010 гг. *коэффициент их вариации* по 22 АС составил 1100% (!). А сами среднегодовые темпы колебались от 2,4–2,6% в Тунисе и Египте, в которых был проведен ряд хотя и ограниченных, но в целом прагматичных структурных экономических реформ, до (-) 6,5% в Ираке. *По показателю политической нестабильности и масштабов насилия* эта страна в 4–5 раз превысила средний уровень для АС (исчислено по: Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters VIII. Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996–2008. The World Bank. Policy Research Working Paper 4978. Washington, D. C., 2009. с. 83–85). Без учета Ирака рассматриваемый коэффициент вариации втрое меньше, но все равно он очень большой — 329%.

[11] Составлено и рассчитано по источникам к граф. 1.

[12] См.: UNDP. Arab Human Development Report, 2009. New York, 2009, с. 33–34; The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 132–134.

[13] Рассчитано по 16 АС (по которым были необходимые данные), а также Турции, Ирану, Пакистану, Бангладеш, Малайзии, Индонезии и Нигерии по источникам к граф. 1; Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Op. cit., с. 93–95.

[14] *Коэффициент погодовой флуктуации ВВП* рассчитан по следующей формуле:
K={[∑(y_i-ỹ)2]·n-1}0.5·(ỹ-1)·100, (%), где ***K*** — коэффициент флуктуации, y_i и ỹ — соответственно темп прироста ВВП в ***i***-м году и среднегодовой темп прироста ВВП за период, охватывающий ***n*** лет.

[15] Это — в среднем за тридцатилетие. Справедливости ради заметим, что в течение этого периода индикатор нестабильности в целом по АС имел тенденцию к уменьшению.

[16] Составлено и рассчитано по: Мельянцев В. А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003, с. 6–8, по источникам к граф. 1, а также по: The World Bank. Middle East and North Africa Region. Economic Developments and Prospects, 2009. Washington, D. C., 2009, с. 60.

фтеэкспортеров, он, напротив, оказался примерно в полтора раза выше (4,6%:2,8%), как и в 70 гг. (7%:4,6%)[17].

Наряду со значительной *неустойчивостью экономического роста* арабским и некоторым другим государствам АММ присуща *аномально высокая и нарастающая дифференциация* уровней их хозяйственного развития, которая, вне всякого сомнения, существенно повышает «градус нестабильности» в крайне нестабильном регионе БВСА. По нашим расчетам, разрыв в среднедушевых доходах между самой богатой и самой бедной страной арабского мира, составлявший в 1960 г. 62:1 и в 1980 г. 112:1, достиг к 2010 г. 242-кратной величины (Катар/Сомали), что в десятки раз превышает уровень межстрановой дифференциации по доходам в ЕС и ОЭСР[18].

Несмотря на то что в последние три десятилетия в целом по АС наблюдалось некоторое повышение среднегодовых темпов прироста производства *в агросфере* (с 2,2–2,4% в 1960–1980 гг. до 2,6–2,8% в 1980–2008 гг.), произошло одновременно сильное их замедление *во вторичном секторе* (соответственно с 8 до 2,0–2,2%) и *сфере услуг* (с 7,3–7,5 до 4,1–4,3%)[19]. В 1980–2008 гг. в целом по АС рассматриваемые показатели оказались ниже, чем в среднем по другим государствам АММ (без АС, соответственно 3,2–3,3%, 5,2–5,4% и 4,8–5,0%) и по группе стран так называемой развивающейся Азии, куда входят ЮАЗ и РС ВАЗ (соответственно 3,2–4,1%, 7,0–8,5 и 7,5–8,5%). Ввиду ограниченности водных ресурсов в АС, сравнительно медленного изменения социальных институтов и проведения не всегда адекватной и последовательной аграрной политики, рост в них урожайности зерновых (в среднем с 11–12 ц/га в 1979–1981 гг. до 17–18 ц/га в 2006–2008 гг.) оказался ниже, чем по неарабским странам мусульманского мира (с 18 до 29 ц/га), в ЮАЗ (с 15 до 27 ц/га), в ЛА (с 18–19 до 35 ц/га) и в РС ВАЗ (с 20–21 до 47–48 ц/га).

Среднегодовой темп прироста производства в *обрабатывающей промышленности* (ОП) снизился в целом по арабскому миру с 6% в 1960–1980 гг. до примерно 5% в 1980–2008 гг. По этому индикатору за последние три десятилетия АС хотя и превосходили ЛА и АЮС (2–3%), но сильно отставали от неарабских стран мусульманского мира и ЮАЗ (7%), а также РС ВАЗ (8,5%). Подчеркнем, доля ОП в ВВП в целом по АС (10–12%) не более чем на одну четверть выше, чем сельского хозяйства, и мало отличается от среднего показателя по наименее развитым странам (!). И хотя в Египте, Тунисе и Иордании она доходит до 16–20%, все же это намного меньше, чем, например, в Индонезии и Малайзии (28%), не говоря уже о КНР (34%). Несмотря на прилагаемые усилия по развитию ОП, АС в целом все еще *находятся на сравнительно невысокой стадии индустриализации*. В структуре добавленной стоимости ОП совокупная доля пищевой и текстильной отраслей в 3–5 раз больше, чем машиностроения, тогда как, например, в Индии они сопоставимы, а в Южной Корее последняя отрасль в 4–5 раз больше первых двух, вместе взятых.

Интеграция мусульманских стран в мировое хозяйство происходит весьма неравномерно. В целом по группе неарабских мусульманских стран, в ряде из которых разворачиваются процессы не только импортозамещающей, но и экспортно ориентированной индустриализации, среднегодовой темп прироста *физического объема экспорта* товаров и услуг увеличился более чем вдвое (с 4% в 1960–1980 гг. до 9,3% в 1980–2008 гг.), в то время как в среднем по АС он сократился в два-три раза (соответственно с 9–10 до 3,8–4,0%). И хотя, например, в Египте в 1980–2000 гг. физический объем экспорта рос в среднем ежегодно почти на 7% в год, в Саудовской Аравии — не более чем на 1% (в Индонезии и Пакистане — 6–8%, в Малайзии, Турции и Бангладеш — 11–12%, в Индии — 10–11 и в КНР — 12,5–13,5%).

Если в 1960–1980 гг. доля АММ в глобальном экспорте выросла более чем вдвое — с 6 до 14% (в т. ч. АС — с 4,3 до 10,4%), то в дальнейшем, несмотря на возвращение сравнительно высоких цен на углеводороды в 2000 гг. и немалую экспортную результативность неарабских мусульманских стран, рассматриваемый показатель понизился в 2008 г. до 9,9% (в АС — до 5,8%), что в немалой мере связано с экспортной экспансией азиатских НИС, Китая и Индии (в 1980–2008 гг. доля ЮАЗ в мировом вывозе товаров и услуг выросла с 0,7 до 1,8%, а РС ВАЗ — с 3,2 до 11,9%).

Экспорт тесно взаимосвязан с динамикой валового продукта и подушевого ВВП. Коэффициент корреляции варьирует (в зависимости от выборки стран и периода) от 0,75 до 0,85. Используя нижеприведенную модель[20], можно, обобщая ряд данных, содержащихся в тексте статьи, прийти к следующему выводу: отставание в целом АС от ВАЗ и ЮАЗ по среднегодовым темпам прироста подушевого ВВП в 1980–2000 гг. (в среднем более чем на 4 п.) примерно *на четверть* связано с более низкими (в АС) темпами роста экспорта, *наполовину* со значительно более низкой (в них же) нормой расширенного накопления в ВВП и *на одну пятую* — с относительно более глубокой реальной дифференци-

[17] Рассчитано по следующей формуле: $g=e\cdot 0.5(b1+b2)+c$, где g — темп прироста ВВП, скорректированного на изменение ИБУВТ, e — среднегодовой темп прироста ИБУВТ, b1 и b2 — доля экспорта товаров и услуг в ВВП, рассчитанного по ППС, соответственно в начале и конце периода; c — среднегодовой темп прироста ВВП. Здесь и далее расчеты выполнены по источникам к граф. 1.

[18] Рассчитано по источникам к граф. 1, а также: Мельянцев В. А. Арабо-исламский мир, с. 12–13.

[19] Здесь и далее расчеты произведены по источникам к граф. 1.

[20] См.: Мельянцев В. А. Африка южнее Сахары: сравнительная оценка макроэкономической и социальной результативности // Вестник МГУ. Сер.13. Востоковедение, 2008, № 2. С. 12–13.

ацией доходов в арабском мире (усиливающей общую нестабильность)[21].

Y=0,164*EXP+0,150*NKH — 0,052*GIN — 0,873
(p = 0,0074) (p = 0,0002) (p = 0,0049)
R^2 adjusted=0,809, N =43, L = 1980–2006.

Y и **EXP** — соответственно среднегодовые темпы прироста подушевого ВВП и физического объема экспорта товаров и услуг, %; **NKH** — расширенная норма капиталовложений (доля обычных капиталовложений, расходов на образование и НИОКР в ВВП), %; **GIN** — средний за период показатель Джини по доходам. Все основные параметры статистически значимы (на уровне менее 1%), скорректированный показатель детерминации весьма высок.

Неэффективность экспортной модели АС связана со сравнительно медленными изменениями в технологических и иных структурах их экспорта; низким уровнем региональной (общеарабской) торговой интеграции (на внутриарабскую торговлю приходится не более 4–8% их суммарного внешнеторгового оборота)[22]; относительной закрытостью экономик АС. В частности, импортные тарифы в странах арабского мира в 1991–2008 гг. были в среднем соответственно в 1,5–2 раза и в 3–5 раз выше, чем в других развивающихся и развитых странах[23].

Несмотря на успехи в облагораживании структуры экспорта в Тунисе, Марокко, Египте, Сирии, Ливане, Иордании и Бахрейне, в целом по арабскому миру доля продукции ОП в их вывозе повысилась весьма мало — с 2–3% в 1960 г. до 6–8% в 1980 г. и 10–11% в 2008 г. (в РГ — соответственно с 66% в 1960 г. до 73% в 1980 г. и 80% в 2008 г., в РС — с 13–15% до 42–44 и 59–60%). Доля *высокотехнологичной продукции* в стоимости экспортируемых готовых изделий в 2008 г. в целом по АС (1,8–2,0%) оказалась *на порядок ниже*, чем в среднем по РС (21–22%)[24]. Между тем более высокие и стабильные темпы экономического роста в АММ характерны для стран с высокой долей несырьевого экспорта.

Инвестиции в физический и человеческий капитал и эффективность роста

В арабском мире *средняя норма (доля) капиталовложений* (КВ) в ВВП в последние десятилетия сравнительно мало изменилась (в 1950–1980 гг. 21–23%, в 1981–2009 гг. — 24–26%), а *коэффициент предельной капиталоемкости роста*, напротив, вырос более чем вдвое — соответственно с 3,5 до 8,1, оказавшись выше, чем в АЮС (6,8) и ЛА (7,4)[25]. Между тем в азиатских НИС, Китае и Индии *средняя* норма КВ выросла существенно (соответственно с 23 до 28–29%, с 26 до 39% и с 16 до 25–26%), но при этом, ввиду *более высокого качества госуправления и конкурентоспособности этих экономик*[26], *рассматриваемый коэффициент (4–5) оказался почти вдвое ниже, чем в целом* по АС[27].

К числу факторов, обусловливающих в целом сравнительно низкую отдачу, невысокий уровень и далеко не оптимальную структуру КВ в арабском мире, следует отнести значительную и в целом *возросшую в регионе экономическую и политическую нестабильность*[28], *чрезмерное вторжение государства в экономику, торможение процесса реформ* консервативными и авторитарными режимами.

Средняя по арабскому миру *доля общих государственных расходов* в ВВП (в 1980–2000 гг. 34–38%) в полтора раза больше, чем в целом по другим РС. Между тем *коэффициент корреляции между долей госпотребления в ВВП и нормой КВ*, рассчитанный по основным регионам РС за 2000 гг., оказался рав-

[21] Публикуемые в АС официальные данные о *внутристрановом неравенстве* сильно прикрашивают действительность (например, по Египту в 2004–2005 гг. коэффициент Джини составлял 0,32. См.: The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 94–96). Они недоучитывают т. н. «шпилевые» доходы высших слоев населения, и, по оценкам, занижены в 1,3–1,5 раза. К тому же, как уже отмечалось выше, в арабском мире существует вопиющая межстрановая дифференциация доходов.

[22] На внутрирегиональную торговлю в ЕС приходится 60% их торгового оборота, в странах Северной Америки — 55%, в Юго-Восточной Азии — 23%. См.: World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Report, 2002–2003. с. 124; Al-Hamad A.Y. The Arab World. Performance and Prospects. Dubai, United Arab Emirates, 2003, с. 11.

[23] Рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2003, с. 326–328; 2010, с. 378–380.

[24] В 2008 г. в среднем по неарабским странам мусульманского мира доля готовых изделий в товарном экспорте (44–45%, без Ирана и Нигерии — 58–60%) оказалась выше, чем по АС, в 4–6 раз, а удельный вес высокотехнологичной продукции в стоимости экспортируемых готовых изделий (16–17) — в 8 раз больше, чем в целом по АС. Составлено и рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 188–190; 2003, с. 326–328; 2010, с. 238–240, 340–342, 378–380; UNCTAD. Handbook of Statistics, 2002, с. 137–140.

[25] Составлено и рассчитано по: Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М.. 2009, с. 204, а также: The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 254–256; The World Factbook, 2011 (https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2178rank.html). Accessed 01.15.2011.

[26] В 2010–2011 гг. по *общему индексу глобальной конкурентоспособности* Индия занимала 51-е место (из 139), КНР — 27-е, Южная Корея 22-е, Тайвань — 13-е, Гонконг — 11-е, Сингапур — 3-е, в то время как средняя «планка» по АММ соответствовала примерно 84-му, а по АС — 72-му месту (составлено и рассчитано по: The World Economic Forum. Global Competitiveness Report, 2010–2011, с. 15).

[27] Справедливости ради подчеркнем, что в Египте, Тунисе и Иордании, в последние два десятилетия сумевших осуществить ряд стабилизационных и структурных реформ, коэффициент капиталоемкости не превышал в среднем 4,5–5,4 (см.: Салийчук А.В. Египет, Тунис и Иордания: стабилизация, реформы и экономический рост // Вестник МГУ. Сер. Востоковедение. 2010, № 1).

[28] О неустойчивости экономической динамики АС говорилось выше. Усредненный *показатель политической нестабильности*, рассчитанный, по имеющимся данным, за 1996–2008 гг., составил по РС ВАЗ (-) 0,4, ЛА (-) 0,6, ЮАЗ (-)1,0, АЮС (-)1,1, по АС (-)1,2–1,3 (он, по методике Д. Кауфмана и его коллег, варьирует от (-)2.5 до (+)2.5. Исчислено по: Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Op. Cit, с. 82–84).

ным (-)0,82. А *показатель корреляции между общей долей госрасходов в ВВП и среднегодовым темпом его прироста*, рассчитанный по странам АММ, составил (-)0,53. Представляется, что в условиях невысокого уровня развития *наращивание государственных расходов сверх определенных лимитов* становится контрпродуктивным[29].

Хотя в ряде АС в 1990–2000 гг. осуществлялась *политика приватизации*, она в целом не была последовательной, а поддержка частного сектора была ограниченной. В результате в среднем по арабскому миру в прошедшие два десятилетия *доля занятых в госсекторе* (16–20%) и показатель массы выплачиваемой в нем зарплаты, отнесенной к ВВП (9–11%), оказались вдвое выше, чем в целом по РС[30]. Хотя в среднем по арабскому миру *доля военных расходов в ВВП* сократилась с 8–12% в 1980–1990 гг. до 5–6% в 2000 — е гг., она соответственно в два и три-четыре раза выше, чем в среднем по другим мусульманским государствам (2,6–2,8% ВВП) и РС без АММ (1,5–1,7%)[31].

В результате, если в целом по РС (без АС) *доля частных инвестиций в общем объеме КВ* выросла примерно с 3/5 в середине 1980 гг. до ¾ в 2000 гг., то в среднем по арабскому миру она увеличилась за этот период лишь с 43–45% до 58–62%. При этом доля частных КВ в ВВП АС (14–15% — в Ливане, Иордании, Кувейте и Катаре — 19–20%, в Саудовской Аравии и Египте — 12–13%) оказалась в среднем вдвое меньше, чем по ЮАЗ (20%) и РС ВАЗ (30% ВВП)[32].

Несмотря на известный прогресс, достигнутый за последние два-три десятилетия в ближневосточных странах по сумме характеристик, связанных с так называемой *легкостью ведения бизнеса,* бюрократизм, волокита и коррупция серьезно осложняют развитие частного предпринимательства. На *процедуры, связанные с открытием бизнеса*, в конце 2000 гг. в АС уходило в среднем 21–22, в других мусульманских странах — 26–27 дней, т. е. в полтора-два раза *больше времени*, чем в Южной Корее, и в 3–5 раз больше, чем в США (соответственно 14 и 6 дней). *Издержки, связанные с открытием бизнеса* в целом по АС (и АММ), были эквивалентны примерно трети их среднедушевого дохода, что вдвое больше, чем в Южной Корее (14,7%), и на порядок больше, чем в среднем по Германии, Японии и США (3,4%). По *рейтингу легкости ведения бизнеса* и *индексу экономической свободы*, составленному за 2009–2011 гг., большинство АС в целом располагалось в нижней трети двух весьма важных «табелей о рангах»[33]. Эти страны — *преимущественно экономически несвободные, и для них характерны посредственные условия для ведения бизнеса.*

По *показателю эффективности государства и действенности госрегулирования*, рассчитанного на конец 2000 гг., АС в целом мало отличались от АЮС ((-)0,6–0,65), отставая при этом от неарабских мусульманских стран ((-)0,5–0,55), и весьма существенно — от ЮАЗ ((-)0,2–0,3), РС ВАЗ ((-)0,1) и ЛА ((+)0,1; по РГ — в среднем (+)1,4–1,5). Примерно та же тенденция просматривается по *индикатору сдерживания коррупционных процессов*. Он в целом по АС почти тот же, что и по АЮС и неарабским мусульманским странам ((-) 0,7–0,75), но заметно хуже, чем в РС ВАЗ и ЮАЗ ((-)0,45–0,50) и ЛА ((-)0,15–0,17) и, тем более по РГ ((+)1,4)[34].

Характеризуя состояние финансового сектора, отметим, что такой показатель, как *сумма кредитов, выданных банками частному сектору*, отнесенный к ВВП, в целом по АС вырос с 26–28% в 1980 г. до 40–42% — в 1990 г. и 44–46% — в 2001–2008 гг. По этому показателю АС в конце 2000 гг. превосходили АЮС без ЮАР (26–27%), ЛА (37–39%), семерку рассматриваемых в работе неарабских мусульманских стран (40–41%), но существенно отставали от РС ВАЗ (112–114%) и РГ (171–173%). В большинстве АС сохраняются *непрозрачные банковские системы, сильно контролируемые государством*. Арабские банки в условиях ограниченной конкуренции, неразвитости соответствующего законодательства[35] и инфраструктуры специализируются в основном на краткосрочных, в том числе торговых, операци-

[29] Хотя *в целом* по АС доля госпотребления в ВВП сократилась примерно с 19–21% в 1980 гг. до 16% в 2008 г., она выше, чем в среднем по ЛА (15%) и намного выше, чем по группе неарабских мусульманских стран (12–13%), РС ВАЗ (13%) и ЮАЗ (11%). Составлено и рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 204–206; 2003, с. 218–220; 2010, с. 254–256; UNCTAD. Handbook of Statistics, 2010. New York, 2010, с. 446–447, 454–455; The Heritage Foundation and Dow Jones & Company, Inc. 2009 Index of Economic Freedom. Washington, D. C., 2009, (www.heritage.org/index.).

[30] По существу — за счет государственных средств финансировалась огромная масса неэффективно занятых госслужащих (Составлено и рассчитано по: The World Bank. World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Report, 2002–2003. Geneva, 2003, с. 64; The IMF. Regional Economic Outlook. Middle East and Central Asia. Washington, D. C., October 2010, с. 38–39; Noland M., Pack H. The Arab Economies in a Changing World. Washington, D. C., 2007, с. 200).

[31] Составлено и рассчитано по: UNDP. Human Development Report, 1994, с. 170–171, 211; The World Bank. World Development Indicators, 1998, с. 278–280; 2003, с. 286–288; 2010, с. 316–318.

[32] Составлено и рассчитано по: The World Bank. From Privilege to Competition: Unlocking Private-Led Growth in the Middle East and North Africa. Washington, D. C., 2009, с. 52–55; World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Report, 2002–2003, с. 27; 2005, с. 25.

[33] Составлено и рассчитано по: The World Bank. Doing Business, 2011. Washington, D. C., 2010, с. 4, 145–205; The Heritage Foundation and Dow Jones & Company, Inc. 2009 Index of Economic Freedom. Washington, D. C., 2009 (www.heritage.org/index.) с. 6–10; The World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Review, 2010, с. 26.

[34] Показатели в соответствии с методологией Д. Кауфмана и его коллег варьирует от (-)2,5 до (+)2,5. Составлено и рассчитано по: Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Op. cit., с. 86–95.

[35] Для стран БВСА характерен низкий *показатель юридической защищенности заемщиков и кредиторов*. В 2009 г. в среднем по ним он (2,5 балла) был более чем в два раза ниже, чем в целом по другим РС (5), и втрое ниже, чем по РГ (7,5 баллов). Рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2003, с. 258–260; 2009, с. 270–272; 2010, с. 292–294, 308–310.

ях и сравнительно *мало финансируют долгосрочные проекты*. В 2006–2010 гг. *доля неработающих кредитов* в их общем объеме достигала в целом по АС 8–12% (в богатых нефтеэкспортерах — 3–5%, в других АС — 12–18%), что было в среднем в два-три раза больше, чем в РС ВАЗ, и в три-четыре раза больше, чем в Индии и РГ[36]. Объем *рыночной капитализации* в АС, отнесенный к ВВП, утроившись за 2000 гг., достиг 60–64%, превысив средний показатель по группе неарабских мусульманских стран (38–40% ВВП) и ЛА (51–53%), но он все еще был существенно ниже, чем по ЮАЗ (85–87%), а также РГ, АЮС (без ЮАР) и РС ВАЗ (108–112%)[37].

Динамика притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику АС в последние три десятилетия была весьма неустойчива. На фоне ухудшения конъюнктуры на углеводородное сырье и замедления роста экономики доля арабского мира в глобальном притоке ПИИ сократилась с 2,6% в 1975–1980 гг. до 1,2% — в 1985–1995 гг., 0,9% — в 1996 г. и 0,4% — в 2000 г. Проведение рядом АС стабилизационных реформ, создание в странах Залива приличной инфраструктуры и более привлекательных налоговых режимов, а главное, возвращение хорошей конъюнктуры на экспортируемые АС сырьевые товары привели к росту рассматриваемого показателя в среднем за 2005–2009 гг. до 5%, что примерно соответствует их доли в численности мирового населения. Однако около трех пятых притока (и запаса) ПИИ приходится на аравийские монархии, в которых проживает всего 1/10 населения арабского мира. Основной поток ПИИ в АС направлялся в нефтегазовый сектор, недвижимость, в туристический бизнес и финансовые услуги и намного меньше — в трудоемкие экспортно ориентированные производства в обрабатывающих отраслях, которые могли бы способствовать диверсификации их экономик и смягчить острую для АС проблему занятости населения[38].

Хотя *доля совокупных частных и государственных расходов на развитие* здравоохранения, образования и науки в ВВП АС увеличилась по сравнению с 1960–1970 гг. примерно в полтора раза, она во второй половине 2000 гг. едва ли превышала 11–12%: затраты на здравоохранение — 4,8–5,0%, на образование, включая профподготовку, — 6,5–6,9%, на НИОКР — 0,2–0,3% (!) их ВВП. Если учесть, что в середине 2000 гг. удельный вес в ВВП расходов на НИОКР составлял в АЮС 0,3–0,4%, по группе из семи неарабских мусульманских стран 0,4–0,5% (в целом по АММ 0,3–0,4%), в ЛА — 0,6–0,7%, ЮАЗ — 0,8%, в РФ — 1,1–1,2%, РС ВАЗ — 1,7%, в США — 2,7%, в Японии, Южной Корее, Финляндии и Швеции 3,5–3,7% и в Израиле 4,7% ВВП, то можно сделать определенный вывод, что *правители, элита и общество в целом в АС и АММ не готовятся серьезно к постиндустриальному и иным вызовам XXI века*[39].

Оценим в сжатом виде *сдвиги в развитии человеческого фактора*. Улучшение питания, санитарных условий, медицинского обслуживания[40] вызвали сокращение индикатора младенческой смертности: в среднем по АС с 153–157 промилле в 1960 г. до 90–94 в 1980 г. и 34–38 (в АММ до 45–49) промилле в 2008–2010 гг. Достигнутый результат сильно варьировался (115 — в Сомали и 9–10 — в Кувейте и Катаре). Быстро, хотя и не рекордными темпами, увеличивался в арабском мире индикатор средней продолжительности предстоящей жизни от рождения: в среднем с 44–46 лет в 1960 г. до 56–58 в 1980 г. и 67–69 лет в 2008–2010 гг. В АС существенно выросли брутто-показатели охвата молодежи обучением в средней и высшей школе (соответственно с 10–11% в 1960 г. до 35–37% в 1980 г. и 68–70% в 2008 г.[41]). Достигнутые к концу 2000 гг. показатели по АС в среднем оказались чуть выше, чем в целом по РС, но при этом соответствовали уровню развитых государств примерно полувековой давности[42].

Средний показатель грамотности взрослого населения в АС вырос с 16–17% в 1960 г. до 39–41%

---

[36] Рассчитано по: The IMF. Global Financial Stability Report. Summary Version. Washington, D. C., October 2010, c. 56–57; The World Bank. From Privilege to Competition.: Unlocking Private-Led Growth in the Middle East and North Africa. Washington, D. C., 2009, c. 113–119, 195–208.

[37] Рассчитано по: World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Report, 2002–2003, c. 28; The World Bank. World Development Indicators, 2003, c. 270–272; 2008, c. 280–282; 2009, c. 282–284; 2010, c. 304–306.

[38] Рассчитано и составлено по: World Economic Forum. The Arab World Competitiveness Report, 2002–2003, c. 103, 108–109; 2005, c. 37; The World Bank. From Privilege to Competition: Unlocking Private-Led Growth in the Middle East and North Africa. Washington, D. C., 2009. c. 56; UNCTAD. World Investment Report, 2008, c. 253–255; 2010, c. 167–171.

[39] Во второй половине 2000 гг. в целом по арабскому миру совокупные расходы на развитие человеческого фактора (и науки) оказались примерно на четверть ниже, чем в латиноамериканских государствах (14–15% их ВВП), в полтора раза ниже, чем в азиатских НИС (18–19%) и вдвое ниже, чем в РГ (22–23%). В 2003–2007 гг. *доля расходов на НИОКР в ВВП* составляла в Тунисе 1%, в Марокко — 0,6–0,7%, в Иордании, Ливане, Катаре и Судане — 0,29–0,34%, в Египте 0,23%, в Сирии, Алжире и Омане — 0,12–0,17%, Саудовской Аравии, Бахрейне и Кувейте — 0,04–0,09% ВВП. Составлено и рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2007, c. 74–76; 2008, c. 76–78; 2009, c. 98–100; 2010, c. 102–104, 120–122; UNDP. Human Development Report, 2010. New York, 2010, c. 202–205; UNESCO. Science Report, 2010, P., 2010, c. 259, 271.

[40] Подробнее см.: Бочарова Л. С. Здравоохранение арабских стран: вектор развития в XXI веке // Ближний Восток и современность. № 42. М., 2010.

[41] В группе других мусульманских стран результаты были скромнее (1%, 3–4 и 16%). Показатели Египта и Туниса (в 2008 г. 29–32%), Иордании (38%) и Ливана (52%) намного лучше, но все же не идут ни в какое сравнение с достижениями Тайваня и Южной Кореи (94–96%), сумевших резко повысить свою международную конкурентоспособность во многом на основе повышения образовательного уровня своего человеческого потенциала.

[42] Составлено и рассчитано по: UNDP. Human Development Report, 1994, c. 136–137, 207; 2003, c. 237–240, 339; The World Bank. World Development Indicators, 2003, c. 112–114; 2010, c. 106–108, 144–146; UNESCO. Science Report, 2010, c., 2010, c. 259, 272.

в 1980 г. и 72–74% в 2007–2009 гг. Однако его значения были ниже, чем в среднем по РС (в 1900 г. 13–15%, в 1950 г. — 27–29, в 1960 г. — 37–39, в 1980 г. — 55–57 и в 2007–2009 гг. — 78–80%). Для *системы образования АС* характерен ряд существенных недостатков. Несмотря на то, что с 1970 г. по 2007–2009 гг. уровень грамотности женщин в АС вырос в три-четыре раза (с 16 до 58–60%), *две пятых всех взрослых женщин не умеют читать и писать*. Остро стоит проблема качества образования. Сильно отстает контент образовательных программ, в учебном процессе по-прежнему доминирует банальная зубрежка. Вне частного сектора качество образования, как правило, посредственное. По *индексу конкурентоспособности высшего образования* более или менее приличные места среди АС только у Туниса (в 2010–2011 гг. 30-е место в мире из 139), Катара (32) и ОАЭ (36). У остальных ситуация намного хуже. Например, Египет (97-е место), Алжир (98), Марокко (102) и Сирия (107) занимали места в нижней трети мирового рейтинга[43].

В целом по арабскому миру *среднее число лет обучения взрослого населения* (редуцированное в годах начального образования) выросло, по нашим расчетам, с 1,6 в 1950 г. до 4,0 — в 1980 г. и 7,3 — в 2007 г. При всех немалых различиях внутри группы АС достигнутый средний уровень выше, чем, например, по АЮС (5,4 года), не сильно отличается от Индии (6,7 лет), но отстает от КНР (8,4), ЛА (9,6 лет), а также от азиатских НИС и РГ (16–17 лет)[44]. В 1976 г. *низкоквалифицированные и неквалифицированные работники* составляли примерно 87% самодеятельного населения арабского мира, *лица средней квалификации* — 8%, *высокой квалификации* — 5%[45]. Многое ли изменилось спустя треть века? По нашим расчетам и оценкам, доля первой группы сократилась примерно до 2/3, по-прежнему составляя громадное большинство. Доля работников, обладающих средней квалификацией, выросла втрое — до 1/4 Но достаточно ли этого для эффективного проведения еще далеко не законченной индустриализации? Доля работников высшей квалификации удвоилась — примерно до 1/10[46]. Но хватит ли этого для того, чтобы справиться с вызовами постиндустриальной эпохи? В развитых странах высококвалифицированные профессионалы составляют не менее половины занятых. Но и это считается недостаточным. Знания и навыки устаревают. Накопленный человеческий капитал, к сожалению, достаточно быстро обесценивается (просто мы стараемся не замечать этого). Так что *АС, если они стремятся остаться хотя бы «на плаву», предстоит провести не одну серию разумных, последовательных реформ по активизации своего человеческого потенциала*.

Приведенные выше причины во многом обусловили *резкое падение в АС темпов прироста совокупной факторной производительности* (СФП) — в среднем ежегодно с 2,1% в 1960–1980 гг. до (-)0,1% в 1981–2007 гг. Подчеркнем, однако, что кроме ряда азиатских НИС, а также КНР и Индии, в которых этот показатель повысился (в отмеченные периоды соответственно с 1,0 до 3,2%[47], с 0,1 до 1,9 и с 0,7 до 2,5%), в большинстве других стран мира ситуация ухудшилась. Среднегодовой темп прироста СФП сократился в целом по Тропической Африке с 1,2 до 0,2%, в Латинской Америке — с 1,0% до нуля, в среднем по ведущим странам Запада и Японии — с 2,9% в 1950–1973 гг. до 1,2% в 1973–1990 гг. и 1,0% в 1990–2007 гг.[48] Современная глобализация и технологическая революция, при тех институтах и системах управления, которые существуют на глобальном, региональном и страновом уровне, обеспечивают эффективный рост, но далеко не всем субъектам мирового сообщества.

В АС, сумевших *диверсифицировать структуру производства и экспорта*, — в Египте, Тунисе и Марокко — среднегодовые темпы прироста СФП оказались, подчеркнем, *позитивными* и составили, по нашим расчетам, в 1981–2000 гг. в среднем 1,0–1,3%, а в 2001–2008 гг. — в Марокко и Египте 0,7–1,1% и в Тунисе — 1,8–2%[49]. *Для увеличения эффективности и международной конкурентоспособности многим АС необходимо существенное повышение качества их трудовых и капитальных ресурсов, обеспечение большей открытости экономики, формирование новых рыночных институтов, а также*

[43] Составлено и рассчитано по: Стоклицкий С.Л., Фридман Л.А., Андрукович П.Ф. Экономические структуры арабских стран. М., 1985, с. 154; The World Economic Forum. The Global Competitiveness Report, 2010–2011, с. 20–21; The Arab World Competitiveness Review, 2010. Geneva, 2010,. с. 14, 25; UNDP. Human Development Report, 1994, с. 27, 136–137; 2003, с. 270–274, 339; 2010, с. 48, 160; Drummond J. Arab Education Reforms Make Slow Progress // The Financial Times, December 27, 2010.

[44] См.: Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 206.

[45] См.: Amin S. L’économie arabe contemporaine. Paris, 1980, table 14.

[46] Рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 106–112; UNDP. Human Development Report, 2010, с. 193–196.

[47] Это по Южной Корее. По Тайваню он несколько сократился — с 3,7% в год в 1952–1980 гг. до 2,5% в 1980–2007 гг.

[48] См.: Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 182, 208.

[49] В течение восьми лет до начала мирового кризиса среднегодовые темпы прироста эффективности их экономик были заметно выше, чем в целом по АС (0,4–0,5% в год). В 1980–2008 гг. *среднегодовой темп прироста СФП* в Тунисе (1,4%) оказался не меньше, чем (за тот же период) по таким более или менее диверсифицированным экономикам АММ, как Турция, Индонезия и Пакистан (1,2–1,3%), но все же заметно отставал от новоиндустриальной Малайзии (2,2–2,4%), в структуре экспорта готовых изделий у которой на (средне и) высокотехнологичные товары приходилось в 2008 г. 40% (рассчитано и составлено по: The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 226–228, 258–260, 341; ILO. Global Employment Trends, 2011. Geneva, 2011, с. 64; Bhattacharya R., Wolde H Constraints on Growth in the MENA Region // IMF Working Paper.WP/10/30. Washington, D. C., 2010, с. 5.

достижение большей политической стабильности и большей легитимности их системам власти.

Экономические и социальные противоречия

Если в 1950–1980 гг. арабский мир, в котором экономический рост тогда был сравнительно быстрым, *в целом подтягивался к РГ по подушевому ВВП* (27–28% от уровня РГ в 1950 г. и 30–31% в 1980 г.), то к 2007 г. его отставание (19–20% от уровня РГ) стало большим, чем даже в 1950 г. Подчеркнем, что неэффективные реформы или отсутствие их как таковых привели к тому, что *относительное отставание от РГ увеличилось* в целом по ЛА и АЮС (рассматриваемый показатель сократился соответственно с 41–42% до 33–34 и 25% и с 13 до 8 и 5%). Напротив, в азиатских НИС, КНР и Индии обнаружилась в целом тенденция к догоняющему развитию: анализируемый показатель вырос по первой группе стран с 13% в 1950 г. до 26% в 1980 г. и 71% в 2007 г.; в Китае и Индии с 4–5% в 1980 г. соответственно до 14–15% и 7–8% в 2007 г.[50]

По *индексу человеческого развития* (ИЧР, в наших расчетах объединяющего показатели подушевого ВВП, средней продолжительности предстоящей жизни от рождения и среднего числа лет обучения взрослого населения) АС в целом существенно подтянулись к РГ за 1950–1980 гг. (с 29–30 до 41–42%), но впоследствии этот показатель не обнаружил тенденции к росту: в 2007 г. он оставался на уровне 41–42%. Та же тенденция проявилась и по ЛА и АЮС. В первом случае (ЛА) рассматриваемый показатель в 1980–2007 гг. стагнировал на отметке 50–51%, а в АЮС — на уровне 21–23%. В странах так называемой развивающейся Азии картина была иной. По азиатским НИС он увеличился с 32–33% в 1950 г. до 53–54% в 1980 г. и 86–87% — в 2007 г. По Китаю и Индии хотя и менее круто, чем в предыдущем случае, также происходило подтягивание — соответственно с 17–18% до 24–25 и 40% и с 17–18% до 20 и 28–29%.

Судя по нашим расчетам, в 2007 г. *расширенный индекс человеческого развития* (РИЧР, включающий помимо других также технологический и институциональный компоненты) оказался в динамичных и технологически продвинутых азиатских НИС (85% от РГ) почти на том же уровне, что и «простой» ИЧР (86–87% от РГ). Значение РИЧР за 2007 г. в Индии (23–24% от РГ), КНР (30–31%) и ЛА (40%) было в среднем на уровне 77–83% от их относительного показателя ИЧР. В то же время в целом по АС и АЮС, в которых их РИЧР составил соответственно 25–26% и 12–13% от РГ, он, вследствие их существенного отставания от РГ по уровню технологий и качеству институтов (см. граф. 3 и 4), не превысил 3/5 от уровня их «простого» ИЧР (соответственно 41–42% и 21–22% от показателя по РГ).

[50] См.: Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны, с. 206, 213.

В странах БВСА сравнительно быстро увеличивается *охват населения современными средствами коммуникации*. По мобильным телефонам он в 2008 г. (58%) был хотя и ниже, чем в ЛА (80%), но превышал уровень РС ВАЗ (53%), а также ЮАЗ и АЮС (33–34%, в РГ — свыше 100%). Доля *охвата населения Интернетом* (его вовлечения в так называемые социальные сети — Twitter, Facebook и др., которые сыграли немалую роль в 2011 г. в активизации протестных движений в ближневосточных странах) также быстро растет, что, как показали недавние события в странах БВСА, меняет общество (в нем растет «градус» социальных ожиданий), модернизирует структуру его взаимосвязей. Хотя в 2008 г. этот показатель АС и РС ВАЗ (1/5 населения) был ниже, чем в среднем по ЛА (28–30%) и РГ (почти 3/4), он в них уже был в пять раз больше, чем в 2002 г., и намного превышал индикаторы (за 2008 г.) по ЮАЗ и АЮС (5–7%). В 2009 г. доступ к «сети» имело всего 1–3% населения в Ираке, Йемене, Мавритании и Джибути, 14–20% — в Алжире, Сирии и Египте, но уже 32–44% — в Тунисе, Марокко, Кувейте, Саудовской Аравии и Омане (что выше, чем в среднем по миру — 27%) и 81–83% — в Бахрейне и ОАЭ[51].

По *числу исследователей на 1 млн. человек* АС (в 2000–2007 гг. в среднем 300–330) значительно уступали не только РГ (4–5 тыс.), но и РС ВАЗ (1–1,5 тыс.). В 20 АС, примерно равных по численности населения Северной Америке, во второй половине 2000 гг. *издавалось в 5–6 раз меньше книг*[52]. *Число научных статей*, опубликованных в АС, выросло в 2000–2008 гг. почти вдвое, до 13,6 тыс., но их число в расчете на 1 млн. человек в 2008 г. в целом по АС (41) было в 3–4 и 14–15 раз меньше, чем в среднем по миру и РГ. *Общее число патентов*, выданных в АС их жителям, в 2000 гг. росло, но в 2008 г. оно (71) было многократно меньше, чем, например, в Финляндии (894). По *рейтингу инновационного развития АС* (в 2010 г. в среднем 82-е место из 139) существенно отставали от КНР (26-е место), Индии (39), ЛА (62), не говоря уже о НИС и РГ[53]. Резюмируя вышеприведенные данные, можно сказать, *что АС в последние десятилетия развивались, но медленнее и в чем-то менее качественно, чем многие другие РС*.

В последние десятилетия в странах БВСА *накопилось много социальных проблем*. В 1990–2008 гг. в них зафиксированы наиболее высокие темпы

[51] Составлено и рассчитано по: The World Bank. World Development Indicators, 2004, с. 296; 2010, с. 334, 338; UNESCO. Science Report, 2010. P., 2010, с. 269.

[52] В целом по АС *доля книг, выпускаемых по религиозной тематике*, в 3–4 раза выше, чем в среднем по миру, и близка к доле научных книг, публикуемых в АС по естественным наукам (см.: UNDP. The Arab Human Development Report, 2003. New York, 2003, с. 4).

[53] Составлено и рассчитано по: UNESCO. Science Report, 2010, с. 260–261, 264–267; World Economic Forum. The Global Competitiveness Report, 2010–2011, с. 22.

прироста самодеятельного населения (3,2%, в РС, ВАЗ — 1,3%, в ЛА — 2.7, в ЮАЗ — 2,1, в АЮС — 2,9%), что само по себе *осложняет трудоустройство* их жителей. Вследствие того, что население весьма молодое (медианный возраст — 23–24 года, в других РС — 27–28, в РГ — 40 лет), а женщины, ввиду ряда социально-культурных причин, сравнительно мало вовлечены в общественное производство[54], быстрый рост которого сдерживается технико-технологическими, экономическими, а также политическими факторами (о последних — ниже), *доля занятых в структуре взрослого населения стран БВСА весьма невелика:* в 2008 г. — 45–46% по сравнению с 64–69% в РС ВАЗ и АЮС и 57–61% в среднем по ЮАЗ и ЛА. Доля занятых особенно мала среди молодого населения. В 2008 г. этот индикатор в ближневосточных странах (29%) был намного ниже, чем в ЮАЗ и ЛА (42–45%), а также АЮС и РС ВАЗ (49–51%). В последние три десятилетия в среднем по *АС доля безработных* выросла в полтора раза — с 8–10% в конце 1970-х — начале 1980 гг. до 13–14% в конце 2000 гг. Достигнутый показатель по АС (в том числе 9–11% в Египте, Алжире, Марокко, 12–15% — в Сирии, Тунисе, Иордании, Ираке, 16–18% в — Судане, Сомали и Мавритании и 25–27% — в Палестинской Автономии) оказался почти вдвое больше, чем по другим РС, в том числе по РС ВАЗ и ЮАЗ — 5–6%, ЛА и АЮС — 8–9%. *Доля безработных среди молодежи* в АС была особенно значительна — 23–25% (в среднем по РС ВАЗ и ЮАЗ 9–10%, по АЮС и ЛА — 13–15%)[55].

По данным Всемирного банка, в странах БВСА *численность бедного населения* (условный критерий — подушевое потребление в день менее 2 долл. в ППС 2005 г.), которая снизилась с 46 млн. в 1981 г. до 44 млн. в 1984 г., затем повысилась до 51–52 млн. в 1996–2002 гг. *Доля бедных* при этом, вначале существенно сократившись (с 26–27% в 1981 г. до 19–20% в 1990 г.), снижалась и далее, но крайне медленно — до 17–19% в 1999–2005 гг.[56] Можно с достаточной уверенностью предположить, что *вследствие увеличения численности и доли безработных в АС, а также ускорения роста во многих из них потребительских цен* (прежде всего на продукты питания)[57] *процент бедных в арабском мире в период кризисных явлений конца 2000 гг. заметно вырос*. По имеющимся оценкам, учитывающим *национальные критерии бедности*, рассматриваемый показатель в конце 2000 гг. достиг 2/5, в том числе 29–30% — в Сирии и Ливане, 58–60% — в Йемене и 41–43% — в Египте[58]. Это усилило недовольство достаточно широких слоев населения.

В АС и до этого на протяжении, по крайней мере, последних трех десятилетий вспыхивали бунты обездоленных. *Нынешняя мощная волна социальных протестов* (начало 2011 г.) во многом вызвана тем, что *населению*, в том числе быстрорастущей по численности молодежи (более активной, образованной и через социальные сети неплохо связанной между собой и знающей о жизни в ЕС), *надоело жить, как прежде*. *Социальное расслоение* между основной частью арабских обществ *и коррумпированной верхушкой* (имеющей в ряде случаев, например, в Бахрейне и Сирии иную конфессиональную природу), сконцентрировавшей в своих руках огромные рентные богатства, но не способной осуществить эффективную модернизацию экономики, достигло огромной величины.

О *громадной межстрановой дифференциации* в арабском мире говорилось выше[59]. Надежных данных *о внутристрановом расслоении*, насколько нам известно, не так уж много. Приводимые в междуна-

[54] В 2008 г. в странах БВСА экономически активны были только 26% взрослых женщин против 35% в ЮАЗ, 52% в ЛА, 60–64% в АЮС и РС ВАЗ (The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 64, 68).

[55] Составлено и рассчитано по: ILO. Trade and Employment in the Global Crisis. Geneva, 2010, с. 34; ILO. Global Employment Trends, 2011. Geneva, 2011, с. 61–63; The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 76; UNDP. Arab Human Development Report, 2002, с. 158; 2009, с. 10.

[56] См.: The World Bank. World Development Indicators, 2010, с. 92.

[57] Например, в Египте в 2000 годы темпы прироста потребительских цен имели явную тенденцию к росту: в 2009–2010 гг. они составили в среднем 15–17% в год и были более чем в 2,5 раза выше, чем в целом по другим РС (Рассчитано по: The IMF. World Economic Outlook, 2010, October. Washington, D. C., 2010, с. 189; Saleh H., Peel M., England A. Graft Probe Seeks to Appease Egyptian Public // The Financial Times, February 7, 2011). Если учесть, что уровень безработицы в Египте был тогда равен примерно 9–11% (в РС вне арабского мира 6–7%), то несложно подсчитать, что так называемый «индекс беспокойства» (сумма в процентах доли безработных и темпа прироста цен) в этой арабской стране почти вдвое превышал средний уровень по РС. Существенный рост потребительских цен в ряде небогатых АС обусловлен значительным подорожанием на мировых рынках продуктов питания при значительном дефиците их (АС) продовольственных балансов (в частности, по зерновым в Северной Африке в 2006–2009 гг. он превышал 2/5. См.: FAO. Food Outlook, October 2010. Roma, 2010, с. 72; The World Bank. The Middle East and North Africa Region. 2009 Economic Developments and Prospects. Washington, D. C., 2009, с. 70; Blas J. Global Food Prices Hit Record High // The Financial Times, January 5, 2011; Brunet M., Guichard G. Les raisons de la crise en Tunisie // Le Figaro, 14/01/2011).

[58] См.: UNDP. Arab Human Development Report, 2009. New York, 2009, с. 10, 113–114; Gardner D. Wake Up and Smell the Jasmine // The Financial Times, January 16, 2011.

[59] В богатых, малонаселенных АС Залива коренное население живет, как правило, комфортно (хотя существует дискриминация женщин, а также шиитов). В остальной части арабского мира, где сконцентрировано примерно 320 млн. из 350 млн. его жителей, социально-экономические и экологические проблемы намного острее, доминируют полицейские порядки. Согласно опросам Gallup, проведенном в 2010 г. в 22 АС среди молодежи в возрасте от 15 до 29 лет, 30% (40% в Марокко, Тунисе и Йемене) сказали, что эмигрируют навсегда, если представится возможность. Только 34% (в Марокко — 18%, в Египте — 25%) молодых арабов считали, что выборы в их странах проводятся честно. Лишь половина молодых людей в бедных АС (в Марокко — 43%, в Сирии — 34%) доверяют своим правительствам (Khouri R. Tunisia Heralds a Long Battle for Arab Reform // The Financial Times, January 16, 2011; Moisi D. An Arab Spring // Project-Syndicate, 2011–01–26; Cockburn P. Troubles Like This Are Brewing Over the Middle East // The Independent, 15 January, 2011).

родной статистике значения коэффициента Джини по доходам/расходам по АС колеблются в пределах 0,32–0,42. Но, как представляется, *они, скорее всего, приукрашивают* действительность[60], недоучитывая, вероятно, «шпилевые» доходы наиболее богатых и влиятельных. По официальным данным, коэффициент Джини по Египту за 2004–2005 гг. составил, как отмечалось выше, 0,32. Это могло бы, при прочих равных условиях, свидетельствовать о признаках гармонии в обществе. Сделаем, однако, один уточняющий расчет.

В США, как известно, сравнительно высокий, по меркам РГ, уровень неравенства распределения доходов. Коэффициент Джини не меньше 0,40, по самым скромным подсчетам[61]. При этом совокупное богатство выдающегося изобретателя Билла Гейтса, считающегося одним из наиболее состоятельных людей в США (40–50 млрд. долл.), эквивалентно лишь примерно 0,3% ВВП этой страны (в 2010 г. 14,6 трлн. долл.). Совокупные авуары бывшего президента Египта Х. Мубарака вряд ли достигали к концу периода его правления 40–70 млрд. долл., о чем часто в последнее время упоминали различные СМИ, но, что (и в этом автор согласен с известным российским арабистом В.А. Исаевым), скорее всего преувеличение. Если же взять даже весьма «скромную» цифру порядка 3–7 млрд. долл. (потому что вряд ли Х. Мубарак, многолетний правитель крупнейшей арабской страны, был беднее бывшего тунисского президента Бен Али[62]), то она будет эквивалентна примерно 1,4–3,2% ВВП Египта (по предварительным оценкам, в 2010 г. 217 млрд. долл. по официальному вал. курсу). Таким образом, *относительный масштаб богатства Х. Мубарака, возможно, в 6–9 раз больше, чем у Б. Гейтса*[63]. *При всей ориентировочности сделанного расчета он наталкивает на мысль о том, что официальные данные о неравенстве в Египте (как, возможно, и в других АС), скорее всего, значительно занижены*[64].

Проблема АС не только в том, что там есть и ощущается огромное расслоение в обществе. В отличие от тех же США и других либеральных демократий, *в арабском мире отсутствуют так называемые «социальные лифты». Правители сидят долго, извлекая ренту и обрастая клиентелой.* И не хотят уходить. Мубарак просидел, как известно, почти 30 лет. Это, возможно, четвертый по длительности пребывания у власти рекорд за пятидесятивековую историю Египта. Если не врут календари, то дольше правили только такие известные фараоны, как Рамсес II (66 лет, в XIII в. до н.э.), Тутмос III (54 года, в XV в. до н.э.) и не менее известный реформатор Египта паша Мухаммед Али (44 года, в первой половине XIX в. н.э.).

В принципе почва для масштабных народных выступлений во многих АС была давно готова. Дело в том что они в целом *сильно отстают от ряда других регионов РС (и некоторых мусульманских стран, таких как Малайзия, Турция, Индонезия) не только по динамике подушевого ВВП, совокупной производительности, масштабам облагораживания экспорта и уровня инновационного развития экономики*, но и *по степени подотчетности властей и соблюдения элементарных прав человека (в том числе. женщин)*[65], гражданских свобод, легитимности власти. Используя данные *рейтинга об уровнях развития демократии в мире,* построенном Economist Intelligence Unit за декабрь 2010 г., можно констатировать, что 9/10 общего числа АС расположены в низшей трети, а 3/5 — в его низшей четверти[66].

Сейчас трудно сказать, чем в ближневосточных странах завершатся народные протесты. Если демократически настроенные силы в них не консолидируются, а страны Запада не окажут им серьезной поддержки, они могут быть подавлены либо (пока еще) сохранившими свою власть авторитарными правителями, либо пришедшими на смену «мубаракам» военными хунтами. Если же власть в ближневосточных странах в результате тех или иных изменений в политических системах (включая демократические по форме выборы или, не дай Бог, интен-

---

[60] См.: The World Bank. World Development Indicators, 2010, c. 94–96; Noland M., Pack H. Op. cit, c. 67; Will President Bashar Assad Hold His Nerve? // The Economist, January 20th, 2011; Slackman M. Egyptians' Fury Has Smoldered Beneath the Surface for Decades // The New York Times, January 28, 2011.

[61] См.: Stiglitz J. The Tunisian Catalyst // Project Syndicate, 2011–02–04 (www.project-syndicate.org).

[62] По одной из оценок, состояние Бен Али превышало 5 млрд. долл. О масштабах коррупции, связанной с кланом Лейлы Трабелси, последней женой бывшего тунисского правителя, см.: A Tunis, l'espoir d'une transition démocratique // Le Monde, 15.01.2011.

[63] Если мы оценим ВВП Египта в ППС (в 2010 г. примерно 501 млрд. долл.), «превосходство Мубарака» все равно будет большим — трех-четырехкратным. Расчет и оценки сделаны по: The World Factbook. https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/eg.html Accessed 02.19.2011.

[64] В недавно защищенной диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук И.О. Абрамовой, серьезно занимавшейся в свое время проблемами экономического и социального развития Египта, приводятся данные, согласно которым в начале 2000 гг. в этой стране индекс Джини в деревне достигал 0,39, а в городе — 0.46 (См.: Абрамова И.О. Ресурсный потенциал Африки в мировой экономике XXI века. Диссертация. М., 2011, с. 250). Взвешивая приведенные данные по долям деревенского и городского населения Египта, можно получить средний показатель по стране (0,42), который почти на треть выше индикатора, приведенного в справочнике Всемирного банка (в 2005 г. 0,32. См.: The World Bank. World Development Indicators, 2011. Washington, D. C., 2011, c. 68). Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

[65] К странам, в которых значения *показателя подотчетности властей и соблюдения прав человека* не лучше (или даже хуже), чем в среднем по арабскому миру, относятся следующие: Йемен (–1,18), Египет (–1,19), Тунис (–1,26), Ирак (–1,26), Саудовская Аравия (–1,74), Сирия (- 1,75), Судан (–1,77), Сомали (–1,85), Ливия (–1,9). См.: Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. Governance Matters VIII. Aggregate and Individual Governance Indicators, 1996–2008. The World Bank. Policy Research Working Paper 4978. Washington, D. C., 2009, c. 79–82.

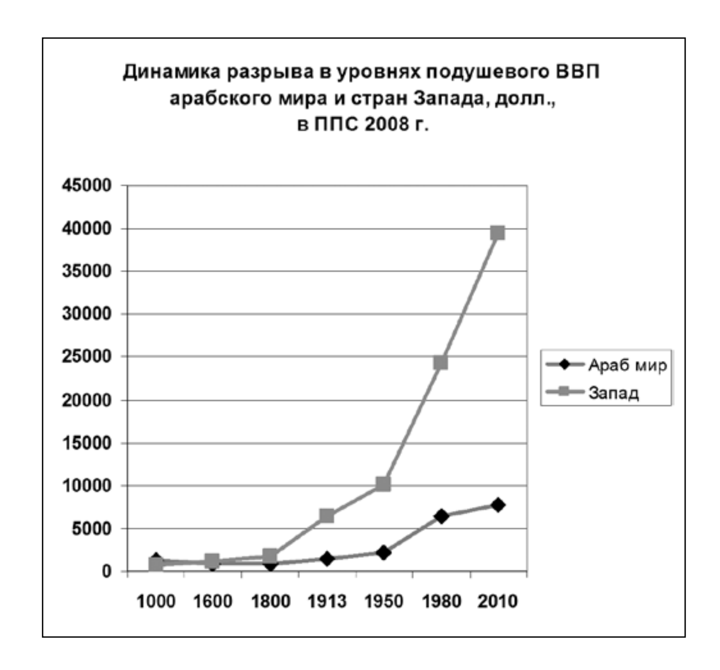
[66] См.: Arab Democracy // The Economist, December 2nd, 2010.

сивные гражданские конфликты) окажется в руках радикальных исламистов, то это вообще может взорвать хрупкий мир в неспокойном регионе. Разумеется, не исключен сценарий эффективных реформ, к которым мудрых правителей подталкивают неотложные обстоятельства. Но есть ли шанс, что прежние правители, пробыв десятилетия у кормила власти, вдруг резко помудреют?[67] А если нет, то где и как в короткое время (поскольку низы и частично средние слои, похоже, всерьез разбушевались) найти столько мудрых и ответственных правителей для почти двух дюжин государств?

Массу накопившихся проблем, связанных с неэффективностью своих хозяйственных и институциональных систем, ближневосточным обществам придется наконец всерьез решать. Ибо по темпам своего технологического, экономического и социально-политического развития они, в отличие от быстрорастущих восточноазиатских и южноазиатских государств, слабо вписываются в перспективные модели роста XXI века[68]. Мир устал от экстремизма. Ему нужен динамичный, реформирующийся Ближний Восток[69]. Между тем, в течение года после начала «арабской весны» проблемы продолжали нарастать, поскольку многие страны (включая Тунис, Египет, Бахрейн, Иорданию) были охвачены народными волнениями. Активные военные действия велись в Ливии, Йемене и Сирии. Погибли тысячи людей, экономике этих стран нанесен серьезный ущерб. Резко сократились доходы от туризма, уменьшился объем капиталовложений, приток ПИИ, обострились проблемы с платежным балансом. По имеющимся оценкам, в Египте темп прироста ВВП снизится с 5,1–5,7% в 2010 г. до 0,6–1,6% в 2011 г., в Тунисе — соответственно с 3,7% до (-)0,7%, в Сирии — более чем на порядок — с 3,2% в 2010 г. до 0,2% в 2011 г., в Йемене — с 6,2% до (-)5,5%, в Ливии — с 3,3% до (-)28,2%[70].

Для нефтеэкспортеров арабского мира, пользующихся сравнительно благоприятной конъюнктурой на рынке углеводородов, позволяющей им помимо прочего предоставлять пакеты помощи своему населению (например, саудовский «королевский подарок» составил в 2011 г. 35 млрд. долл. [71]), рост ВВП в 2011 г. оценивается в 5% и в 2012 г. в 4%, для нефтеимпортеров — соответственно 1,5% и 2,5%[72]. Во многих АС сохраняются высокие (и растущие, например, в Тунисе и Египте) уровни безработицы и инфляции, низкий уровень продовольственной самообеспеченности, крайне нестабильная социально-политическая ситуация. Чрезвычайно важны в этой обстановке реформы, укрепляющие институты, способствующие росту экономики, активизации частного сектора и повышающие уровень занятости населения. Однако все это не так просто в условиях нестабильности мировой экономики, усиления экспансии конкурентов из числа других РС, наращивающих экспорт готовых изделий и разнообразных услуг.

График 1

Рассчитано по: The World Bank. World Development Report, 2010, c. 378–379; World Development Indicators, 2011, c. 192–196; The IMF. World Economic Outlook. September 2011, c. 178–179, 184; Maddison A. Contours of the World Economy, 1–2030 AD. Oxford, 2007, c. 59, 176, 192; Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996, c. 61, 145.

[67] См.: Shadid A. In Peril: The Arab Status Quo // The International Herald Tribune, January 15, 2011. В российских СМИ интересные сценарии политического развития ближневосточных стран содержатся в публикациях Г.И. Мирского, В.В. Наумкина, Е.Я. Сатановского и ряда других исследователей.

[68] См.: Исаев В.А. Ближний Восток и вызовы глобализации // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып.6. М., 2007; Филоник А.О. Арабский мир и развитие в условиях глобализации // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. Вып.6. М., 2007; Rauch J., Kostyshak S. The Three Arab Worlds // The Journal of Economic Perspectives, 2009, vol. 23, N: 3.

[69] И не надо бояться рисков. В конце концов, Турция, Индонезия и Малайзия встали на путь широких реформ и добились немалых успехов (см.: Rachman G. Democracy Is Back — How Awkward // The Financial Times, January 31, 2011; Brooks D. The Quest for Dignity // The New York Times, January 31, 2011).

[70] По Ливии, правда, есть и более жесткие оценки. См.: Khalaf R., Saleh H., Allam A. The Economics of the Arab Spring // The Financial Times, October 9, 2011; Walt V. Egypt's Unfinished Revolution // Bloomberg Businessweek, October 27, 2011.

[71] См.: Peel M. Autocrtats Neglect the Need for Prosperity // The Financial Times, April 25, 2011.

[72] См.: The IMF. World Economic Outlook. September 2011. Washington, D. C., 2011, c. 96; Ahmed M. The Arab Spring Challenges that Must be Met // The Financial Times, November 2, 2011.

График 2

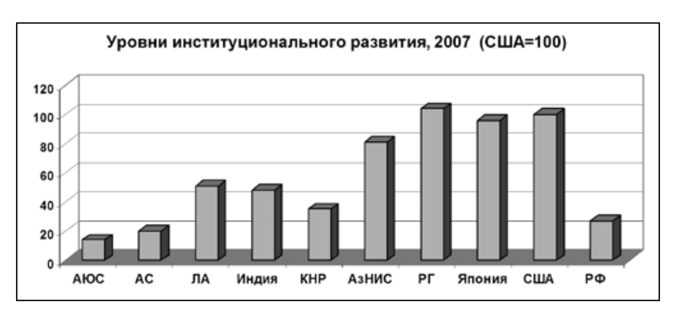
Примечания. 1. Диф. 1 — среднее из оценок внутристрановых коэффициентов Джини по доходам населения (0 — полное равенство, 100 — все достается одному). 2. Диф. 2 — Разрыв (в разах) в уровнях подушевого ВВП в расчете по паритетам покупательной способности валют между богатейшей и беднейшей страной арабского мира соответственно в 1960, 1980 и 2010 г.
Рассчитано по источникам к граф. 1, а также:
Мельянцев В. А. Арабо-исламский мир в контексте глобальной экономики. М., 2003, с. 12–13.

График 3

Примечания. 1. АЮС — Африка южнее Сахары, АС — арабские страны, ЛА — Латинская Америка, НИС (новые индустриальные страны) — среднее взвешенное (по численности населения) по Южной Корее и Тайваню, РГ — развитые государства. 2. Показатель уровня технологического развития приближенно оценивается как среднее невзвешенное двух индикаторов (интернетизации населения и подушевых расходов на НИОКР), отнесенных к уровню США.
Рассчитано по: Мельянцев В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. М., 2009, с. 213.

График 4

Примечания. 1. АЮС — Африка южнее Сахары, АС — арабские страны, ЛА — Латинская Америка, АзНИС — азиатские новые индустриальные страны (среднее по Республике Корея и Тайваню), РГ — среднее по развитым государствам
Рассчитано как среднее невзвешенное по шести индикаторам Д. Кауфмана, А. Крэя, М. Маструзи (политическая стабильность, степень соблюдения законности, эффективности государства, качества регулирования, контроля за коррупцией, подотчетности государства обществу). См.: Мельянцев В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000 годы). М., 2009, с. 213.

А. О. Филоник

Сирия: реформы и политика

В последнее время Сирия стала предметом особого интереса со стороны мирового сообщества. Она и раньше находилась в центре внимания как страна, остающаяся в конфликте с Израилем и сильно раздражающая США, под санкциями которых пребывает уже длительное время. Сегодня ситуация вокруг Сирии обострилась. Поводом к этому стали волнения, спровоцированные оппозицией, тон в которой задают радикальные круги. Но реальная причина состоит в том, что Сирия тесно сотрудничает с Ираном, репутация которого в глазах Запада упала до минимального уровня. Надо полагать, что именно в связи с этим Сирия оказалась под массированными вербальными ударами западного политического истеблишмента, который пользуется внутрисирийскими трудностями, чтобы ликвидировать баасистский режим и привести к власти оппозицию, неважно какой окраски, но не проиранской ориентации.

Даже в самый канун разлада внешне ничто не указывало на то, что Сирии угрожают беспорядки. Казалось, что опыт взбунтовавшихся арабских стран не будет заимствован сирийцами, и в стране сохранится спокойствие, выгодно контрастирующее с потрясениями, которые раскололи целые государства в регионе и арабский мир как таковой. На этом фоне поддерживавшийся в Сирии порядок наталкивал на мысль, что здесь имеются весомые основания для мирного течения событий. Сирийский народ в массе всегда отличался толерантностью, умеренностью, к тому же страна не переживала таких социальных разрывов, которые были характерны, например, для Египта, где был взят четкий курс на проведение в жизнь рекомендаций МВФ по поводу достижения стабилизации экономики.

Из накопившегося нового опыта разрешения социальных кризисов в арабском мире уже стало ясно, что реформы в том виде, в каком они проводились, мало согласуются с народными чаяниями. Они содержат многочисленные элементы, обрекающие людей на длительное существование в регулярно ухудшающихся условиях, которые должны предварять появление неких положительных сдвигов. В ходе их возникли такие напряжения в обществе, которые разрешились в самом радикальном исполнении и в самых неожиданных формах, ради исключения которых из политической жизни и затевались преобразования.

Также стало очевидным, что если народ и свыкся с такими преобразованиями, то это относится только к начальному моменту, и трудно предвидеть, на какой стадии возникнет сбой, способный вызвать жесткие протесты против политики властей. Больно задевающие интересы беднейших слоев реформы, прикрываемые словесным флером и социальными разглагольствованиями, явно не могут служить длительной гарантией социального согласия в обществе с огромным нищенским компонентом. Даже при формально благоприятных макроэкономических показателях положительные изменения остаются незамеченными в наиболее уязвимых слоях общества, и их пропагандистский эффект пропадает втуне.

На этом общем для капиталодефицитных арабских стран фоне ситуация в Сирии выглядела относительно более выигрышной. Лучшее качество производительных сил и менее грозная демографическая обстановка облегчают течение процессов развития. Экономическая ситуация соответствует традиционному для страны среднему уровню экономического развития и обеспечивает приемлемое существование для большой части населения, а в ряде случаев отвечает и более высоким запросам, благодаря социальной политике, которая в той или иной степени сглаживала хронические социальные противоречия. Эти последние естественны для государства, которое живет в условиях опасной близости к Израилю и несет немалые расходы на безопасность и оборону. Хотя внешне в поведении населения не чувствуется, что подобные обстоятельства создают давящий эффект и мешают жить, тем не менее, на экономике они сказываются и, трансформируясь в общественном сознании, подспудно обостряют экономические опасения людей, особенно тех, материальная сторона жизни которых не отличается радужностью. По некоторым западным источникам, за чертой бедности пребывают около 12% сирийских граждан[1] Если рассматривать это явление в отрыве от особенностей сирийского образа жизни, то это достаточно высокий показатель, хотя в других капиталодефицитных арабских странах можно видеть и большие его величины. При всем при том, картинки из жизни простых сирийцев убеждают, что ситуация отнюдь не критична, хотя большое количество людей, особенно из числа занятых в госсекторе, вынуждено искать приработок, чтобы улучшить условия существования. Хуже ситуация для маргинальных слоев, но социальная организация жизни такова, что им удается как-то вписываться в общий тренд и не нищенствовать и попрошайничать, чтобы обеспечить минимум потребления.

При этом речь в масштабах страны не идет о дефиците питания, образования, здравоохранения. В Сирии осуществляются программы помощи мало-

[1] Syria Economy Profile 2011, CIA World Factbook, (б.г., б.м.).

обеспеченным слоям населения, которые представлены в основном многодетными семьями, из бюджета дотируются основные продовольственные продукты, цены на цемент, дизельное топливо и мазут, которым в зимнее время обогревается вся страна. При этом близка к удовлетворительной вся социальная инфраструктура, решаются проблемы материнства и детства, регулярно прирастают рабочие места в разных отраслях хозяйственной деятельности, особенно в строительстве — жилом и капитальном, связанном с реализацией крупных инфраструктурных проектов.

Естественно, это не следует понимать так, что все проблемы решены и все темы, связанные с функционированием наиболее уязвимого рынка труда, занятостью и трудоустройством, решены. В целом все эти аспекты находятся в прямой зависимости от состояния экономики и общей стратегии экономического развития и повторяют их колебания.

В целом Сирия в период до 2008 г. включительно демонстрировала приличные темпы роста, которые составляли 4–5%[2]. С началом нового века и приходом к власти Башара Асада в стране проводятся умеренные реформы. Внесены изменения в налоговую и административную практику, предпринимаются меры с целью увеличения доли частного сектора в производстве и услугах, и в связи с этим в 2009 г. в Дамаске открылась фондовая биржа. За истекшее время нынешний президент подписал многочисленные декреты, касавшиеся основ экономической деятельности в стране и регулирующие деятельность экономических агентов и институтов в изменяющейся среде. В частности, возникли негосударственные банки, частные страховые общества, диверсифицировалась предпринимательская деятельность в целом. Были проведены законодательные инициативы в области реформы корпоративной собственности, изданы документы, позволившие понизить ставки процента на банковские кредиты, трансформировать государственный долг в соответствующие казначейские обязательства и бонды, были консолидированы курсы валют и произведены другие действия, связанные с перестройкой и реорганизацией хозяйственной жизни.

Другими словами, они привели к тому, что если ранее, во времена Асада-старшего, речь в Сирии шла только о развитии капитализма в усеченной форме без его важнейших институтов, то ныне ситуация становится более однозначной. Хотя, по некоторым сведениям, большинство населения опасается приватизации государственных активов, поскольку в них заинтересованы крупные контингенты граждан, расценивающих их как боны, удерживающие низкодоходные социальные категории на плаву.

В связи с этим правящий режим стоит на перепутье, колеблясь относительно дальнейших путей развития, опасаясь решительными мерами подорвать макроэкономическое равновесие и спровоцировать в условиях нестабильных внешних доходов нарушение балансов инвестиций и сбережений, экспорта и импорта, расходов и доходов государства. Ведь разбалансирование системы может угрожать общим ухудшением социально-экономической обстановки.

Поэтому власти задержались на стадии умеренных реформ. На это их, видимо, подвигало то, что в соседних арабских странах либеральное вмешательство в хозяйственную сферу не привело к главному — к росту дохода на душу населения и к предотвращению проявлений социального недовольства, что способно превратить достигнутые успехи в фикцию. К тому же действия России на указанном направлении, внимательно отслеживаемые на Арабском Востоке и, особенно, в Сирии, которая многое позаимствовала из советского опыта, четко показали, что шоковая терапия — не тот путь, которым следует идти арабским странам. Особенно поставившим лозунг социального государства во главу угла партийной политики.

И все же режим продвинулся в том, что касается расширения сферы частнохозяйственного предпринимательства. Об этом, среди прочего, говорит появление в Сирии влиятельных частных национальных компаний с многопрофильной специализацией и большим оборотным капиталом, которые участвуют в реализации крупных проектов национального значения и на равных сотрудничают с иностранным капиталом в этих начинаниях. О возможностях возрождения частных институтов и притока иностранных инвестиций в определенной мере свидетельствует и десятикомпонентный индекс легкости ведения бизнеса, который рассчитывается Всемирным банком для 181 государства. В этом списке Сирия по таким показателям, как трансграничная торговля, выплата налогов, защита инвесторов, открытие бизнеса, наем рабочей силы, получение лицензии занимает место в начале третьей четверти списка, а по показателям регистрации собственности и ликвидации бизнеса находится в середине его. И только по исполнению контрактов и доступу к кредиту располагается почти в самом конце перечня отслеживаемых стран[3]. То есть, по ряду параметров страна не уступает своим соседям по региону, более активным в движении по пути рыночных преобразований.

По существу, сирийский режим до начала мартовских беспорядков так или иначе шел в ногу со временем, отвечая на основные вызовы, которые выдвигает эпоха. То есть, он стремился поддерживать макроэкономическую стабильность, диверсифицировать экономику, повышать конкурентоспособность национального производства, искал возможности интегрироваться в международные

[2] Economic Development and Prospects 2009, The World Bank, 3 October 2009.

[3] Такрир аль-истисмар ас- санавий ар-раби фи сурия, Хайат аль-истисмар ас-сурий. Дамаск, 2009, с. 28, 29.

структуры типа Средиземноморского партнерства и добивался положительных результатов. Но вся эта деятельность осуществлялась в русле реформ, которые имели серьезные ограничители в виде социальных обязательств правительства. До начала нового века с 70 гг. прошлого ведущим лозунгом сирийского экономического и политического развития было «исправительное движение», которое откорректировало левацкие перегибы некоторых баасистских руководителей в канун прихода к власти Асада-старшего и определило курс «социалистической ориентации» на десятилетия. С приходом нового президента изменился и основной лозунг, который теперь акцентирует внимание на «социально ориентированном рынке», в рамках которого капиталистическое развитие не принимает оголтелого характера и несет в себе элементы поддержки простого народа.

Естественно, Сирия не может на сегодня считаться образчиком сугубо рыночного поведения. Это происходит в силу того, что начавшиеся в ней реформенные процессы обладают повышенной инерционностью, обременены социальными обязательствами власти и развиваются в жесткой обстановке, диктуемой внешними факторами. Фактически в стране для экономики сложилась ситуация, близкая к патовой. До нынешних событий национальное хозяйство как бы плыло по течению в заданном русле из-за казавшегося нелимитированным времени, отводившегося на естественную эволюцию его институциональных устоев. То есть, достижение экономикой поры зрелости отодвигалось на достаточно отдаленную перспективу в ожидании вызревания предпосылок к этому событию. Ныне же, после возникновения беспорядков, акцент делается на ускорении политических процессов, при которых экономика откатывается на задний план и может оказаться в проигрыше из-за нарушения хозяйственных связей и замедления темпов роста. Хотя именно она может быть сильным аргументом в пользу режима, тогда как ее ослабление обязательно пополнит список претензий в адрес власти.

Опасность подобного поворота дел вполне ощутима, так как в 2009 г. из-за мирового финансового кризиса темпы роста упали до 1,8%, снизились доходность нефтяного сектора, спрос на сирийские товары на внешнем рынке и приток инвестиций.

К этому добавили драматизма уже длящиеся полгода беспорядки, которые так или иначе влияют на экономическую ситуацию и явно не способствуют ее улучшению. Во всяком случае, их производными стали санкции против страны, в результате чего больше всего пострадал нефтяной экспорт, составляющий 155 тыс. б/д из 400 тыс. б/д добываемого сырца. Учитывая, что общий экспортный потенциал невелик и формируется за счет фруктов, овощей, текстиля и пшеницы, и в 2010 г. оценивался в 12 млрд. долл., можно представить, какой ущерб санкции нанесут экономическому положению Сирии[4]. Ведь страна принуждается к тому, чтобы фактически на треть сократить добычу нефти, поскольку ее внутренние потребности меньше извлекаемых объемов. Экономическое наступление на Сирию, начатое еще в 80 гг. с санкций США, продолжается. Ныне они усиливают нажим, добавив в августе текущего года к своим прежним антисирийским акциям новые — в виде замораживания сирийских активов и прямого запрета на торговлю сирийскими нефтепродуктами.

Тем не менее, зарубежные источники с сожалением констатируют, что внутриэкономическое положение страны еще не настолько подорвано, чтобы спровоцировать изменение государственного устройства, путь к чему должен быть выстлан разрывом межотраслевых связей, нарушением работы воспроизводственных механизмов, банкротствами, вообще подрывом внутреннего рынка.

Между тем, еще неокрепшая фондовая биржа за первую половину 2011 г. понесла потери в виде вывода из оборота 40% ценных бумаг, и большая часть средств была вывезена за границу. Депозиты в сирийских банках сократились с января по апрель на 2,6 млрд. долл. и также, по некоторым предположениям, были переведены в Ливан, банковское сообщество в котором полагает, исходя из опыта прежних массовых национализаций в Сирии, что денежные ресурсы так и осели в местных финансовых учреждениях[5].

Отток капиталов и возможный отъезд представителей деловых кругов за пределы Сирии могут дополнительно нарушить воспроизводственные процессы в стране и сказаться крайне негативно на деловой активности. Сюда же следует добавить то, что в Сирии значительно выросли серый и черный рынок по сравнению с мирным периодом, а это означает увод денег из официального оборота и грозит обострением бюджетных проблем. Значение страны как транзитного центра в региональной системе торговых связей также может существенным образом ужаться. И это тоже негативно отзовется на состоянии казны, а дополнительно нарушит общение Ливана с Ираком, Саудовской Аравией и другими частями арабского мира. Возникновение проблем в Ливане, с которым Сирия связана по многим экономическим каналам, обернется нежелательными последствиями и для нее самой.

Все это происходит на фоне еще неизжитых трудностей, с которыми Сирия столкнулась в финансовый кризис 2008 г. Правда, до начала беспорядков МВФ предсказывал повышение темпов роста до 4,8% в 2011 г., но уже в апреле этот прогноз был понижен до 3%, а сейчас определяется как еще более низкий[6].

---

[4] Syria Economy Profile.

[5] MEED 26 August-1 September, c. 29.

[6] Там же.

Угроза второй волны кризиса создает дополнительные напряжения в местной экономике, которая хотя и не пострадала в исключительной мере от мировых финансовых неурядиц, все же остается перегруженной достаточным количеством проблем. Каковы они, можно увидеть хотя бы из того, что страна за несколько лет приняла до 2,5 млн. беженцев из Ирака и Ливана, не говоря уже о палестинцах, которые хотя и инкорпорировались в экономику, но все-таки оказывают давление на местный рынок труда. При этом практически никто в мире не предлагает Сирии помощь в размещении беженцев, в их обустройстве или в каком-то облегчении их положения. Это только рождает новые вызовы, поскольку усиливает в стране жилищный кризис, нагнетает напряженность с энерго- и водообеспечением, запредельно повышает уровень урбанизации и создает тяжелые ситуации на продовольственном фронте.

Очевидно, что режим столкнулся с серьезными внутриполитическими трудностями в крайне неблагоприятной экономической обстановке, которая, тем не менее, так или иначе нивелировалась изощренными действиями в рамках антикризисной программы. Балансирование на грани фола и без того являет собой трудную проблему, но политические проблемы способны только обострить положение дел и сорвать работу тонких механизмов, позволяющих поддерживать хрупкое экономическое равновесие. Пока трудно сказать, как именно правящему режиму удастся выйти из жесточайшего политического кризиса, но судьбы его зависят не только от маневренности власти, способности мобилизовать внутреннюю поддержку или умелого сочетания политики силы и убеждения. Существует и крайне подвижный внешний фактор, который не определяется волей политического руководства Сирии, подчиняется другим законам и обусловлен борьбой интересов крупных мировых держав на сирийском и ближневосточном направлении. Этот фактор выступает как очень влиятельный, его динамика малопредсказуема и тем опасна для Сирии, которая не желает повторения иракского или ливийского опыта на своей территории.

Б. В. Долгов

Кризис в Сирии: внутренние и внешние факторы

Сирия пополнила собой список арабских стран, события в которых в первые месяцы 2011 г. стали называть «арабской весной» или «арабскими революциями». Вместе с тем каждая из этих «революций» имеет свою специфику, глубинные причины, внутренние и внешние факторы. Что касается Сирии, то ситуация здесь во многом отличается от того, что происходило в других, затронутых «арабской весной» странах, как, например, Тунис и Египет. В Сирии протестные выступления с требованием улучшения условий жизни и демократических реформ начались в марте 2011 г. в г. Дараа, расположенном на границе с Иорданией и Израилем. Вскоре они рапространились на другие города Сирии и стали перерастать в столкновения с силами правопорядка и призывам к свержению правящего режима. Башар Асад, избранный президентом Сирии в 2000 г. после смерти своего отца Хафеза Асада, объявил о предстоящем проведении реформ в социально-экономической и политической сфере, в том числе о предоставлении большей свободы политическим партиям, а также снятии запрета с сирийского движения «Братья-мусульмане». 29 марта 2011 г. в Дамаске и в ряде других крупных городов Сирии, таких как Алеппо, Латакия, Хомс, Хама, прошли многотысячные митинги и демонстрации в поддержку президента Башара Асада. Однако антиправительственные манифестации и столкновения с силами правопорядка продолжались и принимали все более ожесточенный характер. Акции протеста имели место в ряде городов Сирии, в основном пограничных с Иорданией, Ливаном, Турцией. Наиболее драматические события произошли в г. Джиср аш-Шугур (50 тыс. жителей), на границе с Турцией, где погибли около 120 сотрудников службы безопасности и полиции. Оппозиционные режиму силы заявляли, что эти сотрудники, якобы отказавшиеся «стрелять в народ», были расстреляны сирийской армией. Официальные власти обвинили в их гибели «вооруженных боевиков-террористов, проникших в Сирию из-за рубежа», и направили в Джиср аш-Шугур армейские подразделения, которые вошли в город после перестрелки с боевиками, часть которых отошла в горные районы. Боевые действия вызвали массовый (около 10 тыс.) исход жителей Джиср аш-Шугур в соседнюю Турцию, где для них были созданы специальные лагеря беженцев. Необходимо отметить, что значительная часть этих беженцев вскоре возвратилась в Джиср аш-Шугур. Франция, Англия, США осудили действия сирийского руководства, охарактеризовав их как «подавление требований демократических реформ». Франция выступила с инициативой проекта резолюции СБ ООН по введению против Сирии санкций, аналогичных принятым против Ливии. Однако Россия и Китай не поддержали резолюцию, заявив, что наложат на нее вето.

Автору этих строк довелось посетить Сирию с 20 по 24 августа 2011 г. в составе российской делегации и увидеть представленные сирийской стороной фотографии погибших в Джиср аш-Шугур сотрудников правоохранительных структур, причем многие тела были четвертованы и сожжены. Необходимо отметить, что в Дамаске во время нашего пребывания обстановка была вполне мирной, не было заметно никаких признаков дестабилизации: ни демонстраций протеста, ни усиленных нарядов полиции, ни блокпостов, ни усиленной охраны государственных учреждений. Поскольку был период Рамадана, вечером кафе и рестораны заполнялись людьми, магазины были открыты далеко за полночь, на улицах было много гуляющих, в том числе семьями с большим количеством детей. Дважды за период нашего пребывания в Дамаске проходили проправительственные демонстрации, состоявшие в основном из молодых людей — юношей и девушек, которые скандировали лозунги в поддержку президента Башара Асада. В то же время в провинции ситуация, по словам очевидцев, оставалась довольно нестабильной. По рассказам очевидцев, на горной дороге, примерно в ста километрах от Дамаска, несколько десятков вооруженных холодным оружием и дубинками людей нападали на проезжавшие автомобили, вытаскивали из них и избивали пассажиров, если видели на ветровых стеклах портреты президента Б. Асада или какие-либо символы в поддержку государственной власти.

В ходе визита мы посетили г. Хаму (250 км от Дамаска, 1 млн. 416 тыс. жителей, 4-й по величине город в Сирии), который в течение десяти дней — с 31июля до 10 августа — находился в руках вооруженных боевиков. При подъезде к Хаме мы проехали несколько блокпостов, расположенных по обочинам дороги, и видели несколько военных грузовиков с солдатами. В городе не было заметно каких-либо признаков вооруженного противостояния, текла обычная будничная жизнь. Тем не менее на перекрестках некоторых улиц также были оборудованы блокпосты, охраняемые солдатами. В то же время на улице, прилегающей к зданию городской администрации, где проходила наша встреча с губернатором провинции Хама, группа людей из 10–15 человек при выходе нашей делегации пыталась устроить протестный митинг, выкрикивая антиправительственные лозунги. Несколько полицейских, находившихся поблизости, не предпринимали против

них никаких силовых действий, и мы смогли поговорить с несколькими протестующими. По словам одного из них, армия в ночное время патрулирует улицы и разгоняет людей, собирающихся в группы, во время такого разгона солдатами был убит его родственник. Другая протестующая заявляла, что необходимо добиться «ухода от власти президента Асада и тогда в Сирии восторжествует демократия». В Хаме нам показали разгромленные здания офицерского клуба, прокуратуры и полицейского изолятора временного содержания заключенных. Здания выгорели изнутри и в них еще чувствовался запах гари. По словам двух очевидцев, проникшие в город боевики собирали группы из части маргинализированной безработной молодежи, хулиганствующих и криминальных элементов, раздавали им деньги, алкогольные напитки, холодное и огнестрельное оружие и бутылки с зажигательной смесью. Такая группа примерно из ста человек разгромила здание прокуратуры. Причем ими было подожжено бутылками с зажигательной смесью помещение, где находилась охрана, в результате чего часть охранников сгорела заживо, а часть была убита холодным оружием. Затем был сожжен архив прокуратуры, захвачено оружие охраны и наркотики, хранившиеся в прокуратуре в качестве вещественных доказательств. Были зверски убиты многие захваченные во время погромов работники правоохранительных органов, а также солдаты и офицеры сирийской армии, причем некоторые из них погибли вместе с семьями. В день нашего посещения Хамы в г. Хомсе (1 млн. 500 тыс. жителей, 3-й по величине город), расположенном в 100 км от Хамы, по сообщению сирийской газеты «Аль-Баас», террористами из проезжавшей автомашины был обстрелян полицейский пост, в результате чего погибли двое полицейских. Причем это произошло вблизи здания городской администрации в то время, как из него выходила делегация наблюдателей ООН, находившаяся в Сирии одновременно с нашей делегацией. Необходимо отметить, что города Хомс и Хама известны как район действий сирийских «Братьев-мусульман». В 1980 гг. «Братья-мусульмане» пытались поднять антиправительственный мятеж в этих городах. Так, например, в 1982 гг. Хама стал центром антиправительственных выступлений «Братьев-мусульман», в ходе которых исламистские боевики громили административные здания, совершали убийства представителей власти, общественно-политических деятелей, представителей интеллигенции леводемократических взглядов, а также советских специалистов, как военных, так и гражданских, работавших тогда в Сирии. Эти выступления в тот период были жестко подавлены армией.

Во время встреч и бесед мы могли видеть фотографии и документальные видеосъемки, подтверждающие террористическую деятельность антиправительственных вооруженных группировок. А именно: сцены казни захваченных боевиками полицейских и военнослужащих, их изуродованные холодным оружием тела, убитых мирных жителей, захваченных боевиками в качестве заложников, сожженные автомашины скорой помощи, рейсовые автобусы, разгромленные административные здания, а также захваченное у боевиков оружие, в том числе автоматы, винтовки, ручные противотанковые гранатометы, бутылки с зажигательной смесью, ручные пулеметы, автомашины-джипы, в том числе с номерными знаками государств Персидского залива. По различным источникам, с марта 2011 г. по начало августа 2011 г. погибло более 2000 участников антиправительственных акций и более 500 военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов.

В Дамаске мы посетили военный госпиталь, куда с начала волнений в Сирии в марте 2011 г. поступило около 400 раненых военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов. Примечательно, что большинство из них получили ранения от огнестрельного оружия в участки тела, не защищенные бронежилетом, т. е. речь идет о «работе» профессиональных снайперов. По словам наших сирийских собеседников, схема разжигания радикальной оппозицией конфликтной ситуации примерно такова: в ряды демонстрантов, выступающих с социально-экономическими или политическими требованиями, внедряются провокаторы с оружием, в то же время снайперы-провокаторы занимают позицию на крышах зданий, прилегающих к месту проведения демонстрации. При приближении демонстрантов к полицейскому кордону снайперы начинают стрелять как в полицейских, чтобы спровоцировать их ответный огонь по демонстрантам, так и по демонстрантам, чтобы находящиеся поблизости провокаторы-«очевидцы» смогли заснять погибших демонстрантов на камеры мобильных телефонов и затем переслать фотографии в иностранные СМИ. Необходимо отметить также, что практически все города, где происходили антиправительственные выступления, расположены вблизи границы — г. Дараа на границе с Израилем и с Иорданией, г. Джиср аш-Шугур менее чем в 20 км от Турции, г. Хомс — в 30 км и г. Хама — менее чем в 80 км от ливанской границы, г. Дейр эз-Зор — менее чем в 100 км от границы с Ираком.

Сирийская оппозиция, центры которой находятся в основном за пределами Сирии (в Турции, Ливане, Иордании), используя недовольство части населения, провоцирует антиправительственные выступления в данных приграничных районах. Силы, оппозиционные правящему сирийскому режиму, условно можно разделить на две категории: первая — либерально-демократическая оппозиция, стремящаяся к проведению демократических реформ, развитию многопартийности, свободы слова, устранению всевластия спецслужб и монополии алавитского клана Асадов на власть. Она представлена в основном частью либерально настроенной сирийской ин-

теллигенции (в большинстве своем проживающей на Западе, ориентированной на сближение с США и ЕС), некоторыми бывшими членами сирийского руководства, не согласными с политическим курсом Башара Асада и эмигрировавшими за пределы Сирии, представителями «Братьев-мусульман» и курдскими сепаратистами, программным требованием которых, озвученном во время визита делегации сирийской оппозиции в Москву 26 июня 2011 г., является «получение таких же прав, которые имеет курдская община в Ираке». Вторая — радикальная оппозиция, главной целью которой является отстранение от власти нынешней правящей группировки любым способом, в том числе вооруженным путем. При этом, судя по экстремистскому и террористическому характеру их действий (канал «Аль-Джазира» транслировал кадры с манифестантами, в руках у которых можно было видеть плакат с надписью на арабском языке «Мы хотим казни Асада»), у данной категории оппозиции отсутствует какая-либо программа дальнейших демократических реформ кроме лозунга свержения режима. В эту категорию входят боевики, по большей части исламистские, в том числе наемники из арабских стран и, по сообщениям сирийских официальных источников, из Афганистана.

В августе 2011 г. сирийской оппозицией было объявлено о сформировании в Турции (в Стамбуле) Сирийского национального совета (СНС), в который, по различным данным, вошли 140 представителей от внутрисирийской и зарубежной оппозиции (причем опубликованы фамилии только 70 из них). Как заявила в Стамбуле Басма Кадмани, одна из представителей сирийской оппозиции, СНС «является своего рода национальной ассамблеей, которая будет исполнительным органом и в то же время органом, осуществляющим контакты с иностранными правительствами». Финансирование сирийской оппозиции осуществляется из различных источников. Глава посетившей Москву делегации сирийской оппозиции Радван Зияде, являющийся основателем Дамасского исследовательского центра по правам человека, базирующегося в США, заявлял, что оппозиция получает добровольные пожертвования от частных лиц из Сирии. Тем не менее сирийские источники, ссылаясь на независимое исследование британского автора, появившееся в Интернете, утверждали, что сирийская зарубежная оппозиция, включая вышеуказанный центр, а также оппозиционный телеканал «Барада», транслирующийся из Лондона, движение «Справедливость и строительство» («Аль-Адаля ва ль-бинаа»), ассоциация «Защита демократии» («Ад-дифаа ан ад-димукратыйа») и ряд других финансируются различными американскими фондами и израильской разведкой. При этом автор исследования приводил конкретные имена, суммы денег и места их получения представителями сирийской оппозиции. Сирийские журналисты в беседах называли источниками финансирования, в том числе вооруженной сирийской оппозиции, также государства Персидского залива. Утверждалось, что оружие, деньги, а также группы вооруженных боевиков переправляются в Сирию через достаточно протяженную (свыше 700 км) и поэтому недостаточно охраняемую иракскую границу. Часть оружия и боевиков переправляется из Ливана с помощью правых ливанских партий, враждебно настроенных к Сирии. Необходимо признать также, что против Сирии ведется открытая информационная война. Многократно повторяемый показ телеканалами «Аль-Джазира», «Аль-Арабийа», «Евроньюс», CNN кадров (как правило, сделанных камерами с мобильных телефонов, где невозможно определить место происходящих событий) с изображением массовых антиправительственных демонстраций, их подавления, пострадавших демонстрантов, передвижением по улицам городов бронетехники создает впечатление, что вся Сирия охвачена антиправительственными демонстрациями, которые жестоко подавляются войсками, что не соответствует действительности. Причем ни один из этих телеканалов ни разу не предоставил свой эфир правительственным сирийским СМИ. За все время нашего пребывания в Сирии мы не видели ни одной массовой антиправительственной демонстрации (за исключением одной группы из 10–15 человек в Хаме), ни одного раненого на улице демонстранта, ни одной единицы бронетехники. О своей поддержке Сирии и о ведущейся против нее информационной войне заявляли члены иностранных делегаций, которые, наряду с нашей, находились в это время в Сирии. В их составе были такие известные государственно-политические деятели, как бывший посол США в Сирии, заместитель спикера парламента Ливана, представитель ливанской партии «Национальное движение», возглавляемой генералом Ауном, журналисты из Франции, Испании, Иордании, Ливана, Турции, Венгрии. Свою солидарность с руководством Сирии выразил президент Ирака Джалаль Талабани в своем послании, которое передал президенту Сирии министр национальной безопасности Ирака, находившийся в это время с официальным визитом в Дамаске, президент Ирана М. Ахмадинежад также в своем послании подтвердил свою поддержку Башару Асаду. Как курьез, подтверждающий информационную войну, ведущуюся против Сирии, можно привести не соответствующее действительности сообщение CNN, появившееся в день нашего посещения Хамы, о том, что на нашу делегацию здесь совершено нападение, в результате чего двое наших коллег было ранено.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что Сирия, будучи союзником Ирана, который соответственно рассматривается США и Израилем в качестве враждебного государства, и поддерживая палестинские группировки, противостоящие Израилю, является достаточно активным участником глобальной политики. Соответственно, имеются внешние силы,

которые пытаются влиять на внутрисирийский кризис для достижения своих целей. В связи с этим можно вспомнить неоднократные обвинения Сирии в поддержке международного терроризма, в частности ливанского шиитского движения «Хезболла» и палестинского ХАМАС, звучавших со стороны руководства США (как предыдущего, так и нынешнего). Аналогичные обвинения звучат в адрес Сирии со стороны Израиля. При этом необходимо отметить, что Сирия является практически единственной из всех противостоявших Израилю арабских стран, которая не заключила с ним мирного договора (Египет и Иордания заключили таковой соответственно в 1979 г. и в 1994 г.), хотя переговоры по этому вопросу между Сирией и Израилем велись уже давно. Оккупация Израилем с 1967 г. части сирийской территории (Голанские высоты), не признанной ООН и мировым сообществом, является еще одной болевой точкой, создающей напряженность в отношениях между Сирией и Израилем. В июне 2011 г. колонна сирийских граждан, протестовавших против оккупации Израилем Голанских высот, пыталась пройти на эту территорию и была обстреляна израильскими пограничниками, в результате чего погибло более 20 участников демонстрации. В то же время суннитская Турция соперничает за лидерство в данном регионе с шиитским Ираном. Поэтому ослабление Сирии, имеющей давние, со времен ирано-иракской войны, союзнические связи с Ираном, в том числе на конфессиональной основе (правящий режим в Сирии состоит в основном из представителей алавитской общины, одного из направлений шиизма), соответствует турецким интересам. В то же время правящая партия и руководство Турции, представленное умеренными исламистами (премьер-министр и президент Турции — выходцы из ассоциации «Братьев-мусульман»), в какой-то мере симпатизируют сирийским «Братьям-мусульманам», находящимся в оппозиции правящему режиму в Сирии. Наряду с этим, в Турции, провозглашающей себя великой державой, не забывают, что Сирия на протяжении 400 лет (с XVI века до конца Первой мировой войны) входила в состав Османской империи. Со своей стороны, правые партии Ливана, и прежде всего Движение 14 марта, возглавляемое Саадом Харири, обвиняющие Сирию в причастности к убийству в 2005 г. премьер-министра Ливана Рафика Харири (отца Саада Харири) и не желающие возвращения сирийского влияния в Ливан, также настроены против нынешнего сирийского режима. Напротив, блок ливанских партий и движений, и прежде всего «Хезболла», противостоявших израильскому вторжению на юг Ливана в 2006 г., поддерживают руководство Сирии, оказывавшее им существенную помощь в отражении израильской военной акции. Что касается отношений между Сирией и Иорданией, то, несмотря на то, что обе страны находились в «одном окопе» во время всех арабо-израильских войн, тем не менее, ввод в 1970 г. сирийских войск на территорию Иордании для поддержки базировавшихся там палестинских военизированных организаций, которых иорданский король Хусейн решил выдворить из Иордании, так как они, по мнению тогдашнего иорданского руководства стали угрожать суверенитету страны и королевской власти, создавали напряженность в отношениях двух стран. В настоящее время эта напряженность между Сирией и Иорданией, имеющей приоритетные отношения с США (американское посольство в Аммане является самым большим на Ближнем Востоке, откуда США осуществляют мониторинг региона), в достаточной степени сохраняется.

В то же время необходимо признать, что в Сирии существуют социально-экономические и политические проблемы. После проведенных руководством Сирии рыночных экономических реформ в сирийском обществе углубляется расслоение. С одной стороны, появляются нувориши, с другой стороны, увеличивается число неимущих. В Дамаске и Хаме можно видеть бедные кварталы наряду с великолепно обустроенными районами, где проживает государственно-политическая и бизнесэлита. Существует недовольство правящим режимом у части населения. В частности, определенные группы интеллигенции, в том числе творческой, выступают против авторитарного, с их точки зрения, характера власти, как, например, сосредоточение всей полноты власти в руках президента. Причем он, являясь председателем правящей Партии арабского социалистического возрождени (ПАСВ), не избирается на всеобщих выборах, а становится президентом по результатам всенародного референдума, на который ПАСВ выставляет кандидатуру будущего президента, срок мандата которого составляет 7 лет, и число мандатов не ограничивается. Нынешний президент Башар Асад получил свой второй мандат в 2007 г. Несмотря на то, что в Сирии формально существует многопартийная система и в сирийском парламенте представлены семь политических партий, тем не менее, согласно конституции, ПАСВ является правящей, и все другие партии должны поддерживать ее политический курс. В то же время среди причин протестных выступлений в Сирии социально-экономический аспект, так же как и в Ливии, не является основным. На первое место здесь можно поставить недовольство всевластием алавитского семейства Асадов, стоящих у власти в Сирии более 40 лет, и, соответственно, протекционизмом и коррупцией во властной верхушке (уровень которых все же меньше, чем он был в Тунисе и Египте при прежних режимах), отсутствием реальных демократических свобод. В то же время правящая в Сирии ПАСВ, доктрина которой представляла собой синтез арабского национализма, ислама и элементов социализма, уделяла достаточное внимание решению социально-экономических проблем. В Сирии было введено бесплатное медицинское обслуживание, бесплатное образование, относительно низкие цены на продук-

ты питания, достигнут приемлемый уровень жизни для большей части населения. Показателем того, что значительная часть сирийских граждан выступает за сохранение существующего режима, стали прошедшие в конце марта и в июне 2011 г. в различных городах, в том числе в Дамаске, многочисленные митинги в поддержку Башара Асада, собравшие десятки тысяч человек. Социально-экономическая ситуация в Сирии отличается в лучшую сторону по сравнению с Тунисом и Египтом, где имел место системный кризис. По данным МВФ, на 2010 г. ВВП на душу населения в Сирии составляет 4800 долл., прирост ВВП — 2,3%. Уровень безработицы хотя достаточно высок — 20%, а среди молодежи — до 30%, но он ниже, чем в Тунисе и Египте, где безработица среди молодых людей до 30 лет достигала 50%. В Сирии к тому же гораздо ниже, чем в Тунисе и, особенно, в Египте, процент безработных дипломированных специалистов. Достаточно высок образовательный уровень сирийского общества — процент грамотных среди лиц старше 15 лет достигает 86% (для мужчин) и 73,6% (для женщин). Продолжительность жизни составляет 70 лет. Инфляция колеблется в пределах 2%. Поэтому ситуацию в Сирии нельзя определить как внутренний социально-экономический и политический кризис. Тем не менее, необходимо признать, что положение, при котором одна политическая или этноконфессиональная группировка стоит у власти десятки лет и пользуется всеми властными привилегиями, естественно, способствует развитию коррупции и непотизма, а также отрыву и неспособности власть имущих видеть насущные интересы общества и вовремя решать назревающие проблемы. Наряду с этим, несмотря на имеющиеся в Сирии внутренние проблемы, основным фактором, дестабилизирующим обстановку в стране, на наш взгляд, является внешний. Значительная часть населения поддерживает руководство Сирии и его политический курс. Предложенный сирийским президентом национальный диалог, в котором могут участвовать различные политические силы, представляется достаточно позитивным шагом. В июле-августе 2011 г. сирийским руководством были приняты важные законы, а именно: закон о политических партиях, о всеобщих выборах, о средствах массовой информации, о местном самоуправлении, отменен также режим чрезвычайного положения. Предполагается внесение изменений в действующую конституцию, продолжается дискуссия об изменении статьи конституции, провозглашающей руководящую роль правящей ПАСВ. Таким образом, практически выполнены все основные требования конструктивной оппозиции. Однако радикальные оппозиционеры отвергают любые предложения, направленные на нахождение национального консенсуса, и призывают к свержению режима. Президент Сирии в своем интервью сирийскому телевидению 22 августа 2011 г. предложил программу выхода страны из кризиса, меры по дальнейшему экономическому развитию, воплощению в жизнь принятых законов, расширению национального диалога, углублению демократизации с учетом интересов всех сирийских граждан, в том числе курдов, назвав курдскую общину в Сирии «частью сирийской арабской общественной ткани». Курды составляют 9% от 20-миллионного населения Сирии, и часть из них не имеет сирийского гражданства. Поэтому отношения с курдской общиной являются достаточно важным элементом внутренней политики сирийского руководства.

Ситуация вокруг Сирии остается сложной. Исход противостояния сирийской правящей группировки, пользующейся поддержкой значительной части общества, с радикальной оппозицией, в значительной степени поддерживаемой извне, во многом зависит от лояльности армии и правоохранительных структур правящему режиму, а также позиции стран — постоянных членов СБ ООН, и в частности России. Наихудшим вариантом дальнейшего развития событий может быть принятие резолюции, осуждающей Сирию, и, соответственно, реализация «ливийского сценария» в Сирии.

Что касается политики ведущих западных держав в отношении Сирии и арабского мира в целом, то ее можно определить как продолжение доктрины Дж. Буша по «демократизации» Большого Ближнего Востока. Тем не менее, ее никак нельзя назвать конструктивной и логически обоснованной. Некоторые израильские специалисты по арабскому миру называют эту политику «абсурдной и основанной на иллюзиях». Ее первым результатом стало крушение режимов в Тунисе и в Египте, которые являлись верными союзниками Запада и проводниками его политики на Ближнем Востоке. Мубараковский Египет к тому же являлся гарантом безопасности Израиля. Шестимесячная военная акция НАТО против Ливии привела к падению режима Муаммара Каддафи, хотя сопротивление его сторонников скорее всего продлится достаточно долго. Причем на последнем этапе в «битве за Ливию» (взятие повстанцами ливийской столицы г. Триполи), по сообщениям различных СМИ, на стороне «повстанцев» наряду с продолжающимися ракетно-бомбовыми ударами авиации НАТО непосредственно участвовали спецподразделения ЦРУ США (SOG), Англии (САС), Франции (2-й парашютно-десантный полк), Италии (подразделение боевых пловцов), а также спецназы из Саудовской Аравии, Катара и Египта. В общей сложности до 1,5 тыс. военнослужащих. Причем сама цель удара всей этой мощной военной машины и свержение режима Каддафи представляется достаточно эфемерной и размытой. Режим Каддафи имел вполне стабильные экономические и политические отношения с ведущими странами Запада. За несколько месяцев до начала военной операции против Ливии М. Каддафи с распростертыми объятиями встречали Н. Саркози, Д. Кэмерон и С. Берлускони. Причем, по сообщениям журналис-

тов, получившим доступ к захваченным повстанцами документам спецслужб Каддафи, эти спецслужбы активно сотрудничали с ЦРУ и МИ-6 в борьбе с исламистстким терроризмом и даже осуществляли совместные с сотрудниками ЦРУ допросы ливийских граждан, подозреваемых в терроризме. Целью свержения режима Каддафи, если отставить в сторону прикрывавшую военную акцию НАТО демократическую риторику, скорее всего может являться стремление ведущих западных стран получить доступ к нефтяным ресурсам Ливии, как известно являющимся одними из самых крупных в арабском мире, а также доступ к многомиллионным ливийским авуарам, счетам в иностранных банках и недвижимости. Вероятно, не последнюю роль в решении о военном вмешательстве в Ливии сыграло обострение отношений между руководством Ливии и Франции (Сейф аль-Ислам, сын М. Каддафи, в телеинтервью публично оскорбил Н. Саркози и потребовал возвратить 50 млн. евро, якобы полученных Саркози от семьи Каддафи на ведение его предвыборной кампании с тем, чтобы Саркози, став президентом Франции, проводил выгодную для руководства Ливии политику. Причем находившиеся в составе международной делегации в Сирии французские журналисты, называвшие себя «антисаркозистами», в беседе с автором этих строк подтверждали обвинения в адрес Саркози и заявляли, что одной из целей военной акции против Ливии, главным инициатором которой являлся Саркози, было устранение клана Каддафи как потенциального кредитора). В то же время очевидно, что политика Запада, направленная фактически на дестабилизацию арабского мира, создание здесь постоянного хаоса и внутреннего противоборства, в какой-то степени может быть выгодна странам Запада в плане облегчения им доступа к арабским нефтегазовым ресурсам и Израилю — в плане устранения потенциальных военных противников (Ирак и, возможно, Сирия, которая поддерживала «Хезболлу» во время израильского вторжения в Ливан в 2006 г. и поддерживает палестинские антиизраильские группировки), тем не менее, ведет к усилению радикального исламизма. Так, по сообщениям английских СМИ, главой Военного совета г. Триполи в вооруженных формированиях ливийских повстанцев является Абдель Хаким Бель Хадж — бывший «национальный эмир» Вооруженных исламских ливийских групп. Эта ливийская радикальная исламистская группировка, сотрудничавшая в 1990 гг. с алжирскими исламистскими экстремистами из Вооруженных исламских групп (ВИГ) и Салафитской группы для проповеди и борьбы (СГПБ), осуществляла террористические акции в Ливии в 1990 гг. и была связана с «Аль-Каидой». Известно также, что в ливийских тюрьмах содержались до 600 исламистких боевиков, осужденных за терроризм. В настоящее время, по сообщениям из Ливии, все заключенные освобождены. Если учесть, что после падения режима Каддафи в Ливии находится большое количество бесхозного оружия, в том числе ракеты класса «земля-воздух», то нетрудно предположить, что, по крайней мере, часть этого оружия может попасть в руки исламистов. Предотвратить такую опасность призвала госсекретарь США Х. Клинтон в своем обращении к ливийскому Национальному переходному совету (НПС), заявив, что НПС должен «обеспечить контроль над складами оружия в Ливии и усилить борьбу с экстремизмом». Недавняя новейшая история уже знает примеры попытки использования странами Запада радикальных исламистов для достижения своих стратегических целей — поддержка боевиков Бен Ладена в их «джихаде» против афганского просоветского режима в Афганистане. Для США такая поддержка исламского радикализма обернулась терактами 11 сентября 2001 г. Очевидно, что доступ к ливийским арсеналам исламистов может привести к активизации террористической деятельности их радикальных группировок, причем не только на Ближнем Востоке и в Израиле, но и против США и стран ЕС.

Вторым результатом политики «демократизации» Большого Ближнего Востока для стран Запада стало увеличивающееся число иммигрантов, в том числе нелегальных, из стран, затронутых «арабской весной». Причем весьма вероятно, что в числе нелегалов окажутся бывшие заключенные (в том числе реальные преступники), освобожденные из тюрем революционной властью. После крушения ливийского и, если предположить такой вариант, сирийского режимов это число естественным образом будет увеличиваться, так как любая революция несет с собой, по крайней мере на первых порах, политическую нестабильность, экономический спад и снижение уровня жизни. Проблемы, которые принесет с собой эта новая волна иммигрантов, придется решать странам ЕС.

В случае гипотетического падения правящего режима в Сирии здесь, весьма вероятно, будет наблюдаться ситуация, аналогичная ливийской, так как в Сирии так же достаточно велик арсенал оружия, которое так же, как и в Ливии, может попасть в руки исламистов. При таком исходе в Сирии также возможна активизация исламистского экстремизма. Причем она может быть направлена в том числе и против России. Еще одним результатом возможного крушения нынешнего сирийского режима станет потеря Россией своего, пожалуй, единственного союзника на Ближнем Востоке вместе с военно-морской базой в Тартусе и выдавливание отсюда российского бизнеса, как это происходит в Ираке и, весьма вероятно, произойдет в Ливии. Возможно, в настоящее время политика в отношении Сирии не является приоритетной для России. Однако внешняя политика великой державы, каковой Россия является (хотя бы по размерам ее территории, обладанию ядерным оружием и постоянным членством в СБ ООН), должна базироваться на долго-

срочных интересах. Сирия, занимая стратегически важное положение в регионе и являясь потенциальным проводником экономических и военно-политических интересов России на Ближнем и Среднем Востоке и в бассейне Средиземноморья, должна занимать достаточно важное место в российской внешней политике. В этой связи совершенно очевидно, что современная российская политика в отношении Сирии, как и всего ближневосточного региона, должна быть очень взвешенной и учитывать все возможные последствия. Необходимо отметить также, что против инициаторов поддержки «демократизации» в Сирии и Ливии звучат обвинения в их странах (во Франции Н. Саркози обвиняется в получении крупных сумм на свою предвыборную кампанию от Лилиан Бетанкур, владелицы фирмы «Л'ореаль», и в попытке давления на журналистов газеты «Монд», расследовавших этот скандал; в Англии Д. Кэмерон обвиняется в том, что его ближайший советник был замешан в скандале с прослушиванием телефонных разговоров; в США Б. Обама обвиняется американским Сенатом в неправомерном расходовании средств на ведение военной акции в Ливии), что серьезно снижает их шансы в предстоящих в 2012 г. президентских выборах во Франции и в США. Вполне вероятно, что новые руководители, избранные в этих странах, подвергнут пересмотру и переоценке политику нынешних лидеров и ее результаты, в том числе и в отношении арабских революций.

А. А. Блинов

Интернет в арабском мире

«Мы творим мир, в который могут войти все без привилегий и дискриминации, независимо от цвета кожи, экономической или военной мощи и места рождения. Мы творим мир, где кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его или ее принудят к молчанию или согласию с мнением большинства».

Возможно, эти строчки из «Декларации независимости киберпространства», опубликованной Джоном Перри Барлоу[1] в 1996 г., правдивы для большинства стран, однако ситуация в арабском мире заставляет нас по-новому взглянуть на этот девиз интернет-движения.

1. Роль Интернета в революциях в Тунисе и Египте

Массовые народные волнения, прокатившиеся по целому ряду арабских стран в последнее время и вылившиеся сразу в две революции в Тунисе и Египте в конце 2011 — начале 2011 г., возникли совершенно спонтанно под воздействием многих факторов, однако современные возможности Интернета сыграли в этих восстаниях далеко не последнюю, а можно сказать, и определяющую роль. Американское издание Foreign Policy даже поспешило окрестить события в Тунисе «WikiLeaks-революцией», хотя позже она получила официальное название «жасминовая революция».

Дело в том, что именно сайт WikiLeaks[2] и его материалы стали катализатором настоящей революционной ситуации в Тунисе, вызвав бурное недовольство народа. Депеши американских дипломатов, опубликованные сайтом, высветили детали чудовищной коррупции в стране. Согласно этим документам, в результате злоупотребления своим служебным положением многолетнего лидера Туниса Зина аль-Абидина бен Али власть в стране сосредоточилась в руках узкого круга элиты, которая превратилась в мафиозный клан. Семья и приближенные президента вели шикарный образ жизни, и все эти сказочные богатства выставлялись напоказ народу, жизнь которого не отличалась особым изобилием. Население не скрывало своего негодования.

Несмотря на то, что власти закрыли доступ к порталу WikiLeaks, информация все равно просачивалась через социальные сети[3]. Акции протеста также организовывались через сервисы Twitter[4] и Facebook[5]. Кроме того, молодые демонстранты закачивали видео с акций на YouTube[6] при помощи различных ухищрений, хотя доступ к этому сайту был запрещен в стране еще в 2007 г. Притеснения свободы слова в Интернете отражались и в слоганах, звучавших на улицах.

Кроме того, благодаря социальным сетям в Тунисе широко муссировалась история о молодом выпускнике университета из городка Сиди Бузид, который смог трудоустроиться только продавцом на рынке, а когда ему запретили работать и там, он вышел на центральную площадь 17 декабря 2010 г. и совершил самосожжение. Узнав об этом из Интернета, тысячи таких же безработных молодых людей с высшим образованием вышли на улицы Сиди Бузид, чтобы принять участие в акции протеста против существующего режима. Государственные СМИ старались всячески замалчивать информацию о происходящем в городе, однако она моментально разлетелась по социальным сетям и блогам[7]. Это вызвало широкий резонанс в обществе и стало формальным поводом к восстанию, в результате которого президент Бен Али бежал из страны 15 января 2011 г.

Во время переворота в Тунисе власти вели активную борьбу с интернет-движением. По возможности закрыв доступ извне к внутренним новостям, правительство перешло к следующему этапу, по итогам которого известные тунисские деятели и представители оппозиции обнаружили следы чистки их почтовых ящиков и учетных записей социальных сетей. Правительственные хакеры[8], используя перехваченные пароли, тщательно удаляли тексты и фотогра-

---

[1] Основатель и вице-председатель Фонда электронных рубежей — организации, посвященной исследованию социальных и правовых проблем киберпространства и защите свободы в Интернете. «Декларация независимости киберпространства», написанная Барлоу в ответ на попытку правительства США ввести цензуру в Интернете, является классикой интернетовского либертарианства.

[2] Международный социальный сетевой проект, целью которого является «неотслеживаемая публикация и анализ документов, ставших доступными вследствие утечки информации».

[3] Интерактивные сайты, направленные на построение сообществ в Интернете из людей со схожими интересами или деятельностью.

[4] Система, позволяющая пользователям отправлять короткие текстовые заметки (до 140 символов). Иногда Twitter называют «SMS от Интернета».

[5] Самая популярная в мире социальная сеть, обслуживающая более 600 миллионов активных пользователей.

[6] Самый популярный в мире сервис, предоставляющий услуги размещения видеоматериалов.

[7] Сайт, основное содержание которого — регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Людей, ведущих блог, называют блогерами.

[8] Злоумышленник, использующий обширные компьютерные знания для осуществления несанкционированных, иногда вредоносных действий в компьютере.

фии, имеющие отношение к происходящим в стране событиям. Одновременно с этим последовали аресты активных блогеров. По словам очевидцев, люди в штатском забирали их вместе с компьютерами якобы на пару часов в полицейский участок для допроса.

«Жасминовая революция» превратила весь арабский мир в очаг напряженности. Массовые манифестации с требованием перемен состоялись в Йемене, Иордании, Алжире и Мавритании. Чрезвычайно напряженная обстановка сложилась в Египте — центре арабского мира, наиболее влиятельной стране на Ближнем Востоке. 25 января 2011 г. там начались масштабные антипрезидентские демонстрации, организованные и координируемые посредством различных интернет-ресурсов — в частности, через системы Twitter и Facebook. Наученные горьким опытом Туниса, власти страны незамедлительно блокировали сначала Twitter, а спустя несколько часов — и Facebook, чтобы пресечь всякие попытки блогеров, которые являлись основными зачинщиками массовых акций неповиновения, собрать своих сторонников, назначить место сбора и т. д. Это произошло спустя три дня после начала волнений.

Следует отметить, что сервис Facebook является самой популярной социальной сетью в Египте и уже не раз использовался для организаций забастовок и митингов. Так, 6 апреля 2008 г. забастовка рабочих города Эль-Махалла-эль-Кубра получила беспрецедентную поддержку в сети Facebook и Интернете и превратилась во всеобщую акцию протеста на улицах Каира и других городов. Как пишет немецкий исследователь Карола Рихтер, «благодаря открытости и независимости группы Facebook все больше и больше людей получили возможность публично выразить свое недовольство тоталитарным режимом и экономической и политической ситуацией в Египте» [Richter, 2010, с. 20].

Хотя в дальнейшем попытки оппозиции использовать Facebook для объявления новых антиправительственных выступлений по большому счету провалились, он оставался главной площадкой для выражения несогласия с действиями властей в египетском Интернете вплоть до 28 января 2011 г., когда впервые в мировой истории правительству удалось отключить от Интернета почти 80 миллионов пользователей, заблокировав в общей сложности 459 местных и международных сайтов. Недоступность сайтов возрастала по ходу митингов, и чем яростнее становились уличные протесты, тем больше сайтов оказывались выключенными. Государство запретило крупнейшим интернет-провайдерам Египта (Link Egypt, Vodafone/Raya, Telecom Egypt и Etisalat Misr) предоставлять доступ в Интернет. Последним из них стал Noor Group, который отключил свои сети от Интернета 31 января 2011 г.

Тем не менее, при помощи различных хитроумных программ египтянам удавалось обходить даже блокировку сайтов. Так, американская компания Google ввела специально для населения Египта новую услугу, разработанную совместно с социальной сетью Twitter. Она не требовала подключения к Интернету и позволяла передавать сообщения пользователям «глобальной паутины» в других странах. Пользуясь этой услугой, египтяне могли позвонить на три телефонных номера и оставить сообщение на автоответчике, которое автоматически переводилось в печатный текст и помещалось в блоге Twitter.

2 февраля работа Интернета в Египте была частично восстановлена, однако его полноценное функционирование началось только на следующий день.

Революционные настроения в различных арабских странах нашли отклик в остальных частях мира. В стремлении помочь людям на Арабском Востоке международная компьютерная группа «Анонимы» осуществила ряд хакерских атак на государственные сайты в Тунисе, Египте, Йемене и т. д. В Тунисе от их действий пострадал официальный правительственный сайт, портал национальной фондовой биржи, а также ряд других ресурсов. До отключения Интернета в Египте «Анонимы» атаковали сайты правящей в стране Национально-демократической партии, министерства внутренних дел, министерства информации и т. д. Такой же участи не избежал официальный сайт президента Йемена Али Абдаллы Салеха.

Таким образом, невозможно переоценить роль Интернета в бурных политических событиях последнего времени в арабском мире.

2. История развития Интернета на Арабском Востоке. Религиозные и оппозиционные сайты

По данным сайта Internet World Stats за 2010 г., сегодня в арабском мире насчитывается более 60 миллионов пользователей Интернета, что составляет почти треть всего населения этого региона. За последнее десятилетие количество арабских интернет-пользователей выросло на 1,825%, что стало следствием огромного скачка в развитии данного вида коммуникаций. Тем не менее, в глобальном отношении эта доля все еще очень мала и не превышает 3%.

Благодаря быстрому распространению Интернета миллионы людей на Арабском Востоке и за его пределами получили возможность свободно выражать свое мнение. В силу разных причин многие из них были лишены подобного права: партии левого толка, исламисты и правозащитники не могли этого сделать по политическим мотивам, шииты и христиане в определенных странах боялись нарушить религиозные устои. Некоторым из них удалось максимально использовать все преимущества этого технологического новшества. Так, религиозные сайты, организованные мусульманами, лучше других приспособились к новым веяниям, постепенно стали пользоваться популярностью и быстро распространились по всему Интернету.

Впрочем, все эти группы, несмотря на разные цели и намерения, скоро осознали, что свобода в Интернете была всего лишь иллюзией. Правительства арабских стран быстро поняли, что вновь открывшиеся технологические возможности таят угрозу для их власти, и начали предпринимать определенные шаги для усиления контроля за Интернетом и его пользователями, применяя при этом старое проверенное средство — цензуру и аресты. В стремлении соответствовать последним веяниям времени госорганы начали использовать так называемые программы фильтрования сети, чтобы контролировать доступ на проблемные, с их точки зрения, ресурсы в Интернете. В некоторых арабских странах, например в Саудовской Аравии и Тунисе, монополия на предоставление интернет-услуг была отдана на откуп одной государственной компании в целях усиления надзора за информацией в сети.

Использование новых технологий для противодействия всеобъемлющему доступу в сеть власти чередовали с более традиционными, но не менее действенными способами воздействия на личность путем обвинений в клевете, подрыве репутации государства и нарушения нравственности. Некоторые арабские страны решали этот вопрос еще проще — просто закрывали доступ в Интернет, как это было сделано в Ираке. Саддам Хусейн тогда объяснил свое решение следующим образом: «Интернет — это орудие американской пропаганды».

Тем не менее, невзирая на столь активное вмешательство контролирующих органов, история Интернета на Арабском Востоке все еще сравнительно невелика по сравнению с другими странами мира. Тунис стал первым арабским государством, где граждане получили свободный доступ в Интернет. За ним последовали другие арабские страны, и к началу второй половины 1990 гг. Интернет был доступен уже во всем арабском мире, за исключением Саудовской Аравии и Ирака, которые ввели Интернет в пользование в 1999 г. и 2000 гг. соответственно.

Примечательно, что изначально руководство арабских стран не предполагало, что Интернет предоставит своим пользователям неограниченную степень свободы, поэтому поощряло его использование в государственных учреждениях и освобождало компьютерную продукцию от налогов, чтобы дать возможность большему количеству людей приобрести компьютер. Однако впоследствии оно изменило свою политику, осознав, что услугами Интернета мог пользоваться каждый, независимо от его положения в обществе, вероисповедания, расовой или половой принадлежности. Интернет предоставил равные возможности мужчинам и женщинам, госслужащим и борцам за права человека, что было непривычно для арабского общества.

Отдельно в контексте развития Интернета в арабском мире необходимо сказать о преобладании религиозных сайтов в виртуальном пространстве. Не секрет, что на сегодняшний день бóльшую часть арабских интернет-ресурсов составляют сайты об исламе и мусульманах. По некоторым данным, этой тематике посвящено до 65% всех сайтов в арабском Интернете. Конечно, подобные цифры слегка преувеличены, но факт остается фактом: распространение мусульманской религии во «всемирной паутине» очень важно для всего арабского мира.

Подобные сайты рассказывают пользователям об особенностях ислама и его преимуществах над другими религиями, их работа при этом имеет несомненный пропагандистский подтекст. Проблема заключается в том, что в исламе существует множество различных течений и ответвлений, и каждый сайт старается представить свое вúдение или интерпретацию ислама. На это указывает и доктор Евгения Сиапера в своей статье «Палестина в сети»: «По мере того как все больше мусульман выходят в Интернет, их публикации отражают расхождения в исламе и его толкованиях» [Siapera, 2010, с. 25].

Например, в 90 гг. прошлого века многочисленные исламистские сайты, созданные главным образом в странах Персидского залива, активно распространяли идеи радикального ислама и экстремизма. Во многом это было связано с более высоким уровнем жизни в этом регионе, что позволило местным жителям освоить и применить достижения технического прогресса и цифровой революции быстрее других арабских стран. Несмотря на то, что некоторые сайты пропагандировали нетерпимость к религиям, отличным от ислама, и даже — в редких случаях — к другим течениям ислама, государство закрывало глаза на их существование и позволяло работать дальше, так как, видимо, содержание подобных сайтов вполне устраивало власти.

Они практически никем не контролировались, и любой мог выступить в роли авторитетного эксперта от лица религии. Подобные экстремистские сайты зачастую представляли ислам как «чистую и высоконравственную религию, которая подвергается постоянным нападкам со стороны порочного и аморального Запада и его символов — Израиля и США» [Weitzman, 2007, с. 4].

Тем не менее, это явление стало постепенно сходить на нет по мере того, как количество арабских интернет-пользователей и сайтов неуклонно росло. Многие некогда радикальные и нетерпимые религиозные сайты сменили тон и стали более сдержанными, особенно после террористических актов 11 сентября 2001 г., когда США и арабские страны начали более тщательно следить за сайтами, посвященными исламу. Это такие ресурсы, как www.alsaha.com, www.swalif.net, www.islamdor.com, www.muslm.net и ряд других.

Помимо распространения идей ислама на своих страницах, Интернет способствовал привлечению бóльшего внимания к оппозиционным силам в арабских странах. Сегодня власть в арабских странах жестко контролирует все средства массовой инфор-

мации, стремясь не допустить появления новостей, статей или комментариев, выражающих критику существующей формы правления или любые формы инакомыслия. Если же подобные материалы все же просачиваются в прессу, то для журналистов и поборников демократических свобод это заканчивается плачевно.

Количество оппозиционно настроенных сайтов в арабском Интернете сейчас растет прямо пропорционально возросшей цензуре свободы слова. Многие из подобных оппозиционных групп не способны вести активную работу в родной стране и вынуждены покидать ее. Тем не менее, даже находясь в эмиграции, с помощью своих сайтов они стараются мобилизовать сторонников на борьбу с действующей властью и раскрывают «серые» технологии правительства. Интернет стал настоящим подспорьем в их неравной борьбе за права.

Можно отметить целый ряд арабских стран, где оппозиционные силы стараются отстоять свою точку зрения, отличную от политического курса нынешней власти. Например, Саудовская Аравия и Ливия освоили возможности Интернета довольно поздно, однако оппозиционеры этих стран не только чрезвычайно активно задействуют все ресурсы сети, чтобы выражать свои революционные взгляды, но и пользуются большой популярностью у народа. В других же странах подобные оппозиционные сайты имеют уже давнюю историю. Так, некоторые иракские сайты начали бороться с режимом Саддама Хусейна еще до американской оккупации.

Оппозиционные настроения также присутствуют на многих интернет-страницах в Тунисе, Сирии, Судане и Бахрейне. Эта волна добралась даже до такого оплота демократии в арабском мире, как Египет. В последнее время в других арабских странах появился целый ряд сайтов, осуждающих гонения и дискриминацию коптов в Египте. Многие сайты также долгое время протестовали против возможного пожизненного президентства Хосни Мубарака в Египте, что, как мы видим по событиям начала 2011 г., в конечном результате принесло свои плоды, и спустя 18 дней протестов Мубарак был вынужден уйти в отставку.

Кроме того, владельцы подобных «рупоров» оппозиции в виртуальном пространстве зачастую живут вообще за пределами арабского мира (например, в Швеции, Англии, Германии или Дании), так как хорошо известно, что арабская диаспора представлена в Европе чрезвычайно широко.

Хотя число арабских оппозиционных сайтов не превышает нескольких десятков, каждый день на них заходит большое количество пользователей. Чтобы избежать закрытия, они разработали специальные методы обмена информацией. Например, они используют рассылку по электронной почте для распространения новых данных и рекомендаций относительно того, как обойти запреты. Разумеется, подобные сайты часто закрывают государственные службы контроля, однако вскоре они появляются вновь, оправдывая необходимость людей в них.

3. Модернизация интернет-ресурсов в арабских странах

Сегодня страны Арабского Востока продолжают вкладывать деньги в модернизацию информационных технологий и инфраструктуры в рамках стратегии по развитию экономики и созданию новых рабочих мест. Ярким примером тому может служить политика Иордании, которая планирует открыть свободную зону информационных технологий в Аммане. Это позволит фирмам-разработчикам программного обеспечения и коммерческим компаниям, работающим в этой сфере, поднять уровень продаж и получить значительные налоговые послабления. Данный проект является частью политики правительства по увеличению числа интернет-пользователей с 26 до 50% населения. При помощи этих мер государство надеется создать больше рабочих мест в сфере информационных технологий и увеличить прибыль данного сектора с 2,2 млн. долл. в 2009 г. до 3 млн. долл. до конца 2011 г.

В ОАЭ в дополнение к уже существующим региональным телекоммуникационным центрам «Медиа-Сити» и «Интернет-Сити» местные власти создали новую информационную зону в Абу-Даби, чтобы помочь создателям информационных ресурсов и материалов из арабских стран. Она будет способствовать привлечению арабских специалистов, работающих в сфере кино, радио и телевидения. В эту зону вошли такие компании, как CNN, BBC, Фонд Томпсон-Рейтер и т. д.

В то же время другие страны предпринимают определенные усилия по развитию информационного наполнения ресурсов сети. В этой связи необходимо упомянуть работу компании «Майкрософт», которая разрабатывает новые технологии перевода для интернет-пользователей, не знающих арабского языка. Этот проект проходит в рамках инициативы Высшего совета Катара по информатизации и технологиям связи, направленной на увеличение числа арабоязычных сайтов в стране.

Уже сейчас аналитики прогнозируют стабильный рост количества интернет-пользователей в арабском мире. Последние достижения науки и техники позволяют решить проблему слаборазвитой информационно-коммуникационной инфраструктуры, которая препятствует свободному доступу в Интернет в этом регионе. Например, в конце марта 2009 г. в Алжире, Бахрейне, Иордании, Кувейте, Саудовской Аравии и Тунисе появилась технология WiMAX[9], в то время как в других странах началось тестирование этого сервиса. Кроме того, быстро развивают-

[9] Телекоммуникационная технология, разработанная с целью предоставления универсальной беспроводной связи для широкого спектра устройств.

ся широкополосные технологии передачи данных[10] (например, в таких странах, как Алжир, Тунис, Марокко и Египет). Услуги мобильной связи нового стандарта 3G уже предоставляются в Египте, Ливии, Марокко, Судане, Сирии и Тунисе.

На росте количества интернет-пользователей может отразиться и демографический фактор. По данным исследования «Прогноз развития арабских СМИ» за 2008–2012 гг., опубликованного Дубайским пресс-клубом и компанией «Прайсвотерхаускуперс», цифровые носители информации станут исключительно популярны в арабском мире, поскольку здесь живет большая демографическая группа молодых людей, хорошо разбирающихся в последних технологических новинках и использующих их для своих собственных нужд. Также в отчете указывается, что около 50% населения в Йемене, Омане, Саудовской Аравии, Иордании, Марокко и Египте еще не достигли 25 лет, в то время как в других странах арабского мира это процентное соотношение варьируется от 35 до 47% населения.

Вместе с тем в некоторых арабских странах уже началась либерализация в телекоммуникационной сфере. Большинство крупнейших операторов сотовой связи в странах Северной Африки уже не принадлежит государству, за исключением компании Algerie Telecom, приватизация которой была отложена из-за мирового финансового кризиса. Тем не менее, этот процесс широкого распространения не получил, и в этом компоненте Арабский Восток все еще значительно отстает от остального мира. Уровень финансовых затрат в этой области также пока несоизмерим с прибылью, и по этой причине иностранные компании не спешат инвестировать в этот сектор экономики.

4. Цензура арабского Интернета

Отдельно необходимо сказать о цензуре, так как это явление приняло угрожающий размах в арабском мире. Правозащитники и сторонники свободы слова неустанно критикуют правительство за ограничения в работе СМИ и политику репрессий, узаконенную государством, однако, несмотря на все протесты, за последнее время целый ряд блогеров и диссидентов оказались за решеткой.

В апреле 2009 г. Международная федерация журналистов призвала пересмотреть законодательство о СМИ на Ближнем Востоке, так как в большинстве стран оно предусматривает возможность тюремного заключения для журналистов, подрывающих репутацию государства, президента, монарха или религии. Такого рода законы призваны помешать появлению в арабских СМИ заметок о коррупции или критики действий правительства. В подобной обстановке местным жителям чрезвычайно трудно вести активную деятельность в Интернете, особенно после того, как несколько человек было арестовано по всему арабскому миру. Неудивительно, что в списке десяти самых опасных стран для блогеров, составленном Комитетом защиты журналистов, фигурируют сразу четыре арабские страны: Египет, Сирия, Тунис и Саудовская Аравия.

Также в последнее время в арабском мире не утихают споры о государственном контроле за Интернетом и СМИ. Разногласия между сторонниками всеобщей свободы слова и цензорами достигли просто невероятных масштабов. Интересно, что, несмотря на повсеместную критику правительства, ограничивающего свободу самовыражения, высшее руководство в некоторых странах утверждает, что проводит аресты блогеров и интернет-активистов, так как они в полной мере используют ту широкую свободу СМИ, которую им предоставило государство. Например, в мае 2009 г. в Египте был арестован блогер по обвинению в «использовании демократических настроений, царящих в стране, с целью свержения существующего режима». Арабская правозащитная информационная сеть осудила эти обвинения, назвав их «фарсом».

Не свободен от подобных противоречий и регион Персидского залива. Так, глава Центра свободы СМИ в Дохе, француз Робер Менар, раскритиковал действия местной полиции, которая якобы попросила компанию Google ввести цензуру для сервиса Youtube. Позже он подвергся резкому осуждению со стороны катарских властей и журналистов и даже был обвинен в распространении порнографии, что является серьезным правонарушением в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Сегодня все больше и больше арабов объединяются в различные интернет-сообщества и группы, чтобы предать общественному осуждению повсеместную цензуру и аресты людей, ведущих свои колонки в Интернете. Тем не менее, в арабском Интернете есть и целый ряд сторонников того, что необходимо не только сохранить цензуру в сети в ее нынешнем виде, но и сделать контроль еще жестче. Например, долгое время во «всемирной паутине» существовал сайт www.ehjab.com (от араб. ha aba «закрывать, прятать»), который стал особенно популярным среди пользователей интернет-форумов. Он предлагал значительно облегчить работу цензорам, присылая адреса сайтов с сомнительным содержанием, на которые часто заходят пользователи. Кроме того, в некоторых странах Северной Африки, где не используются интернет-фильтры, пользователи организуют целые онлайн-кампании[11], чтобы добиться от государства контроля за электронными страницами с откровенными материалами.

[10] Телекоммуникационные технологии, предоставляющие доступ в Интернет с большой скоростью, в противоположность коммутируемому доступу с использованием модема и телефонной сети общего пользования.

[11] Термин «онлайн» широко используется в настоящий момент в значении «подключенный к Интернету», «происходящее в Интернете», «существующее в Интернете».

Противники и сторонники цензуры также активно используют судебную систему для своих целей. Например, египетский судья Абдель Фаттах Мурад подал иск о закрытии 51 сайта, содержание которых показалось ему оскорбительным. Однако суд отказал ему в удовлетворении иска, сославшись на свободу самовыражения в Египте, так как эти сайты не осуждали религиозные убеждения и не нарушали общественный порядок. Тем не менее, в мае 2009 г. при рассмотрении иска египетского адвоката Низара Гораба суд все-таки принял решение в его пользу и рекомендовал египетскому правительству закрыть доступ к порнографическим сайтам, так как посчитал их оскорбительными для религиозных и общественных ценностей.

В июле 2010 г. все тот же судья Мурад, главный поборник нравственности в Египте, начал новый судебный процесс. Он обвинил главу Арабской правозащитной информационной сети Гамаля Ейда, основателя Правового центра имени Хишама Мубарака Ахмеда Хамада и блогера Амра Гарбию в оскорблении чести и достоинства, клевете, шантаже и злоупотреблении услугами Интернета. Стороны заключили мировое соглашение в сентябре 2010 г.

В то же время в Тунисе блогер и журналист Зияд аль-Хени подал в суд на Тунисское интернет-агентство, требуя прекратить цензуру социальной сети Facebook, которая некоторое время была заблокирована. В ноябре 2008 г. суд отклонил иск без объяснения причины.

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют, как остро обстоит борьба за контроль над Интернетом в современном арабском мире. Нет сомнения, что она будет продолжаться и впредь.

5. Контроль доступа в Интернет в арабском мире

Доступ в Интернет регулируется на Арабском Востоке при помощи самых разнообразных мер: законов и постановлений, технического фильтрования сети, физических ограничений, систем наблюдения и контроля и, наконец, притеснений и арестов.

К правовым нормам, ограничивающим доступ в Интернет, относится законодательство в сфере прессы, телекоммуникаций и Интернета, уголовный кодекс, законы о военном положении и терроризме, а также специфические условия работы интернет-провайдеров.

Арабское законодательство в сфере СМИ пресекает всякие попытки самовыражения как для интерактивных изданий, так и для более традиционной прессы. Рассмотрим правовые нормы, регламентирующие правила интернет-доступа, на примере различных арабских стран.

Например, Бахрейн законодательно ввел цензуру интернет-изданий и печатных изданий в 2002 г. Кувейтский закон о прессе, принятый в 2006 г., предусматривает возможность лишения свободы для журналистов, допускающих оскорбление ислама или пишущих статьи, направленные против интересов государства. В Омане, в соответствии с законом о печати и прессе от 1984 г., государство имеет право подвергать цензуре материалы, если оно сочтет их оскорбительными в политическом, культурном или сексуальном отношении.

Закон о прессе, утвержденный в Сирии в 2001 г., предоставляет госорганам широкие возможности по надзору за публикациями, выходящими в стране. Против работы тунисских журналистов направлен и кодекс прессы Туниса, согласно которому им запрещено оскорблять президента, нарушать порядок и обнародовать то, что государство считает дезинформацией. В законе о печати и прессе Йемена, одобренном в 1990 г., прописана целая система наказаний и штрафов для изданий и вещательных СМИ, нарушающих существующие нормы. Королевство Марокко несколько раз использовало местное законодательство о прессе, чтобы пресекать откровенные высказывания виртуальных авторов.

Помимо определенных норм, регулирующих деятельность прессы, некоторые арабские страны часто используют уголовный кодекс, чтобы заставить замолчать особо ретивых журналистов и писателей в печатных и онлайн-изданиях. В апреле 2008 г. министерство информации Йемена объявило, что уголовному преследованию будут подвергаться авторы, которые публикуют в Интернете информацию, разжигающую ненависть или наносящую вред государственным интересам. В сирийском уголовном кодексе в разряд противозаконных действий входит распространение новостей за рубежом. Несмотря на то, что в мае 2008 г. правительство Бахрейна внесло поправки в закон о прессе 2002 г., отменяющие тюремное заключение для журналистов и предварительную цензуру для публикаций, авторов все еще могут обвинить и посадить в тюрьму по одной из статей уголовного кодекса или закона о терроризме.

Кроме того, Египет и Сирия, где все еще действует военное положение, введенное сразу же после убийства президента А. Садата в октябре 1981 г., научились использовать это в своих интересах для наказания отдельных личностей, представляющих для них угрозу. Закон о военном положении разрешает обыскивать, задерживать и содержать гражданина под стражей без предъявления обвинения. По заявлениям правозащитных организаций, непрерывное применение этого закона, начиная с 1981 г., привело к возникновению параллельной судебной системы, не подпадающей под юрисдикцию обычного законодательства. В Сирии наблюдается схожая ситуация: военное положение, введенное еще в далеком 1963 г., активно используется государством для арестов работников СМИ.

Марокко также использует закон о терроризме, принятый после взрывов в Касабланке в 2003 г., для наказания журналистов. Согласно нему, у пра-

вительства есть неограниченные полномочия проводить аресты журналистов за публикации, который «нарушают общественный порядок путем запугивания, силы, насилия, страха или террора».

Некоторые страны региона также разработали специальное законодательство, регулирующее работу Интернета в стране, среди них Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия.

В ОАЭ в соответствии с федеральным законом о виртуальном пространстве, введенным в 2007 г., наказываются следующие действия: хакерство; оскорбление святынь и религиозных обрядов; борьба против ислама; попрание семейных ценностей и основ; создание сайта для группы лиц, продвигающей программы, которые посягают на публичный порядок и благопристойность; создание сайта или предание гласности информации по заказу террористической группы под вымышленными именами в целях упрощения взаимодействия с их руководством либо пропаганды собственной идеологии и финансирования своей деятельности, либо обнародования сведений о том, как делать бомбы и другие взрывчатые вещества для терактов.

Что касается Саудовской Аравии, то в январе 2008 г. она претворила в жизнь 16 статей нового закона о применении технологий. Согласно этому закону, создание сайтов, защищающих или поддерживающих терроризм, наказывается лишением свободы на срок до 10 лет и штрафом; мошенничество и вмешательство в частную жизнь наказываются ограничением свободы на срок до трех лет и штрафом; распространение порнографических или иных материалов, нарушающих государственное законодательство, религиозные ценности и нормы общественной жизни в королевстве, наказывается лишением свободы сроком до пяти лет и штрафом; наказание за соучастие в преступлении или даже умысел на совершение противоправного действия в сфере информационных технологий может составить до половины максимального срока.

В некоторых арабских странах условия работы интернет-провайдеров также регламентированы таким образом, чтобы облегчить государству контроль за пользователями.

Например, в Омане услуги Интернета предоставляются компанией «Омантел», которая следит за тем, чтобы «пользователи не совершали противоправных действий, противоречащих системе социальных, культурных, политических, религиозных или экономических ценностей Султаната Оман или могли нанести ущерб третьей стороне», так как любое злоупотребление Интернетом «приведет к аннулированию абонентского соглашения и (или) привлечению пользователя к административной или уголовной ответственности».

В Йемене поставщиком интернет-услуг является компания «ТелеЙемен». По условиям абонентского соглашения, ее пользователям запрещено «посылать оскорбительные сообщения, подрывающие этические, религиозные, общественные или политические нормы». Компания «ТелеЙемен» оставляет за собой право контролировать доступ и «информацию, хранящуюся в ее базе данных, если сочтет это нужным». Также провайдер предупреждает абонентов, что он будет сообщать о «любом использовании или попытке использования услуг компании, которые нарушают соответствующие законы Республики Йемен».

Законодательство о связи также используется арабскими странами для контроля за сайтами, размещаемыми интернет-провайдерами. В Алжире, например, статья 14 Указа о связи от 1998 г. возлагает на поставщиков интернет-услуг ответственность за те сайты, которые они размещают, и требует от них «определенных и постоянных мер по надзору за их наполнением с целью недопущения доступа к материалам, нарушающим общественный порядок и этические нормы». В Тунисе закон о связи и почте, принятый в 1998 г., дает правительству право перехватывать сообщения электронной почты и проверять их содержание. По сведениям организации «Репортеры без границ», в стране также существует система электронного наблюдения, которая применяется, например, для фильтрации сообщений в электронной почте оппозиционеров.

Многие арабские страны также предпринимают определенные шаги, чтобы упорядочить работу учреждений, предоставляющих интернет-доступ, особенно деятельность интернет-кафе. В Алжире после терактов в апреле 2007 г. госорганы начали проводить рейды в интернет-кафе и проверять список сайтов, на которые заходят пользователи. Через год они усилили надзор за этими учреждениями и обязали их собирать фамилии и номера паспортов посетителей и передавать эту информацию полиции наряду с отчетами о подозрительной деятельности.

Такая же ситуация в данный момент сложилась в Иордании. В марте 2008 г. местные власти начали ограничивать деятельность интернет-кафе. Там были установлены камеры, следящие за посетителями, и их владельцы должны были зарегистрировать свой IP-адрес[12] и обнародовать личные данные своих клиентов, время пользования Интернетом и информацию о просмотренных сайтах.

Кроме того, в апреле 2009 г. министерство внутренних дел Саудовской Аравии предписало интернет-кафе установить скрытые камеры и предоставить список посетителей и их паспортные данные. Такую же политику проводит и Кувейт, где владельцы интернет-кафе должны заносить все фамилии пользователей в единый реестр, который они обязаны предоставить по запросу министерства связи.

По признанию некоторых владельцев интернет-кафе в Ливане, они используют программы компьютерного контроля, чтобы отслеживать рабочие

---

[12] Уникальный адрес компьютера, подключенного к сети Интернет.

столы компьютеров и сайты, на которые заходят пользователи. Они делают это под предлогом обеспечения безопасности компьютерной сети и ограничения доступа к материалам сомнительного содержания для своих клиентов. Однако нет никаких доказательств того, что подобные меры санкционированы правительством.

В марте 2008 г. сирийские власти дали указание пользователям интернет-кафе сообщать их владельцам свои фамилии, паспортные данные и время пользования Интернетом. В дальнейшем они должны передавать все эти сведения властям.

В октябре 2007 г. некоторые интернет-кафе в Йемене были закрыты местной полицией, которая также потребовала, чтобы посетители подобных заведений показывали свой паспорт владельцам. Некоторые из них используют программное обеспечение для наблюдения за онлайн-деятельностью своих клиентов и отказывают им в доступе на сайты с откровенным содержанием.

В августе 2008 г. правительство Египта одобрило новые меры по обеспечению контроля за работой интернет-кафе. По новым правилам пользователи обязаны предоставлять свою личную информацию, адрес электронной почты и номер телефона. Взамен они получают текстовое сообщение на мобильный телефон и персональный код для входа в сеть.

Кроме того, некоторые страны вводят физические ограничения для интернет-кафе. Например, в Йемене и Омане монитор компьютера должен быть виден работникам интернет-кафе и запрещено использование закрытых комнат или занавесок, которые могут ограничивать обзор.

В 2008–2009 гг. в рамках проекта OpenNet Initiative было проведено исследование программ фильтрования сети, используемых в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки. Системы блокирования и фильтрования сети относятся к так называемой «предварительной цензуре, которая направлена на ограничение доступа к информационным ресурсам» [Barzilai-Nahon, Barzilai, 2005, с. 27]. Согласно результатам, цензуре правительства и интернет-провайдеров подвергается информация следующего содержания: политические сообщения на злободневные темы, критика правительства, глав государств и правящих семей, сведения, оскорбляющие честь и достоинство или нарушающие общественную этику и порядок.

Анализ регулирования Интернета в арабском мире показывает, что во всех странах тщательной проверке подвергаются сайты о политике. Бахрейн, Катар, Иордания, Объединенные Арабские Эмираты, Сирия, Саудовская Аравия, Марокко, Ливия и Тунис следят за сайтами, которые критикуют правительство и глав государств, пишут о нарушении прав человека и пропагандируют оппозиционные взгляды. Например, Мавритания на некоторое время заблокировала новостной портал «Такаддуми», а Египет закрыл сайт религиозно-политического движения «Братья-мусульмане», а также сайт газеты «Аш-Шааб», выпускаемой Социалистической партией труда.

Страны Персидского залива, Судан, Тунис, сектор Газа, Йемен в той или иной степени ограничивают доступ на сайты порнографического содержания, демонстрирующие обнаженную натуру и вызывающие наряды, а также службы знакомств и эскорт-услуг. Некоторые арабские страны также пристально следят за сайтами, рекламирующими алкоголь, наркотики и азартные игры.

В то же время страны, которые производят фильтрацию политических и общественных сайтов, также стараются частично ограничить работу прокси-серверов и систем обхода паролей, так как их часто применяют пользователи для разблокирования доступа в Интернет.

По данным исследования, в период 2008–2009 гг. программы фильтрования сети не использовались в Алжире, Ливане и на Западном берегу реки Иордан.

Также в докладе OpenNet Initiative говорится, что в настоящее время цензура Интернета на Арабском Востоке все возрастает. Хотя предыдущие отчеты, обнародованные в рамках этого проекта, указывали только на отдельные факты цензуры политических сайтов в некоторых странах, сегодня эта система противодействия оппозиции в арабском Интернете затрагивает все большее количество сайтов и становится более последовательной.

Например, исследования прошлых лет выявили, что во время подготовки к президентским выборам 2006 г. в Йемене было временно заблокировано несколько политических сайтов. То же самое произошло в Бахрейне. С тех пор государственная система фильтрования значительно расширилась и уже используется против оппозиционных сайтов, а также новостных сайтов и форумов, где выражаются оппозиционные взгляды.

В то же время те арабские страны, которые до определенного момента контролировали только политические сайты, стараются расширить свой «кругозор». Так, сейчас в Сирии под наблюдением оказались такие популярные сайты, как Facebook, YouTube и Amazon[13], а также ресурсы, относящиеся к организации «Братья-мусульмане» и курдским оппозиционным группам. В Тунисе также все больше внимания уделяется цензуре политических и оппозиционных сайтов, а также порталов, не имеющих отношения к политике, таких как OpenNet Initiative и Global Voices Online.

Бурный рост социальных сетей в арабском мире тоже обращает на себя внимание государственных регулирующих органов. В последнее время многие арабские страны начали блокировать арабоязычные сайты откровенного содержания, которые ранее

---

[13] Крупнейшая в мире по обороту компания, продающая товары и услуги через Интернет.

были доступны повсеместно. Интересно, что подобные действия занимают гораздо больше времени, чем в случае с другими языками. Как правило, арабские интернет-провайдеры пользуются американскими программами фильтрования сети (Smart-Filter, Websense, Bluecoat и т. д.), которые неспособны обработать арабоязычные сайты в полном объеме и за короткий промежуток времени.

По приведенным выше примерам видно, что обычно арабские страны только усиливают цензуру и контроль Интернета год от года. Бывают, конечно, и обратные случаи, но редко. Например, Сирия вновь разрешила доступ к арабской «Википедии»[14], Марокко сняло запрет с нескольких сайтов, выступающих за независимость государства Западная Сахара, а Ливия разблокировала ряд ранее запрещенных политических сайтов. Судан стал также проводить более гибкую политику в отношении сайтов меньшинств с нетрадиционной ориентацией, сервисов знакомств и сайтов о здоровье.

Кроме того, последней тенденцией в развитии контроля за Интернетом в арабском мире можно считать стремление арабских стран регулировать содержание сайтов при помощи законодательства о печати и прессе. Теперь они требуют, чтобы местные сайты зарегистрировались в госорганах перед открытием. Например, в сентябре 2007 г. законодательный совет при премьер-министре Иордании издал постановление, по которому все сайты и электронная пресса должны подчиняться положениям закона о печати и прессе и контролироваться специальным отделом печати и прессы. Вскоре после открытия этот орган заявил, что в ближайшее время он вводит всеобщий контроль и цензуру.

Саудовская Аравия в мае 2009 г. объявила о своих планах ввести новое законодательство для газет и сайтов, в соответствии с которым создатели саудовских электронных ресурсов должны обращаться за официальной лицензией в особое учреждение при министерстве информации. В Бахрейне используется похожая система.

Также необходимо отметить, что современные технологии постоянно совершенствуются, и уже новым словом в искусстве государственного интернет-контроля стали хакерские атаки на оппозиционные и диссидентские сайты и блоги. Подобные инциденты были зафиксированы в Тунисе и Йемене.

С другой стороны, в последнее время в виртуальном пространстве ведется борьба между различными религиозными группами. Например, в результате хакерских атак были повреждены порталы многих важных шиитских и суннитских организаций и деятелей, а также в некоторых случаях была утеряна важная информация. Кроме того, израильские, палестинские и ливанские сайты организации «Хезболла» стали объектами нападений, особенно во время конфликтов.

Таким образом, в настоящее время в большинстве арабских стран пользователи, как правило, не могут ощутить все преимущества Интернета в полном объеме, в основном из-за жесточайшего контроля и постоянной цензуры, навязываемых государством. Местные власти понимают, что Интернет обладает огромной силой и воздействием, что уже доказали революции в Тунисе и Египте, поэтому не только вкладывают деньги в развитие информационной инфраструктуры, но и стараются постоянно совершенствовать технологии регулирования и цензуры сайтов с сомнительным содержанием. Контролю подвергаются не только политические и оппозиционные сайты, которые могут выражать диссидентские взгляды, но и социальные сети, службы знакомств, а также сервисы, предоставляющие услуги размещения фото- и видеоматериалов.

Несмотря на то, что подобная репрессивная политика арабских государств вызывает шквал критики со стороны мирового сообщества, вряд ли можно предположить, что в скором времени надзор за сетью Интернет в данном регионе ослабнет.

Список литературы

Barzilai-Nahon K., Gad Barzilai. Cultured Technology: The Internet and Religious Fundamentalism // The Information Society, Volume 21, Number 1. Philadelphia, 2005.

CIA The World Factbook // Сайт CIA, 2011. URL: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html.

Gamal Eid. The Internet in the Arab World. A New Space of Repression? // Сайт Арабской правозащитной информационной сети, 2004. URL: http://www.anhri.net/en/reports/net2004/.

Internet Usage in the Middle East // Сайт Internet World Stats, 2010. URL: http://www.internetworldstats.com/stats5.htm.

Noman H. Internet in the Middle East and North Africa // Сайт OpenNet Initiative, 2010. URL: http://opennet.net/research/regions/mena.

Richter C. Virtual Mobilisation: The Internet and Political Activism in Egypt // Orient I, Volume 51. Potsdam, 2010.

Siapera E. Networked Palestine // Orient I, Volume 51. Potsdam, 2010.

Weitzman M. The Internet in Religious Dress // Washington, DC, 2007.

www.access-controlled.org

www.wikipedia.org

[14] Свободная общедоступная многоязычная универсальная интернет-энциклопедия, поддерживаемая некоммерческой организацией «Фонд Википедия».

О. И. Жигалина

Этнический Курдистан как перекресток геополитических и экономических интересов

Некоторые взгляды на проблему курдского урегулирования

Нынешнее десятилетие, начавшееся в 2011 г., предваряет 100-летнюю годовщину подписания Севрского договора (1920 г.) между Османской Турцией и Великобританией, согласно которому курдам гарантировалось право национального самоопределения в форме автономии и, возможно, создание независимого государства. Хотя это решение было аннулировано Лозаннским договором (1923 г.), курды этнического Курдистана, разделенного государственными границами Турции, Ирака, Ирана и Сирии, не прекратили своей борьбы за национальное самоопределение. Однако эти усилия наталкивались на сопротивление руководства стран проживания курдов, сосредоточенных в разновеликих, различных по численности и, как правило, бедных ареалах. В XX в. правящие круги этих государств в своей национальной политике руководствовались заимствованным из анналов Великой Французской революции лозунгом «одна страна, один народ, один язык», адаптировав его к социокультурным реалиям Востока.

Свержение шахского режима в Иране в результате революции 1978–1979 гг. внесло определенные коррективы в «курдскую» политику шиитских фундаменталистов, модифицировавших унитаризм на основе ислама, а во внешней политике выдвинувших лозунг «экспорта исламской революции».

Унитаризм на основе турецкого, иранского или арабского национализма, развивавшийся под идеологической оболочкой ислама, как правило, отрицал любую форму автономии или суверенитета. Он встретил сопротивление курдского населения стран региона, выступившего с требованием самоопределения в форме автономии или государства.

По мере укрепления региональных связей и взаимодействия между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией их правящие круги вырабатывали общие позиции, выражавшиеся в стремлении противодействовать развитию и становлению курдского национализма. Этот процесс сопровождался нарастанием культурной дифференциации и дезинтеграции, связанной с феноменом курдского национального возрождения. Его следствием стали конфликты между руководством этих стран и курдским национальным движением, развивавшимся под лозунгами автономии или полной независимости. Эта борьба имела свою специфику в курдских ареалах, получивших условное название Турецкий (Северный), Иракский (Южный), Восточный (Иранский) и Западный (Сирийский) Курдистан. Результатом борьбы иракских курдов явилось провозглашение в 1974 г. автономии Иракского Курдистана. При этом правящие круги стран проживания курдов прилагали усилия для силового подавления курдского национального движения и искоренения курдского национализма в своих ареалах и поддержки его (в своих интересах) в соседних курдских ареалах.

Позиция, занятая турецкими и иранскими националистами, в целом отвечала представлениям национально-культурного обустройства стран Европы и США. После Второй мировой войны на Западе была популярна концепция национально-гражданской интеграции, ставшая основой национально-культурной политики многих европейских государств. Но начиная с 70 гг. XX в., там началось победное шествие другой концепции — «мультикультурализма», отказавшейся от идеи гражданской интеграции и направленной на поощрение группового культурного разнообразия и простого соседства общин в рамках одного государства[1].

В это же время в Советском Союзе декларировалась концепция на основе федерализма, в рамках которой каждой социалистической нации предоставлялось право на самоопределение в форме республики или автономии вплоть до отделения.

В 90 гг. XX в. в регионе Западной Азии появился нерегиональный политический игрок — Соединенные Штаты, что способствовало дисбалансировке политической ситуации в Ираке. Во главу угла их интересов были поставлены бесперебойное обеспечение поставок нефти и разгром исламистских группировок, которые угрожали США. Во время иракско-кувейтской войны 1990–1991 гг. США воспользовались нерешенностью курдской проблемы в Ираке и оказывали давление на режим С. Хусейна. Военно-политическое превосходство позволило им поддержать национальные устремления иракских курдов и создать так называемую «зону безопасности», в которую вошла территория курдской автономии. Впоследствии этот регион должен был стать

---

[1] Паин Э.А. Закат вульгарного мультикультуризма как возрождение культуры модерна. — Россия в глобальной политике, март-апрель, 2011.

опорой для проведения Вашингтоном концепции Большого Ближнего Востока, целью которой в числе прочих стала и задача изменения сложившихся в регионе государственных границ и, возможно, создание новых независимых государств, в том числе и курдского, с угодными США режимами.

Заинтересованность администрации Дж. Буша-младшего в контроле над углеводородными источниками Западной Азии и путями транспортировки нефти и газа явилась одной из причин «продвижения демократии»; ее результатом стало свержение тоталитарного режима С. Хусейна в Ираке и создание федеративного государства. Согласно конституции 2005 г., Курдистанскому региону, в который вошли три провинции Эрбиль, Сулеймания и Дохук, был гарантирован автономный статус. Шиитская и суннитская общины, составлявшие население других иракских провинций, должны были сформировать свои административно-территориальные образования.

По мнению западных аналитиков, представители разного этнического происхождения, вероисповедания и расы в Ираке должны были научиться жить вместе друг с другом, не отказываясь от своего культурного своеобразия. Однако эти общины представляли собой конгломерат противоборствовавших между собой политических партий и течений. Лоббировавшийся иракскими курдами принцип федерализма, поддержанный США, не соответствовал традициям взаимоотношений разнообразных этнических и религиозных общин Ирака в единой стране, что приводило к многочисленным конфликтам и терактам. В то же время Курдистанский регион имел полунезависимый статус и не взаимодействовал с шиитской и суннитской частями так называемого федеративного Ирака. У «новых иракцев» отсутствовала единая гражданская, общая иракская идентичность. Что же касается иракских курдов, то свою идентичность они соотносили с идентичностью курдов сопредельных курдских ареалов Турции и Ирана. Их понимание федерализма основано на этногеографическом принципе, который поддерживают иранские и турецкие курды, также стремящиеся к самоопределению в рамках своих стран в форме национальной автономии. Они полагают, что федерация — это модель, при которой население само формирует органы власти в регионах и тем самым воспринимает их как свои, как легитимные. При этом происходит разделение полномочий между центральными и региональными органами, с максимальной передачей ответственности регионам, чтобы они сами занимались местными проблемами. При этом достаточно сильный центр обеспечивал бы внешнюю политику, оборону и разрабатывал общую стратегию экономического развития.

Таким образом, к началу XXI в. выявились различные взгляды на урегулирование курдского вопроса: это концепция унитаризма на основе национализма доминирующей нации (региональные державы); концепция «мультикультурализма» (Запад) и этногеографического федерализма (курды).

Попытка Соединенных Штатов разыграть «курдскую карту» в начале нового тысячелетия, как представляется, завершилась провалом реализации концепции «мультикультурализма» в Ираке. Вместе с тем внутриполитические и финансовые сложности США поддерживают решимость Б. Обамы вывести американские войска из Ирака до конца 2011 г. Стремясь как-то преодолеть ошибки предыдущей администрации, Б. Обама хочет сделать это с наименьшими потерями как для своей армии, так и для курдских автономистов, наживших за время своей полунезависимости немало врагов как внутри Курдистанского региона, так и в Ираке в целом. При этом Иракский Курдистан находится под пристальным наблюдением Турции и Ирана, имеющих свой интерес в этом регионе.

Курдский фактор в турецко-иранском региональном соперничестве

Намеченный на декабрь 2011 г. вывод американских войск из Ирака как бы символизирует ослабление экономического, политического и идеологического влияния США в Западной Азии. Принцип внешней политики Б. Обамы изменился: по мнению некоторых аналитиков, он заключается в отсутствии «принципиальных идеологических нормативов. Сущностью его подхода к международным вопросам является прагматизм»[2]. С точки зрения других исследователей, Б. Обама — интеллектуал, смелый политик, готовый идти на риск. Свою задачу во внешней политике он видит в восстановлении баланса между ролью США в международных делах и американскими ресурсами[3].

В нынешних условиях американская администрация стремится минимизировать последствия провала в Ираке. Она признает, что у Запада нет сил и возможностей для управления миром и западные меры воздействия на него утрачивают свою эффективность. Эта ситуация, по их мнению, требует перехода от западных «либеральных» к местным «авторитарным» способам, т. е. «косвенному автономному управлению, чужими руками»[4].

Хотя США так и не удалось полностью разрешить курдский вопрос, они пытаются как бы заморозить эту проблему, чтобы максимально безболезненно уйти из Ирака. Американская администрация рассчитывает, видимо, на то, что иракцы сами будут заботиться о своей национальной безопасности.

---

[2] Овчинский В., Фурсов А. Передышка для гегемона. — http://www.globalaffairs.ru/number/n_13204

[3] Лекция В. А. Кременюка на Ученом совете Института востоковедения РАН 28.09.2011.

[4] Овчинский В., Фурсов А. Передышка для гегемона. — http://www/globalaffairs.ru/number/n_13204

В Западной Азии главными политическими акторами становятся Иран и Турция, являющаяся членом НАТО. В США осознают, что эти государства поразному рассматривают ситуацию в Западной Азии. В то же время позиция Белого дома по курдской проблемене способствует ирано-турецкому сотрудничеству в Иракском Курдистане, а, напротив, приводит к возобновлению регионального соперничества между Ираном и Турцией. Некоторые американские аналитики считают, что вывод американских войск развяжет Турции и Ирану руки для усиления своего влияния на политику Ирака. Руководство Курдистанского региона разделяет эту точку зрения. Министр иностранных дел Ирака Х. Зебари в 2010 г. сказал, что эти государства являются «самыми крупными игроками и соперниками в Ираке»[5]. Так, когда в 2010 г. Иран открывал свой торговый центр в курдском городе Сулеймании, заместитель министра торговли Ирана отметил, что Турция, которую Иран считает своим соперником в Ираке, уже имеет 12 таких центров[6].

«Курдская» политика Турции базируется на идеологии неоосманизма. Одним из идеологов этого направления является советник А. Гюля и Р.Т. Эрдогана профессор Ахмат Давутоглу, министр иностранных дел Турецкой Республики. Характеризуя принципы и особенности внешней политики Турции, он отмечает важность установления справедливого и устойчивого мирового порядка, который будет служить на благо всех стран. По его мнению, путь к этому лежит через формирование местных и региональных блоков. Он убежден, что Турция активно работает над тем, чтобы «внести свой вклад в безопасность, стабильность и процветание в ряде соседних стран и более отдаленных регионов». А. Давутоглу считает, что «нынешняя обстановка в Западной Азии отчасти напоминает тупиковую ситуацию на Корейском полуострове…». Он подчеркивает, что «турецкая внешняя политика опирается на уникальный исторический опыт и географию, который еще более усиливает в нас (турок. — *О. Ж.*) чувство ответственности». «Подобная историческая ответственность, — считает А. Давутоглу, мотивирует интерес Турции к близлежащим зонам, включая Кавказ, Каспийский и Черноморский бассейны, Балканы, Восточное Средиземноморье и Ближний Восток от Персидского залива до Северной Африки»[7]. В этот ареал, как мы видим, включается и этнический Курдистан. Активизация турецкой политики в этих регионах не может не затронуть и интересы России.

А. Давутоглу и его последователи включают в турецкое наследие и османское прошлое. По их мнению, Турция находится в центре Евразии и исторически и географически связана с такими важными регионами, как Балканы, Ближний Восток и Кавказ. Неудивительно поэтому, что неоосманисты являются сторонниками более активной внешней политики, особенно на территории, относящейся к османскому геополитическому пространству.

Внешнеполитическая доктрина А. Давутоглу требует внимания к граничащему с Турцией Курдистанскому региону Ирака, являющемуся этнополитическим центром этнического Курдистана. Напряженная ситуация в Турецком Курдистане в связи с активностью Рабочей партии Курдистана (РПК) усиливает внимание турецкого руководства к курдской проблеме, нацеленное как бы на смягчение отношений с курдской оппозицией, с одной стороны, а с другой — оно старается не допустить подъема курдского национализма в этническом Курдистане в связи с последними событиями в Сирии.

Знаковым событием явился факт посещения в апреле 2011 г. премьер-министром Р.Т. Эрдоганом Эрбиля, столицы Курдистанского региона, что произошло впервые. Обе стороны высказались за расширение двустороннего сотрудничества, особенно в экономической области. А М. Симсек, министр финансов Турции, сам выходец из Батмана, произнес речь по-курдски, акцентируя на «вековом братстве» курдов и турок. Все это как будто бы связывалось с предстоящими в Турции парламентскими выборами. Некоторые наблюдатели рассматривали произнесение по-курдски речи высокопоставленного чиновника как предвыборный шаг накануне парламентских выборов (состоявшихся в июне 2011 г.) с целью большего привлечения внимания курдского электората. Турецкая делегация также высказала намерение расширить турецкие инвестиции в развитие Курдистанского региона Ирака. А курдское руководство в свою очередь, предложило увеличить квоты для привлечения рабочей силы из Турции.

Потепление отношений между Турцией и руководством Курдистанского региона отвечает их интересам. Турецкие власти рассчитывают на то, что иракские курды будут способствовать снижению напряженности в зоне турецко-иракской границы, а также вокруг проблемы Киркука, нерешенность которой является одной из серьезных угроз стабильности как Ирака, так и Турции. Не случайно официальные американские представители выступили с предложением немедленного созыва специальной конференции в Багдаде по вопросу спорных территорий и в особенности проблемы Киркука, с участием курдов и представителей всех общин Киркука, а также всех политических сил и партий Ирака[8].

Что касается позиции Ирана, то он весьма озабочен этим обстоятельством. Расширяя инвестиционную политику и торговлю в Курдистанском регио-

[5] Turkey and Iran Vie for Control of Iraq. — http://www.peyamner.com/details/aspx?1=4&id=238922

[6] Там же.

[7] Давутоглу А. Внешняя политика Турции и Россия. — http://www.globalaffairs.ru/number/n_14562

[8] UN Envoy calls for talks over Kirkuk elections. — http://www.institutkurde.org/en/info/latest/un-envoy-calls-for-talks-over-kirkuk-electi…

не, Турция пытается сдерживать иранское влияние в Ираке. Не случайно губернатор Эрбиля Ноузад Хади отметил, что Турция и Иран конкурируют в Курдистане[9]. Вместе с тем свои экономические отношения с Курдистанским регионом и визит Р. Т. Эрдогана Турция пыталась использовать для того, чтобы поправить свои отношения с шиитскими партиями Ирака, находящимися под влиянием Ирана. Интересно отметить, что на парламентских выборах в Ираке, состоявшихся в марте 2010 г., Турция поддерживала секулярный блок Иракийя и арабо-туркоманский союз, в то время как Иран благоволил шиитской коалиции с тем, чтобы воспрепятствовать усилению суннитов во властных структурах Ирака.

Турецко-иранское соперничество в Ираке находится под неусыпным наблюдением США. Их военное командование считает, что наибольшая угроза американским войскам исходит от шиитских группировок, поддерживаемых Ираном, который призывает Багдад не препятствовать выводу американских войск из Ирака. По мнению некоторых высокопоставленных американских представителей, Иран представляет весьма серьезную стратегическую угрозу, так как он занимает третье место по запасам газа в мире, а его торговый баланс с Ираком составляет 2 млрд. долл., включая поставки топлива и электричества. С помощью садристов (приверженцев шейха ал-Садра) Иран оказывает давление на иракское правительство, чтобы оно не требовало продления срока пребывания американских войск в Ираке.

Радикальный и антиамерикански настроенный шиитский шейх М. ал-Садр неоднократно призывал командование американских войск в Ираке как можно быстрее покинуть страну. Особенную настойчивость он высказывал в августе 2011 г., когда иракское правительство начало переговоры с США по вопросу привлечения американских военных к обучению иракских сил безопасности. Он подчеркнул, что западные ценности неприемлемы для иракцев, и если американцы пришли их освобождать, то пусть избавят их от своих требований и оскорблений. Он отметил, что иракцы будут бороться и сражаться за то, чтобы выдворить оккупантов с иракской земли. Шейх полагал, что 47 тыс. американских войск, которые должны быть выведены из страны до конца 2011 г. согласно двустороннему соглашению 2008 г., могут остаться, если вопрос о привлечении американских военных к обучению иракских сил безопасности не будет решен. Как известно, М. ал-Садр руководит крупной военно-политической группировкой: его армия насчитывает около 60 тыс. бойцов, 40 его сторонников являются депутатами иракского парламента, а 7 министров входят в правительство Н. ал-Малики.

США и иракские военные представители не случайно договорились, что иракские силы безопасности будут осуществлять свои функции внутри страны. При этом отмечается, что их недостаточно для охраны государственных границ, воздушного пространства и территориальных вод[10].

Одним из факторов, способным перехватить у Ирана инициативу в Курдистанском регионе, является заинтересованность Турции в урегулировании спорных территорий, особенно проблемы Киркука. Турция стремится к усилению там своего влияния. Путем поддержки иракских туркоман она пытается предотвратить этническое доминирование курдов. Турки предлагают альтернативные ст. 140 иракской конституции, предусматривающей решение проблемы через проведение референдума, пути решения проблемы Киркука, позволяющие учесть мнение не только курдского большинства, но и других этнических общин. Особую озабоченность ходом процесса урегулирования киркукского вопроса Анкара стала выражать после парламентских и президентских выборов 2007 г. В условиях ограниченных возможностей прямого военного вмешательства в Ирак, недостатка политической силы Иракского Туркоманского Фронта (ИТФ) в борьбе против реализации ст. 140, отсутствия поддержки США в вопросе по Киркуку турецкое руководство было вынуждено прибегнуть к дипломатическому давлению на курдов с целью отложить реализацию ст. 140 сроком на 10 лет и установить международный контроль над Киркуком. Хотя проведение референдума и было отсрочено, США ничего не сделали в интересах Турции.

Напряженная ситуация, сложившаяся в Киркуке весной 2011 г. в связи с возобновлением дискуссии по его статусу, и конфликт между курдами и представителями центральных властей вызывали озабоченность турецкого руководства. Губернатор Киркука запретил демонстрацию арабов в городе и ввел комендантский час, в то время как Киркук окружили войска и подразделения курдских пешмерга. Проарабские партии подвергли критике это решение, аргументируя тем, что оно было вызвано требованием отдельных демонстрантов вывести пешмерга из провинции. Однако курдский министр по делам пешмерга заявил, что эта вынужденная мера была продиктована опасениями активизации арабских экстремистов против курдов в Киркуке, поскольку они отказались участвовать в демонстрациях, организованных арабами. Об этом, в частности, говорил Джафар Шейх Мустафа, министр по делам пешмерга Курдистанского региона Ирака: баасисты намеревались атаковать курдские кварталы и представительства курдских политических партий, поскольку охрана порядка находилась только в введении полиции. Ввод подразделений пешмерга в окрестности Киркука он объяснил необходимостью защиты курдов от противоправных действий арабских экс-

[9] Nurkey and Iran Vie for Control of Iraq. — http://www.peyamner.com/detais.aspx?1=4&id=238922

[10] Iraq's Sadr tells US troops to go home. — http://www. Peyamner.com/details.aspx?1=4&id=243746

тремистов. С этим мнением согласился и командир курдского спецназа «Зеревани» генерал Азиз Ваизи, заявив, что пешмерга вошли в Киркук по требованию губернатора и уйдут только после его указа[11]. В то же время Ризгар Али, курдский представитель провинциального совета, отметил, что пешмерга не окружили бы город без указания командующего американских вооруженных сил в Ираке.

Появление курдских пешмерга в окрестностях Киркука породила в арабах опасения в связи с претензиями курдов на присоединение этого нефтеносного района к Курдистанскому региону. Кроме того, подразделения пешмерга появились и в других спорных районах с преимущественно курдским населением, в частности в ряде местностей провинции Диала.

Нерешенность проблемы спорных территорий провоцирует социальную напряженность: из района Джалавла, например, после угроз со стороны арабской милиции 600 курдских семей выехали в Курдистанский регион. За последние три года около 400 курдов были убиты экстремистскими группировками. В связи с этим пешмерга постоянно находятся в Сулеймании, поскольку, по словам их командира Махмуда Самгави, под видом демонстрантов экстремисты пытаются нападать на курдов. Хотя в Джалавле сейчас ситуация спокойная, пешмерга продолжают дислоцироваться там.

На совместной пресс-конференции курдских и туркоманских депутатов местного (провинциального) парламента ситуация в Киркуке была признана как весьма сложная, высказывались также мнения о необходимости проведения провинциальных выборов.

Проблема Киркука и вопрос пребывания там курдских пешмерга поднимался во время визита делегации турецкого МИДа, выразившей М. Барзани, президенту Курдистана, свою озабоченность относительно положения туркоман этого региона. Она также высказала пожелание о выводе подразделений курдских пешмерга из этого района[12]. Однако на это резко отреагировали в министерстве по делам пешмерга в Эрбиле, отметив, что пребывание курдских подразделений в Киркуке является внутренним делом Ирака и турецкие представители не должны допускать подобных высказываний.

Между тем настоятельные требования о выводе курдских вооруженных формирований из окрестностей Киркука исходили как со стороны американского командования, так и со стороны центрального правительства. Премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоген во время своего визита в Иракский Курдистан также призвал курдов пойти на уступки. Так, губернатор Киркука и глава провинциального совета покинули свои посты. В результате выборов губернатором Киркука стал курд, а главой провинциального совета — туркоман. Хотя этот курдско-туркоманский альянс не пришелся по вкусу представителям арабских партий, которые не только бойкотировали выборы, но и осудили эту «маргинализацию», он не вызвал возражений со стороны Турции.

Вместе с тем с целью нейтрализации возможных осложнений курдские пешмерга (не без давления американцев) покинули некоторые населенные пункты, переместившись на юго-восток от Киркука, а их место заняли американские войска. С согласия американского командования и Багдада курдские подразделения остались на севере и северо-востоке.

Эти перемещения совпали со временем пребывания премьер-министра Турции Т. Р. Эрдогана в Эрбиле, поскольку вопрос курдско-туркоманских отношений обсуждался им с М. Барзани. При этом С. Аркидж, руководитель Иракского Туркоманского фронта (поддерживаемого Турцией) заявил, что турецкая делегация была удовлетворена позитивным урегулированием курдско-туркоманских противоречий, поскольку одной из целей этого визита было предотвращение обострения отношений между курдами и туркоманами.

Проблема Киркука и отношений между курдами и туркоманами, патронируемыми Турцией, обсуждалась, в частности, Р. Т. Эрдоганом с иракским руководством во время его визита в Багдад.

Турция стремилась заручиться поддержкой Эрбиля в его борьбе против бойцов РПК, базирующихся в Кандильских горах в зоне турецко-иракской границы. Однако в первой половине 2011 г. наблюдалось некоторое изменение позиции турецкого руководства в отношении лидера РПК А. Оджалана, который соблюдал мораторий РПК на ведение вооруженных действий. Его посетила турецкая делегация, с которой он якобы заключил соглашение по вопросу решения курдского вопроса в Турции и создания для этой цели миротворческого совета[13].

Контакты турецкого руководства с А. Оджаланом могли бы сказаться и на активности бойцов Партии свободной жизни Курдистана (Пиджак), действующей на иранской территории против исламского режима. Но функционеры РПК рассматривают действия турецкого руководства в отношении А. Оджалана как попытку еще большей его изоляции.

Главным стратегическим интересом ИРИ является сохранение фундаменталистского шиитского режима и наращивание своего авторитета в исламском мире, где она соперничает с суннитами, а стало быть, и уклонение от американского вмешательства. Ядерная проблема Ирана играет провоцирующую роль в развязывании широкого регионального конфликта. При этом ИРИ требует от США гарантий, что Ирак никогда не станет для него угрозой.

---

[11] Kirkuk: Tensions over the withdrawal of the peshmergas. — http://www.institutkurde.org/en/publications/bulletins/312.html

[12] Там же.

[13] Ocalan and Turkish Government Reach a Deal. — http://www.peyamner.com/details.aspx?1=4&id=239734

По мнению некоторых зарубежных аналитиков, у США на данном этапе нет убедительного военного сценария, «который бы отбил у Тегерана охоту разрабатывать ядерное оружие или позволил бы сдерживать его в случае фиаско таких мер, как дипломатическая изоляция, экономические санкции и “красные линии”»[14].

Со своей стороны, Иран усиливает политические и экономические связи с Курдистанским регионом с тем, чтобы не допустить провозглашение им независимости, а также распространения опыта иракских курдов для решения курдского вопроса в Иранском Курдистане. Не случайно Тегеран старается всеми силами заблокировать распространение информации о Курдистанском регионе на территории Иранского Курдистана и преследует журналистов, посещавших КАР и писавших о нем в местных СМИ.

Присутствие США в регионе обеспечивает баланс сил и не дает таким акторам, как Турция, Иран и Курдистанский регион, полностью реализовать свои региональные амбиции. Они сдерживают Иран от претензий на господствующие позиции в Западной Азии, и в особенности в зоне Персидского залива. Несмотря на вызовы, которые Тегеран предъявляет американцам в регионе, иранское руководство рассматривает США как опасную и непредсказуемую державу и старается избежать прямой с ней конфронтации. Вывод американских войск из Ирака, однако, вовсе не означает того, что США откажутся от военно-политического влияния в Курдистанском регионе, который при определенных обстоятельствах может стать их операционной базой (а также их стратегического партнера по НАТО — Турции) для продвижения своих интересов не только в регионе Западной Азии, но и в Центральной Азии и на Кавказе.

Наращивание политической и экономической мощи КАР в перспективе может превратить этот регион в противовес Ирану. Однако опасения иракских курдов, что влияние Ирана на лидеров шиитских группировок (например, шейха ал-Садра) и правительство Багдада способно дестабилизировать ситуацию в Курдистанском регионе и Ираке в целом, побуждает курдское руководство к поддержанию нормальных и устойчивых отношений как с США, так и с Турцией и Ираном.

В целом главной стратегической целью и Ирана, и Турции в Иракском Курдистане является сдерживание его стремлений к независимости. ИРИ и Турция солидарны в борьбе против перехода Курдистанского региона из статуса субъекта иракской федерации в независимый статус. При этом каждое из этих государств преследует и реализует здесь свой политический интерес.

В то же время эти политические игроки стремятся изолировать Курдистанский регион от контактов с курдской политической оппозицией Турции и Ирана. Об этом, в частности, свидетельствуют совместные действия турецко-иранских вооруженных сил против РПК и Пиджак, которые наносят ущерб граничащим с Турцией и Ираном территориям. При этом в зоне турецко-иракской и ирано-иракской границ уничтожаются курдские деревни, а их жители уезжают в другие районы. Поэтому зона границ остается очищенной от присутствия курдского населения. Совместные турецко-иранские акции особенно усилились в связи с волнениями в Сирии против правящего баасистского режима Б. Асада, который притеснял курдов, отказывая им в предоставлении гражданства. Поэтому не случайно сирийские курды оказались на стороне оппозиции.

Влияние событий в Сирии на «курдскую» политику Ирана и Турции

Один миллион сирийских курдов проживает преимущественно в нефтедобывающих районах северо-востока страны. Под влиянием событий в Турецком и Иракском Курдистане сирийские курды стали выражать более амбициозные идеи, в частности о предоставлении им автономного статуса. По сообщениям курдских СМИ, в курдских районах Сирии прошли выступления с требованиями демократических реформ. Хотя сторонники Б. Асада уже несколько месяцев жестко отстаивают свое право на власть, они не применяют к курдам радикальных мер подавления их протестных акций, как это было в 2004 г. в Камышлы. Сирийские курды требуют свержения баасистского режима Б. Асада. Однако смена режима существенно обострит курдский вопрос не только в Сирии, но и в этническом Курдистане в целом. Сирийские курды полагают, что свержение Б. Асада и правящей баасистской партии позволит установить новую политическую систему, которая предоставит провинциям большую самостоятельность и «освободит от расизма и экстремистской идеологии» нацию и при которой наступит толерантность. Курды полагают, что сирийская революция не будет завершена, если новая конституция не признает официальным курдский язык, а курдам не предоставит компенсацию за «историческую дискриминацию и преследования».

Очевидно, эти требования возникли не без влияния состояния курдского вопроса в Турции, а также автономии иракских курдов. Кроме того, курдская оппозиция в Сирии поддерживает тесные связи с Турцией. Это «старые знакомые» Анкары. Летом 2011 г. в Стамбуле был создан Совет национального спасения Сирии, в который вошли исламисты, либералы и независимые участники[15]. Но влияние этой сепаратистской группы не велико в сравнении с исламистами.

Требования сирийских курдов поддерживает курдская диаспора в Европе. Так, в начале сентября

---

[14] Крепиневич Э, Монтгомери Э.Б., Эдельман Э. Опасности ядерного Ирана. — http://www.globalaffairss.ru/number/Opasnosti-eadernogo-Irana-15186

[15] Известия, 20.07.2011.

2011 г. в здании шведского парламента состоялась двухдневная конференция по курдскому вопросу в Сирии, в работе которой приняли участие 50 человек. Среди них был курдский писатель Массуд Акко, который несколько лет назад эмигрировал из Сирии и теперь живет в Норвегии, курдский общественный деятель Махмуд Сида, живущий в Швеции, и др.[16] Со времени политической активизации сирийских курдов это была первая попытка создания рабочей группы курдских активистов, заявивших, что от свержения режима Б. Асада курды только выиграют. Конференция в Стокгольме приняла Декларацию, поддержавшую протестные акции сирийских курдов против правящего режима. В ней выражается также пожелание объединить ряды курдской оппозиции в Сирии подчеркивается, что сирийский народ как часть населения Сирии является «основным компонентом восстания против режима, и он полностью заинтересован в его падении»[17].

Очевидно, что беспорядки негативно отражаются на состоянии сирийской экономики: сокращаются инвестиционные программы и туризм, растет безработица. В этих условиях сирийские власти несколько смягчили свою политику в отношении курдских неграждан, предоставив им некоторые имущественные права.

Любые изменения структуры власти в Сирии будут иметь глобальные региональные последствия. Являясь алевитом, Б. Асад связан с влиятельными суннитскими представителями крупного бизнеса и преданным ему ядром в армии и силах безопасности. Однако события в Сирии неоднозначно трактуются в Турции и Иране, где курдский вопрос сохраняет свою остроту. Основная задача этих государств — не допустить подъема курдского национализма в Турецком и Иранском Курдистане, оплотом которого является Иракский Курдистан. Ведь этнический Курдистан является ареалом имперских вожделений и Турции, и Ирана.

Как член НАТО Турция не препятствует продолжению в Сирии принятого апробированного в Ливии политического курса Североатлантического альянса. Она поддержала решение Вашингтона распространить экономические санкции на режим Б. Асада. Вместе с тем Турция поставлена перед фактом наплыва тысяч беженцев из Сирии, которых размещают в специальных лагерях. В этих обстоятельствах глава иракского Движения правосудия и реформ (Justice and Reform Movement) обратился в турецкое консульство в Ниневее, чтобы получить одобрение на оказание гуманитарной помощи сирийским беженцам[18].

Евросредиземноморский центр по правам человека (The Euro-Mediterranean Human Rights Network) выразил поддержку участникам мирных демонстраций в Сирии и признал законность их требований. Он также потребовал от сирийских властей немедленно прекратить насильственные действия против демонстрантов, вывести войска из городов, освободить всех заключенных совести и гарантировать гражданам право на мирные демонстрации[19].

Иран выступил с протестом против каких-либо попыток НАТО вторгнуться в Сирию и повторить ливийский сценарий. Али Акбар Салехи, министр иностранных дел Ирана, в интервью агентству ИРНА заявил, что «если господь позволит и такие события произойдут, то НАТО будет затянуто в такое болото, из которого ему не выбраться…». И далее: «…если Запад хочет следовать тем же курсом, каким он идет в Ираке и Афганистане, то он не добьется желаемого результата»[20].

В то время как соседние страны критикуют действия Б. Асада, Тегеран, напротив, защищает его, хотя Салехи и сказал, что правительство должно нести ответственность за законные требования своего народа, будь то в Сирии, Йемене или других странах.

Со времени начала протестных акций в Сирии в марте 2011 г. по данным ООН, было убито 2200 человек. В целом события в этой стране вносят определенную озабоченность правящих кругов Турции, Ирака и Ирана, придерживающихся неоднозначных позиций. Определенные опасения вызывает у них радикализация курдской оппозиции в Сирии, выступившей с требованим национальной автономии.

Иракский Курдистан как перекресток экономических интересов

Руководство Курдистанского региона Ирака заинтересовано в полном контроле богатых нефтегазовых месторождений этого ареала, так же как и так называемых спорных территорий, которые курды стремятся присоединить к своей автономии в соответствии с намечающейся реализацией ст. 140 конституции Ирака. Нефтяные ресурсы этого региона оцениваются в 40 млн. баррелей и 200 млн. куб. м природного газа[21]. Однако позиция курдов вызывает негативное отношение центральных властей Ирака, заинтересованных в контроле над всеми энергоресурсами страны. Нередко эти разногласия приводят к обострению противоречий между Эрбилем и Багдадом. Так, например, неожиданно в сентябре 2011 г. резко сократился экспорт нефти из Курдистана (со 160 тыс. до 50 тыс. баррелей в день). Пред-

---

[16] Syria's Kurds see better lot if Assad goes, say grievances have to be addressed — http://www.peyamner.com/details.aspx?I=4&id=247154

[17] Там же.

[18] Request for humanitarian assistance to Syrian immigrants — http://www.peyamner.com/details.aspx?I=4&id=245026

[19] Syria — The authorities should stop waging war against their people. — http://www.kurdishaspect.com/doc071411EH.html

[20] Iran warns NATO against any temptation to intervene in Syria. — http://www/peyamner.com/details.aspx?I=4&id=246249

[21] Kurdish energy and EU: time foe a (different) bear hug. — http://www.kurdishaspect.com/doc091411SZ.html

ставитель премьер-министра Ирака М. ал-Малики сказал, что это является реакцией курдского руководства на одобрение центральным правительством нового нефтегазового закона без консультаций с курдскими властями. Министр нефтересурсов Ирака Абдул-Карим Луаиби заявил на встрече с представителями нефтяных компаний в Аммане (Иордания), что хотя курдский экспорт нефти и сократился, курды не дали пока своих объяснений. Он подчеркнул, что это наносит большой ущерб иракской экономике и благосостоянию народа.

Региональное правительство Курдистана в тот же день выступило с резкой критикой заявления Абдул-Карима Луаиби. Представитель министерства природных ресурсов сказал, что политического решения о сокращении экспорта нефти из Курдистана по иракско-турецкому нефтепроводу, перекачивающему до 100 тыс. баррелей в день, принято не было. Он объяснил сокращение экспорта техническими трудностями управления нефтепровода и системы, качающей нефть из скважины. Однако проанализировав проблему, иракские официальные лица пришли к заключению, что сокращение нефтяного экспорта из Курдистана имеет не техническую, а политическую подоплеку. Противоречия усугубляет и тот факт, что правительство ал-Малики настаивает на своем варианте закона о нефти (который был принят к рассмотрению еще в 2007 г.), ограничивающем руководство Курдистана в заключении контрактов с иностранными партнерами минуя центральное министерство нефтегазовых ресурсов. Региональное правительство Курдистана неоднократно выражало недовольство, что такой важный законопроект принимается без участия курдской стороны.

Следует отметить, что Региональное правительство Курдистана и ранее ограничивало экспорт нефти, например в 2009 г. Причины этого были те же, что и теперь. Хотя экспорт нефти из Курдистана возобновился, его ограничение дает понять Багдаду, что нефтяной экспорт с северных нефтерождений находится под контролем Регионального правительства Курдистана и оно может ограничить его в любое время[22].

В связи с этим президент Курдистанского региона Масуд Барзани собрал специальное совещание, основной темой которого стали разногласия между Эрбилем и Багдадом. Было принято решение впредь не допускать подобных противоречий с центральным правительством. В то же время было отмечено, что Региональное правительство Курдистана будет придерживаться временного соглашения с федеральными властями относительно экспорта нефти из Курдистана пока постоянное соглашение, основанное на конституции, не будет достигнуто. А. К. Луаиби договорился с премьер-министром Курдистанского региона Б. Салехом и А. Хаврами, министром природных ресурсов региона, о возобновлении экспорта нефти из Курдистана[23].

Подобные разногласия находятся в числе других важных проблем, требующих своего разрешения: распределение доходов, спорные территории и др. Однако, несмотря на оппозицию со стороны Багдада и сдержанность США в сфере инвестирования в нефтегазовый сектор Курдистана, Эрбилю удалось привлечь около 40 иностранных компаний на добычу нефти и газа и заключить с ними контракты вместо контрактов, предлагаемых Багдадом. Некоторые американские компании не смогли преодолеть искушение и жажду быстрой наживы, заключив прямые контракты с курдами, особенно не задумываясь над их законностью. Но Багдад занес в черный список некоторые компании, заключившие PSC[24].

Курдистанский регион, не имеющий выходы к морю, испытывает трудности с транспортировкой нефти и газа. Эти ресурсы направляются по трубопроводу в средиземноморский порт Джейхан в Турции. Перспективы для транспортировки природного газа могут открыться после ввода в эксплуатацию южного газопровода «Набукко», что в определенной степени, возможно, может повлиять на монополию поставок российского газа в Турцию.

Стремление курдского руководства к экономическому процветанию региона сдерживает не только его разногласия с центральным правительством, но и соперничество между Турцией и Ираном. По мнению некоторых зарубежных аналитиков, Турция, например, пытается вывести свою экономику на 10-е место в мире и считает себя лидером в мусульманском мире. В условиях складывающейся ситуации на мировом рынке Турция в значительной степени делает ставку на импорт углеводородов для испытывающей «бум» турецкой экономики. Но ее зависимость от импорта и недавний скачок цен способствовали повышению дефицита до рекордного уровня, усилив инфляцию и безработицу. Потребности Турции удовлетворяют Россия и Иран, но Курдистанский регион также имеет хорошие перспективы в силу больших запасов нефти и газа. Курдистанский регион и Ирак могут полностью удовлетворить потребности Турции в нефти и газе. Однако существующие противоречия и борьба между турецким руководством и курдской оппозицией, базирующейся на турецко-иракской границе, существенно блокирует развитие экономических отношений Турции с Курдистанским регионом Ирака.

Хотя до недавнего времени Турция и отказывалась признавать легитимность политического статуса Курдистанского региона Ирака, напряженные отношения не препятствовали созданию и укреплению тесных экономических отношений. Турция была самым крупным инвестором, и потенциальная эко-

[22] Там же.

[23] Kurdish oil exports expected to restart soon.-http://www.kurdmedia.com/article.aspx?id=16801

[24] Kurdish energy and the EU…

номическая и стратегическая выгода от этих отношений для нее огромна, хотя эти отношения хрупки и не равноправны. Тем не менее, их результатом стало то, что турецкое руководство осознало необходимость решения курдского вопроса в самой Турции.

Другой крупный политический игрок в регионе, Иран, так же как и Турция, стремится к статусу региональной державы. Соперничая с Турцией за региональное влияние, ИРИ проводит свою политику более агрессивно, что не приумножает ей сторонников. Прошиитское правительство в Багдаде весьма позитивно относится к политике Тегерана. Об усилении связей между бывшими врагами свидетельствует подписание в июле 2011 г. Меморандума о намерениях между Ираном, Ираком и Сирией о строительстве газопровода, который будет транспортировать иранский природный газ через Ирак в Сирию. Эти действия ИРИ свидетельствуют об игнорировании Тегераном экономических санкций и способствуют усилению его экономического влияния в регионе Западной Азии.

О своей заинтересованности в поставках иракского газа и нефти высказывались и представители некоторых стран Евросоюза. При этом Курдистанский регион не может оставаться в стороне, хотя ЕС предпочитает строить свои отношения с ним через Багдад. Некоторые курдские аналитики высказывают мнение о том, что, несмотря на монополию российского газа на европейском рынке, богатый ресурсами Курдистанский регион в перспективе преодолеет изоляцию и еще скажет свое слово в решении энергетических проблем Европы[25].

В целом можно заключить, что распространение западных ценностей в общества Турции и Ирана в начале XX в. способствовало взаимообогащению культур Запада и Востока. Вместе с тем специфика восточного общества и его менталитет не позволили решить, в частности, курдский вопрос по западной модели, и он остается в числе неурегулированных проблем стран Западной Азии.

В начале XXI в. просматривается тенденция обращения Турции к неоосманизму, предусматривающему как будто бы создание новой империи, которая, возможно, включит и весь этнический Курдистан. С одной стороны, она не случайно стремится политически и экономически утвердиться в Курдистанском регионе Ирака, а с другой — изолировать его от взаимных контактов с курдскими ареалами Ирана и Турции. Ее стремление вступить в ЕС, озабоченный проблемой энергетической безопасности, заставляет турецкое руководство инициировать экономические реформы в Турецком Курдистане, чтобы смягчить курдский вопрос. Кроме того, Турция препятствует усилению влияния Ирана в регионе, желающего не только сохранить фундаменталистский режим в собственной стране, но и путем опоры на шиитские общины утвердить свои политические и экономические позиции в регионе, не сбрасывая со счетов и курдский фактор.

В условиях развивающегося регионального турецко-иранского соперничества курды этнического Курдистана выступают за создание собственного государства, не подвластного ни Ирану, ни Турции, ни какой-либо другой державе, апеллируя к поддержке Соединенных Штатов. Этот регион таит в себе огромную потенцию обострения ситуации по ряду причин. В их числе и нерешенность спорных территорий, и активность левоэкстремистских организаций, и политическая напряженность во всех странах проживания курдов Западной Азии и др. Эти противоречия и таят в себе опасность войны. Эту региональную напряженность могло бы снять решение курдского вопроса. Так, некоторые курдские аналитики считают, что на данном этапе эффективным решением курдского вопроса является децентрализация и передача власти курдам в курдских ареалах. По их мнению, это усилит роль народа в управлении, будет способствовать преодолению бедности и предотвращению опасности возникновения гражданской войны и дезинтеграции. Они ставят принцип децентрализации на уровень основного демократического принципа. В качестве примера они приводят постсаддамовский Ирак, когда новая система управления позволила создать плюралистическую легитимную систему, гарантирующую права меньшинств и участие всех иракцев в центральных органах власти. Федерализм в Ираке, по их мнению, не только не способствовал распаду страны, а, напротив, сплотил этнические и религиозные меньшинства. Они полагают, что такие страны, как Турция, в которой курдский вопрос ожидает своего разрешения, должны извлечь уроки из эксперимента в Северном Ираке, а установление автономии в Турецком Курдистане способствовало бы стабильности государства и сплочению его народа. Сирия избежала бы сецессии и опасности дезинтеграции, если бы использовала демократические средства для размежевания и передачи власти. Разработка и реализация плана быстрой децентрализации, по их мнению, для многомиллионного маргинализированного курдского населения этнического Курдистана стали бы гарантом территориальной целостности и суверенитета Турции, одного из ключевых членов НАТО. Децентрализация, продолжают курдские аналитики, может служить инструментом демократизации, примирения и социальной интеграции, а также приведет к смягчению отношений между курдским меньшинством и большинством титульной нации путем разумного распределения функций управления[26].

На данном этапе исторического развития страны проживания курдов пока не готовы к реализации подобной модели. Поэтому этнический Курдистан остается перекрестком геополитических и экономических интересов региональных и мировых держав.

---

[25] Там же.

[26] Decentralization is the only solution to Kurdish-Nurkish? Kurdish-Persian and Kurdish-Arab dissensions/ — http://www/kurdishaspect.com/doc091311DM.html

В.И. Сотников

К вопросу о ядерной безопасности в Пакистане

В последние три месяца, после ликвидации американским спецназом террориста номер один Усамы бен Ладена в г. Абботабаде (Пакистан) в начале мая 2001 г., мировые и, прежде всего, западные СМИ, а также аналитики в области ядерного оружия активно обсуждают так называемый «ядерный кризис» в Пакистане, связанный с «проблемой ядерной безопасности» в этой стране. Так, в конце июня 2011 г. был обнародован новый доклад Федерации американских ученых (ФАУ), подготовленный известным экспертом из американского Института ядерной технологии и безопасности в Вашингтоне Чарльзом Блэром о связи терроризма и возможности захвата ядерных объектов и стратегических активов в Пакистане экстремистскими кругами. В докладе подчеркивается, что США и мировое сообщество должны предпринять активные и решительные действия для предотвращения возможности попадания ядерных активов Пакистана в руки террористов и с этой целью вести прямой диалог с руководством этой страны об обеспечении безопасности ядерных объектов в Пакистане. На наш взгляд, для российских экспертов — специалистов по Пакистану и ядерному оружию — представляет значительный интерес мнение американского эксперта, выраженное в вышеупомянутом докладе, а также мнения по поводу так называемого «кризиса в области ядерной безопасности» в Пакистане, чтобы осознать, насколько серьезны опасения мирового сообщества. При этом отметим, что автор данной статьи уже неоднократно писал по данной теме и полагает, что, несмотря на последние успешные атаки террористов на военные объекты, угроза попадания ядерных активов Пакистана в руки террористических группировок, активно действующих в этой стране, несколько преувеличена.

По мнению большинства западных аналитиков в области внешней и внутренней безопасности, влияние ряда факторов усиливает риски для пакистанского ядерного арсенала.

Во-первых, пакистанские исламистские группы, по мнению Чарльза Блэра, директора Проекта по анализу терроризма ФАУ, стали самой значительной террористической угрозой в мире и способны заполучить ядерное оружие. Пакистанское движение Талибан (ПДТ) — название, данное объединившимся террористическим группам, — уже «провел наиболее организованные и хорошо продуманные, а также оперативно сложные террористические атаки в этом веке», — считает американский аналитик.

Ч. Блэр утверждает, что ПДТ зародился в пакистанских районах племен после террористических атак на США 11 сентября 2001 г. «Они [пакистанцы] не думали, что, когда Талибан и “Аль-Каида” пришли в районы племен, они будут считать своей целью пакистанское государство», — заявляет Блэр. Однако число террористических атак в Пакистане подскочило до 1916 в 2009 г., и в настоящее время руководство Пакистана осознало, что страна находится «в эпицентре гражданской войны против многих из этих группировок». Как ранее утверждал (в 2010 г.) тогдашний главнокомандующий американскими войсками в Афганистане (ныне — директор ЦРУ) генерал Дэвид Петреус, ПДТ уже стал «угрозой для самого существования Пакистана как государства». По словам Ч. Блэра, ПДТ является «группировкой с большими возможностями, которая может стремиться и будет стремиться к обладанию ядерным оружием».

Во-вторых, считают западные аналитики, физическая безопасность пакистанского атомного арсенала требует тщательного обследования, особенно в свете рейда американских «коммандос» по уничтожению Усамы бен Ладена в Абботабаде, который прошел незамеченным для пакистанских спецслужб (по крайней мере, так утверждали сами пакистанцы и американцы). В таком случае аналитики задаются вопросом — этот «прокол» в обеспечении безопасности страны говорит о ядерной небезопасности Пакистана, особенно по отношению к негосударственным акторам, таким как ПДТ? На наш взгляд, это еще ничего не означает, поскольку пакистанцы, даже если они «прозевали» рейд американского спецназа в глубь пакистанской территории 2 мая 2011 г. с целью уничтожения бен Ладена, совсем не обязательно не обеспечивают физическую безопасность чувствительных ядерных объектов и атомного арсенала вообще. Речь здесь скорее может идти об опасности, исходящей от так называемых «инсайдеров», т. е. персонала этих самых объектов, поскольку некоторые из них могут оказаться под влиянием исламистской идеологии или просто «сдать» ядерный объект террористам за деньги.

В докладе ФАУ упомянуто о нескольких атаках со стороны группировок ПДТ, проведенных непосредственно на самих военных объектах или около них. Последний инцидент связан с атакой террористов против базы ВМФ Пакистана в Мехране 22 мая 2011 г. Боевики обстреляли базу из «стингеров» и ручных гранатометов, выведя из строя два транспортных самолета пакистанских ВВС «Гэлакси-5» и убив 10 военнослужащих. Этот хорошо защищенный объект расположен всего в 15 милях (около 25 км) от базы ВВС Пакистана Масрур, на которой

находится склад ядерных боеголовок. Нападение террористов вызвало серьезную озабоченность в соседней Индии, хотя некоторые высокопоставленные индийские политики и военные впоследствии заявили о том, что пакистанцы поддерживают безопасность своих ядерных объектов «на должном уровне».

С другой стороны, некоторые высокопоставленные официальные представители госдепартамента США полагают, что пакистанский ядерный арсенал находится в безопасности от атак экстремистов. В частности, помощник госсекретаря США Роберт Блейк заявил: «Мы не думаем, что существуют какие-то новые озабоченности … в этой связи. Эти [ядерные] активы остаются в условиях гораздо более повышенной безопасности, чем мы видели такую безопасность на базе ВМФ Пакистана».

Однако некоторые западные аналитики не согласны с такой оценкой. Институт Мэлдон в Балтиморе (США) сообщал в своем докладе о случаях кражи ядерных материалов, отслеженных известным британским экспертом по Пакистану, директором Отдела по исследованиям безопасности в Пакистане Университета Брэдфорда (Великобритания) Шоном Грегори. В своем докладе, опубликованном в 2010 г., Ш. Грегори сообщал об атаках террористов на объект по хранению ракет с ядерными боеголовками, базу боевых самолетов ВВС Пакистана, способных нести ядерное оружие на борту, а также на комплекс по производству ядерных вооружений в кантоне Вах (место сборки пакистанских ядерных боеголовок). Если верить Ш. Грегори, то, что пакистанцы замалчивали эти атаки, объясняется нежеланием руководства Пакистана, а также военных признавать тот факт, что безопасность на чувствительных ядерных объектах страны поддерживается «не на должном уровне». На наш взгляд, эти факты, скорее всего, имели место, но, однако, без негативных последствий для безопасности пакистанского ядерного арсенала.

То, что президент Пакистана Асиф Али Зардари и начальник Штаба генерал Ашфак Каяни настаивают на том, что пакистанский арсенал из примерно 100 ядерных боеголовок «находится в полной безопасности» (а США с момента событий 11 сентября 2001 г. уже предоставили Исламабаду порядка 100 млн. долл. на укрепление безопасности его ядерного арсенала, подготовку персонала, работающего на атомных объектах, и на улучшение наблюдения за ними), не выдерживает, по мнению Ш. Грегори, критики. Он настаивает на том, что несмотря на «усиленные и сложные меры безопасности и гарантии от кражи и нападения, факты указывают на слабость и уязвимость мер Пакистана по физической ядерной безопасности и безопасности ядерных объектов». На наш взгляд, пакистанцы не полностью обеспечивают ядерную безопасность, однако не надо поддаваться алармистским настроениям, что не сегодня-завтра террористы будут обладать ядерным оружием или расщепляющимися материалами. Ведь средства доставки ядерного оружия и ядерные боеголовки хранятся в Пакистане (насколько позволяют судить заявления самих пакистанцев) отдельно друг от друга, а простой захват ядерного боеприпаса или средства доставки без знания кодовых замков, приводящих в действие эти активы, или захват расщепляющихся материалов не говорит о том, что террористы смогут вскоре после этого совершить акт ядерного терроризма. Скорее опасность представляет возможность обладания ими расщепляющимися материалами, из которых можно без особых усилий создать так называемую «грязную бомбу», которую можно использовать для теракта. Но даже обладая этой бомбой, ее еще нужно вывезти из Пакистана и доставить на место совершения теракта. Это требует сотрудничества террористов с пакистанскими органами, ведущими контроль за ядерным экспортом, и с пограничными службами страны — потенциальной жертвы террористов, что не так просто даже при наличии исламистских настроений в среде пакистанских военных (обеспечивающих контроль за ядерным экспортом в Пакистане) и значительных финансовых ресурсов у ПДТ (позволяющих подкупить пограничные власти, что не так просто, когда пограничный контроль в западных странах и Индии на границах с Пакистаном усилен).

В-третьих, одной из этих «уязвимостей», по словам доклада ФАУ, являются специалисты, которые осуществляют контроль за атомным арсеналом Пакистана. Пакистанские военные традиционно всегда были и остаются вне религии, но, по мнению Джона МакЛофлина, бывшего заместителя директора ЦРУ, силы безопасности Пакистана стали в последние годы сильно различаться по своим взглядам. Имеются свидетельства, что в них внедрились исламисты. В этой связи следует отметить, что такая опасность, на наш взгляд, действительно существует и представляет собой (как уже было отмечено выше в связи с «инсайдерами») реальную угрозу, относящуюся к проблеме терроризма в Пакистане.

Однако пакистанские официальные лица настаивают, что Программа обеспечения надежности персонала, работающего на чувствительных ядерных объектах, является очень строгой. Одним из ключевых элементов Программы является проверка лояльности персонала на детекторах лжи. Этот элемент обеспечения безопасности был профинансирован американцами. В связи с этим генерал в отставке Халид Ахмед Кидваи, генеральный директор Управления по стратегическому планированию, которое контролирует ядерные вооружения Пакистана, заявил в интервью газете The New York Times: «Наши системы безопасности полностью надежны». Но как, задаются вопросом некоторые западные аналитики, могут быть «надежны» уверения Кидваи, если Усама бен Ладен мог успешно укрываться в пакистанском военном городке в течение пяти лет без того, чтобы

быть обнаруженным? Очевидно, рассуждают они далее, что этот инцидент унизил пакистанские силы безопасности и ускорил некоторую чистку в их рядах в июне 2011 г. Так, бригадный генерал Али Хан был задержан по обвинению в связях с «Хизб-ут-Тахрир» — запрещенной в Пакистане исламистской группировкой, которая стремится к установлению всемирной исламской теократии (халифата). Затем, 22 июня 2011 г., пакистанские власти допросили четверых военнослужащих пакистанской армии в звании майора в связи с возможной связью с Ханом. Вот и задаются далее следующим вопросом западные эксперты: не предпринимались ли эти действия только как шоу, рассчитанное прежде всего на США, или Пакистан действительно начал серьезно относиться к исламистам в рядах своих спецслужб?

Очевидно, что некоторые сотрудники из пакистанских спецслужб, полагают западные аналитики, избежали чистки. Как сообщала газета The New York Times, в конце мая 2011 г. Саид Салим Шахзад, пакистанский журналист из Исламабада, который писал о национальной безопасности и терроризме, был найден мертвым. По мнению газеты, он получал неоднократные угрозы от Межведомственной разведки Пакистана (ISI). Шахзад исчез из Исламабада два дня спустя после того, как опубликовал статью, в которой предполагалось, что атака боевиков на базу ВМФ в Мехране была местью за попытки ВМФ страны «разобраться» с боевиками «Аль-Каиды» в вооруженных силах Пакистана. Так или иначе, на наш взгляд, пакистанские спецслужбы, как уже давно известно, ведут двойную игру. С одной стороны, они проводят чистки в своих рядах с целью «выкинуть» военных и офицеров безопасности, симпатизирующих исламистам, с другой — продолжают поддерживать тесные контакты с пакистанскими и афганскими талибами, ПДТ и боевиками «Аль-Каиды», в том числе помогая американцам вести прямые переговоры с представителями движения Талибан в Афганистане с целью достичь мирного решения афганского кризиса после полного вывода американских войск из этой страны. Двойная игра спецслужб Пакистана представляет большую опасность и приводит к невозможности верить их заверениям в надежности контроля за атомным арсеналом Исламабада. Можно даже предвидеть ситуацию, при которой пакистанские спецслужбы способны вступить в сговор с экстремистскими силами в стране и «сдать» им какой-либо чувствительный ядерный объект или расщепляющийся материал. Но это уже крайний вариант развития обстановки в сфере ядерной безопасности в Пакистане, поскольку, на наш взгляд, это поставило бы под вопрос само существование Пакистана как независимого государства, поскольку ни Вашингтон, ни Дели этого не допустят и предпримут удары по ключевой инфраструктуре Пакистана или захват ядерного арсенала страны. В западных СМИ, в частности журнале The New Yorker, еще осенью 2009 г. была опубликована статья о том, что на случай непредвиденных обстоятельств США подготовили специальную группу из спецназа, готовую высадиться на территории Пакистана и «обезопасить» (читай — захватить) ключевые объекты военной ядерной промышленности страны или ядерные активы, чтобы они не попали в руки террористов. Сегодня, после майского молниеносного рейда американских «коммандос» в Пакистан с целью ликвидации Усамы бен Ладена, это становится весьма реальным, и пакистанские власти всерьез опасаются, что США действительно готовы предпринять эти действия. Но это означало бы прямой вооруженный конфликт пакистанской армии с американскими вооруженными силами в регионе. Хотя, на наш взгляд, такая акция со стороны США представляется единственно реальным средством обезопасить пакистанский атомный арсенал от террористов в случае хаоса и безвластия в стране или прихода к власти исламистов.

В-четвертых, Пакистан ускоренно наращивает свой ядерный арсенал гораздо более быстрыми темпами, чем любая другая страна, даже Китай или Индия. В исследовании авторитетного журнала «Буллетин оф Атомик Сайентистс» (США), которое вскоре должно быть обнародовано, как сообщал индийский интернет-ресурс India Press Online, утверждается, что Пакистан мог бы обладать до 200 единиц ядерного оружия в течение этого десятилетия, что представляет собой большее количество ядерных боеголовок, чем имеется у Великобритании. Как сообщило индийское агентство Press Trust of India, Чоудхри Ахмад Мухтар, министр обороны Пакистана, попытался оправдать увеличение пакистанского ядерного арсенала растущей угрозой исламизма в стране. Он также добавил, что Индия, традиционный региональный противник Пакистана, с финансовой точки зрения остается в состоянии вести более продолжительную войну против его страны, чем Пакистан против Индии. Следовательно, можно заключить, что Пакистан ликвидирует эту разницу наращиванием ядерного потенциала. Это опасное заблуждение. Помимо угрозы захвата атомных активов Пакистана со стороны исламистов внутри страны наращивание ядерного арсенала Исламабадом ускоряет гонку ядерных вооружений в регионе Южной Азии, поскольку Индия вряд ли захочет отстать от Пакистана в количестве и качестве ядерных вооружений, и эта гонка может реально привести к неспровоцированному ядерному конфликту между этими двумя традиционными региональными противниками, что могло бы, в свою очередь, привести к возникновению мировой ядерной войны, так как на стороне Пакистана выступит его традиционный союзник Китай, а на стороне Индии — Россия или другие ее партнеры. Это же означает реальное вмешательство США в дела региона, что, на наш взгляд, не соответствует национальным интересам России в Южной Азии.

Наконец, Пакистан имеет плохую репутацию в области ядерного распространения. По словам адмирала Майкла Маллена, председателя Объединенного комитета начальников штабов армии США, «распространение такой технологии [пакистанского ядерного оружия] может привести к захвату ее террористами».

Пакистан с недавних пор открыто признает, что его ученые передали чувствительную ядерную информацию членам террористической группировки «Аль-Каида», а в 1980–1990 гг. прошлого века Абдул Кадир Хан, «отец» пакистанской атомной бомбы, тайно продал информацию, ноу-хау и оборудование, относящееся к производству атомной бомбы, Ливии, КНДР и Ирану. Однако Пакистан проявлял поразительную неосведомленность в том, что касается нелегальной деятельности в области ядерного распространения вплоть до 2003 г., когда А. К. Хан был арестован и помещен под домашний арест, а тогдашний президент Пакистана генерал Первез Мушарраф публично его помиловал. Очевидно, и это признают даже западные аналитики, что эти сделки были бы невозможны без широкой поддержки со стороны пакистанских военных. То есть получается, что официальные власти Пакистана были в курсе деятельности А. К. Хана. Об этом, кстати, говорили и американские аналитики автору этой статьи летом 2006 г. в США. Кстати, Иран теперь признает, что он использовал центрифуги пакистанского производства для начала процесса обогащения урана, которое, как принято теперь считать, Тегеран осуществляет в немирных целях в тайных попытках заполучить ядерное оружие. Это было признано и в отчетах МАГАТЭ о незадекларированной ядерной деятельности Ирана, у которого нашлись следы обогащенного урана на центрифугах P-1, проданных ему сетью А. К. Хана. Теперь же, на наш взгляд, Иран ускоренно стремится к обладанию, по крайней мере, «виртуальным ядерным потенциалом», т. е. потенциалом быстрого создания ядерного оружия в случае принятия соответствующего политического решения. А КНДР вообще провела открытые испытания ядерного оружия. По мнению ряда западных аналитиков, все эти факторы являются индикаторами «вскипающего ядерного кризиса» в Пакистане, совпадающего по времени с очень напряженными отношениями между Пакистаном и США после ликвидации Усамы бен Ладена. Так, посол Пакистана в США Хусейн Хаккани заявил, выступая в мае 2011 г. перед аудиторией Университета национальной обороны в Вашингтоне (в котором автор этих строк беседовал с работающими там исследователями), что многие пакистанцы рассматривают Америку в качестве «главной угрозы национальной безопасности страны». По словам пакистанской газеты Dawn, некоторые пакистанские военные полагают, что США настроены «провести денуклеаризацию» их страны. Это, на наш взгляд, очень негативный сценарий развития ситуации в области ядерной безопасности в Пакистане. Одно дело — действительно предпринять со стороны США решительные меры в Пакистане в случае реального попадания пакистанских ядерных активов в руки террористов; другое — когда ухудшившиеся американо-пакистанские отношения могут подтолкнуть Исламабад к необдуманным действиям в области обеспечения безопасности ядерного арсенала страны.

Кроме того, следует отметить, что проблема ядерной безопасности в Пакистане связана с наращиванием ядерного потенциала этой страны и пакистано-индийским ядерным противостоянием. Дело в том, что в условиях количественного роста ядерного арсенала Пакистана риск угрозы попадания ядерных активов этой страны в руки экстремистских группировок также возрастает, хотя это и не является неизбежным. Что же касается продолжающегося ядерного противостояния между Индией и Пакистаном в Южно-Азиатском регионе, то очевидно, что наращивание Пакистаном своих ядерных возможностей подталкивает Индию к ответному наращиванию своего ядерного арсенала, что на самом деле и происходит. Это, в свою очередь, создает угрозы для национальных интересов России, поскольку ядерное наращивание в новых ядерных государствах, таких как Индия и Пакистан, на южных рубежах РФ, подталкивает Москву к усилению роли ядерного оружия в своей национальной военной доктрине. Кроме того, ядерное наращивание в Южной Азии должно учитываться в дальнейших переговорах между крупнейшими ядерными державами, прежде всего между РФ и США, по дальнейшему ограничению и сокращению ядерных вооружений. Таким образом, продолжающееся ядерное противостояние в Южной Азии, а также проблема сохранения ядерной безопасности Пакистана и ее защищенности от возможности попадания ядерных активов в руки экстремистов представляет собой как региональную, так и глобальную проблему.

В итоге нашего анализа проблем ядерной безопасности в Пакистане мы приходим к следующим выводам и оценкам.

Во-первых, несмотря на то что проблема обеспечения безопасности ядерных активов и объектов в Пакистане, на наш взгляд, является не только проблемой одного Пакистана или американо-пакистанских отношений, но и глобальной проблемой, требующей скоординированного подхода всего мирового сообщества, и прежде всего США и России. Видимо, необходимы расширенные консультации дипломатов, научных экспертов и представителей спецслужб всех заинтересованных сторон, и прежде всего из таких стран, как США, Россия, Великобритания, Китай, Индия, Пакистан и, возможно, других, для выработки подходов к обеспечению ядерной безопасности в Пакистане в случае чрезвычайных обстоятельств (попадания атомных активов страны

в руки экстремистов), но без применения военной силы против этой страны.

Во-вторых, несмотря на то что эта проблема чрезвычайно актуальна, не следует предаваться алармистским настроениям о том, что террористы в Пакистане вот-вот завладеют атомным арсеналом этой страны. Исламабад все же, на наш взгляд, предпринимает активные усилия для обеспечения ядерной безопасности в стране.

В-третьих, угроза со стороны террористических группировок в Пакистане высока, но, на наш взгляд, не до такой степени, когда ядерные активы действительно могут оказаться в руках экстремистов.

В-четвертых, необходимо оказать Пакистану всемерную помощь по линии МАГАТЭ, со стороны официальных ядерных держав, а также заинтересованных организаций и спецслужб США, России и, возможно, других стран, для того чтобы Исламабад мог предпринять еще большие усилия в деле создания в стране таких условий, когда террористы не могли бы «проникнуть» через систему физической защиты и контроля за ядерными активами и объектами. Для этого, на наш взгляд, необходимо вести откровенный диалог с пакистанскими властями и спецслужбами по этим проблемам, поощрять оказание финансовой помощи Пакистану для поддержания эффективного режима безопасности ядерных активов в стране, проводить обучающие семинары и тренинги для персонала, работающего на чувствительных ядерных объектах, и стимулировать пакистанские власти на предотвращение появления новых, «параллельных» сетей нелегального ядерного трафика и ядерной торговли в Пакистане.

И наконец, в-пятых, соответствующие российские организации и службы должны активно обсуждать проблемы ядерного наращивания в Южно-Азиатском регионе и в одностороннем порядке, а также совместно с партнерами из США, Великобритании, других заинтересованных стран, а также по линии МАГАТЭ, ШОС и других международных организаций всемерно подталкивать Индию и Пакистан к обсуждению в рамках их двусторонних отношений мер по замораживанию своих ядерных потенциалов, а также принятию эффективных мер по поддержанию ядерной безопасности в должном виде.

Е. А. Борисова

Центральная Азия: дефицит воды как угроза безопасности

В исследовании Всемирного банка «Доклад о мировом развитии 2011: конфликты, безопасность и развитие» в разделе о Центральной Азии высказано предположение об усилении здесь риска конфликтов. Прежде всего, в таких сферах, как энергетика, водные ресурсы, торговля и транспорт, где пока не удается преодолеть имеющиеся разногласия между государствами региона[1].

При более внимательном рассмотрении этих разногласий оказывается, что почти все они крутятся вокруг одной основной темы — борьбы за воду. В регионе, расположенном в аридной зоне, тема воды напрямую связана с безопасностью всех стран Центральной Азии и воспринимается, как правило, болезненно. Противоречия по поводу ограниченных водных ресурсов и несогласованность действий в отношении их использования провоцируют конфликты и в прочих сферах. В качестве примера достаточно упомянуть «рельсовую блокаду», устроенную Узбекистаном для Таджикистана в 2010 году из-за строительства таджиками Рогунской ГЭС (подробнее о ней будет сказано в соответствующем разделе статьи).

В контексте водной проблемы под Центральной Азией (далее — ЦА) целесообразно понимать не только Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Кыргызстан, но также Северный Афганистан (до Гиндукуша) и Западный Китай (Синьцзян-Уйгурский автономный район), где берут свое начало несколько рек, протекающих по территории перечисленных выше государств. Общие источники пресной воды объединяют это пространство в единый природный организм, они же создают наиболее серьезные угрозы безопасности на всех уровнях, начиная от уровня индивидуума и заканчивая уровнем государства или группы государств. Однако в статье мы ограничимся анализом ситуации в так называемой политической ЦА, образуемой пятью бывшими советскими республиками.

Вообще в политической науке выделяются такие уровни безопасности, как индивидуальный и групповой, социетальный (безопасность отдельного общества или сообщества культурно близких обществ), национальный (безопасность государства), международный и глобальный[2]. В рассматриваемом нами регионе водные баталии ведутся по преимуществу государствами; следовательно, именно государства являются главными акторами борьбы за воду и/или по поводу воды. Соответственно, в данном исследовании будет рассматриваться в основном уровень национальной безопасности. В то же время при анализе угроз национальной безопасности, создаваемых водной проблемой, нельзя обойти стороной международный, в данном случае региональный, уровень. Ведь вода сама по себе не может быть остановлена государственными границами.

Истощение водных ресурсов стало уже угрозой глобальной безопасности, что было признано на международном саммите по изменению климата в Лондоне в 2006 году.

С нашей точки зрения, наиболее значимые аспекты национальной безопасности — экономический, военный, социальный и экологический. Все они всплывают, когда речь заходит о водных проблемах ЦА. Чтобы это доказать, достаточно рассмотреть отношения двух государств — Узбекистана и Таджикистана. Первое из них типически выражает интересы стран нижнего течения рек, второе — стран верхнего течения.

Суть и причины водной проблемы в регионе

Она заключается в том, что на сегодняшний день здесь практически исчерпаны все резервы водообеспечения. Кризис с обеспечением ЦА водными ресурсами обусловлен тремя основными факторами: стремительным ростом населения, загрязнением окружающей среды и изменениями климата. Эти темы актуальны для всего мира, но для аридных зон, а значит, и для ЦА — особенно.

Согласно прогнозу ООН, к 2025 г. население Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Казахстана должно вырасти до 85 млн. человек[3]. Рост населения предполагает рост потребностей в сельскохозяйственной и промышленной продукции. Ведение высокопроизводительного сельского хозяйства в ЦА из-за ее климатических условий возможно только на основе орошаемого земледелия — наиболее водоемкой отрасли хозяйства. Но именно в ней теряется наибольшее количество воды. Сейчас более половины забираемой на орошение воды испаряется и просачивается в мелиоративных системах,

---

[1] См.: Роль конфликта в Центральной Азии усиливается: доклад Всемирного банка // NWfront, 13.06.2011. Доступно на: http://nwfront.info/?p=607, последнее посещение 28.08.2011.

[2] Подробнее см.: Миграция и безопасность в России. Московский Центр Карнеги. М., 2000, с. 16–54.

[3] Данные прогноза приводятся по: Топилин А. Демографический потенциал стран Закавказья, Центральной Азии и общий рынок труда СНГ. Доступно на: http://www.ca-c.org/journal/cac-09–2000/20.Topilin.shtml, последнее посещение 21.06.2011.

не доходя до полей. Для бассейна Аральского моря такие потери составляют 30–40 км^3 в год. Среди климатических факторов испарение вообще занимает ведущее место в формировании водных проблем. Оно приводит к расходованию больших объемов воды не только с орошаемых земель, но и с поверхностей естественных и искусственных водоемов.

Нехватка водных ресурсов усугубляется серьезным ухудшением качества имеющейся воды. А ухудшается оно из-за сброса в реки и коллекторно-дренажную сеть отравленной ядохимикатами и пестицидами воды, используемой в сельском хозяйстве, а также загрязненных промышленных стоков и вод коммунального хозяйства. Минерализация стока Сырдарьи в пределах Ферганы с конца 1960-х до середины 1980 гг. возросла более чем вдвое, что резко изменило ситуацию: была напряженной, стала кризисной[4].

Токсичные отходы и удобрения фиксируются не только в воде, но и в воздухе, в виде устойчивых образований. В 1999 г. в атмосфере над Азией было обнаружено устойчивое аэрозольное образование, состоящее из дыма, серы, несгораемых твердых частиц, углерода, удобрений и других органических соединений. Его назвали Азиатским коричневым облаком. Переименованное потом в Атмосферное, облако задерживает до 15% солнечного излучения, вызывает засуху в центральных районах Азии и увеличивает количество дождей в районах прибрежных[5]. С 2000 г. оно регулярно фиксируется над ЦА.

Изменение климата в ЦА прежде всего проявляется в виде уменьшения осадков и таяния ледников — основных поставщиков пресной воды для рек региона. Запасы пресной воды, консервированные в горных ледниках ЦА, оцениваются в 650 млрд. м^3. С 1957 по 2000 г., т. е. всего за 43 года, запасы воды в ледниках Памиро-Алтая сократились более чем на 25%[6]. И эти процессы продолжаются. Основная причина разрушения ледников — глобальное потепление климата; на него накладываются природные явления (загрязнение ледников пылью, которая переносится пыльными бурями из Афганистана, Ирана, Китая, пустынных районов Центральной Азии) и антропогенная деятельность человека (вынос солей и пыли с осушенного дна Арала[7] и Атмосферное коричневое облако). Осаждение природного и антропогенного аэрозоля на ледники и снежные покровы вызывает изменение отражательной способности снега и льда, увеличивает количество поглощаемой солнечной энергии и усиливает процессы таяния. По данным ЮНЕП, в последние десятилетия произошло повышение приземной температуры воздуха примерно на 0,6° С, в горных районах — на 1,6° С[8]. Дальнейшее повышение температуры воздуха ускорит процесс таяния ледников, что в совокупности с сокращением объема осадков и ростом водопотребления усилит напряженную ситуацию в регионе в средне- и долгосрочной перспективе. По прогнозам таджикистанских специалистов, до 2025 г. исчезнут тысячи мелких ледников, общая площадь оледенения уменьшится на 20%, запасы льда — на 25%. В результате суммарный сток рек, протекающих по территории Таджикистана (Зеравшан, Кафирниган, Вахш и Пяндж), сократится на 7%[9].

Уменьшение осадков четко фиксируется уже в наши дни. Так, по данным Гидрометеоцентра Таджикистана, осенью и зимой 2010–2011 гг. в горах выпало исключительно мало осадков — в пределах от 5 до 15% среднегодовых норм. Между тем в обычные годы к этому времени в горах накапливалось до половины среднегодовых норм запасов снега, служащего основным источником летней влаги в реках региона[10].

Дефицит воды, экспансия пустынь, уменьшение площадей пашни и пастбищ ведут к сокращению производства сельскохозяйственных культур и поголовья скота.

Частичное решение проблемы специалисты видят в коренной перестройке сельского хозяйства. Необходим переход на выращивание засухоустойчивых культур, надо уменьшить площади под хлопчатником, реконструировать оросительные системы, широко внедрять влагосберегающие и возвратные технологии в промышленности, строить опреснительные установки для солевых водоемов и современные очистные сооружения[11]. Все это предполагает огромные финансовые затраты, которые не способна покрыть даже помощь международных организаций. Но и в том случае, если будет осуществлена эта перестройка, проблема неравномерного

---

4 См.: Бушков В. Водные проблемы Центрально-Азиатского региона. Доступно на: http://kungrad. com/aral/http://kungrad.com/aral/ekology/water/. Последнее посещение 05.05.2011.

5 Подробнее см.: The Asian Brown Cloud: Climate and Other Environmental Impacts. UNEP, Nairobi, 2002.

6 Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор, 24 апреля 2008 года/Евразийский банк развития. с. 7. По другим данным, за 1960–2005 гг. на Памиро-Алтае исчезло более тысячи ледников (т. е. 12,5%), на Заилийском Алатау — около ста. См.: Изменение климата и водные проблемы в Центральной Азии. Учебный курс для студентов естественных и гуманитарных специальностей/UNEP — WWF России. Москва — Бишкек, 2006. С. 140.

7 С территории высохшего дна Аральского моря ежегодно выносится на площадь 400 тыс. км2 более одного млн т соли и песка, содержащих остатки удобрений. См.: Водное видение бассейна Аральского моря на 2025 год. ЮНЕСКО, Париж, 2000. Доступно на: http://www.aralvision.unesco.kz/ch_9_r.htm, последнее посещение 28.08.2011.

8 Изменение климата и водные проблемы в Центральной Азии, с. 28.

9 См.: Ясинский В. Сырдарья и Амударья: реки конфликта или сотрудничества? // Мировая энергетика, 2007, № 12. Доступно на: http://www.worldenergy.ru/doc_20_43_2291.html, последнее посещение 28.08.2011.

10 См.: Республике Таджикистан в наступившем году грозит засуха? // ЦентрАзия, 08.01.2011. Доступно на: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1294494240, последнее посещение 28.08.2022.

11 См.: Бушков В. Водные проблемы Центрально-Азиатского региона

распределения воды между странами останется. Ведь свыше 70% водных ресурсов рек Центральной Азии контролируются Таджикистаном и Кыргызстаном: на территории первого формируется 41% общего стока, на территории второго — 29,8%[12].

Проблема распределения водных ресурсов

Неравномерное распределение водных ресурсов остро осознается на фоне их растущей ограниченности, а вслед за этим усиливается и межгосударственное противостояние. Естественно, что «линия фронта» в этом вопросе проходит между вододостаточными странами верховья и вододефицитными странами низовья или — можно сказать и так — между странами гидроэнергетики и странами орошаемого земледелия.

В эпоху плановой экономики система перераспределения водных и энергетических ресурсов в соответствии с потребностями республик работала достаточно эффективно, благодаря чему соблюдались интересы и сельского хозяйства, и энергетической отрасли. После распада СССР эта система в регионе стала расшатываться и в конечном итоге развалилась. Примечательно, что первый толчок активизации усилий Кыргызстана и Таджикистана по строительству новых объектов гидроэнергетики и переводу водохранилищ с ирригационного на энергетический режим дали Узбекистан, Казахстан и Туркменистан. Именно эти государства, богатые энергоресурсами, первыми отказались от бартера, когда определенные объемы воды в вегетационный период шли в обмен на дешевые энергетические ресурсы зимой, начав продавать странам верховья, не имеющим своих углеводородов, газ, мазут и электроэнергию по рыночным ценам. С целью выработки недостающей электроэнергии Кыргызстан и Таджикистан были вынуждены осуществлять попуски воды из водохранилищ в осенне-зимний период, что привело к изменению объема и режима стока рек, к зимним паводкам и недостатку воды в вегетационный период.

В Узбекистане для уменьшения этих негативных последствий по течению Сырдарьи был построен ряд накопительных водных резервуаров. Усилилось внимание к модернизации оросительных систем, были сокращены площади под орошением, наметился переход к посеву менее влагоемких сельскохозяйственных культур. Руководство страны стало активно продвигать идею возведения в ЦА малых гидроэлектростанций — в противовес крупным проектам, которые реализуют Таджикистан и Кыргызстан[13]. В рамках программы действий по охране окружающей среды на 2008–2012 гг. Узбекистаном ведутся работы по закреплению подвижных песков на дне Арала, что позволяет использовать эти территории в качестве пастбищ. Начались также работы по Проекту осушения, ирригации и восстановления лугов и озер в пойме Амударьи. В ее дельте на сегодняшний день созданы локальные водоемы и несколько десятков рыбопромысловых хозяйств[14].

В свою очередь, Казахстан, устав бороться с паводками и затоплением большого количества сел в Южно-Казахстанской области из-за работы Токтогульского гидроузла по энергетической схеме, построил Коксарайский контррегулятор. Это гидросооружение призвано принимать тот объем воды, который раньше выходил из берегов переполненной Сырдарьи и оставлял под собой тысячи зданий и сотни тысяч гектаров полей и пастбищ на территории республики. Согласно планам казахстанского руководства, «летом воду из Коксарая будут направлять на полив сельхозугодий Южно-Казахстанской и Кызылординской областей, а когда чаша водохранилища опустеет, здесь появятся заливные луга. В многоводные годы планируется переброска влаги в Аральское море»[15]. Решая совместно со Всемирным банком аральскую проблему, Казахстан построил плотину между северной и южной частями Аральского моря, что улучшило ситуацию на его территории. Лов рыбы вырос в десять раз, улучшилось качество питьевой воды, а также ирригации[16]. Также Казахстан увеличивает площади с применением влагосберегающих технологий. В 2010 г. они расширились на 11,2 млн га и занимают сейчас 67% зернового клина. Площади капельного орошения выросли в 2,6 раза. Создана законодательная база господдержки мелиоративных работ, в 2011 г. в пилотном режиме началась ее реализация в Южно-Казахстанской области[17].

Все же усилия одной страны, даже приносящие благо всем, кардинально ситуацию изменить не могут. Вопросы использования ограниченных водных ресурсов нужно решать совместно и непременно на рациональной и взаимовыгодной основе. Между тем в межгосударственных отношениях в регионе сегодня наблюдаются две разнонаправленных тенденции — к совместному решению проблем и к усилению конфронтации.

---

[12] Изменение климата водные проблемы в Центральной Азии.., с. 105.

[13] Боришполец К. Центральноазиатский водный вопрос: традиционные позиции и новые акценты. Доступно на: http://www.mgimo.ru/news/experts/document178285.phtml,последнее посещение 10.05.2011.

[14] ИА Regnum, 19.10.2010.

[15] В Южном Казахстане завершено строительство Коксарайского контррегулятора. Доступно на: http://www.ktk.kz/ru/news/video/2010/12/29/11000/, последнее посещение 21.06.2011.

[16] Кокаральская плотина позволила частично восстановить экологию Аральского моря, — президент Всемирного банка // CA-News, 25 марта 2011. Доступно на: http://www.ca-news.org/news/639391, последнее посещение 28.08.2011.

[17] См.: За прошедший год площади с применением влагосберегающих технологий увеличились на 11,2 млн. га — МСХ // ИА Казинформ, 20.01.2011. Доступно на: http://www.inform.kz/rus/article/2342434, последнее посещение 28.08.2011.

Попытки найти взаимоприемлемые решения по регулированию стока рек и распределению водных ресурсов предпринимались с начала 1990 гг., но оказались малоуспешными. Созданные тогда региональные комиссии по распределению квот потребления воды и иные структуры постоянно подвергались критике с разных сторон либо их решения просто игнорировались. Множество вроде бы согласованных многосторонних договоренностей так и не заработали, не дали практической отдачи. Приведем один пример. В июле 2008 г. осложнились отношения между Казахстаном и Узбекистаном из-за невыполнения последним обязательств по транзиту воды из Кыргызстана. Конфликт был вызван нежеланием Узбекистана пропускать через свою территорию воду из Токтогульского водохранилища, предназначенную для полива посевов хлопчатника в южных областях Казахстана. Из 150 кубометров в секунду, которые Кыргызстан обязался поставлять Казахстану в обмен за продажу электроэнергии, в канал Достык поступало лишь 35[18]. Недополученную Казахстаном воду Узбекистан направлял на собственные нужды. И такие односторонние действия для стран региона — в порядке вещей.

В 2009 г. распределение квот между республиками ЦА совсем прекратилось. Только в начале 2011 г. на очередном, 56-м, заседании Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), в которой были представлены все пять республик региона, был вновь подписан протокол о совместном использовании водных ресурсов. Помимо согласования лимитов водопотребления стороны договорились о том, что в зимний период попуски из Токтогульского водохранилища не должны превышать 650 кубометров в секунду, а с Кайракумского водохранилища — 1200. Остающиеся за вычетом попусков водные ресурсы будут аккумулироваться для использования в вегетационный период[19]. Однако сторонам так и не удалось согласовать вопрос об использовании энергетических ресурсов. Да и выполнение достигнутых договоренностей по воде, учитывая опыт предыдущих лет, когда постоянно нарушались согласованные условия межреспубликанского вододеления, тоже остается под вопросом.

На встречах различного уровня представители стран ЦА периодически заявляют о намерении создать водно-энергетический консорциум. С точки зрения решения водно-энергетических проблем это чрезвычайно актуальная и здравая мысль. Однако дальше деклараций дело опять-таки не идет. Кыргызстан и Таджикистан не спешат открыть доступ к управлению своими гидроэнергетическими сооружениями внешним участникам, за что ратуют Казахстан и Узбекистан. Провал планов по созданию консорциума или какого-то другого наднационального органа с делегированием ему значительных полномочий для решения существующих проблем свидетельствует о преобладании узкопонимаемых национальных интересов и над региональными интересами, и над общечеловеческими. А в результате не решаются вопросы, жизненно важные и для безопасности государства.

Если прогресс в выполнении взятых обязательств по распределению водопотребления и происходит, то лишь в области двусторонних соглашений. Работоспособность договоренностей такого формата доказали Казахстан и Кыргызстан. В 2000 году они подписали «Соглашение об использовании водохозяйственных сооружений межгосударственного пользования на реках Чу и Талас». Несмотря на то, что этот документ носит рамочный характер, он позволил перевести в практическую плоскость вопрос о компенсации затрат, связанных с содержанием в рабочем состоянии гидроузлов и водохранилищ Кыргызстана, служащих интересам обеих стран[20]. Вопрос о таких компенсациях Кыргызстан уже несколько лет подряд безуспешно поднимал перед странами нижнего течения. После того как соглашение вступило в силу и был наработан некоторый опыт реализации его положений, стороны сочли полезным создать межправительственную комиссию для оперативного решения практических задач по совместному использованию ресурсов указанных речных бассейнов.

Отношения между Казахстаном и Кыргызстаном по проблемам воды, несмотря на их сохраняющуюся потенциальную конфликтность, являют своего рода модель мирного решения общих проблем. К сожалению, этого нельзя сказать об отношениях между Узбекистаном и Таджикистаном. Они как раз дают «модельный» вариант нарастания межгосударственной напряженности, обусловленной водной проблемой и для обеих стран чреватой серьезными угрозами безопасности.

Узбекистан и Таджикистан: развитие ситуации по негативному сценарию

Главное (но не единственное) яблоко раздора в отношениях двух стран на сегодняшний момент — строительство Таджикистаном Рогунской ГЭС. Если Таджикистану все-таки удастся поднять ее плотину до запланированных 335 м, это будет самая высокая плотина в мире. Завершение строительства Рогуна полностью ликвидирует энергетическую зависимость Таджикистана от Узбекистана.

Узбекская сторона видит в Рогуне прямую угрозу своей национальной безопасности. Во-первых, Рогунская ГЭС находится в зоне, где неоднократно

[18] ИНТЕРФАКС-КАЗАХСТАН, 28.07.2008.

[19] Страны Центральной Азии впервые за 2 года подписали протокол о совместном использовании водных ресурсов // Business издание АкиPress, 13.01.2010. Доступно на: http://business.akipress.org/news: 150221/ — 13.01.2010, последнее посещение 10.05.2011.

[20] Валентини К., Оролбаев Э., Абылгазиева А. Водные проблемы Центральной Азии. Бишкек, 2004, с. 57.

происходили землетрясения: под ее основанием располагается Ионахшский тектонический разлом сейсмической опасностью девять баллов. Согласно расчетам советских ученых, на которые ссылается узбекская сторона, в случае разрушения плотины Рогунской ГЭС высота волны в начале схода из водохранилища составит, в зависимости от его наполнения, от 240 до 260 м. До Нукуса, что на севере Узбекистана, она дойдет высотой в 4–8 м. Волной такой высоты и силы будут снесены все шесть гидроузлов, располагающихся ниже по течению, все жилые дома и предприятия[21].

Не меньше Узбекистан беспокоит и то, что любые изменения объемов и режимов использования стоков рек в регионе в результате строительства ГЭС могут привести к продовольственной и экологической катастрофе. Хотя Таджикистан и утверждает, что будет заполнять водохранилище при Рогуне в течение 8 лет и это серьезно не повлияет на объем стока, узбекская сторона опасается, что в этот период до стран нижнего течения вода доходить практически не будет[22]. Эти опасения оправданны, примеры в истории были. Как раз на этой почве произошел конфликт между Турцией, на территории которой в конце 1980 г. осуществлялось первоначальное заполнение водохранилища Ататюрк, с одной стороны, и Сирией и Ираком — с другой. Тогда сельское хозяйство, энергетика и гражданское водоснабжение нижележащих сторон в бассейнах временно обезвоженных рек Тигр и Евфрат понесли немалый ущерб[23]. У Ташкента есть и еще одно опасение. Оно заключается в том, что, регулируя сброс воды на Рогунской ГЭС, Душанбе сможет намеренно ограничивать объем потребляемой воды Узбекистаном и тем самым диктовать свои условия в любых спорах.

Но пока у Узбекистана, через который проходят практически все коммуникации, ведущие в Таджикистан, значительно больше рычагов давления на таджикскую сторону, чем наоборот. И едва ли не все они задействованы, что ярко показали события 2010 г.. Так, после одностороннего выхода Узбекистана в конце 2009 г. из Единого энергетического кольца ЦА, Таджикистан перестал получать поступавшую через узбекские сети электроэнергию из Туркменистана. Пришлось, в целях обеспечения потребностей страны, в несколько раз увеличить нагрузку на действующие ГЭС, что усугубило энергетические проблемы страны.

Напряженность в отношениях с Узбекистаном вынудили Таджикистан еще в 2008 г. начать строительство ЛЭП-500 «Юг — Север» за счет предоставленного Китаем займа, так как поставки электроэнергии с энергодостаточного юга страны на энергодефицитный север также осуществлялись по электрическим сетям Узбекистана[24]. Проект был закончен в конце 2009 г., и с вводом в действие этой ЛЭП протяженностью 386 км Таджикистан стал обладателем собственной единой энергетической системы. Из-за сложных межгосударственных отношений Таджикистан ограничил и свои торговые отношения с Узбекистаном: если в 2006 г. во внешней торговле первого на долю второго приходилось 38% импорта и 21% экспорта[25], то в 2010 г. Узбекистан в списке основных торговых партнеров Таджикистана вообще не значился. Более того, из-за действий соседа в 2010 г. произошло общее снижение объемов таджикского экспорта в страны СНГ на 25,5%. Львиная доля этих потерь произошла вследствие разрыва единого рынка электроэнергии в регионе и отказа узбекского руководства закупать избыточную электроэнергию, вырабатываемую таджикскими ГЭС в летнее время. В 2010 г. экспорт электроэнергии упал на 95% — по существу, прекратился. В результате холостого сброса воды в 2010 г. Таджикистан потерял до 60 млн долл. в виде упущенной выгоды от продажи электроэнергии на экспорт[26].

Ключевую роль для нормального функционирования таджикской экономики играет железнодорожный транспорт. Из-за особенностей горного рельефа железнодорожное сообщение Таджикистана внутри страны и с внешним миром проходит исключительно через его границу с Узбекистаном. В благополучные годы отношений с соседом 65% всех грузоперевозок Таджикистана осуществлялось по железным дорогам[27], по узбекской территории курсировали пассажирские поезда таджикского формирования Душанбе — Москва, Душанбе — Худжанд и Курган-Тюбе — Худжанд. Когда Узбекистан устроил транспортную блокаду на железной дороге, резко сократился таджикский импорт. По оценке таджикской стороны, объем транзитных грузоперевозок в первом полугодии 2010 г. уменьшился на 40%, экономические потери от задержания грузов на июнь 2010 г. превысили 100 млн. долл.[28] Узбекистан до сих пор продолжает удерживать на своей территории вагоны с оборудованием для Рогунской ГЭС. Из-за действий узбекской стороны сократились и поставки глинозема для основного бюджетообра-

[21] Пирназаров Н. Водная конференция: Рахмон, Каримов и Рогун. Отношения накалились // CA-News, 09.06.2010. Доступно на: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1276065240, последнее посещение 28.08.2011.

[22] Там же.

[23] Валентини К., Оролбаев Э., Абылгазиева А. Указ. соч., с. 43.

[24] Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии…, с. 25.

[25] Там же.

[26] Внешняя торговля в Таджикистане в 2010 // Tsouz.kz. Казахстанский информационный портал. 26.01.2011. Доступно на: www.tsouz.kz/index.php/urlica/index.php?option=com_content&view=article&id=341:-2010&catid=64:-silk-way&Itemid=82, последнее посещение 26.08.2011.

[27] Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии…, с. 27.

[28] Таджикистан: экономический ракурс № 5 (82) // Информационное агентство «ASIA-Plus», 4 июня 2010, Душанбе. Доступно на: http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-ekonomicheskii-rakurs-5-82, последнее посещение 28.08.2011.

зующего предприятия страны — Таджикского алюминиевого завода.

Следует заметить, что поезда из центральной части Узбекистана в Ферганскую и Сурхандарьинскую долины, в свою очередь, проходили через Таджикистан. Поэтому Узбекистан в последние годы инициировал дорогостоящие проекты по переводу внутренних грузопотоков исключительно на свою территорию. На базе железнодорожной станции Авлык запущен международный центр логистики «Ангрен», который будет принимать грузы, доставляемые по железной дороге из различных районов Узбекистана, для дальнейшей их отправки автомобильным транспортом через горный перевал Камчик в Ферганскую долину — в Андижанскую, Наманганскую и Ферганскую области, где проживает более 6 млн человек. Соответственно, в декабре 2009 г. руководство железных дорог Узбекистана предупредило таджикских коллег об отмене движения пассажирских поездов, следовавших через территорию Согдийской области по маршрутам Ташкент — Андижан и Бухара — Андижан. С 1 января 2010 г. Узбекистан отказался от железнодорожной перевозки и коммерческих грузов в Ферганскую долину через территорию Таджикистана. По старому маршруту пока еще перевозятся лишь горюче-смазочные материалы, бензин и дизельное топливо. Прочие грузопотоки и все пассажирские перевозки должны идти через Камчик, и когда он закрывается из-за схода лавин, для связи с Ферганской долиной остается только авиасообщение[29].

Таджикистан тоже ограничил движение своих поездов по узбекской территории. В марте 2011 г. прекратилось их движение по маршруту Душанбе — Худжанд. Взамен таджикские власти приняли решение построить железную дорогу Турсунзаде — Худжанд: она свяжет юг и север республики, соединившись через Шахристанский перевал с железной дорогой в Истаравшанском и Спитаменском районах[30]. Но пока это только в планах.

Транспортная блокада, устроенная узбекским руководством таджикским соседям, ограничивает возможности передвижения населения и приносит огромный экономический ущерб, причем не только Таджикистану. Серьезные потери несет сам Узбекистан. Но узбекские власти блокадой не ограничились, они нашли еще способ давления на соседнюю страну — в одностороннем порядке закрыли пограничное КПП между Самаркандской областью Узбекистана и удаленной Зеравшанской долиной Таджикистана[31]. Это отрезало от внешнего мира на весь зимний период целый регион, так как зимой горные переходы из долины на территорию остального Таджикистана закрыты из-за снега.

Упорство, с каким Узбекистан в течение нескольких лет прибегает к жестким мерам воздействия на южного соседа, свидетельствует об определенном политическом курсе, который никак нельзя назвать способствующим преодолению существующих противоречий. Таджикистан не менее упорно отказывается от компромиссов в отношениях с Узбекистаном, пока тот не прекратит свои «карательные» санкции. Велика вероятность, что пока у власти в Ташкенте и Душанбе будут находиться нынешние лидеры, обе стороны будут следовать политике контролируемой конфронтации без применения силы. Впрочем, нельзя исключать и возможность проведения Узбекистаном военных операций по защите своих интересов в сфере водопользования. Узбекское руководство вообще не стесняется применять оружие, когда, как ему представляется, возникают угрозы национальной безопасности, которая понимается как безопасность государства и власти в первую очередь. Это показали андижанские события, да и заминированные после вылазки боевиков Исламского движения Узбекистана в 2000 г. на узбекскую территорию границы с Таджикистаном до сих пор свидетельствуют о том же.

В новейшей истории уже были конфликты вокруг похожих проблем, завершавшиеся боевыми действиями. В 1955 г. Израиль создал Национальную водохозяйственную компанию для отвода воды из реки Иордан в южные районы Израиля и в пустыню Негев, где численность населения постоянно увеличивалась. В ответ на это в 1964 г. Сирия и Иордания начали строительство дамбы для того, чтобы изменить течение рек Ярмук и Баньяс и помешать Израилю достичь своей цели. Возникшие в этой связи трения стали одной из причин арабо-израильской войны 1967 г., в ходе которой Израиль, помимо того, что оккупировал Голанские высоты, западный берег реки Иордан и сектор Газа, разбомбил дамбу и расширил доступ к Ярмуку и Иордану[32].

* * *

С учетом усугубляющегося в ЦА водного кризиса отсутствие межгосударственных соглашений о распределении воды может привести не только к экономической войне, но и к реальным боевым действиям. У каждой стороны есть достаточно возможностей осложнить жизнь своему соседу. Стоит ли говорить,

[29] Таджикистан — Узбекистан: Рельсовая война? // Информационное агентство «Фергана.news», 08.02.2010. Доступно на: http://www.fergananews.com/article.php?id=6461, последнее посещение 28.08.2011; Таджикистан прекратил движение поездов по маршруту Душанбе — Худжанд // CA-News (UZ), 14 марта 2011/Доступно на: http://www.ca-news.org/news/630141, последнее посещение 28.08.2011.

[30] Таджикистан прекратил движение поездов по маршруту Душанбе — Худжанд.

[31] Паршин Е. Узбекистан vs. Таджикистан: Соперничество за водные ресурсы набирает обороты // Eurasianet.org, 10 декабрь, 2010. Доступно на: http://russian.eurasianet.org/node/58468, последнее посещение 21.06.2011.

[32] Глебова Н. Война из-за воды // АПН, 21.6.2007. Доступно на: http://www.apn.ru/publications/article17290.htm, последнее посещение 05.05.2011.

что совместное решение водной проблемы было бы выгодно всем. Однако неправильно расставленные приоритеты блокируют перспективные возможности. Постоянно выбираемый в данной ситуации приоритет национальной безопасности над любой другой — человеческой, региональной, глобальной — превращает эту самую, узкотолкуемую и однозначно отстаиваемую, национальную безопасность в угрозу как в части её собственных аспектов (экономический, транспортный, социальный), так и по отношению к безопасности более высокого уровня.

Главный камень преткновения тут — это вопрос о суверенитете. Решение проблемы совместного использования трансграничных рек требует делегирования части национального суверенитета в некий наднациональный орган. Или, как минимум, отказа от краткосрочных односторонних выгод, наносящих вред другим сторонам. Однако сейчас мы видим иное: когда интересы национальной безопасности делаются самодовлеющими, в противовес и в ущерб безопасности иных уровней, это едва ли не автоматически делает главной, бдительно охраняемой ценностью как раз то, чем надо бы в известных пределах пожертвовать — национальный (государственный) суверенитет. Более того, руководители государств ЦА, выступая хранителями и трансляторами этого суверенитета, в своих действиях идут еще дальше, отождествляя себя с ним, так что любое посягательство на суверенитет, даже в интересах всеобщего блага, воспринимается ими как личная угроза. Отождествление себя с государством (принцип «Государство — это Я») приводит еще и к тому, что даже сиюминутные личные интересы руководителя становятся более важными, чем будущее всей страны (принцип «После нас хоть потоп»), а в данном случае и всего региона.

Прогнозируя развитие ситуации, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что при своих нынешних руководителях Таджикистан и Узбекистан общего языка не найдут, и в среднесрочной перспективе на добрососедских отношениях между этими странами придется, скорее всего, поставить жирный крест. Равно как и на надеждах на то, что водная проблема в ЦА будет решаться совместными усилиями всех государств, образующих регион.

Сведения об авторах

Акимов Александр Владимирович, доктор экономических наук, заведующий отделом Института востоковедения РАН

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН

Молодякова Эльгена Васильевна, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института востоковедения РАН

Маркарьян Седа Багдасаровна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник-консультант Института востоковедения РАН

Кандалинцев Виталий Геннадьевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Дерюгина Ирина Владимировна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Макеев Юрий Анатольевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Цветкова Нина Николаевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Яковлев Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор факультета мировой политики МГУ

Муранова Анна Петровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Кольцов Александр — кандидат исторических наук

Попов Федор Аркадьевич — кандидат географических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Старченков Геннадий Иванович, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Томберг Игорь Ремуальдович, кандидат экономических наук, руководитель Центра энергетических и транспортных исследований Института востоковедения РАН

Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Авдаков Игорь Юрьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Грайворонский Владимир Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Института востоковедения РАН

Семенова Нелли Кимовна, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Чеснокова Светлана Викторовна, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Крупянко Михаил Иванович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Арешидзе Лиана Георгиевна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки при МГУ

Исаев Владимир Александрович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Филоник Александр Оскарович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Аристова Людмила Борисовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Мельянцев Виталий Альбертович, доктор экономических наук, зав. кафедрой Института стран Азии и Африки при МГУ

Долгов Борис Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Блинов Андрей Андреевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Жигалина Ольга Ивановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН

Сотников Владимир Иванович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Борисова Екатерина Андреевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Научное издание

Восточная аналитика
Ежегодник 2011
Экономика и политика стран Востока

Утверждено к печати учреждением
Российской академии наук
Институтом востоковедения РАН

Редактор М.С. Грикурова
Корректор М.Я. Колесник
Макет, внешнее оформление А.В. Ельцевой

Изд. лиц. ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.
Формат 60x90/8. Усл. печ. л. 27,5. Уч-изд. л. 24
Тираж 200 экз. Заказ №

Институт востоковедения РАН
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Зайцев
107031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Отпечатано в ООО типографии
«Издательство МБА»
119361, Озерная, д. 46
(495) 781-86-28, (495) 625-38-13